This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

+ *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
+ *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
+ *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
+ *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at `http://books.google.com/`

Проверено 1957 г.
Л. И. М.

PSlav 236.4 (1875/4)

ПРОВЕРЕНО
1940 г.

НОЯ 1947

ПРОВЕРЕНО
1955 г.

HARVARD
COLLEGE
LIBRARY

Digitized by Google

Digitized by Google

Digitized by Google

ДѢЛО

ЖУРНАЛЪ

ЛИТЕРАТУРНО-ПОЛИТИЧЕСКІЙ.

ГОДЪ ДЕВЯТЫЙ.

Инв. № 24487

№ 4.

Библиотека С.-Петербургск. Политехнич. Института

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія В. Тушнова, по Надеждинской улицѣ, домъ № 39.
1875.

P. 16442.

Digitized by Google

Pda-326.4 (1875/4)

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 10 апрѣля 1875 г.

HARVARD
UNIVERSITY
LIBRARY
APR 3 1963

Digitized by Google

ГРАЧОВЫ ИЗЪ ГРАЧОВКИ.

ОЧЕРКИ И ВОСПОМИНАНІЯ.

(Памяти друга моего А. Я—ва.)

I.

Конецъ 1859 и начало 1860 года я долженъ былъ, по совѣту доктора, провести въ Ниццѣ. Мнѣ было сказано, что я могу поправить свое здоровье только въ этомъ городѣ. Такимъ образомъ, онъ сдѣлался мѣстомъ моей временной ссылки.

Быть больнымъ, не имѣть около себя ни души знакомыхъ, избѣгать, по совѣту врача, усиленныхъ занятій и жить безвыѣздно въ чужомъ городѣ вообще очень непріятно. Но это еще болѣе непріятно въ Ниццѣ, въ Ментонѣ, въ Кастеламарре, — въ этихъ скучнѣйшихъ изъ скучнѣйшихъ европейскихъ городовъ.

Мѣстное общество въ Ниццѣ не особенно охотно сходится съ иностранцами, да если-бы оно и сближалось съ ними, то въ этомъ было-бы немного утѣшительнаго. Всѣ эти мелкіе собственники, промышляющіе отдачею своихъ квартиръ за возможно дорогую плату, всѣ эти изворотливые буржуа, торгующіе дорогими модными бездѣлушками, содержащіе гостинницы и кафе, всѣ эти безчисленные аббаты, заманивающіе въ свои храмы театральными декламаціями и устраивающіе по вечерамъ въ церквяхъ нѣчто въ родѣ представленій, на которыхъ говорятся проповѣди то исключительно для дамъ, то исключительно для мужчинъ,—однимъ словомъ, всѣ эти люди, алчущіе и жаждущіе только иностранныхъ денегъ и денегъ, не могутъ особенно вызывать на знакомство. Общество-

Digitized by Google

же иностранцевъ состоитъ, большею частью, изъ англійскихъ лордовъ и леди, страдающихъ сплиномъ, да изъ разныхъ больныхъ душой и тѣломъ баръ, находящихся не у дѣлъ. Англичане составляютъ отдѣльный кружокъ и лечутся отъ своего сплина не столько воздухомъ, развлеченіями и сближеніемъ съ окружающимъ ихъ обществомъ, сколько періодическими поѣздками въ Монако, гдѣ они волнуютъ свою застывшую кровь и возбуждаютъ ослабѣвшіе нервы большими ставками на рулеткѣ. Больные духомъ и тѣломъ, оставшіяся за штатомъ знаменитости разныхъ странъ живутъ тоже замкнуто, негодуя и распаляясь злобой на весь міръ за то, что онъ нашелъ для себя болѣе удобнымъ замѣнить ихъ новыми дѣятелями. Если-же они и сходятся съ кѣмъ-нибудь, то только поселяютъ еще бо́льшее уныніе въ душѣ избранной ими жертвы, рисуя предъ нею все такими мрачными красками, какъ-будто не сегодня, такъ завтра должно наступить свѣтопреставленіе.

Въ такой средѣ жизнь становится хотя сколько-нибудь сносною только для того, кто окруженъ своею семьею, кто можетъ дѣлать отдаленныя прогулки, наслаждаясь природой, кто имѣетъ возможность заняться изученіемъ какихъ-нибудь мѣстныхъ явленій. Къ несчастію, я, какъ я уже сказалъ, былъ одинъ, не могъ много ходить, не смѣлъ долго работать.

Меня томила невыносимая скука, и уже просыпаясь, я ждалъ вечера, чтобы укрыться хотя въ театръ — единственное мѣсто, разгонявшее хотя отчасти эту скуку. Втеченіи дня я перечитывалъ всѣ газеты, всѣ объявленія и пристальнѣе всего всматривался въ списки новопріѣзжихъ иностранцевъ, надѣясь найти въ нихъ хотя одно знакомое мнѣ имя. Но мои надежды были напрасны. Только однажды, среди десятка незнакомыхъ именъ, я увидалъ имена людей, которыхъ я зналъ когда-то.

„Княгиня Аврора Грачова, князь Антонъ Грачовъ, баронъ фон-Тифензее, докторъ Симоненко изъ Россіи“, прочелъ я въ спискѣ новоприбывшихъ лицъ.

Сначала я очень обрадовался, прочитавъ эти фамиліи, и даже поспѣшилъ въ свой номеръ, чтобъ переодѣться. Но прежде, чѣмъ я окончилъ свой туалетъ, въ моей головѣ возникли вопросы:

— Зачѣмъ я пойду къ этимъ людямъ? что общаго есть между нами? какими глазами встрѣтятъ они меня? можетъ быть, они даже не узнаютъ меня?

Digitized by Google

Я сбросилъ съ себя свой парадный костюмъ, снова облекся въ свой обычный будничный нарядъ и медленно побрелъ гулять по направленію къ старой части города, гдѣ замѣчается хотя какое-нибудь движеніе, гдѣ слышится смутный шумъ и говоръ мелкихъ торговокъ и торгашей, среди котораго рѣзко и звонко подъ самымъ вашимъ ухомъ прорываются голоса женщинъ, продающихъ свѣжія сардинки.

Я бродилъ довольно долго, потомъ поднялся на терасу надъ кладбищемъ, усѣлся на скамьѣ, развернулъ газету. Но чтеніе какъ-то не шло на-ладъ. Изъ моей головы не выходили прочитанныя мною знакомыя фамиліи.

Эти фамиліи перенесли мое воображеніе къ иной природѣ, въ среду иныхъ людей, нисколько не похожихъ на все окружавшее меня здѣсь. Мнѣ вдругъ вспомнились одинъ изъ уголковъ новгородской губерніи, большая деревня, барскій домъ, барская семья и блѣдненькій, бѣлокурый, курчавый мальчуганъ—кумиръ и душа этой семьи. Этотъ мальчикъ былъ Тоня Грачовъ. Какъ сейчасъ помню я его маленькую, худенькую фигурку, утонувшую въ большомъ креслѣ большой гостиной. Онъ пристально читаетъ книгу, забывъ обо всемъ на свѣтѣ. Но вотъ должно быть въ его головѣ зароились какіе-то вопросы и онъ машинально подноситъ къ губамъ руку и начинаетъ грызть свои ногти.

— Ан-тонъ! медленно и отчетливо раздается въ гостиной холодный и безстрастный женскій голосъ.

Мальчикъ весь вспыхиваетъ, торопливо опускаетъ руку и еще болѣе съеживается въ своемъ креслѣ, точно онъ хочетъ спрятаться отъ всего міра...

Prince Antoine Gratschoff, внесенный въ списокъ новопріѣзжихъ иностранцевъ, былъ, безъ сомнѣнія, никто иной, какъ этотъ самый Тоня.

Но зачѣмъ онъ, этотъ двадцати-двухъ-лѣтній юноша, пріѣхалъ сюда, въ этотъ городъ полнѣйшей праздности и скуки? Неужели онъ такъ сильно болѣнъ, что долженъ лечиться здѣсь? Или не послали-ли доктора сюда на излеченіе его мать? Но неужели онъ не могъ оторваться отъ нея и рѣшился обречь себя на продолжительныя бездѣйствіе и скуку именно въ тѣ лучшіе годы жизни,

Digitized by Google

когда умъ требуетъ пищи, руки—работы? Неужели онъ могъ равнодушно удалиться сюда въ то время, когда тамъ, на родинѣ, живымъ ключемъ бьется пробудившаяся жизнь? Можетъ быть, что и такъ. Можетъ быть, мать успѣла его на-столько привязать къ себѣ, что онъ былъ не въ силахъ разлучиться съ ней. Я зналъ, что она безумно любила его. Да, она его любила именно безумно, и притомъ любила, повидимому, только его одного. Впрочемъ, нѣтъ,—то чувство, которое она питала къ нему, даже нельзя и назвать любовью.

Въ моей памяти воскресли событія, случайнымъ свидѣтелемъ которыхъ былъ я.

Это было лѣтъ четырнадцать, пятнадцать тому назадъ. Я былъ приглашенъ въ качествѣ учителя къ дѣтямъ отставного корнета барона фон-Тифензее, проводившаго каждое лѣто въ деревнѣ князей Грачовыхъ. Фон-Тифензее былъ когда-то женатъ на двоюродной сестрѣ княгини Авроры Федоровны Грачовой и былъ въ эту пору вдовцомъ. Онъ занималъ флигель въ деревенскомъ домѣ Грачовыхъ, то-есть собственно не онъ, а его двое дѣтей и я помѣщались въ этомъ флигелѣ. Самъ фон-Тифензее проводилъ цѣлые дни въ старинномъ деревенскомъ домѣ Грачовыхъ съ хозяйкой дома, должно быть скучавшей безъ мужа, который пріѣзжалъ въ деревню только раза два-три въ мѣсяцъ.

Князь Павелъ Петровичъ Грачовъ былъ полуслѣпой и полуглухой старый генералъ. Низенькій, худощавый, сутуловатый, съ всклоченными сѣдыми волосами, съ непомѣрно большими бакенбардами, въ которыхъ тонуло его сѣроватое, морщинистое и маленькое лицо, въ большихъ очкахъ съ четырьмя синими стеклами, онъ ходилъ постоянно задумчиво и сосредоточенно и, казалось, пережевывалъ свою нижнюю губу. Въ сущности онъ уже давно не имѣлъ никакихъ прямыхъ служебныхъ занятій, но тѣмъ не менѣе дѣла у него было крайне много, такъ-какъ онъ числился членомъ разныхъ комисій и комитетовъ, вольно-экономическаго и географическаго обществъ, нѣсколькихъ филантропическихъ учрежденій и двухъ или трехъ акціонерныхъ компаній. Если онъ и не приносилъ особенной пользы этимъ учрежденіямъ, то только потому, что онъ сдѣлался ихъ членомъ именно въ то время, когда онъ на половину ослѣпъ и оглохъ. Кромѣ того, онъ дѣятельно занимался втеченіи шести или семи лѣтъ составленіемъ какого-то спеціально-

Digitized by Google

военнаго лексикона, отдѣльные тома котораго, не находя еще покупателей, занимали цѣлую комнату рядомъ съ его кабинетомъ, и придумывалъ новую систему ружей, образцы которыхъ, къ сожалѣнію, неудачные, онъ представлялъ почти ежегодно. Такимъ образомъ, Павелъ Петровичъ приносилъ семейную жизнь въ жертву общественной дѣятельности и это не могло пройти безслѣдно для Авроры Федоровны.

Княгиня Грачова была женщина лѣтъ тридцати; она была недурна собой, но смотрѣла слишкомъ холодно, слишкомъ чинно, слишкомъ сухо. Оставшись очень рано безъ матери, она выросла въ домѣ своего стараго отца, гордаго и сухого остзейскаго барона, передъ которымъ трепетали всѣ подчиненные ему люди. Она съ дѣтскихъ лѣтъ привыкла къ рабской покорности окружающихъ и не терпѣла никакихъ противорѣчій. Теплыхъ сердечныхъ отношеній у нея не было, потому что матери она не помнила, а отецъ выражалъ свою любовь къ ней только тѣмъ, что предупреждалъ всѣ ея желанія, окружалъ ее роскошью и заставлялъ всѣхъ повиноваться ей. Высокая, стройная, съ продолговатымъ лицомъ, съ тонкими губами, съ спокойнымъ бѣлымъ лбомъ, съ сѣроватыми свинцовыми глазами, постоянно немного прищуренными, съ роскошными свѣтлыми волосами, она производила впечатлѣніе очень красивой и въ то-же время крайне несимпатичной женщины. Она отталкивала человѣка сразу и, повидимому, не старалась сдѣлать ни малѣйшаго усилія, чтобы сгладить непріятное впечатлѣніе. Что-то безсердечное и недосягаемо-надменное было во всемъ ея существѣ. Казалось, что она считаетъ себя выше всѣхъ людей и не дорожитъ ими, презираетъ ихъ, хотя никто изъ этихъ людей не могъ-бы сказать, что она была съ ними груба, что она не помогла имъ въ крайней нуждѣ, что она обошлась съ ними когда-нибудь невѣжливо. Бѣдняки изъ прихода нѣмецкой петропавловской церкви могли только благословлять ее за благодѣянія. Но эти благодѣянія оказывались такъ, что между княгинею и бѣдными не было никакой внутренней связи: она поручала ключницѣ Каролинѣ Карловнѣ — кругленькой и хитрой нѣмкѣ — разспросить о положеніи бѣдныхъ у дворниковъ, у сосѣдей; послѣ этого повальнаго обыска она посылала вспомоществованіе этимъ бѣднякамъ черезъ лакея, обязаннаго взять у нихъ росписку въ полученіи денегъ. Она не принимала лично этихъ бѣдняковъ даже и тогда, когда они шли къ ней не съ просьбами, а

Digitized by Google

съ благодарностью. Съ прислугой она обходилась отлично, — она говорила каждому лакею *вы*, а не *ты*, но говоря ему *вы*, она какъ-то умѣла сдѣлать это такъ, что разница между нею и этими людьми сразу бросалась въ глаза. Она никогда не бранилась, не сердилась на прислугу, а просто отказывала слугѣ при первой его винѣ, безъ выговоровъ, безъ замѣчаній. Что-то леденящее было въ ея односложныхъ приказаніяхъ:

— Петръ, какъ вы подаете чай? вскользь замѣчала она лакею, не смотря на него, и лакей терялся, конфузился и еще болѣе неловко исполнялъ свои обязанности.

— Вы невыносимы! пожимала она плечами, вставая изъ-за стола и проходя мимо провинившагося слуги, на котораго она даже не глядѣла.

Но эти простыя слова уже заставляли дрожать Петра. Онъ зналъ, что его выгонятъ вонъ. Аврора Федоровна тотчасъ-же по пріѣздѣ мужа въ деревню замѣчала ему за чаемъ на французскомъ языкѣ:

— Нужно взять другого лакея, Петръ подать подноса не умѣетъ.

Затѣмъ разговоръ перемѣнялся. Но черезъ нѣсколько дней являлся новый лакей, а старый отсылался безъ всякихъ разговоровъ на всѣ четыре стороны.

Даже отъ ея отношеній къ барону фон-Тифензее вѣяло такимъ-же холодомъ. Правда, она была близка съ этимъ глубокомысленнымъ нѣмцемъ, но тутъ не было ни любви, ни страсти. Онъ просто былъ ей нуженъ потому, что князь былъ старъ и постоянно сидѣлъ въ четырехъ стѣнахъ своего кабинета или засѣдалъ въ какой-нибудь комисіи, въ какомъ-нибудь обществѣ. Ея выборъ остановился на баронѣ не потому, что баронъ нравился ей болѣе другихъ, но потому, что баронъ былъ еще здоровъ и не старъ, потому что онъ былъ человѣкомъ ея круга, потому что онъ, какъ дальній родственникъ, не могъ компрометировать ее своею близостью, потому, наконецъ, что онъ былъ молчаливъ и неспособенъ хвастать своими побѣдами. Она не ревновала его ни къ кому, она даже не интересовалась его сердечными дѣлами, потому что ей не было никакого дѣла, что творитъ баронъ на сторонѣ въ то время, когда онъ находится не при ней.

— Эта святая женщина! Какъ безропотно она несетъ свой

Digitized by Google

крестъ! говорили про нее въ свѣтѣ, намекая, должно быть, на старость ея мужа.

Но ярче всего обрисовывался характеръ княгини въ отношеніяхъ ея къ дядькѣ маленькаго Тони.

Старый дядька князька былъ вполнѣ оригинальною личностью. Какъ сейчасъ помню я этого худощаваго, сморщеннаго, какъ печеное яблоко, старика. Ему шелъ семидесятый годъ. Его лицо приняло цвѣтъ высохшаго пергамента, составлявшій яркій контрастъ съ серебристыми, густыми и слегка волнистыми волосами. Онъ былъ высокъ ростомъ, немного сутуловатъ, ходилъ опираясь на толстую палку, болѣе походившую на священническій посохъ, чѣмъ на обыкновенную трость. На немъ былъ постоянно надѣтъ двубортный, длиннополый сюртукъ, застегнутый почти до горла; его шея была всегда повязана широкимъ и густонакрахмаленнымъ бѣлымъ галстухомъ съ большимъ бантомъ подъ гладко выбритымъ подбородкомъ. На головѣ его красовался высокій картузъ изъ чернаго плюша съ широкимъ, угловатымъ козырькомъ на зеленой подкладкѣ. Онъ смотрѣлъ нѣсколько строго, говорилъ немного поучительнымъ тономъ и отличался ровностью движеній, неимѣвшихъ ничего общаго ни съ лакейскою развязностью, ни съ холопскою суетливостью.

Взглянувъ на эту степенную и отчасти торжественную фигуру, вы невольно подумали-бы, что это важный баринъ, что это патріархъ семейства.

Вы были-бы правы и не правы.

По лѣтамъ, по любви къ грачовской семьѣ, по дѣятельности— это былъ патріархъ семьи Грачовыхъ. По своему положенію, по своему рожденію, по отношенію къ нему семьи—это былъ послѣдній рабъ, послѣдній дворовый песъ семьи Грачовыхъ.

Люди, подобные ему, вымираютъ. Наши дѣти будутъ знать о нихъ только по нашимъ разсказамъ,—и слава-богу. Да, слава-богу за вымираніе этихъ людей, знавшихъ въ жизни только горе и невзгоды и хранившихъ когда-то насъ въ годы нашего дѣтства. Пора успокоиться и этимъ сторожевымъ псамъ, и въ зной, и въ стужу охранявшимъ насъ, когда мы спали въ нашихъ уютныхъ покояхъ на мягкихъ постеляхъ.

Digitized by Google

Когда-то—это было очень давно—Матвѣй Моисеевичъ, сынъ дворовой дѣвки Марины и неизвѣстнаго отца, оставшись сиротой, былъ взятъ въ домъ стараго князя Ивана Грачова, съ которымъ мальчикъ имѣлъ нѣкоторое сходство, и въ день Петра и Павла подаренъ въ полное владѣніе двѣнадцатилѣтнему князьку Петру Грачову. Мальчику, наряженному въ костюмъ „казачка", было тогда восемь лѣтъ. Иногда князь Петръ, обруганный самодуромъ отцомъ, вымещалъ на „Матюшкѣ" свой дѣтскій гнѣвъ, подбивая казачку глаза или надирая до-красна его уши. Порою князь Петръ, не встрѣчая ни въ комъ ни привѣта, ни ласки, обнималъ и цѣловалъ „Мотю", какъ лучшаго друга, какъ любимаго брата. Бывали дни, когда князю Петру дѣлались противны всѣ люди, наполнявшіе домъ его отца, и онъ ни съ кѣмъ не говорилъ, кромѣ „Матюши". Матвѣй чистилъ князю Петру платье, Матвѣй спалъ на полу у постели князя Петра, Матвѣй по цѣлымъ ночамъ ухаживалъ за княземъ Петромъ во время болѣзни послѣдняго, Матвѣя сѣкли, когда князь Петръ дурно учился или скверно велъ себя.

Все это такъ тѣсно связало двухъ мальчиковъ, что иногда четырнадцатилѣтній казачекъ капризничалъ передъ восемнадцатилѣтнимъ барчукомъ, какъ какая-нибудь избалованная красавица, и барчукъ заботливо и нѣжно старался ублажить и задобрить своего казачка, а порою восемнадцатилѣтній барчукъ награждалъ своего четырнадцатилѣтняго казачка десяткомъ безпощадныхъ пощечинъ, и казачекъ, какъ прибитая хозяиномъ собака, готовъ былъ валяться у ногъ барчука, чтобы вымолить себѣ прощенье и хотя мимолетно поцѣловать избившую его руку.

Они любили другъ друга, своеобразно, не по-человѣчески, но все-же любили, и, можетъ быть, даже гораздо сильнѣе, чѣмъ любимъ мы своихъ друзей.

На двадцатомъ году князь Петръ влюбился,—шестнадцатилѣтній Матвѣй былъ повѣреннымъ князя Петра. Потомъ князь Петръ рѣшился жениться помимо воли родителей, — Матвѣй увезъ для него невѣсту, рискуя попасться и дорого поплатиться за продѣлку. Лѣтъ черезъ шесть послѣ женитьбы князь Петръ поѣхалъ въ походъ,—Матвѣй отправился съ нимъ. Въ первомъ-же сраженіи князь Петръ былъ убитъ,—Матвѣй поскакалъ съ печальною вѣстью къ молодой вдовѣ. Горькая потеря, заботы о маленькихъ дѣтяхъ князя Петра, одиночество вдовы князя Петра, находившейся въ ссорѣ

Digitized by Google

съ отцомъ ея мужа и лишившейся своей матери года за два до смерти мужа,—все это сблизило, сроднило Матвѣя съ вдовою князя Петра.

Мотя былъ пожалованъ въ дворецкіе, названъ Матвѣемъ Моисеевичемъ.

Насталъ короткій промежутокъ въ жизни Матвѣя Моисеевича, о которомъ онъ не говорилъ ни съ кѣмъ, о которомъ старался не вспоминать никто въ семьѣ Грачовыхъ. Сохранилось только темное преданіе, что Матвѣй Моисеевичъ слишкомъ близко сошелся съ молодой вдовой. Сохранился еще у Матвѣя Моисеевича отъ этого времени его портретъ и на этомъ портретѣ изображено такое полное красоты и свѣжести юношеское лицо, что легко повѣрить смутному преданію о романѣ его молодости. Матвѣй Моисеевичъ упрямо молчалъ обо всѣхъ событіяхъ этой поры своей жизни, но онъ постоянно посѣщалъ могилы своего барина и своей барыни, онъ всегда говорилъ о нихъ со слезами. Извѣстно только то, что послѣ смерти барыни въ ея домъ пріѣхалъ старый князь Грачовъ; онъ прошелъ въ комнату внучатъ и велѣлъ прислугѣ отнести ихъ въ его экипажъ.

— А, и ты здѣсь, щеголь! обратился онъ къ Матвѣю Моисеевичу.—Распоряжайся похоронами. Хоронить, какъ хоронили покойную мою жену. Помнишь? Да чтобы все цѣло было, указалъ онъ глазами на вещи,—а сочтемся послѣ.

Послѣ панихидъ и похоронъ, которыми распоряжался Матвѣй Моисеевичъ и на которыхъ акуратно присутствовалъ старый князь, привозя съ собой дѣтей покойной княгини, старый баринъ принялъ въ свое владѣніе всѣ вещи, потомъ позвалъ къ себѣ въ кабинетъ Матвѣя Моисеевича и заперъ за нимъ на ключъ двери. Прислуга, находившаяся недалеко отъ кабинета, подслушала только отрывистыя, глухо произносимыя слова барина и едва слышный шопотъ дворецкаго:

— Что у васъ тамъ было? Говори! слышался гнѣвный вопросъ.

— Ничего не было, едва слышно раздавался отвѣтъ.

— Ничего?.. Теперь говоришь: ничего, а кто распустилъ слухи?.. Не ты бахвалился?

— Нечѣмъ бахвалиться было...

— Нечѣмъ?.. Откуда-же пошли толки?

Digitized by Google

— Злодѣямъ на мертвыхъ-то наговорить не трудно...

— Такъ, значитъ, это все выдумки?..

— Выдумки...

— Ты это помни!.. Если ты кому-нибудь скажешь...

— Говорить-то мнѣ нечего.

— Ну, такъ ты это такъ и заруби себѣ на память, что говорить тебѣ нечего... И если ты хоть кому-нибудь одно слово... Во снѣ если проговоришься... На духу если скажешь... Съ лица земли сотру!..

Черезъ часъ изъ кабинета вышелъ Матвѣй Моисеевичъ съ окровавленнымъ лицомъ, въ разорванномъ сюртукѣ, съ оборваннымъ воротомъ рубашки. Онъ прошелъ передъ прислугою молча, съ поднятой головой, съ странной усмѣшкой на губахъ, и только его грудь дышала тяжело и прерывисто.

— Отошла, видно, коту масляница, насталъ и великій постъ, говорили люди. — Погуляетъ теперь нашъ Матвѣй Моисеевичъ за сохою въ сѣромъ кафтанишкѣ. Жаль парня!

А Матвѣй Моисеевичъ, какъ ни въ чемъ не бывало, на другой-же день велъ за руку на прогулку князя Павла, старшаго внука стараго князя Ивана Грачова.

Черезъ нѣсколько времени къ маленькому князьку взяли гувернера.

— Ты присматривай за французишкой, замѣтилъ старый князь Иванъ Грачовъ Матвѣю Моисеевичу;—если какимъ-нибудь развратникомъ или мерзавцемъ окажется — скажи. Ты у меня за Павла отвѣчаешь!

Однажды французъ разсердился на Матвѣя Моисеевича за то, что тотъ по-своему держитъ князька, будитъ его въ шесть часовъ утра, позволяетъ ему бѣгать по комнатѣ босикомъ, водитъ его въ тонкой обуви по росистому саду, и пожаловался князю.

— Вы его оставьте: онъ знаетъ, какъ нужно держать русскаго ребенка, замѣтилъ старый князь Иванъ Грачовъ гувернеру. — Матвѣй любитъ моего внука больше, чѣмъ я. Матвѣй не слуга, а мой пріемышъ.

Пріемышъ въ это время походилъ лицомъ, какъ двѣ капли воды, на своего воспитателя.

Матвѣй Моисеевичъ, а вмѣстѣ съ нимъ и всѣ въ домѣ сознавали, какъ сильно привязанъ старый князь къ дядькѣ маленькаго

Digitized by Google

князька, хотя князь обращался съ Матвѣемъ Моисеевичемъ покрежнему строго, почти сурово, а Матвѣй Моисеевичъ почти не поворилъ въ присутствіи стараго князя и выслушивалъ всѣ его приказанія молча, наклонивъ голову. Чувства стараго князя къ Матвѣю сказались яснѣе только въ тотъ памятный день, когда юный князь Павелъ Грачовъ отправлялся въ походъ. Старый князь безъ счету обнималъ внука и благословлялъ его на прощаньи; онъ боялся, что юношу постигнетъ роковая судьба его отца и что родъ князей Грачовыхъ угаснетъ.

— Ну, храни тебя Богъ! произнесъ, наконецъ, дрогнувшимъ голосомъ стоявшій на крыльцѣ старикъ, отрываясь отъ внука.

Князь Павелъ пошелъ къ экипажу, кланяясь толпившейся кругомъ дворнѣ. Матвѣй Моисееевичъ, стоявшій во все время прощанья въ сторонѣ съ опущенной головой, тоже очнулся и хотѣлъ идти за молодымъ бариномъ.

— Ну, Матвѣй, береги Павлушу, обратился къ нему старый князь.

Матвѣй Моисеевичъ молча наклонилъ голову.

— Прощай! молвилъ старый князь и протянулъ Матвѣю Моисеевичу руку.

Матвѣй Моисеевичъ хотѣлъ ее поцѣловать, но князь просто пожалъ его руку и, взявъ другою рукою его за голову, поцѣловалъ его въ лобъ. Матвѣй схватилъ руку стараго князя и, покрывъ ее десяткомъ быстрыхъ, горячихъ поцѣлуевъ, бросился къ экипажу. Черезъ минуту экипажъ уже несся по большой дорогѣ, а старый князь всѣ еще стоялъ на крыльцѣ съ поникшей головой и съ опущенною рукою, по которой еще текли оросившія ее слезы Матвѣя Моисеевича.

Князь Павелъ очень удачно окончилъ походъ, но уже не засталъ въ живыхъ стараго дѣда. Пріѣхавъ въ Петербургъ и принимая во владѣніе имѣніе, онъ призвалъ къ себѣ Матвѣя Моисеевича.

— Дѣдъ не забылъ и тебя, Матвѣй Моисеевичъ, замѣтилъ онъ, передавая своему дядькѣ какую-то бумагу.

Матвѣй Моисеевичъ просмотрѣлъ бумагу, усмѣхнулся и положилъ ее въ карманъ.

— Княжнамъ прикажете отвести, ваше сіятельство, другіе покои или оставить ихъ во флигелѣ? спросилъ Матвѣй Моисеевичъ.— Тамъ у нихъ все старенько уже, нужно-бы исправить.

Digitized by Google

— Да, да, дѣдъ мало заботился о сестрахъ съ тѣхъ поръ, какъ онѣ вышли изъ института, вздохнулъ князь.—Ты ужь, другъ, распорядись.

— Слушаю-съ!

И Матвѣй Моисеевичъ началъ по-прежнему хозяйничать въ домѣ, передѣлывать покои двухъ незамужнихъ сестеръ князя Павла, хлопотать объ устройствѣ половины самого князя Павла, заботиться о поправкѣ обветшалаго барскаго дома. О бумагѣ, переданной ему и выражавшей заботливость о немъ покойнаго князя Ивана, повидимому, забылъ и князь Павелъ, и самъ Матвѣй Моисеевичъ, и трудно было сказать, что было написано въ этой бумагѣ: можетъ быть, въ ней отказывался какой-нибудь капиталъ вѣрному слугѣ, можетъ быть, въ ней поручалось ему не оставлять князя Павла, можетъ быть, просто въ ней назначалась въ наслѣдство Матвѣю Моисеевичу та высокая палка князя Ивана, которою такъ часто бивали Матвѣя Моисеевича и съ которою онъ никогда не разлучался.

Дѣдъ князя Павла былъ человѣкъ гигантскихъ размѣровъ, пившій безъ мѣры на пирахъ и никогда небывавшій пьянымъ, державшій десятки любовницъ, проводившій цѣлые дни на охотѣ, не слѣзая съ коня. Отецъ Павла Петровича былъ слабѣе своего отца, но и онъ былъ удалецъ, жившій чисто-животною жизнью, хвалившійся кутежами и бретерствомъ. Но самъ князь Павелъ былъ довольно хилый отъ природы, запуганный съ малолѣтства самодуромъ-дѣдомъ человѣкъ, отличавшійся крайней добротой и очень недалекимъ умомъ. Получивъ, подобно дѣду и отцу, самое поверхностное образованіе, онъ рѣшился пополнить его и началъ заниматься изученіемъ разныхъ военныхъ сочиненій. Прочитавъ десятка два книгъ, онъ, какъ это часто бываетъ съ недалекими по уму самоучками, вообразилъ, что и онъ можетъ писать подобныя книги, что онъ можетъ сдѣлать разныя открытія, и засѣлъ въ своемъ кабинетѣ.

Онъ слылъ за примѣрнаго офицера, былъ извѣстенъ по своей громкой фамиліи и по своему богатству, и потому въ свѣтѣ многія маменьки взрослыхъ дочерей очень жалѣли, что его трудно залучить къ себѣ въ домъ. Не мало дѣлалось попытокъ и составлялось плановъ, чтобы поймать князя Павла Грачова въ женихи той или другой изъ свѣтскихъ барышень, когда всѣ эти попытки и планы рушились совершенно неожиданнымъ образомъ. На одномъ

Digitized by Google

изъ торжественныхъ баловъ ближайшій начальникъ князя Грачова подвелъ его къ одной изъ знаменитыхъ свѣтскихъ красавицъ того времени и замѣтилъ вскользь, но многозначительнымъ тономъ:

— Прелестная была-бы пара!

Черезъ мѣсяцъ послѣ этого бала князь Грачовъ былъ женатъ, а въ свѣтскихъ гостиныхъ при появленіи его и его жены сталъ раздаваться какой-то двусмысленный шопотъ и замѣчались обидныя улыбки. Но князь Грачовъ скоро избавилъ себя отъ необходимости слушать этотъ шопотъ и смотрѣть на эти улыбки: онъ занялся еще усидчивѣе книгами и предоставилъ полную волю красавицѣ-княгинѣ, которая въ пять-шесть лѣтъ на балахъ, на пикникахъ, на маскарадахъ разстроила все имѣніе мужа и умерла послѣ одной изъ безумныхъ поѣздокъ на тройкѣ. Ея появленіе въ домъ Грачовыхъ походило на появленіе урагана, который пронесся надъ домомъ, изломалъ все, перевернулъ все вверхъ дномъ и кончился прежде, чѣмъ успѣли обитатели этого дома обдумать свое положеніе и принять свои мѣры противъ бури.

Плохое положеніе финансовъ и мысль, что древній родъ князей Грачовыхъ долженъ угаснуть, заставили князя очень скоро послѣ смерти жены подумать о второй женитьбѣ. Выборъ его палъ на Аврору Федоровну фон-Шнель. Эта партія оказалась очень выгодною для обѣихъ сторонъ: Аврора Федоровна жаждала мужа съ блестящимъ именемъ и крупнымъ чиномъ, князь нуждался въ богатой невѣстѣ. Аврора Федоровна нашла въ князѣ именно то, чего жаждала она; князь, въ свою очередь, нашелъ въ Аврорѣ Федоровнѣ то, чего недоставало ему. Они повѣнчались и зажили очень мирно: матеріяльное положеніе князя улучшилось, онъ снова спокойно засѣлъ за свои великія кабинетныя занятія, княгиня царила въ свѣтѣ и въ домѣ, нестѣсняемая ни въ чемъ покладистымъ мужемъ. Къ довершенію ихъ супружескаго счастія, у нихъ родился сынъ, князь Антонъ.

Но если князь и княгиня были вполнѣ довольны своимъ положеніемъ, то далеко не такъ счастливы были остальныя лица въ домѣ. Безличныя, очень некрасивыя собою старыя дѣвы-княжны, сестры князя, еще болѣе стушевались и принизились передъ лицомъ надменной и холодной Авроры Федоровны. Есть люди, кото-

Digitized by Google

рые, кажется, за тѣмъ только и являются на свѣтъ, чтобы всю жизнь стараться стушеваться, устрапиться отъ глазъ ближнихъ, и, наконецъ, добиваются того, что никѣмъ незамѣченные сходятъ въ могилы. Посторонніе люди всегда забываютъ и путаютъ имена этихъ нищихъ духомъ и удивляются, слыша, что они еще живы, или узнавая, что они уже умерли. Таковы были сестры князя Павла. При первой-же встрѣчѣ съ Авророй Федоровной онѣ сконфузились, смутились передъ ея величественною фигурой и потомъ уже никогда не могли оправиться отъ этого смущенія. Впрочемъ, Аврора Федоровна смутила не однѣхъ ихъ. Прислуга, распущенная добродушнымъ и недальновиднымъ княземъ и его вѣтреною первою женою, теперь должна была зорко слѣдить за собою, чтобы не лишиться мѣста и милостей ничего непрощавшей и безсердечно взыскательной княгини. Аврора Федоровна, какъ истинная нѣмка, умѣла быть въ одно и то-же время неприступной повелительницей и зоркою ключницей въ своемъ домѣ. Люди должны были покланяться ей, но въ то-же время они должны были и отдавать отчетъ, куда пропалъ десятокъ яицъ, незанесенный въ приходо-расходную книгу. Самъ Матвѣй Моисеевичъ почувствовалъ гнетъ этой женщины и мало-по-малу началъ сознавать, что она далеко не такъ смотритъ на него, какъ смотрѣла на него семья князей Грачовыхъ.

Правда, онъ помнилъ, что многіе изъ семьи Грачовыхъ не только бранили, но даже и бивали его, Аврора-же Федоровна ни разу не сказала ему грубаго или рѣзкаго слова, и все-таки онъ чувствовалъ, что каждый членъ семьи князей Грачовыхъ считалъ его „своимъ“, тогда какъ Аврора Федоровна считала его „чужимъ“ и на-столько видѣла въ немъ слугу, низшее существо, что никогда не унизилась-бы даже до того, чтобы раздражиться ради какого-нибудь изъ его поступковъ. Въ первые-же дни своего замужества она, нисколько того не замѣчая, успѣла оскорбить Матвѣя Моисеевича.

— Моисей, сказала она однажды во время обѣда, — подайте мнѣ мою шаль.

Матвѣй Моисеевичъ не сразу понялъ, что княгиня обращается къ нему.

— Я вамъ говорю, уже строго взглянула на него княгиня.

— Меня, ваше сіятельство, зовутъ Матвѣемъ, замѣтилъ старикъ.

— Мнѣ все равно, какъ васъ зовутъ, холодно отвѣтила кня-

Digitized by Google

гиня. — Но такъ-какъ здѣсь нѣтъ другого слуги, то вы должны понять, что мое приказаніе относится къ вамъ.

Матвѣй Моисеевичъ былъ уколотъ, хотя князья Грачовы очень часто называли его и „Мотькой", и „Матюшкой". Съ этой минуты между Матвѣемъ Моисеевичемъ и княгиней легла какая-то пропасть и Матвѣй Моисеевичъ сталъ постоянно говорить:

— „Наши" и княгиня поѣхали на балъ. „Наши" и княгиня никого не принимаютъ сегодня. У „нашихъ" и княгини были гости.

„Наши"—это были князь Павелъ, старыя княжны, князь Антонъ; княгиня-же никогда не входила въ число „нашихъ". Это была чужая, пришлая женщина, и Матвѣй Моисеевичъ инстинктивно ненавидѣлъ ее.

Впрочемъ, сама княгиня поддерживала эту ненависть, конечно, вовсе не думая о томъ и не задаваясь вопросами о томъ, любитъ или не любитъ ее какой-нибудь „крѣпостной" лакей. Княгиня въ сущности не обращала на него никакого вниманія, какъ на слугу, несвязаннаго съ нею никакими воспоминаніями, и притомъ слугу изъ русскихъ, изъ крѣпостныхъ. Она даже упрекала иногда покорныхъ и приниженныхъ сестеръ мужа за то, что онѣ обращаются слишкомъ фамильярно съ Матвѣемъ Моисеевичемъ. Она дѣлала холодный и пренебрежительный видъ, когда старые знакомые мужа любезно справлялись о Матвѣѣ Моисеевичѣ. Ей было непонятно, какъ могутъ порядочные люди интересоваться слугой. Матвѣй Моисеевичъ очень хорошо видѣлъ и сознавалъ все и все болѣе и болѣе ненавидѣлъ княгиню, но выносилъ ея обращеніе съ свойственнымъ ему достоинствомъ. Онъ былъ крайне радъ, когда на его попеченіе сдали, наконецъ, князя Антона и избавили его отъ необходимости часто встрѣчаться съ княгинею.

Нечего и говорить, что старикъ былъ всею душою преданъ ребенку.

Когда я встрѣтился съ семьею князей Грачовыхъ, князю Антону шелъ уже седьмой годъ, Матвѣю Моисеевичу минулъ семидесятый.

Съ глубокою грустью смотрѣлъ я на этого старика, когда онъ проходилъ съ маленькимъ князькомъ по старому саду, полному, быть можетъ, самыхъ сладкихъ воспоминаній для него. Здѣсь онъ

Digitized by Google

былъ когда-то первымъ другомъ князя Петра Грачова, здѣсь онъ нѣкогда утѣшалъ вдову этого князя, здѣсь онъ самоотверженно слѣдилъ за развитіемъ князя Павла Грачова, здѣсь, можетъ быть, были пережиты имъ такіе дни, такія ночи, какихъ не переживали сами князья Грачовы и о какихъ, конечно, не могла имѣть даже понятія холодная и черствая натура Авроры Федоровны.

Все это прошло, и старикъ, склонивъ полную воспоминаній голову на грудь, медленно проходилъ по тѣнистымъ алеямъ за рѣзвившимся мальчикомъ, сознавая, что это будетъ послѣдній грачовскій птенецъ, выросшій подъ его крыломъ. Положеніе Матвѣя Моисеевича въ домѣ княгини было тѣмъ печальнѣе, что онъ стоялъ въ сторонѣ отъ всей прислуги. Княгиня не любила русской и крѣпостной прислуги и считала невыгоднымъ держать большую дворню. Вслѣдствіе этого она отпустила дворовыхъ на оброкъ и наняла слугъ съ воли.

— Это какіе-то приживалки и дармоѣды, говорила она про дворовыхъ. — Ихъ нужно бранить и наказывать, тогда они будутъ что-нибудь дѣлать. Наемная прислуга тѣмъ лучше, что за первую ея вину можно ее отпустить, не волнуя себя и не унижаясь до дрязгъ съ этимъ народомъ. Да и русскій народъ—грязный народъ.

И дѣйствительно, княгиня, какъ я сказалъ, не ссорилась съ наемною, вышколенною и ходившею по стрункѣ прислугою, которой платились хорошія деньги и отъ которой требовалась чисто-нѣмецкая акуратность. Матвѣй Моисеевичъ не ненавидѣлъ эту прислугу, не гнушался ею, но видѣлъ въ ней „чужихъ людей", несвязанныхъ ни съ нимъ, ни съ грачовскою семьею никакими прочными узами.

— Наемный народъ! лаконически выражалъ онъ свой взглядъ на прислугу, когда кто-нибудь изъ ея среды оказывался виновнымъ въ чемъ-нибудь.

Въ этомъ выражалась вся разница, которую онъ видѣлъ между ними и собою: они были связаны съ семьею Грачовыхъ деньгами, онъ—любовью; ихъ можно было переманить на другое мѣсто, его нельзя было оторвать отъ семьи даже силою. Прислуга тоже косилась на него. Онъ былъ въ ея глазахъ такой-же холопъ, но онъ держалъ высоко свою голову. Онъ былъ презираемъ княгинею, но онъ, повидимому, въ глубинѣ души былъ увѣренъ въ своемъ превосходствѣ надъ нею въ глазахъ грачовской семьи. Онъ былъ

Digitized by Google

крѣпостной человѣкъ, но онъ смотрѣлъ свысока даже на нѣкоторыхъ изъ помѣщиковъ.

— Мы ихъ изъ грязи вытащили, говорилъ онъ мнѣ однажды, когда я спросилъ его, знаетъ-ли онъ одно изъ сосѣднихъ помѣщичьихъ семействъ, посѣщавшихъ княгиню.

Прислуга все это знала и не то насмѣхалась надъ нимъ, не то боялась его. Что-то глубоко-трагическое было въ положеніи этого старика.

Князь Антонъ былъ единственнымъ утѣшеніемъ старика. Мальчикъ иногда утомлялъ своего дядьку, который не поспѣвалъ слѣдить за ребенкомъ. Но все-же дядька не давалъ никому права ходить за мальчикомъ. Онъ позволялъ ему рѣзвиться, онъ позволялъ ему бѣгать, и мальчикъ любилъ его. Иногда, когда Матвѣй Моисеевичъ приходилъ въ гостиную звать его спать, мальчикъ бросался къ нему на руки и обвивалъ руками его шею.

— Ан-тонъ, медленно, ледянымъ тономъ произносила княгиня— и мальчикъ опускалъ руки.

Она обращалась къ дядькѣ:

— Онъ долженъ самъ ходить, не поднимайте его на руки.

Матвѣй Моисеевичъ молча ставилъ на полъ ребенка и такъ-же безмолвно выходилъ съ нимъ изъ комнаты. Но едва успѣвала закрыться дверь гостиной, какъ мальчикъ снова былъ на рукахъ старика, снова обнималъ своего любимца и покрывалъ поцѣлуями его доброе, морщинистое лицо.

Чудные дни провелъ Тоня съ этимъ старикомъ. Многому онъ научился отъ этого старика. Птица-ли пѣла въ саду — старикъ разсказывалъ, какая это птица, какъ и когда она поетъ, гдѣ вьетъ гнѣзда, когда улетаетъ. Лошадь-ли ковали въ кузницѣ,— старикъ объяснялъ, почему куютъ лошадей, какъ это дѣлается, изъ чего приготовляютъ подковы. Трава-ли какая заинтересовывала мальчика—старикъ объяснялъ, какъ называютъ эту траву, когда она цвѣтетъ, на что она годится. Чисто-реальныя познанія и народныя повѣрья мѣшались здѣсь въ той странной связи, которая такъ нравится дѣтямъ.

Въ то лѣто, когда я впервые встрѣтился съ Матвѣемъ Моисеевичемъ, онъ былъ пораженъ сильнымъ горемъ: къ маленькому

Digitized by Google

Тонѣ взяли гувернантку-англичанку, миссъ Дэвидсонъ. Миссъ Дэвидсонъ — женщина среднихъ лѣтъ, сухая, апатичная, чинная и холодная — свято исполняла свои обязанности, то-есть не давала ребенку возможности свободно вздохнуть втеченіи цѣлаго дня. Уже и прежде его стѣсняли въ комнатахъ его матери, гдѣ ему поминутно дѣлали замѣчанія, теперь-же эти замѣчанія дѣлались и внѣ этихъ комнатъ, въ саду, въ дѣтской. Матвѣй Моисеевичъ старался отвоевать себѣ хоть что-нибудь и доказалъ необходимость самолично ѣздить съ Тоней въ церковь, ходить на купанье. Несмотря на это, старикъ почувствовалъ, что у него отнимаютъ его значеніе, что впереди его становится наемный, чужой человѣкъ. Ему было тяжело. Онъ никакъ не могъ понять, почему Тоня не могъ рости такъ-же, какъ росъ князь Петръ, вовсе неимѣвшій гувернера, или какъ росъ князь Павелъ, имѣвшій гувернера, подчинявшагося въ дѣлѣ воспитанія ему, Матвѣю Моисеевичу.

Теперь у Матвѣя Моисеевича оставалось столько свободныхъ часовъ, что онъ не зналъ, куда ихъ дѣвать. Посидитъ онъ, бывало, въ своей комнатѣ, потомъ гулять выйдетъ. А между прислугою идутъ язвительные толки.

— Нашъ Матвѣй Моисеевичъ отъ трудовъ великихъ отдохнуть изволили, теперь поразмяться пошли, острятъ холопы.

Матвѣй Моисеевичъ видитъ насмѣшливыя улыбки и чутьемъ угадываетъ, что смѣются надъ нимъ. Его грызетъ тоска. За обѣдомъ прислуга не успѣетъ подать что-нибудь, княгиня спроситъ:

— Да гдѣ-же Матвѣй?

— У себя-съ въ комнатѣ, отвѣчаетъ лакей.

— Такъ вы-бы хоть ему поручили что-нибудь сдѣлать, вѣдь онъ такъ-же, безъ дѣла сидитъ.

— Они отдыхаютъ, отвѣчаетъ лакей съ едва уловимой усмѣшкой.

Княгиня молча пожимаетъ плечами.

— Я не понимаю, зачѣмъ его здѣсь держатъ! вскользь замѣчаетъ она одной изъ сестеръ мужа, а та робко потупляетъ глаза и начинаетъ перебирать бахрому своей шали.

Послѣ обѣда Матвѣя Моисеевича встрѣчаетъ лакей.

— Княгиня васъ спрашивала, говоритъ онъ.—Сказала, что вы могли-бы и намъ помочь таскать кушанье.

— Это не мое дѣло, сухо отвѣчаетъ Матвѣй Моисеевичъ.

Digitized by Google

— А какое-же ваше-то дѣло? спроситъ мелькомъ лакей съ нахальной усмѣшкой.

Матвѣя Моисеевича всего передернетъ: онъ понимаетъ, что у него въ сущности нѣтъ дѣла, что онъ лишній въ грачовскомъ домѣ. Эта мысль была просто страшна для старика.

Матвѣй Моисеевичъ началъ дѣлаться какимъ-то страннымъ. Онъ ходилъ днемъ, какъ сонный, а вечеромъ далеко за полночь въ его каморкѣ теплился огонь. Неизвѣстно, для чего просиживалъ старикъ такъ долго. Это не ускользнуло отъ вниманія домашнихъ шпіоновъ. Имъ удалось, наконецъ, подсмотрѣть въ замочную скважину, что дѣлаетъ Матвѣй Моисеевичъ въ эти часы безсонницы. Они увидѣли, что онъ сидитъ въ своей комнаткѣ за бутылкой вина и что-то бормочетъ, погруженный въ свои думы. По дому быстро разнеслась вѣсть, что Матвѣй Моисеевичъ началъ пить. Вѣсть эта черезъ десятыя руки домашнихъ доносчиковъ дошла до княгини и княгиня съ еще большимъ презрѣніемъ начала глядѣть на Матвѣя Моисеевича. Она пристально глядѣла на него, когда онъ приходилъ за маленькимъ Тоней, точно желала убѣдиться, не пьянъ-ли старикъ. Но Матвѣй Моисеевичъ, по обыкновенію чинный, серьезный, былъ всегда трезвъ. Княгиня это видѣла и отворачивалась отъ него, точно негодуя, что онъ не былъ пьянъ.

— Уходъ этого старика за Антономъ — это одинъ изъ пунктовъ помѣшательства князя, говорила она барону фон-Тифензее.— Я давно сознаю, что Антону нуженъ гувернеръ и молодой лакей, а не такая выжившая изъ ума человѣческая развалина.

— Да, онъ уже старъ, глубокомысленно согласился, какъ всегда, важный и надутый баронъ.

— Притомъ-же Антонъ по необходимости говоритъ съ нимъ по-русски и потому знаетъ не на-столько хорошо французскій и нѣмецкій языки, на-сколько нужно.

— О, это совершенно вѣрно! опять согласился баронъ и задумался, вѣроятно, о томъ, почему это, говоря постоянно по-русски съ дядькой, Антонъ отвыкалъ отъ иностранныхъ языковъ. Баронъ любилъ задумываться надъ философскими вопросами и былъ сообразителенъ, какъ всѣ нѣмцы, если только ему удавалось употребить на соображеніе нѣсколько часовъ, обдумывая, сколько получится перьевъ изъ одного пера и двухъ карандашей.

Несмотря на всѣ попытки княгини отстранить Матвѣя Мо-

Digitized by Google

исеевича отъ Антона, ей не удавалось этого сдѣлать. Князь, покорный во всемъ и согласный со всѣми, особенно послѣ того, какъ онъ оглохъ, не соглашался съ женою только относительно отставки Матвѣя Моисеевича.

Такъ шло время, и неизвѣстно, долго-ли протянулись-бы эти отношенія барыни и стараго слуги, если-бы не случилось одно совершенно неожиданное событіе.

Антонъ спалъ рядомъ съ комнатой одной изъ тетокъ и она услышала однажды, что мальчикъ стонетъ. Она поспѣшила къ нему въ комнату; оказалось, что у мальчика сильно разболѣлась голова. Княжна позвала свою сестру, и обѣ не знали, что дѣлать: помочь мальчику домашними средствами,—но что скажетъ княгиня, если эти средства не помогутъ? Идти къ княгинѣ и позвать ее,—но можно-ли войти къ княгинѣ въ этотъ часъ, когда она обыкновенно „занимается чтеніемъ“ съ барономъ фон-Тифензее? Съ свойственною имъ робостью и неумѣлостью, княжны, послѣ очень долгаго совѣщанія, при которомъ всѣ планы сначала казались имъ превосходными, а потомъ никуда негодными,—призвали, наконецъ, Матвѣя Моисеевича. Онъ сейчасъ-же распорядился, велѣлъ сдѣлать горчичникъ и послать за домашнимъ докторомъ, который уѣхалъ верстъ за десять къ сосѣднимъ помѣщикамъ.

Эти хлопоты и бѣготня въ домѣ дошли и до слуха княгини. Она узнала, въ чемъ дѣло, и явилась въ комнату сына.

— Что это значитъ: мой ребенокъ болѣнъ и мнѣ не даютъ знать? холодно спросила она, не обращаясь ни къ кому въ особенности.

Княжны потупили глаза и перебирали концы своихъ шалей.

— Я васъ спрашиваю, кто вамъ позволилъ распоряжаться, не доложивъ мнѣ? обратилась она уже къ Матвѣю Моисеевичу, бросивъ на смущенныхъ сестеръ мужа полный глубокаго презрѣнія взглядъ.

— Возможности не было, глухо отвѣтилъ Матвѣй Моисеевичъ.

— Что? переспросила княгиня. — Не было возможности доложить мнѣ? Вы изъ ума выживаете или...

Княгиня не кончила фразы и какъ-то особенно взглянула на Матвѣя Моисеевича.

— Ваше сіятельство сами не приказали безпокоить васъ, когда

Digitized by Google

вы изволите по ночамъ заниматься съ барономъ, отвѣтилъ Матвѣй Моисеевичъ.

Княгиня все еще всматривалась въ него и, наконецъ, произнесла рѣшительнымъ тономъ:

— Отъ васъ виномъ пахнетъ, вы пьяны. Ступайте вонъ.

Матвѣй Моисеевичъ сдѣлался еще блѣднѣе.

— Я вамъ говорю, ступайте вонъ! повторила княгиня. — У ребенка болитъ голова, а тутъ еще люди вносятъ этотъ спиртный запахъ. Тутъ и задохнуться не трудно.

Матвѣй Моисеевичъ, казалось, не вполнѣ ясно понималъ, что его дѣйствительно гонятъ изъ комнаты его князька,—гонятъ въ ту минуту, когда этотъ князекъ болѣнъ. Старикъ не трогался съ мѣста.

— Отворите ему дверь, обратилась княгиня къ лакею и, отвернувшись отъ Матвѣя Моисеевича, наклонилась надъ постелью сына.

Лакей отперъ дверь и съ усмѣшкой посмотрѣлъ на Матвѣя Моисеевича. Старикъ, какъ во снѣ, медленно побрелъ изъ комнаты.

На слѣдующій день отдано было распоряженіе не пускать Матвѣя Моисевича къ больному. Старикъ попробовалъ пройти объясняться къ княгинѣ, но его не пустили и къ ней.

Такъ прошло нѣсколько дней.

Старикъ осунулся, взглядъ его совершенно потускнѣлъ, онъ весь точно помертвѣлъ и бродилъ, какъ тѣнь, поджидая пріѣзда князя. Но прежде, чѣмъ пріѣхалъ князь, на его голову обрушился еще одинъ ударъ.

Старыя княжны, умѣвшія только безмолвно скорбѣть о всѣхъ угнетенныхъ, конечно, не могли ничѣмъ пособить и Матвѣю Моисеевичу, но въ то-же время онѣ не могли удержаться отъ того, чтобы не предупредить старика о грозящей ему бѣдѣ, про которую онѣ узнали совершенно случайно. Дѣло въ томъ, что княгиня, на имя которой были переведены всѣ имѣнія князя, рѣшилась, наконецъ, безъ согласія мужа дать старику „вольную“.

— Ея сіятельство лучше-бы прежде попросили, чтобы я ихъ крѣпостнымъ сдѣлался, да потомъ-бы ужь и писали мнѣ вольную, хмуро замѣтилъ Матвѣй Моисеевичъ, выслушавъ княженъ.

Digitized by Google

— Тебѣ, Матвѣюшка, завтра и бумагу передадутъ, печалились и вздыхали невинныя дѣвственницы, отирая глаза, уже давно лишенные дара слезъ.

Дѣйствительно, на слѣдующій день старика позвали къ княгинѣ, сидѣвшей за утреннимъ чаемъ въ обществѣ барона фонТифензее и старыхъ княженъ. Когда Матвѣй Моисеевичъ вошелъ въ комнату, сама княгиня была поражена происшедшей въ немъ перемѣной: онъ былъ похожъ на покойника.

— Мнѣ съ вами нужно поговорить, произнесла княгиня, и ея голосъ, казалось, былъ мягче обыкновеннаго ея тона.—Вы уже очень стары и довольно поработали.

— Я, ваше сіятельство, никому не жаловался на усталость и никогда не отказывался отъ работы, тихо произнесъ старикъ, и его голосъ былъ какъ-то особенно глухъ.

— Къ сожалѣнію, вы и не могли ни жаловаться, ни сидѣть сложа руки, какъ крѣпостной человѣкъ, мелькомъ замѣтила княгиня и прибавила:—Но вамъ нуженъ отдыхъ. Я даю вамъ пенсію и отпускную. Вы можете нанять себѣ комнату и жить на покоѣ.

— Я, ваше сіятельство, родился въ семействѣ моихъ господъ и желалъ-бы умереть въ ихъ домѣ, замѣтилъ Матвѣй Моисеевичъ.

— Вы знаете, что я не люблю лишнихъ людей въ домѣ и мнѣ пришлось-бы превратить его въ богадѣльню, если-бы я позволила доживать въ немъ вѣкъ всей дворнѣ, проговорила княгиня уже болѣе холоднымъ тономъ, начиная тяготиться разговоромъ съ слугой.—Вотъ ваша отпускная.

Княгиня передала Матвѣю Моисеевичу бумагу.

— Вы напрасно изволили безпокоиться, ваше сіятельство, глухо проговорилъ старикъ.—Я никогда не былъ вашимъ крѣпостнымъ, я былъ крѣпостнымъ князей Грачовыхъ.

— Но крѣпостные князя сдѣлались моими крѣпостными. Впрочемъ, мнѣ нечего разсуждать съ вами объ этомъ, уже совсѣмъ сухо и рѣзко промолвила княгиня.

— Только не я, ваше сіятельство, отвѣтилъ Матвѣй Моисеевичъ.

Княгиня усмѣхнулась.

— Не вы?

— Не я, ваше сіятельство, промолвилъ старикъ.—Я служилъ

Digitized by Google

моимъ господамъ не потому, что я *долженъ* былъ служить, а потому, что я *хотѣлъ* имъ служить, потому что я любилъ ихъ. Вотъ вы эту бумагу писали, ваше сіятельство, а для меня она вотъ чего стоитъ.

Матвѣй Моисеевичъ медленно разорвалъ данную ему вольную.

— Вы забываетесь! гнѣвно произнесла княгиня и ея глаза сверкнули зловѣщимъ блескомъ.

— Я, ваше сіятельство, не былъ вашимъ крѣпостнымъ и не вамъ давать мнѣ вольную, дрожащимъ голосомъ говорилъ старикъ, не обращая вниманія на гнѣвъ княгини.—Васъ еще на свѣтѣ не было, когда блаженной памяти княгиня Анна Дмитріевна Грачова,—упокой, Господи, душу ея!—дала мнѣ вольную. Я ее спряталъ подъ образа и остался, какъ сторожевая собака, около князя. Вы еще и княгиней, ваше сіятельство, не были, а просто фон-Шнелью прозывались, когда князь Иванъ Григорьевичъ Грачовъ,—царство ему небесное!—снова далъ мнѣ вольную, не зная, что я уже давно отпущенъ на волю,—я и эту бумагу положилъ подъ образа и опять остался сторожить покой моего князя Павла Петровича. Вотъ эти бумаги.

Матвѣй Моисеевичъ дрожащею, какъ въ лихорадкѣ, рукою досталъ изъ кармана двѣ пожелтѣвшія отъ времени бумаги.

— Вотъ, ваше сіятельство, это моими законными господами писаныя бумаги, такъ что-же мнѣ въ вашей-то, въ этой-то негодной бумагѣ? глухо проговорилъ старикъ и толкнулъ ногою разорванную и брошенную имъ на полъ отпускную.

— Иди... сейчасъ иди! скрипнувъ зубами и задыхаясь отъ гнѣва, произнесла княгиня, первый разъ раздражившись на слугу и говоря ему *ты*.

Матвѣй Моисеевичъ посмотрѣлъ на нее какимъ-то тусклымъ, свинцовымъ взглядомъ, съ трудомъ засунулъ въ карманъ дрожащею рукою свои бумаги и повернулся, чтобы выйдти изъ комнаты, но при первомъ-же шагѣ онъ наткнулся на стулъ, торопливо протянулъ руку въ воздухъ, какъ-бы стараясь схватиться за что-то, дернулъ другою рукою за галстухъ, точно желалъ освободить шею, шагнулъ еще разъ, но его нога быстро подвернулась подъ него и онъ во весь ростъ, перевернувшись, навзничь упалъ на полъ.

— Убили! въ одинъ голосъ крикнули княжны и бросились къ старику.

Digitized by Google

Княгиня вытянулась во весь ростъ на своемъ мѣстѣ, оперлась руками о столъ и, устремивъ неподвижный отъ ужаса взглядъ на старика, осталась стоять въ какомъ-то оцѣпененіи.

Гдѣ-то далеко въ это время слышался лошадиный топотъ и шумъ катившагося экипажа: это ѣхалъ домой князь Павелъ Петровичъ.

Всѣ эти лица и сцены снова воскресли въ моемъ воспоминаніи и въ моей головѣ зароились вопросы:—Что сдѣлалось теперь съ Тоней? На кого онъ сталъ похожъ? Привились-ли къ нему характерныя черты его матери? Развились-ли въ немъ добрыя наклонности его недалекаго по уму отца?

Мнѣ опять захотѣлось отправиться къ Грачовымъ, но меня удерживала отъ исполненія этого желанія мысль, что я могу въ ихъ домѣ встрѣтиться съ княгиней. Эта женщина была на-столько антипатична мнѣ, что я просто боялся встрѣчи съ нею. Послѣ долгаго раздумья я окончательно бросилъ свои планы о визитѣ къ Грачовымъ.

— Что мнѣ въ нихъ? Что мнѣ за дѣло до того, чѣмъ сталъ князь Антонъ Павловичъ Грачовъ? По всей вѣроятности, изъ него выработалась вовсе неинтересная, дюжинная личность. И что за роль разыграю я, если онъ меня даже не узнаетъ?

Рѣшивъ такимъ образомъ окончательно не дѣлать визита къ Грачовымъ, я мало-по-малу совершенно забылъ о нихъ, когда одинъ совершенно неожиданный случай напомнилъ мнѣ снова о ихъ существованіи.

Прошло уже довольно много времени со дня ихъ пріѣзда. Мое здоровье значительно поправилось, я уже предпринималъ болѣе отдаленныя прогулки и менѣе скучалъ, начавъ очень пристально слѣдить за политическими событіями, которыя представляли въ это время не малый интересъ. Побѣда, одержанная партіей соединенія Италіи и вопросъ о присоединеніи къ Франціи Савойи и Ниццы составляли животрепещущій интересъ дня.

Однажды я пошелъ бродить по городу и былъ пораженъ необычайнымъ движеніемъ, которое сначала ускользнуло отъ моего вниманія. На улицахъ во многихъ мѣстахъ встрѣчались группы лю-

Digitized by Google

дей, сильно спорившихъ и жестикулировавшихъ чисто по-итальянски. Въ двухъ, въ трехъ мѣстахъ спорящіе не ограничивались одною крупною перебранкою, но и показывали другъ другу кулаки. Въ одной группѣ слышались свистки и какія-то насмѣшливыя восклицанія, повидимому относившіяся къ одному господину, спѣшившему удалиться отъ этой группы; когда этотъ господинъ проходилъ мимо меня, я замѣтилъ у него розетку ордена почетнаго легіона въ петлицѣ сюртука,—очевидно, это былъ французъ.

— Что это за господинъ? обратился я къ одному оборванному старику, стоявшему неподалеку отъ группы лицомъ къ солнцу и грѣвшему озябнувшія въ холодномъ жилищѣ руки.

— Агентъ, лаконически отвѣтилъ старикъ ломанымъ французскимъ языкомъ.

— Да развѣ французскіе агенты уже появились?

— Еще-бы! Этотъ пройдоха не опаздываетъ.

Слово „пройдоха", очевидно, относилось къ Наполеону III.

— А вы, значитъ, стоите за Италію? спросилъ я у старика.

— Мы за себя, отвѣтилъ онъ.

Я улыбнулся.

— Вотъ погодите, наши покажутъ себя во французскомъ театрѣ, энергично произнесъ старикъ.

— Что-же, тамъ манифестація готовится?

— Будетъ жарко!

„Вотъ и развлеченіе", промелькнуло у меня въ головѣ. Я направился домой обѣдать и рѣшился вечеромъ непремѣнно быть въ театрѣ.

Вечеромъ, когда я входилъ въ первые нумерованные ряды партера, театръ былъ уже полонъ и шумѣлъ. Задніе, ненумерованные ряды партера и раекъ были набиты биткомъ. Публика шумно разговаривала внизу и иногда завязывала разговоры съ кѣмъ-нибудь, сидѣвшимъ наверху. Порою изъ райка высовывалась какая-нибудь всклоченная и загорѣлая голова уличнаго мальчишки - ниццарда и раздавался возгласъ:

— Оге, Джузеппино!

— Ого, Беппо! слышалось изъ партера.—Убѣжалъ отъ матери?

— Какъ-же! Смотри!

Digitized by Google

Сверху высовывалась черезъ барьеръ грязная рука съ горстью каштановъ.

— Хо, хо! слышался снизу одобрительный смѣхъ.

— Тише вы! раздавался чей-то басъ.—Ахъ, ужь эти мальчишки!

На минуту собесѣдники умолкали, потомъ перекличка завязывалась между зрителями противоположныхъ сторонъ райка.

Меня крайне занималъ весь этотъ гамъ и шумъ. Но, повидимому, онъ еще сильнѣе интересовалъ двухъ другихъ посѣтителей театра, сидѣвшихъ тоже въ переднемъ ряду партера, но на противоположномъ отъ меня концѣ. Эти личности были изъ иностранцевъ, что можно было заключить по ихъ изящному туалету, которымъ не отличаются ниццарды, посѣщающіе партеръ. Одинъ изъ этихъ иностранцевъ былъ лѣтъ двадцати, двадцати двухъ. Его прелестная, крайне моложавая, бѣлокурая и курчавая голова невольно приковывала вниманіе. Голубые глаза, правильныя, темныя брови, длинныя рѣсницы, прекрасно очерченный ротъ и бѣлые, ровные зубы,—все это дышало красотою. Но съ перваго-же раза можно было сказать, что этотъ юноша болѣнъ, и болѣнъ опасно: онъ былъ худъ, его щеки горѣли лихорадочнымъ румянцемъ, его грудь тяжело дышала и онъ почти синѣлъ, начиная время отъ времени усиленно кашлять. Яркій контрастъ съ нимъ представлялъ его собесѣдникъ. Это былъ заплывшій жиромъ, сальный, если можно такъ выразиться, человѣкъ, съ широкою улыбкою, при которой открывался его необъятный ротъ, какъ-бы предназначенный самою природою для истребленія невообразимыхъ запасовъ пищи. Молодой человѣкъ не могъ посидѣть спокойно на мѣстѣ ни одной минуты и какъ-то нервно двигался и смѣялся, тормоша за рукавъ своего сосѣда и передавая ему свои наблюденія. Толстякъ, напротивъ того, точно прилипъ къ своему мѣсту и съ сладостнымъ выраженіемъ полнаго блаженства только кивалъ головою въ отвѣтъ на всѣ замѣчанія своего подвижнаго собесѣдника.

Мнѣ показались эти лица почему-то знакомыми, но я не могъ сразу вспомнить, гдѣ я ихъ видѣлъ.

Шумъ между тѣмъ понемногу утихъ; подняли занавѣсъ и начали играть одинъ изъ нелѣпѣйшихъ пале-рояльскихъ водевилей съ массою карикатурныхъ личностей и невообразимо глупыхъ приключеній. Пьеса, очевидно, была разсчитана на вкусы толпы, и въ

Digitized by Google

другое время она, вѣроятно, вызвала-бы неудержимый хохотъ райка и партера. Но на этотъ разъ партеръ и раекъ встрѣтили начало пьесы въ гробовомъ молчаніи. Наконецъ, на сцену появилось главное дѣйствующее лицо, одѣтое въ какой-то невообразимый костюмъ: въ голубой фракъ и желтые панталоны.

— Ого! раздался почти дѣтскій голосъ въ райкѣ при появленіи артиста, и въ театрѣ пронесся смутный ропотъ неодобренія, относившійся къ артисту, а не къ крикуну-мальчугану.

Артистъ не растерялся и принялся за усердное исполненіе своей роли и бойко произнесъ первую плоскую остроту, которая должна была разсмѣшить толпу.

— А-чхи! оглушительно чихнулъ кто-то въ партерѣ въ отвѣтъ на эту остроту, и въ ту-же минуту въ райкѣ раздалось тоже чиханье, но совершенно дѣтское.

Въ театрѣ послышался смѣхъ. Артисты были уже сконфужены и кое-какъ доиграли первый актъ.

— Что они насъ за дураковъ, что-ли, считаютъ!

— Это полишинели, а не актеры!

— Какъ дѣтей забавляютъ гримасничаньемъ!

— А ты славно чихнулъ!

— Оге, Беппо, не съѣлъ каштаны?

— Эге, вотъ они!

Эти толки и крики сливались въ одинъ неясный и неудержимый шумъ. Но вотъ началось второе дѣйствіе и въ театрѣ снова настала тишина,—тишина необычайная въ театрѣ, гдѣ присутствуютъ итальянцы. Наконецъ, настала минута, когда водевильная путаница должна была перейдти въ площадное, балаганное кривлянье съ паденіями героевъ пьесы на полъ, съ взаимными оплеухами актеровъ. Едва успѣла раздаться первая пощечина, какъ въ партерѣ раздался свистокъ.

— Вонъ французовъ! Не нужно французовъ! послышалось въ ту-же минуту со всѣхъ концовъ театра.

— Да здравствуетъ Франція! грянулъ чей-то голосъ.

— Да здравствуетъ Италія! Да здравствуетъ нашъ Гарибальди! грянулъ отвѣтъ.

— Къ намъ, Джузеппино! Вонъ французовъ!

Въ партерѣ началось смятеніе, изъ райка полетѣла на сцену горсть жареныхъ каштановъ. Я поднялъ голову наверхъ и уви-

Digitized by Google

далъ черномазаго Беппо, высунувшагося за барьеръ и махавшаго изодранной шапкой съ крикомъ:

— Да здравствуетъ Италія!

— На сцену! крикнулъ кто-то внизу.

— Гони ихъ!

Толпа ринулась какъ потокъ, прорвавшій плотину, на сцену,— партеръ опустѣлъ въ минуту. Я прижался къ стѣнѣ и видѣлъ, какъ толпа разбрасывала на сценѣ все попадавшееся ей подъ-руку и дралась съ приверженцами присоединенія Ниццы къ Франціи. Въ эту минуту мнѣ ясно послышался прерывистый голосъ, говорившій по-русски.

— Да кричите-же, докторъ: да здравствуетъ Италія! Вы настоящій тюлень!

— Вы знаете, что мнѣ вредны волненія послѣ обѣда, юмористическимъ тономъ отвѣчалъ другой голосъ.

— Вредно, вредно! Ходячее брюхо! сердито возразилъ первый голосъ и началъ кричать:—Да здравствуетъ Италія!

Я отыскалъ глазами собесѣдниковъ и узналъ въ нихъ болѣзненнаго юношу и толстяка. Юноша уже готовился бѣжать на сцену, гдѣ происходила свалка.

— Куда вы, куда вы! Васъ задавятъ! кричалъ толстякъ, удерживая его.—Пойдемте домой.

— Домой? нервно и желчно воскликнулъ юноша. — Тутъ надо воодушевлять, поддерживать, а вы зовете домой! Стыдитесь!

Онъ вырвался изъ рукъ толстяка и черезъ минуту былъ уже на сценѣ. Онъ весь сіялъ: его глаза и щеки горѣли огнемъ, его густые, курчавые волосы были откинуты назадъ, его голосъ звучалъ громче всѣхъ голосовъ.

— Солдаты! Полиція! вдругъ крикнулъ кто-то.

— Гасите огни! раздался крикъ толпы.

Черезъ минуту въ зрительной залѣ воцарилась полнѣйшая тьма.

— Князь, князь, гдѣ вы? слышалъ я голосъ толстяка, и въ тонѣ этого голоса уже слышался испугъ.—Вѣдь вотъ я говорилъ, что это до добра не доведетъ. Чортъ знаетъ, и самъ не будетъ всю ночь спать, и мнѣ придется съ нимъ остаться безъ сна. Нѣтъ, это надо кончить. Этакая жизнь просто убьетъ меня, ворчалъ толстякъ, спотыкаясь впотьмахъ о скамьи и ощупью отыскивая выходъ.

Digitized by Google

— Да здравствуетъ Италія! гдѣ-то далеко пронесся молодой голосъ, въ которомъ легко было узнать голосъ русскаго юноши.

— Шальной, право шальной! пробормоталъ толстякъ.—И гдѣ я его теперь отыщу? Чортъ знаетъ, куда забрался, точно съ того свѣта кричитъ...

Въ эту минуту кто-то схватилъ его за руку и я услышалъ сухой приказъ:

— Задержите этого человѣка!

— Этого только не доставало! плачевнымъ тономъ воскликнулъ толстякъ.—Въ кутузкѣ еще заставятъ провести ночь на голыхъ доскахъ. Не ожидалъ!

И онъ началъ торопливо что-то объяснять на ломаномъ французскомъ языкѣ задержавшимъ его полицейскимъ.

— Доктёръ... доктёръ Симоненко... Пти рюсь... пти рюсь! раздавался его молящій голосъ, и мнѣ даже показалось, что онъ плачетъ.

Довольно долго не выходила у меня изъ головы сцена въ театрѣ. Образъ болѣзненнаго и нервнаго юноши съ его подвижными и торопливыми движеніями и эта заплывшая жиромъ, комическая фигура доктора носились передъ моими глазами. Не такимъ я представлялъ себѣ Антона Грачова, не такимъ воображалъ доктора Симоненко.

Доктора Симоненко я зналъ еще тогда, когда онъ кончилъ курсъ въ медико-хирургической академіи и былъ рекомендованъ мною барону фон-Тифензее. Тогда это былъ худощавый бѣднякъ, плохо кормившійся и очень комично вздыхавшій, когда ему приходилось идти мимо какого-нибудь ресторана.

— Я вѣдь гастрономомъ созданъ. Взгляните на мой ротъ—и вы поймете, что я созданъ только для ѣды, комично замѣчалъ онъ, показывая свою дѣйствительно огромную пасть.

Мы смѣялись, потому что этотъ гастрономъ питался въ то время не лучше насъ. Теперь, повидимому, онъ попалъ на свой настоящій путь. Но гдѣ-же я встрѣчалъ его въ послѣднее время? думалось мнѣ, такъ-какъ эта толстая фигура, нисколько не напоминавшая прежняго Симоненко, была мнѣ знакома. Наконецъ, я

Digitized by Google

вспомнилъ, что я видѣлъ его здѣсь раза два выходящимъ изъ кафе.

Меня опять заинтересовалъ вопросъ о визитѣ къ Грачовымъ, о возобновленіи знакомства съ Симоненко, но текущія событія настолько поглощали мое вниманіе, что я откладывалъ визитъ къ нимъ со дня на день. Въ городѣ происходилъ цѣлый рядъ демонстрацій, за которыми я, конечно, слѣдилъ съ напряженнымъ вниманіемъ.

Нѣкоторыя изъ этихъ демонстрацій имѣли чисто-комическій характеръ, другія оканчивались довольно грустно. Если театральныя свалки окончились безъ всякихъ послѣдствій, то сцена съ однимъ изъ французскихъ агентовъ, подкупавшихъ народъ, прошла далеко не такъ благополучно. Агента схватили на улицѣ, притащили къ старому мосту и сбросили въ потокъ. Кто знаетъ этотъ потокъ, раздѣляющій Ниццу на двѣ части, тотъ пойметъ, что паденіе въ потокъ не представляетъ никакой опасности въ зимнее время и можетъ окончиться развѣ только ушибомъ о сухое, каменистое дно. Но совсѣмъ не такъ легко можно отдѣлаться, упавъ въ этотъ потокъ весною, когда съ горъ сбѣгаютъ снѣга, и потокъ, едва струящійся въ зимнее время, превращается теперь въ настоящую рѣку, быстро несущую свои мутныя, желтоватыя воды. Несчастному французскому агенту пришлось совершить путешествіе по рѣкѣ именно въ такое время таянія горныхъ снѣговъ, и не знаю уже, какимъ чудомъ ему удалось освободиться изъ волнъ прежде, чѣмъ онѣ донесли его до моря.

Насталъ, наконецъ, и день всеобщей подачи голосовъ, когда весь этотъ волновавшійся народъ, при помощи ловкихъ интригъ, подалъ голосъ за Францію.

— Продали родину за бутылку вина и пару сигаръ, говорилъ мнѣ одинъ знакомый старикъ, смотря, какъ вступали въ городъ французскія войска.

Дѣйствительно, многимъ изъ подававшихъ голоса давалось по бутылкѣ сквернѣйшаго вина и по парѣ еще болѣе скверныхъ сигаръ.

Вступленіемъ въ городъ французскихъ войскъ оканчивался періодъ случайнаго оживленія Ниццы и наставала пора обычнаго затишья.

Весна вступала въ свои права, на улицахъ становилось жарко.

Digitized by Google

На берегу, около рыбнаго рынка, уже давно купались десятки мальчишекъ; рисковали начать купанье и нѣкоторые изъ англичанъ. Наставало время, когда уѣзжаютъ люди, зимовавшіе въ Ниццѣ.

Я тоже собирался въ путь.

Однажды, гуляя, я зашелъ въ одно изъ кафе, и первое, что мнѣ бросилось въ глаза, былъ Симоненко. Онъ сидѣлъ за отдѣльнымъ мраморнымъ столикомъ, передъ нимъ стояло блюдо съ ростбифомъ. Толстякъ пережевывалъ громадные куски мяса такъ громко, что его „чавканье" разносилось по всей комнатѣ; его лицо дышало выраженіемъ полнѣйшаго блаженства.

— Докторъ, возможно-ли въ такую жару, въ Италіи есть ростбифъ! шутливо замѣтилъ я, подходя къ нему.

Онъ съ изумленіемъ откинулся на спинку стула и, переставъ жевать, съ заложеннымъ за щеку кускомъ мяса, смотрѣлъ на меня во всѣ глаза.

— Ба-ба! произнесъ онъ и не могъ продолжать дальше, потому-что кусокъ мяса засѣлъ у него въ горлѣ.

Онъ закашлялъ, засмѣялся, замахалъ руками и, наконецъ, проглотивъ роковой кусокъ и раскраснѣвшись до маковки облысѣлой головы, закричалъ мнѣ:

— Ну вотъ, тысячу лѣтъ не видались и пришли уморить!

Потомъ его мягкая и нѣсколько влажная рука крѣпко стиснула мою руку, а черезъ минуту Симоненко уже уничтожалъ снова остатки ростбифа и тараторилъ не умолкая. Разсказы, воспоминанія, анекдоты, плохіе каламбуры и сальныя остроты лились съ языка доктора неудержимымъ потокомъ.

Съ перваго раза онъ производилъ впечатлѣніе пустого и довольно недалекаго по уму болтуна. Но всматриваясь въ него попристальнѣе, вы не могли не замѣтить его лукавыхъ черненькихъ глазъ, заплывшихъ жиромъ, но смотрѣвшихъ умно и зорко. Правда, онъ говорилъ много пошлостей и глупостей, но при большей или меньшей наблюдательности можно было замѣтить, что онъ не такъ глупъ, чтобы придавать этимъ пошлымъ каламбурамъ и сальнымъ остротамъ серьезное значеніе; онъ, кажется, просто произносилъ ихъ и напиралъ на нихъ потому, что считалъ каждаго изъ своихъ собесѣдниковъ на-столько глупымъ, что его разсмѣшатъ и эти каламбуры, и остроты. Онъ не ошибался: каламбуры и остро-

Digitized by Google

ты вызывали смѣхъ. Я еще наблюдалъ его, когда онъ, разсказывая о своихъ похожденіяхъ, воскликнулъ:

— Я вѣдь чревоугодникъ!

Я улыбнулся.

— Чего вы улыбаетесь? спросилъ докторъ.

— Я только-что думалъ о томъ, что вы такое, и пришелъ къ заключенію, что вы человѣкъ себѣ-на-умѣ, отвѣтилъ я.

— Да вѣдь я малоросъ, добродушно пояснилъ Симоненко.

— Доктёръ Симоненко... пти рюсь! проговорилъ я, подражая его голосу.

Толстякъ залился смѣхомъ, какъ-то всхлипывая и задыхаясь.

— Такъ вы видѣли эту сцену? говорилъ онъ.—Какъ-же, какъ-же, въ полицію хотѣли стащить... Едва отдѣлался... А вѣдь всему виноватъ его сіятельство Антонъ Павловичъ. „Кричите, говоритъ, да здравствуетъ Италія!“ Да чортъ-ли мнѣ, говорю, въ ея здоровьи, мнѣ свое дороже. „Какъ вамъ не стыдно, говоритъ: тутъ нужно воодушевлять, поддерживать народный патріотизмъ. Что-бы вы сказали, говоритъ, если-бы у Россіи насильно стали отрѣзать чужіе люди какой-нибудь городъ?.“ И вѣдь говоритъ это, а самъ волнуется, нервничаетъ, точно капризная барыня.

— Скажите, пожалуйста, князь Антонъ нездоровъ? спросилъ я.

— Кранкенъ, очень кранкенъ. Годъ, пожалуй, еще протянетъ, а дальше ни-ни! вздохнулъ Симоненко и скорчилъ комично-грустную гримасу.

— Вы его и лечите?

— Да. Я хотѣлъ съ его папахеномъ остаться.

— Да развѣ старикъ еще живъ?

— Живъ, живъ и княжны живы. Его сіятельство только совсѣмъ оглохло и ослѣпло, а живо и бодро. „Я, говоритъ, теперь все какой-то шумъ слышу и вижу только одну точку“. Такъ теперь вся его жизнь и проходитъ въ слушаніи этого шума и въ смотрѣніи на эту точку.

— А княжны?

— Ничего, теперь въ жиръ пошли и совсѣмъ волоса потеряли. Фаншончиками и бантиками плѣшины прикрываютъ... Я вотъ съ ними и хотѣлъ остаться. Онѣ, знаете, ѣдятъ по-человѣчески, — кулебяки [illegible] у нихъ, бокъ какой-нибудь съ начинкой и сами

Digitized by Google

отъ все улыбаются да приговариваютъ: кушайте, кушайте!.. А вѣдь тутъ у княгини съ голоду помереть можно: княгиня, какъ всегда, талью боится испортить и питается нѣмецкими вассеръ-супами да люфтъ-супами; князь Антонъ нервничаетъ и только такъ, для блезира, садится за столъ; баронъ, — баронъ, какъ вы знаете, удовлетворяетъ всѣ свои потребности на сторонѣ, въ часы, свободные отъ служебныхъ занятій при княгинѣ.

Симоненко какъ-то двусмысленно подмигнулъ мнѣ своими масляными глазками.

— Я все хотѣлъ заглянуть къ вамъ, да думалъ, что буду лишнимъ, замѣтилъ я.

— Вы-то? Да Антонъ Павловичъ обрадовался-бы вамъ, какъ лучшему другу. Его вѣдь тоска загрызла. Вотъ и теперь отъ тоски задумали спасаться: завтра собираемся въ путь-дорогу.

— Вы уже уѣзжаете?

— Да. Скучно здѣсь Антону Павловичу. „Подлецы, говоритъ, здѣсь люди, продали родной городъ...“ Да это онъ только такъ. Что ему за дѣло, кому принадлежитъ Ницца—Франціи или Италіи? Просто радъ придраться къ случаю, чтобы обругать кого-нибудь. Онъ вѣдь на всѣхъ теперь набрасывается. А ужь пуще всего княгинѣ достается.

— Княгинѣ?

— Да... Да она, по правдѣ сказать, и стоитъ того. Плохую тоже штуку съиграла съ нимъ.

— А что?

— Это цѣлая исторія.

— Тайна?

— Тайна, да только чужая, а не моя.

— И потому вы можете ее открыть за бутылкой добраго вина.

— И безъ бутылки могу открыть, но за бутылкой вдамся въ подробности.

— Ну, такъ ужь потолкуемте за бутылкой.

Докторъ началъ мнѣ разсказывать исторію Антона Павловича, смакуя красное вино и поглощая непомѣрное количество ломтиковъ честера.

А. Михайловъ.

(*Окончаніе будетъ.*)

Digitized by Google

РЫБАКЪ.

(Изъ Гете.)

Шумитъ потокъ, бѣжитъ потокъ;
Рыбакъ сидитъ надъ нимъ
И дрогнетъ весь, на поплавокъ
Все смотритъ, недвижимъ.
Вдругъ шевельнулась бездна водъ—
Рыбакъ, тревоги полнъ,
Глядитъ: встаетъ, къ нему плыветъ
Красавица изъ волнъ.

Она поетъ, поетъ съ тоской:
„Зачѣмъ изъ бездны водъ
„Влечешь на смерть, красавецъ злой,
„На берегъ мой народъ?
„Когда-бъ ты зналъ, какъ вольно тамъ,
„Въ прозрачной глубинѣ,
„Ты-бъ знойный брегъ оставилъ, самъ
„Спустился-бы ко мнѣ.

„Не ярче-ль солнце на волнахъ
„Прохладной глубины?
„И отраженъ, дрожа въ струяхъ,
„Прекраснѣй ликъ луны.
„Какъ чуденъ въ волнахъ неба сводъ!
„Взгляни: вонъ образъ твой
„Тебя манитъ, сюда зоветъ,
„Красавецъ молодой.“

Шумятъ струи, бѣгутъ струи;
Рыбакъ тревоги полнъ:
Ему звучитъ, какъ зовъ любви,
Та пѣсня изъ-подъ волнъ.
Она поетъ, зоветъ: „сюда,
„Красавецъ молодой!“
Онъ уступилъ, — и навсегда
Изчезнулъ подъ водой.

Я. Старостинъ.

Digitized by Google

ИСПОВѢДЬ СТАРИКА.

РОМАНЪ

ИПОЛИТА НЬЕВО.

(Переводъ съ итальянскаго.)

ГЛАВА III.

Первое знакомство съ свѣтомъ.

Новыя наслажденія и новыя огорченія все болѣе и болѣе разнообразили мое существованіе. Главнымъ источникомъ первыхъ были почти ежедневныя открытія, которыя я дѣлалъ за предѣлами Фраты въ моихъ прогулкахъ, все болѣе и болѣе удалявшихся отъ этого центра моего міра. Въ числѣ вторыхъ, послѣ капризовъ, вѣроломствъ и измѣнъ Пизаны, главную роль играли вторая часть Confiteor и вертелъ. Въ замкѣ всѣ ежедневно исполняли свое назначеніе, каково-бы оно ни было, за исключеніемъ вертела, вступавшаго въ исправленіе своей обязанности только по торжественнымъ днямъ. Изъ-за пары курицъ не стоило безпокоить эту почтенную машину, и должность ея исправлялъ Карлино. Кухарка насаживала курицъ на желѣзный прутъ, который упирался однимъ концомъ въ каминную рѣшетку, а другой я долженъ былъ переворачивая держать. И если-бы еще мнѣ перепадалъ хоть кусочекъ изъ тѣхъ неисчислимыхъ стай всякаго рода пернатыхъ, которыхъ я перевертѣлъ передъ очагомъ! А то каково было сидѣть часы за этимъ занятіемъ, зная, что плоды его для меня недоступны. Пе-

Digitized by Google

реворачивая нанизанный рядъ цыплятъ, я впадалъ въ странную меланхолію; я слѣдилъ въ какомъ-то отупѣніи за грустнымъ раскачиваніемъ ихъ окровавленныхъ головокъ на тоненькихъ шейкахъ и безсознательно самъ начиналъ раскачивать въ тактъ головой. По временамъ какая-то злодѣйская мысль смутно копошилась въ моей головѣ: я думалъ, что желалъ-бы быть этимъ цыпленкомъ, чтобы встать костью поперегъ горла тому, кто будетъ ѣсть меня. Изъ этого оцѣпененія выводилъ меня голосъ кухарки, кричавшей:— Тише, Карлино, съ птицей надо обращаться деликатно! — и при этомъ она подтверждала свое внушеніе пинкомъ, который доказывалъ, что въ ея убѣжденіи я никакъ не раздѣляю этого птичьяго права на деликатное обращеніе. Пизана являлась въ кухню наслаждаться зрѣлищемъ моего униженія, что довершало невыносимость моего положенія. Старый Мартино охотно принялъ-бы на себя это дѣло, но, во-первыхъ, кухарка не позволяла ему, а во-вторыхъ, онъ былъ весь поглощенъ треніемъ сыра. Когда, послѣ окончанія мучительной работы, я сидѣлъ мрачный, красный и заплаканный, входилъ монсиньеръ и, сладкимъ голосомъ убѣждая меня не предаваться злобѣ, совѣтовалъ мнѣ заняться второй частью Confiteor. Но довольно объ этомъ: при одномъ воспоминаніи объ этихъ мукахъ я обливаюсь потомъ, какъ бывало въ то время, когда я ворочалъ вертелъ передъ очагомъ.

Однажды послѣ обѣда къ Пизанѣ пріѣхали въ гости три двоюродныхъ брата, дѣти сестры графа, бывшей замужемъ за однимъ владѣльцемъ горной страны. (Другая сестра графа была блистательно пристроена въ Венеціи, но о ней послѣ.) По этому случаю Пизана нанесла мнѣ столько обидъ, такъ варварски выставляла меня на смѣхъ передъ своими родственниками, что я убѣжалъ въ ярости съ единственнымъ желаніемъ уйти какъ можно дальше. Не помня себя, я шелъ все впередъ, пока не очутился въ мѣстѣ совершенно незнакомомъ. Это была мѣстность песчаная и пустынная, окаймленная канавой грязной стоячей воды. Съ одной стороны простиралось поле, поросшее сорными травами, а съ другой—тянулись плохо воздѣланныя земли, безплодіе которыхъ представляло странный контрастъ съ величиной и роскошью немногихъ разбросанныхъ по нимъ деревьевъ.

— А! новое мѣсто! воскликнулъ я съ восторгомъ скряги, нашедшаго кладъ.—Посмотримъ, что дальше!

Digitized by Google

Но дальше идти препятствовала канава, за которой зеленѣли обширные луга; идти въ другую сторону, по этой пустынной землѣ, простиравшейся въ безпредѣльную даль, казалось непривлекательно. Что дѣлать? Подумавъ, я смѣло пустился въ бродъ. На серединѣ канавы я вдругъ потерялъ подъ ногами почву и отчаянно уцѣпился за водныя травы и вѣтки кустовъ, простиравшіяся съ другого берега. Такимъ образомъ мнѣ удалось выкарабкаться, хотя мокрому и перепачканному съ ногъ до головы. Но я не обратилъ на это вниманія въ своемъ восторгѣ отъ вступленія въ невѣдомый край. Первымъ помысломъ моимъ было добраться до какого-нибудь пригорка, чтобы осмотрѣть окрестность. Достигнувъ первой возвышенности, я обратилъ впередъ жадные взоры. Передо мной разстилались на громадное пространство зеленые луга, изрѣзанные канавами, подобными той, черезъ которую я переправился, но, повидимому, больше и глубже; онѣ сходились всѣ къ одному очень широкому каналу, за которымъ возвышалось нѣсколько холмовъ; на нѣкоторыхъ изъ этихъ холмовъ виднѣлись колокольни. Затѣмъ было какое-то безконечное синее пространство, показавшееся мнѣ кускомъ неба, упавшимъ на землю; оно блестѣло кое-гдѣ, отливая серебряными полосами, и вдали сливалось съ менѣе густой синевой неба. Я долго стоялъ и смотрѣлъ. Былъ вечеръ. Солнце склонялось къ горизонту сзади меня. Вдругъ всѣ канавы и большой каналъ, въ который онѣ сходились, зажглись пламенемъ, а голубое пространство превратилось въ огромную радугу и заиграло всѣми ея цвѣтами. Я былъ очарованъ, нѣмъ, неподвиженъ отъ удивленія и восторга. Но постепенно краски стали менѣе ярки, огни погасали, темныя тѣни стали ложиться на все. Я опомнился, вспомнилъ, гдѣ я и что мнѣ надо вернуться домой, и заплакалъ отъ страха, что не найду дороги. Поспѣшно отправившись въ путь, я кое-какъ перебрался черезъ канаву. Но тутъ ночь застала меня. На меня напалъ страхъ и инстинктивное желаніе бѣжать впередъ что есть мочи. Мѣстность была мнѣ совершенно незнакома. Я не имѣлъ ни малѣйшаго понятія о томъ, въ какую сторону надо идти. Я блуждалъ нѣкоторое время, какъ вдругъ очутился на дорогѣ. Правда, эта дорога была, повидимому, сдѣлана съ злобнымъ умысломъ переломать ноги довѣрившимся ей путникамъ, но все-же это была дорога, стало быть, куда-нибудь вела. Я пустился по ней. Но не пройдя и полмили, я заслышалъ за собой га-

Digitized by Google

лопъ лошади. Страхъ обуялъ меня. Я перекрестился и какъ можно тѣснѣе прижался къ высокому краю дороги; но она была такъ узка, что по ней едва можно было проѣхать, и лошадь, зачуявъ меня, заупрямилась, что заставило всадника разразиться потокомъ проклятій.

— Кто тамъ? Прочь съ дороги, бездѣльникъ! завопилъ онъ голосомъ, отъ котораго кровь застыла въ моихъ жилахъ.

— Сжальтесь надо мной! Я ребенокъ, заблудился и не знаю, куда иду, пропищалъ я.

— Ахъ, мальчишка! сказалъ всадникъ, удерживая лошадь и нагибаясь ко мнѣ, причемъ я увидѣлъ чорную рожу подъ огромной шляпой.—И то мальчишка! Куда идешь?

— Хочу во Фрату, едва вымолвилъ я, испуганный еще больше его страшной физіономіей.

— Да какъ ты здѣсь очутился, гдѣ ночью никто не ходитъ? спросилъ незнакомецъ еще съ недовѣріемъ въ голосѣ.

— Вотъ видите, отвѣчалъ я:—я убѣжалъ изъ дому по огорченію и шелъ, шелъ, и пришелъ въ такое мѣсто, гдѣ много воды и солнца и еще чего-то, не знаю чего; по дорогѣ назадъ я заблудился, потому что стало темно, и дороги я не зналъ и не знаю, какъ я сюда попалъ и гдѣ я.

— На дорогѣ въ Сан-Мауро, малышъ; и отсюда тебѣ до дому добрыхъ четыре мили.

— Синьеръ, вы человѣкъ добрый, сказалъ я нѣсколько успокоенный; — и вѣрно скажете мнѣ, какъ мнѣ теперь пробраться домой.

— А, ты думаешь, что я добръ! сказалъ всадникъ съ усмѣшкой.—Да, ей-богу, ты правъ, и я тебѣ докажу это; садись на лошадь сзади меня; я тебя довезу почти до самаго замка, мнѣ это по дорогѣ.

— Да я живу въ самомъ замкѣ, сказалъ я, еще не рѣшаясь довѣриться незнакомцу.

— Какъ въ замкѣ? воскликнулъ онъ съ удивленіемъ; — чейже ты?

— Ахъ, что вы! Я ничей! Я просто Карлино.

— Ну, это хорошо; садись-же, говорю; лошадь сильная, свезетъ тебя и меня.

Digitized by Google

Благодаря урокамъ Маркетто, я хорошо держался на лошади и вскарабкался безъ труда, причемъ незнакомецъ еще помогъ мнѣ.

Я ѣхалъ въ раздумьи. — „Ужь не дьяволъ-ли это?“ думалось мнѣ. Размышляя на эту тему, я припомнилъ, что лошадь незнакомца испугалась меня, и разсудилъ, что принадлежи она дьяволу, она не могла-бы испугаться. Вслѣдствіе этого соображенія я склонился къ мысли, что мой покровитель, вѣроятно, только бандитъ, что совершенно успокоило меня, такъ-какъ, по неимѣнію при себѣ чего-бы то ни было цѣннаго, я могъ смѣло не опасаться встрѣчи съ разбойникомъ.

Вдругъ огромная черная борода незнакомца повернулась ко мнѣ съ вопросомъ:

— Мастро Джермано еще у васъ во Фратѣ?

— Да, сударь, отвѣчалъ я: — онъ каждый день заводитъ башенные часы, запираетъ и отпираетъ ворота и иногда гуляетъ по двору передъ канцеляріей. Онъ очень добръ ко мнѣ и обѣщалъ сводить меня съ Пизаной посмотрѣть часовую механику, а Пизана дочь самой графини.

— Монсиньеръ ди-Сант-Андреа часто бываетъ у васъ?

— Какъ-же! Онъ духовникъ графини, но я его давно не видалъ, потому-что теперь рѣже бываю въ кухнѣ, какъ началъ видѣть свѣтъ.

— Хорошо, хорошо, кухня дѣло каноническъ, продолжалъ онъ. — Теперь слѣзай, бѣлка; пріѣхали. Поздравляю тебя: ты лучшій ѣздокъ въ околодкѣ.

— Что-же мудренаго, отвѣчалъ я, соскакивая на землю: — я всегда ѣзжу верхомъ позади Маркетто.

— Ага! Ты, значитъ тотъ попугай, котораго я съ нимъ видалъ, сказалъ онъ, смѣясь. — Вотъ тебѣ, прибавилъ онъ, давая мнѣ порядочный подзатыльникъ: — передай ему это отъ меня; но такъ-какъ ты ему другъ, то смотри, не проговорись, что видалъ меня; никому обо мнѣ не говори, слышишь?

Тутъ онъ пустилъ свою лошадь въ галопъ, а я постоялъ нѣсколько времени, разиня ротъ, пока не затихъ топотъ лошади. Тогда я направился къ замку, на мосту котораго стоялъ Джермано, заоравшій, увидѣвъ меня:

— А, бездѣльникъ, негодяй! Ты шляться по ночамъ вздумалъ? Кто тебя научилъ такому безпутству? Вотъ я тебѣ задамъ!

Digitized by Google

И, схвативъ за шиворотъ, онъ препроводилъ меня прямо въ кухню, гдѣ на меня напустился Мартино:

— Бродяга! Шатунъ! Ей-ей, второй разъ ты у меня не уйдешь! По такой тьмѣ бѣгать изъ дому!

И здѣсь, какъ съ Джермано, заключеніе рѣчи, хотя нѣмое, было краснорѣчивѣе самой рѣчи и, во всякомъ случаѣ, гораздо чувствительнѣе. Если такъ встрѣчали меня друзья, то чего я долженъ былъ ждать отъ недруговъ? Капитанъ, игравшій въ гусекъ съ Маркетто, посмотрѣлъ на меня свирѣпо и, треснувъ кулакомъ по спинѣ, сказалъ, что вышколилъ-бы меня, если-бы ему поручили. Маркетто дружески выдралъ меня за ухо; Вероника наградила пощечиной, а старая кухарка такъ ткнула ногой въ мое сидѣнье, что я растянулся.

— Пострѣленокъ, сказала она,—я безъ тебя должна была поставить вертелъ, но теперь изволь приниматься за свое дѣло.

Вертелъ былъ снятъ, и я принялся за исправленіе его обязанности, раздумывая о томъ, что предстоитъ мнѣ еще отъ графини. Но размышленія мои были прерваны цѣлымъ градомъ вопросовъ, относившихся до причинъ моего продолжительнаго отсутствія; я вытерпѣлъ стоически побои, но атакованный разспросами, не выдержалъ и расплакался.

— Чего ты рюмишь? говорилъ Мартино:—лучше отвѣчай.

— Я былъ на лугу, гдѣ мельницы; долго былъ; сверчковъ искалъ—у-у-у! Стало темно—у-у-у!

— А гдѣ-же сверчки? спросилъ капитанъ, вмѣшивавшійся въ уголовныя дѣла канцеляріи и потому пріобрѣтшій инквизиторскія замашки.

— Не... не знаю! завопилъ я еще пуще.—Вѣрно выползли изъ кармана... Ни... ничего не знаю... Собиралъ сверчковъ... У-у-у!..

— Не ври, лгунишка! заорала кухарка,—я тебѣ покажу врать!

— Не запугивайте его черезчуръ, Орсола, заступился Мартино.

— Чортъ подери! воскликнулъ капитанъ, стукнувъ кулакомъ по столу такъ, что стаканы запрыгали; — три раза сряду проклятые девять выходятъ! Такой чертовщины отродясь не бывало! Вотъ пойди, выигрывай! Ну, баста, Маркетто! Два съ половиной беца *) сегодня, да воскресныхъ три.

*) Мелкая монета.

Digitized by Google

— А семь-то съ прошлой недѣли? протестовалъ Маркетто.

— Да, да, семь и пять съ половиной, двѣнадцать съ половиной; безъ пол-беца шесть сольдовъ. Заплачу завтра.

— Ладно, сказалъ Маркетто со вздохомъ.

— Ну, а тебя, обратился ко мнѣ капитанъ, чтобы перемѣнить разговоръ,—а тебя, чучело, я желалъ-бы взять на расправу! Не правда-ли, Вероника, я славно умѣю расправляться?

— Да и какъ еще! отвѣтствовала Вероника и, направляясь къ столовой, прибавила:—Пойти сказать графинѣ, чтобы она не безпокоилась—Карлино вернулся.

При этихъ словахъ волоса мои встали дыбомъ. Гроза не замедлила разразиться. Нарушая этикетъ дня, графиня въ третій разъ вступила въ кухню съ синьерой Вероникой a latere; съ другой стороны ея шелъ Фульдженціо съ плотояднымъ выраженіемъ на своей лицемѣрной харѣ. Графиня подошла ко мнѣ такъ близко, что чуть не наступила на меня.

— Вотъ какъ! сказала она, протягивая ко мнѣ крючковатую руку, при чемъ мурашки забѣгали у меня по спинѣ,—вотъ какъ, гадкій лягушенокъ! Такъ-то ты отплачиваешь за то, что тебя кормятъ, учатъ писать и читать и прислуживать при обѣднѣ? Славно! Но знай, что ты добромъ не кончишь, сгинешь, какъ твой отецъ! Да, быть тебѣ повѣшеннымъ!

При этихъ словахъ ея пальцы вцѣпились мнѣ въ горло, давая предвкушеніе висѣлицы. Я завопилъ такъ пронзительно, что изъ столовой выскочили патеръ, канчеліере, Клара, Лючиліо, Партистаньо и даже самъ графъ съ монсиньеромъ.

— Теперь скажи мнѣ, гдѣ ты пропадалъ? спросила графиня, упирая, къ утѣшенію моему, руки въ боки;—я хочу знать всю правду, отъ меня ты не отдѣлаешься плачемъ.

Вероника подморгнула, какъ подмаргиваютъ злыя бабы и чортъ; я бросилъ на нее взглядъ, заключавшій въ себѣ тысячу проклятій.

— Говори-же, говори, бѣсенокъ! закричала графиня, снова простирая ко мнѣ когти.

— Я гулялъ, ходилъ до того мѣста, гдѣ много красной воды и солнца, а потомъ...

— Потомъ?

— Потомъ вернулся.

Digitized by Google

— Вижу, что на несчастіе наше вернулся! Что-же ты мнѣ это говоришь? Но если ты мнѣ сейчасъ не скажешь всего, то никогда въ жизни ты не отвѣдаешь больше соли!

Я молчалъ, пока когти ея не вынудили меня опять взвизгнуть; однакожь я продолжалъ молчать.

— Я скажу вамъ, графиня, что дѣлалъ этотъ милашка, сказалъ Фульдженціо.—Я чистилъ и мылъ въ сакристіи церковную утварь къ предстоящему празднику Пасхи и вышелъ за водой ко рву. Вижу ѣдетъ отъ Сан-Мауро человѣкъ верхомъ и съ нимъ этотъ господчикъ; тотъ спустилъ мальчугана съ лошади, что-то сказалъ ему, чего я не разслышалъ, и поѣхалъ къ Рамушело, а этотъ господинъ пошелъ къ мосту. Вотъ какъ было дѣло!

— Кто это былъ? спросила графиня.—Вы, Маркетто?

— Маркетто былъ со мной весь вечеръ, отозвался капитанъ.

— Кто-же это былъ? спросила графиня, обращаясь ко мнѣ.

— Былъ... былъ... никто не былъ, пробормоталъ я, слѣдуя наставленію незнакомца.

— Никто! никто! Вотъ мы узнаемъ, кто этотъ никто! Фаустина! закричала она нянькѣ:—сейчасъ-же снесите постель Карлино въ темную комнатку, подлѣ комнаты Мартино, и уведите его, какъ только жаркое будетъ готово. И знай, милый мой, что ты до тѣхъ поръ оттуда не выйдешь, пока не скажешь, съ кѣмъ ты изволилъ разъѣзжать.

Сердце мое сжалось при мысли, что въ первый разъ въ жизни я не буду спать въ одной комнатѣ съ Пизаной. Мнѣ стоило сказать слово, чтобы предупредить это несчастіе. Графиня замѣтила мое колебаніе.

— Скажешь? спросила она.

— Нѣтъ, никого не было, никого я не видалъ! закричалъ я вдругъ изо всѣхъ силъ.

— Хорошо, пусть будетъ по-твоему! отвѣчала графиня, возвращаясь въ столовую. Всѣ послѣдовали за нею. Графъ, уходя, пожалъ плечами, какъ-бы говоря: „Въ немъ чортъ засѣлъ“. Монсиньеръ покачивалъ головой; патеръ сжалъ губы съ недоумѣвающимъ видомъ. Партистаньо ушелъ веселый, потому что эта сцена надоѣла ему. Осталась Клара, которая подошла ко мнѣ и ласково спросила, отчего я не хочу отвѣчать. Я понурилъ голову и промолчалъ. Она погладила меня по головѣ и пошла къ двери. Тогда

Digitized by Google

подошелъ Лючиліо и шепнулъ мнѣ, чтобы я завтра сказался больнымъ, лежалъ въ постели, и что все уладится; затѣмъ онъ вышелъ, дѣлая видъ, что не замѣчаетъ благодарнаго взгляда Клары, которая остановилась у двери.

Я остался въ жертву кухарки и Фульдженціо, но Мартино и Маркетто освободили меня отъ нихъ, рѣшивъ, что жаркое готово и что мнѣ пора спать. Мартино взялъ лампу и повелъ меня по безконечнымъ лѣстницамъ и коридорамъ въ мѣсто моей ссылки, гдѣ уложилъ меня въ постель и укуталъ одѣяломъ. Я повиновался, какъ безчувственный. Но когда онъ ушелъ и я остался одинъ, отчаяніе такъ овладѣло мной, что въ неистовствѣ я царапалъ себѣ лицо и колотилъ себя кулаками. Среди этого неистовства я вдругъ услышалъ какое-то царапанье въ дверь.

— Кто тамъ? сказалъ я прерывающимся отъ рыданій голосомъ.

Дверь отворилась, и Пизана, въ одной рубашонкѣ, босикомъ, вся дрожащая отъ холода, однимъ прыжкомъ очутилась у моей постели.

— Ты? Что это? Какъ? залепеталъ я въ изумленіи.

— Какъ что? Я пришла увидѣть и поцѣловать тебя, я тебя люблю, отвѣчала дѣвочка;—я проснулась и вижу—Фаустина уноситъ твою постель; она сказала, что ты не будешь больше спать въ нашей комнатѣ, что тебя положатъ съ Мартино; я и пришла посмотрѣть и спросить тебя, гдѣ ты сегодня пропадалъ?

— О, милая Пизана! О, дорогая моя! закричалъ я, крѣпко прижимая ее къ сердцу.

— Не кричи! сказала она, лаская меня и проводя рукой по моему лбу.

— Что это у тебя? вдругъ сказала она, поднося руку къ окошку, освѣщенному луной.—Кровь! кровь! Ты весь въ крови! У тебя на лбу рана, изъ которой кровь течетъ! Что ты сдѣлалъ? Упалъ? Расшибся? Накололся?

— Нѣтъ, ничего; ушибся о косякъ двери, отвѣчалъ я.

— Хорошо, хорошо; все-же надо полечить тебя.

Она приложилась губами къ моему лбу и стала зализывать мнѣ царапину языкомъ.

— Довольно, довольно, Пизана, все прошло.

— Нѣтъ, еще выходитъ кровь. Я пробралась ощупью. Внизу

Digitized by Google

ужинаютъ, я не боялась, что меня встрѣтятъ. Теперь ты здоровъ, и мнѣ надо уходить, пока никого нѣтъ на лѣстницахъ.

— А если попадешься?

— Эка бѣда!

— Нѣтъ, однакожь? Мнѣ горько думать, что ты подвергаешь себя опасности получить отъ мамы наказаніе.

— Мнѣ все равно, пренебрежительно отозвалась она, гордымъ движеніемъ головы отбрасывая назадъ волосы.—Ахъ, я люблю тебя больше всѣхъ! Какъ жаль, что тебя не одѣваютъ такъ хорошо, какъ кузена Аугусто!

— О, я достану себѣ самыя хорошія вещи! Во что-бы то ни стало достану!

— Гдѣ-же ты ихъ возьмешь?

— Гдѣ?.. Буду трудиться, чтобы заработать денегъ, а съ деньгами, говоритъ Джермано, можно достать все.

— Да, да, работай, сказала Пизана:—я-же всегда буду любить тебя. Но отчего ты не смѣешься? Ты сейчасъ былъ такъ веселъ.

— Посмотри, я смѣюсь, сказалъ я, цѣлуя ее.

— Нѣтъ, такъ не видно. Пусти! Дай посмотрю, смѣешься-ли ты? Ну, вотъ, теперь ты милый, за то, что слушаешься меня. Однакожь прощай, Карлино, надо идти, пока не вернулась Фаустина.

— Я тебѣ посвѣчу.

— Нѣтъ, нѣтъ, сказала она, быстро соскакивая съ постели,— я впотьмахъ пришла, съумѣю впотьмахъ и вернуться. Я храбрая, ничего не боюсь.

— А вдругъ заблудишься?

— Я-то! Ты съума сошелъ! Я не вчера родилась. Прощай, Карлино, поблагодари меня, что я такая добрая, пришла къ тебѣ.

— О, да, да, ты добрая, я тебя благодарю.

Она вдругъ подбѣжала ко мнѣ, схватила мою руку и поцѣловала.

— О, ты самый добрый и милый мальчикъ, какого я знаю; я не понимаю, какъ ты меня не бьешь за всѣ мои гадости!

— Бить? За что? Что съ тобой? Но иди скорѣе; постой, я посвѣчу тебѣ; иди, не то простудишься и захвораешь.

Digitized by Google

— Я? Никогда я не захвораю! Я не уйду, пока ты меня не прибьешь или не оттаскаешь за волосы за мои гадости.

Она схватила мои руки и положила себѣ на голову.

— Дай лучше я поцѣлую тебя.

— Дери, дери за волосы!

— Не хочу!

— Какъ не хочешь? Какъ смѣешь не хотѣть, когда я тебѣ говорю: дери! закричала она.—Дери, дери, не то я такъ раскричусь, что всѣ сбѣгутся, и мама накажетъ меня.

Чтобы успокоить ее, я слегка потянулъ клокъ ея волосъ.

— Дери, дери такъ, чтобы вырвать! кричала она въ ярости.— Я хочу, чтобы ты наказалъ меня! продолжала она, топая ногами.

Я опять потянулъ.

— Сильнѣе, сильнѣе!

Я дернулъ сильнѣе.

— Нѣтъ, не такъ, еще сильнѣе!

И при этихъ словахъ она такъ дернула головой, что клокъ ея волосъ остался у меня въ пальцахъ.

— Вотъ хорошо, вотъ какъ надо меня наказывать. Ну, теперь прощай, Карлино! прибавила она.

Я стоялъ неподвижный и подавленный восторгомъ, пока она отворяла и затворяла за собой дверь. И послѣ ухода ея я долго еще не могъ совладать съ охватившимъ меня чувствомъ радости. Наконецъ, заслышавъ шаги Мартино, я притворился спящимъ и вскорѣ дѣйствительно заснулъ. На другое утро, когда я проснулся, цѣлый потокъ мыслей хлынулъ мнѣ въ голову. Вчерашній день казался мнѣ длиненъ, какъ нѣсколько мѣсяцевъ. Я чувствовалъ себя выросшимъ въ этотъ день на нѣсколько лѣтъ. Событія его предстали въ моей памяти живо, отчетливо и въ стройномъ порядкѣ, какъ главы романа. Обиды Пизаны, насмѣшки кузеновъ, мое отчаяніе, бѣгство, опасная переправа черезъ канаву, лугъ, чудеса зрѣлища, открывшагося мнѣ съ холма, его великолѣпіе и таинственность, мракъ ночи, наступившій затѣмъ, страхъ, обуявшій меня, встрѣча съ бородачемъ, скачка съ нимъ верхомъ, разговоръ съ нимъ, истязанія въ кухнѣ, заключеніе, ласки Клары, появленіе Пизаны, любящей и кающейся,—все это являлось мнѣ рядомъ чудеснѣйшихъ событій. Тутъ я вдругъ припомнилъ совѣтъ Лючиліо и изо всѣхъ

Digitized by Google

силъ сталъ кричать, призывая Мартино. Не дозвавшись, я пошелъ къ нему и сказалъ, что чувствую сильную головную боль, что всю ночь не могъ спать и боюсь умереть. Мартино отвѣчалъ, что я вѣрно рехнулся, но что онъ, пожалуй, пойдетъ позвать доктора, прежде-же всего сходитъ въ кухню принести мнѣ супа. Въ качествѣ больного я долженъ былъ удовольствоваться супомъ, принесеннымъ мнѣ контрабандой, хотя мнѣ очень хотѣлось-бы прибавить къ нему ломоть хлѣба. Но вскорѣ отъ волненія и голода я почувствовалъ себя дѣйствительно нездоровымъ. Я сильно вспотѣлъ, ослабѣлъ и началъ чувствовать жажду. Въ это время пришелъ Лючиліо, осмотрѣлъ меня, освѣдомился, почему у меня исцарапано лицо, и радостно улыбнулся, заслышавъ на лѣстницѣ шелестъ женскаго платья. Клара вошла, разспросила Лючиліо о моемъ здоровьи и сказала мнѣ, что графиня проститъ меня, только-бы я сказалъ ей, гдѣ былъ вчера. Я отвѣчалъ, что уже сказалъ всю правду, и началъ восторженно описывать видѣнныя мною чудеса. Клара, выслушавъ меня внимательно, замѣтила, что, можетъ быть, Маркетто правъ, и я дѣйствительно былъ у бастіона Аттилы, гдѣ, по преданію, предводитель гунновъ стоялъ лагеремъ на пути изъ Аквилеи передъ своей встрѣчей съ папой Львомъ. Тѣмъ не менѣе это ихъ очень удивляло, потому что разстояніе отъ Фраты туда было около семи миль. Они сказали мнѣ, что огромное синее пространство, мною тамъ видѣнное, было море.

— Море! восклинулъ я;—о, какое счастье жить на морѣ!

— Ну, а пока лежи въ постели и принимай лекарство, которое я тебѣ дамъ, сказалъ Лючиліо.

— А я между тѣмъ похлопочу, чтобы тебя простили, прибавила Клара.

Дѣйствительно, когда на третій день я сошелъ въ кухню, меня встрѣтили снисходительно, а монсиньеръ даже ласково погладилъ меня по щекѣ и посовѣтовалъ помолиться Богу и заняться второй частью Confiteor. Впослѣдствіи я узналъ отъ Маркетто, что Лючиліо и Клара выставили мои похожденія въ невинномъ и интересномъ видѣ, а старый Мартино поклялся, что слышалъ топотъ лошади близь замка много времени спустя послѣ моего возвращенія, такъ что показаніе Фульдженціо подверглось сомнѣнію. Какъ-бы то ни было, меня простили, но кровать мою уже не воз-

Digitized by Google

вратили на прежнее мѣсто, и съ тѣхъ поръ конурка наверху осталась моей спальней.

Между тѣмъ я сгаралъ желаніемъ увидѣть Пизану, и такъ-какъ время, когда я спустился по выздоровленіи въ кухню, было послѣобѣденное, то я надѣялся найти ее на дворѣ. Но ея нигдѣ въ обычныхъ мѣстахъ нашихъ прогулокъ не оказывалось. Розыскивая ее, я вышелъ изъ замка и пошелъ по дорогѣ; пройдя довольно далеко, я дошелъ до распутья, гдѣ на стѣнѣ было нарисовано изображеніе св. Роха съ его вѣрной собакой. Какая-то старушонка усердно молилась передъ этимъ образомъ. Я узналъ въ ней нищенку Мартинеллу, которая часто проходила мимо фратскаго моста и всегда останавливалась на немъ понюхать табаку, который любезно предлагалъ ей Джермано. По разсказамъ Маркетто, я былъ склоненъ считать вѣдьмой всякую нищую старуху, и потому, увидавъ ее, остановился въ замѣшательствѣ, тѣмъ болѣе, что старушонка, обыкновенно тихая и уничиженная, увидѣвъ меня, повернулась ко мнѣ съ неудовольствіемъ и съ досадой спросила, чего я тутъ шляюсь. Однако, я ободрился и отвѣчалъ, что ищу контесину Пизану и что если она видѣла ее, то прошу указать мнѣ, гдѣ она.

— Нѣтъ, нѣтъ, Карлино, я не видала ее, поспѣшно и съ досадой сказала она, стараясь, впрочемъ, говорить ласково.—Пока ты ее тутъ ищешь, она уже вѣрно вернулась домой другой дорогой. Ступай въ замокъ, она навѣрно тамъ.

— Да нѣтъ, она только-что отобѣдала и...

— Я тебѣ говорю, что она тамъ; я теперь вспоминаю, что всего пять минутъ тому назадъ видѣла ее; она бѣжала къ замку прямо полемъ.

— Какъ-же я-то ее не видалъ? Я мимо шелъ!

— Говорю тебѣ, сама видѣла!

— Нѣтъ, быть не можетъ.

Въ это время раздался приближавшійся топотъ лошади. Старуха направилась поспѣшно на-встрѣчу, какъ-бы для того, чтобы попросить подаянія. На дорогѣ показался всадникъ на крѣпкой, горячей лошади, безъ сѣдла и уздечки. Это былъ бородатый человѣкъ съ просѣдью, въ шляпѣ съ огромными полями. Онъ сразу напомнилъ мнѣ моего ночного проводника, и я окончательно узналъ его, когда раздался его хриплый, грубый голосъ. Встрѣ-

Digitized by Google

тившись съ старухой, онъ остановилъ лошадь, наклонился къ ней, и они шопотомъ обмѣнялись нѣсколькими словами. Послѣ чего старуха разразилась громкими восклицаніями благодарности, а всадникъ поскакалъ по дорогѣ, но, обернувшись, еще разъ жестомъ сдѣлалъ знакъ старухѣ.

Я слѣдилъ за нимъ нѣкоторое время глазами, какъ вдругъ, взглянувъ въ противоположную сторону на поле, увидѣлъ Пизану и сына аптекаря, бѣжавшихъ ко мнѣ во всю прыть. Я побѣжалъ имъ на-встрѣчу, а Мартинелла кричала мнѣ:

— О, куда ты такъ побѣжалъ, Карлино?

— Вонъ она, вонъ она, Пизана! Развѣ вы не видите! отвѣчалъ я.

Подбѣжавъ къ Пизанѣ, я увидѣлъ, что она блѣдна и страшно запыхавшись.

— Что съ тобой? Ты больна? вскричалъ я.

— Ахъ, какой страхъ!.. Какъ я бѣжала! Тамъ... съ ружьями... переправляются, отвѣчала дѣвочка, вся дрожа.

— Кто переправляется?

— Вотъ что, отвѣчалъ сынъ аптекаря Донато, немного опомнившись отъ страха:—вотъ какъ было дѣло: мы играли у мельницы; вдругъ приходятъ на другой берегъ четверо человѣкъ съ ружьями и пистолетами, и стали искать брода, чтобы перейти ручей. Пизана побѣжала, я за ней. Они стали кричать: „Эй, вы, не видали-ли тутъ верховаго?“ Мы не отвѣчали и все бѣжали; они навѣрно сюда прійдутъ, потому что хотя вода высока, они пройдутъ по плотинѣ у мельницы.

— Убѣжимъ, убѣжимъ! закричала дѣвочка.

— Не бойтесь, синьерина, сказала подошедшая и слушавшая Мартинелла:—эти солдаты ищутъ не васъ, а верховаго; а какъ мы съ Карлино, прибавила она, взглянувъ на меня, — скажемъ, что тутъ никто верхомъ не проѣзжалъ, кромѣ лугуньянскаго кучера, ѣхавшаго за сѣномъ въ Портовекіо...

— Нѣтъ, нѣтъ, я боюсь, бѣжимъ! кричала Пизана.

Но было уже поздно. Четверо солдатъ появились въ эту минуту на окраинѣ поля. Осмотрѣвшись во всѣ стороны, они обратились къ старухѣ съ тѣмъ-же вопросомъ, который задавали прежде дѣтямъ.

Digitized by Google

— Никого не видала, кромѣ лугуньянскаго кучера, который ѣхалъ въ Портовекіо, отвѣчала Мартинелла.

— Какой тамъ кучеръ! Это онъ! сказалъ одинъ солдатъ.

— Послушайте, Мартинелла, сказалъ другой:—вы знаете Спаккафумо?

— Спаккафумо! воскликнула старуха:—этого злодѣя, разбойника, который Бога не боится, какъ сущій турокъ! Нѣтъ, благодаренье Богу, не знаю, но разъ, года два тому назадъ, видѣла въ воскресенье на козлахъ у Венквередо.

— А сегодня не видѣли въ этихъ мѣстахъ?

— Сегодня! Да вѣдь, говорятъ, онъ еще прошлаго года утонулъ? Да, признаться, эчеленцы, плоха я глазами.

— Что тутъ толковать! Это онъ! сказалъ одинъ изъ сбировъ.— Чего-же ты раньше не сказала, что слѣпа, какъ кротъ, старая дура? Валяй въ Портовекіо, ребята!

И они направились въ Портовекіо, тогда какъ Спаккафумо ускакалъ совсѣмъ въ другую сторону.

— Да они не туда... заикнулся я.

— Молчи! шепнула Мартинелла: — пусть идутъ разбойники; лучше прочти „Отче нашъ“ св. Роху за то, что онъ избавилъ насъ отъ нихъ.

Пизана, совсѣмъ оправившаяся отъ страха, сказала:

— Нѣтъ, нѣтъ, прежде, чѣмъ молиться, надо бѣжать во Фрату, сказать управляющему и Маркетто, что мы видѣли этихъ чудовищъ. Ихъ дѣло не подпускать такихъ разбойниковъ къ замку папа.

— Конечно, отвѣчалъ я,—пусть ихъ посадятъ въ тюрьму.

— Идемъ-же и попросимъ, чтобы посадили въ тюрьму этихъ четырехъ уродовъ, сказала она, направляясь къ Фратѣ:—я не хочу, нѣтъ, не хочу, чтобы меня такъ пугали!

Я съ Донато послѣдовали за ней, а Мартинелла, какъ ни въ чемъ не бывало, принялась опять молиться св. Роху.

Digitized by Google

ГЛАВА IV.

Донъ-Кихотъ-контрабандистъ. Владѣтель Венквередо. Капеланъ Фраты. Дипломатическій разговоръ двухъ графовъ.

Спаккафумо былъ булочникомъ въ Кордовадо, живописномъ мѣстечкѣ между Тельо и Венквередо, и вступилъ въ открытую борьбу со всѣми мѣстными и окружающими властями. Первое предпріятіе его было направлено противъ чиновниковъ, вздумавшихъ конфисковать куль соли, найденный у одной бѣдной вдовы, его ближайшей сосѣдки. Можетъ быть, это была именно Мартинелла, которая въ то время еще могла работать. Онъ былъ приговоренъ на два года въ тюрьму, но по заступничеству общиннаго старшины, Антоніо Проведони, отдѣлался 20 дукатами пени. Однакожь, вскорѣ послѣ стычки съ таможенными изъ-за куля соли онъ затѣялъ другую ссору съ вице-капитаномъ, хотѣвшимъ арестовать его кузена за ношеніе оружія во владѣніяхъ Венквередо. За это его приговорили къ трехдневной выставкѣ на площади у позорнаго столба, къ двумъ мѣсяцамъ тюрьмы и къ изгнанію на 28 мѣсяцевъ изъ округа. Онъ бросилъ тогда печеніе хлѣба, не захотѣвъ подчиниться приговору, но остался преспокойно въ округѣ и принялся отправлять частнымъ образомъ правосудіе ради общей пользы. Портогруарская полиція вѣчно гонялась за нимъ, но онъ всегда изчезалъ у нея изъ-подъ носа какъ дымъ, откуда и получилъ свое прозваніе, которое по-фріульски значитъ „исчезающій дымомъ“. Настоящаго-же имени его я никогда не зналъ. Неуловимость его зависѣла, во-первыхъ, оттого, что онъ зналъ всѣ закоулки и лазейки въ странѣ, а во-вторыхъ, оттого, что всѣ поселяне всегда готовы были оказать ему помощь и дать ему убѣжище. Портогруарскіе сбиры были народъ довольно неповоротливый, и Спаккафумо всегда заранѣе зналъ о томъ, что они намѣрены предпринять противъ него. Наемные-же солдаты владѣтелей замка слишкомъ дорожили дружескими сношеніями съ обывателями, чтобы серьезно хлопотать о поимкѣ контрабандиста. Иногда о немъ цѣлыя недѣли не было ни слуху, ни духу, какъ вдругъ онъ, какъ ни въ чемъ не бывало, являлся въ воскресенье къ обѣднѣ въ приходскую церковь въ Кордовадо. Жители дѣлали ему торжествен-

Digitized by Google

ную встрѣчу, но онъ слушалъ обѣдню только однимъ ухомъ, а другимъ прислушивался къ малѣйшему шуму у главныхъ дверей церкви, чтобы быть на-готовѣ при первой опасности удрать черезъ боковую. Онъ былъ увѣренъ, что преслѣдователи его слишкомъ добросовѣстны, чтобы окружить разомъ всѣ двери. Послѣ обѣдни, поболтавъ на паперти кое съ кѣмъ изъ обывателей, онъ шелъ обѣдать къ Проведони, домъ котораго былъ крайній въ Кордовадо по дорогѣ въ Тельо. Самъ старшина, Антоніо Проведони, смотрѣлъ на эти посѣщенія сквозь пальцы, семейство-же его безъ памяти любило Спаккафумо и у нихъ онъ былъ какъ дома.

Синьеръ Антоніо Проведони былъ главой многочисленнаго семейства, члены котораго, благодаря странной фантазіи ихъ родителя, были надѣлены такими именами, что, слушая перечисленіе ихъ, иной добродушный человѣкъ могъ-бы подумать, что дѣло идетъ объ обитателяхъ звѣринца. Сыновья Антоніо назывались: Леоне, Леопардо, Бруто, Грифоне и Мастино; дочери: Брадаманта и Аквилина. Вся эта семья, несмотря на свои звѣриныя имена, жила мирно и спокойно, пока этотъ миръ не былъ нарушенъ похожденіями второго сына, Леопардо.

Несмотря на свое кровожадное имя, Леопардо былъ смирнѣйшій и добрѣйшій малый, человѣкъ съ нѣжнымъ, любящимъ сердцемъ, силачъ, храбрецъ, красавецъ собою, но тихій, услужливый и скромный. На свою бѣду онъ встрѣтилъ у ручья, протекавшаго по дорогѣ между Кордовадо и Венквередо и служившаго лѣтомъ сборнымъ пунктомъ для окрестной молодежи, красавицу Доретту, дочь венквередскаго канчеліере, и съ перваго взгляда влюбился въ нее самою страстною любовью. Сначала свиданія ихъ происходили у ручья, мѣста ихъ первой встрѣчи. Но вскорѣ Леопардо, не довольствуясь этимъ, сталъ каждый вечеръ ходить въ Венквередо, гдѣ старый Наталино, отецъ Доретты, привыкшій видѣть свою дочь окруженной обожателями, очень снисходительно принималъ его. Но въ Венквередо были люди, очень косо смотрѣвшіе на частыя посѣщенія Леопардо. Изъ нихъ самымъ недовольнымъ былъ начальникъ сбировъ венквередскаго владѣтеля, Гаэтано, имѣвшій, съ своей стороны, виды на прекрасную Доретту. Непріязненныя отношенія усиливались поведеніемъ Доретты, которая подливала масла въ огонь, находя удовольствіе въ роли яблока раздора. Гаэтано, наглый, какъ истинный сбиръ, началъ мало-по-малу задѣвать Леопар-

Digitized by Google

до, который былъ терпѣливъ и добродушенъ, какъ всѣ очень храбрые и сильные люди; несмотря, однакожь, на его терпѣніе, дѣло скоро дошло до обмѣна крупныхъ словъ. Наконецъ, Гаэтано удалось пріобрѣсти заступничество самого венквередскаго владѣтеля, который, часто встрѣчая Леопардо въ замкѣ, сталъ глядѣть на него косо и разъ даже прямо объявилъ ему, что не одобряетъ его частыхъ посѣщеній и не желаетъ, чтобы кордовадская молодежь ухаживала за венквередскими дѣвушками. Леопардо, выслушавъ это, спокойно поклонился—и продолжалъ свои посѣщенія. Тогда, однажды ночью (это была та самая ночь, въ которую я возвратился во Фрату за сѣдломъ у Спаккафумо), когда Леопардо возвращался изъ Венквередо домой, трое людей, вооруженныхъ ножами, напали на него на дорогѣ. Нападеніе, произведенное во мракѣ, было такъ неожиданно, что неприготовившемуся къ защитѣ молодому человѣку приходилось уже плохо; какъ вдругъ, откуда ни возьмись, изъ темноты вынырнула какая-то черная фигура и начала прикладомъ ружья немилосердно расправляться съ нападающими. Послѣдніе обратились въ бѣгство и направились прямо къ замку, калитка котораго была не заперта. Вбѣжавъ въ нее и заперевъ дверь, одинъ изъ нихъ закричалъ, обращаясь къ преслѣдовавшей ихъ черной фигурѣ:

— Погоди, бездѣльникъ! Я узналъ тебя! Ты Спаккафумо, и я научу тебя мѣшаться въ чужія дѣла!

— Да, да, я Спаккафумо! возразилъ тотъ. — И я не боюсь ни тебя, Гаэтано, ни твоего низкаго синьера и всей подобной вамъ сволочи!

— Слышали? Слышали? закричалъ Гаэтано, запирая калитку и ворота на всѣ запоры.—Какъ Богъ святъ, синьеръ тебя повѣситъ!

— Хорошо, только прежде я тебя повѣшу! крикнулъ въ отвѣтъ Спаккафумо, удаляясь вмѣстѣ съ Леопардо, котораго взялся проводить до Кордовадо.

— Какъ это ты такъ во время случился? спросилъ его на дорогѣ Леопардо.

— Я слышалъ, что затѣвается, и подкарауливалъ, отвѣчалъ онъ.

— Подлецы! Разбойники! Негодяи! ворчалъ молодой человѣкъ, пристыженный тѣмъ, что не себѣ былъ обязанъ своимъ спасеніемъ.

Digitized by Google

— Полно! Это ихъ ремесло! прервалъ Спаккафумо. — Поговоримъ о другомъ. Что ты скажешь, что я теперь разъѣзжаю верхомъ, а? Я, видишь, рѣшился дать отдыхъ моимъ ногамъ, онѣ уже не молодыя; вотъ я и беру себѣ покататься какую вздумаю изъ лошадей, что пасутся у лагуны. Безъ сѣдла, но ничего, удобно. Сегодня попалась вотъ эта, и я съ ней меньше чѣмъ въ часъ пріѣхалъ отъ Лугуньяны, да еще довезъ до Фраты заблудившагося мальчика.

— Ты мнѣ разскажи, какъ ты узналъ, что они затѣваютъ?

— Ничего я тебѣ не скажу, отвѣчалъ Спаккафумо; — да притомъ вотъ ты и дома, прощай!

— Какъ? развѣ ты не зайдешь къ намъ переночевать?

— Нѣтъ, нѣтъ, здѣсь мнѣ воздухъ нездоровъ.

И съ этими словами онъ ускакалъ. Не умѣю сказать, гдѣ онъ провелъ эту ночь. Но на другой день, около полудня, замѣтили, что онъ вошелъ къ фратскому капелану, который былъ его духовникомъ и обращался съ нимъ съ большимъ уваженіемъ, вѣроятно, по причинѣ страха, который онъ ему внушалъ. Вскорѣ послѣ того во Фрату явились четыре сбира изъ Венквередо и направились прямо къ квартирѣ капелана. Долго стучались они къ нему, пока, наконецъ, онъ отворилъ дверь, спрашивая, кого имъ нужно. Но въ эту минуту Гаэтано взглянулъ въ окно, выходившее въ поле, и увидѣлъ всадника, скакавшаго по этому полю во весь опоръ.

— А? кого намъ нужно? закричалъ онъ. — Вотъ кого намъ нужно! Скорѣе, скорѣе въ догонку! А господинъ капеланъ отвѣтитъ за укрывательство разбойника.

Бѣдный патеръ повалился на стулъ почти безъ чувствъ отъ страха, а сбиры выскочили изъ замка и погнались за бѣглецомъ. Мы уже видѣли, какъ неудачно кончилось это преслѣдованіе благодаря хитрости Мартинеллы.

Нашествіе сбировъ привело въ смятеніе Фрату, и когда я съ Пизаной и сыномъ аптекаря вернулся туда, всѣ въ замкѣ были еще подъ свѣжимъ впечатлѣніемъ этого таинственнаго событія. Графъ и канчеліере бѣгали по замку, отыскивая капитана и Маркетто; Фульдженціо звонилъ набатъ на колокольнѣ; монсиньеръ Орландо, выпучивъ глаза, тщетно вопрошалъ, что случилось; графиня командовала, распоряжаясь приведеніемъ замка въ осадное положеніе. Наконецъ капитанъ собралъ трехъ воиновъ съ двумя

Digitized by Google

мушкетами и тромбономъ и выстроился съ ними на дворѣ, ожидая приказаній его сіятельства. Графъ приказалъ войску двинуться на площадь села, посмотрѣть, не нарушенъ-ли порядокъ, и оказать законнымъ властямъ содѣйствіе противъ всякихъ нарушителей онаго, преимущественно-же противъ нѣкоего Спаккафумо. Джермано, ворча, опустилъ поднятый уже было мостъ, и воинство выступило. Капитанъ водворилъ свою главную квартиру въ тавернѣ, гдѣ спокойно дождался возвращенія Гаэтано и его сбировъ, измученныхъ какъ собаки. Сначала они очень невѣжливо обошлись съ военной силой фратскаго владѣтеля, такъ-что испуганныя войска отступили изъ таверны, покинувъ въ жертву сбирамъ своего предводителя. Но капитанъ былъ мужъ не только брани, но и совѣта. Онъ съумѣлъ дать разговору мирный оборотъ, выслушалъ разсказъ Гаэтано о безплодномъ преслѣдованіи Спаккафумо и, свирѣпо покрутивъ усъ, сказалъ, что если этотъ несчастный дерзнетъ показаться по близости, то онъ заставитъ его раскаяться въ оскорбленіи, нанесенномъ авторитету благороднаго владѣтеля венквередскаго. На это Гаэтано возразилъ, что его синьеръ самъ съумѣетъ справиться съ непокорными и что фратскому капелану придется поплатиться за содѣйствіе, оказанное разбойнику.

Въ этотъ вечеръ никто не выходилъ изъ замка, и мы провели съ Пизаной и съ дѣтьми Фульдженціо и управляющаго скучное послѣобѣда на дворѣ. Посѣтители были принуждены, прежде, чѣмъ входить въ замокъ, вступать въ переговоры съ Джермано, и только послѣ этихъ переговоровъ имъ опускался мостъ. Ржавыя цѣпи глухо скрипѣли послѣ многихъ лѣтъ покоя, и надо было имѣть много мужества, чтобы вступить на гнилыя доски. Лючиліо и Партистаньо оставались въ замкѣ гораздо дольше обыкновеннаго, и ихъ шутки, наконецъ, успокоили встревоженные нервы графини, которой мерещилось, что вся Фрата уже въ пламени, какъ неповинная жертва борьбы Спаккафумо съ графомъ Венквередо.

На слѣдующій день совершились событія не менѣе достопримѣчательныя. Это было воскресенье. Въ половинѣ восьмого, когда народъ возвращался отъ ранней обѣдни въ Тальо, послышался стукъ лошадиныхъ копытъ, и графъ Венквередо съ тремя сбирами въѣхали на дворъ. Это былъ рослый, рыжій человѣкъ среднихъ лѣтъ, съ хитрымъ и жесткимъ выраженіемъ лица, вида наглаго и надменнаго. Остановивъ лошадь, онъ спросилъ, гдѣ живетъ фратскій

Digitized by Google

капеланъ, и когда ему указали, онъ слѣзъ съ лошади. Между тѣмъ капеланъ только-что кончилъ брить себѣ подбородокъ, но еще находился въ распоряженіи своей служанки, которая брила ему макушку. Кухня служила имъ лабораторіей. Добрый патеръ, оправившись отъ вчерашняго страха, подшучивалъ надъ Джустиной, прося ее брить лучше, чѣмъ въ прошлое воскресенье, когда вся церковь засмѣялась, увидавъ на его головѣ четырехугольную тонсуру. Джустина такъ усердствовала, что не успѣвала отвѣчать, и подъ ея рукой тонсура расширялась на головѣ преподобнаго отца, какъ масляное пятно на скатерти.

— Ахъ, Джустина, Джустина! вздыхалъ капеланъ, ощупывая предѣлы тонсуры:—мы, кажется, слишкомъ близко подъѣхали къ этому уху.

— Не безпокойтесь, отвѣчала Джустина, бойкая баба, на видъ лѣтъ сорока, хотя ей было всего тридцать:—если къ этому близко, такъ и отъ другого не отстанемъ.

— Что ты? Ты хочешь окарнать меня какъ монаха!

— Не бойтесь, я васъ еще ни разу не окарнала и сегодня не окарнаю.

— Нѣтъ, право, довольно, довольно!

— Погодите! Дайте кончить; сидите смирно еще минутку.

— Съ вами, бабами, не сговоришь... Если вамъ...

Но онъ не кончилъ. За дверьми раздался звукъ шпоръ. Капеланъ вскочилъ, отпихнувъ Джустину; онъ сбросилъ съ шеи полотенце, обернулся и очутился лицомъ къ лицу съ графомъ Венквередо. Не берусь описывать его физіономію. Онъ окаменѣлъ отъ ужаса и изумленія, и вся его застывшая фигура выражала одну мысль: Вотъ-те на!

— О, милѣйшій капеланъ! Какъ ваше здоровье? началъ феодалъ.

— Хе!.. не знаю... такъ... прошу садиться... какая пріятная неожиданность! бормоталъ патеръ.

— Ну, этого не видно! возразилъ графъ: — вы блѣднѣе вашего воротничка, почтеннѣйшій. Быть можетъ, прибавилъ онъ, взглянувъ искоса на Джустину,—я прервалъ моимъ приходомъ какое-нибудь каноническое занятіе?

— О, помилуйте! залепеталъ капеланъ.—Я занимался... Джустина, воды для кофе или для шеколада... Угодно вамъ шеколаду, синьеръ графъ... эчеленца?..

Digitized by Google

— Ступай присмотрѣть за курами, мнѣ надо поговорить съ почтеннѣйшимъ отцомъ, сказалъ графъ Джустинѣ.

Джустина бросилась стремглавъ за дверь, все еще держа бритву въ рукѣ. Тогда графъ подошелъ къ аббату, взялъ его за руку, подвелъ къ очагу и, остановившись передъ нимъ, сказалъ:

— Ну, теперь потолкуемъ. Скажите по совѣсти, почтеннѣйшій отецъ, что вы такое... священникъ или контрабандистъ?

Несчастный затрепеталъ всѣмъ тѣломъ, но не могъ издать никакого звука.

— И то, и другое — занятія какъ занятія, продолжалъ феодалъ.—Но для порядка я желалъ-бы знать, какое вы намѣрены исправлять. Для патеровъ существуютъ подаянія, каплуны и десятины; для контрабандистовъ — ружья, тюрьмы и веревка. Но всякій воленъ выбирать, и если-бы мнѣ пришлось выбирать, я не говорю, что непремѣнно поступилъ-бы въ семинарію. Но, я полагаю, каноны запрещаютъ заниматься одновременно и контрабандой, и исправленіемъ обязанностей патера. Что вы скажете на это, почтеннѣйшій?

— Да-съ, эчеленца... я тоже... я согласенъ съ вами...

— Ну, такъ отвѣчайте-же: вы что такое: патеръ или контрабандистъ?

— Эчеленца... вамъ угодно шутить...

— Шутить? Подумайте, почтеннѣйшій, — я поднялся на зарѣ, чего не сталъ-бы дѣлать для шутки! Я пришелъ сказать вамъ напрямикъ, что если синьеръ графъ Фрата не способенъ ограждать интересы „свѣтлѣйшей“ республики, то имѣюсь на лицо я и чувствую себя вполнѣ способнымъ на это. Вы принимаете къ себѣ контрабанду и контрабандистовъ... Нѣтъ, нѣтъ, почтеннѣйшій, отрицаніе не поможетъ... у насъ есть свидѣтели, и въ случаѣ надобности дѣло пойдетъ въ судъ...

— Ради Христа! возопилъ капеланъ.

— Во избѣжаніе этого я и хочу просить васъ по доброй волѣ перемѣнить воздухъ, чтобы избавить насъ отъ необходимости принудить васъ къ этому силой.

— Перемѣнить воздухъ? Какъ-такъ? Какимъ образомъ? что это значитъ?

— Я хочу сказать, что я буду вамъ очень обязанъ, если вы похлопочете достать себѣ приходъ въ горахъ.

Digitized by Google

— Въ горахъ? Я... въ горахъ! Это невозможно, эчеленца! Я даже не знаю, гдѣ эти горы.

— Вонъ онѣ, спокойно сказалъ графъ, указывая въ окно на синѣвшіе вдали фріульскіе Альпы.

Но онъ не принялъ въ соображеніе безграничной трусости патера и того, что трусость, доведенная до отчаянія, можетъ превращаться въ своего рода мужество. Мысль о переселеніи въ совершенно неизвѣстную ему сторону показалась капелану горше смерти. Онъ родился во Фратѣ, пустилъ въ ней корни и чувствовалъ, что всякое переселеніе будетъ для него роковымъ.

— Нѣтъ, эчеленца, отвѣчалъ онъ съ рѣшительностью, неожиданною для графа;—здѣсь я жилъ, здѣсь и умру, и если меня пошлютъ въ горы, я живой не доѣду.

— Не доѣдете живымъ, отвѣчалъ графъ,—доѣдете мертвымъ; такъ или иначе, но я даю вамъ честное слово, что сообщникъ Спаккафумо не останется капеланомъ во Фратѣ. Знайте это.

И съ этими словами онъ вышелъ, гремя шпорами.

На другой день графъ Фрата получилъ отъ графа Венкверадо длинное письмо, въ которомъ сіятельный сосѣдъ предлагалъ его синьеріи въ наивозможно кратчайшемъ времени дать отставку своему капелану, который обвиняется въ разныхъ преступленіяхъ, а главное—въ нанесеніи ущерба пошлиннымъ сборамъ „свѣтлѣйшей“ республики черезъ укрывательство отъявленнѣйшихъ контрабандистовъ лагуны. „Сіятельному господину владѣтелю должно быть хорошо извѣстно, говорилось въ этомъ письмѣ,—какой ущербъ наноситъ это преступленіе „превосходительнѣйшей синьеріи“, какъ велика заслуга тѣхъ, кто спѣшитъ покарать его и какой уголовной отвѣтственности подвергаются тѣ, кто, слѣдуя дурнымъ совѣтамъ, оставляютъ его безнаказаннымъ. Статуты и манифесты инквизиторовъ ясны; дѣло это уголовное, потому что деньги—кровь государства, и тотъ, кто по небрежности способствуетъ утратѣ этой жизненной силы, есть государственный преступникъ“.

Венкверадо зналъ, въ какую сторону ударить. Прочитавъ письмо, графъ Фрата совсѣмъ растерялся, такъ что даже утратилъ свой важный видъ. Какъ двѣ неразрывно связанныя тѣни, блуждали они съ канчеліере, придумывая отвѣтъ. Тѣмъ временемъ слухъ обо всемъ происшедшемъ распространился во Фратѣ. Капеланъ былъ любимъ всѣми; извѣстіе объ опасности, угрожающей ему,

Digitized by Google

возбудило волненіе. Всѣ негодовали на дерзкое вмѣшательство графа Венквередо и находили, что ради чести всей Фраты надо дать отпоръ его наглымъ притязаніямъ. Во главѣ этой опозиціи стоялъ старый Джермано. Онъ громче всѣхъ кричалъ противъ своего бывшаго синьера и въ своихъ филипикахъ дѣлалъ таинственные намеки, что правосудіе для всѣхъ одно и что если разбирать разные грѣхи, то, можетъ быть, обвинителямъ не поздоровится. На эти намеки никто, впрочемъ, не обращалъ вниманія, кромѣ Фульдженціо, который, не высказывая своего мнѣнія, все слушалъ, повидимому, съ величайшимъ интересомъ. Однажды вечеромъ старый привратникъ, выпивъ лишнее, выразился, что если графъ Венквередо не отстанетъ отъ капелана, то онъ, Джермано, выведетъ на свѣтъ божій кое-какія старыя исторіи, которыя придутся графу не по вкусу. И на эту категорическую угрозу не обратили вниманія, принявъ ее за болтовню пьянаго человѣка; притомъ Фульдженціо поспѣшилъ замять разговоръ, но на другой день рано утромъ отправился въ Портогруаро и вернулся поздно. Это также не показалось никому страннымъ, потому что въ этотъ день въ городѣ былъ рынокъ. Нѣкоторые видѣли, правда, что Фульдженціо заходилъ въ полицейское управленіе, но не удивились и этому, такъ-какъ онъ служилъ писцомъ при канцеляріи во Фратѣ и могъ имѣть дѣло до полиціи. Прошло восемь дней въ толкахъ и пересудахъ, какъ вдругъ фратская канцелярія получила изъ Венеціи прямой приказъ прекратить все начатое дѣло о капеланѣ и вмѣсто того предпринять секретнѣйшее слѣдствіе о личности Джермано въ виду открытій чрезвычайной важности, которыя онъ можетъ сдѣлать правительству относительно прошедшаго его сіятельства графа Венквередо. Если-бы аэролитъ упалъ на крышу замка, то надѣлалъ-бы не больше переполоха. Графъ Фрата и его канчеліере не знали, что дѣлать. Съ одной стороны, имъ угрожала мгновенная и жестокая месть наглаго и свирѣпаго Венквередо; съ другой—тайная, неотразимая и ужасная расправа венеціянской инквизиціи; справа имъ мерещились вооруженные сбиры Венквередо, зажигающіе Фрату съ четырехъ концовъ; слѣва — роковая фигура великаго инквизитора республики, глубокіе казематы, душные *піомбы*, орудія пытки и казни. Наконецъ, проволновавшись двое сутокъ и подкрѣпившись совѣтами Лючиліо и Партистаньо, они рѣшились уступить болѣе страшной грозѣ. Джермано подвергли до-

Digitized by Google

просу, и хотя все происходило въ глубочайшей тайнѣ, однакожь распространился слухъ, что напуганный декретомъ инквизиторовъ Джермано представилъ бумаги, доказывавшія, что графъ Венквередо не всегда былъ вѣрнымъ подданнымъ „свѣтлѣйшей“ республики. Все это узнали Богъ вѣсть какъ, потому что во всемъ замкѣ дѣло было извѣстно только графу, канчеліере и Джермано, а они превратились въ глухонѣмыхъ. Слухъ дошелъ и до Венквередо, и однажды, когда во Фратѣ только-что пообѣдали, графу доложили о его пріѣздѣ. При этомъ извѣстіи капеланъ чуть не упалъ въ обморокъ, графъ сталъ озираться, какъ-бы ища спасителя между присутствовавшими, но видя передъ собой только разинутые рты и выпученные глаза, пробормоталъ, чтобы посѣтителя провели наверхъ въ залу, и самъ пошелъ туда вмѣстѣ съ канчеліере.

— Слуга вашей синьеріи! развязно привѣтствовалъ его Венквередо.

— Покорнѣйшій слуга вашей эчеленцы! отвѣчалъ графъ, упорно глядя въ полъ, гдѣ искалъ вдохновенія; но, не находя его, обратился къ канчеліере, который, однакожь, на этотъ разъ не послѣдовалъ за нимъ дальше двери:—Синьеръ канчеліере, пробормоталъ онъ.

Но Венквередо прервалъ его:

— Безполезно отрывать синьера канчеліере отъ его важныхъ занятій, чтобы слушать нашу болтовню. Извѣстно, что у него теперь на рукахъ очень важные процесы. Благо „свѣтлѣйшей синьеріи“ прежде всего, прежде жизни, не правда-ли, синьеръ канчеліере? Мы лучше поговоримъ съ глазу на глазъ.

Канчеліере съ такой поспѣшностью удралъ изъ залы, что стукнулся носомъ о косякъ. Графъ посмотрѣлъ ему вслѣдъ взоромъ утопающаго, у котораго исчезаетъ послѣдняя надежда на спасеніе. Когда дверь заперлась, Венквередо тотчасъ-же заговорилъ:

— Благодарю васъ за такое довѣріе. Оно обѣщаетъ мнѣ, что мы сговоримся. Не правда-ли, сговоримся, графъ? прибавила лиса, предательски пожимая руку курицѣ. Несчастная жертва, вытерпѣвъ пожатіе, поскорѣе спрятала руку въ карманъ. Ему нетерпѣливо хотѣлось поскорѣе вымыть ее, чтобы полицейскій вице-капитанъ не зачуялъ отъ нея законопреступнаго запаха.

— Да, да, надѣюсь, мы всегда жили мирно, пробормоталъ

Digitized by Google

онъ съ улыбкой, стоившей ему такихъ усилій, что на глазахъ у него показались слезы.

— Ну, и прекрасно. Мы всегда жили въ ладахъ, поладимъ и теперь. У дворянства всегда существуютъ общіе интересы, какъ-бы ни были раздѣлены отдѣльные члены его личными вкусами и чувствами. Намъ надо поддерживать другъ друга, идти рука объ руку и дружно блюсти неприкосновенность нашихъ привилегій. Юстиція—вещь хорошая, но не для насъ съ вами. Я, по крайней мѣрѣ, нахожу, что у меня въ домѣ она лишняя. Я думаю, и вамъ, графъ, не нравится, что кое-кто позволяетъ себѣ вмѣшиваться въ наши домашнія дѣла?

— Оно, конечно... дѣло ясное, бормоталъ графъ, ничего не понимая, но смутно чувствуя, что его собесѣдникъ говоритъ что-то неладное, за что можно попасться въ лапы къ инквизиторамъ.

— И притомъ, продолжалъ Венквередо,—ихъ юстиція не всегда самая скорая и вѣрная; и кто пожелалъ-бы ребячески повиноваться имъ, могъ-бы наткнуться на другую юстицію, болѣе быструю и рѣшительную.

На этотъ разъ графъ слишкомъ хорошо понялъ, но только улыбнулся, не будучи въ состояніи произнести ни слова.

— Я вижу, что вы меня поняли, говорилъ Венквередо, — и потому я безъ обиняковъ объясню вамъ, въ чемъ дѣло. Какой-то клеветникъ, какая-то проклятая каналья, которую я, будьте увѣрены, не оставлю безнаказанной, сдѣлала на меня доносъ Синьеріи о какихъ-то старыхъ пустякахъ, нестоющихъ вниманія. Всѣ знаютъ, что это вздоръ, но въ Венеціи сочли необходимымъ дать дѣлу ходъ, чтобы не измѣнить системѣ. Вы понимаете: если не обращать вниманія на вздорные доносы, то можно иногда проглядѣть и важный, и, принявъ правило, приходится принимать всѣ его послѣдствія. Словомъ, я увѣренъ, что правительство очень неохотно предписало начать это слѣдствіе... вы понимаете?.. я говорю о секретномъ протоколѣ... по доносу Джермано.

— Если-бы здѣсь былъ канчеліере... пробормоталъ графъ Фрата.

— Нѣтъ, нѣтъ; я вовсе не желаю разсматривать дѣло, возразилъ Венквередо:—я только хотѣлъ доказать вамъ, что правительство приняло эту мѣру вовсе не изъ недовѣрія ко мнѣ и не ради важности дѣла, а единственно ради соблюденія обычая. Въ Венеціи были-бы очень рады прекращенію дѣла; и вообще испол-

Digitized by Google

нителямъ слѣдуетъ смягчать въ приложеніи излишнюю строгость и безусловность государственныхъ принциповъ. Итакъ, графъ, наше дѣло дружески уяснить себѣ тайныя намѣренія свѣтлѣйшихъ инквизиторовъ. Вы сами знаете, что духъ выше буквы, и увѣряю васъ, что если буква велитъ вамъ въ этомъ случаѣ дѣйствовать, то духъ внушаетъ остановиться и прекратить дѣло. Между нами будь сказано, я получилъ изъ Венеціи сообщенія въ этомъ смыслѣ; если хотите, можно найдти средство... способъ...

Онъ пріостановился, собесѣдникъ его испустилъ тяжелый вздохъ.

— Пожалуйста не смущайтесь! продолжалъ Венквередо: — затрудненій гораздо меньше, чѣмъ вы воображаете. Да если-бы они и были, то ихъ слѣдуетъ преодолѣть, чтобы повиноваться духу свѣтлѣйшаго Совѣта Десяти. Не буквѣ, поймите меня, а духу! Не можетъ-же правительство желать, чтобы уважаемый владѣтель, какъ вы, навлекалъ на себя серьезныя непріятности изъ-за излишняго усердія въ исполненіи чисто-формальнаго приказанія. Съ какой стати правительство станетъ вызывать борьбу между нами? Съ его стороны это было-бы непростительной неблагодарностью, величайшей несправедливостью въ отношеніи васъ.

— Да, конечно... подумаемъ... увидимъ... со временемъ...

— Какое тутъ время? закричалъ Венквередо: — развѣ намъ можно ждать, милѣйшій графъ? Я на вашемъ мѣстѣ покончилъ-бы дѣло немедленно, потому что завтра уже будетъ поздно!

— Да какимъ-же образомъ? воскликнулъ графъ Фрата.

— А! вотъ мы и начинаемъ сговариваться! Если вы спрашиваете о средствахъ, то, значитъ, въ принципѣ дѣло уже рѣшено. Средство очень простое. Все дѣло въ томъ, чтобы вы, графъ, были согласны исполнить, сообразно вашему долгу, тайныя желанія Совѣта Десяти и мои.

— Разумѣется, согласенъ! пробормоталъ бѣднякъ; — и если, какъ вы говорите, того желаютъ свыше...

— Въ этомъ не можетъ быть сомнѣнія. Только надо, чтобы все вышло какъ-будто случайно. Замолвить словечко Джермано... понимаете?.. бумаги въ огонь... и дѣло кончено.

— Но канчеліере?

— Онъ будетъ молчать, будьте покойны! Я найду словечко и для него; я знаю, что все обойдется благополучно, и мнѣ бояться нечего, если дѣлу будетъ данъ ходъ, но я желаю потушить его,

Digitized by Google

чтобы не быть поставленнымъ въ печальную необходимость принимать мѣры возмездія противъ такого достойнаго дворянина, какъ вы. Мнѣ, владѣтелю Венквередо, непріятно подвергаться розыску со стороны своего равнаго. Простое приличіе не допускаетъ меня потерпѣть такой обиды. Я самъ буду настаивать, чтобы процесъ шелъ своимъ порядкомъ, но въ другомъ мѣстѣ—въ Удине, въ Венеціи, гдѣ угодно, но не у васъ; я докажу вздорность обвиненій, я оправдаюсь; но здѣсь, вы понимаете, это невозможно, и я не допущу этого, хотя-бы мнѣ пришлось убить не одного человѣка, а цѣлую тысячу!

— Въ такомъ случаѣ, эчеленца, сказалъ графъ Фрата дрожащимъ голосомъ,—отошлемъ немедленно въ Венецію эти вздорныя бумаги...

— Что вы? перебилъ Венквередо;—вѣдь я уже сказалъ, что ихъ надо сжечь. Именно потому, что онѣ вздорны, не стоитъ пересылать ихъ.

— Въ такомъ случаѣ сожжемъ... завтра-же, сказалъ графъ.

— Сожжемъ сію минуту, поправилъ Венквередо, вставая.

— Сію минуту?.. Вы желаете?.. Теперь?..

Графъ Фрата заметался по комнатѣ, но взглянувъ на физіономію своего гостя, поспѣшилъ прибавить:

— Да, да, вы правы, сію минуту, тотчасъ!

Съ этими словами онъ направился къ двери, но въ ту-же минуту, какъ онъ подходилъ къ ней, она пріотворилась и на порогѣ ея медоточивый голосъ произнесъ: „Прошу извинить!“ — и раболѣпный Фульдженціо съ пакетомъ въ рукѣ вошелъ въ залу.

— Что это? Что это? Какъ ты смѣлъ войти? закричалъ ему его повелитель, весь трепещущій.

— Курьеръ привезъ изъ Портогруаро этотъ пакетъ отъ имени свѣтлѣйшей синьеріи, отвѣчалъ Фульдженціо.

— Ахъ, теперь не время, эти дѣла останутся до завтра, вмѣшался Венквередо, поблѣднѣвъ и сдѣлавъ шагъ за порогъ.

— Прошу прощенія у вашихъ превосходительствъ: сказано — безотлагательно прочесть и отвѣтить!

— Безотлагательно прочесть! Что-же это такое?

Графъ Фрата надѣлъ очки и вскрылъ пакетъ, но едва бросилъ взглядъ на письмо, какъ его обуялъ такой ужасъ, что онъ долженъ былъ ухватиться за дверь, чтобы устоять на ногахъ. Въ

Digitized by Google

ту-же минуту и взглядъ Венквередо упалъ на роковую бумагу; и этого взгляда было достаточно, чтобы угадать ея содержаніе.

— Ну, я вижу, сегодня мы не сговоримся, графъ, сказалъ онъ съ своимъ обычнымъ наглымъ видомъ.—Да помогутъ вамъ Совѣтъ Десяти и святой Антоній. Остаюсь въ надеждѣ на удовольствіе скораго свиданія.

Съ этими словами онъ спустился съ лѣстницы, оставя владѣтеля фратскаго въ полубезчувственномъ состояніи.

— Какъ? Ушелъ? вымолвилъ онъ наконецъ, опомнившись.

— Точно такъ, эчеленца, ушелъ, отвѣчалъ Фульдженціо.

— Посмотри, посмотри, что мнѣ пишутъ, сказалъ графъ, передавая бумагу писарю.

Послѣдній безъ всякаго изумленія прочелъ формальный приказъ графу арестовать владѣтеля Венквередо, какъ скоро представится случай сдѣлать это, не возбуждая скандала.

— Онъ ушелъ, и я не виноватъ, что не успѣлъ задержать его. Ты свидѣтель, что онъ ушелъ прежде, чѣмъ я успѣлъ прочитать бумагу, сказалъ графъ съ умоляющимъ видомъ.

— Эчеленца, я засвидѣтельствую все, что вы прикажете.

— Но все-же было-бы лучше, если-бы курьеръ полчаса опоздалъ.

Фульдженціо усмѣхнулся про себя; графъ пошелъ за канчеліере, чтобы сообщить ему новое и непредвидѣнное усложненіе дѣла.

Читатель, конечно, догадался, что такое былъ Фульдженціо и какая была его служба. Венеціянское правительство часто пользовалось услугами лицъ, служащихъ при феодалахъ, чтобы наблюдать за вѣрноподданничествомъ послѣднихъ. Что касается Венквередо, то, при всемъ своемъ нахальствѣ, онъ былъ испуганъ грознымъ приказомъ, потому что окончательно убѣдился, что Синьерія намѣрена вести дѣло безпощадно. Поэтому на первыхъ порахъ онъ поддался внушеніямъ страха и подумывалъ о томъ, чтобы дать тягу; но, раздумавъ, онъ положился на свою хитрость, на свои связи, на слабость правительства и оставилъ намѣреніе бѣжать въ Иллирію къ австрійцамъ. Потомъ желаніе отмстить Джермано, канелану, Спаккафумо и графу и поставить на своемъ наперекоръ самой Синьеріи, увлекло его въ предпріятіе, которое мы разскажемъ въ слѣдующей главѣ.

Digitized by Google

ГЛАВА V.

Послѣдняя осада замка Фраты въ 1786 году и мои первые подвиги.

Не помню хорошенько, когда именно, но во всякомъ случаѣ вскорѣ послѣ свиданія двухъ феодаловъ, селеніе Фрата было повергнуто въ смятеніе неожиданнымъ нашествіемъ. Сначала нагрянула толпа мужиковъ и контрабандистовъ, а за ней вторглись сбиры, преслѣдовавшіе ее. Они колотили всѣхъ обывателей, которые попадались имъ на-встрѣчу, вламывались въ дома и производили величайшую суматоху. Въ это время графиня какъ разъ вышла на послѣобѣденную прогулку съ монсиньеромъ ди-Сант-Андреа и Розой. Услыхавъ суматицу, она поспѣшно вернулась, велѣла запереть ворота замка и послала разбудить графа. Вскорѣ въ кухнѣ собрались графъ, канчеліере, монсиньеръ Орландо, Маркетто, Фульдженціо, управляющій и капитанъ; всѣ они были ни живы, ни мертвы. Наконецъ рѣшено было, что капитанъ Сандрака съ своими тремя воинами опять выйдетъ на рекогносцировку. Они отправились, но не прошло и пяти минутъ, какъ они явились назадъ, поджавъ хвостъ и съ рѣшимостью не возобновлять попытки. Они узнали, что площадь селенія полна бушующими сбирами Венквередо, подъ предводительствомъ Гаэтано, который держитъ свою главную квартиру въ таверне и клянется и божится, что растерзаетъ на куски контрабандистовъ, а тѣ изъ нихъ, которые укрываются въ замкѣ, поплатятся хуже всѣхъ. Онъ увѣрялъ, что во Фратѣ существуетъ формальный заговоръ противъ таможень свѣтлѣйшей республики и что графъ и его капеланъ—начальники этого заговора. „Пришла пора, оралъ онъ,—истребить эту сволочь, и такъ-какъ лицо, которое обязано наблюдать за исполненіемъ законовъ, само первое нарушаетъ ихъ, то мой господинъ берется отстоять интересы свѣтлѣйшей, что, конечно, будетъ поставлено ему въ заслугу“.

— Джермано, Джермано! подними мостъ и укрѣпи ворота! завопилъ графъ, выслушавъ этотъ отчетъ.

— Моста уже нѣтъ, отвѣчалъ капитанъ:—блоки не дѣйствовали, и я распорядился сорвать его и сбросить въ ровъ для большей безопасности.

Digitized by Google

— Чудесно! Заприте окна и приприте засовами всѣ двери. Чтобы никто не смѣлъ выходить изъ замка! командовалъ графъ.

— Да ужь теперь не выйдешь, какъ мостъ сломанъ, успокоивалъ его сіятельство конюшій.

— Если понадобится выйти, можно пройти черезъ мостикъ, что за конюшней, замѣтилъ капитанъ.

— Нѣтъ, нѣтъ, не надо выходить, закричалъ графъ съ отчаяніемъ.—Сейчасъ ломать конюшенный мостикъ, я объявляю мой замокъ на военномъ и осадномъ положеніи.

— Замѣчу эчеленцѣ, что если сломать этотъ мостикъ, то нельзя будетъ выйти за провизіей, сказалъ управляющій.

— Ничего! Графъ правъ! рѣшила графиня, трусившая больше всѣхъ. — Скорѣе бѣгите разрушать мостикъ; времени терять нельзя. Съ минуты на минуту насъ могутъ здѣсь всѣхъ перерѣзать.

Управляющій поклонился и вышелъ исполнять приказаніе. Черезъ четверть часа всѣ сообщенія замка съ міромъ были уничтожены, и графъ съ графиней вздохнули свободнѣе. За то монсиньеръ Орландо, больше всего опасавшійся голода, роптал на распоряженіе, прекращающее подвозъ съѣстныхъ припасовъ. Услышавъ его стенанія, графъ выказалъ расторопность и распорядительность.

— Фульдженціо, провозгласилъ онъ торжественно, — сколько поросятъ принесла ваша свинья?

— Десять, эчеленца.

— Вотъ, стало быть, у насъ хватитъ мяса на недѣлю, отвѣчалъ графъ,—тѣмъ болѣе, что въ два постные дня мы будемъ питаться рыбой изъ пруда.

Монсиньеръ Орландо, которому перспектива питаться недѣлю поросятами не улыбалась, вздохнулъ тяжело.

— Фульдженціо, продолжалъ распоряжаться графъ, — прикажите немедленно убить пару поросятъ: одного сварить, другого зажарить; слышите, Маргерита?

Фульдженціо и кухарка поклонились.

Затѣмъ гарнизонъ разсѣялся по замку, чтобы приготовиться къ его оборонѣ. Двери и окна были защищены барикадами. Собрали всякую рухлядь, какая могла претендовать на названіе оружія. Наконецъ зазвонили къ вечерней молитвѣ, и всѣ отправились въ

Digitized by Google

церковь, гдѣ никогда не молились такъ усердно, какъ въ этотъ вечеръ.

Между тѣмъ старая графиня прислала освѣдомиться о Кларѣ и почему она не приноситъ ей такъ долго ея вечерній бульонъ. Тутъ спохватились, что Клары нѣтъ. Фаустина, Пизана и я принялись искать ее, но напрасно. Наконецъ садовникъ сказалъ, что она часа два тому назадъ вышла изъ замка черезъ конюшенный мостикъ; но больше онъ ничего не могъ сказать и полагалъ, что она давно вернулась главнымъ ходомъ. Между тѣмъ ночь наступала; обыскавъ весь дворъ и садъ, мы вернулись въ кухню съ грустнымъ извѣстіемъ объ исчезновеніи контесины.

— Чортъ подери! воскликнулъ графъ,—ее навѣрно похитили эти разбойники! Злодѣи выдумали исторію о контрабандистахъ съ тою цѣлію, чтобы имѣть предлогъ грабить всю страну, и я считаю ихъ способными на все. Но они мнѣ поплатятся, о! дорого поплатятся!

— Болтайте, болтайте, болтовней много поможете, сказала графиня. — Вотъ ужь три часа, какъ насъ держатъ взаперти, а вы что сдѣлали, чтобы выпутаться? У васъ похитили дочь, а вы болтаете вздоръ.

— Что такое? Что-же мнѣ дѣлать?

— Какъ что? Подумали-ли вы о чемъ-нибудь? Предполагаете-ли вы сдѣлать что-нибудь, чтобы разыскать Клару?

— Ахъ, Боже! Клара!.. Тутъ тревожиться не изъ чего. Не бѣда, если она проспитъ ночь не въ замкѣ. Что-же намъ, по-вашему, дѣлать? Не лѣзть-же на погибель!—(Графиня съ ожесточеніемъ понюхала табаку.)—Что-же, вступимъ въ переговоры.

— Съ разбойниками-то!

— Съ какими разбойниками? Кто вамъ сказалъ, что они разбойники? Они, конечно, пьяны, буянятъ, но все-же они представители законной власти, и когда опомнятся, то поймутъ... Они увлеклись погоней за контрабандистами, выпили лишнее и вообразили, что контрабандисты у насъ... Что-же тутъ особеннаго? Мы увѣримъ ихъ, что никакихъ контрабандистовъ у насъ нѣтъ, и они уйдутъ.

— Эчеленца, вмѣшался монсиньеръ ди-Сант-Андреа,—никакихъ контрабандистовъ тутъ не было. Тѣ, что мерные пробѣжали, будто-бы преслѣдуемые, были просто переодѣтые сбиры; контрабан-

Digitized by Google

дисты—пустой предлогъ. Джермано узналъ между ними нѣсколькихъ старыхъ сбировъ Венквередо.

— Что-же мнѣ дѣлать? возопилъ графъ съ отчаяніемъ.

— Надо-бы послать кого-нибудь разузнать, въ какомъ положеніи дѣла, и поискать контесину, посовѣтовалъ Маркетто.

— Ай, ай! закричала графиня съ ужасомъ: — какая неосторожность! Да притомъ у насъ и безъ того людей мало, чтобы еще разсылать ихъ.

Пизана, сидѣвшая подлѣ меня на колѣняхъ у Мартино, встала и, подойдя къ ареопагу, засѣдавшему у очага, предложила пойти искать сестру; никто не обратилъ на ея слова вниманія, кромѣ Маркетто, но они не пропали даромъ; слѣдуя поданному примѣру, я предложилъ отправиться на вылазку.

— Въ самомъ дѣлѣ ты пойдешь посмотрѣть, что дѣлается? спросилъ управляющій.

— Пойду.

— Пойдемъ вмѣстѣ, сказала Пизана, беря меня за руку.

— Нѣтъ, это не дѣвичье дѣло, возразилъ управляющій.—А вотъ Карлино въ самомъ дѣлѣ можетъ пойти! Какъ вы полагаете, графиня?

— Да больше некому, такъ пусть идетъ, отвѣчала графиня:—здѣсь ребенокъ безполезенъ, а тамъ ему удобнѣе, чѣмъ взрослому, высмотрѣть и развѣдать. Можетъ быть, этотъ чертенокъ хоть разъ въ жизни на что-нибудь пригодится.

— Я тоже хочу идти искать Клару, закричала Пизана.

— Вы, сударыня, отправитесь немедленно спать, остановила ее графиня и дала сигналъ Фаустинѣ.

Послѣдовало нѣсколько мгновеній борьбы съ визгомъ, царапаніемъ и кусаніемъ; но нянька одержала побѣду и поволокла несчастную героиню.

— Что-же сказать вдовствующей графинѣ, если она спроситъ, гдѣ контесина? спросила графиню Фаустина, удерживая Пизану, которая билась у нея въ рукахъ.

— Скажите, что пропала, потерялась, вернется завтра!

— Не лучше-ли сказать, что пріѣзжала тетушка изъ Чистерны и увезла ее къ себѣ? инсинуировалъ управляющій.

— Хорошо, соврите ей что-нибудь! крикнула графиня,—тогда

Digitized by Google

она перестанетъ тревожить насъ своимъ безпокойствомъ; намъ и безъ нея тошно!

Фаустина ушла, и крики Пизаны постепенно затихли въ отдаленіи.

— Ну, скажи-же, обратился ко мнѣ управляющій,—что ты будешь дѣлать, когда выйдешь изъ замка?

— Я? Пойду, какъ ни въ чемъ не бывало, пройду полемъ, прійду въ таверну, гдѣ сидятъ эти господа, стану плакать и жаловаться, что не могу вернуться домой. Скажу, что вышелъ послѣ обѣда съ контесиной Кларой, а потомъ отсталъ отъ нея, погнавшись за бабочками, и не знаю, гдѣ она. Можетъ быть, мнѣ о ней что-нибудь скажутъ, и я вернусь черезъ конюшню; садовникъ подставитъ мнѣ доску, чтобы перейти ровъ; по доскѣ я и выйду, и вернусь.

— Хорошо; молодецъ!

— Что такое? спросилъ Мартино, понявшій, что я что-то затѣваю, но неразслышавшій, что именно.

— Пойду отыскивать контесину, отвѣчалъ я во все горло.

— Хорошо, хорошо, ступай, прошамкалъ старикъ,—но будь остороженъ.

— Не скомпрометируй насъ, прибавила графиня.

— А главное, прислушайся, что толкуютъ эти негодяи въ тавернѣ; развѣдай, что они затѣваютъ; смотря по этому, мы будемъ дѣйствовать, сказалъ графъ.

— Да, да! и возвращайся скорѣе, мальчуганъ, сказала графиня, лаская меня своей костлявой рукой, прикосновенія которой до сихъ поръ имѣли всегда для меня совершенно иной характеръ.

— Ступай, высмотри и разскажи намъ потомъ все, что увидишь и услышишь. Видно Господь Богъ создалъ тебя такимъ отчаяннымъ и плутомъ на наше благо. Ступай, да хранитъ тебя Творецъ; помни, что мы тебя ждемъ съ нетерпѣніемъ.

— Вернусь тотчасъ, какъ что-нибудь узнаю, сказалъ я съ небывалымъ достоинствомъ, чувствуя себя внезапно человѣкомъ среди этого сборища кроликовъ.

Маркетто, управляющій и Мартино вышли со мной, напутствуя меня совѣтами и увѣщаніями. Въ ровъ была спущена доска, съ помощью которой я перебрался черезъ него; перебрав-

Digitized by Google

шись, я оттолкнулъ ее назадъ. И въ то время, какъ въ кухнѣ, по предложенію монсиньера Орландо, затягивали вторично вечернюю молитву, я бодро пустился впередъ въ ночную тьму.

Клара дѣйствительно вышла послѣ обѣда черезъ мостикъ и пошла по дорогѣ въ Фоссальту, надѣясь сойтись на ней съ матерью. Но хотя дошла до самой деревни, матери она не встрѣтила, и повернула назадъ. Въ это время она услышала за собой знакомые шаги, заставившіе ее обернуться. Черезъ минуту Лючиліо уже шелъ рядомъ съ нею. Они продолжали путь по направленію къ замку, но шли очень медленно, толкуя о бабушкѣ, о дѣлахъ Венкверадо, о своихъ мнѣніяхъ и вкусахъ, и, наконецъ, залюбовались прекраснымъ заходомъ солнца.

— Да, воскликнулъ, между прочимъ, Лючиліо, — чтобы научить людей быть счастливыми, надо воспитывать ихъ поэтами, а не учеными, не анатомами!

Клара грустно улыбнулась и спросила:

— Развѣ вы не чувствуете себя счастливымъ?

— О, теперь я такъ счастливъ, какъ, можетъ быть, никогда не буду! съ увлеченіемъ воскликнулъ молодой человѣкъ, неожиданно беря и пожимая ея руку.—Я счастливъ моими желаніями, потому что мои желанія полны надежды, и надежда манитъ меня, какъ чудный цвѣточный садъ. О, не срывайте этихъ цвѣтовъ, не обрывайте ихъ съ ихъ граціозныхъ стеблей! Черезъ три дня они завянутъ, а черезъ пять исчезнутъ въ могилѣ воспоминанія!

— Не называйте воспоминаніе могилой. Воспоминаніе — это храмъ, алтарь! Цвѣтокъ теряетъ свѣжесть и ароматъ, но память его вѣчно живетъ въ сердцѣ, свѣжая и благоухающая.

— Вѣчно! О, будь то хоть минута, она стоитъ цѣлой вѣчности безъ любви! Если въ насъ, Клара, есть что-нибудь дѣйствительно вѣчное и безсмертное, то это любовь! Довѣримся этому чувству, чтобы не состарѣться преждевременно, чтобы не утратить инстинктивную поэзію души, которая одна краситъ жизнь. Да, клянусь, я никогда не забуду этой минуты увлеченія, которая на мгновеніе возвысила меня неизмѣримо выше самого себя! Любовь наша будетъ вѣчна, потому что истинно великое не имѣетъ конца.

Хотя слово „любовь“ было произнесено только въ послѣдней фразѣ, но собесѣдники вели объ этомъ предметѣ весь разговоръ,

Digitized by Google

который показался-бы довольно безсмысленнымъ для посторонняго, но для нихъ былъ полонъ значенія. При послѣднихъ словахъ Лючиліо они взглянули другъ на друга — и все было сказано. Лицо Клары пылало, и хотя она еще сдѣлала слабую попытку отнять у него свою руку, но, изнемогая отъ волненія, она въ то-же время была вынуждена еще крѣпче опереться о его руку.

— Клара, Клара, умоляю тебя, скажи мнѣ что-нибудь! сказалъ Лючиліо,—отвѣть хоть слово... не убивай меня молчаніемъ. Скажи, что ты прощаешь меня!

Дѣвушка не могла говорить отъ волненія, но подняла на него глаза и улыбнулась.

— Ты моя! Ты моя! воскликнулъ Лючиліо съ восторгомъ.

Клара ничего не отвѣчала. До сихъ поръ она любила, не отдавая себѣ отчета въ своемъ чувствѣ и не высказывая его, а минута, когда любовь приходитъ къ самосознанію, не располагаетъ къ многословію. Клара впервые почувствовала, что находится беззавѣтно во власти другого человѣка; это сознаніе обнаружилось тѣмъ, что на ея лицѣ появилось выраженіе надежды и счастія. Сначала она была счастлива только за себя, теперь была счастлива, сверхъ того, за Лючиліо.

Долго стояли они молча, и, наконецъ, пошли по дорогѣ во Фрату.

— Ты всегда будешь любить меня? прервалъ, наконецъ, молчаніе Лючиліо.

— Всегда! отвѣчала она. Никогда музыка не бываетъ слаще этого слова, произнесеннаго любящими устами.

— А если родные предложатъ тебѣ выйти замужъ? вполголоса сказалъ Лючиліо.

— Замужъ! воскликнула Клара;—я не выйду ни за кого, кромѣ тебя.

— Такъ поклянись-же мнѣ въ этомъ всѣмъ, что есть для тебя самаго святого! Поклянись мнѣ Богомъ и жизнью всѣхъ, кто тебѣ дорогъ.

— Клянусь, спокойно сказала Клара. Ей казалось такъ просто и естественно поклясться въ томъ, къ чему ее влекла непреодолимая сила. Въ это время въ сумеркахъ показались первые дома Фраты, и Лючиліо, покинувъ руку дѣвушки, почтительно пошелъ съ нею рядомъ.

Digitized by Google

Передъ входомъ въ деревню имъ встрѣтились двое вооруженныхъ людей. Лючиліо хотѣлъ пройти, не обращая на нихъ вниманія; онъ принялъ ихъ за полевыхъ сторожей, кого-то ожидающихъ, но одинъ изъ нихъ крикнулъ ему: „стой!“, прибавивъ, что нынче запрещено входить въ деревню. Изумленные молодые люди остановились. Лючиліо прикрикнулъ на солдата, но тотъ отвѣчалъ непоколебимо, что это дѣлается въ интересѣ свѣтлѣйшаго правительства и что во Фрату никого не впустятъ, пока не кончится розыскъ контрабандистовъ.

Лючиліо вспыхнулъ и готовъ былъ столкнуть сторожей съ дороги, чтобы открыть себѣ путь, но Клара удержала его и, обратившись къ караульнымъ, сказала имъ, что она дочь графа Фраты и возвращается домой съ прогулки и что, стало быть, запрещеніе никакъ не можетъ относиться къ ней. Но караульные отвѣчали, что они имѣютъ честь служить сбирами у графа Венквередо, а въ настоящее время исполняютъ государственную службу, будучи посланы на поимку контрабандистовъ; они имѣютъ отъ своего начальника строжайшій приказъ не пропускать никого и потому обязаны повиноваться безъ всякихъ исключеній. Лючиліо сдѣлалъ опять движеніе впередъ, но Клара снова удержала его, сказавъ ему:

— Погодите, мнѣ это очень непріятно, потому что дома будутъ безпокоиться обо мнѣ; но дѣлать нечего, пойдемте въ обходъ, черезъ конюшни.

Они свернули въ сторону и пошли по тропинкѣ, но, не пройдя и ста шаговъ, наткнулись на двухъ другихъ стражей.

— Что это за штуки? закричалъ Лючиліо. — Дочери графа придется прогулять всю ночь въ полѣ изъ-за прихоти какихъ-то негодяевъ!

— Тише, тише, сударь! сказалъ одинъ сторожъ, постукивая по землѣ прикладомъ ружья.

— Ну, дѣлать нечего, говорите скорѣе, сколько вамъ дать за то, что вы пропустите контесину въ замокъ? Надѣюсь, вы не подозрѣваете, что она несетъ контрабанду?

— Мы ничего не подозрѣваемъ, отвѣчалъ сбиръ; —и если-бы мы согласились пропустить васъ, то въ замокъ вы все-таки не попадете. Тамошніе сломали всѣ мосты, и контесинѣ пришлось-бы переходить ровъ по морю, яко по суху.

Digitized by Google

— Да что-же случилось? воскликнула встревоженная Клара.

— Какой-нибудь вздоръ! Просто страхъ напалъ! сказалъ Лючиліо и прибавилъ, обращаясь къ сбиру:—Гдѣ вашъ начальникъ?

— Онъ въ таверне и попиваетъ хорошее вино, а мы тутъ караулимъ летучихъ мышей.

— Хорошо; надѣюсь, вы не откажете проводить насъ къ нему, такъ-какъ мы желаемъ переговорить съ нимъ?

— Оно не приказано, а впрочемъ, если ваша милость пожалуетъ на стаканчикъ добраго вина...

— Ладно; ступай съ нами!

Сбиръ обратился къ своему товарищу, рекомендуя ему не спать и караулить за двоихъ, и отправился по направленію къ таверне. Съ этимъ проводникомъ Лючиліо и Клара были впущены въ селеніе и вскорѣ подошли къ таверне, откуда раздавался оглушительный шумъ. Гаэтано, угостивъ сначала своихъ сбировъ, разгулялся и началъ подносить стаканы любопытнымъ. Мало-помалу населеніе Фраты собралось къ таверне и приняло участіе въ попойкѣ. При этомъ Гаэтано дѣйствовалъ съ разсчетомъ. Благодаря его угощенію, вассалы графа Фраты не только не были расположены возставать на защиту своего господина, но были готовы по первому знаку Гаэтано завопить виваты венквередскому владѣтелю.

Когда Клара и Лючиліо вошли въ таверну, кутежъ былъ въ полномъ разгарѣ. Молодая дѣвушка имѣла неудовольствіе увидѣть самыхъ старыхъ и почтенныхъ вассаловъ своихъ братающимися со сбирами врага ея семейства. Гаэтано, пьяный и расхваставшійся, отвѣчалъ на вопросъ Лючиліо о томъ, какимъ образомъ его сбиры не пускаютъ контесину въ замокъ, что замокъ— гнѣздо контрабандистовъ, что его будутъ держать въ осадѣ, пока не выдадутъ виновныхъ и контрабанду, а что касается контесины, то пусть онъ, Лючиліо, и заботится о ней, такъ-какъ онъ уже взялся хлопотать о ней. Лючиліо долженъ былъ, скрѣпя сердце, удовлетвориться этимъ отвѣтомъ, послѣ котораго самое лучшее было какъ можно скорѣе выйти изъ пьяной компаніи и искать въ деревнѣ какого-нибудь убѣжища на ночь. Но Клара сначала не согласилась на это и настояла пойти къ мосту посмотрѣть, дѣйствительно-ли онъ сломанъ. Мостъ оказался сло-

Digitized by Google

маннымъ, и всѣ крики Клары и Лючиліо, обращенные къ Джермано, остались безъ отвѣта, послѣ чего являлась уже настоятельная необходимость подумать о пріютѣ для Клары на ночь. Они свернули изъ деревенской улицы въ переулокъ, вышли на лугъ и прошли этимъ лугомъ къ мельницѣ, хозяйку которой Клара хорошо знала и часто посѣщала.

Прійдя въ домъ мельника, они не нашли въ комнатѣ ни души, хотя въ очагѣ горѣлъ огонь и недоѣденная полента на столѣ свидѣтельствовала о неоконченномъ ужинѣ. Клара была грустна и встревожена. Лючиліо усадилъ ее передъ очагомъ, подбросилъ въ огонь дровъ и сказалъ:

— Послушай, дорогая моя, я пойду теперь и позову къ тебѣ какую-нибудь женщину, а самъ, во что-бы то ни стало, проникну въ замокъ дать свѣденія о тебѣ и узнать, что тамъ дѣлается.

Клара покраснѣла подъ взорами молодого человѣка, выражавшими страстную любовь.

— Ты прилягъ и постарайся уснуть, говорилъ Лючиліо, — а я между тѣмъ пошлю сообщить о происшествіи портогруарскому вице-капитану, чтобы онъ прислалъ отрядъ разогнать этихъ негодяевъ. Это все вздоръ, что они толкуютъ о контрабандѣ; ясно, что это месть Венквередо или какая-нибудь его затѣя, при помощи которой онъ разсчитываетъ выпутаться изъ процеса. Вице-капитанъ разберетъ, въ чемъ дѣло. Будь-же покойна, моя Клара, и спи. Завтра утромъ, если за тобой не придутъ изъ замка, я самъ отведу тебя туда.

— Но, ради Бога, не рискуй собой!..

— Нѣтъ, дорогая моя, но во всякомъ случаѣ я сдѣлалъ-бы все возможное даже для совершенно неизвѣстныхъ мнѣ людей, если-бы на нихъ обрушились такія-же непріятности, какъ на тебя. Вспомни, что теперь, можетъ быть, твое семейство, наша добрая бабушка безпокоятся о тебѣ.

— Да, да, ступай, утѣшь ее, и возвращайся скорѣе за мной, я буду ждать тебя съ нетерпѣніемъ.

— Говорю тебѣ, что ты должна лечь; я кликну какую-нибудь женщину.

— Я не могу спать; мнѣ и безъ того совѣстно оставаться тутъ и не идти съ тобой.

Digitized by Google

— Зачѣмъ? Нѣтъ, прошу тебя, не выходи отсюда, и здѣсь тебѣ надо запереться; эти сумасшедшіе оставляютъ дверь настежъ среди ночи. — Маріанна! Маріанна! закричалъ онъ, подойдя къ двери, ведущей на лѣстницу.

Раздался голосъ, затѣмъ послышался стукъ деревянныхъ башмаковъ на лѣстницѣ, и черезъ минуту Маріанна, въ одной рубашкѣ, явилась среди кухни.

— Ахъ, Господи! закричала она, запахивая поспѣшно воротъ рубашки. — Я думала, что мужъ кличетъ, а это вы, синьеръ докторъ! И контесина! О, чортъ! Что-же это такое? Какъ вы вошли?

— Какъ не войти? У васъ дверь настежъ, отвѣчалъ Лючиліо.—Но вотъ въ чемъ дѣло, Маріанна: контесинѣ нельзя вернуться въ замокъ; онъ окруженъ сволочью...

— Что такое? А гдѣ-же наши мужчины? Ахъ, пьяницы, даже не поужинали! Ушли и дверь не заперли!

— Послушайте, Маріанна, ваши мужчины вернутся; опасности имъ нѣтъ никакой.

— Какъ нѣтъ? Если-бы вы знали, мой-то какой бѣдовый! Онъ способенъ, очертя голову, полѣзть одинъ на цѣлое войско.

— Будьте покойны, сегодня не полѣзетъ. Я пойду сыщу его и пришлю къ вамъ. Вы-же позаботьтесь о контесинѣ.

— О, бѣдная синьера, какъ вы, я думаю, перепугались! Извините, что я не одѣта; я думала—мужъ. Пьяница! Уйти и дверь не запереть! Ну, погоди-же! Что прикажете, контесина? Чѣмъ могу служить вамъ? Не понравится вамъ у насъ...

— Итакъ, похлопочите, Маріанна! повторилъ Лючиліо.

— Ужь я-ли не рада! Вотъ только извините, что не одѣта. Но вы, синьеръ докторъ, привыкли къ этому, а контесина такъ добра...

Хлопоча у огня, Маріанна выставляла на-показъ свои великолѣпныя плечи, бѣлизна которыхъ оттѣнялась загаромъ рукъ и лица. Быть можетъ, она была рада случаю показать ихъ и потому такъ усердно извинялась.

Лючиліо удалился. Клара расположилась передъ огнемъ, а Маріанна, которую она тщетно уговаривала пойти спать, сѣла за столъ ожидать возвращенія мужа и вскорѣ заснула, положивъ голову на сложенныя на столѣ руки.

Digitized by Google

Въ то время, какъ Лючиліо пробирался въ обходъ къ замку, намѣреваясь пройти къ заднему ходу въ него, я, какъ сказано выше, вышелъ изъ него этимъ ходомъ и прокрадывался впотьмахъ въ обходъ деревни, чтобы войти въ нее съ противоположной замку стороны и тѣмъ отстранить отъ себя всякія подозрѣнія въ лазутничествѣ. Я пробирался полями, какъ вдругъ увидѣлъ вдали во мракѣ человѣческую фигуру, прокрадывавшуюся между кустами съ большой осторожностью. Я присѣлъ въ высокой пшеницѣ и сталъ слѣдить за этой фигурой. Черезъ нѣсколько времени свѣтъ луны озарилъ ее, и я съ большимъ удивленіемъ узналъ Лючиліо. Я двинулся впередъ тихо и осторожно, продолжая скрываться въ пшеницѣ и готовый мгновенно задать тягу и спрятаться. Подойдя ближе такимъ образомъ, я окончательно распозналъ доктора. Встрѣча эта чрезвычайно обрадовала меня. Я зналъ его дружбу съ старой графиней и съ Кларой, видѣлъ его расположеніе къ себѣ и считалъ его человѣкомъ очень умнымъ и благоразумнымъ; по всему этому я полагалъ, что никто лучше его не можетъ помочь мнѣ въ моихъ разысканіяхъ. Подойдя къ нему на десять шаговъ, я шепотомъ окликнулъ его по имени, что заставило его остановиться и прислушаться.

— Синьеръ Лючиліо! Я Карлино изъ Фраты, Карлино, что ворочаетъ вертелъ! сказалъ я, продолжая говорить шепотомъ.

Онъ вынулъ изъ кармана какую-то вещь, которую впослѣдствіи я призналъ за пистолетъ, и сталъ приближаться ко мнѣ; но такъ-какъ я былъ закрытъ пшеницей, то онъ не видѣлъ меня.

— Да говорю вамъ, что это я! сказалъ я нетерпѣливо, вылѣзая изъ пшеницы.

— Тише! Тутъ по-близости стоитъ караульный, сказалъ онъ вполголоса, узнавъ меня.

Онъ говорилъ о товарищѣ того стража, который сопровождалъ его и Клару въ таверну. Но этотъ сторожъ, оставшись одинъ, не замедлилъ заснуть, и мы съ Лючиліо были вполнѣ отъ него обезпечены.

— Скажи мнѣ, изъ замка-ли ты и что тамъ дѣлается? спросилъ меня Лючиліо.

— Тамъ такой страхъ, что собороваться собираются, отвѣ-

Digitized by Google

чалъ я.—Сняли всѣ мосты, боясь венквередовскихъ сбировъ; два раза читали вечернюю молитву, но главное—контесина Клара пропала. Меня послали отыскивать ее и собрать вѣсти.

— Что-же ты сталъ-бы дѣлать, малышъ?

— Какъ что? Пошелъ-бы въ таверну, сказалъ-бы, что заблудился, какъ тотъ разъ—помните, когда болѣнъ былъ, — услышалъ-бы, что толкуютъ сбиры, разузналъ-бы у крестьянъ о контесинѣ, потомъ вернулся-бы по доскѣ черезъ ровъ, какъ вышелъ.

— Вижу, ты шустрый мальчуганъ. Я тебя хорошо не зналъ. На твое счастіе, тебѣ не придется хлопотать. Я былъ въ таверне, провелъ графиню Клару на мельницу, и если ты мнѣ покажешь, какъ пройти въ замокъ, мы вмѣстѣ снесемъ туда извѣстія.

— Стоитъ мнѣ только свистнуть, Маркетто выкинетъ намъ доску.

— Ну, пойдемъ.

— Ты ужь вернулся? спросилъ съ удивленіемъ Маркетто, появляясь на мой свистъ на другомъ берегу рва.—Да кто это съ тобой? прибавилъ онъ, пока я училъ Лючиліо способу переправы по доскѣ.

— Тише, свои! отвѣчалъ ему Лючиліо, спрыгивая съ доски.— Это я, и несу вамъ добрыя вѣсти о контесинѣ Кларѣ.

— Слава-богу! воскликнулъ Маркетто, пропуская его и помогая мнѣ вытащить доску изъ воды.

Въ кухнѣ царствовало уныніе. Огонь въ очагѣ потухъ; объ ужинѣ никто не помышлялъ, и только монсиньеръ Орландо бросалъ печальные взоры на кухарку, а старый Мартино невозмутимо теръ сыръ. Восклицанія изумленія, радости и страха привѣтствовали появленіе Лючиліо, а когда онъ раскрылъ ротъ, всѣ впились въ него глазами и водворилась мертвая тишина. Даже Мартино пересталъ тереть сыръ и старался разслышать его слова; но, не успѣвъ въ этомъ, овладѣлъ мною и принялся допрашивать меня.

— Прежде всего сообщу вамъ добрыя вѣсти о контесинѣ Кларѣ, началъ Лючиліо.—Она вышла въ поле къ Фоссальтѣ на-встрѣчу синьерѣ графинѣ, но негодяи помѣшали ей вернуться въ замокъ; теперь она въ безопасности; я самъ имѣлъ честь проводить ее на мельницу.

Digitized by Google

Слова о негодяяхъ испортили эфектъ извѣстія о Кларѣ. Графиня воскликнула:

— Значитъ, мы осаждены ими, точно турками!

— Ну, осада-то не очень страшна! Доказательство, что я здѣсь! сказалъ Лючиліо.—Впрочемъ, это заслуга Карлино; безъ него я не зналъ-бы, какъ попасть сюда.

Всѣ взоры устремились на меня съ чувствомъ уваженія. Было очевидно, что я годенъ не на одно верченіе вертела. Я наслаждался моимъ тріумфомъ скромно и достойно.

— Ты былъ и въ таверне? спросилъ управляющій.

— Синьеръ Лючиліо все вамъ разскажетъ. Онъ знаетъ больше меня, потому что, кажется, ему пришлось имѣть дѣло съ этими господами.

— А! Что-же они говорятъ? Уходятъ? спросилъ графъ съ волненіемъ.

— И не думаютъ! отвѣчалъ Лючиліо. — Чтобы прогнать ихъ, надо послать въ Портогруаро увѣдомить вице-капитана.

Монсиньеръ Орландо умильно посмотрѣлъ на кухарку; ему казалось, что всѣ эти вѣсти стоятъ ужина; каноникъ ди-Сант-Андреа поправилъ себѣ воротникъ нетерпѣливымъ жестомъ, и въ немъ заговорила плоть. Вообще эти два члена духовенства подъ вліяніемъ требованій желудка выказали себя мужественнѣе всѣхъ прочихъ осажденныхъ.

— Ну что-же вы посовѣтуете? спросилъ графъ Лючиліо.

— Прежде, чѣмъ совѣтовать, я спрошу: приняты-ли всѣ мѣры защиты? Есть у васъ оружіе? Увѣрены-ли вы, что отстоите себя въ эту ночь?

— Капитанъ! капитанъ! затрещала графиня. — Отвѣчайте синьеру Лючиліо! Это ваше дѣло. Распорядились-ли вы такъ, чтобы мы были въ безопасности?

— Помилуйте, проворчалъ капитанъ, — у меня всего четверо людей, считая съ Маркетто и Джермано; впрочемъ, ружья въ порядкѣ; я роздалъ порохъ, а за неимѣніемъ пуль пустилъ въ ходъ мои охотничьи заряды.

— Славно! закричалъ графъ.—Вы принимаете разбойниковъ за воробьевъ, что-ли, что собираетесь отстрѣливаться отъ нихъ дробью?

Digitized by Google

— Ничего, на нѣсколько часовъ довольно будетъ и дроби, сказалъ Лючиліо.—Лишь-бы продержаться до утра, а тамъ подоспѣетъ милиція вице-капитана.

— До утра! Легко сказать! возопилъ графъ, теребя свой парикъ,—а если они вздумаютъ пойдти на приступъ? Мы убьемъ одного, а остальные остервенятся и всѣхъ насъ перерѣжутъ прежде, чѣмъ вице-капитанъ вспомнитъ о насъ.

— Нѣтъ; не слѣдуетъ такъ преувеличивать опасность, сказалъ Лючиліо.—Одного подстрѣлить, такъ другіе призадумаются. Зубы показать вообще полезно; а такъ-какъ синьеръ капитанъ Сандрака нынче что-то не въ духѣ, то стану я распоряжаться обороной; увѣряю васъ, что я одинъ берусь защитить замокъ и отвадить отъ него всю эту сволочь.

— Браво, синьеръ Лючиліо! Вы насъ спасете! Мы на васъ полагаемся! воскликнула графиня.

Молодой человѣкъ говорилъ съ такой увѣренностью, что слова его производили на всѣхъ успокоительное дѣйствіе. Лица нѣсколько оживились и кухарка стала хлопотать у стола, къ великому утѣшенію монсиньера. Лючиліо совершенно вѣрно предположилъ, что вся эта кутерьма затѣяна Венквередо съ цѣлію захватить въ суматохѣ бумаги изъ канцеляріи, и потому первымъ дѣломъ распорядился перенести ихъ въ салонъ. Затѣмъ онъ поручилъ Маркетто, Джермано, управляющему и двумъ сбирамъ занять посты у тѣхъ пунктовъ, черезъ которые можно было проникнуть въ замокъ, и велѣлъ имъ стрѣлять во всякаго, кто осмѣлится покуситься на это. Капитанъ Сандрака ходилъ за нимъ по пятамъ, но уже не рѣшался храбриться и крутить усы; напротивъ, онъ жаловался на нездоровье и имѣлъ очень жалкій видъ.

— Ну, капитанъ, какъ вы находите мои распоряженія? спрашивалъ его Лючиліо.

— Прекрасно... я самъ думалъ... но у меня что-то на желудкѣ не того... говорилъ капитанъ.

— Бѣднякъ! вмѣшалась его жена, синьера Вероника. — Онъ такъ захлопотался; если-бы не онъ, разбойники давно были-бы въ замкѣ. Но онъ уже не молодъ, усталость беретъ свое, и силы измѣняютъ духу.

— Да, мнѣ слѣдовало-бы отдохнуть, вздохнулъ капитанъ.

Digitized by Google

— И прекрасно, идите, сказалъ Лючиліо, — вы уже достаточно доказали свое усердіе, можете теперь идти на отдыхъ съ спокойной совѣстью.

Кандійскій ветеранъ не заставилъ повторять себѣ этого разрѣшенія. Онъ опрометью помчался въ свою комнату, преслѣдуемый женой, которая кричала ему, чтобы онъ шелъ потише, иначе можетъ разбить себѣ носъ на лѣстницѣ. Прійдя къ себѣ въ комнату, онъ нѣсколько опомнился и сталъ говорить, что возиться съ ворами не его дѣло и что будь это настоящая война, онъ ни за что не покинулъ-бы своего поста.

— Сволочь! дрянь! говорилъ онъ, ложась на кровать и протягивая ноги;—воображаютъ себя героями изъ-за дурацкой потасовки. Мы видали не то!.. Вероника, Бога ради, куда ты? Не уходи! Оставайся со мной! Я хочу самъ тебя защищать!

— Спасибо, сказала жена, — только что-же ты не раздѣваешься?

— Раздѣваться! что ты? Время-ли тутъ раздѣваться? Вероника, сядь подлѣ меня. Кто захочетъ тронуть тебя, долженъ прежде перешагнуть черезъ мой трупъ!

Вероника легла также, не раздѣваясь, въ постель и заснула-бы безмятежно, если-бы мужъ при всякомъ жужжаніи мухи не вскакивалъ, спрашивая ее, слышала-ли она, и увѣщевая ее не бояться, а главное—не уходить отъ своего законнаго защитника.

Между тѣмъ внизу, пока всѣ ужинали, пугая другъ друга страшными предположеніями объ ужасающихъ намѣреніяхъ осаждающихъ, Лючиліо написалъ письмо вице-капитану въ Портогруаро, далъ графу подписать его и попросилъ позволенія отправиться лично для передачи письма. Крикъ ужаса былъ отвѣтомъ. Графиня и графъ вцѣпились въ него, всѣ прочіе окружили его, чтобы помѣшать ему уйдти. Поднялись такіе вопли и увѣщанія, что Лючиліо долженъ былъ поскорѣе успокоить ихъ, сказавъ, что остается.

Тѣмъ не менѣе надо было послать съ кѣмъ-нибудь письмо, и взоры всей компаніи обратились на меня. Мнѣ набили голову инструкціями и наставленіями; зашили мнѣ въ куртку письмо, и, переправясь по доскѣ, я вторично очутился за стѣнами замка, въ ночной темнотѣ, съ дипломатическимъ порученіемъ.

Въ это время было всего десять часовъ вечера и луна ярко

Digitized by Google

свѣтила, что меня сильно безпокоило; во-первыхъ, я припомнилъ исторіи о колдунахъ и вѣдьмахъ, которыя разсказывалъ мнѣ Маркетто, а во-вторыхъ, это самое возбудило во мнѣ опасеніе быть замѣченнымъ. Однако, я благополучно пробрался полями на мельницу, гдѣ первымъ дѣломъ успокоилъ Клару, давъ удовлетворительные отвѣты на всѣ ея вопросы; потомъ сказалъ Маріаннѣ, чтобы она разбудила своего старшаго сына, и пока она уходила исполнить это порученіе, распоролъ куртку и досталъ зашитое въ ней письмо. Мальчикъ Сандро, старшій сынъ Маріанны, былъ двумя годами старше меня, отличался смѣлостью и смѣтливостью, и управляющій указалъ мнѣ прямо на него для доставки письма въ Портогруаро. Когда онъ отправился въ путь, я, кромѣ удовольствія, что успѣшно выполнилъ свое порученіе, почувствовалъ еще потребность дѣйствовать, продолжать свои ночныя экспедиціи. Воображеніе мое было возбуждено и мнѣ рѣшительно не сидѣлось на мѣстѣ. Я вознамѣрился вернуться въ замокъ, сообщить объ исполненіи порученій и затѣмъ снова идти ко времени на мельницу возвращенія Сандро, чтобы узнать о результатахъ его посланничества. Услыхавъ о моемъ намѣреніи вернуться въ замокъ, Клара спросила меня, можно-ли ей пройти туда тѣмъ-же путемъ. Мое сердце воспылало героизмомъ, и я отвѣчалъ по-рыцарски, что скорѣе утону, чѣмъ допущу, чтобы она замочила подолъ своего платья. Маріанна попыталась отговорить ее, но она твердо рѣшилась, и мы отправились.

Мы благополучно достигли рва, гдѣ на обычный мой свистъ явилась доска, по которой контесина легко перескочила, смѣясь рѣзвымъ смѣхомъ, какъ дѣвочка, и обращаясь со мной какъ съ товарищемъ. Восторгъ и изумленіе семьи были неописанны; первый вопросъ Клары былъ о бабушкѣ; ей отвѣчали, что старушка, успокоенная даннымъ ей объясненіемъ отсутствія Клары, уже давно спитъ. Поэтому Клара осталась въ столовой, гдѣ сидѣло все общество и гдѣ, къ ея не малому удовольствію, ей стали на перебой и на всѣ голоса разсказывать о подвигахъ Лючиліо, котораго всѣ единогласно признавали своимъ спасителемъ. Другимъ героемъ былъ я. Всѣ меня ласкали, хвалили, угощали; монсиньеръ простилъ мнѣ незнаніе Confiteor, а управляющій искренно каялся, что по его мысли я замѣнялъ вертелъ. Графъ смотрѣлъ

Digitized by Google

на меня умильными глазами, а графиня гладила по головѣ. Справедливость была воздана поздняя, но заслуженная.

Вдругъ на дворѣ раздался шумъ, и Маркетто съ вытаращенными глазами и ружьемъ въ рукѣ бросился въ столовую. — Что? что? Всѣ повскакали, стали кричать, стулья и подсвѣчники попадали. Изъ словъ конюшаго оказалось, что четверо человѣкъ перебрались незамѣченные черезъ ровъ и бросились на него и на Джермано, что Джермано получилъ нѣсколько ударовъ ножомъ въ бокъ, а онъ едва успѣлъ спастись, затворивъ за собою дверь. Поднялось смятеніе невообразимое, среди котораго раздавался голосъ Лючиліо, тщетно призывая къ порядку. Клара также тщетно помогала ему, стараясь унять оглушительные крики графини увѣщаніемъ не терять присутствія духа и положиться на Бога.

— Богъ! Что ты говоришь о Богѣ! трещала графиня.—Позовите духовника! Монсиньеръ, примите нашу исповѣдь!

Монсиньеръ ди-Сант-Андреа, къ которому обращались эти слова, былъ не въ состояніи вымолвить ни слова. Со двора доносился шумъ, выстрѣлы и отчаянныя ругательства толпы людей. Смятеніе дошло до крайности; женщины визжали и метались. Капитанъ появился, блѣдный, какъ мертвецъ, поддерживаемый женой, и кричалъ, что все погибло. На дворѣ слышались вопли семействъ Фульдженціо и управляющаго, прибѣжавшихъ искать убѣжища въ замкѣ. Канчеліере залѣзъ подъ столъ. Всѣ кричали, молились, крестились, проклинали, а духовныя лица причитали. Я схватилъ Пизану въ свои объятія съ твердымъ намѣреніемъ дать себя четвертовать прежде, чѣмъ предать ее врагамъ. Среди всего этого раздался стукъ въ окно и мужскіе голоса, просившіе отворить, говоря, что все кончено. Тутъ вопли сдѣлались еще оглушительнѣе, но Лючиліо, который до сихъ поръ разспрашивалъ, на-сколько это было возможно при такомъ шумѣ, Маркетто, чтобы узнать причину возни на дворѣ, бросился къ окошку, расталкивая толпу, и окрикнулъ стучавшихъ.

— Отворите! Друзья! Изъ Сан-Мауро и Лугуньяны! отвѣчали нѣсколько голосовъ.

— Отворите! Это я, Партистаньо! Мы прогнали негодяевъ! прибавилъ еще голосъ, всѣмъ хорошо знакомый, и испуганное стадо испустило радостный крикъ. Графъ, между прочимъ, до

Digitized by Google

того обрадовался, что, сдернувъ съ себя парикъ, воздѣлъ его обѣими руками къ небесамъ, какъ-бы предлагая имъ его въ благодарность за чудесное спасеніе. При видѣ этого я такъ расхохотался, что хохоталъ долго, до слезъ, безъ удержу, и счастіе мое, что всѣ были слишкомъ заняты радостью избавленія, чтобы обратить вниманіе на мой неумѣстный хохотъ. Двери были отворены, окна отбарикадированы; зажгли фонари, факелы, подсвѣчники, лампы и канделябры, и при свѣтѣ яркой илюминаціи раздались побѣдныя пѣсни, гимны Te Deum'a и восторженныя привѣтствія; подъ звуки всего этого Партистаньо вступилъ въ столовую и освободительная армія его заняла весь нижній этажъ замка. Графиня, забывъ всякое приличіе, бросилась на шею юному побѣдителю; графъ, монсиньеръ Орладно и каноникъ ди-Сант-Андреа захотѣли послѣдовать ея примѣру. Клара горячо благодарила его. Одинъ Лючиліо былъ, можетъ быть, недоволенъ, что помощь пришла съ этой стороны, однако, не показалъ виду и первый спросилъ Партистаньо, какимъ образомъ онъ такъ кстати явился съ своей помощью. Партистаньо отвѣчалъ, что онъ пріѣхалъ вечеромъ, по обыкновенію, въ гости, но нѣсколько опоздалъ, будучи задержанъ по пути дѣлами въ Сан-Мауро. У Фраты его остановили сбиры, и онъ, сколько ни бранился, не могъ добиться, чтобы его пропустили. Тогда, сообразивъ, что толки о контрабандѣ служатъ прикрытіемъ для какихъ-то дурныхъ затѣй, онъ рѣшился вернуться домой, чтобы снова явиться для переговоровъ, но на этотъ разъ уже не съ одними словесными аргументами. Собравъ своихъ сбировъ и захвативъ еще подкрѣпленіе изъ Сан-Мауро, онъ вернулся къ Фратѣ какъ-разъ въ то время, когда четверо сбировъ проникли въ замокъ и овладѣли башней. Онъ безъ труда разогналъ пьяную сволочь въ улицѣ и на площади селенія и быстро переправился черезъ ровъ въ замокъ. Тѣ, которые занимали башню, не препятствовали переправѣ, потому что были заняты ломаніемъ замковъ у дверей архива. Тутъ между ними и его людьми произошла схватка, кончившаяся тѣмъ, что всѣ четверо негодяевъ были схвачены и перевязаны, и теперь находятся въ той самой башнѣ, которою завладѣли при своемъ неожиданномъ нападеніи. Въ числѣ ихъ и самъ начальникъ, Гаэтано. Что касается привратника замка, то лугуньянскіе сбиры нашли его уже мертвымъ.

Digitized by Google

— Бѣдный Джермано! воскликнулъ Маркетто.

— Опасность прошла? Всѣ ушли? Не сбираются-ли мстить? спрашивалъ графъ, которому не вѣрилось, чтобы такая гроза могла такъ скоро миновать.

— Зачинщики теперь проучены и будутъ смирны, какъ школьники, пока ихъ не притянутъ къ расправѣ, отвѣчалъ Партистаньо;—а прочіе, я думаю, уже забыли, чѣмъ пахнетъ воздухъ во Фратѣ, и не захотятъ снова нюхать его.

— Слава-богу! воскликнула графиня.—Синьеръ баронъ ди-Партистаньо, мы себя и все наше отдаемъ въ ваше распоряженіе въ благодарность за такую великую услугу.

— Эчеленца! воскликнулъ капитанъ, — вы величайшій воинъ новѣйшихъ временъ!

— Однако, и вы приняли хорошія мѣры защиты, возразилъ Партистаньо.—Двери и окна были такъ законопачены, что и муравью трудно было пролѣзть.

Капитанъ, молча, указалъ на Лючиліо, слагая на него всю честь обороны.

— А, это синьеръ Лючиліо! воскликнулъ Партистаньо съ оттѣнкомъ ироніи.—Надо сознаться, что нельзя было дѣйствовать съ большей осторожностью.

Панегирикъ осторожности въ устахъ человѣка, восторжествовавшаго смѣлостью, слишкомъ походилъ на насмѣшку, чтобы Лючиліо не замѣтилъ ея. Онъ, конечно, былъ возмущенъ, но удержался и отвѣчалъ только легкимъ поклономъ. Партистаньо поспѣшилъ взглянуть на Клару, чтобы по выраженію ея лица судить, какой эфектъ произвело на нее это новое торжество его надъ ничтожнымъ соперникомъ. Но Клары не было въ комнатѣ. Она вышла, чтобы взглянуть на бабушку. Старушка спокойно спала; постоявъ нѣсколько времени у ея двери, Клара снова пошла въ столовую, гдѣ тѣмъ временемъ Партистаньо былъ осажденъ разспросами о числѣ непріятелей и гдѣ всѣ на-радостяхъ пересказывали другъ другу пережитыя впечатлѣнія. На-радостяхъ возбудился апетитъ. Принялись за поросятъ Фульдженціо. Кухарка работала за троихъ, огонь пылалъ, какъ-будто собираясь пережарить все въ одно мгновеніе.

Мартино, оплакивая смерть Джермано, натиралъ моментально горы сыра. Мы съ Пизаной, сбѣжавшись на шумъ изъ спальни, игра-

Digitized by Google

ли, радуясь, что среди общей радости на насъ не обращаютъ вниманія; и чтобы почаще пользоваться подобной масляницей, мы очень желали-бы, чтобы замокъ каждый мѣсяцъ подвергался осадѣ. Радость мою смущала только мысль о бѣдномъ Джермано. Смерть въ первый разъ такъ близко проходила мимо меня. На живую болтовню Пизаны я грустно отвѣчалъ ей: „А Джермано?“ Дѣвочка задумывалась и личико ея вытягивалось, но черезъ минуту она снова приставала ко мнѣ съ шалостями и съ разспросами о моихъ экспедиціяхъ, увѣряла, что она сдѣлала-бы лучше моего, и выражала свою радость за меня при видѣ кухарки, которая наставляла въ очагѣ вертелъ, вмѣсто того, чтобы засадить за верченіе меня. Все это развлекало меня въ моемъ горѣ, и сознаніе пріобрѣтенной важности мѣшало мнѣ думать о покойникѣ.

Былъ уже первый часъ ночи, когда ужинъ поспѣлъ, и всѣ принялись за ѣду, какъ и гдѣ случилось. Семьи управляющаго и Фульдженціо были приглашены на банкетъ, и между чавканіемъ и чоканіемъ лишь изрѣдка раздавались вздохи при воспоминаніи объ убитомъ Джермано и о пропавшихъ безъ вѣсти Фульдженціо и капеланѣ. Но если мертвые не воскресаютъ, то живые возвращаются. Въ самомъ разгарѣ пиршества пропавшіе явились, блѣдные и запыленные, какъ-будто вылѣзли изъ мѣшковъ съ мукой. Радостный хоръ голосовъ привѣтствовалъ ихъ появленіе. Оказалось, что при первомъ появленіи врага оба они бѣжали въ Портогруаро за помощью и дѣйствительно привели ее.

— Какъ? воскликнулъ графъ. — Значитъ, господа солдаты здѣсь? Зовите-же ихъ сюда, скорѣе зовите.

Господъ солдатъ было шестеро, со включеніемъ капрала, но въ желудочномъ отношеніи они стоили цѣлаго полка. Они явились какъ-разъ во время, чтобы покончить поросятъ и оживить бесѣду, которая начала становиться сонливой. Когда они насытились, каноникъ ди-Сант-Андреа прочелъ молитву въ возблагодареніе Бога за избавленіе отъ опасности, и всѣ озаботились объ отходѣ ко сну. На другой день солдаты и сбиры вернулись по домамъ, получивъ отъ графа щедрое вознагражденіе и выслушавъ три обѣдни. Такимъ образомъ послѣ бури замокъ вернулся въ обычное спокойствіе. Графъ издалъ приказъ обитателямъ замка

Digitized by Google

быть скромными въ своемъ торжествѣ, чтобы излишнимъ чванствомъ не навлечь на себя новой мести грознаго сосѣда.

О процесѣ и слѣдствіи по дѣлу о сообщеніяхъ Джермано не было и помина, и власти Фраты были, напротивъ, заняты изысканіемъ средствъ прекратить дѣло объ его убійствѣ и возможности отпустить съ миромъ четырехъ взятыхъ въ плѣнъ сбировъ. Относительно ихъ Венквередо, спрошенный по этому поводу, отвѣчалъ, что дѣйствительно послалъ ихъ преслѣдовать воровъ, но если они преступили свое порученіе и набуянили, то онъ за нихъ не отвѣтственъ. Канчеліере отнюдь не желалъ привлекать плѣнниковъ къ допросу. Примѣръ Джермано доказывалъ ясно, какъ опасно было выводить на свѣжую воду секреты графа Венквередо. Было дознано, что нападеніе сбировъ на башню было совершено ими въ состояніи безчувственности отъ опьяненія, и надѣялись, что все это дѣло поростетъ быльемъ и само собою прекратится.

Такъ прошло около мѣсяца, когда однажды вечеромъ два капуцина попросили гостепріимства въ замкѣ Фрата. Фульдженціо, знавшій твердо всѣ монашескія бороды въ округѣ, не призналъ этихъ; но они пояснили, что идутъ изъ Илиріи,—объясненіе, подтверждавшееся и выговоромъ ихъ, и потому были радушно приняты. Они съ примѣрной скромностью отказались войти въ столовую, гдѣ все общество было въ сборѣ, и, умѣстившись ужинать въ кухнѣ, назидали прислугу своимъ благочестивымъ видомъ и разсказами о Далмаціи и Турціи—всегдашнемъ предметѣ разсказовъ монаховъ, приходившихъ изъ тѣхъ краевъ. Затѣмъ они попросили ночлега, и Мартино проводилъ ихъ наверхъ, въ комнату рядомъ съ моею, отъ которой она отдѣлялась тонкой перегородкой. Сквозь щель я видѣлъ, какъ они вошли туда. Скоро весь замокъ погрузился въ сонъ, но я не отходилъ отъ щели, погруженный въ созерцаніе, ибо у капуциновъ оказались съ собой вещи, сильно возбудившія мое любопытство. Войдя въ комнату, они поспѣшили запереть дверь на ключъ и затѣмъ стали извлекать изъ своихъ рясъ какіе-то инструменты и въ томъ числѣ два огромныхъ ножа и пару пистолетовъ—вещи вовсе не монашескія. Отъ страха я едва дышалъ, но любопытство приковывало меня къ мѣсту. Одинъ изъ нихъ принялся колотить ломомъ въ стѣну, прилегавшую къ башнѣ, и вскорѣ въ ней образовалась порядочная дыра.

Digitized by Google

— Толстая стѣна! замѣтилъ онъ, работая.

— Три локтя съ четвертью, отвѣчалъ другой;—на два съ половиной часа работы.

— А если кто насъ застанетъ?

— Гмъ... тѣмъ хуже для него! За шесть тысячъ дукатовъ можно отпустить пару ударовъ ножомъ.

— А если привратникъ проснется, когда мы будемъ выходить?

— Что ты? Это мальчишка, сынъ Фульдженціо! Напугаемъ его такъ, что онъ самъ дастъ намъ ключи, а не то...

„Бѣдный Нони!“ подумалъ я, увидавъ жестъ, которымъ сопровождались эти слова. Я терпѣть не могъ эту ехидную тварь Нони, вѣчно шпіонившую за мной и за Пизаной, но въ эту минуту забылъ свою антипатію. Сверхъ того во мнѣ пробудилось чувство предпріимчивости и отваги, и мнѣ захотѣлось отличиться, какъ я отличился въ ночь осады. Неслышными шагами пробрался я въ комнату Мартино, растворилъ ставень, чтобы освѣтить комнату луннымъ свѣтомъ и такимъ образомъ предупредить со стороны старика какой-нибудь неосторожный поступокъ въ первую минуту пробужденія, подошелъ къ его кровати и разбудилъ его. Онъ вскочилъ, собираясь закричать, но я зажалъ ему ротъ и велѣлъ молчать. Благодаря лунному свѣту, онъ тотчасъ узналъ меня и успокоился. Я шепотомъ вызвалъ его на лѣстницу и тамъ разсказалъ ему все, что видѣлъ и слышалъ. Онъ слушалъ, выпучивъ глаза.

— Надо разбудить Маркетто, графа и канчеліере, сказалъ онъ, когда я кончилъ.

— Нѣтъ, довольно Маркетто; прочіе только напутаютъ, сказалъ я съ удивительной независимостью, но совершенно справедливо.

Маркетто согласился со мной, что надо дѣйствовать втихомолку и безъ лишняго народа. Стѣна, которую рыли капуцины, выходила въ архивъ канцеляріи, темную комнату въ третьемъ этажѣ башни, полную бумагъ, мышей и пыли. Было рѣшено спрятать въ ней двухъ человѣкъ, которые заберутъ монаховъ по мѣрѣ того, какъ они будутъ пролѣзать въ продѣланное отверстіе. Людьми этими былъ самъ Маркетто и его родственникъ, жившій въ замкѣ въ качествѣ садовника. Они забрались тихонько въ архивъ

Digitized by Google

и, вооружившись на всякій случай ножами и пистолетами, расположились у стѣны, за которой слышались глухіе удары лома.

— Ужь рука проходитъ, раздался голосъ за стѣной.

— Еще два удара—и дѣлу конецъ, сказалъ другой.

Дыра расширилась и могла, наконецъ, пропустить человѣка. Тогда въ отверстіи показалась голова, за ней—рука, за ней—другая; руки уперлись въ полъ архивной комнаты и туловище собиралось сдѣлать движеніе впередъ, чтобы протащить себя и свои ноги. Но въ эту минуту чьи-то руки какъ клещи впились въ горло; въ раскрытый ротъ въѣхалъ комъ бѣлья, чуть не цѣлая простыня, мѣшая не только кричать, но и дышать, здоровенный кулакъ опустился на затылокъ, между тѣмъ какъ дуло пистолета прикоснулось ко лбу, и непрошенная помощь втянула туловище и ноги въ архивъ. Товарищъ плѣннаго окликнулъ его, повидимому, обезпокоенный его молчаніемъ; отвѣта не послѣдовало; тогда онъ просунулъ голову, чтобы посмотрѣть, но съ нимъ было поступлено еще проще. Голову ухватили и стали тащить изо всѣхъ силъ впередъ, и вскорѣ другой капуцинъ лежалъ связанный и обезоруженный рядомъ съ первымъ. Ихъ оставили размышлять о случившемся и поспѣшили разбудить власти и сообщить имъ о происшествіи.

Что это были за восклицанія, треволненія, молитвы и божбы! Послѣ долгихъ переговоровъ Фульдженціо былъ отправленъ въ Портогруаро къ вице-капитану. И въ ту-же ночь замокъ Венквередо былъ окруженъ ротой славонскаго войска, самъ графъ арестованъ и препровожденъ въ городъ. За то во Фратѣ всѣ вздохнули свободно. Черезъ нѣсколько дней радость была здѣсь полная, когда пришелъ приказъ сдать четырехъ плѣнныхъ сбировъ, двухъ лже-капуциновъ и всѣ бумаги, сообщенныя Джермано, уполномоченному отъ свѣтлѣйшаго Совѣта Десяти. Черезъ полгода узнали, что шестеро сбировъ приговорены на галеры пожизненно, а графъ Венквередо, за государственную измѣну, на десять лѣтъ заключенія въ крѣпости Рока д'Анфо, въ брешіанской провинціи. Бумаги, сообщенныя Джермано, заключали въ себѣ переписку Венквередо съ разными баронами горной страны и въ ней дѣло шло о томъ, чтобы склонить правительство Маріи-Терезіи овладѣть венеціянскимъ Фріулемъ при помощи мѣстнаго дворянства. Бумаги эти Джермано сохранялъ у себя, какъ орудіе про-

Digitized by Google

тивъ своего бывшаго патрона, но онѣ, какъ видимъ, послужили имъ обоимъ на погибель.

Однако имѣніе Венквередо не было конфисковано; его отдали въ опеку до совершеннолѣтія сына осужденнаго, воспитывавшагося въ духовной колегіи въ Венеціи. Избавившись отъ графа и его Гаэтано, Леонардо Проведони вступилъ въ законный бракъ съ Дореттой. Спаккафумо, какъ ни въ чемъ не бывало, засѣдалъ на свадебномъ пиру на почетномъ мѣстѣ. Во всемъ округѣ говорили, что никогда не видали такой красивой четы новобрачныхъ. Венквередскій канчеліере, отецъ Доретты, остался на все время опеки полнымъ хозяиномъ замка, и отблескъ его новаго величія отражался на его дочери.

Моя судьба также подверглась перемѣнѣ. Мнѣ было одинадцать лѣтъ, когда исторія съ капуцинами покрыла меня славой. Графиня перестала давать мнѣ затрещины и не препятствовала мужу, когда тотъ объявилъ, что меня надо пустить по письменной части и пока прикомандировать въ званіи писца къ канчеліере. Я получилъ даже мѣсто за семейнымъ столомъ, по сосѣдству съ Пизаной, на которую началъ посматривать свысока, хвастаясь латинскими склоненіями и спряженіями, которыя я принялся зубрить въ это время.

(Продолженіе будетъ.)

Digitized by Google

ВЕСНА.

Она:

Въ воздухѣ пахнетъ весною,
Солнце теплѣй и свѣтлѣй...
Что-же, мой милый, съ тобою?
Сталъ ты слабѣй и блѣднѣй...
Вѣетъ бодрящая нѣга,
Слышится пѣсня труда.
Чу!.. подъ сугробами снѣга,—
Слышишь?—сочится вода.
Въ теплыя, мглистыя ночи
Страшно волнуется грудь,
Вспыхнули дѣвичьи очи,
Грезы мѣшаютъ уснуть...
Въ голосѣ—нѣга и слезы,
Бродишь съ улыбкой вездѣ...
Гдѣ-же вы, вешнія грозы,
Тучки небесныя—гдѣ?
Съ первой весеннею тучей
Все, что убито зимой,
Жизнью воспрянетъ могучей
Изъ-подъ коры ледяной.
Сыплетъ весна на могилы
Зелень, лучи и цвѣты...
Что-же ты холоденъ, милый,
Что-же нерадостенъ ты?
Иль мои очи не ярки,
Или коса не пышна,
Иль поцѣлуи не жарки,
Бѣлая-ль грудь холодна?
Ну-жь, улыбнися со мною,
Пой мои пѣсни опять,
Вѣрь, что воскреснетъ весною
Старой любви благодать!

Digitized by Google

Онъ:

Тамъ далеко, за синими морями,
Въ краю родномъ, блаженна и пышна,
Уже царитъ надъ мирными полями
Моя весна.
Шумятъ лѣса и зеленѣютъ нивы,
А по ночамъ ужь свищутъ соловьи,
Струитъ рѣка широкіе разливы,
Гремятъ ручьи.
Уже въ садахъ благоухаютъ розы...
Завился хмѣль и яблони въ цвѣтахъ.
Прошла зима... отбушевали грозы
Въ родныхъ краяхъ.
Печальна ты, холодная чужбина,
Блѣдны твои весенніе цвѣты,
Какъ кладбище, какъ дряхлая руина
Безмолвна ты!
Мое дитя, не пой мнѣ пѣсни юга,
Былой любви въ душѣ не зажигай...
И все, что здѣсь похоронила вьюга,
Не воскрешай!...

В. И. Славянскій.

Digitized by Google

ПРИВОЛЬЕ*).

Картины лѣтняго промысла

VI.

Опять Серафима.

Іюнь въ исходѣ.

Солнце подолгу застаивается въ небѣ; океанъ весь въ ослѣпительномъ блескѣ и лѣниво катитъ волны, едва взбрасывая у крутыхъ береговъ свои бѣлые всплески. Становище „Еретики" неузнаваемо. Снѣгъ еще въ двухъ-трехъ трещинахъ; все остальное или сверкаетъ на солнцѣ гребнями и углами словно отполированнаго камня, или мягко зеленѣетъ скудными порослями и луговинами. Внизу, подъ защитою каменныхъ утесовъ, поднялась густая трава; на припекѣ золотятся лютики, березовая сланка заползла даже на верхушки горъ; на самыхъ открытыхъ мѣстахъ, даже подъ вѣтромъ, раскинулся можжевельникъ и ворониця, а по сырымъ понизьямъ, гдѣ словно сѣрое облако въ теплые дни стоятъ комары,—осока да куриная слѣпота пестрятъ небольшія площадки торфа. А тамъ на небольшихъ лужкахъ красуются и тысячелистники, и лиловые колокольчики дикаго горошка... Теплый воздухъ проникнутъ запахомъ водорослей и тою оживляющей морскою влажностью, отъ которой разомъ воскресаетъ самая измученная грудь.

И вся эта поросль поднялась разомъ, нежданно-негаданно, точно изъ-подъ снѣгу высыпала на бѣлый свѣтъ, и красуется на

*) См. № 1 „Дѣла" за 1875 г.

Digitized by Google

всей своей вольной волѣ. Океанъ словно ластится къ этому ожившему берегу. Слегка колышутся на немъ утлыя шняки, медленными, гулкими раскатами носятся по взморью промысловыя пѣсни и замираютъ гдѣ-то далеко, далеко...

На палубѣ своей шкуны разоспалась Серафима-карабельщица.

Во всѣ стороны разметались толстыя косы, алыя, крупныя губы полуоткрыты, грудь дышетъ высоко... А солнце обливаетъ спящую своимъ зноемъ и свѣтомъ, то припечетъ румяную щеку, то обожжетъ шею, то всю ее охватитъ полымемъ, и призывно улыбается она во снѣ и еще привольнѣе раскидывается, благо море, словно убаюкивая, слегка колышетъ шкуну и съ тихимъ плескомъ бьется у ея ногъ...

Яркое-ли солнышко нагнало такой сонъ на корабельщицу, только вся ея жизнь передъ нею такъ и проносится цѣлыми вереницами призраковъ... И томятъ они ее, и мучатъ, и веселятъ, и радуютъ. День за днемъ, часъ за часомъ переживаетъ она давнія муки и улыбается старымъ вешнимъ радостямъ... Словно пчелы вьются надъ головою знакомые звуки, давно позабытыя лица назойливо льнутъ къ ней; отъ однихъ ей жутко, отъ другихъ дрогнетъ сердце и еще выше подымется грудь...

А сонъ все крѣпче и крѣпче...

Вдругъ она вздрогнула и на секунду широко раскрыла испуганные глаза.

Какая-то судорога пробѣжала по лицу и тревожно колыхнула грудь. Еще изумленнѣе всматривается она въ морскую даль—и засыпаетъ опять...

Что ей привидѣлось?..

VII.

Въ скитахъ.

Далеко это, поди и въ мѣсяцы не дойдешь.

Вокругъ чернолѣсье да топь окаянная. Попробуй сунуться—или волки разорвутъ измученнаго и голоднаго, или въ болото уйдешь—и слѣда надъ тобой не останется. Та-же зеленая, скользкая тина будетъ невозмутимо стоять надъ твоею нежданной могилой.

Digitized by Google

Есть тутъ и тропки, да путнику ихъ не найти. Знаетъ ихъ медвѣдь, волкъ знаетъ, лисица, россомаха ходятъ по нимъ, ходятъ и люди, да такіе, что сродни и медвѣдю, и волку... Шатуны ходятъ...

А пройдешь лѣса эти, оставишь позади болота, и найдешь красу несказанную.

Все-то серебряное, все-то въ извилинахъ, все-то недвижное озеро словно затаилось посреди зеленой пустыни. Тихо свѣтится оно, красиво и мягко облегая большой островъ, на которомъ разбросаны деревянные срубы княжъ-озерскаго раскольничьяго скита. Рыба здѣсь кишмя-кишитъ, по берегу всякой дичи—сколько хочешь. Любитъ эту глушь птица небесная, идетъ сюда словно въ свое завѣтное пристанище звѣрь матерой. Некому тутъ стрѣлять, никто не станетъ нарушать безмятежнаго и мирнаго житія, что искони влечетъ сюда весь голутвенный людъ... Не спрашиваютъ тутъ странника: изъ кія веси и изъ коего града?—а голоденъ-ли? Коли голоденъ—ѣшь, коли усталъ и ищешь покоя—спасайся въ глуши нетревожной отъ суеты мірской. Не допытываются: что сдѣлалъ ты, зачѣмъ бѣжишь на безлюдье, а просто отворяютъ врата всѣмъ труждающимся и обремененнымъ...

Островъ состоитъ, строго говоря, изъ двухъ острововъ, соединенныхъ узкимъ перешейкомъ. На одномъ скиты мужскіе, на другомъ—женскіе. Невозбранно царитъ надъ ними „старецъ“ Корнилій, плутъ и пройдоха первостатейный. Сластолюбецъ и мошенникъ былъ онъ, да скиту все ладно. Любо спасающимся, что большакъ у нихъ человѣкъ умный. Онъ какого только дѣла не оправитъ, изъ какой бѣды не вызволитъ!.. Иной разъ, кажется, смерть человѣку—смотришь, похлопочетъ Корнилій и все сойдетъ съ рукъ. Въ женскихъ скитахъ верховодила строительница мати Анемподиста, нѣкогда московская купеческая дочка, а теперь—большачиха. Тоже была умная. Всѣ порядки ею держались, не даромъ называли ее обитатели скитовъ „адамантомъ святыя обители и столпомъ благочестнаго житія...“

Лунною ночью, когда эти очаровательныя картины при-озернаго захолустья уходили въ таинственный сумракъ, привезли сюда Серафиму лѣтъ двѣнадцать назадъ. Посылалъ ее отецъ по обѣту „скитамъ потрудиться“ за спасеніе его отъ морской бури, въ которой погибли остальные.

Digitized by Google

Было ей лѣтъ шестнадцать... Смотритъ, бывало, на озеро и думаетъ, а о чемъ—и сама не знаетъ. Такъ тѣни отъ лѣсныхъ вѣтвей пробѣгаютъ по лицу—неуловимыя. Только станетъ жарко отъ этихъ думъ да грудь ширится, словно сердце разорвать ее хочетъ, отъ наплыва какого-то невѣдомаго чувства. Сошлась Серафима только съ одною дѣвушкою—однолѣткой и тоже изъ поморья завезенной въ корельскую глушь неисходную. Та Феней звалась и такая мягкая да матовая была, красивая да лѣнивая, благо и дѣла имъ въ скитахъ особливаго не было. Развѣ когда лѣтомъ въ лѣсъ по грибы или за ягодой. Черники да голубики — гибель было, а по сырымъ понизьямъ морошка золотилась.

И прошло-бы такъ долго, да увидѣлъ большакъ Корнилій Серафиму. Тонкій былъ цѣнитель женской красоты. Разомъ разсмотрѣлъ и брови высокія, и улыбку зазывную, и грудь крутую. А позади косы, что змѣи вьются.

Разъ Серафима только ушла въ свою келійку, какъ за нею послала строительница.

Противъ обыкновенія, мать Анемподиста смотрѣла сухо и, едва глядя на дѣвушку, кивнула ей на маленькаго, мозгляваго, съ лисьей мордочкой и вороватыми глазками инока, смиренно стоявшаго въ углу.

— Вотъ она—бери. Да скажи Корнилію, что я сама буду у него сегодня. Не потатчица я безобразію этому.

— Хорошо, матушка. Пойдемъ, птичка.

Дѣвушка съ недоумѣніемъ взглянула на настоятельницу. Та повернулась и вышла, ничего не объяснивъ.

— Пойдемъ, ласточка; вѣдаешь-ли, что есть краше злата и адаманта? Краше адамантовъ—повиновеніе, краше злата—смиреніе. Великое, по неизреченной благости своей, Господь посылаетъ тебѣ недостойной счастье, ты не возгордись, смотри!

— Куда-же идти?

— Ахъ, голубка ты моя чистая, гнусливо, на-распѣвъ, тянулъ раскольникъ.—Не искушай ты меня, не подобаетъ бо старцу взирать на прелести бѣсовскія. Есть мѣстечко одно и уготовано оно тебѣ, да процвѣтешь тамо, яко кринъ сельный, и яко финикъ, и яко каменіе многоцѣнное. Не вопрошай, токмо слѣдуй за мною. Великая ждетъ тебя радость и да не смятется

Digitized by Google

сердце твое, егда глаголы истины, неизреченно сладкогласные, услышишь.

Серафима, недоумѣвая отъ всей этой ерунды, пошла за парнемъ въ скуфейкѣ.

Выйдя за ограду женскаго скита, она должна была сѣсть въ телѣжку и ѣхать въ ту часть острова, гдѣ были мужскіе скиты княжъ-озерскаго строенія.

Направо и налѣво развертывались прелестные, причудливые пейзажи, озаренные теплымъ блескомъ вешняго солнца. Порою стволы сосенъ рѣдѣли и сквозь нихъ сіяли голубымъ свѣтомъ тихія и мирныя внутреннія озера острова, въ спокойныхъ зеркалахъ которыхъ отражалось и лазурное небо съ застоявшеюся на немъ бѣлою тучкой, и береговая зелень, и серебряная искра высоко взлетѣвшей птицы, и толстые, иногда, какъ канделябры, двоившіеся вверху стволы вѣковыхъ деревьевъ. Иногда по самой серединѣ озеръ подымались небольшіе острова, состоявшіе то изъ однообразной, ярко сверкавшей глыбы мѣднаго колчедана, то изъ купы неподвижныхъ березъ, то изъ покрытаго луговыми цвѣтами сочнаго понизья. На нѣкоторыхъ островахъ цѣлыми рядами сидѣли бѣлыя и сѣрыя чайки и крики ихъ долго преслѣдовали путниковъ, нарушившихъ чудное спокойствіе этого безлюднаго угла.

Зачастую мимо дороги со звонкимъ рокотомъ бѣжали ручьи, извиваясь змѣистыми битями вокругъ сѣрыхъ гранитныхъ выступовъ, скрытыхъ подъ почвою скалъ. Порою съ одной стороны, почти отвѣсною стѣною, поднималась лѣсистая гора, а съ другой—такими-же крутыми откосами сходили внизъ острыя верхушки деревьевъ, сливавшихся далеко-далеко въ одну таинственно-манящую синь. Изъ темныхъ, влажныхъ коридоровъ, образованныхъ сплошнымъ переплетомъ вѣтвей густого чернолѣсья, телѣга разомъ ныряла въ зеленыя, осіянныя лучами поляны, и послѣ холодка сырой темени путниковъ охватывало тепло, нѣжащее и мягкое весеннее тепло. Иногда дорога подходила къ самому берегу Княжъ-озера и за рѣдкими стволами деревьевъ блестѣла и струилась его величавая ширь.

Съ вершины одного высокаго и крутого холма Серафима увидѣла далеко внизу мирное маленькое озеро съ тихими, тѣнистыми заводьями и извилистыми берегами. По самой серединѣ его ка-

Digitized by Google

кая-то муха чернѣла на жалкой щепкѣ. Она вглядѣлась и едва различила рыболова-старца, неподвижно сидѣвшаго съ удою въ рукахъ на плоту.

Ей, впрочемъ, было не до этихъ картинъ. Она терялась въ догадкахъ.

Передъ нею носился неопредѣленно и смутно обликъ большака Корнилія, и она вспомнила его мертвенно-блѣдное лицо, черные, словно насквозь пронизывающіе острымъ блескомъ глаза, и кошачью, словно крадущуюся, поступь этого княжъ-озерскаго пророка и апостола страны корельскія, какъ его называли мѣстные расколоучители.

Изъ лѣсу послышалось старческое, гнусливое пѣніе.

— Должно схимникъ нашъ, пріостановился провожатый. — Онъ и есть, старче. И сколько ему годовъ, поди никому невѣдомо. Все у него помутилось въ головѣ отъ ветхости!..

Скоро между сѣрыми стволами деревьевъ обрисовался неясный силуэтъ, какая-то сѣрая фигура, подвигавшаяся по полянѣ. Наконецъ, Серафима разсмотрѣла старика, немощнаго, сгорбленнаго, опиравшагося на длинный посохъ. Длинная, сѣдая борода клочьями падала на впалую, худую грудь. Концы волосъ были уже желтоваты; глаза, мертвенные, безцвѣтные, точно были вправлены въ синіе круги того землистаго цвѣта, который неизмѣнно ложится на лицо только-что остывшаго трупа.

Старикъ глядѣлъ неподвижно впередъ и, казалось, ничего не видѣлъ за нѣсколько шаговъ отъ себя. По крайней мѣрѣ, онъ часто останавливался и размахивалъ посохомъ въ разныя стороны; голова его, гладкая и безволосая, какъ колѣно, только на вискахъ обрамливалась жолтыми клочьями жиденькихъ волосенокъ. Глубокія морщины прорѣзывали лицо во всѣхъ направленіяхъ и постоянно шевелились, придавая ему странное выраженіе, неладившееся съ этими недвижными, мертвыми глазами и безжизненнымъ, замершимъ въ одной старческой складкѣ ртомъ, похожимъ на едва замѣтную щель.

Проводникъ Серафимы еще издали подошелъ къ нему и повелъ его за руку ко входу недалеко чернѣвшей землянки. Старикъ, повидимому, не замѣчая этого, шелъ, покорно подчиняясь, какъ ребенокъ. Глаза его были устремлены все на одну точку, какъ-будто они потеряли всякую способность двигаться.

Digitized by Google

— Странничка... а... странничка? прошамкалъ онъ, подойдя къ Серафимѣ и размахивая передъ нею костылемъ.

— Бѣлица, отвѣтила скуфейка.

— Изъ міра... изъ міра... Горе, горе... нечестивымъ и блудникамъ... Горе, горе!

Казалось, аскетъ говорилъ не раскрывая губъ, такъ неподвиженъ и беззвученъ былъ этотъ сложившійся въ тусклую складку ротъ.

— Ты, ты инокъ?..

— Кто-же, старче... Денисьевскаго строенія.

— Горе!.. А Инокентій...

— Какой Инокентій?

— Черноризецъ?.. Да помню, помню... сгорѣлъ!.. его... въ Пустозерскомъ острожкѣ...

Старикъ остановился. Какая-то неуловимая тѣнь пробѣжала по его морщинистому лицу, но глаза смотрѣли такъ-же неподвижно.

— Скончался въ мукахъ... Праведной жизни старецъ былъ... Горе намъ, горе!..

— Что-жь, въ мірѣ странствуешь? Въ мірѣ нѣсть спасенія, съ какою-то злостною, раздраженною ноткою въ голосѣ заговорилъ старикъ, не сводя глазъ съ Серафимы.

— Ну, а Выгъ не оскудѣлъ?.. Выговскіе не по князю власти воздушныя пошли? На пути нечестивыхъ не ста?

— Какіе черноризцы еще и устояли отъ прелести мірскія.

— А страха, страха ради іудейска не соблазнились?

— Нынѣ вездѣ страхъ. Куда безъ страха!

— Если для ради обителей—простится. Ну, а шведъ ушелъ, сокрушитель?

Парень не понялъ и оставилъ вопросъ безъ отвѣта.

— Ушелъ. Господь покаралъ; храмы огню и мечу не предавай, яко царство мое не отъ міра сего!..

И пустынникъ усиленно сталъ размахивать костылемъ. Наконецъ, различивъ скамью, онъ сѣлъ на нее и понурился. Сѣрый, землистый оттѣнокъ этого мертваго лица сталъ еще замѣтнѣе здѣсь, въ тѣни высокихъ сосенъ.

Черезъ минуту онъ уже спалъ, тихо похрапывая и обхвативъ посохъ обѣими руками.

Digitized by Google

— Какъ онъ живетъ тутъ?

— Наши помогаютъ. Ѣсть ему носятъ, навѣдываются. Строгой жизни старецъ, нонѣ мало такихъ и изъ нашихъ. Двадцать лѣтъ здѣсь въ землянкѣ какъ одинъ годъ выжилъ.

Большая черная птица, медленно размахивая широкими крыльями, проплыла надъ лѣсными вершинами и усѣлась на голый сукъ сосны. Издали рѣзко прозвучало хриплое карканье и снова все тихо, только неумолкаемый гулъ вершинъ, какъ шумъ отдаленнаго моря, разносится кругомъ въ этой безжизненной пустынѣ.

— Кто тутъ, а?.. Кто тутъ?.. разомъ приподнялся старикъ.— Иноки?.. А, помню, помню... Говорилъ мнѣ, что выговскіе не оскудѣли. А Инокентій сгорѣлъ. Великій подвижникъ былъ. Что, который нынѣ годъ? какъ-то особенно робко спросилъ онъ у раскольника.

Ему сказали.

— Сосна, у землянки сосна. Посмотри-ко! неопредѣленно взмахнулъ онъ передъ собою костылемъ.

У входа въ землянку, нѣсколько въ сторонѣ, на старой, корявой соснѣ было давно, повидимому, вырѣзано славянскими буквами: „Авраамій“ и лѣто отъ сотворенія міра. Затѣмъ вокругъ ствола шло вязью: „Господи, прими жертву мою и даждь ми покой и спасеніе“.

— Сколько, а, сколько?..

— Тридцать лѣтъ, отче.

— Тридцать! Нынѣ отпущаеши душу раба твоего! прошепталъ старикъ и подошелъ къ путникамъ, опираясь на посохъ.

— Да благословитъ Господь праведные пути ваши, да даруетъ онъ силу, кротость и терпѣніе!.. тихо благословилъ онъ ихъ.

— Такъ тридцать лѣтъ?

— Да.

— Благословенно царство Отца и Сына и Св. Духа!.. Человѣка не было здѣсь, когда я пришелъ сюда!..

Что-то мягкое, доброе озарило лицо старика, и спустя минуту онъ уже ушелъ во мракъ землянки.

Телѣга опять покатила дальше, оставляя за собою этотъ сумрачный лѣсъ и вновь ныряя въ веселыя зеленыя поляны, къ прохладнымъ и неподвижнымъ озерамъ.

Digitized by Google

А день погасалъ и свѣтлые тоны заката, проходя сквозь листву, принимали темно-пурпурные оттѣнки. Заря вокругъ лѣсныхъ вершинъ раскидывалась розовымъ, чистымъ сіяніемъ.

. . . . . .

Въ горницахъ у большака Корнилія стояла тишина мертвая.

Большая пріемная въ два свѣта была уставлена по стѣнамъ скамьями, покрытыми персидскими коврами. Столы по угламъ завалены старопечатными книгами и рукописями, а въ переднемъ углу десятка три большихъ образовъ такъ и свѣтились серебряными и золотыми окладами, вѣнчики которыхъ при мерцаніи лампадъ сверкали рядами драгоцѣнныхъ камней.

Серафимѣ пришлось ждать недолго.

Жутко ей было въ этой просторной хоромнѣ и она съ тоской поглядывала на двери, изъ которыхъ долженъ былъ показаться скитскій большакъ. Проводникъ оставилъ ее одну, а самъ исчезъ за воротами скита, поминутно крестясь на водруженные вдоль дороги пяти-конечные кресты.

Даже въ окна не смотрѣла тутъ привѣтливая, веселая зелень. Только бревенчатыя стѣны да углы часовень и виднѣлись отсюда. Ей припомнилась комната ея отца въ Колѣ, такая-же суровая, непріютная и просторная. И тяжело ей стало отъ этого воспоминанія. Точно всю ее охватило леденящее дыханіе сѣвернаго вѣтра. Тѣ-же образа... тѣ-же скамьи... тѣ-же бѣлые кожаные переплеты старинныхъ книгъ.

За дверями кто-то кашлянулъ и въ горницу медленно вошелъ строитель Княжъ-озерской пустыньки, большакъ Корнилій.

При видѣ дѣвушки глаза его сверкнули на мгновеніе затаенной страстью, губы сложились въ чувственную улыбку, но онъ тотчасъ-же опустилъ голову и медленно, словно крадучись, подошелъ къ ней. Та съ отвращеніемъ поцѣловала его цѣпкую руку съ худыми, загнутыми на концахъ пальцами. Серафима стояла передъ нимъ, словно въ ней замерли всѣ ощущенія.

— Вѣдаешь-ли ты про старца Амфилохія? спросилъ ее Корнилій,—Амфилохія, претерпѣвшаго гоненіе отъ еретикъ?

— Нѣтъ.

— Бысть мнѣ въ нощи видѣніе... Старецъ Амфилохій въ свѣтоносной хламидѣ предста... Преисполнись, раба Серафима,

Digitized by Google

смиренія. Ждетъ тебя слава велія, иже не прейдетъ, доколѣ не прейдетъ и вѣра наша. И рече старецъ Амфилохій: возстани отъ сна—и азъ возста. „Истинно глаголю тебѣ, пріидетъ часъ, егда раби Вельзевуловы преклонятъ главы свои и родъ твой сотретъ и самые слѣды ихъ, яко волна морская стираетъ слѣды червя ничтожнаго. Да не смущается сердце твое, ибо дастъ тебѣ Господь по неизреченной благости своей и родъ, и племя, и будетъ проклятъ всякъ, еже соблазнится симъ. Есть раба Серафима, вѣтвь отъ благочестнаго и боголюбиваго рода, и се святой предстатель твой избра тебѣ въ жены—и плодъ отъ союза сего сокрушитъ силу врага. Творите сіе въ смиреніи и послушаніи и не провозноситесь гордыней, яко носители откровенія и истины. Прилѣпитесь другъ къ другу, яко цвѣтъ сельный прилѣпляется къ землѣ, яко вѣтвь слабая прилѣпляется къ древу мощному, и посѣтайте“.

Глаза Корнилія сіяли все ярче и ярче, онъ крѣпко сжималъ руку Серафимы, невольно отступавшей отъ него.

— Горе противляющимся! Почто сумняшеся?.. Вотъ и келійка твоя.

И онъ насильно повелъ ее за собою въ маленькую горницу, прямо примыкавшую къ его комнатамъ.

Чувство, близкое къ ужасу, охватило Серафиму, когда она осталась одна. И прикосновеніе Корнилія казалось ей прикосновеніемъ холодной, скользкой, ядовитой гадины...

Серафима хотѣла вырваться отсюда. Она подошла-было къ дверямъ—тѣ были заперты за нею.

Попробовала отворить окно—и въ первый разъ замѣтила за нимъ желѣзную рѣшетку. Наконецъ, обезсиленная, она упала передъ образами и стала горячо молиться.

Такъ прошелъ вечеръ, такъ настала ночь.

Когда тьма глянула въ окно этой комнатки, Серафимѣ стало еще жутче. Небольшія лампады мигали передъ иконами и тусклый, неровный, колеблющійся свѣтъ, незамѣтный днемъ, плохо озарялъ эту непріютную келью. Лики иконъ смотрѣли какъ-то сурово и сухо.

Одна надежда ея была на молодого шатуна Андрея, съ которымъ дѣвушка слюбилась въ скитахъ. Но когда и какъ онъ узнаетъ? „Феня скажетъ“, мелькнуло въ ея головѣ, и эта отда-

Digitized by Google

ленная надежда казалась ей уже лучемъ, разгоняющимъ тьму. Не раздѣваясь, она кинулась на кровать, стоявшую въ углу, и заснула.

Около полуночи дѣвушка проснулась...

Тускло мигали лампады. Сурово глядѣли темные лики образовъ, а въ неосвѣщенныхъ, таинственныхъ углахъ словно что-то шевелилось, свертываясь какими-то фантастическими складками.

Всѣ суевѣрія, всѣ сказочные призраки дѣтства воскресли передъ нею въ эти минуты.

Она пробовала закрыть глаза, но еще опредѣленнѣе рѣяли передъ нею странныя очертанія невѣдомыхъ существъ. Ей казалось, что вотъ-вотъ изъ-за угла протянется къ ней длинная, холодная, скользкая лапа и какъ ядовитая гадина обовьетъ и задушитъ ее. Она отвертывалась къ стѣнѣ—и ей чудилось, что кто-то дышетъ на нее и дыханіе это словно паутина щекочетъ ея лицо.

Голова ея горѣла. Внутри ея черепа бились какія-то жилы съ болью, одуряющей мысль.

А въ окнѣ безпросвѣтная тьма. Ей страшно было взглянуть туда. За этими толстыми прутьями рѣшотки, едва озаренной блѣднымъ свѣтомъ лампадъ, ложилось во всѣ стороны полное ужаса царство черной ночи.

Жутко! Она пробовала думать о прошломъ, и вмѣсто цѣльныхъ картинъ былого передъ нею, словно крутясь въ безобразной оргіи, проносились клочья, обрывки какихъ-то полузабытыхъ образовъ, отдѣльные, ничего незначущіе звуки знакомыхъ голосовъ, контуры, только тусклые контуры воспоминаній. Она цѣпко хваталась за какой-нибудь опредѣленный образъ, чтобы создать цѣлое, но въ головѣ тотчасъ-же бѣшенымъ вихремъ проносилась вереница блѣдныхъ, суровыхъ лицъ, похожихъ на аскетическія лица этихъ иконъ. Она пробовала молиться—ночь давила и молитву. Вмѣсто кроткихъ словъ любви и вѣры, на устахъ замиралъ шопотъ отчаянія и проклятья...

Медленно билось ея сердце, а глаза неотступно смотрѣли въ тьму угловъ, въ тьму окна, смотрѣли и ширились отъ ужаса, когда ей чудилось, что оттуда такъ-же неотступно глядятъ на нее чьи-то блестящія, острыя очи...

— Кто тутъ? невольно крикнула она, когда ей послышался шорохъ—гдѣ? она не знала и сама: около ея изголовья или

Digitized by Google

за дверьми, или гдѣ-то далеко, далеко... Одна изъ лампадъ погасла. Дѣвушка долго слѣдила за тлѣвшимъ и дымившимъ фитилемъ... Потухла и другая. Въ горницѣ стало еще глуше и темнѣй... Мракъ повсюду... Она уже не двигалась, она только смотрѣла.

Дышала-ли она въ эти минуты?.. Вотъ кто-то невидимый, но слышимый, чувствуемый, поднялся тамъ въ углу... Ростетъ и ростетъ.

Вотъ къ ней тянутся чьи-то сухіе и костлявые пальцы.

Холодъ охватилъ ее всю. Она закрыла глаза руками и уже боялась отнять ихъ. Ей казалось, что вотъ-вотъ *онъ* станетъ у ея изголовья, *онъ*, невидимый, но слышимый, чувствуемый, ощущаемый... Вдругъ въ тишинѣ дрогнулъ какой-то звукъ... Она невольно приподнялась на кровати и инстинктивно протянула впередъ трепетавшія руки... Еще и еще... громче и громче...

Да, это пѣсня! Что-то отлегло у нея отъ сердца... Унылая, скорбная, но все-же человѣческая пѣсня.

Разомъ исчезли призраки и тьма потеряла свое ужасающее обаяніе.

Да, это человѣческій голосъ, это болитъ и высказывается другое намученное сердце... Она прислушалась. Пѣвшій подходилъ все ближе къ окну. Она даже могла различить шумъ его шаговъ по камнямъ, которыми былъ мощенъ внутренній дворъ скита.

Мимо лѣсу, лѣсу темнаго,
Мимо садика зеленаго
Пролегала путь-дороженька,
Широка, торна, пробоиста.
Ужь по той-ли по дороженькѣ
Ужь какъ шли, прошли невольнички,
Невольнички—люди божьи да все служители;
Они такъ плачутъ, что рѣка льется,
Рыдаютъ, что волна бьется.
Припадали они ко сырой землѣ,—
Не стонетъ-ли мать сыра земля,
Ужь не плачетъ-ли родимый батюшко,
По своимъ-ли онъ по любимымъ дѣтушкамъ?
— Ужь вы гой еси милы дѣтушки,
Ужь вы живы-ли, не померли?
И сыты-ли вы, не голодны-ли?

Digitized by Google

Отвѣтъ держутъ милы дѣтушки:
— Государь ты нашъ родимый батюшко!
А мы живы и не померли,
А мы сыты и не голодны,
Ужь мы ждемъ тебя во дни, въ ночи,
Во дни, въ ночи, всякій часъ—Христа!.. *).

Когда замерли вдали шаги пѣвшаго, дѣвушка заснула спокойно. Странно на нее повліялъ этотъ голосъ. Разогналъ фантасмагоріи и призраки и вернулъ ее къ дѣйствительности.

Пѣвшій былъ скопецъ, одинъ изъ немногихъ скопцовъ, жившихъ въ княжъ-озерскомъ скитѣ. Эта любимая пѣсня скопцовъ часто раздавалась за озеромъ, въ глуши темнаго лѣса, куда собирались люди божьи на радѣніе. Несмотря на то, что иноки скита до глубины души ненавидѣли ихъ, все-же они принимали этихъ носителей „царской печати", когда тѣ, гонимые и преслѣдуемые, просили у нихъ прибѣжища и пріюта. Въ этомъ случаѣ скопцы являлись тѣми-же шатунами, бѣглецами, преслѣдуемыми. Отказать скопцу-шатуну въ кровѣ и прибѣжищѣ скитъ не могъ по правиламъ своего устава.

. . . . . .

Широкій, жаркій, солнечный лучъ билъ прямо въ лицо дѣвушкѣ, а она еще и не подымалась съ кровати. Она проснулась давно, но лежала, стиснувъ зубы и закрывъ глаза, обдумывая свое положеніе, измѣряя всю громадность грозившей ей опасности.

Вчера и сегодня! Какъ два этихъ утра были не похожи одно на другое.

Вчера—благовонное, свѣжее, переполненное ароматомъ черемухи и сирени, съ пѣснею милаго, съ жаркими объятіями и поцѣлуями.

Сегодня—душное, темничное, суровое! Что было ей дѣлать? Стать любовницей Корнилія? Противъ этого не возставало ея нравственное чувство. Въ скитѣ она привыкла и не къ тому. Не полюби она еще недавно другого, и она спокойно отдала-бы свои ласки большаку княжъ-озерскаго скита. Но теперь, когда ей блеснула свѣтлая будущность, когда она любила, теперь, когда на устахъ ея еще не погасли его поцѣлуи, когда звуки его голоса звучали еще въ ея

*) Одна изъ лучшихъ скопческихъ пѣсенъ.

Digitized by Google

ушахъ,—теперь ей была отвратительна даже мысль о чужихъ ласкахъ.

Она знала, что наступающій день рѣшитъ ея участь. Она будетъ или любовницей всемогущаго большака, или ее вышвырнутъ вонъ отсюда. Въ первомъ случаѣ передъ нею преклонится все, что здѣсь живетъ и дышетъ, да и когда она надоѣстъ своему обладателю, тотъ ее сдѣлаетъ строительницей какого-нибудь изъ поморскихъ общежительныхъ женскихъ скитовъ.

Что-то зашуршало въ ея окнѣ. Бѣлый голубь бился въ стекло, кокетливо повертывая головку.

Она уже хотѣла приподняться, когда замокъ у дверей щелкнулъ и въ комнату вошелъ... кто? Она и сама не знала. Сердце у нея захолонуло, словно отъ него отлилась вся кровь. Она зажмурилась и лежала недвижимая, бездыханная, словно мертвая... Эти мгновенія тянулись, тянулись безъ конца... Въ вискахъ били жилы. Рука судорожно сжимала одѣяло... Съ каждымъ скрипомъ половицы вся она вздрагивала.

Такъ осужденный на казнь, положивъ голову на плаху, ждетъ моментальнаго удара острія... Что онъ испытываетъ, о чемъ онъ думаетъ?..

Она ничего не испытывала, ничего не думала, а только слушала этотъ медленно приближающійся скрипъ.

„Началось!“ мелькнуло у нея въ головѣ.

„Никогда, никогда!“ словно что-то отозвалось въ ея сердцѣ.

А вѣки сжимались еще крѣпче и крѣпче, передъ закрытыми глазами рѣяли огнистыя спирали, разсыпаясь на миріады радужныхъ искръ...

„Онъ, онъ!“ Вотъ на щеку ея сѣла муха и поползла по лицу... А она словно мертвая... Только грудь подымалась все выше и выше, какъ-будто она хотѣла захватить побольше воздуха...

Онъ остановился надъ нею...

. . . . . .

Синій сумракъ вечера окутывалъ дали. Огнистые края блѣднорозовыхъ тучъ отгорали надъ яснымъ зеркаломъ озера, въ которое словно опрокинулся со всѣми своими рощами, крестами, холмами и бревенчатыми строеніями Княжъ-островъ. Листъ на деревьяхъ не шелохнулся... Все словно замерло.

Digitized by Google

Феня сидѣла у окна своей кельи.

Задумчивая и грустная, она смотрѣла на окутанный лазоревыми сумерками просторъ, ширившійся передъ нею сквозь вѣтви черемухи и сирени. Что-то неуловимо-мягкое, какое-то нѣжное, кроткое чувство охватывало ее всю, когда лицомъ къ лицу съ этой свѣжей и чудной природой она присутствовала при великомъ таинствѣ умирающаго дня... Слезы подступали къ глазамъ ея,—робкія, вечернія слезы... Извивы отгоравшихъ облаковъ, эти едва замѣтные переливы однихъ тоновъ въ другіе казались ей какимъ-то далекимъ, прекраснымъ краемъ, всплывавшимъ въ лазури неба и неотступно манившимъ къ себѣ... Не то горы, не то золотистыя поля, не то окутанные вечернею мглою сады и рощи... Гдѣ-же дороженька торная, гдѣ заповѣдный путь къ этому призрачному, чудному краю... гдѣ?..

А по вѣтвямъ цвѣтущихъ кустовъ, между стеблями недвижной травы, ползла уже, клубясь, и пухла сѣрая мгла.

— Здравствуй, Серафима!—И кто-то вдругъ охватилъ Феню и жарко прильнулъ къ ея губамъ.

— Господи!—И она откинулась въ глубь кельи.

Въ окнѣ виднѣлось молодое, едва опушенное темною бородой лицо красиваго, статнаго парня.

— Аль на тебя огневица нашла?

— Гдѣ Серафима? Не томи, касатушка...

— А ты почемъ ее знаешь?

— Такъ. Тутъ она, что-ль, схоронилась?

— Да, не сыскать.

— Что такъ? весело тряхнулъ кудрями парень и въ одинъ моментъ вскочилъ въ келью.

— Аль на тебѣ, шелопутный, креста христіанскаго нѣтъ?

— А вотъ погляжу я, каково у васъ хоронятся дѣвоньки.

— Да не тутъ, лихоманка ходячая.

— Ты подруга ейная?

— Подруга... Чего ты ищешь, говорю—не найти, ищи вѣтра въ полѣ. Взяли ее.

— Какъ!.. кто взялъ?—Парень дрогнулъ и похолодѣлъ.

— А лютые вороги наши. Ослобони ее, коли сила да разумъ есть. У Корнилія она.

— У большака?—И глаза его сверкнули недобрымъ блескомъ.

Digitized by Google

— У него у самаго, сегодня взяли послѣ трапезы.

— Зачѣмъ?

— Простъ ты, парень, вижу. Дѣловъ нашихъ не вѣдаешь. Тотъ только зубами заскрипѣлъ.

— Ты не брешешь, сука треклятая?

— Вотъ тебѣ крестъ.

— Ну, волкъ, погоди! Коли онъ ее пальцемъ тронулъ—не сносить ему головы.

— А ты не бахвалься. Дѣло дѣлай.—И она подошла къ нему ближе.—Онисима вѣдаешь?

— Шатуна, изъ Сибири что?

— Его самаго. Стакнись съ нимъ, отъ меня скажи. Онъ тебя всему научитъ.

— Да время-то, время идетъ. Загубитъ онъ пока голубку мою.

— Ловокъ ты, братъ, вижу. Одинъ супротивъ цѣлаго скита на проломъ хочешь.

— Вырву!

— Изъ-за семи замковъ да изъ за желѣзныхъ рѣшотокъ? Аль у тебя разрывъ-трава есть?..

— Да какже это... Господи!.. Пришли... взяли... Да вѣдь она у меня завѣтная, съ измалѣтства, можетъ, выхоженная да выхоленная, излюбленная.

— Эко ты какой... Такъ, думаешь, она ему сама въ руки дастся, недаромъ колянка, слава-богу! Она съ десятьми такими, какъ Корнилій, управится, да и тебя на придачу свернетъ еще...

— Экое горе!.. Вотъ не думали, не гадали, а оно и пришло, лютое да нежданное.

— Ну, парень, коли ты не дѣвка бородатая, такъ иди да работай. Онисима не забудь, онъ тебя наставитъ. А слезами да воздыханіями дѣлу не поможешь. Ступай, голубчикъ, неравно еще взойдетъ кто... Помни Онисима! крикнула она въ окно ему, когда онъ уже уходилъ за черемховую алею. „Ну, Корнилій, злобно проговорила она, хмурясь,—теперь гляди въ оба, коли что. У этого разуму мало, да за то полыня вмѣсто крови льется“.

А въ окна уже смотрѣла благовонная, ясная ночь. Легкій шо-

Digitized by Google

рохъ слышался въ листвѣ ближнихъ кустовъ и бѣлые лепестки осыпающейся черемухи летѣли по вѣтру прямо въ лицо задумавшейся Фени...

Гдѣ-то далеко-далеко вспыхнулъ огонекъ.

Жутко было дѣвушкѣ. Словно ее самою заперли въ душную келью.

А сердце просило шума, суеты, жизни и движенія...

. . . . . .

Сѣрая мгла вся расплылась по недвижной озерной глади... Сѣрая мгла окутала черные, сырые лѣса, сѣрая мгла охватила и полувоздушную массу Кій-острова.

Андрей шелъ, какъ пьяный. Кровь, словно пламя, разлилась по его жиламъ. Онъ не зналъ, что онъ сдѣлаетъ, но онъ чувствовалъ, что нужно дѣлать теперь-же, сейчасъ. Онъ чувствовалъ въ себѣ силу одному придушить отца Корнилія, какъ ядовитую гадину,—дерзость пойти одному противъ цѣлаго скита.

А Серафима?.. Любовь его не знала тонкостей. Онъ придушилъ-бы и ее, если-бы она отдалась большаку. Что ему за дѣло до ея страданій? Онъ ее любилъ и ни съ кѣмъ не хотѣлъ дѣлиться ею. Развѣ для того онъ бѣжалъ, какъ звѣрь, преслѣдуемый гончими, по лѣсамъ и пустынямъ, чтобы въ концѣ-концовъ видѣть всѣ свои надежды рушившимися, а голубку свою бѣлую въ когтяхъ хищнаго лиходѣя-коршуна? Но какъ ни былъ онъ взволнованъ, а понималъ, что одному не сдѣлать ничего. Разумѣется, въ случаѣ надобности онъ и одинъ бросился-бы на-выручку къ дѣвушкѣ. Не вынесъ, такъ убилъ-бы ее, все-же ей да и ему было-бы легче.

Онъ вспомнилъ про Анисима, о которомъ ему говорила Феня, и круто повернулъ направо, гдѣ изъ однообразной, сѣрой массы тумана подымалась темная кровля мірской избы. Въ ней жили шатуны, еще непосвященные въ чинъ дѣйствительныхъ странниковъ, блуждавшихъ повсюду и составлявшихъ высшую касту шатуновъ.

Въ просторной горницѣ, вдоль по стѣнамъ которой тянулись нары, было человѣкъ до десяти народа. И что за странныя лица! Тутъ и юное, безбородое, почти дѣвичье лицо отрока, неимѣющаго уже настоящаго, здѣ пребывающаго града, но взыскующаго Сіона грядущаго,—отрока, родившагося въ какой-нибудь фанати-

Digitized by Google

ческой семьѣ русскаго купца-раскольника, давшаго въ трудныя минуты жизни обѣтъ посвятить своего первенца исканію „вѣчныя правды“; тутъ и клейменый лобъ каторжника *), съ острымъ, подозрительно перебѣгающимъ взглядомъ, хоронившагося по трущобамъ сѣверорусскаго побережья прежде, чѣмъ передъ нимъ гостепріимно раскрылись врата святой обители, ведущей многогрѣшную душу его прямо въ страны горнія; тутъ и истощенное, измученное, высохшее отъ нищеты лицо городского мѣщанина, обрадовавшагося даровому хлѣбу и приволью. Черезъ два или три года изъ этого голутвеннаго парія выработается типъ бойкаго, плутоватаго начетчика, библейскаго казуиста, ловкаго въ діалектикѣ и падкаго на наживу. Способности его не останутся незамѣченными. Рано или поздно онъ предстанетъ передъ соборомъ старцевъ и старѣйшій изъ нихъ благословитъ его на подвигъ велій, на проповѣдь изувѣрства и фанатизма повсюду, гдѣ народъ несетъ свою крестную ношу, гдѣ льются горькія слезы непосильнаго труда, гдѣ, словно кровь изъ свѣжей раны, вѣчно сочится тихая, немолчная жалоба на лютую судьбинушку, на безкормицу да неправосудіе людское. Напутствіе избраннымъ пропагандистамъ и кратко, и мощно:

„Да благословитъ Господь, Богъ всемогущій, Богъ Даніила, Аввакума и Иринарха, благой союзъ вашъ, друзья и братья. Да дастъ онъ вамъ силу и терпѣніе, кротость голубицы и мудрость змія. Да сподобитъ онъ васъ узрѣть плоды трудовъ вашихъ и да будетъ отнынѣ вся ваша жизнь жертвою свѣту христову, просвѣщающему и освѣщающему вся“.

И пойдутъ странники, и пойдутъ странницы плодить гнѣзда духовнаго и умственнаго мрака. Сотнями, тысячами станетъ слушать ихъ народъ, и каждое слово ихъ простой проповѣди, словно цѣлебный елей, станетъ падать на болящія язвы человѣческаго сердца.

Въ этой-же горницѣ было и нѣсколько бѣглыхъ крестьянъ, выдѣлявшихся простымъ, честнымъ выраженіемъ лица. Это лучшіе работники скита. Это его трудовая сила, его рабочій скотъ. Бѣглый солдатъ, тотъ еще въ лѣсъ смотритъ, а мужикъ доро-

*) Дѣло происходитъ двадцать лѣтъ назадъ.

Digitized by Google

жить осѣдлостію, насиженнымъ угломъ; въ немъ нѣтъ честолюбія; это почва, на которой что посѣешь, то и пожнешь...

Андрей сталъ въ дверяхъ, высматривая Анисима. Въ мірской горницѣ шла оживленная бесѣда.

. . . . . .

Серафима лежала, не раскрывая глазъ... Корнилій остановился надъ нею. На его крупныхъ, алыхъ губахъ играла сладострастная улыбка... Словно змѣиными глазами онъ разсматривалъ свою жертву, еще не касаясь ея.

Она чувствовала этотъ взглядъ на себѣ. Точно паутина скользила по ея лицу.

Онъ видѣлъ, что дѣвушка не спитъ. Глаза закрыты, да кровь выдаетъ: то хлынетъ въ лицо, то отольетъ... Да и грудь дышетъ неспокойно; тревожно и порывисто дышетъ.

Въ немъ не было пощады. Все здѣсь должно было или склоняться предъ волею этого человѣка, или гибнуть. Здѣсь въ скитѣ онъ не терпѣлъ проявленія чужой воли. Всѣ старцы скита давно уже преклонились предъ нимъ. Вольные и невольные грѣхи ихъ большака давно не производили соблазна. Адаманты и столпы обители, исходя изъ того, что Господь и единому кающемуся грѣшнику радуется больше, чѣмъ девяносто девяти праведникамъ, оправдывали всякое преступленіе, если только оно прикрывалось затѣмъ лицемѣрною маскою сокрушенія о грѣхѣ.

А тутъ грѣхъ оправдывался видѣніемъ въ нощи, явленіемъ старца.

— Серафима! позвалъ онъ, усиливаясь сдѣлать ласковымъ свой голосъ.

Она не шелохнулась.

— Тебѣ говорю!

Тоже молчаніе.

— Горе противящимся!—И онъ положилъ ей на голову холодную, влажную руку. Дѣвушка дрогнула, словно отъ прикосновенія ящерицы. Дольше выносить не было возможности. Она не боялась его, она только чувствовала къ нему безграничное отвращеніе. Другая рука его сжала ея плечо, такъ что подъ нею хрустнули кости несчастной.

Она мгновенно приподнялась и глянула прямо въ эти острые, пронизывающіе глаза.

Digitized by Google

— Аль совѣтъ и любовь? подло улыбнулся онъ, подступая къ ней еще ближе. — Озолочу! возвеличу... Ты да я только и будемъ... И равныхъ нѣтъ! шепталъ онъ, глядя прямо въ это окаменѣвшее лицо.

Она отвела его рукою и встала передъ нимъ, холодная, неподвижная. Только складка легла между бровями.

— Что слова не молвишь?

— Слушай—(голосъ ея едва былъ слышенъ), — уйди, не то задушу тебя, постылаго... Не любъ ты мнѣ... Уйди, змѣй. Не пытай понапрасну... Силой не заставишь, а голодомъ да замками не выморишь.

Точно тѣнь легла на его лицо. Губы строителя поблѣднѣли. Только еще ярче разгорѣлись глаза, сверкая зловѣщимъ блескомъ. Онъ весь выпрямился. Хищное, разбойничье чувство ненависти охватывало его. Онъ протянулъ свою руку; тонкіе, сухіе пальцы конвульсивно сгибались у ея лица.

— Не лютуй, подлая... Есть у меня сила, не добромъ, такъ зломъ сломить... Ты не вѣдаешь еще большака Корнилія! хрипѣлъ онъ,— погребовъ его не чуяла... Свѣту божьяго и въ праздникъ Господень не увидишь.

— Какъ не вѣдать про тебя! По всему скиту слава бѣжитъ объ убивцѣ и блудникѣ.

— Ой, матка, помысли еще. Не знаю я жалости на супротивниковъ моихъ.

— А Господь?

— Дана мнѣ отъ него власть великая, съ меня и спросится.

— А соборъ? намекнула она на собраніе старцевъ.

— Соборъ! усмѣхнулся онъ.—Вотъ гдѣ у меня соборъ.—И онъ сжалъ кулакъ.—Весь тутъ! Едино солнце и едина власть... Соборъ!.. Слышишь ты меня...

Онъ было опять подступилъ къ ней, и вновь она отвела его рукою. Онъ почувствовалъ на себѣ ея силу.

— Матерой звѣрь, да ладно, справимся.

— Я у батюшки родного на волковъ хаживала, а съ такой лисою справлюсь... Богъ силы дастъ.

— Такъ-ли?

— Да и народъ созову.

Digitized by Google

— Народъ! Зови, голубка. До поздняго вечера всѣ въ лѣсъ ушли на послушаніе. Одни мы съ тобой здѣсь.

И онъ сверкнулъ на нее глазами.

— Одни-ли?

— Погляди сама.

— Аль смерти хочешь?

— Зачѣмъ смерти, поживемъ еще съ тобою.

Складка между бровями у Серафимы стала еще глубже. Дѣвушка выпрямилась и какъ-то сразу успокоилась. Тому и не вдомекъ, откуда у ней росту прибавилось. Головой выше его.

— Бѣги скорѣй, подлая душа!

— Не шипи, бабы-ли пужаться!

Началась какая-то безобразная схватка. Звѣремъ стала дѣвушка.

Что-то хрипѣло у нея въ горлѣ, когда она комкала подъ собою какое-то живое тѣло. Вотъ подъ руки попалось бѣлое, съ широко раскрытыми отъ ужаса глазами лицо; плюнула она въ него, зажала шею, да противно стало.

Не знала, что дѣлать. Покойно, точно такъ-себѣ, взяла подушку да нажала ею голову Корнилія... Только и помнила... Что-то вздрагивало подъ руками...

Широкая полоса свѣта сквозь окно ложится на стѣну, золотя оклады иконъ. Равнодушно смотрятъ онѣ на дѣвушку, сидящую на кровати. Руки ея опущены. Глаза безсмысленно глядятъ внизъ. А тутъ рядомъ...

Какая-то пичуга подлетѣла къ окну, сѣла на рѣшетку и давай высвистывать свою пѣсенку. Ишь топорщатся крылья, а по горлу словно горошинка перекатывается. Слушаетъ дѣвушка—и не слышитъ... Что-то звенитъ въ ушахъ... Голова тяжела.

Нашла туча на солнце. Въ комнатѣ темно стало. И птички какъ не бывало...

Не приподнять-ли подушку? Страшно!..

Тупо посмотрѣла она на свои ладони. Поднесла ихъ ближе къ свѣту—вишь клокъ чьихъ-то волосъ между пальцами. Бросила... На локтѣ шрамъ... больно!.. И точно эти руки были чужія...

А тихо какъ! Муха въ стекло бьется, назойливо такъ. Поди на волю, бѣдная, хочетъ.

Digitized by Google

Уйти-бы отсюда... Да какъ встанешь?.. Черезъ *него* не перешагнуть...

Опять солнце...

Чьи-то шаги. Прислушалась—идутъ. Что-жь, пусть идутъ—хуже не будетъ. Ей что! Все равно—пропала. И опять тупо взглянула на ладони, сбросила пушинку съ платья.

Шаги ближе... Крадутся... Робкіе шаги—видно, не за добромъ люди...

Не знаетъ, какъ и крикнула... Или простонала? Едва-ли кто и слышалъ этотъ крикъ—онъ замеръ въ груди у нея. А передъ глазами какіе-то огненные круги... Свиваются, разсыпаются искрами...

— Голубка моя, радость!..—И чьи-то руки крѣпко обвили ее и вынесли отсюда.

— Ишь ты, падаль! ткнулъ ногой Анисимъ въ мертвое лицо большака.—И дѣвка-же!..

. . . . . .

Спустя часъ въ безлюдной части острова сброшенъ былъ челнокъ; лодка быстро скользнула въ заливчикъ, гдѣ чернолѣсье сгустилось непроницаемой чащей...

ГЛАВА VIII.

По лѣсамъ, по болотамъ.

Широки лѣса—не исходить ихъ, вершины въ поднебесье ушли и сплетаются тамъ густыми вѣтвями... Царство мрака внизу безпросвѣтное, мгла лежитъ въ понизьяхъ, стелется по полянамъ, цѣпляется вверхъ по стволамъ деревьевъ... Куда ни посмотришь, все эта марь безотрадная расползается. Сыро и дико!.. Бѣлый мохъ устлалъ прогалины, точно ихъ палевымъ блескомъ подернуло издали. Бѣлый мохъ заполонилъ промежи, бѣлый мохъ словно снѣгомъ засыпалъ холмы...

И жутко на сердцѣ! Запѣлъ-бы здѣсь, да не поется—тишина эта давитъ пѣсню и сердце. Не крикнетъ птица, не завоетъ звѣрь... Только съ глухимъ шумомъ падаютъ внизъ сосновыя шишки да изрѣдка гдѣ-то робко-робко журчитъ желѣзистый ручей, окрашивая красными колерами песчаные берега... Отойдешь въ сторону—

Digitized by Google

и снова тишь нерушимая, и снова дичь неоглядная... Точно плита надъ тобою могильная!.. И радъ ты вѣтру, если онъ налетитъ, нежданный, и засвищетъ вверху, колыхая недвижныя дотолѣ вершины. И стонъ стономъ стоитъ тогда надъ этою пустыней лѣсной, словно тамъ вверху цѣлыя вереницы призраковъ оплакиваютъ кого-то. А внизу прорвется и давай шуршать по ягелевому простору, между стволами вьется, смолистымъ запахомъ дышетъ въ лицо твое и словно рѣдкій дождь все падаютъ да падаютъ сверху еловыя да сосновыя шишки, глубоко уходя въ моховыя низины.

Лѣтняя сѣверная ночь—и еще страшнѣе въ этой лѣсной глуши... Днемъ хоть сверху голубѣло что-то, подъ вечеръ наверху алымъ полымемъ заря рдѣетъ, а ночью все сѣро, точно кругомъ стоитъ туманъ, и небо, и стволы лѣсныхъ великановъ, и сочное понизье—все тонетъ во мглѣ густой... Мгла густѣетъ и курится, свертывается въ какія-то чудовищныя формы, словно гигантскія студенистыя амфибіи бродятъ по этому лѣсу, словно здѣсь совершаются какія-то непонятныя, но полныя ужаса сатурналіи...

Идутъ-бѣгутъ по этому лѣсу четверо странниковъ, все дальше въ глушь эту черную забираются. Гдѣ-бы выхода да пути искать, такъ нѣтъ, люба имъ дичь безлюдная; другой отъ чащи бѣжитъ, а они въ нее дальше да дальше уходятъ. Слѣдъ медвѣжій по гущѣ еловой легъ—идутъ они слѣдомъ звѣринымъ. Ключъ бѣжитъ изъ безпросвѣтной трущобы—по ключу и они идутъ туда. И назадъ не смотрятъ, и межъ собой слова не скажутъ. Точно каждый знаетъ, что думаетъ его спутникъ, точно рѣчью человѣческой боятся они разбудить величавое молчаніе сырой пустыни. Рвутъ кусты имъ платье, лохмотья на вѣтвяхъ остаются—все едино, думать некогда. Сплетутся сучья такъ, что и не пройти въ нихъ—согнутся да на рукахъ проползутъ, словно змѣи извиваясь по моховому понизью. Болото поперегъ дороги, зеленая тина, вся недвижимая, стоитъ споконъ-вѣку, деревья изъ воды подымаются, нога уходитъ глубоко да и трясина засасываетъ,—ничего, вѣдома передовому страннику вся эта глушь непривѣтная, смѣло и въ омутѣ выискиваетъ онъ знакомый бродъ и бодро идетъ на другую сторону...

Только къ вечеру затомились странники. Стали на сухомъ переборѣ у ключа, что подъ корнями старой сосны сказываетъ свою загадочную сказку съ той поры, когда и лѣса этого еще не бы-

Digitized by Google

вало. Не мало у ключа по песчаной ложбинѣ и слѣдовъ всякихъ намѣчено. Тутъ вонъ лиса прошла, а это волчьи пятерьни означились. Ишь вонъ и заяцъ матерой на водопой ходилъ. А на сухомъ переборѣ мишка валялся—да перемялъ весь мохъ. Люба ему мягкость эта, тоже царь лѣсной объ удобствахъ своихъ заботится.

— Ну, опослѣ этого благодарить Создателя надо!..

И Анисимъ опустился на колѣни, читая свои молитвы.

— Пронесло грозу, теперь не нагонятъ.

— Наши парни, что зайцы трусливые, отозвалась Серафима.— Да въ эдакой щели коли съ ножомъ отъ человѣка не отстояться— грѣшно. Дай мнѣ твою рогатину, такъ я сама на пятерыхъ пойду.

— Ты у меня—что говорить!..—И Андрей обнялъ ее.—Экое дѣло своими руками спроворила!

— Да поди и погони не будетъ. Кому Корнилій по сердцу былъ? наши старички—и тѣ супротивъ его зло имѣли. Всѣмъ онъ точно бѣльмо на глазу, только что безъ него не обойтись имъ было— грамоту бойко зналъ.

— Опять-же имъ и ловить не съ руки. Ну, поймалъ,—куда меня? Къ становому—не пойдутъ. Становой, сами знаютъ, допрежь всю ихъ обитель перешерститъ.

— А ты про скитскія расправы не вѣдаешь?

— Какія еще!

— То-то, парень, впередъ не бахвалься. Погреба у нихъ глубокіе. Былъ одинъ ворогъ у Корнилія. Купеческій сынъ изъ Москвы на спасеніе привезенъ. И грамотенъ, и духомъ бодръ. Наши начетчики передъ нимъ, что бабы безъязычныя были; бывало вчужѣ жалко глядѣть, какъ онъ гонять начнетъ. Они ему слово, онъ имъ пять. Они ему изъ Давида-царя, онъ имъ изъ Исаіи. Ну, озлобятся, осатанѣютъ, да и уйдутъ. Куда съ нимъ! Корнилій таки и до него добрался, заперли въ погреба, да и забыли тамъ. Тамъ-бы и подохъ, коли-бы хлѣбъ да воду ему туда тайкомъ не подавали. Повинился, покаяніе принесъ, тогда его и выпустили,— весь сѣдой вышелъ да хилый, а человѣкъ здоровый былъ. Черезъ мѣсяцъ и померъ...

— Беззаконіе!..

— Поймали-бы насъ—безъ смертнаго убойства не обошлось-бы!

— Этимъ лѣсомъ мы прямо на поморье выйдемъ, дай-бы Богъ

Digitized by Google

на Колежму. Тутъ судовъ поискать можно до Колы, ходятъ тоже на Мурманъ, за промысломъ которыя... А то и черезъ Лопь на Роснаволокъ пойдемъ.

— Сбирай костеръ-отъ. Больно на языкъ боекъ! оборвала парня Серафима.—Ишь, съ утра вѣдь все по гущѣ этой бродимъ, притомились...

Скоро на полянѣ засверкалъ костеръ. Сучья трещали и шипѣли въ багровомъ пламени, черная струя дыма клубилась вверхъ сквозь мглу, тяжело ложившуюся уже на это лѣсное царство.

— А сюда имъ и не дойти... Мы за болотами, что за стѣнами. Одинъ я и путь-то знаю.

— Поди, верстовъ сорокъ сдѣлали?

— А кто ихъ знаетъ, царство наше не мѣряно. Антихристы еще и не бывали у насъ.

— Поди въ скиту теперь сполошились.

— Псу и смерть собачья... И грѣха нѣтъ, потому ты себя соблюдала... Онъ инокъ, долженъ санъ свой хранить...

— А и грѣхъ ежели—безъ грѣха не прожить!

Сухой корень корявой сосны разогнулся и запылалъ въ кострѣ, шипя и обдавая путниковъ массами искръ. Красными пятнами горѣли уголья. Рокотъ лѣсного ручья странно сливался съ трескомъ и свистомъ пламени... Въ лѣсныхъ вершинахъ бродилъ вѣтеръ, словно гдѣ-то далеко-далеко шумѣло неугомонное море...

Цѣлый день бѣглецы идутъ по болотамъ.

Направо и налѣво мокрыя понизи. То пятна стоячей воды, то обманчивая зелень. Смрадъ стоитъ надъ этимъ омутомъ—тяжело дышется, а идти некуда, отдохнуть негдѣ. Впереди увѣренно бредетъ Анисимъ съ шестомъ въ рукахъ.

— Скоро-ли сушина будетъ?

Не отвѣчаетъ. Насупился, должно быть и самому невтерпежъ—затомился!

А тутъ еще дождь сверху хлынулъ, словно и безъ него не тошно было путникамъ. Феня въ сторону забрала, да чуть-было и не застряла въ трясинѣ. Едва-едва выручили бѣдную; только къ ногамъ комья липкой болотной массы пристали. По этому болоту и лѣса не было.

Digitized by Google

Лѣсъ кругомъ, а внутри на цѣлые десятки верстъ омутъ зеленый. Сколько тутъ народу перегибло, что охотника да промышленника затонуло—и не перечесть! Только зимою хорошо тутъ было.

Идутъ они по болоту, а лѣса ужь давно не видать, позади пропалъ вдалекѣ, а впереди еще и не показывается, только одна голина да озерки...

А солнце уже склоняется къ западу. Далекія водяныя глади уже отливаютъ золотистымъ блескомъ, потянуло свѣжимъ вѣтромъ и чистые отъ зарослей плесы подернуло рябью.

— Эдакъ и заночевать здѣсь приведется, недовольнымъ тономъ проговорилъ Андрей.

— Чего ты? оборвала его Серафима.—Бабье идетъ, а ты скулишь! Возьми стыдъ-то въ руки, дѣвчонка кандалацкая!

— Я для тебя больше, не бранись. Ишь ты вся какая стала. Неладное это дѣло—надорвешься экую путину сломать!

— Ишь какой милостивый! О себѣ думай, а я сама молельщица за свою душеньку.

— Что болтаете, оглянулся Анисимъ,—или пропасть хочется? Не знаете, кое мѣсто? Нѣшто *онъ* любитъ, чтобы у него тутъ разговаривали... А про молитвы молчи—утопитъ!

Суевѣрный ужасъ охватилъ ихъ. Всѣ вспомнили преданіе про болотнаго водяника, что живетъ въ одномъ изъ окрестныхъ плесовъ. Много у него разной нечисти подъ рукою, и какъ бредешь по тропкѣ болотной, водяниковы дочки такъ и хватаютъ за ноги и тащутъ къ себѣ въ омуты бездонные. Еще коли идешь да молчишь—не тронутъ, потому не слышутъ, а какъ слово скажешь, онѣ ужь тутъ и слѣдятъ за тобою: только ты съ пути сбился—и конецъ...

А то марь нагонитъ... Клубится она и примѣтъ путевыхъ не разглядѣть въ ней. И чего только водяникъ въ ней не напускаетъ на крещеную душу. Вонъ надъ тѣмъ омутомъ словно призракъ изъ тумана всталъ и все ростетъ вверхъ, и все шире да дальше расправляетъ свои руки, словно желая добраться до васъ... А тамъ вонъ точно мертвецъ лежитъ и саванъ бѣлый на немъ, а вонъ бѣлые клубы вдаль побѣжали, точно стадо звѣриное. А въ осеннія ночи, какъ темно станетъ, еще хуже. Огоньки по болотамъ бѣгаютъ. Надъ всякимъ мѣстомъ, гдѣ человѣкъ пропалъ, огонекъ свѣтится. И много огоньковъ этихъ теплится, словно лампады, по черному простору.

Digitized by Google

Солнце уже зашло въ тучу, едва выступившую на горизонтѣ. Вся даль потонула въ аломъ блескѣ, золотистый вѣнецъ раскинулся по небу и далеко-далеко багровѣли чистые плесы... На аломъ фонѣ одинокое деревцо болота казалось совершенно чернымъ, даже лица странниковъ при этомъ призрачномъ освѣщеніи ярко зардѣлись... Далеко едва-едва сверкали, точно остріе ножа, узенькія озерки.

А лѣсовъ все не видать и то-же болото ложится направо и налѣво, впередъ и назадъ.

— Не сбился-ли съ пути? робко вставила Феня.

Анисимъ и не оглянулся, а такъ-же ровно продолжалъ идти впередъ, поминутно погружая направо и налѣво шестъ.

Блѣднѣетъ западъ. Блекнутъ яркіе отблески вечерней зари. Тускнутъ золотыя и багровыя глади. Сѣрый цвѣтъ вечера, мало-по-малу все шире и шире разстилаясь, подступаетъ съ востока.

Потянуло сыростью, такъ что путники промокли насквозь.

Еще съ часъ прошли—и ночь, бѣлая, какъ сумеречный день, стала надъ болотами... А конца болотамъ не видать, ни впереди, ни позади!

Ползутъ по небу бѣлыя тучи, свертываются въ одну тяжелую, грузную массу.

Низко повисла она надъ болотомъ; вдали кажется, что воды омутовъ сливаются съ тучами неба.

А лѣсовъ все нѣтъ, какъ нѣтъ. Да и будутъ-ли?

Тяжело дышется путникамъ, да Анисимъ знаетъ свое дѣло.

Гдѣ-то послышался пронзительный вопль. Тише и тише, и совсѣмъ замеръ. Опять, уже слѣва.

— Самъ, самъ шалитъ, оглянулся Анисимъ.

Точно задушаемый человѣкъ на минуту вырвался изъ рукъ убійцы и отчаяннымъ крикомъ сзываетъ на помощь. Этотъ крикъ стоитъ уже надъ болотомъ и не гаснетъ. Точно болото ожило. Люди сбились въ кучу. Стоятъ, точно бараны во время грозы, жмутся другъ къ другу. А и всѣ они вмѣстѣ такъ-же безсильны, какъ и каждый въ одиночку.

И опять трудный путь.

Сѣрая ночь уже окутала дали; всякій плесъ, всякій омутъ на болотномъ просторѣ исчезли подъ клубами густого тумана. Проваливаясь на каждомъ шагу, утомленные и измученные, наши пут-

Digitized by Google

ники кое-какъ добрались до сухой площадки, за которою начиналось новое болото.

— Тутъ и заночуемъ...

— Куда еще идти, вишь какая падь несосвѣтимая.

Такъ и легли на влажную траву. Женщины разомъ заснули. Парни подложили подъ нихъ свои кафтаны, да и тѣ сейчасъ-же промокли насквозь.

Туманъ все ширится и ширится, клубы его подбираются все ближе и ближе. Скоро и площадка сухого мѣста была окутана ими. Сверху все болото казалось однообразною сѣрою тучей.

И длится ночь.

. . . . . .

Вечеръ другого дня путники встрѣтили уже на опушкѣ густого лѣса. Болото осталось позади.

Глушь и дичь здѣсь были еще безпросвѣтнѣе. Ночью, какъ зажгли костеръ, издали подбирались сюда медвѣди, вдали выло голодное волчье стадо. Что-то словно стонало въ глухомъ черно-лѣсьѣ.

А на утро, какъ солнце засіяло изумруднымъ блескомъ въ темной лѣсной чащѣ, путники поднялись и ободренные двинулись впередъ. Тутъ почва уже всхолмлялась. На полуднѣ показались заросшія елями и соснами горы, по понизьямъ разстилалась живая зелень березъ. Горы становились чаще и круче, одна за другою. Цѣлыя скалы взрѣзывали почву. Озера и водопады небольшихъ потоковъ перегораживали дорогу. Кое-гдѣ гранитными пастями зіяли пещеры, подъ алымъ блескомъ вечерней зари сіяли внутри ихъ громадные сталактиты.

Въ одной изъ этихъ пещеръ пріютились странники на ночь. Пламя костра свистало, искры падали на каменныя плиты, тусклымъ блескомъ горѣли вверху углы и изломы дикаго камня. Къ утру погасъ и костеръ, только шипѣли еще въ немъ смолистые сучья, а у зѣва пещеры уже сіяла заря. Вершины алѣли. Все, что могъ охватить глазъ отсюда, далеко-далеко, подъ зарей блистало и рдѣло. Словно алтарь надъ этой гористою пустыней сверкала огнистымъ блескомъ вершина утеса. Въ долинахъ подъ блескомъ весенняго дня клубились еще туманы и тучи. И опять долгій путь, и опять цѣлый день безъ отдыха—съ горы на гору.

Digitized by Google

Изъ-подъ самыхъ ногъ порою скользнетъ небольшая змѣя во влажную тьму едва замѣтной норы, хриплый крикъ хищной птицы застынетъ въ воздухѣ. А тутъ-же рядомъ въ черной чащѣ слышенъ грузный шорохъ, словно чье-то тяжелое, громадное тѣло пробирается тамъ, ломая сухія сучья.

. . . . . .

Скоро, пожалуй, и морскому берегу быть.

Идутъ, идутъ цѣлиною посреди дремучаго лѣса, а глядишь, нѣтъ-нѣтъ да и пахнетъ свѣжимъ морскимъ вѣтромъ, точно запахъ водорослей пойдетъ по лѣсу. Очнулись и наши странники: скоро и селамъ поморскимъ быть. Разъ какъ-то встрѣтили охотника-корела. Да не разговорчивъ онъ. Слова не скажетъ, помочь— поможетъ и уйдетъ.

— Племя безъязычное.

— А народъ добрый; бѣднота одолѣла, потому и молчитъ...

Такъ и въ памяти эта встрѣча не осталась, точно ея и не было.

Уже на десятый день пути — гарью запахло. Сначала и не вдомекъ-бы, да Анисимъ опомнился.

— Лѣса жгутъ.

— Какіе лѣса еще?

— А подъ пашню. Корельская тайга здѣсь. А у нихъ это обычное дѣло. Разчиститъ поляну, сожжетъ, да и засѣетъ хлѣба. Смотришь—самъ-десять и уродится. Теперь, братцы, уноси ноги изъ-подъ вѣтра.

Вернулись; что было силы назадъ пошли, а гарь наноситъ все сильнѣе да сильнѣе. Съ одной высокой горы видно было, какъ далеко, еще на горизонтѣ, чернѣла словно туча, по которой порою, точно сполохи, ходили багровыя пятна и полосы. Кинулись дальше—дышать трудно было, точно съ пожарища накидывало темные клубы дыма. И жара еще слышно не было, а вѣтеръ чадомъ дышалъ да горѣлымъ деревомъ. Издали доносился глухой шумъ, словно тамъ закипало что-то. Еще на одну гору взошли—невольно пріостановились. Сердце екнуло. Это было похуже скитской погони—огонь шелъ на нихъ отовсюду. Могучія ели издали пылали какъ факелы. Грозно шипя, загорались лѣса направо и налѣво; пламя разливалось волнами, по которымъ, словно туманныя пятна,

Digitized by Google

клубились клочья дыма. Небеса точно охвачены были зарею, только багровой, кровавой зарей. Трескъ вѣковыхъ стволовъ, словно далекій грохотъ пушекъ, доносился сюда; пламя взвивалось все выше и выше, то языками долетая до неба, то взметываясь громадными столбами. Тутъ огонь лизалъ откосы крутыхъ варакъ, тамъ сыпалъ дождемъ, въ ущелья пробивался змѣею. Свѣтлымъ кольцомъ обвивалъ онъ утесы, какъ ручей заползая въ узкія разщелины, и широкимъ моремъ разливался въ пустыхъ котловинахъ. Пламя вбѣгало то въ черную пещеру и хоронилось тамъ, то вырывалось оттуда цѣлыми снопами яркихъ лучей. Порою казалось, что надъ пожарищемъ летаютъ золотыя стрѣлы—это горящіе сучья разбрасывались надъ самою глухою „трещей". Пожаръ, какъ сполохъ, обошелъ полнеба дугами, вѣнцами и снопами. Цѣлыя массы чернаго воронья подымались надъ нимъ и, задыхаясь въ чаду, падали прямо въ огонь. Гдѣ-то лѣсной водопадъ горѣлъ, какъ солнце, разсыпая алмазы, аметисты, изумруды и рубины. Медвѣжьи тропы кровавыми битями ложились въ чащѣ.

Серафима приникла-было къ Андрею, да сейчасъ-же и оттолкнула его. Почудилось ей, что парень самъ не свой — дрожитъ. Заглянула ему въ очи—и вскипѣла вся! Видитъ—весь блѣдный, помутился.

— Эко дѣвка! Гдѣ-бы искать куда схорониться, а онъ стоитъ, что пыжикъ передъ волкомъ!.. Возьми глаза-то въ руки!..

Дѣвушка подъ вліяніемъ внезапно нахлынувшей бодрости и энергіи смѣло пробивалась сквозь чащу къ озеру, что привѣтно золотилось при блескѣ пожара въ ближайшей котловинѣ. Странники бросились за ней. Въ толпу ихъ замѣшался волкъ и, не сторонясь отъ людей, такъ и шелъ съ ними. Зналъ старый хищникъ, что людямъ, какъ и ему, не до ловитвы. Цѣлое стадо оленей, какъ ошалѣлое, вихремъ пронеслось мимо. Только земля дрогнула подъ ними да слышно было, какъ рога ихъ ломались о толстые сучья деревьевъ.

Жарко становилось и усталь брала свое—черезъ силу ничего не сдѣлаешь. Такъ-бы всѣ и легли здѣсь, коли-бы не озеро.

Вонъ оно золотится сквозь чащу—и ничего не соображая, и люди, и волкъ кинулись въ его недвижныя воды. До островка доплыть было недалеко. Сунулся-было и Андрей, да плыть вишь не

Digitized by Google

умѣетъ—на берегу остался, заголосилъ. Серафима далеко отплыла уже, да услышала и вернулась.

— Эко ты дитя малое... Держись!—Схватила его, доплыла до островка и швырнула на песчаное побережье съ видимымъ отвращеніемъ. Разомъ онъ ей противенъ сталъ, точно она никогда и не любила его.

Съ острова видны были горы, окружавшія эту котловину. Тогда-какъ позади онѣ тонули въ полусумракѣ, впереди ихъ вершины были уже обрамлены загорѣвшимися деревьями; пламя подступало оттуда неизбѣжно. Жарко и тутъ становилось, одно спасеніе было—въ воду почаще. Волкъ, послѣдовавшій за людьми, тутъ-же жался къ большому сѣрому камню, щетинясь на странниковъ и ни шагу не отходя дальше.

Андрей было сунулся къ нему—старый хищникъ оскалилъ зубы и завылъ. У того и руки опустились.

— А ты чего пужаешь? оборвала его Серафима. — Самъ-бы сгорѣлъ!..—Она даже подошла къ животному—оно и не попятилось, точно понимая, что дѣвушка вовсе не питаетъ къ нему злобы. Только шерсть заходила по хребту да хвостъ какъ-то зажался между ногами.

Отсюда видно было, какъ берегомъ озера пробирается медвѣдица съ дѣтенышами. Окунется въ воду—и опять бѣжать дальше.

— Огонь-то не подвигается, ужли вѣтромъ относитъ?

Всѣ насторожились. Дѣйствительно, пламя держалось въ одной чертѣ, языки его стлались не сюда, а назадъ.

— Вѣтеръ и есть, слава тебѣ Господи!..

Упавшій полуночникъ смѣнился шелонникомъ и относилъ пламя за горы отъ озера... Скоро вода подернулась рябью, заходили даже мелкія грядки, и болѣе свѣжій притокъ воздуха воскресилъ падавшія силы путниковъ.

— Не любъ ты мнѣ нонѣ!.. были первыя слова Серафимы, когда она замѣтила лежавшаго на пескѣ Андрея.

— Чего ты!..

— Не зайца блудливаго надо мнѣ; ишь ты, словно дѣвка, побѣлѣлъ тогда... Оставь, пусти!.. Не трожь, говорю!—И она съ силой швырнула его прочь.

А послѣдніе клубы дыма уже разсѣевались на небосклонѣ, и

Digitized by Google

ясная, бѣлая ночь окутывала островъ тонкою пеленой стлавшагося надъ водою тумана. Къ утру утихъ и гулъ лѣсного пожара, только слышалось, какъ неугомонныя струйки озера набѣгали на песчаное побережье острова и разбивались вдалекѣ о черныя корги.

Чу!.. послышался рѣзкій крикъ чайки.

Что-то откликнулось назади, въ чащѣ уцѣлѣвшаго лѣса, и загоготало въ темномъ заводьѣ... Издали, пока еще тихо, зарыдала гагара. Вотъ клохчутъ утки, и черный выводокъ ихъ уже вытянулся прямою линіей на озерѣ.

. . . . . .

Трудно было идти по пожарищамъ. Изъ чернаго пространства торчали обугленные пни, груды золы перемежались красными пятнами еще непотухшихъ костровъ.

За то отсюда было уже близко до морского берега, по которому скучиваются почти всѣ села Кемскаго района.

Серафима шла впередъ съ громкою пѣсней, странно звучавшей среди этихъ обгорѣлыхъ пней. Усталь, казалось, на нее не вліяла вовсе.

Теперь и путники попадались чаще. Разъ наши странники наткнулись на корельскую семью, добывающую болотную желѣзную руду, въ другой—на помора-промышленника, свѣжевавшаго въ чащѣ убитаго имъ медвѣдя. И отдыхать уже не приходилось на голой землѣ—попадались разволочныя промысловыя избы.

Странное чувство охватило дѣвушку. Словно все пережитое ею за это время было сномъ—и только. Даже кончина Корнилія не произвела на нее никакого вліянія. Ея собственное участіе въ этомъ дѣлѣ казалось естественнымъ, необходимымъ.

— Какъ ты его? стали-было допрашиваться.

— Пса задушила, что червя. Не то чтобы боялась его, нѣтъ, а такъ, очень ужь противенъ онъ былъ.

— А все, поди, грѣхъ.

— Будетъ еще грѣховъ. Безъ того не изжить!.. Не грѣхи страшны, а боязно, какъ ломаться надъ тобой начнутъ да тѣшиться!..

Андрей ужь и не приступался къ ней. Она гнала его прочь. Иного прозвища, кромѣ „дѣвчонки“, ему не было.

Къ вечеру слѣдующаго дня путники вышли прямо въ Сумскій

Digitized by Google

посадъ. Вдали синѣло привѣтливое море, снизу доносился говоръ и шумъ люднаго села; высокіе, щеголеватые домики посада и колокольни разсыпались по берегу подъ лучами яркаго солнца.

А на другой день Серафима уже отплывала на шкунѣ къ Мурману, въ Колу.

И точно все ея прошлое рукой смело. Ничего на душѣ не осталось... Лицомъ къ лицу съ родимымъ моремъ, она разомъ почувствовала въ себѣ и силы великія, и удаль прежнюю!..

. . . . . .

И много другихъ воспоминаній проносилось въ головѣ спавшей. То милыя и радостныя, то хмурыя и мрачныя. То ясное ведро божьяго лѣтняго дня, то морская буря съ трескомъ мачтъ, скрипомъ утлой шняки и свистомъ вихря въ снастяхъ. То кажется ей, что солнце жжетъ ее своими знойными лучами на озерахъ внутренней Лапландіи, то будто вѣтеръ несетъ ей въ лицо сорванную съ гребня крутой волны бѣлую пѣну. И спится ей все глубже и лучше. И еще привольнѣе раскидывается она на сѣромъ утесѣ мурманскаго становища.

— Эко разоспалась наша хозяйка!..

— А на ночь какъ выйдемъ въ голомя (море) — работы будетъ не мало, ну и отсыпается.

Орелъ-рыболовъ выхватилъ-было изъ покойной влаги мелкую треску—пертуя. Только-что, широко взмахивая крыльями, взмылъ онъ въ высь и усѣлся на верхушкѣ скалы, думая насладиться легко доставшимся ему обѣдомъ, какъ со всѣхъ сторонъ налетѣла на него цѣлая стая голодныхъ чаекъ.

Съ хищнымъ, злобнымъ клекотомъ взвился орелъ выше—и грабители за нимъ. Онъ даетъ въ сторону — и тѣ преслѣдуютъ его пронзительными криками. Цѣлая битва завязалась въ голубой, недосягаемой вышинѣ неба.

Снизу видно, точно бѣлое облако носится надъ недвижными утесами бухты. То это облако разсыпается бѣлыми искрами, то снова скучивается.

Видитъ орелъ—не сладить, свернулся комкомъ да и ринулся внизъ—только не разсчиталъ. Пертуй выскользнулъ изъ когтей и шлепнулся прямо о лицо спящей корабельщицы.

Та вскочила, и тотчасъ-же со всѣхъ сторонъ налетѣли на нее

Digitized by Google

чайки и давай драться надъ клочьемъ рыбы. Только и слышны были крики и визгъ.

Обругалась Серафима и внизъ сошла.

А вдали замиралъ жалобный клекотъ ограбленнаго хищника-рыболова да внизу съ соннымъ плескомъ набѣгало море на каменныя гряды подмытаго имъ берега.

В. Немировичъ-Данченко.

(*Продолженіе будетъ.*)

Digitized by Google

ЭЛЕГІЯ.

Что грустно мнѣ? О чемъ я такъ жалѣю?—
Во мнѣ ужь нѣтъ ни силы, ни огня...
Слабѣетъ взоръ... Я стыну, холодѣю...
И жизнь, и свѣтъ отходятъ отъ меня.

Меня зоветъ какой-то голосъ свыше.
Мнѣ кажется, что я ужь не живу:
И шумъ людской становится все тише,
И смерти вздохъ я слышу на яву.

Какъ листъ въ ручьѣ, теченьемъ струй гонимый,
Поблекшій листъ, оторванный съ куста,
Куда-то вдаль я мчусь неудержимо,
Неслышно мчусь, какъ духъ или мечта.

Душа назадъ, какъ птица, рвется жадно;
Но мчитъ впередъ потокъ ее нѣмой...
А солнце свѣтитъ ярко и отрадно,
Душистый кленъ шумитъ надъ головой.

И дороги душѣ моей скорбящей
Лѣса, луга, сіяющая высь,—
И я взываю къ жизни уходящей:
„Не покидай! Постой! Остановись!“

„Мнѣ дорогъ свѣтъ!“ Твержу въ бреду я страстно:—
„Не уходи!“ Желаньемъ грудь полна!
Я трепещу, я плачу,—но напрасно!
Вотъ-вотъ уйдетъ послѣдняя волна...

Что-жь будетъ тамъ, въ невѣдомомъ мнѣ мірѣ
За этой страшной, тайною чертой?
Польется-ль жизнь спокойнѣе и шире
Въ пространствѣ свѣтломъ вѣчности нѣмой?

Иль будетъ тьма мертвящая, и эта
Нѣмая тишь, и бездна пустоты?...
Ни чувствъ, ни словъ, ни времени, ни свѣта,
Ни мимолетной радостной мечты...

Нестися вдаль, не чувствуя движенья,
Жить и не жить, томиться въ полуснѣ,
Не видя сновъ, не зная пробужденья...
Ничтожнымъ быть!—О, страшно, страшно мнѣ!

И. Суриковъ.

Digitized by Google

ЗАКОНЪ И ЖЕНА.

РОМАНЪ

ВИЛЬКИ КОЛИНЗА.

ГЛАВА XXXIX.

Новое посѣщеніе Декстера.

— Клянусь Богомъ, Валерія, сумасшествіе этого чудовища заразительно; вы, кажется, получили отъ него роковой недугъ, сказалъ Бенджаминъ, когда я, по прибытіи въ Лондонъ, объявила о своемъ намѣреніи отправиться къ Мизеримусу Декстеру вмѣстѣ съ нимъ.

Я рѣшилась поставить на своемъ и потому убѣдительно просила добраго стараго друга терпѣливо исполнить мое желаніе.

— Помните, прибавила я, — мнѣ очень важно видѣть еще разъ Декстера.

Этими словами я только подливала масла на огонь.

— Еще разъ его увидать? повторилъ презрительно Бенджаминъ,—послѣ того, какъ онъ дерзко оскорбилъ васъ подъ моимъ кровомъ, въ этой самой комнатѣ?

Негодованіе Бенджамина было такъ велико, что я не могла отказать себѣ въ удовольствіи помучить его, высказавъ либеральный взглядъ на поведеніе Декстера въ послѣднее наше свиданіе.

— Тише, тише, мой добрый другъ, сказала я,—мы должны быть снисходительны къ человѣку, который ведетъ такую жизнь и переноситъ такія физическія страданія, какъ Декстеръ. Вообще

Digitized by Google

скромность не должна переходить за границы благоразумія, а я, кажется, черезчуръ пуритански взглянула на его выходку. Женщину, уважающую себя и любящую всѣмъ сердцемъ мужа, не можетъ серьезно оскорбить грубость несчастнаго калѣки, осмѣлившагося ее обнять. Выходить изъ себя и чрезмѣрно волноваться отъ нравственнаго негодованія очень легко, но не всегда разумно. Къ тому-же я его простила, и вы должны сдѣлать тоже. Если вы поѣдете со мною, то, конечно, нечего будетъ бояться повторенія этой сцены. Его домъ — диковина; я увѣрена, что онъ васъ очень заинтересуетъ; изъ-за однѣхъ картинъ стоитъ предпринять эту поѣздку. Я сегодня-же напишу къ нему, а завтра мы поѣдемъ. Мы обязаны его посѣтить, болѣе для сохраненія нашего достоинства, чѣмъ ради самого м-ра Декстера. Посмотрите вокругъ себя, Бенджаминъ, и вы увидите, что снисхожденіе другъ къ другу—величайшая добродѣтель нашего времени. Бѣдный м-ръ Декстеръ имѣетъ право воспользоваться этимъ направленіемъ. Ну, ну, идите съ вѣкомъ, старый другъ! Преклонитесь передъ новыми идеями!

Бенджаминъ, вмѣсто того, чтобы принять добрый совѣтъ, набросился на нашъ вѣкъ, какъ быкъ на красное сукно.

— Конечно, будемъ поддерживать новыя идеи, Валерія! воскликнулъ онъ. — Старая нравственность и старые порядки отжили. Пойдемъ рука-объ-руку съ вѣкомъ. Все, что ново,—хорошо. Жена въ Англіи, а мужъ въ Испаніи—это новыя идеи? Вѣнчаться или не вѣнчаться, жить съ супругомъ вмѣстѣ или нѣтъ, — это все равно для новыхъ идей. Да, да, Валерія, я пойду съ вами всюду, я буду достоинъ новаго поколѣнія. Я готовъ, Валерія, слѣдовать за вами всюду. Чѣмъ скорѣе, тѣмъ лучше! Поѣдемте къ Декстеру! Поѣдемте къ Декстеру!

— Я очень рада, что вы согласны, отвѣчала я,—но не будемъ торопиться! Завтра, въ три часа, мы поѣдемъ къ Декстеру, а я сейчасъ его предувѣдомлю о нашемъ посѣщеніи. Куда вы идете?

— Я пойду въ библіотеку, чтобъ отрезвиться.

— А что вы будете читать?

— „Кота въ сапогахъ“, „Иванушку Дурачка“ или какую-нибудь другую книгу, которая не идетъ объ-руку съ нашимъ вѣкомъ.

Digitized by Google

Нанеся этотъ послѣдній ударъ новымъ идеямъ, мой старый другъ вышелъ изъ комнаты.

Отправивъ записку къ Декстеру, я стала съ безпокойствомъ думать о состояніи его здоровья. Какъ провелъ онъ все время моего отсутствія изъ Англіи? Спрашивать о немъ Бенджамина— значило только вызывать новую вспышку. Пока я такимъ образомъ размышляла, въ комнату вошла экономка, и я, не долго думая, спросила ее, слышала-ли она что-нибудь о странномъ человѣкѣ, такъ перепугавшемъ ее передъ моимъ отъѣздомъ.

Она покачала головой, какъ-бы находя неприличнымъ говорить объ этомъ предметѣ.

— Черезъ недѣлю послѣ вашего отъѣзда, сударыня, сказала она очень серьезнымъ тономъ и старательно подыскивая слова,— особа, о которой вы упоминаете, имѣла дерзость прислать вамъ письмо. Посланному было объявлено, по приказанію хозяина, что вы уѣхали заграницу и что онъ можетъ убираться вмѣстѣ съ письмомъ. Спустя немного я снова слышала объ этой особѣ. Экономка м-съ Мокаланъ, у которой я пила чай, разсказала мнѣ, что онъ пріѣзжалъ въ своемъ кабріолетѣ, чтобъ узнать о васъ. Оправившись отъ удивленія, она объяснила ему, что вы и м-съ Мокаланъ поѣхали заграницу ухаживать за больнымъ м-ромъ Юстасомъ. Онъ уѣхалъ, къ ужасу экономки, со слезами на глазахъ и съ проклятіемъ на устахъ. Вотъ все, что я знаю объ этой особѣ, и надѣюсь, что вы болѣе не будете упоминать о столь непріятномъ предметѣ.

Съ этими словами она церемонно присѣла и ушла изъ комнаты.

Оставшись одна, я съ еще большимъ безпокойствомъ, стала думать о результатахъ завтрашней попытки. Судя по словамъ экономки, какъ-бы они ни были преувеличены, Мизеримусъ Декстеръ не очень терпѣливо переносилъ мое отсутствіе и не давалъ покоя своей нервной системѣ.

На слѣдующее утро я получила отвѣтъ м-ра Плеймора на письмо, отправленное къ нему изъ Парижа.

Онъ писалъ очень коротко, не одобряя и не осуждая моей рѣшимости, но повторялъ свой совѣтъ, чтобы, во всякомъ случаѣ, отправляясь на новое свиданіе съ Декстеромъ, я взяла съ собою компетентнаго свидѣтеля. Самой интересной частью письма былъ его конецъ. „Я долженъ васъ предупредить, писалъ онъ,—

Digitized by Google

что Декстеръ очень измѣнился къ худшему. Нѣсколько дней тому назадъ одинъ изъ моихъ пріятелей видѣлъ его по дѣлу и былъ очень пораженъ происшедшей въ немъ перемѣной. Ваше посѣщеніе, конечно, произведетъ на него большое вліяніе въ хорошую или въ дурную сторону. Я не могу дать вамъ никакихъ наставленій относительно разговора съ нимъ; вы должны руководствоваться обстоятельствами, вашъ тактъ подскажетъ вамъ, благоразумно-ли наводить разговоръ на первую жену вашего мужа. Единственная наша надежда, что въ подобномъ разговорѣ онъ проболтается, а потому, если можете, не давайте ему удаляться отъ этого предмета". Въ постскриптумѣ находились слѣдующія слова: „Спросите у м-ра Бенджамина, слышалъ-ли онъ изъ другой комнаты, какъ Декстеръ говорилъ вамъ, что онъ входилъ въ спальню м-съ Мокаланъ въ ночь ея смерти".

За завтракомъ я предложила Бенджамину этотъ вопросъ. Мой старый другъ осуждалъ такъ-же пламенно, какъ прежде, нашу экспедицію къ Мизеримусу Декстеру и очень серьезно, сухо отвѣчалъ:

— Я никогда не подслушиваю у дверей, но нѣкоторые голоса слышны издали; таковъ голосъ Декстера.

— Значитъ, вы слышали его слова? повторила я.

— Стѣна и дверь не могли заглушить его голоса, продолжалъ Бенджаминъ, — и я слышалъ эти ужасныя слова.

— Теперь, можетъ быть, вамъ придется не только слушать, но и записать мой разговоръ съ Декстеромъ. Вы, кажется, писали письма подъ диктовку отца? Есть у васъ маленькая записная книжка?

Бенджаминъ взглянулъ на меня съ изумленіемъ.

— Одно—писать письма подъ диктовку крупнаго торговца, отъ слова котораго зависитъ перемѣщеніе тысячъ фунтовъ изъ рукъ въ руки, а другое — записывать пустую болтовню сумасшедшаго урода, котораго-бы слѣдовало держать въ клѣткѣ. Вашъ добрый отецъ, Валерія, никогда не поручилъ-бы мнѣ такого дѣла.

— Простите меня, Бенджаминъ, но я принуждена обратиться къ вамъ съ этой просьбой. Вы можете оказать мнѣ величайшую услугу. Ну, ну, милый другъ, уступите на этотъ разъ ради меня.

Digitized by Google

Бенджаминъ опустилъ глаза въ тарелку, покорно подчиняясь своей судьбѣ, и я видѣла, что одержала побѣду.

— Цѣлую жизнь я плясалъ по ея дудкѣ, пробормоталъ онъ,—теперь ужъ поздно думать о независимости. Я полагалъ, что давно вышелъ въ отставку, прибавилъ онъ вслухъ,—но оказывается, что я все еще на службѣ. Хорошо, въ чемъ-же будутъ состоять мои новыя обязанности?

Въ эту минуту кэбъ подъѣхалъ къ дому; я встала, взяла его за руку и нѣжно поцѣловала.

— Вамъ нужно будетъ, сказала я,—сѣсть позади кресла м-ра Декстера, такъ, чтобы онъ васъ не видалъ, а вы-бы меня видѣли.

— Чѣмъ менѣе я буду видѣть м-ра Декстера, тѣмъ лучше. Но что-жь мнѣ дѣлать, когда я помѣщусь за его кресломъ?

— Вы будете ждать моего знака, по которому тотчасъ приметесь записывать въ вашей памятной книжкѣ слова Декстера, до новаго моего знака.

— Хорошо. Какой-же знакъ—писать и какой—довольно?

Я не приготовила отвѣта на этотъ вопросъ и попросила Бенджамина помочь мнѣ. Но онъ не хотѣлъ принять никакого дѣятельнаго участія въ моемъ предпріятіи, а соглашался только быть пассивнымъ орудіемъ.

Безъ посторонней помощи мнѣ было не легко придумать телеграфную систему знаковъ, которые были-бы понятны Бенджамину и не возбудили-бы подозрѣній въ Декстерѣ. Случайно я взглянула въ зеркало и серьги навели меня на счастливую мысль.

— Я буду сидѣть въ креслѣ, сказала я,—и когда вы увидите, что, облокотясь на ручку, я стану играть серьгой, то начинайте писать и пишите до тѣхъ поръ, пока я не подвину кресла—тогда остановитесь. Вы понимаете?

— Понимаю.

Черезъ минуту мы уже были на дорогѣ къ Декстеру.

ГЛАВА XL.

Немезида.

Садовникъ отворилъ намъ калитку, очевидно предупрежденный о нашемъ посѣщеніи.

Digitized by Google

— М-съ Валерія? спросилъ онъ.

— Да.

— А это вашъ другъ?

— Да.

— Не угодно-ли вамъ пожаловать наверхъ. Вамъ домъ извѣстенъ.

Проходя по сѣнямъ, я остановилась на минуту и, увидавъ въ рукахъ Бенджамина его любимую трость, сказала:

— Ваша палка вамъ будетъ только мѣшать; оставьте ее лучше здѣсь.

— Она можетъ мнѣ пригодиться наверху, отвѣчалъ Бенджаминъ рѣзко: — я не забылъ того, что случилось въ библіотекѣ.

Не было времени вступать съ нимъ въ споръ и я молча пошла по лѣстницѣ.

На верхней ступени я услыхала какой-то странный, жалобный вопль, который повторился два раза прежде, чѣмъ мы вошли въ круглую пріемную. Я первая подошла къ двери и увидала многосторонняго Мизеримуса Декстера совершенно съ новой стороны.

Несчастная Аріель стояла передъ столомъ, на которомъ виднѣлось блюдо съ маленькими пирожками. Въ разстояніи двухъ аршинъ отъ нея находился Мизеримусъ Декстеръ и держалъ двѣ веревки, противоположные концы которыхъ туго сжимали кисти обѣихъ рукъ Аріель.

— Попробуй еще, красавица, сказалъ онъ,—возьми пирожекъ.

Аріель повиновалась и быстро протянула руку, но въ ту самую минуту, какъ ея пальцы прикоснулись къ пирожку, Декстеръ съ дьявольской жестокостью и проворствомъ дернулъ за веревку. Я едва не выхватила палки у Бенджамина и не сломала ее объ голову злого урода. Аріель на этотъ разъ перенесла пытку съ спартанскимъ безмолвіемъ. Она прежде Декстера увидала меня; стиснула зубы, побагровѣла отъ боли, но даже не застонала.

— Бросьте веревку! воскликнула я съ негодованіемъ;—отпустите ее, м-ръ Декстеръ, или я тотчасъ уѣду.

Услыхавъ мой голосъ, онъ вскрикнулъ отъ радости и глаза его уставились на меня, словно онъ хотѣлъ меня съѣсть.

— Войдите, войдите! воскликнулъ онъ;—посмотрите, чѣмъ я занимаюсь въ безумныя минуты ожиданія, посмотрите, какъ я убиваю время нашей разлуки. Войдите, войдите. Сегодня я нахо-

Digitized by Google

жусь въ сердитомъ настроеніи, благодаря нетерпѣливому желанію васъ видѣть, м-съ Валерія. А когда я нахожусь въ сердитомъ настроеніи, мнѣ надо кого-нибудь мучить. Вотъ я и мучу Аріель. Посмотрите на нее. Она еще ничего сегодня не ѣла и никакъ не можетъ схватить пирожка. Но не жалѣйте ея. У Аріель нѣтъ нервовъ и ей не больно.

— У Аріель нѣтъ нервовъ и ей не больно, повторило несчастное созданіе, оскаливъ зубы на меня за непрошенное вмѣшательство.

Я слышала, какъ за мною Бенджаминъ размахивалъ палкой по воздуху.

— Бросьте веревку! воскликнула я съ еще большей злобой,— или я тотчасъ уйду.

Мой громкій, рѣзкій голосъ подѣйствовалъ на нѣжные нервы Мизеримуса Декстера.

— Какой прекрасный голосъ, произнесъ онъ, и, бросивъ веревку, сказалъ повелительнымъ тономъ:—Возьми пирожки.

Аріель прошла мимо меня. Веревка висѣла на ея вспухшихъ рукахъ; но, бросивъ на меня вызывающій взглядъ, она гордо повторила:

— У Аріель нѣтъ нервовъ; ей не больно.

— Вотъ видите, сказалъ Мизеримусъ Декстеръ:—я не сдѣлалъ ей ничего дурного и бросилъ веревку, какъ только вы приказали. Не будьте жестоки со мною, м-съ Валерія, послѣ вашего долгаго отсутствія. А это кто? спросилъ онъ, замѣтивъ Бенджамина, стоявшаго въ дверяхъ.—Знаю: это добродѣтельный джентльменъ, олицетворявшій убѣжище для страждущихъ, въ первый разъ, когда я его видѣлъ. Вы измѣнились къ худшему, сэръ. Вы теперь играете совершенно иную роль. Вы олицетворяете карающее правосудіе. Это вашъ новый покровитель, м-съ Валерія? Понимаю. Вашъ покорный слуга, господинъ карающеее правосудіе, прибавилъ онъ, иронически кланяясь Бенджамину;—я заслужилъ ваше посѣщеніе и подчиняюсь своей судьбѣ. Войдите, сэръ; я постараюсь сдѣлать вашу должность синекурою. Эта женщина—свѣтъ моей жизни. Поймайте меня въ неуваженіи къ ней, если можете! А вы, м-съ Валерія, дайте мнѣ руку въ доказательство того, что вы меня простили, прибавилъ онъ, подъѣзжая ко мнѣ въ своемъ креслѣ. Я протянула руку и онъ почтительно поцѣловалъ ее.—Одинъ

Digitized by Google

разъ, только одинъ разъ. О, бѣдный Декстеръ, продолжалъ онъ съ своимъ обычнымъ эгоизмомъ:—теплое у него сердце, а пропадаетъ даромъ въ одиночествѣ. Грустно, грустно! бѣдный Декстеръ! Сегодня прекрасная погода, сэръ! воскликнулъ онъ вдругъ ироническимъ тономъ, обращаясь къ Бенджамину;—это особенно пріятно послѣ продолжительныхъ дождей. Неугодно-ли вамъ чего-нибудь? Сдѣлайте одолженіе, присядьте. Когда карающее правосудіе не выше васъ, то ему приличнѣе сидѣть на стулѣ.

— А обезьянѣ приличнѣе сидѣть въ клѣткѣ, отвѣчалъ Бенджаминъ, выведенный изъ себя замѣчаніемъ Декстера объ его маломъ ростѣ.

Этотъ сарказмъ нисколько не подѣйствовалъ на Мизеримуса Декстера,—онъ, повидимому, даже не обратилъ на него вниманія. Онъ сноза измѣнился и сталъ задумчивъ, тихъ; его глаза были устремлены на меня съ грустнымъ, восторженнымъ выраженіемъ. Я сѣла на ближайшее кресло и взглянула на Бенджамина, который тотчасъ понялъ меня. Онъ сѣлъ позади Декстера и такъ, что могъ постоянно меня видѣть. Аріель молча ѣла пирожки, помѣстившись на скамейкѣ у ногъ своего господина, и смотрѣла на него, какъ вѣрная собака. Наступило минутное молчаніе. Я могла теперь на свободѣ разсмотрѣть Мизеримуса Декстера.

Перемѣна, происшедшая въ немъ со времени послѣдняго нашего свиданія, не только изумила меня, но и испугала. Письмо м-ра Плеймора не могло приготовить меня къ такому печальному зрѣлищу.

Его лицо исхудало и словно съежилось. Мягкость взгляда исчезла; глаза налились кровью и безсознательно смотрѣли въ пространство; нѣкогда могучія руки дрожали. Его болѣзненная блѣдность еще болѣе оттѣнялась черной бархатной курткой. Безчисленныя морщинки вокругъ глазъ значительно увеличились. Голова словно провалилась между плечами. Онъ такъ постарѣлъ, что мѣсяцы, прошедшіе со времени моего отъѣзда изъ Англіи, казались годами. Вспоминая слова доктора, что сохраненіе Декстеромъ разсудка зависитъ отъ спокойнаго состоянія его нервовъ, я не могла не почувствовать, что умно поступила, пріѣхавъ поспѣшно изъ Испаніи (если только мнѣ оставалась надежда на успѣхъ). Въ виду всего, что я знала о немъ и чего могла опа-

Digitized by Google

саться, я была увѣрена, что его конецъ близокъ. Смотря на него, я внутренно сознавала, что передо мною погибшій человѣкъ.

Мнѣ было жаль его. Да, жаль, хотя это чувство совершенно не соотвѣтствовало цѣли, для которой я явилась къ нему. Я знала, что онъ былъ жестокъ, и подозрѣвала его въ коварствѣ. Но все-же я его сожалѣла, и Миверимусъ Декстеръ отгадалъ:

— Благодарю васъ! воскликнулъ онъ неожиданно;—вы видите, что я боленъ, и сожалѣете меня, милая, добрая Валерія.

— Эту даму, сэръ, зовутъ м-съ Мокаланъ, произнесъ Бенджаминъ строгимъ тономъ;—говоря съ нею, не забывайте, что вамъ нѣтъ никакого дѣла до ея имени.

Это новое замѣчаніе Бенджамина, точно также, какъ первое, не обратило на себя вниманія Декстера. Онъ, повидимому, забылъ даже объ его присутствіи.

— Вы очень порадовали меня своимъ посѣщеніемъ, продолжалъ онъ,—но увеличьте еще мое счастье. Дайте мнѣ насладиться мелодичностью вашего голоса. Разскажите, что вы дѣлали со времени вашего отъѣзда изъ Англіи.

Мнѣ необходимо было начать съ нимъ разговоръ и потому я разсказала о своей поѣздкѣ за-границу.

— Такъ вы все еще любите Юстаса? спросилъ онъ съ горечью.

— Я люблю его, можетъ быть, болѣе, чѣмъ прежде.

Онъ закрылъ лицо руками и черезъ нѣсколько минутъ сказалъ своимъ прежнимъ, глухимъ голосомъ:

— Вы оставили Юстаса въ Испаніи, а сами возвратились однѣ въ Англію. Что васъ побудило къ этому?

— Что побудило меня явиться къ вамъ и просить у васъ помощи, м-ръ Декстеръ?

Онъ опустилъ руки и взглянулъ на меня. Въ глазахъ его виднѣлись удивленіе и испугъ.

— Неужели, воскликнулъ онъ, — вы не хотите оставить въ покоѣ этой несчастной исторіи? Неужели вы все еще намѣрены раскрыть гленинчскую тайну?

— Да, м-ръ Декстеръ, и я все еще надѣюсь, что вы мнѣ поможете.

Прежняя подозрительность выразилась теперь на его лицѣ.

— Какъ могу я вамъ помочь? произнесъ онъ;—развѣ я могу

Digitized by Google

перемѣнить факты? Я старался вамъ помочь, продолжалъ онъ, просіявъ, словно неожиданная, блестящая мысль озарила его голову;—я сказалъ вамъ, что поѣздка м-съ Бьюли въ Эдинбургъ была только хитростью, чтобъ удалить отъ себя всякое подозрѣніе; я сказалъ вамъ, что, можетъ быть, ядъ подала горничная м-съ Бьюли. Убѣдились-ли вы въ справедливости моихъ словъ? Находите-ли вы эту идею основательной?

— Я не вижу основательности въ этой идеѣ, отвѣчала я;— что могло побудить служанку сдѣлаться врагомъ м-съ Мокаланъ?

— Ни у кого не было причины быть врагомъ м-съ Мокаланъ! воскликнулъ Декстеръ съ жаромъ:—она была олицетворенной добротой на землѣ и она никогда не причиняла ни малѣйшаго вреда кому-бы то ни было словомъ или дѣломъ. Она была святая. Уважайте ея память. Оставьте мученицу мирно покоиться въ ея могилѣ.

Съ этими словами онъ снова закрылъ лицо и вздрогнулъ всѣмъ тѣломъ отъ сильнаго внутренняго волненія.

Аріель неожиданно встала и, подойдя ко мнѣ, промолвила шопотомъ:

— Разсердите еще разъ моего господина, и я вцѣплюсь въ васъ десятью когтями.

Бенджаминъ вскочилъ со стула; онъ видѣлъ движеніе Аріель, но не слышалъ ея словъ. Я знакомъ просила его успокоиться. Аріель возвратилась къ своему мѣсту и устремила снова безсознательный взоръ на Декстера.

— Не плачьте, сказала она;—вотъ веревки. Помучьте меня. Заставьте меня кричать отъ боли.

Онъ ничего не отвѣчалъ и не пошевелилъ рукой.

Аріель стала напрягать свои тупыя умственныя способности, чтобъ обратить на себя его вниманіе. Это вполнѣ доказывалось ея насупленными бровями и взоромъ, безсознательно устремленнымъ въ пространство. Вдругъ она радостно захлопала въ ладоши. Побѣда! Въ ея умѣ блеснула мысль.

— Господинъ! воскликнула она, — господинъ! Вы давно не разсказывали мнѣ сказокъ. Разскажите хорошую, длинную сказку, полную крови и преступленій. Приведите втупикъ мою глупую голову, заставьте меня содрогаться отъ ужаса.

Digitized by Google

Неужели она случайно затронула ту струну, которая могла заставить его заговорить о предметѣ, интересовавшемъ меня болѣе всего на свѣтѣ? Я знала, что онъ гордился своимъ искуствомъ „разсказывать исторіи“ и что однимъ изъ его любимыхъ препровожденій времени было приводить втупикъ Аріель непонятными для нея сказками. Пустится-ли онъ теперь въ дикую, сказочную область, или, помня, что мое упорство все еще грозило ему изслѣдованіемъ гленинчской трагедіи, употребитъ всю свою хитрость, чтобы новой стратагемой сбить меня съ толку?

Послѣднее было всего вѣроятнѣе; но, къ моему удивленію и ужасу, оказалось, что я еще не знала Декстера. Аріель удалось отвлечь его отъ предмета, на которомъ былъ сосредоточенъ его умъ за минуту передъ тѣмъ. Онъ поднялъ голову. На лицѣ его играла самодовольная улыбка. Онъ былъ теперь такъ слабъ, что даже Аріель умѣла затронуть его самолюбіе. Морозъ пробѣжалъ по моему тѣлу. Неужели я пріѣхала поздно?

Мизеримусъ Декстеръ заговорилъ, но не со мною, а съ Аріель.

— Бѣдняжка, сказалъ онъ снисходительно, гладя ее по головѣ:—ты не понимаешь ни одного слова въ моихъ разсказахъ, не правда-ли? И, однако, я умѣю заставить содрогаться твое грубое, безчувственное тѣло и заинтересовать твой тупой умъ. Я особенно искусенъ въ драматическихъ разсказахъ, продолжалъ онъ, взглянувъ на меня и, повидимому, совершенно забывъ о нашемъ предыдущемъ разговорѣ.—Это несчастное созданіе служитъ лучшимъ доказательствомъ моего искуства. Когда она слушаетъ мои разсказы, то представляетъ любопытный предметъ для психологическаго изслѣдованія. Забавно видѣть, какъ эта полоумная бѣдняжка дѣлаетъ отчаянныя усилія, чтобъ понять мои слова. Вы сами сейчасъ въ этомъ убѣдитесь. Во время вашего отсутствія я былъ не въ духѣ и не разсказывалъ ей ни одной исторіи. Не думайте, чтобъ это мнѣ стоило большого труда. Мое воображеніе неисчерпаемо. Вы по природѣ очень серьезны, но я увѣренъ, что васъ это зрѣлище позабавитъ. Я также человѣкъ серьезный, но всегда смѣюсь, глядя на нее.

— Онъ всегда смѣется, глядя на меня, сказала Аріель, хлопая въ ладоши и бросая на меня торжествующій взглядъ.

Я рѣшительно не знала, что мнѣ дѣлать. Вспышка Декстера, возбужденная моимъ намекомъ на первую жену Юстаса, застав-

Digitized by Google

ляла меня быть очень осторожной и терпѣливо выжидать удобнаго случая снова навести разговоръ на этотъ предметъ. Но какъ было создать этотъ случай, который заставилъ-бы его раскрыть тайну, такъ тщательно имъ скрываемую? Одно было ясно, что если я дозволю ему спокойно разсказать сказку, то потеряю драгоцѣнное время, и потому я рѣшилась, несмотря на „десять когтей“ Аріель, всячески мѣшать Декстеру въ удовлетвореніи его новаго каприза.

— Ну, м-съ Валерія, началъ онъ громко и гордо:—слушайте. Ну, Аріель, напрягай всѣ свои умственныя способности. Я буду импровизировать романъ и поэму. Я начну съ старинной сказочной формулы: жили-были...

Я ждала случая, чтобъ перебить его, но онъ на первыхъ-же словахъ самъ остановился и, бросивъ вокругъ себя дикій взглядъ, провелъ рукой нѣсколько разъ по лбу. Потомъ онъ тихо засмѣялся и промолвилъ:

— Надо, кажется, подстрекнуть мои дремлющія силы.

Неужели его разсудокъ исчезъ? Я не замѣчала никакихъ признаковъ этого давно ожидаемаго, рокового событія, пока не возбудила въ его умѣ воспоминаній о покойной м-съ Мокаланъ. Была-ли теперешняя слабость только минутной случайностью, первымъ предостереженіемъ, какъ ему, такъ и намъ? Придетъ-ли онъ въ себя, если мы дадимъ ему время? Бенджаминъ заинтересовался сценой, происходившей передъ его глазами, и сталъ внимательно слѣдить за Декстеромъ чрезъ спинку его кресла. Даже Аріель была удивлена и тревожно смотрѣла на него, забывъ о моемъ присутствіи.

Всѣ мы съ нетерпѣніемъ ждали, что онъ скажетъ, что онъ сдѣлаетъ.

— Арфу! воскликнулъ онъ:—музыка меня возстановитъ.

Аріель подала ему арфу.

— Господинъ, что съ вами? спросила она.

Онъ махнулъ рукою, чтобъ она замолчала.

— Ода въ честь сочинителей, торжественно произнесъ онъ, обращаясь ко мнѣ;—стихи и музыка, импровизированные Декстеромъ. Слушайте.

Онъ сталъ медленно перебирать пальцами струны арфы, но мы не слышали ни мелодіи, ни словъ. Послѣ нѣсколькихъ минутъ

Digitized by Google

молчанія голова его поникла и онъ припалъ къ арфѣ. Я вскочила и подошла къ нему. Уснулъ онъ или упалъ въ обморокъ?

Я взяла его за руку и назвала по имени.

Въ ту-же минуту Аріель встала между нами и грозно взглянула на меня. Однако Мизеримусъ Декстеръ услышалъ мой голосъ и, поднявъ голову, устремилъ на меня такой странный, спокойный взглядъ, какого я еще никогда не видывала.

— Возьми арфу, сказалъ онъ, обращаясь къ Аріель, очень слабымъ, усталымъ голосомъ.

Полоумная Аріель, по глупости или на зло мнѣ, снова вывела его изъ терпѣнья.

— Что съ вами, господинъ? промолвила она, держа въ рукахъ арфу:—что-же вы не разсказываете исторіи?

— Не надо никакой исторіи! воскликнула я;—я хочу о многомъ переговорить съ м-ромъ Декстеромъ.

— Вы непремѣнно *этого* хотите? сказала Аріель, подходя ко мнѣ и поднявъ свою тяжелую руку.

Но голосъ Декстера остановилъ ее.

— Поставь на мѣсто арфу, дура, сказалъ онъ сердито,—и жди, пока мнѣ вздумается разсказывать исторію.

Она смиренно повиновалась и отнесла арфу на другой конецъ комнаты.

— Я знаю, что возстановитъ мои силы, конфиденціально сказалъ Декстеръ, подвигая ко мнѣ свое кресло:—мнѣ необходимъ моціонъ. Я уже давно не трогался съ мѣста. Вы увидите, какъ движеніе хорошо на меня подѣйствуетъ.

Онъ нажалъ пружину кресла и отправился въ свое обычное путешествіе по комнатѣ. Но тутъ, какъ и во всемъ остальномъ, обнаружилась происшедшая въ немъ громадная перемѣна. Кресло его уже не носилось вихремъ по комнатѣ, какъ прежде: оно подвигалось, но медленно, и онъ съ трудомъ приводилъ его въ движеніе. Наконецъ онъ остановился, едва переводя духъ.

Мы слѣдовали за нимъ. Впереди шла Аріель, а потомъ я съ Бенджаминомъ. Декстеръ нетерпѣливо махнулъ рукой, желая сказать что-то мнѣ одной.

— Я совершенно отвыкъ отъ движенія, сказалъ онъ слабымъ голосомъ, когда я подошла къ нему:—мнѣ сердце не позволяло

Digitized by Google

весело летать по комнатѣ, поднимая шумъ и трескъ, во время вашего отсутствія.

Всякій пожалѣлъ-бы его въ эту минуту! Даже Аріель поняла его грустное положеніе и начала жалобно стонать. Чародѣй, который одинъ могъ возбудить ея дремавшія чувства, подѣйствовалъ на нее такъ-же сильно своимъ безмолвнымъ равнодушіемъ, какъ и прямымъ обращеніемъ къ ея тупымъ умственнымъ способностямъ.

— Что съ вами, господинъ? Что-же вы не разсказываете сказки? повторила она, жалобно всхлипывая.

— Не слушайте ея, сказала я шопотомъ:—вамъ нуженъ воздухъ. Пошлите за садовникомъ и поѣдемте погулять въ вашемъ кабріолетѣ.

Но все было тщетно. Аріель хотѣла во что-бы то ни стало обратить на себя его вниманіе и ея мрачный голосъ повторялъ по-прежнему:

— Что-же вы не разсказываете сказки? Что-же вы не разсказываете сказки?

Гордый духъ Декстера, наконецъ, въ немъ проснулся.

— Ахъ, ты чертовка! воскликнулъ онъ, поворачивая кресло и обращаясь къ ней;—ты услышишь сказку. Я могу ее разсказать и разскажу. Вина! чего ревешь, идіотка? Дай мнѣ вина. Отчего прежде не пришла мнѣ эта мысль въ голову? Царственное вино Бургундіи—вотъ что воскреситъ мои силы и разбудитъ мою голову. Дай всѣмъ стаканы. Честь и слава царю винъ, кло-де-вужо!

Аріель открыла шкафъ въ нишѣ и подала вино. Декстеръ выпилъ полный стаканъ однимъ залпомъ и заставилъ насъ послѣдовать его примѣру. Конечно, я и Бенджаминъ сдѣлали только видъ, что пьемъ, но Аріель, по примѣру своего господина, осушила разомъ весь стаканъ. Вино почти мгновенно подѣйствовало на ея слабую голову. Она затянула глухимъ голосомъ какую-то пѣсню, которая въ сущности была безконечнымъ, механическимъ повтореніемъ двухъ словъ: „разскажите сказку, разскажите сказку!“ Между тѣмъ Декстеръ налилъ себѣ второй стаканъ.

— Послушайтесь меня хоть разъ, проволвилъ шопотомъ Бенджаминъ:—уѣдемте отсюда.

Digitized by Google

— Еще одну попытку, отвѣчала я, также шопотомъ,—позвольте мнѣ еще одну, послѣднюю попытку.

Аріель продолжала своимъ глухимъ, соннымъ голосомъ: „разскажите сказку! разскажите сказку!“

Мизеримусъ Декстеръ поднялъ голову. Вино подѣйствовало и на него. На лицѣ его снова показался румянецъ, въ глазахъ его заблестѣла мысль. Царь Бургундіи воскресилъ его! Доброе старое вино сослужило мнѣ неоцѣнимую услугу. Я могла еще надѣяться на успѣхъ моей послѣдней попытки.

— Не надо сказки, сказала я:—я хочу поговорить съ вами, м-ръ Декстеръ. Я не расположена слушать сказки.

— Не расположены! повторилъ онъ съ прежней, иронической улыбкой;—я понимаю: вы думаете, что мое воображеніе оскудѣло, и не хотите прямо въ этомъ сознаться. Я докажу, что вы ошибаетесь, я докажу, что Декстеръ—еще прежній Декстеръ. Замолчи, Аріель, или я тебя выгоню изъ комнаты. Сказка готова, вотъ здѣсь, м-съ Валерія, прибавилъ онъ, бросивъ на меня хитрый, знаменательный взглядъ;—она васъ навѣрно заинтересуетъ, мой прелестный другъ. Вернемтесь къ камину и выслушайте сказку о „Госпожѣ и служанкѣ“.

Сказка о „Госпожѣ и служанкѣ“, очевидно, была замаскированной исторіей м-съ Бьюли и ея горничной. Названіе сказки и взглядъ, брошенный имъ на меня, снова возбудили во мнѣ почти исчезнувшія надежды. Наконецъ, онъ пришелъ въ себя и къ нему возвратились его обычная проницательность и природная хитрость. Подъ предлогомъ разсказать сказку для Аріель, онъ, очевидно, хотѣлъ вторично сбить меня съ толку и навести на ложный слѣдъ. Онъ дѣйствительно сказалъ правду: Декстеръ все еще былъ прежній Декстеръ.

Я взяла за руку Бенджамина и возвратилась къ камину.

— Есть надежда, шепнула я ему на ухо;—не забудьте сигналовъ.

Мы всѣ заняли наши прежнія мѣста. Аріель снова бросила на меня угрожающій взглядъ. Несмотря на дѣйствіе вина, расположившаго ее къ веселости, она все также рѣшительно давала мнѣ понять, что отразитъ всякую попытку съ моей стороны прервать разсказъ Декстера. Но теперь я горѣла еще большимъ желаніемъ, чѣмъ она, выслушать до конца сказку. Сюжетъ ея былъ

Digitized by Google

полонъ западней для Декстера. Всякую минуту онъ могъ забыться и вмѣсто придуманныхъ обстоятельствъ разсказать истину; на каждомъ словѣ онъ могъ выдать себя.

— Публика разсѣлась-ли по мѣстамъ? Публика готова-ли? началъ онъ весело, поглядывая по сторонамъ;—поверните ваше лицо въ мою сторону, прибавилъ онъ, нѣжно обращаясь ко мнѣ;—кажется, я прошу немногаго. Вы смотрите на червяка, ползающаго по землѣ, почему-же вамъ не смотрѣть на меня? Позвольте мнѣ искать вдохновенія въ вашихъ глазахъ, позвольте мнѣ насытиться вашимъ лицезрѣніемъ. Подарите улыбкой человѣка, счастье котораго вы нарушили. Благодарю васъ, благодарю васъ, свѣтъ моей жизни. Ну, теперь перейдемъ къ сказкѣ, сказалъ онъ, посылая мнѣ поцѣлуй и откидываясь на спинку кресла.—Какую придать ей форму? Конечно, драматическую—это лучшая, древнѣйшая, кратчайшая форма разсказа. Названіе простое, выразительное: „Госпожа и служанка". Мѣсто дѣйствія: романическая страна—Италія; время: романическій вѣкъ — XV столѣтіе. Посмотрите на Аріель. Она столько-же знаетъ о XV вѣкѣ, сколько кошка въ кухнѣ, а она уже глубоко заинтересована моимъ разсказомъ; счастливая Аріель!

Аріель взглянула на меня, опьянѣвъ отъ вина и торжества надъ мнимой соперницей.

— Я знаю не болѣе кошки въ кухнѣ, повторила она съ самодовольной улыбкой.—Я счастливая Аріель, а вы что?

Мизеримусъ громко расхохотался.

— Что я вамъ говорилъ? воскликнулъ онъ:—не правда-ли, она забавна? Дѣйствующія лица драмы, продолжалъ онъ:—три женщины: Ангелика, благородная аристократка по душѣ и рожденію; Кунигунда, прелестный дьяволъ въ юбкѣ; Даморида, ея несчастная служанка. Сцена первая: мрачная комната подъ сводами въ старинномъ замкѣ; вечерѣетъ, совы кричатъ въ лѣсу, лягушки квакаютъ въ болотѣ. Посмотрите на Аріель! Слышно, какъ ея кости дрожатъ, прекрасная Аріель!

— Прекрасная Аріель, сонно повторила моя соперница, вызывательно смотря на меня.

Мизеримусъ Декстеръ поднесъ къ губамъ стаканъ съ виномъ, который стоялъ подлѣ него на маленькомъ столикѣ, придѣланномъ къ его креслу. Я слѣдила за каждымъ его движеніемъ.

Digitized by Google

Лицо его по-прежнему горѣло и глаза блестѣли. Поставивъ стаканъ на столъ и весело щелкнувъ языкомъ, онъ продолжалъ:

— Дѣйствующія лица: Кунигунда и Даморида. Кунигунда говоритъ: „Даморида“.—„Сударыня?“—„Кто лежитъ больная въ комнатѣ надъ нами?“—„Благородная Ангелика“. Молчаніе. Кунигунда снова говоритъ: — „Даморида“.—„Сударыня?“ — „Какъ обращается съ тобой Ангелика?“ — „Эта благородная женщина добра и милостива ко всѣмъ; она добра и милостива ко мнѣ“.— „Ухаживала ты за нею, Даморида?“—Иногда, сударыня, чтобъ дать отдохнуть сидѣлкѣ“.—„Давала ты ей лекарство?“—„Раза два“. — „Даморида, возьми ключъ и отопри шкатулку, вонъ на томъ столѣ“. (Даморида исполняетъ приказаніе.) — „Видишь ты зеленую стклянку?“—„Вижу, сударыня“.—„Возьми ее“. (Даморида повинуется.) — „Знаешь-ли ты, что въ ней находится?“— „Нѣтъ, сударыня“.—„Хочешь знать? (Даморида почтительно кланяется.) Это ядъ. (Даморида вздрагиваетъ и хочетъ оттолкнуть отъ себя ядъ, но Кунигунда знакомъ приказываетъ держать стклянку.) Даморида, я открыла тебѣ одну изъ моихъ тайнъ, сказать-ли тебѣ другую? (Даморида молчитъ отъ страха.) Я ненавижу Ангелику, она разлучаетъ меня со счастьемъ всей моей жизни. Ея судьба въ твоихъ рукахъ“. (Даморида падаетъ на колѣни и, перекрестившись, какъ набожная особа, говоритъ):— „Сударыня, вы меня пугаете; что это значитъ?“ (Кунигунда подходитъ къ ней и, устремляя на нее страшный взглядъ, шопотомъ произноситъ):—„Ангелика должна умереть такъ, чтобы никто меня не подозрѣвалъ. Ангелика должна умереть отъ твоей руки!“

Онъ умолкъ и снова взялся за стаканъ, но на этотъ разъ не только омочилъ губы въ живительную влагу, а выпилъ большой глотокъ. Неужели силы снова его покидали? Я внимательно взглянула на него. Лицо его горѣло по-прежнему, но глаза потускнѣли. Дѣйствительно, я замѣтила, что послѣднія слова онъ произнесъ гораздо тише. Неужели его воображеніе оскудѣвало и вино уже болѣе на него не дѣйствовало?

Мы всѣ ждали. Аріель безсознательно смотрѣла на него съ разинутымъ ртомъ. Бенджаминъ неподвижно ждалъ сигнала, держа на колѣняхъ открытую записную книжку и заслоняя ее рукою.

— Даморида, продолжалъ Мизеримусъ Декстеръ, — услыхавъ эти страшныя слова, всплескиваетъ руками.—„О! сударыня, су-

Digitized by Google

дарыня! Какъ могу я убить такую прекрасную, благородную женщину! Зачѣмъ я подниму на нее руку?" — „Затѣмъ, отвѣчаетъ Кунигунда,—что ты обязана мнѣ повиноваться". — „Нѣтъ, нѣтъ, сударыня! я не могу этого сдѣлать!" восклицаетъ Даморида, ударяя головою объ полъ.— „Ты ничѣмъ не рискуешь, продолжаетъ Кунигунда:—я отвлеку всѣ подозрѣнія отъ тебя и отъ меня".— „Нѣтъ, нѣтъ! Я не могу, я не могу!" повторяетъ Даморида. Глаза Кунигунды блестятъ злобою, она вынимаетъ изъ-за пазухи...

Декстеръ умолкъ и схватился рукою за голову. Онъ походилъ теперь на человѣка не страждущаго, но забывавшаго, что говорилъ. Я не знала, что мнѣ дѣлать: помочь-ли ему въ разсказѣ или молчать. Я ясно понимала его намѣреніе. Онъ хотѣлъ подъ видомъ итальянской сказки отвѣтить на мой вопросъ: какой поводъ могъ быть у служанки м-съ Бьюли къ убійству первой жены моего мужа. Если онъ могъ найти разумный поводъ, то достигъ-бы своей цѣли—отвлечь меня отъ истиннаго пути въ моихъ поискахъ за правдой. Невинная горничная м-съ Бьюли сосредоточила-бы на себѣ все мое вниманіе, и Декстеръ остался-бы въ покоѣ на-долго.

Обдумавъ хорошенько мое положеніе, я рѣшилась молчать.

Минуты шли за минутами. Я тревожно ждала. Если-бъ ему удалось сочинить вѣроятный поводъ къ преступленію горничной и придать своему вымыслу романическую форму, вполнѣ подходившую къ его сказкѣ, онъ доказалъ-бы, что владѣетъ своими умственными способностями въ большей степени, чѣмъ предполагалъ свидѣтельствовавшій его шотландскій докторъ. Вопросъ заключался въ томъ, удастся-ли ему это?

Ему удалось. Конечно, придуманный имъ поводъ не былъ очень новымъ или убѣдительнымъ и, очевидно, стоилъ ему большого труда, но все-же, хорошо или дурно, онъ объяснилъ, почему служанка должна была совершить убійство.

— Кунигунда, продолжалъ онъ, вынимаетъ изъ-за пазухи сложенную бумагу и, развернувъ ее, говоритъ:—„Взгляните сюда."— Даморида смотритъ на бумагу и въ отчаяніи бросается къ ногамъ своей госпожи. Въ рукахъ Кунигунды позорная тайна прошедшей жизни служанки. Кунигунда можетъ сказать ей:—„Выбирай одно изъ двухъ: или я открою твое прошедшее, которое

Digitized by Google

опозоритъ тебя и твоихъ родителей, или ты исполнишь мою волю". Даморида могла-бы вынести позоръ, если-бъ онъ упалъ только на нее; но ея родители честные люди, она не можетъ ихъ опозорить. Что ей дѣлать? Смягчить сердце Кунигунды нѣтъ никакой надежды; ей остается только указать на матеріяльныя преграды къ совершенію убійства. — „Сударыня, сударыня! восклицаетъ она,—какъ могу я это сдѣлать, когда сидѣлка постоянно въ комнатѣ?" —„Она по временамъ спитъ и выходитъ изъ комнаты", отвѣчаетъ Кунигунда. — „Сударыня, сударыня! продолжаетъ Даморида: — дверь въ спальню заперта и у сидѣлки ключъ".

Ключъ! я тотчасъ вспомнила о ключѣ, пропавшемъ въ Гленинчѣ. Онъ, повидимому, также спохватился и умолкъ. Я рѣшилась дать сигналъ Бенджамину и, облокотясь на ручку кресла, стала играть серьгою. Бенджаминъ немедленно вынулъ карандашъ и устроилъ записную книжку у себя на колѣняхъ, такъ, чтобъ Аріель не могла ее увидѣть, если-бъ она случайно взглянула на него.

Мы терпѣливо ждали, пока Декстеру вздумается продолжать разсказъ. Молчаніе продолжалось долго. Онъ снова провелъ рукою по лбу. Глаза его дѣлались все мутнѣе и мутнѣе.

— На чемъ я остановился? спросилъ онъ наконецъ.

Мои надежды разсѣялись такъ-же быстро, какъ воскресли. Но я отвѣчала, какъ ни въ чемъ не бывало:

— Вы остановились на томъ, когда Даморида сказала Кунигундѣ...

— Да, да, перебилъ онъ меня;—но что-же она сказала?

— Она сказала: „дверь въ спальню заперта и ключъ у сидѣлки".

— Нѣтъ! воскликнулъ онъ съ жаромъ, привскакивая на своемъ креслѣ:—вы ошибаетесь. Ключъ! Я никогда не говорилъ о ключѣ.

— Мнѣ показалось, что вы упомянули о ключѣ, м-ръ Декстеръ.

— Нѣтъ, нѣтъ! воскликнулъ онъ: — я говорилъ о чемъ-то другомъ, а вы забыли.

Я не стала съ нимъ спорить, боясь дурныхъ послѣдствій. Мы снова стали ждать продолженія разсказа. Повинуясь, хотя и неохотно, моему капризу, Бенджаминъ записалъ слова, которыми мы

Digitized by Google

помѣнялись съ Декстеромъ, и теперь онъ держалъ въ рукѣ карандашъ, готовый продолжать свою работу. Аріель тихо поддавалась усыпляющему вліянію вина, пока голосъ Декстера раздавался въ ея ушахъ, но теперь она безпокойно смотрѣла на него.

Онъ сидѣлъ молча, неподвижно, держа рукою голову, видимо стараясь собраться съ мыслями и отогнать отъ себя окружающій его мракъ.

— Что-же сказка? воскликнула, наконецъ, Аріель жалобнымъ голосомъ.

Онъ вздрогнулъ, какъ-бы очнувшись отъ сна, и нетерпѣливо покачалъ головой, словно стряхивая съ себя угнетавшее его бремя.

— Потерпи немного, сказалъ онъ:—сказка сейчасъ возобновится.

Онъ съ отчаяніемъ ухватился за первую попавшуюся мысль, не заботясь, служила-ли она продолженіемъ прерваннаго разсказа или нѣтъ.

— Даморида упала на колѣни, произнесъ онъ,—она залилась слезами. Она сказала...

Онъ снова умолкъ и сталъ безсознательно глядѣть по сторонамъ...

— А какъ, бишь, я назвалъ другую женщину? спросилъ онъ послѣ минутнаго молчанія, ни къ кому прямо не обращаясь и какъ-бы говоря въ пространство.

— Вы назвали другую женщину Кунигундой, отвѣчала я.

Услыхавъ звукъ моего голоса, онъ обратилъ свои глаза на меня, но его неподвижный, безсознательный взглядъ смотрѣлъ не на меня, а куда-то вдаль. Даже его голосъ измѣнился, когда онъ повторилъ мои слова. Онъ говорилъ тихо, глухо, беззвучно. Я слышала нѣчто подобное, сидя у постели Юстаса, когда онъ находился въ бреду. Неужели насталъ конецъ?

— Я назвалъ ее Кунигундой, повторилъ онъ, — а другую я назвалъ...

И онъ снова умолкъ.

— А другую вы назвали Даморидой, подсказала я.

Аріель взглянула на Декстера съ испугомъ и дернула его за рукавъ, чтобъ обратить на себя вниманіе.

Digitized by Google

— Развѣ это сказка, господинъ? спросила она.

— Это сказка, отвѣчалъ онъ, несмотря на нее и по-прежнему устремивъ глаза въ пространство;—но отчего Кунигундой? отчего Даморидой? Лучше госпожей и служанкой. Легче запомнить госпожу и служанку...

Онъ задрожалъ всѣмъ тѣломъ и продолжалъ:

— Что-же служанка сказала госпожѣ? Что? Что? Что?

Голосъ его пресѣкся. Черезъ мгновеніе онъ какъ-бы очнулся. Новая-ли мысль озарила его или онъ вдругъ вспомнилъ что-нибудь старое, давно забытое, невозможно сказать; только онъ продолжалъ съ неожиданной, лихорадочной поспѣшностью:

— „Письмо", служанка сказала—письмо. О, сердце мое! Каждое слово поражаетъ кинжаломъ мое сердце. О! письмо страшное, страшное, страшное письмо!

О чемъ онъ говорилъ? Что значили эти странныя слова? Не говорилъ-ли онъ о дѣйствительно случившихся событіяхъ въ Гленинчѣ, полагая, что продолжаетъ сказку? Послѣ исчезновенія всѣхъ другихъ умственныхъ способностей сохранилась-ли на мгновеніе его память? Говорилъ-ли онъ теперь роковую правду въ послѣднюю минуту передъ окончательнымъ сумасшествіемъ? Мнѣ стало страшно, дыханіе у меня спиралось.

Держа карандашъ въ рукѣ, Бенджаминъ бросилъ на меня знаменательный взглядъ, какъ-бы предостерегая отъ грозившей опасности. Аріель казалась спокойной и довольной.

— Продолжайте, сказала она:—мнѣ нравится сказка, продолжайте.

Онъ продолжалъ, какъ человѣкъ, спящій съ открытыми глазами и говорящій во снѣ.

— Служанка сказала госпожѣ... нѣтъ, госпожа сказала служанкѣ: „Покажи ему письмо. Это надо, надо сдѣлать". Служанка сказала: „Нѣтъ, не надо. Не покажу. Пустяки. Пусть его страдаетъ. Мы его отстоимъ".—„Покажи".—„Нѣтъ".—Пусть будетъ, что будетъ. Покажи". Госпожа сказала...

Онъ умолкъ и провелъ нѣсколько разъ рукою передъ глазами, какъ-бы что-то отгоняя отъ себя.

— Кто-же говорила послѣдняя? продолжалъ онъ: — госпожа или служанка? Госпожа? Нѣтъ. Конечно, говоритъ служанка, громко, положительно. Подлецы, не дотрогивайтесь до стола. Тамъ

Digitized by Google

дневникъ. Кальдершо, № 9. Спросить Данди. Вамъ не достать дневника. Я вамъ скажу на ухо: дневникъ приведетъ его къ висѣлицѣ. Я не хочу, чтобъ онъ былъ повѣшенъ. Какъ вы смѣете дотрогиваться до моего кресла? Мое кресло—я. Какъ вы смѣете дотрогиваться до меня?

Послѣднія слова озарили меня свѣтомъ. Я читала эти самыя слова въ отчетѣ процеса моего мужа, въ показаніи помощника шерифа. Мизеримусъ Декстеръ произнесъ ихъ въ то время, когда полицейскіе агенты отбирали бумаги у моего мужа. Не было никакого сомнѣнія, что мысли его теперь сосредоточивались на роковой гленинчской тайнѣ.

Аріель не давала ему ни минуты вздохнуть и безжалостно требовала окончанія разсказа.

— Зачѣмъ вы останавливаетесь, господинъ! воскликнула она:— разсказывайте, разсказывайте! Что-же сказала госпожа служанкѣ?

— Что сказала госпожа служанкѣ? повторилъ онъ, едва слышно смѣясь, и продолжалъ все быстрѣе и быстрѣе:—госпожа сказала служанкѣ: „Его отстояли. Но что дѣлать съ письмомъ? Сожги его. Нѣтъ огня въ каминѣ. Нѣтъ спичекъ въ ящикѣ. Весь домъ вверхъ дномъ. Нѣтъ слугъ. Разорви письмо. Брось лоскутки въ корзинку съ ненужными бумагами. Выбрось все вмѣстѣ. Исчезла на-вѣки. О, Сара! Сара! Сара! Исчезла на-вѣки“.

— О, Сара! Сара! Сара! Исчезла на-вѣки! повторила Аріель, хлопая въ ладоши;—но скажите намъ, кто эта Сара?

Губы его зашевелились, но голосъ такъ ослабъ, что я едва его слышала.

— Служанка сказала госпожѣ, началъ онъ снова: — нѣтъ, госпожа сказала служанкѣ...

Онъ вдругъ привскочилъ на креслѣ, всплеснулъ руками и воскликнулъ съ страшнымъ, дикимъ хохотомъ:

— Ха, ха, ха! Какъ смѣшно! Отчего вы не смѣетесь? Смѣшно! Смѣшно! Ха, ха, ха!..

Онъ упалъ на спинку кресла. Дикій хохотъ перешелъ въ тихій вопль. Потомъ онъ тяжело вздохнулъ; глаза, обращенные къ потолку, смотрѣли безсмысленно, слѣпо, на открытыхъ губахъ закоченѣла безчувственная, неподвижная улыбка. Наконецъ, грянулъ ударъ Немезиды. Предсказаніе шотландскаго доктора исполнилось. Для Декстера настала мрачная, непробудная ночь.

Digitized by Google

Послѣ первой минуты испуга, который, однако, не могъ уничтожить во мнѣ сожалѣнія къ несчастному, я бросилась къ нему на помощь. Я ничего не видѣла, ничего не слышала; я желала только одного—возвратить его къ жизни, если это было еще возможно. Но не успѣла я сдѣлать и одного шага, какъ кто-то меня съ силою отдернулъ назадъ.

— Развѣ вы слѣпы! воскликнулъ Бенджаминъ, толкая меня къ дверямъ;—посмотрите!

Я обернулась.

Аріель подбѣжала прежде меня къ Декстеру, приподняла его на креслѣ, обнявъ одной рукой; другой-же она размахивала индійскимъ кистенемъ, который схватила изъ собранія восточнаго оружія, висѣвшаго надъ каминомъ. Она совершенно преобразилась. Ея тупые глаза сверкали, какъ у дикаго звѣря, зубы скрежетали.

— Вы это сдѣлали! воскликнула она, съ ожесточеннымъ азартомъ грозя мнѣ кистенемъ;—подойдите къ нему—и я размозжу вамъ голову. Подойдите—и отъ васъ не останется ни одной косточки!

Бенджаминъ держалъ меня одной рукою, а другой отворилъ дверь. Я стояла неподвижно и смотрѣла на Аріель, которая какъ-то странно приковывала меня къ себѣ. Увидавъ, что мы быстро удалялись, она бросила на полъ кистень и, припавъ головой къ груди Декстера, стала громко всхлипывать.

— Господинъ! Господинъ! восклицала она, — они не будутъ васъ болѣе сердить! Посмотрите на меня. Посмѣйтесь надо мною. Скажите: „Аріель, ты дура". О! придите въ себя! Придите въ себя!

Бенджаминъ вытащилъ меня въ другую комнату, и послѣднее, что я слышала, былъ дикій вопль несчастнаго созданія, которое любило Декстера, какъ преданная женщина и вѣрная собака. Тяжелая дверь затворилась за нами и Бенджаминъ заперъ ее на замокъ. Я очутилась въ круглой пріемной и долго плакала, какъ безпомощный ребенокъ. Такъ подѣйствовала на меня эта страшная сцена.

— Нечего плакать, спокойно сказалъ Бенджаминъ; — лучше, Валерія, возблагодарить Бога, что вы здравы и невредимы. Пойдемте.

Digitized by Google

Онъ вынулъ ключъ изъ замка и мы отправились внизъ. Послѣ минутнаго размышленія онъ отворилъ наружную дверь. Садовникъ по-прежнему работалъ въ саду.

— Вашему хозяину сдѣлалось дурно, сказалъ Бенджаминъ:— а женщина, прислуживающая ему, потеряла голову, если у ней когда-нибудь была голова. Гдѣ живетъ ближайшій докторъ?

Преданность садовника Декстеру выразилась въ такой-же грубой формѣ, какъ и любовь Аріель. Онъ бросилъ лопату и воскликнулъ:

— Хозяину дурно? Чортъ возьми! Я сбѣгаю за докторомъ. Я его скорѣе найду, чѣмъ вы.

— Скажите доктору, чтобъ онъ привелъ съ собою кого-нибудь, прибавилъ Бенджаминъ:—ему, быть можетъ, понадобится помощь.

Садовникъ остановился.

— Я помогу, сказалъ онъ,—и никого другого не допущу.

Когда онъ ушелъ, я сѣла на кресло въ передней и старалась успокоиться. Бенджаминъ ходилъ взадъ и впередъ, бормоча про себя:

— Оба его любятъ. Полу-обезьяна, полу-человѣкъ, а оба его любятъ. Я этого не могу понять.

Черезъ нѣсколько времени садовникъ возвратился съ докторомъ, спокойнымъ, рѣшительнымъ человѣкомъ. Бенджаминъ пошелъ къ нему на встрѣчу.

— У меня ключъ, сказалъ онъ; — пойти мнѣ съ вами наверхъ?

Докторъ ничего не отвѣчалъ, но, взявъ за руку Бенджамина, отвелъ его въ сторону. Впродолженіи нѣсколькихъ минутъ они разговаривали шопотомъ.

— Дайте мнѣ ключъ, сказалъ, наконецъ, докторъ вслухъ;— вы не можете принести никакой пользы, а будете только ее раздражать.

Съ этими словами онъ пошелъ къ лѣстницѣ въ сопровожденіи садовника.

— Могу я остаться здѣсь, сэръ? спросила я, останавливая его;— меня очень тревожитъ, чѣмъ все это кончится.

Прежде, чѣмъ отвѣчать, онъ пристально взглянулъ на меня.

— Вамъ лучше ѣхать домой, сударыня, произнесъ онъ;—садовникъ знаетъ вашъ адресъ?

Digitized by Google

— Да, сэръ.

— Хорошо. Я увѣдомлю васъ обо всемъ. Послушайтесь меня, поѣзжайте домой.

Бенджаминъ взялъ меня за руку. Я оглянулась и видѣла, какъ докторъ и садовникъ поднялись по лѣстницѣ.

— Нечего обращать вниманія на его слова, сказала я шопотомъ;—подождемте въ саду.

Бенджаминъ и слышать не хотѣлъ, чтобы я могла ослушаться доктора.

— Я отвезу васъ домой, сказалъ онъ.

Я взглянула на него съ удивленіемъ. Мой старый другъ, обыкновенно столь смиренный и уступчивый, теперь выказывалъ такую твердость и рѣшительность, какихъ я въ немъ не подозрѣвала. Онъ повелъ меня черезъ садъ къ калиткѣ, гдѣ насъ дожидался кэбъ.

По дорогѣ домой Бенджаминъ подалъ мнѣ свою записную книжку.

— Что мнѣ дѣлать со всѣмъ вздоромъ, который я тутъ записалъ? спросилъ онъ.

— Вы все записали! воскликнула я съ изумленіемъ.

— Когда я беру на себя какую-либо обязанность, то исполняю ее, отвѣчалъ онъ; — вы не дали условленнаго сигнала, вы не подвинули своего стула, и я записалъ все до послѣдняго его слова. Что прикажете дѣлать? Выбросить памятную книжку за окошко?

— Дайте ее мнѣ.

— Что вы съ ней сдѣлаете?

— Не знаю. Я посовѣтуюсь съ м-ромъ Плейморомъ.

ГЛАВА XLI.

М-ръ Плейморъ.

Въ тотъ-же вечеръ, несмотря на мою усталость, я написала м-ру Плеймору обо всемъ случившемся, прося его совѣта.

Бенджаминъ записалъ слова Декстера стенографически, а потому его памятная книжка не могла мнѣ служить никакой по-

Digitized by Google

мощью. По моей просьбѣ, онъ сдѣлалъ двѣ копіи и одну изъ нихъ я отправила къ м-ру Плеймору, а другую положила на свой спальный столикъ.

Впродолженіи долгихъ безсонныхъ часовъ ночи я читала и перечитывала послѣднія слова Мизеримуса Декстера. Можно-ли было извлечь изъ нихъ какую-нибудь пользу? Они, казалось, не имѣли никакого смысла, и послѣ долгихъ усилій разрѣшить загадку я бросила бумагу въ отчаяніи. Всѣ блестящія надежды на успѣхъ безвозвратно разсѣялись. Можно-ли было разсчитывать, что возвратится разсудокъ бѣднаго Декстера? Вспоминая все, что я видѣла въ этотъ день, я не могла себя тѣшить подобной мыслью. Къ тому-же послѣднія строки медицинскаго свидѣтельства, прочтеннаго мною у м-ра Плеймора, сохранились въ моей памяти: „Когда случится катастрофа, то его друзьямъ нечего надѣяться на его выздоровленіе; однажды потерянное равновѣсіе умственныхъ силъ никогда не возстановится“.

Эти слова на слѣдующій день вполнѣ подтвердились. Садовникъ Декстера принесъ мнѣ обѣщанное письмо отъ доктора.

Мизеримусъ Декстеръ и Аріель все еще оставались въ той комнатѣ, гдѣ мы ихъ видѣли. За ними ухаживалъ докторъ, но прежде, чѣмъ предпринять что-нибудь рѣшительное, онъ ожидалъ извѣстія отъ младшаго брата Декстера, которому онъ телеграфировалъ. Преданную Аріель невозможно было разлучить съ ея господиномъ, не прибѣгая къ насильственнымъ средствамъ, которыя употребляются только въ отношеніи бѣшеныхъ. Докторъ и садовникъ, оба очень сильные люди, не могли удержать этого бѣднаго существа въ сосѣдней комнатѣ, куда они сначала ее увели, но какъ только ей позволили возвратиться къ Декстеру, она совершенно успокоилась и, сидя у его ногъ, не спускала съ него глазъ.

Еще грустнѣе было положеніе самого Декстера.

„Мой паціентъ находится въ совершенномъ идіотствѣ“, писалъ докторъ; а садовникъ вполнѣ подтвердилъ эти слова. Несчастный не сознавалъ преданности Аріель и даже не замѣчалъ ея присутствія. Цѣлыми часами онъ оставался въ летаргическомъ состояніи и выказывалъ интересъ только къ пищѣ; онъ ѣлъ и пилъ, какъ голодное животное, но не выражалъ никакихъ другихъ признаковъ жизни.

Digitized by Google

— Сегодня утромъ, сказалъ садовникъ, — мы думали, что онъ очнулся. Онъ посмотрѣлъ вокругъ себя и сдѣлалъ какіе-то странные знаки рукой. Ни *я*, ни докторъ не могли догадаться, чего онъ желалъ. Но *она*, бѣдняжка, поняла, въ чемъ дѣло. Она молча пошла въ уголъ, принесла арфу и положила его руку на струны. Но все было тщетно. Онъ не могъ играть. Онъ сталъ кое-какъ перебирать струны, мурлыкая что-то про себя, но ничего изъ этого не вышло. Нѣтъ, онъ никогда не оправится. Не надо быть докторомъ, чтобъ это понять. Какъ я уже говорилъ вамъ, онъ ѣстъ и пьетъ—и болѣе ничего. Дай Богъ, чтобъ поскорѣе это кончилось. Болѣе мнѣ нечего вамъ разсказывать, сударыня. Прощайте.

Онъ вышелъ изъ комнаты со слезами на глазахъ; надо сознаться, что и я не могла удержаться отъ слезъ.

Спустя часъ я получила болѣе радостное извѣстіе. М-ръ Плейморъ отвѣчалъ на мое письмо слѣдующей телеграмой: „Ѣду въ Лондонъ по дѣлу съ ночнымъ поѣздомъ; завтра буду завтракать у васъ".

Въ назначенный часъ явился м-ръ Плейморъ. Къ моему величайшему изумленію и радости, онъ далеко не раздѣлялъ моего отчаяннаго взгляда на положеніе нашего дѣла.

— Я не отрицаю, сказалъ онъ,—что на вашемъ пути есть много серьезныхъ преградъ, но я не пріѣхалъ-бы къ вамъ, если-бъ слова Декстера, записанныя м-ромъ Бенджаминомъ, не произвели на меня сильнаго впечатлѣнія. Я теперь полагаю, что вы можете питать надежду на успѣхъ, и предлагаю вамъ свои услуги,—конечно, въ извѣстныхъ предѣлахъ. Несчастный злодѣй, теряя разсудокъ, далъ намъ средства узнать правду, чего мы никогда не добились-бы отъ него, если-бъ онъ сохранилъ свой умъ и хитрость.

— Увѣрены-ли вы, что его указанія приведутъ къ открытію правды? спросила я.

— Его указанія въ двухъ важныхъ отношеніяхъ совершенно справедливы. Вы правы, предполагая, что память сохранилась у него долѣе всѣхъ другихъ умственныхъ способностей. Я увѣренъ, что не онъ говорилъ, а его память безсознательно повторяла истинныя событія съ той минуты его разсказа, когда онъ впервые упомянулъ о письмѣ.

Digitized by Google

— Но какое это письмо? спросила я.—Я рѣшительно ничего не понимаю.

— И я также, отвѣчалъ онъ откровенно;—главную изъ преградъ, о которыхъ я только-что упомянулъ, именно и составляетъ это письмо. Покойная м-съ Мокаланъ должна была имѣть какое-нибудь отношеніе къ этому письму, иначе Декстеръ не сталъ-бы говорить о кинжалѣ, пронзающемъ его сердце, не сталъ-бы соединять ея имени со словами, въ которыхъ упоминается о разорваніи письма. Но болѣе о письмѣ я ничего не знаю. Кто его писалъ и что въ немъ писано — тайна. Если мы желаемъ открыть эту тайну, что было-бы величайшимъ изъ нашихъ открытій, то намъ необходимо послать вѣрнаго человѣка за 3,000 миль, то-есть, говоря по-просту, въ Америку.

Эти слова, конечно, привели меня втупикъ и я съ нетерпѣніемъ ждала ихъ разъясненія.

— Выслушавъ все, что я считаю своимъ долгомъ вамъ сказать, продолжалъ м-ръ Плейморъ,—вы рѣшите, стоитъ-ли издерживать большую сумму на посылку агента въ Нью-Йоркъ. Я могу найти хорошаго человѣка, который отлично исполнитъ ваше порученіе, а издержки, въ томъ числѣ на телеграму...

— Не думайте объ издержкахъ! воскликнула я, выходя изъ терпѣнія отъ этого чисто-шотландскаго взгляда на дѣло, для котораго всегда важнѣе всего финансовая сторона;—какое мнѣ дѣло до издержекъ, я хочу знать, что вы открыли.

— Какое ей дѣло до издержекъ, повторилъ онъ съ улыбкой;—какъ это походитъ на женщину!

Я могла-бы отвѣтить на это: „онъ думаетъ прежде всего объ издержкахъ; какъ это походитъ на шотландца“. Но я была слишкомъ взволнована, чтобы терять время на остроуміе.

— Разскажите все, что вы открыли! воскликнула я, съ нетерпѣніемъ барабаня пальцами по столу.

Онъ вынулъ изъ кармана полученную копію и указалъ на слѣдующія слова Декстера: „Что дѣлать съ письмомъ? Сожги его. Нѣтъ огня въ каминѣ. Нѣтъ спичекъ въ ящикѣ. Весь домъ вверхъ дномъ. Нѣтъ слугъ“.

— Неужели вы понимаете эти слова? спросила я.

— Вспоминая прошедшее, я совершенно ихъ понимаю, отвѣчалъ онъ.

Digitized by Google

— И вы можете ихъ мнѣ объяснить?

— Очень легко. Въ этихъ, повидимому, непонятныхъ словахъ Декстеръ, благодаря своей памяти, повторялъ дѣйствительно случившіеся факты. Во время процеса вашъ мужъ удивилъ меня просьбой немедленно отказать всѣмъ своимъ слугамъ въ Гленинчѣ. Я долженъ былъ выдать имъ всѣмъ въ видѣ награды жалованье за три мѣсяца и прекрасные атестаты за ихъ вѣрную службу, но въ одинъ часъ выселить ихъ изъ дома. Юстасъ дѣйствовалъ въ этомъ случаѣ точно такъ-же, какъ онъ поступилъ въ отношеніи васъ. „Если я когда-нибудь возвращусь въ Гленинчъ, говорилъ онъ,—то не буду въ состояніи смотрѣть въ лицо моимъ честнымъ слугамъ послѣ такого позора". Я никакъ не могъ уговорить его отказаться отъ этого намѣренія и былъ принужденъ удалить слугъ изъ дома, какъ онъ требовалъ, втеченіи одного часа, такъ-что они даже не окончили своихъ ежедневныхъ обязанностей. Домъ былъ оставленъ на попеченіе лицъ, жившихъ на опушкѣ парка, то-есть сторожа, его жены и дочери. Въ послѣдній день суда я приказалъ дочери сторожа привести на-сколько возможно всѣ комнаты въ порядокъ. Это была хорошая дѣвушка, но она не привыкла къ обязанностямъ горничной и, конечно, ей не приходило въ голову, что необходимо положить уголья въ каминъ и приготовить спички. Слова Декстера, безъ сомнѣнія, вполнѣ справедливо описываютъ положеніе его комнаты, когда онъ возвратился въ Гленинчъ изъ Эдинбурга съ Юстасомъ и его матерью. Изъ всего имъ сказаннаго можно вывести, что онъ разорвалъ въ своей спальнѣ таинственное письмо и, не имѣя средствъ сжечь лоскутки, бросилъ ихъ или подъ рѣшетку камина, или въ корзинку съ ненужными бумагами. Во всякомъ случаѣ, онъ не могъ долго думать объ этомъ предметѣ. Въ этотъ день все дѣлалось въ Гленинчѣ впопыхахъ и вечеромъ-же Юстасъ съ матерью и Декстеромъ уѣхали въ Англію. Я самъ заперъ домъ и отдалъ ключи сторожу. При этомъ было рѣшено, что онъ будетъ смотрѣть за комнатами нижняго этажа, а его жена и дочь за спальнями верхняго. Получивъ ваше письмо, я тотчасъ отправился въ Гленинчъ, чтобъ допросить старуху о томъ, что она нашла въ спальняхъ, и особенно въ комнатѣ Декстера. Она помнила очень хорошо то время, когда домъ былъ запертъ, такъ-какъ она тогда сидѣла дома, страдая ревматизмомъ. Поэтому

Digitized by Google

около недѣли спальни убирала ея дочь, и она, конечно, выбросила весь соръ изъ комнаты Декстера. Я могу сказать, по личному осмотру, что въ этой комнатѣ не находится никакого слѣда разорванныхъ бумагъ. Гдѣ эта дѣвушка нашла остатки письма и что она съ ними сдѣлала, можно узнать только пославъ агента въ Нью-Йоркъ, куда она отправилась съ мужемъ въ прошломъ году. Теперь зависитъ отъ васъ—посылать или не посылать агента. Я ни мало не желаю обманывать васъ ложными надеждами и подбивать на такой значительный расходъ. Если эта женщина и помнитъ, что она тогда сдѣлала съ разорванными бумагами, то, конечно, будетъ очень трудно найти ихъ теперь, послѣ такого продолжительнаго времени. Не торопитесь рѣшать это дѣло. У меня много занятій въ Сити и я могу вамъ дать весь сегодняшній день на размышленіе.

— Пошлите агента въ Нью-Йоркъ съ первымъ пароходомъ, сказала я,—вотъ и все, м-ръ Плейморъ, мнѣ нечего болѣе размышлять.

Онъ неодобрительно покачалъ головой. Въ моемъ прежнемъ свиданіи съ нимъ намъ не случалось говорить о денежныхъ дѣлахъ и теперь я впервые познакомилась съ исключительно-шотландской стороной его характера.

— Вы еще не знаете, что это можетъ стоить! воскликнулъ онъ, вынимая изъ кармана свою записную книжку съ видомъ человѣка, изумленнаго и скандализированнаго. — Подождите, пока я подведу итогъ въ англійскихъ и американскихъ деньгахъ.

— Я не могу ждать. Я хочу скорѣе открыть истину.

Но, не обращая никакого вниманія на мои слова, онъ продолжалъ:

— Агентъ поѣдетъ во второмъ классѣ и возьметъ обратный билетъ. Въ платѣ за проѣздъ считается и пища, а онъ, слава-богу, членъ общества трезвости и не станетъ пьянствовать на вашъ счетъ. Прибывъ въ Нью-Йоркъ, онъ остановится въ дешевомъ, нѣмецкомъ трактирѣ, гдѣ съ него возьмутъ за комнату и пищу...

Я потеряла всякое терпѣніе и, вынувъ изъ ящика стола мою книжку съ чеками, подписала бланкъ и подала его м-ру Плеймору.

Digitized by Google

— Выставьте, какую нужно сумму, сказала я, — а теперь ради Бога возвратимся къ Декстеру.

М-ръ Плейморъ откинулся на спинку своего кресла и поднялъ руки и глаза къ небу. Эта торжественная поза меня нисколько не поразила и я продолжала, читая замѣтки Бенджамина:

— Что хотѣлъ сказать Декстеръ, говоря: „Кальдершо, № 9. Спросить Данди. Вамъ не достать дневника. Я скажу вамъ на ухо: дневникъ приведетъ его къ висѣлицѣ". Какимъ образомъ Декстеръ узналъ содержаніе дневника моего мужа? Что означаютъ слова: Кальдершо, № 9, и пр.? Неужели все это факты?

— Да, факты, отвѣчалъ м-ръ Плейморъ; — они перепутаны между собою, но все это положительные, достовѣрные факты. Кальдершо—одинъ изъ кварталовъ Эдинбурга, пользующійся очень дурной репутаціей. Писецъ, служащій въ моей конторѣ и исполняющій иногда мои конфиденціальныя порученія, вызвался отыскать Данди въ № 9. Это дѣло было не легкое и онъ взялъ съ собою человѣка, знавшаго отлично этотъ кварталъ. № 9 оказался лавкою для продажи и покупки стараго желѣза и тряпья, а Данди подозрѣвали, кромѣ того, въ пріемѣ краденыхъ вещей. Благодаря вліянію товарища и банковому билету (который можно поставить въ счетъ американской экспедиціи) мой писецъ заставилъ проговориться Данди. Не желая васъ утруждать излишними подробностями, скажу только, что Данди за двѣ недѣли до смерти м-съ Мокаланъ сдѣлалъ два ключа по восковымъ моделямъ замковъ. Таинственные пріемы заказчика возбудили сомнѣніе въ Данди и, наведя справки, онъ узналъ, что заказъ сдѣланъ для Мизеримуса Декстера. Подождите, я еще не кончилъ. Прибавьте къ этимъ свѣденіямъ непостижимое знакомство Декстера съ дневникомъ вашего мужа — и вамъ будетъ ясно, что модели замковъ, по которымъ Данди дѣлалъ ключи, были сняты съ замковъ ящика, въ которомъ хранился дневникъ, и двери въ спальню. Я предчувствую, какія открытія можно сдѣлать при дальнѣйшемъ изслѣдованіи дѣла, но теперь объ этомъ нечего говорить. Декстеръ, какъ я уже вамъ объяснилъ, является отвѣтственнымъ лицомъ за смерть м-съ Мокаланъ. Въ чемъ именно заключается эта отвѣтственность, вы теперь можете открыть. Скажу болѣе: въ теперешнемъ положеніи дѣла вы обя-

Digitized by Google

заны, ради правосудія и ради вашего мужа, обнаружить истину. Что-же касается трудностей вашего предпріятія, то онѣ не должны васъ пугать. Величайшія трудности въ концѣ концовъ поддаются соединеннымъ силамъ терпѣнія, рѣшительности и экономіи.

Произнеся послѣднія слова съ особеннымъ удареніемъ, м-ръ Плейморъ всталъ и началъ прощаться.

— Еще одно слово, сказала я, протягивая ему руку:—можете вы посѣтить Мизеримуса Декстера прежде, чѣмъ вы уѣдете въ Эдинбургъ? Судя по словамъ садовника, его братъ вѣрно уже пріѣхалъ. Мнѣ было-бы большимъ утѣшеніемъ получить черезъ васъ достовѣрныя свѣденія о Декстерѣ.

— Я такъ и намѣревался, отвѣчалъ м-ръ Плейморъ; — но помните, что я не надѣюсь на его выздоровленіе и только желаю убѣдиться, способенъ-ли его братъ печься о немъ. Этотъ несчастный человѣкъ сказалъ свое послѣднее слово,—по крайней мѣрѣ, въ отношеніи насъ.

Онъ пошелъ къ двери, но, отворивъ ее, снова вернулся.

— Что касается посылки агента въ Америку, то я буду имѣть честь представить вамъ краткую смѣту...

— Къ чему все это, м-ръ Плейморъ?

— Я представлю вамъ, сударыня, краткую смѣту расходовъ, которые потребуются для этого предпріятія. Будьте такъ добры, просмотрите основательно всѣ цифры и напишите замѣчанія противъ статей, которыя вы сочтете возможнымъ сократить. Потомъ, если вы одобрите смѣту, то выставьте слѣдуемую сумму на вашемъ чекѣ, потому что я не могу, по совѣсти, взять такой легкомысленный и неправильный документъ, какъ бланковый чекъ. Этотъ лоскутокъ бумаги нарушаетъ всѣ законы экономіи и противорѣчитъ всѣмъ принципамъ моей жизни. Прощайте, м-съ Юстасъ, прощайте.

Онъ положилъ чекъ на столъ и, низко поклонившись, вышелъ изъ комнаты. Между прочими странными человѣческими заблужденіями видное мѣсто занимаетъ упорный обычай англичанъ недоумѣвать, почему шотландцы имѣютъ въ жизни такой блестящій успѣхъ.

Digitized by Google

ГЛАВА XLII.

Извѣстія.

Въ тотъ-же день вечеромъ я получила краткую смѣту, написанную рукою м-ра Плеймора. Это былъ очень характеристичный документъ. Издержки на посылку въ Америку агента были разсчитаны до малѣйшихъ подробностей, до шилинговъ и пенсовъ, и обрѣзаны до послѣдней возможности. Изъ сожалѣнія къ несчастному, я нѣсколько увеличила общую сумму на чекѣ, но я еще не знала, съ кѣмъ имѣла дѣло: м-ръ Плейморъ возвратилъ мнѣ лишнія деньги и увѣдомилъ, что агентъ уже отправился въ путь съ той суммой, которая ему слѣдовала.

При смѣтѣ была приложена записка, въ которой стряпчій описывалъ, хотя и очень кратко, свое посѣщеніе Мизеримуса Декстера.

Положеніе его нисколько не измѣнилось. Его братъ пріѣхалъ вмѣстѣ съ опытнымъ докторомъ душевныхъ болѣзней, который, однако, отказался дать свое мнѣніе прежде основательнаго изслѣдованія паціента. Поэтому было рѣшено помѣстить Мизеримуса Декстера въ больницу умалишенныхъ, принадлежавшую этому доктору. Единственное затрудненіе представляла вѣрная Аріель, которая не покидала своего господина ни на одну минуту, ни днемъ, ни ночью, со времени катастрофы. У нея не было ни друзей, ни денегъ. Директоръ больницы не могъ принять ее безъ платы, а братъ Декстера объяснилъ, что не имѣетъ средствъ для принятія на себя этого расхода. Насильственная разлука съ единственнымъ существомъ, котораго она любила, и помѣщеніе въ качествѣ нищей въ общественную богадѣльню или больницу—вотъ что ожидало несчастное созданіе, если никто втеченіи недѣли не оказалъ-бы ей помощи.

При этихъ обстоятельствахъ добрый м-ръ Плейморъ, забывъ объ экономіи и побуждаемый только чувствомъ человѣколюбія, предложилъ составить частную подписку и самъ первый подписалъ свое имя на листѣ.

Мнѣ кажется излишнимъ упоминать, что я тотчасъ написала брату Декстера, прося его отправить въ больницу умалишен-

Digitized by Google

ныхъ Аріель вмѣстѣ съ Мизеримусомъ, и что я принимаю на себя всѣ расходы до окончанія подписки. На это докторъ охотно согласился, но положительно отказалъ въ моей просьбѣ дозволить ей ухаживать по-прежнему за Декстеромъ въ больницѣ, говоря, что это противорѣчило-бы всѣмъ правиламъ и порядкамъ его заведенія. Однако, послѣ долгихъ просьбъ мнѣ удалось добиться, что Аріель обѣщали допускать до ея господина ежедневно на нѣсколько часовъ, въ его комнату и во время прогулки. Къ чести человѣчества я обязана прибавить, что принятый мною на себя расходъ вскорѣ покрылся подпиской, которая въ рукахъ Бенджамина шла учень успѣшно; друзья и даже постороннія лица, услыхавъ о грустной исторіи Аріель, съ удовольствіемъ жертвовали деньги.

На другой день послѣ посѣщенія м-ра Плеймора я получила письмо изъ Испаніи отъ свекрови. Невозможно описать, что я чувствовала, распечатывая конвертъ и читая первыя строки. Вотъ что писала м-съ Мокаланъ:

„Приготовьтесь, милая Валерія, къ пріятному сюрпризу. Юстасъ оправдалъ мою вѣру въ него. Оправившись, онъ возвращается въ Англію къ своей женѣ, если вы позволите.

„Онъ рѣшился на это безъ малѣйшихъ убѣжденій съ моей стороны. Это—естественное слѣдствіе его любви и благодарности къ вамъ. Первыя слова, которыя онъ сказалъ мнѣ, были: „Какъ вы думаете, если я возвращусь въ Англію, прямо къ Валеріи, то проститъ-ли она меня?“ Вы сами, моя милая, должны на это отвѣтить, и если насъ любите, пишите со слѣдующей почтой.

„Желая передать вамъ все, что онъ сказалъ, когда я разсказала ему о вашихъ попеченіяхъ, какъ сидѣлки, я задерживаю это письмо на нѣсколько дней. Онъ теперь очень слабъ и не можетъ говорить, поэтому я дамъ ему время обдуматься и откровенно сообщу, если онъ измѣнитъ свое мнѣніе.

„Прошло три дня и въ немъ нѣтъ никакой перемѣны. Онъ жаждетъ одного—поскорѣй соединиться съ своей женой.

„Но вы должны знать еще, чего я не вправѣ отъ васъ скрывать.

„Хотя время и страданія очень измѣнили его во многомъ, но онъ съ прежнимъ ужасомъ и отвращеніемъ относится къ вашему намѣренію изслѣдовать съизнова всѣ обстоятельства, сопровождав-

Digitized by Google

нія несчастную смерть его первой жены. Ему все равно, что вы руководитесь только желаніемъ оправдать его.—„Бросила-ли она эту мысль? Знаете-ли вы навѣрно, что она бросила эту мысль?“— вотъ какіе вопросы онъ постоянно задавалъ мнѣ, и я отвѣчала утвердительно; иначе я не могла сдѣлать въ виду его болѣзненнаго состоянія. Я ему сказала: „Успокойся, Валерія должна бросить эту мысль, такъ-какъ преграды на ея пути оказались непреодолимыми и побѣдили ее“. Я дѣйствительно вывела это заключеніе изъ нашего послѣдняго разговора, а съ тѣхъ поръ не получала отъ васъ извѣстій, которыя могли-бы измѣнить мое мнѣніе. Если я права (о чемъ молю Бога), то подтвердите мои слова, и все устроится прекрасно. Въ противномъ случаѣ, то-есть если вы упорствуете въ своемъ безнадежномъ предпріятіи, приготовьтесь къ могущимъ произойти послѣдствіямъ. Если вы въ этомъ отношеніи пойдете противъ предразсудковъ Юстаса, то потеряете его любовь и благодарность и, я твердо убѣждена, никогда его болѣе не увидите.

„Я выражаюсь очень рѣзко, но, повѣрьте, этого требуютъ ваши интересы. Въ ваше письмо ко мнѣ вложите нѣсколько словъ къ Юстасу.

„Что касается до нашего отъѣзда, то все еще невозможно сказать ничего рѣшительнаго. Юстасъ поправляется очень медленно и докторъ не позволилъ ему еще вставать съ постели. Когда-же мы выѣдемъ, то придется часто отдыхать на дорогѣ. Во всякомъ случаѣ, мы не можемъ быть въ милой, старой Англіи ранѣе шести недѣль.

Многолюбящая васъ,
Екатерина Мокаланъ“.

Прочтя письмо, я долго не могла придти въ себя. Чтобъ понять вполнѣ мое тогдашнее положеніе, надо припомнить, что въ то самое время мой агентъ переправлялся чрезъ Атлантическій океанъ для изслѣдованія роковой тайны.

Что было мнѣ дѣлать?

Я колебалась. Быть можетъ, многимъ не понравится мое поведеніе, но мнѣ нечего было торопиться. Я имѣла передъ собою цѣлый день для размышленія.

Я пошла гулять и думала, какъ лучше поступить; вернувшись домой, я сѣла у камина и продолжала думать. Оскорбить и от-

Digitized by Google

толкнуть отъ себя милаго Юстаса, который возвращался ко мнѣ добровольно и съ чистосердечнымъ раскаяніемъ, было немыслимо, но, съ другой стороны, какъ могла я отказаться отъ моего предпріятія въ ту самую минуту, когда даже осторожный и благоразумный м-ръ Плейморъ видѣлъ возможность успѣха и предложилъ мнѣ свою помощь? Поставленная между двумя огнями, я не могла рѣшиться ни на то, ни на другое. „Не рѣшайся ни на что, шепталъ мнѣ голосъ хитрости и коварства;—успокой только свою свекровь и мужа, но ничего не обѣщай. Выжидай; можетъ быть, время окажется твоимъ другомъ и выведетъ тебя изъ затрудненія".

Какой низкій совѣтъ! И, однако, я повиновалась ему, хотя должна была-бы поступить лучше. Не правда-ли, читатель, вы на моемъ мѣстѣ этого не сдѣлали-бы?

Какъ-бы то ни было, я должна сказать всю правду. Въ письмѣ къ свекрови я упоминала, что Мизеримусъ Декстеръ былъ помѣщенъ въ сумасшедшій домъ, но предоставляла ей самой вывести заключеніе изъ этого событія. Точно также и мужу я писала только половину правды. Я прощала его отъ всей души и обѣщала по возвращеніи принять его съ распростертыми объятіями. Все это была правда, но, какъ говоритъ Гамлетъ: „остальное было покрыто безмолвіемъ".

Отправивъ эти недостойныя письма, я была такъ взволнована, что почувствовала необходимость развлеченія. Мы не могли получить отвѣта изъ Нью-Йорка по телеграфу ранѣе восьми или десяти дней, и потому, простившись съ Бенджаминомъ, я поѣхала погостить къ дядѣ Старквэтеру. Поѣздка въ Испанію и попеченія о больномъ Юстасѣ помирили меня съ добрыми стариками. Мы помѣнялись любезными письмами и я обѣщала навѣстить ихъ при первомъ удобномъ случаѣ.

Я жила очень спокойно и даже счастливо (на-сколько это было возможно) въ скромномъ пасторскомъ домикѣ. Я посѣтила тотъ берегъ, на которомъ мы впервые встрѣтились съ Юстасомъ. Я снова гуляла по лужку и между кустами, гдѣ мы столько разъ бесѣдовали съ нимъ о своей горькой судьбѣ и забывали всѣ несчастья въ горячемъ поцѣлуѣ. Какъ странно и грустно мы были разлучены съ тѣхъ поръ! Какъ невѣдомо и неопредѣленно казалось наше будущее!

Digitized by Google

Всюду меня окружали воспоминанія, и они удивительно смягчили мое сердце. Я упрекала себя, горько упрекала, что не написала Юстасу откровеннѣе. Зачѣмъ я не пожертвовала безъ малѣйшаго колебанія, ради него, всѣми моими надеждами и интересами? Онъ, бѣдный, не колебался. Его первая мысль была о женѣ.

Черезъ двѣ недѣли я получила письмо отъ м-ра Плеймора, которое очень меня разочаровало. Нашъ агентъ телеграфировалъ изъ Америки, что дочь гленинчскаго сторожа и ея мужъ не жили болѣе въ Нью-Йоркѣ, а потому онъ разыскиваетъ ихъ въ другихъ городахъ.

Нечего было дѣлать, приходилось терпѣливо ждать. По совѣту м-ра Плеймора, я осталась жить у дяди, чтобъ быть поближе къ Эдинбургу и въ случаѣ необходимости лично посовѣтоваться съ стряпчимъ. Прошло еще три недѣли и я получила отъ него второе письмо. На этотъ разъ трудно было опредѣлить, хорошее или дурное пришло извѣстіе—такъ оно было поразительно. Даже м-ръ Плейморъ былъ изумленъ. Вотъ удивительныя, лаконическія слова (конечно, ради экономіи) телеграмы отъ нашего агента изъ Америки:

„Разройте мусорную кучу въ Гленинчѣ“.

ГЛАВА XLIII.

Наконецъ.

Письмо м-ра Плеймора, въ которое вложена была телеграма нашего американскаго агента, не дышало прежней увѣренностью въ успѣхѣ предпріятія.

„По смыслу телеграмы, писалъ онъ, — надо предположить, что лоскутки разорваннаго письма были выброшены въ ведро съ соромъ и золой изъ камина, а потомъ уже все вмѣстѣ свалено въ мусорную кучу. Съ тѣхъ поръ прошло около трехъ лѣтъ и выбрасываемый постоянно соръ и зола съ каждымъ днемъ все глубже и глубже хоронили драгоцѣнные остатки письма. Если намъ и удастся отыскать ихъ, то можемъ-ли мы надѣяться на сохраненіе цѣлости написанныхъ словъ? Я былъ-бы очень радъ,

Digitized by Google

если-бы вы увѣдомили меня съ будущей почтой о вашемъ взглядѣ на этотъ предметъ. Если-бы вы нашли возможнымъ пріѣхать въ Эдинбургъ для личнаго совѣщанія, то мы спасли-бы много драгоцѣннаго времени. Пока вы живете у пастора Старквэтера, эта поѣздка не можетъ составить для васъ большого труда. Подумайте хорошенько".

При размышленіи объ этомъ предметѣ я должна была прежде всего подумать о возвращеніи мужа. Отъѣздъ его изъ Испаніи такъ долго откладывался докторомъ, что по послѣднему письму м-съ Мокаланъ, полученному три или четыре дня передъ телеграмою, онъ находился въ Бордо. Предполагая, что онъ немного отдохнетъ въ этомъ городѣ и будетъ медленно продолжать свой путь, я все-же могла ожидать его пріѣзда въ Англію ранѣе полученія м-ромъ Плейморомъ письма отъ американскаго агента. Не имѣя возможности въ одно и то-же время поѣхать въ Лондонъ на-встрѣчу мужу и въ Эдинбургъ на совѣщаніе съ стряпчимъ, я откровенно написала м-ру Плеймору, что не могла свободно распоряжаться своимъ временемъ, и просила его адресовать слѣдующее письмо къ Бенджамину.

Относительно разорваннаго письма я сообщила ему свои соображенія. Въ послѣдній годъ жизни моего отца я путешествовала съ нимъ по Италіи и видѣла въ неаполитанскомъ музеѣ удивительные памятники старины, открытые въ развалинахъ Помпеи. Желая поддержать энергію м-ра Плеймора, я напомнила ему, что подъ вулканической золой втеченіи тысячи шестисотъ лѣтъ сохранились невредимо такіе тлѣнные предметы, какъ солома, фрески, одежда и (самое интересное для насъ) бумага. Если подобныя открытія сдѣланы послѣ шестнадцати вѣковъ, то, конечно, мы могли надѣяться найти невредимыми остатки письма подъ густымъ слоемъ золы и пыли, накопившимся въ три года. Если-же намъ удастся (что было, однако, сомнительно) найти эти остатки письма, то я была убѣждена, что написанныя на нихъ слова могли быть еще разобраны, такъ-какъ скрывавшіе ихъ слои мусора, о которыхъ сожалѣлъ м-ръ Плейморъ, только предохраняли ихъ отъ дождя и сырости. Такимъ образомъ, я впервые могла научить чему-нибудь почтеннаго стряпчаго.

Слѣдующій день прошелъ безъ всякихъ извѣстій о путешественникахъ.

Digitized by Google

Я начинала безпокоиться и, сдѣлавъ всѣ необходимыя приготовленія, рѣшилась отправиться въ Лондонъ на другое утро. Передъ самымъ отъѣздомъ я получила письмо отъ свекрови, которое только утвердило меня въ моей рѣшимости и составило одну изъ замѣчательнѣйшихъ эпохъ моей семейной жизни.

Юстасъ и его мать благополучно достигли Парижа, но тамъ усталость и волненіе отъ предстоявшаго свиданія со мною снова уложили его въ постель. На этотъ разъ доктора не боялись за его жизнь, но ему необходимо было остаться совершенно спокойнымъ впродолженіи значительнаго времени.

„Теперь ваше дѣло, Валерія, писала м-съ Мокаланъ,—поддержать и успокоить Юстаса. Не думайте, чтобъ онъ осуждалъ васъ за то, что вы уѣхали изъ Испаніи, оставивъ его на моемъ попеченіи, какъ только онъ вышелъ изъ опасности. „Я ее покинулъ, сказалъ онъ мнѣ, совершенно оправившись, — и она имѣетъ полное право требовать, чтобъ я первый возвратился къ ней“. Онъ, на-сколько могъ, исполнилъ свой долгъ. Но теперь, больной, безпомощный, въ постели, онъ проситъ васъ пріѣхать къ нему въ Парижъ. На-сколько я васъ знаю, дитя мое, я увѣрена, что вы исполните его желаніе, и мнѣ остается только прибавить одно слово предостереженія. Вы должны избѣгать въ разговорахъ съ нимъ намековъ не только на процесъ, но и на домъ въ Гленинчѣ. Его нервное разстройство такъ велико, что я никогда не рѣшилась-бы васъ просить пріѣхать, если-бъ вы въ своемъ послѣднемъ письмѣ не упомянули о прекращеніи вашихъ свиданій съ Декстеромъ. Отвращеніе, питаемое имъ ко всему, что напоминаетъ о грустномъ прошедшемъ, такъ велико, что онъ просилъ моего согласія продать Гленинчъ“.

Вотъ что писала мать Юстаса, но она не полагалась на убѣдительную силу своихъ словъ и приложила къ письму двѣ строчки, написанныя рукою моего бѣднаго, милаго мужа:

„Я слишкомъ слабъ, чтобъ ѣхать далѣе, Валерія. Если можешь меня простить, пріѣзжай“.

Кромѣ этихъ словъ, было написано еще что-то карандашемъ, но совершенно неразборчиво. Очевидно, силы Юстаса ему измѣнили послѣ первыхъ двухъ строчекъ.

При такихъ обстоятельствахъ я не задумалась и исполнила свой долгъ въ отношеніи мужа. Я рѣшилась отказаться отъ вся-

Digitized by Google

каго участія въ разысканіи таинственнаго письма. Я хотѣла имѣть возможность сказать Юстасу прямо, искренно: „для твоего спокойствія я принесла въ жертву все и смирила свой гордый духъ въ ту самую минуту, когда смиреніе было всего труднѣе“.

Передъ отъѣздомъ изъ пасторскаго дома я откровенно написала м-ру Плеймору, въ какомъ находилась положеніи, и торжественно заявила, что навсегда отказываюсь отъ открытія тайны, погребенной въ гленинчской мусорной кучѣ.

(*Окончаніе въ слѣд. книжкѣ.*)

Digitized by Google

СОВРЕМЕННЫЕ ГАЛЛЫ.

(Съ французскаго.)

Шумимъ, кричимъ, а толку мало,
Намъ трудно спѣться—ладу нѣтъ.
Не стало въ сердцѣ идеала,
Погасъ въ душѣ призванья свѣтъ...
И тѣ, что гордо выходили
Во всеоружіи на бой,
Девизы старые забыли,
Доспѣхи бранные сложили
И, словно встарь иной герой,
Колѣни мощныя склонили
Передъ Омфалой молодой.

Заржавѣлъ мечъ въ грязи болотной,
А дѣти тѣшатся щитомъ,
И шлемъ заброшенъ беззаботно...
А самъ боецъ наѣлся плотно
И крѣпко спитъ позорнымъ сномъ.
Онъ спитъ, а врагъ ползетъ незримо
И съ каждымъ шагомъ все тѣснѣй
Сдвигаетъ мракъ неумолимо...
Такъ встарь проспали дѣти Рима
Величье родины своей!..

Гдѣ честь была—тамъ биржа стала,
Гдѣ страсть была—тамъ слышенъ храпъ,
Толпа боговъ своихъ изгнала,
На мѣсто Марса сѣлъ мѣняла,
Венеру замѣнилъ Пріапъ...
Вакханка сдѣлалась кокоткой,
Кафе-шантаномъ сталъ Парнасъ...
Мы нектаръ замѣнили водкой.
И словно стадо мыслимъ кротко:
„Когда-же въ хлѣвъ погонятъ насъ?"

В. И. Славянскій.

Digitized by Google

РУССКАЯ НАРОДНОСТЬ

НА

ВОСТОКѢ.

(СТАТЬЯ ВТОРАЯ.)

Колонизація Сибири есть фактъ далеко не завершившійся, а потому произнести надъ нимъ какой-нибудь рѣшительный приговоръ было-бы слишкомъ смѣло; тѣмъ не менѣе нѣкоторыя черты и особенности этой колонизаціи и теперь знакомятъ насъ съ тѣми явленіями, которыя уже сложились окончательно при данныхъ историческихъ условіяхъ. Мы хотѣли только выяснить въ нашей первой статьѣ *), что соприкосновеніе и метисація русскаго населенія съ инородческими племенами на громадныхъ пространствахъ Сибири сопровождались не только измѣненіемъ физіологическихъ и общественныхъ свойствъ пришлаго племени, но отчасти и совершеннымъ его поглощеніемъ. Русская колонія не только усвоивала физическій типъ и психическія особенности инородцевъ, но даже воспринимала его культуру. Измѣненія эти не составляли отдѣльныхъ и случайныхъ фактовъ, но отразились на всей массѣ русскаго населенія на Востокѣ. Врѣзавшись въ среду инородческаго населенія, русскіе преимущественно объинородчивались по окраинамъ, и отъ окраинъ, въ большей или меньшей степени, вліяніе это распространялось на всю массу населенія, такъ-что инородческая кровь окрашивала русскую національность даже тамъ, гдѣ она не была въ непосредственномъ соприкосновеніи съ инородцами. Поэтому изъ русскаго населе-

*) См. 11-ю кн. „Дѣла“ за 1874 годъ.

Digitized by Google

нія на Востокѣ долженъ былъ сформироваться новый типъ. На образованіе этого новаго этнографическаго типа, какъ въ физическомъ строеніи, такъ и въ нравственныхъ признакахъ, указываютъ послѣднія этнографическія изслѣдованія сибирскаго отдѣла геогр. общества. „Обобщая всѣ изложенные нами выше факты физіологическаго смѣшенія въ Сибири славяно-русскаго племени съ разными сѣверо-азіятскими племенами, говорятъ „Извѣстія географическаго отдѣла",—мы приходимъ къ тому общему выводу, что, во-первыхъ, въ физическомъ типѣ своемъ сибирское русское населеніе путемъ скрещиванія съ туземными азіятскими племенами, повидимому, стремится образовать нѣсколько *своеобразный народно-областной типъ,* нераздѣляющій въ одинаковой степени признаковъ родоначальныхъ расъ—славяно-русской и азіятско-инородческихъ. Общей, наиболѣе выдающейся въ настоящее время характеристической чертой ея физическаго типа, повидимому, представляется особенный, преобладающій типъ, если можно такъ выразиться, брюнетическій, отпечатлѣвающій въ себѣ однородное, но въ то-же время и замѣтно-своеобразное выраженіе помѣси славяно-русскаго племени съ смуглыми, черноволосыми сѣверно-азіятскими племенами. Конечно, всѣ эти отличительные признаки физической структуры русскаго сибирскаго населенія еще не выразились рѣзко, не установились въ строго-очерченный, всеобщій, однородный физическій типъ; въ очертаніяхъ его часто встрѣчаются большія или меньшія реверсивныя уклоненія, варіяціи и вообще неустановившіяся черты. Это естественно и неизбѣжно среди только-что начинающейся разнородной помѣси народонаселенія, при сліяніи разнообразныхъ племенныхъ элементовъ. Но, несмотря на то, все-таки, повторяемъ, уже и въ настоящее время въ сибирскомъ населеніи, болѣе или менѣе, замѣтно стремленіе къ образованію, путемъ скрещиванія и мѣстныхъ физико-географическихъ и этнологическихъ условій, *однородной и нѣсколько своеобразной областной народности*".

Итакъ, вотъ одинъ изъ новыхъ фактовъ, подмѣченныхъ нашей этнографіей:—измѣненіе великорусской народности на Востокѣ во всемъ ея составѣ. Конечно, это измѣненіе происходило не отъ одной метисаціи и воспринятія инородческой крови русскимъ племенемъ; оно также обусловливалось климатомъ и многими другими физическими вліяніями. Такія-же измѣненія, подъ вліяніемъ

Digitized by Google

новой природы и ея особенностей, мы видимъ въ исторіи колонизаціоннаго движенія и у другихъ народовъ. Антропологія и этнографическая географія не мало приводятъ этому примѣровъ. Физическія условія имѣли вліяніе на вырожденіе европейцевъ въ Абиссиніи и Аравіи. Въ Австраліи признаки, свойственные англичанамъ, начинаютъ измѣняться съ перваго поколѣнія, какъ удостовѣряетъ Кунингамъ. Медики давно доказали это физическое видоизмѣненіе англо-саксонской расы подъ вліяніемъ новой, чуждой ей среды. Броссеръ, извѣстный своею наблюдательностью и обширнымъ изученіемъ, свидѣтельствуетъ о значительныхъ измѣненіяхъ типа англичанъ въ Америкѣ. „Не особенно много времени нужно на то, говоритъ онъ,—чтобы установить значительную разницу между типомъ настоящаго англичанина и англичанина-переселенца въ Америку". Нѣтъ сомнѣнія, что въ этомъ отношеніи русскіе колонизаторы Сибири не могли составлять исключенія изъ общаго правила. Сибирскій климатъ, сухой и континентальный, отразился на физической организаціи сибирскаго населенія. Сила этого вліянія хорошо доказана Дезоромъ.

Кромѣ чисто-географическихъ условій, на пришлую расу должны были воздѣйствовать и другія особенности колонизуемаго края, какъ, напримѣръ, пища. Новѣйшія изслѣдованія ясно доказали, что въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Сибири, особенно въ Охотскомъ и Гижигинскомъ краю, а также Амурской области, русское населеніе, подъ вліяніемъ мѣстной діэты или образа питанія, подвергается очевиднымъ измѣненіямъ въ самыхъ пищеварительныхъ органахъ. Къ такимъ измѣненіямъ надо отнести приспособленность желудка мѣстныхъ жителей къ очень медленному прохожденію экскрементовъ черезъ кишки вслѣдствіе питанія рыбою и мясною пищею исключительно, чѣмъ питаются по-преимуществу на Востокѣ (Изслѣд. Шперка и „Извѣст. сиб. отдѣл.", т. III, № 5, 1873 г., стр. 249).

Всѣ эти разнообразныя вліянія новой природы, взятыя вмѣстѣ, не могли, конечно, не измѣнить нѣсколько физической организаціи типа и не придать психическихъ отличій „русско-сибирскому" населенію. Подобное областное отличіе въ мѣстныхъ жителяхъ было замѣчено еще въ половинѣ прошлаго столѣтія, и императрица Екатерина первая сдѣлала этнографическую характеристику русскаго населенія на Востокѣ: „какъ естественныя произведенія,

Digitized by Google

растенія и животныя, такъ и люди въ Россіи и Сибири, говоритъ она,—не схожи ростомъ и лицомъ; сибиряки *смуглы*, самые восточные изъ нихъ *похожи на китайцевъ* (на монголовъ); русскіе, напримѣръ, нижегородцы, не имѣютъ ничего общаго съ сибиряками. На берегахъ Волги жители рослы и стройны; бѣлокурыя ярославскія красавицы не имѣютъ никакого сходства съ сибирскими женщинами, особенно иноплеменными. Жители Ярославля, Архангельска, Вологды трудолюбивы и веселы, новгородцы слывутъ сутягами, галичане слывутъ простыми и прямодушными. Сибиряки умны, любознательны и предпріимчивы" (XVIII вѣкъ, М. 1869 г., кн. IV, стр. 440—442). Какъ-бы ни была поверхностна эта характеристика, но она доказываетъ тотъ-же фактъ, что новообразующаяся сибирская народность—природная вѣтвь славяно-русскаго племени—вслѣдствіе колонизаціи подверглась уже значительному измѣненію своего родоначальнаго типа. Но кромѣ измѣненій, такъ-сказать, физіологическихъ и этнографическихъ, самые бытовыя формы, занятія и нравы русскаго населенія должны были получить особый оттѣнокъ. Измѣненія эти произошли даже въ языкѣ, который, по замѣчанію г. Ровинскаго, представляетъ нѣкоторыя особенности въ новомъ областномъ говорѣ. „Сибирское нарѣчіе, конечно, произошло отъ сѣверно-русскаго, пишетъ г. Ровинскій,—но двухсотлѣтняя разъединенность съ коренною Россіею, совершенно иныя естественныя условія жизни и иныя условія историческія, вмѣстѣ съ разнообразными столкновеніями со множествомъ другихъ народностей, о которыхъ въ коренной Россіи не имѣютъ и понятія, дали ему развитіе вполнѣ оригинальное. Распространенность и устойчивость говора восточной Сибири, имѣющаго свою особую фонетику, много особенныхъ граматическихъ формъ, отчасти особенное словообразованіе и своеобразный способъ выраженія, съ словаремъ болѣе чѣмъ въ 3,000 чисто-мѣстныхъ словъ, неизвѣстныхъ въ общемъ русскомъ языкѣ, даютъ ему полное право занять мѣсто въ ряду съ остальными нарѣчіями Россіи" (Замѣчан. и словарь сибир. нарѣч.; Извѣст. сиб. отд., т. IV, № 1873, стр. 21).

Ясно, что на Востокѣ слагается новый этнографическій типъ, съ которымъ насъ хорошо знакомятъ изслѣдованія г. Ровинскаго и статьи г. Щапова, напечатанныя въ „Извѣстіяхъ сибирскаго отд. геогр. общества". Мы постараемся коснуться тѣхъ выво-

Digitized by Google

довъ, къ которымъ пришли эти почтенные изслѣдователи. Физіологическая помѣсь съ инородческимъ элементомъ, вліяніе новыхъ физическихъ и историческихъ условій, какъ мы сказали, не могли не отразиться и на психической природѣ русской народности. Она неизбѣжно должна была пріобрѣсти новые инстинкты и новыя наклонности, а потому и развитіе способностей должно было принять новое направленіе; нѣтъ сомнѣнія, что это своеобразное развитіе въ будущемъ пріобрѣтетъ еще большее значеніе. Вотъ какіе приговоры и обобщенія, между прочимъ, сдѣланы о способностяхъ и оригинальныхъ психическихъ проявленіяхъ областного населенія Востока. Въ духовно-физической организаціи его прежде всего замѣчается больше, чѣмъ въ развитіи европейско-россійскаго народонаселенія, проявленіе разныхъ рѣзкихъ измѣненій и уклоненій физіологическихъ и патологическихъ, прогресивныхъ и регресивныхъ. Они обусловлены многими неблагопріятными обстоятельствами при первоначальномъ заселеніи страны и первыхъ столкновеніяхъ съ другими расами, а также невыгоднымъ естественнымъ подборомъ. На нихъ-то ученое изслѣдованіе и останавливаетъ свое главное вниманіе.

Путешественникъ, посѣтившій Сибирь, на каждомъ шагу поражается рѣзкими контрастами и хаотическимъ смѣшеніемъ всевозможныхъ противорѣчій и крайностей; онъ замѣчаетъ въ сибирскомъ населеніи, съ одной стороны, болѣе или менѣе замѣчательныя умственныя дарованія, съ другой — микроцефаловъ, кретиновъ, идіотовъ или вообще „дурачковъ", какъ говорятъ въ Сибири, а также карликовъ съ недостаточнымъ нервно-мозговымъ развитіемъ. Такія крайности и видоизмѣненія то въ ту, то въ другую сторону очень понятны при помѣси различныхъ народностей, при внесеніи самыхъ разнообразныхъ элементовъ и признаковъ прародителей. Вмѣстѣ съ этимъ извѣстны и нѣкоторыя мѣстныя патологическія проявленія уродствъ въ данной мѣстности, еще не объясненныя и, можетъ быть, находящіяся въ связи съ климатомъ и неблагопріятными физическими условіями. Къ такимъ явленіямъ относится, напримѣръ, въ верхоленскомъ округѣ и нѣкоторыхъ мѣстахъ восточной Сибири развитіе зобовъ и сопровождающаго ихъ кретинизма и идіотизма.

Зобастость начинаетъ проявляться вообще съ началомъ половой зрѣлости. Одна статья изъ мѣстныхъ свидѣтельствъ пред-

Digitized by Google

ставляетъ намъ несчастное положеніе сибирской дѣвушки, тщательно скрывающей свое уродство передъ замужествомъ (газета „Сибирь“). Зобастость въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Сибири стремится сдѣлаться наслѣдственною органическою особенностью всѣхъ жителей данной мѣстности. Докторъ Кашинъ, производившій изслѣдованіе на Ленѣ, свидѣтельствуетъ, что зобъ распространяется и разносится даже по селеніямъ, гдѣ прежде его не было. „Мы убѣждены, пишетъ онъ, — что существующая здѣсь эндемія зоба будетъ имѣть непремѣннымъ своимъ послѣдствіемъ перерожденіе туземнаго населенія и прогресивное увеличеніе числа кретиновъ, если только не обратятъ вниманія на уничтоженіе вредныхъ мѣстныхъ условій“. Кромѣ зоба въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Сибири замѣчаются и другія патологическія явленія, такъ, напримѣръ, „икота“, „порча“, составляющія какіе-то нервные припадки и господствующія между крестьянствомъ западной Сибири. Юродивые и дурачки, выродившіеся идіоты, предвѣщатели и вѣдуны встрѣчаются въ каждомъ сибирскомъ городѣ.

Къ другимъ причинамъ мѣстнаго быта, вліяющимъ неблагопріятно на рожденіе и здоровое развитіе населенія, относятъ наши этнографы разныя болѣзни, заносимыя пришлымъ населеніемъ. Въ этомъ отношеніи играетъ роль громадный приливъ ссыльнаго люда, приносящаго съ собой изъ русскихъ тюремъ и арестантскихъ и физическую хилость, и нравственную испорченность. Вотъ что говоритъ по этому поводу г. Щаповъ: „Намъ кажется, рожденіе уродовъ, идіотовъ, дураковъ и т. п. въ Сибири въ значительной степени зависитъ отъ безпорядочности полового подбора и неправильности половыхъ отношеній, обусловливаемыхъ преобладаніемъ ссыльныхъ преступниковъ испорченной нравственности и съ разными физическими пороками, численнымъ неравенствомъ половъ въ Сибири, а также сильнымъ развитіемъ проституціи, соединенной съ безобразнымъ пьянствомъ“, и т. п. О неправильности полового подбора, нерѣдко проявлявшейся и въ бракахъ, въ Сибири сложилась даже особая пословица: „Платье на грядкѣ, уродъ на рукѣ“.

Къ числу постоянныхъ патологическихъ явленій, подтачивающихъ организмъ сибирскаго населенія, надо отнести и занесеніе сифилиса въ Сибирь партіями ссыльныхъ и амурскими штрафными солдатами и чрезвычайное распространеніе его между мѣстными жите-

Digitized by Google

лями *). Въ Сибири, говорятъ очевидцы, есть деревни, сплошь зараженныя, цѣлыя инородческія племена, охваченныя этой болѣзнью. Понятно, что въ отдаленныхъ и глухихъ мѣстахъ населеніе, предоставленное самому себѣ, безъ медицинскихъ средствъ, гдѣ въ цѣлые районы и округа не заглядывалъ ни одинъ докторъ, болѣзнь можетъ охватить населеніе и принять страшное развитіе, она можетъ переходить изъ поколѣнія въ поколѣніе и никто ея не будетъ знать. При суровомъ, холодномъ климатѣ, при скудномъ питаніи рыбой, при лишеніяхъ, простудахъ, при той жизни, какою живутъ инородцы и крестьяне, болѣзнь эта быстро распространяется, осложняясь другими мѣстными недугами. Докторъ Соколовъ при изслѣдованіи Березовскаго края и мѣстныхъ инородцевъ находилъ, напримѣръ, такія осложненія скорбута, сифилиса, простуды и проч., что невозможно было уже отличить одно патологическое явленіе отъ другого и принять тѣ или другія медицинскія средства. Все это, нѣтъ сомнѣнія, должно подрывать въ самомъ корнѣ народное здоровье, отзываться какъ на физическомъ вырожденіи сибирскаго населенія, такъ и на пониженіи его умственнаго уровня. Но такія явленія мы считаемъ случайными и предотвратимыми, если-бы на нихъ было обращено большее вниманіе.

Обративъ вниманіе на отрицательныя явленія, этнографія останавливается и на положительныхъ чертахъ русскаго областного населенія на Востокѣ. Въ физическомъ отношеніи оно довольно крѣпко сложено и здорово, хотя не всегда обладаетъ высокимъ ростомъ и толщиной. Сибирякъ „приземистъ и коренастъ", какъ говорятъ о нихъ. Въ развитіи чувствъ и воспріимчивости впечатлѣній сибирякъ выработалъ, а отчасти и получилъ наслѣдственно отъ инородца многія изощренныя способности, какъ, напримѣръ, чуткость слуха и зоркость, примѣры которой мы привели въ первой статьѣ. Этими особенностями сибирякъ обязанъ окружающимъ его громаднымъ тундрамъ и пустынямъ, гдѣ ему приходится встрѣчаться лицомъ къ лицу со всевозможными препятствіями и опасностями, наблюдать и замѣчать ихъ, охранять и защищать себя. Относи-

*) Въ пересыльныхъ замкахъ и въ больницахъ находится, какъ показываютъ наблюденія, масса арестантовъ, зараженныхъ сифилисомъ. Ссыльные несутъ его въ Сибирь скрытнымъ и онъ, обыкновенно, развивается на дорогѣ. Вотъ что даетъ ссылка въ Сибирь. *Авторъ.*

Digitized by Google

тельно даровитости и ума русскаго населенія факты свидѣтельствуютъ, что сибиряки не глупы. Изслѣдователи ссылаются уже на замѣчаніе Екатерины, что сибиряки „вообще умны, любознательны и предпріимчивы“, и въ заключеніе приводятъ примѣры, что изъ сибирскаго населенія выходили болѣе или менѣе ученые и писатели, какъ Менделѣевъ, Чигуновъ, Корсакъ, Полевой, Бобровниковъ, Елисѣевъ, Потанинъ, Бонзаровъ, Волихановъ и проч. Не мало также на Востокѣ и даровитыхъ самородковъ, выходящихъ изъ среды народа. Не отрицая даровитости сибирско-русскаго населенія, мы, однакожъ, должны замѣтить, что самая необходимость пріискивать доказательства въ пользу ея указываетъ на неособенно лестное мнѣніе объ этой даровитости. Доказательства эти похожи на тѣ, которыя обыкновенно приводятся въ пользу негровъ и женщинъ; для всякаго другого человѣческаго общества они должны были-бы показаться нѣсколько обидными. Однако, приводимые примѣры въ пользу даровитости сибирско-русскаго населенія убѣждаютъ насъ въ томъ, что пробужденіе и развитіе сибирскаго таланта совершалось до сихъ поръ только на другой почвѣ и въ другой соціальной средѣ. Пожалуй, сибирско-русское населеніе и даровито, но оно поставлено въ такія печальныя условія, что выдающаяся умственная сила, подавленная въ своей средѣ, должна была непремѣнно вырываться изъ нея и бѣжать изъ этого края. О психическихъ особенностяхъ сибирскаго населенія этнографы сообщаютъ слѣдующее: „Нельзя не замѣтить въ этомъ населеніи нѣкоторыхъ своеобразныхъ умственныхъ и нравственныхъ чертъ или особенностей, болѣе или менѣе замѣтно отличающихъ его какъ отъ психическаго настроенія великорусскаго или малороссійскаго народа, такъ и отъ умонастроенія сибирскихъ инородческихъ племенъ, съ которыми оно смѣшивалось и смѣшивается. Сравнивая, во-первыхъ, вообще мыслительную способность ссыльныхъ великорусскихъ и малорусскихъ поселенцевъ Сибири съ природными сибирскими—туземными сибирско-русскими—поколѣніями, можно замѣтить, правда, что русскій или, какъ говорятъ въ Сибири, „россійскій“ человѣкъ, хотя-бы то и крестьянинъ, вообще говоря, замѣтно болѣе гибокъ и развязенъ въ своихъ сужденіяхъ, чѣмъ сибирякъ. У него умственный кругозоръ большею частью шире, эмпирическія знанія разнообразнѣе, разсудочныя способности болѣе культированы и развиты, умственные взгляды и наблюде-

Digitized by Google

нія шире и разностороннѣе, разсказы разнообразнѣе и живѣе, рѣчь обильнѣе, витіеватѣе и выразительнѣе, съ большею примѣсью словъ книжнаго языка, хотя часто и своеобразно употребляемыхъ. Сибирякъ, наоборотъ, простоватъ. Умъ его менѣе развитъ и гибокъ. Логическіе пріемы его мышленія менѣе развиты, ассоціаціи идей не такъ многосложны, какъ у великорусса,—какого-нибудь нижегородца или ярославца. За то въ сибирскомъ русскомъ населеніи разсудокъ, кажется, гораздо болѣе преобладаетъ надъ чувствомъ, чѣмъ въ великорусскомъ народѣ. Холодно-разсудочная, практическая разсчетливость сибиряковъ или преобладающая наклонность къ реалистическому и положительному взгляду на вещи подавляетъ въ нихъ почти всякое идеалистическое умонастроеніе...“ Оттого сибиряки менѣе мистичны и религіозны, чѣмъ „россійскіе“ люди. Сибиряки въ большинствѣ случаевъ совершенно чужды мистицизма; они, такъ-сказать, болѣе утилитаристы и матеріялисты, чѣмъ мистики и идеалисты“, заключаетъ этнографія свое изслѣдованіе. Итакъ, при всей неразвитости и некультированности ума, въ сибирякѣ замѣчаются признаки реалистическаго направленія мысли. Эта черта характера проявляется и въ языкѣ. Словцовъ подмѣтилъ, что сибирскій разговоръ лѣнивъ, *холоденъ, безъ легкомыслія*, не текучъ и малословенъ, *какъ-бы съ числомъ и вѣсомъ*, къ сожалѣнію, темноватъ, по привычкѣ пропускать глаголы, оживляющіе мысль“. При разсудочности и практическомъ взглядѣ, умонастроеніе сибиряковъ въ значительной степени отличается еще юмористическими наклонностями. Но эта способность не проявляется пока ни въ критикѣ, ни въ сатирѣ, а сохраняется только въ проявленіяхъ обыденной „просмѣшливости“ (пересмѣиваньи), выражающейся, по словамъ нѣкоторыхъ наблюдателей, нерѣдко въ простыхъ и грубыхъ формахъ. Слѣды мѣстнаго умонастроенія обнаруживаются также въ томъ, что сибирское населеніе на многія традиціонныя учрежденія или принципы и правила смотритъ гораздо свободнѣе и смѣлѣе, чѣмъ великорусскій народъ; оно руководствуется болѣе натуральными чувствами, потребностями и побужденіями. Такъ простонародье смотритъ весьма свободно, говоритъ г. Щаповъ, въ Иркутскѣ и вообще въ Сибири на „свободные“ или гражданскіе браки. Великорусскіе раскольники для объясненія этихъ браковъ усиливаются создать свое религіозное воззрѣніе, пишутъ объ этомъ церковныя догма-

Digitized by Google

тическія сочиненія, а народъ въ Сибири руководствуется въ этомъ отношеніи непосредственными влеченіями чувства и страсти. Оттого въ Сибири менѣе наклонности къ расколу, къ мистическимъ его ученіямъ, а если и прививается онъ, то своими раціоналистическими сторонами. То-же самое примѣняется по отношенію къ соціальнымъ явленіямъ. Умъ великорусса отличается историко-традиціоннымъ воспитаніемъ, а умъ сибиряка характеризуется непосредственно-натуральной дрессировкой. „Въ умственномъ складѣ великорусскаго человѣка болѣе отразилось вліяніе, пишетъ г. Щаповъ,—продолжительнаго историческаго, тысячелѣтняго опыта и отчасти вліяніе европейски-образованнаго класса дворянства. Въ умонастроеніи сибиряка болѣе отпечатлѣлось вліяніе дикой сибирской природы". Это умонастроеніе характеризуется забывчивостью всякой исторической традиціи, утратой поэзіи и отсутствіемъ всякаго идеальнаго чувства и поэтической мечтательности. Сибиряки, большей частію, говоритъ г. Щаповъ, забыли всю древнерусскую старину, всѣ эпическія сказанія или былины великорусскаго народа, даже большую часть великорусскихъ народныхъ вѣрованій или суевѣрій, примѣтъ и обрядовъ увеселительныхъ. Среди великорусскаго народа, даже въ сферѣ такой суровой, непривѣтной природы, какъ природа олонецкаго края, гг. Рыбниковъ и Гильфердингъ находили множество „сказателей", любившихъ разсказывать старинныя былины русскаго народа, а въ Сибири едва-ли есть гдѣ-нибудь такіе „сказатели". Наконецъ, самая пѣсня, не только малороссійская, но и великорусская, какая занесена была переселенцами съ Днѣпра, Волги или Сѣверной Двины и Камы, въ Сибири почти забыта или поется нѣсколько своеобразно, какъ-то уныло, монотонно, болѣе низкими нотами, съ меньшими варіяціями голоса, или даже нѣсколько похожа на пѣсни татаръ или бурятъ въ степи, или на „христорадную, милосердную пѣснь" арестантскихъ партій. „По сю пору мнѣ не удалось не только у семейскихъ, пишетъ г. Ровинскій,—но вообще у сибиряковъ найти ни одной оригинальной пѣсни, кромѣ нѣсколькихъ сложенныхъ ссыльными. Всѣ ихъ пѣсни занесены изъ Россіи и содержаніемъ своимъ совершенно неподходящія къ нимъ; поэтому, при ихъ оригинальныхъ недостаткахъ, онѣ искажаются еще больше ихъ перенимателями и являются совершенно безсмысленнымъ наборомъ словъ" (Изв. сибир. отд. имп. русск. геогр. общества, т. IV, № 3, Иркутскъ,

Digitized by Google

1873 г.). За то мѣстная этнографія замѣчаетъ, что въ сибирское населеніе, даже въ среду простолюдиновъ, проникло болѣе пѣсенъ изъ образованныхъ слоевъ. Здѣсь часто поются романсы, взятые изъ печатныхъ пѣсенниковъ.

Относительно взглядовъ сибиряка на природу одинъ изъ наблюдателей чрезвычайно мѣтко сдѣлалъ слѣдующее опредѣленіе: „достойно замѣчанія, что міросозерцаніе сибирскаго простого народа въ сферахъ, не столь непосредственно связанныхъ съ практическою жизнью, взглядъ на природу и ея силы рѣзко отличаются отъ понятій народа европейской Россіи, какъ-будто старинныя, эпическія представленія, нѣкогда тамъ сложившіяся, улетучились изъ головъ переселенцевъ во время ихъ пути въ Сибирь: коренной сибирякъ смотритъ на природу, какъ на мертвую массу, не населяетъ ее лѣшими, русалками и даже никогда не задумывается, на чемъ земля стоитъ".

То-же повторилось и съ историческими преданіями. Сибирякъ не задумывается и не подозрѣваетъ своего кровнаго родства съ кореннымъ русскимъ человѣкомъ; напротивъ, онъ считаетъ себя русскимъ, а на русскаго поселенца смотритъ какъ на совершенно чуждаго ему человѣка и сомнѣвается въ его русской національности. Это забвеніе о своемъ происхожденіи приводитъ сибиряка къ забавному толкованію даже извѣстныхъ ему историческихъ фактовъ, касающихся жизни первоначальныхъ русскихъ колонизаторовъ: такъ онъ предполагаетъ, что Ермакъ, пришелецъ изъ Россіи, покорилъ его прадѣдовъ, исконныхъ обитателей Сибири, и привелъ ихъ въ подданство царю, или что въ старину буряты дѣлали набѣги на русскихъ коренныхъ обитателей Сибири, чтобы выгнать ихъ изъ домовъ и овладѣть землей, всегда принадлежавшей русскимъ *). Сибирякъ забылъ не только вынесенную изъ Россіи, но и собственную исторію. Этой забывчивостью историческихъ традицій объясняется тотъ индиферентизмъ, какимъ отличается населеніе нашихъ восточныхъ окраинъ. Въ исторіи послѣ Петра оно рѣдко принимало участіе въ общей судьбѣ государства, самыя событія сюда доносились смутно и нерѣдко вели къ недоразумѣніямъ, какъ, напримѣръ, внезапный бунтъ тарскихъ

*) Очеркъ сельской жизни въ Сибири. Разсказъ „Коршуновцы". „Дѣло", № 4.

Digitized by Google

жителей, непризнавшихъ акта о наслѣдіи Петра I. Даже такое народное волненіе, какъ пугачевскій бунтъ, не дошло до Сибири хотя-бы въ смутныхъ преданіяхъ и разсказахъ. Войны, государственная жизнь не возбуждали здѣсь особаго патріотизма. Во время отечественной войны 1812 г. въ Иркутскѣ были построены тріумфальные ворота, говоритъ преданіе, для пріема Наполеона; историческія торжества не возбуждали особеннаго воодушевленія. Недавно одинъ забайкальскій городъ отказывался чѣмъ-либо ознаменовать память Петра I, и если на восточной окраинѣ гдѣ-нибудь устраивались собранія и читались натянутые спичи въ память заслугъ Ломоносова, то это были демонстраціи только заѣзжаго образованнаго сословія, въ которыхъ сибирское населеніе играло пассивную роль. Пристрастія къ историческимъ лицамъ, къ историческимъ разсказамъ здѣсь не замѣчается. Самого Ермака здѣсь забыли и имя его не звучитъ ни въ одной сибирской пѣснѣ. Это не то, что Малороссія и Украйна, столь богатыя своими воспоминаніями и такъ нѣжно лелѣющія ихъ. Русская общественная жизнь далека отъ сибиряка и только иногда доносится до него въ неясныхъ отголоскахъ. Вотъ почему путешественника сибирское населеніе поражаетъ своимъ безучастіемъ къ тому, что дѣлается за Ураломъ.

Кромѣ того, этнографическою чертою мѣстнаго населенія является нѣкоторая грубость и диковатость, какъ-бы общая съ инородцами. Диковатость эта, конечно, происходитъ и оттого, что населеніе восточныхъ окраинъ совершенно замкнуто въ своей полудикой сферѣ, оно живетъ вдали отъ центровъ просвѣщенія и цивилизаціи, въ своей захребетной и затаежной лѣсной глуши, среди некультированной сибирской природы, гдѣ нѣтъ почти никакихъ источниковъ для умственнаго развитія и интелектуальныхъ интересовъ. Но въ этой диковатости нельзя не замѣтить проблесковъ смѣлой любознательности и пытливаго ума. Вотъ отзывъ аббата Шаппа о сибирякахъ: „сибиряки дики и вмѣстѣ съ тѣмъ любопытны“. Онъ приводитъ примѣръ, какъ въ одномъ домѣ при его появленіи „четыре или пять женщинъ мгновенно спрятались за какую-то занавѣску, но потомъ мало-по-малу онѣ „*приручились*“. Жители сначала дичились астрономическихъ опытовъ путешественника, а потомъ начали съ любопытствомъ смотрѣть на нихъ. Такъ принимаютъ всѣхъ путешественниковъ въ глухихъ мѣстахъ Си-

Digitized by Google

бири: жители сначала дивуются на нихъ, но потомъ выказываютъ самую живую любознательность и участіе къ нимъ. Но въ то время, когда нѣкоторые, какъ дикари, въ Сибири удивлялись термометру, сибирякъ-же Невѣровъ, едва узнавъ употребленіе его, производитъ въ Якутскѣ 26 лѣтъ метеорологическія наблюденія, которымъ отдалъ честь даже Миддендорфъ. „Диковатость, соединенная съ любопытствомъ, замѣчается и въ другихъ мѣстностяхъ Сибири, прибавляетъ этнографическое свидѣтельство. Это дикарское любопытство, однако, быстро переходитъ и въ настоящую любознательность, въ быструю переимчивость. Черту эту такъ характеризовалъ одинъ иркутскій мѣщанинъ г. Щапову: „нашъ братъ сибирякъ, когда увидитъ въ первый разъ какую-либо машину, дивится, но потомъ любопытствуетъ узнать, въ чемъ въ ней сила, какъ она сдѣлана и какъ дѣйствуетъ. На первый взглядъ, прибавилъ мѣщанинъ,—конечно, оно диво-хитрая машина; но какъ разсмотришь въ ней всѣ части, что къ чему придѣлано, что чѣмъ дѣйствуетъ, въ чемъ сила, такъ и самъ можешь сдѣлать такую машину, и диковинки тутъ не будетъ никакой“. Въ сибирской жизни, бѣдной впечатлѣніями, за неимѣніемъ предметовъ, могущихъ удовлетворять эту любознательность, она выражается склонностью ко всякимъ неожиданнымъ зрѣлищамъ и часто проявляется суетнымъ и легкомысленнымъ образомъ: ходятъ смотрѣть покойниковъ, выбѣгаютъ на улицу при всякомъ шумѣ и проч. Вѣроятно, театръ когда-нибудь будетъ имѣть огромный успѣхъ въ Сибири. Въ низшей средѣ народа этотъ инстинктъ любознательности проявляется массою самоучекъ и самородковъ, о которыхъ также упоминаетъ г. Щаповъ, а въ сибирской учащейся молодежи—пылкимъ энтузіазмомъ ко всякому новому ученію.

Отсутствіе традиціозности и любопытство сибиряковъ порождаютъ новое особенное свойство—это особенную склонность къ новизнѣ. Эта склонность отражается въ жилищахъ, нравахъ и обычаяхъ сибирскихъ. Сибирскій крестьянинъ украшаетъ свои комнаты по-европейски. Онъ любитъ картины. Уже Мартосъ въ началѣ нынѣшняго столѣтія описывалъ крестьянъ села Мальты около Иркутска: „Стѣны комнаты у нихъ украшены гравированными портретами нашихъ отличнѣйшихъ генераловъ; но удивленіе мое было еще больше, когда здѣсь, въ домѣ крестьянина, удаленнаго за 6,000 верстъ отъ столицы, увидалъ я изряд-

Digitized by Google

ную фламандскую картину. Сибиряки, подумалъ я, — умѣютъ жить лучше, пріятнѣе русскихъ, но не оттого-ли, что они *очищенное поколѣніе утонченныхъ пращуровъ*". Въ Россіи масса народа крѣпко держится своей старины и традиціи въ одеждѣ, въ убранствѣ домовъ, въ нравахъ, обычаяхъ и т. п. Сибирское-же простонародье отличается увлеченіемъ ко всему новому въ своей одеждѣ и вообще въ домашней обстановкѣ. Даже въ деревняхъ можно видѣть шиньоны, кринолины, бурнусы съ стеклярусомъ, сюртуки, часы съ цѣпочками; въ домахъ зеркала, обои, диваны, хорошую мебель, цвѣты въ цвѣтникахъ и проч. Нѣтъ ни одного сибиряка, который-бы, подобно великорусскому старовѣру, отворачивался, какъ отъ чертовщины, отъ папиросы, сигары, чаю или кофе и т. п.".

Мода и щегольство сибирскихъ простолюдиновъ у русскихъ крѣпостниковъ, пріѣзжавшихъ въ Сибирь на службу, вызывали даже жалобы на развращенность населенія. Одинъ киренскій исправникъ формальной бумагой жаловался на роскошь костюмовъ, такъ-какъ въ одной деревнѣ на ярмаркѣ онъ видѣлъ на крестьянкахъ „драповыя кофточки послѣдней парижской моды въ 35—40 руб., башмаки рублей въ 8, *лакированныя галоши*" и проч., и просилъ принять мѣры противъ пагубнаго разврата. Въ среднемъ классѣ подобная склонность къ модѣ выражается въ подражаніи великосвѣтской жизни. Сибирское торговое сословіе брѣетъ бороды и носитъ нѣмецкіе сюртуки. Европейскіе танцы не только проникли въ мѣщанскую, но и крестьянскую среду. Конечно, въ умственной сферѣ усвоеніе новаго уже менѣе имѣетъ простора и у сибиряковъ менѣе для этого пищи, но все-таки и въ этомъ отношеніи сибиряки, пишетъ г. Щаповъ, повидимому всепріимчивѣе и любознательнѣе, по крайней мѣрѣ, старовѣрческой массы великорусскаго народа. Они быстро освоивались съ просвѣщеніемъ; они съиздавна вели лѣтописи и дневники, которые встрѣчались у крестьянъ, записывали физическія явленія, хотя это и были одиночные факты. Сибиряки склонны были къ открытіямъ рудъ, примѣняли всевозможные способы къ эксплоатаціи богатствъ природы. Къ сожалѣнію, самая склонность къ усвоенію лучшаго не получаетъ здѣсь надлежащаго развитія и направленія, какъ вслѣдствіе отдаленности, такъ и застоя соціальной жизни. Все ограничивается переимчивостью внѣшности. Способность къ прогресу ясно

Digitized by Google

проявляется, но только въ сферѣ матеріяльной жизни, хотя всѣ задатки для нея въ народномъ характерѣ и существуютъ. Живость этого ума, къ сожалѣнію, не проявилась еще ни въ сферѣ науки, ни литературы на Востокѣ. При всемъ томъ, въ области практическихъ понятій сибирякъ скорѣе отрѣшается отъ предразсудковъ и суевѣрій, чѣмъ русскій, какъ замѣчаетъ г. Ровинскій. Къ другимъ чертамъ, характеризующимъ населеніе восточныхъ окраинъ, г. Щаповъ относитъ отважную воспріимчивость, воспитанную постоянной борьбой съ суровой природой и тревожной жизнью въ новой странѣ, наконецъ промышленный духъ этого населенія, стремленіе къ наживѣ, преобладаніе матеріяльныхъ интересовъ надъ общественными. Развитіе своекорыстныхъ, узкихъ и эгоистическихъ мотивовъ ярко обрисовывается нашимъ историкомъ въ жизни Востока и безпощадно бичуется имъ *). Русское населеніе, развивая въ себѣ умственную и нравственную смѣлость, предпріимчивость и стремленіе къ обзаведенію, къ устройству, наконецъ, наткнувшись на богатства новой страны, быстро усвоило инстинкты хищности. Умъ сибиряка всецѣло поглощенъ матеріяльной наживой, его увлекаютъ только текущіе практическіе цѣли и интересы. Этотъ холодный разсчетъ и корыстныя страсти подавили въ населеніи всякое идеальное настроеніе и даже общественность. „У сибиряка нѣтъ того, такъ-сказать, соціологическаго умонастроенія, пишетъ г. Щаповъ, — нѣтъ тѣхъ общинно-устроительныхъ идеаловъ и стремленій, какими отличается великорусскій народъ, по крайней мѣрѣ, въ раскольничьемъ, старообрядческомъ самоустройствѣ, въ родѣ общиннаго самоустройства секты „общихъ“ или духоборцевъ за Кавказомъ. Оттого къ сибирскому населенію не прививаются никакіе раскольничьи общественные идеи и уставы. Какъ у простого народа въ Сибири нѣтъ ни религіознаго, ни метафизическаго идеала, такъ и у самаго общества не существуетъ стремленія къ идеалу общественному. Сама общественность мало развита на Востокѣ; это общество по-

*) Статья г. Щапова „Объ отсутствіи высшихъ чувствъ у сибиряковъ“ была помѣщена когда-то въ „Отечеств. Запискахъ“; нынѣ эта-жа мысль проводится и въ этнографіи. Признавая это фактомъ существующей мѣстной жизни, нельзя однако придавать ей этнологическаго, расоваго и какъ-бы врожденнаго характера. Это признакъ не постоянный, а могущій измѣниться съ обстоятельствами. Къ тому-же эта этнографическая характеристика доводится до крайности.

Авторъ.

Digitized by Google

преимуществу индивидуалистическое; такимъ его воспитала бродячая жизнь и разрозненность въ лѣсахъ и степяхъ, нажива и утрата прежнихъ соціальныхъ связей въ новой странѣ. Изслѣдованія, сдѣланныя въ средѣ крестьянства, показываютъ, что русская община въ средѣ крестьянъ очень слабо развита, что они не живутъ міромъ, каждый думаетъ о себѣ, самое хозяйство не носитъ характера общиннаго быта. Оно здѣсь распалось и каждая отдѣльная личность стремится захватить у природы что можетъ, не чувствуя себя въ зависимости ни отъ міра, ни отъ общества, ни отъ власти. Въ Сибири нѣтъ ни личнаго, ни общаго собственника на землю. Распространяясь въ лѣсахъ и степяхъ, піонерствуя, отдѣляясь скорѣе отъ общинъ, чѣмъ стремясь къ нимъ, сибирское крестьянство предпочитаетъ хозяйство *„заимочное“* *), что сильно способствуетъ индивидуалистическому настроенію. Что касается другихъ классовъ, то промышленная жизнь въ нихъ развила еще болѣе индивидуалистическихъ мотивовъ и общинности интересовъ еще менѣе, чувства связи и сознанія общественной жизни не существуетъ никакой. Этотъ индивидуалистическій характеръ, дающій себя знать во всѣхъ колоніяхъ, гдѣ населеніе не тѣснится, гдѣ ведется одинокая погоня за наживой, въ Сибири долженъ былъ получить грубое проявленіе, благодаря невѣжеству и одичанію жителей, и проявиться еще рѣзче и безотраднѣе при отсутствіи общественной жизни, началъ самоуправленія, при отсутствіи правильныхъ проявленій гражданской жизни, соціальныхъ стремленій, при низкомъ умственномъ уровнѣ, бѣдности духовныхъ интересовъ, связывающихъ людей, и неимѣніи первенствующей какой-нибудь высоко-гражданской идеи, дающей постоянно чувствовать гражданское родство свое, внушающей любовь къ окружающей средѣ, заставляющей дорожить общественными интересами и вызывающей подвиги гражданской любви и самоотверженія.

Развитіе грубыхъ эгоистическихъ мотивовъ, также, какъ своекорыстныхъ инстинктовъ, обусловливалось многими историческими обстоятельствами на Востокѣ. Съиздавна здѣсь воспитывались звѣрскіе и завоевательные инстинкты русскаго населенія по

*) Заимка—сибирскій хуторъ; это—сибирское скваттерство.

Digitized by Google

отношенію къ несчастнымъ инородцамъ, которые составляютъ сплошное рабское населеніе на Востокѣ. Покореніе, продажа, грабежъ, эксплуатація—все это считалось дозволеннымъ и законнымъ въ отношеніи инородческаго населенія. Народные инстинкты воспитывались только въ этомъ направленіи и постоянное стремленіе къ наживѣ, вмѣстѣ съ нравственною грубостью и невѣжествомъ, сдѣлало это населеніе жестокосерднымъ и безпощаднымъ. Такой складъ характера и преобладающія черты его въ самой грубой и антипатичной формѣ даютъ поводъ заключить уже теперь о самомъ неблагопріятномъ направленіи въ характерѣ сибирскаго населенія, если онъ только не будетъ смягченъ другимъ направленіемъ жизни и развитіемъ соціальныхъ чувствъ съ помощью воспитанія.

Къ другимъ чертамъ, отличающимъ характеръ русскаго населенія на Востокѣ, можно было-бы отнести наклонность къ простору, волѣ и равенству, что̀ могло развиться естественно въ новой колоніи. Но, къ сожалѣнію, и эти черты не безусловно вѣрны, по словамъ этнографа. „Нѣкоторые думаютъ, что сибирское населеніе менѣе раболѣпно и болѣе свободолюбиво, чѣмъ великорусскій народъ. Но это не совсѣмъ такъ. Правда, сибиряки, невоспитанные крѣпостнымъ рабствомъ, привыкшіе къ волѣ на просторѣ за лѣсами сибирскими, повидимому, болѣе великорусскаго народа любятъ волю, чувствуютъ право личности, не всегда раболѣпно снимаютъ шапку передъ барами, а часто смѣло, свободно противорѣчатъ имъ, грубятъ съ ними или склонны къ побратимству съ ними. Но за этимъ чувствомъ вольности и личнаго достоинства въ сибирякахъ сплошь и рядомъ скрывается и нерѣдко обнаруживается духъ раболѣпія. Вѣрнѣе всего намъ кажется то замѣчаніе, высказываемое нѣкоторыми компетентными наблюдателями сибирскихъ нравовъ, что сибиряки (разумѣется, простонародье) грубы, дерзки и въ то-же время подобострастны и трусливы. Съ этими примитивными и анти-соціальными чувствами естественно соединяются черты лукавства и хитрости, заимствованныя на-столько-же отъ инородцевъ, на-сколько и воспитанныя самостоятельно разными историческими обстоятельствами и бытовымъ складомъ. Путешественники отзываются, что нигдѣ нѣтъ такихъ заискиваній, угощеній, торжественныхъ обѣдовъ, подкуповъ подарками и всевозможныхъ проявленій угодничества, какъ у жителей сибирскихъ.

Этими общими чертами и наблюденіями наша этнографія пробо-

Digitized by Google

вала хотя отчасти обрисовать характеръ нашей областной народности на Востокѣ. Черты эти, на-сколько онѣ вырисовываются, могутъ быть сведены къ слѣдующему: холодная разсудочность, индиферентизмъ и отсутствіе идеальныхъ стремленій, промышленный и индивидуалистическій духъ, диковатость и въ то-же время любопытство и любознательность, отважная предпріимчивость и смѣлость, но въ то-же время раболѣпіе съ примѣсью скрытности, хитрости и лукавства.

Насъ можетъ поразить въ этихъ чертахъ соединеніе самыхъ противоположныхъ свойствъ, уживчивость дикости и необузданности съ такими способностями, которыя служатъ счастливымъ залогомъ лучшаго будущаго. Сначала привлекаютъ насъ хорошія черты: умъ и предпріимчивость, наклонность къ подвигамъ, стремленіе къ свободѣ, къ равенству, къ новизнѣ и способность къ прогресу, но затѣмъ бросается въ глаза извращеніе этихъ способностей въ сферѣ узко-эгоистическихъ побужденій, что производитъ на насъ тяжелое впечатлѣніе. Въ характерѣ свободолюбиваго населенія мы находимъ раболѣпіе до унизительности, рядомъ съ умомъ хитрость и пронырливость, съ отвагой и предпріимчивостію—мелкую разсчетливость и трусливость; любовь къ волѣ и простору, стремленіе къ равенству рядомъ съ желаніемъ закабалить и обобрать инородца, монополизировать трудъ и капиталъ тамъ, гдѣ есть возможность это сдѣлать; при видимой наклонности сибиряка къ новизнѣ и оригинальности, застой и неподвижность въ соціальномъ отношеніи поражаютъ наблюдателя на каждомъ шагу. Эта хаотичность въ духовной природѣ сибиряка можетъ быть объяснена только его прошлымъ. Его природныя черты какъ-будто остались недоработанными и застыли въ своей первоначальной формѣ, смѣнившись другими чертами, навязанными ему другими условіями жизни, другой житейской обстановкой.

Обращаясь къ культурѣ, мы замѣчаемъ очевидный регресъ русскаго сибирскаго населенія; оно не только передало изъ русской культуры сибирскимъ инородцамъ, сколько само у нихъ позаимствовало. Г. Ровинскій старается смягчить эту печальную картину, но и онъ не рѣшается опредѣлить, кто у кого больше перенялъ: русскіе-ли у бурятъ или буряты у русскихъ, хотя и не совѣтуетъ видѣть въ этихъ позаимствованіяхъ регреса относительно цивилизаціи и умственнаго развитія. „И самые образованные европейцы, говоритъ онъ,—пу-

Digitized by Google

тѣшествуя въ странахъ дикихъ, невольно поддаются привычкамъ туземцевъ". Но не изъ такихъ мелкихъ позаимствованій слагается исторія русской культуры въ Сибири. Она начинается съ того, что русскій народъ прежде всего превращается въ звѣролововъ и ищетъ баснословную рѣку Погичу, изобилующую соболями и золотомъ; потомъ онъ переходитъ къ земледѣльческой культурѣ; переходъ этотъ, какъ видно изъ очерковъ г. Ровинскаго, еще до сихъ поръ не завершился и есть селенія, исключительно преданныя бѣлкованью (охота на бѣлокъ). Г. Ровинскій видѣлъ такія селенія на Илимскомъ волоку. „Всѣ эти поселенія, говоритъ онъ,—безъ будущности; съ истребленіемъ лѣсовъ и съ уменьшеніемъ звѣря жители ихъ должны будутъ искать или новыхъ глухихъ мѣстъ, или переселиться въ такія мѣстности, на которыхъ будетъ возможенъ другой образъ жизни". Путешественника поразилъ безжизненный видъ этихъ звѣроловныхъ деревень; здѣсь не слышно никогда гремящей телѣги, потому что жители не знаютъ ея; не слышно стука молота въ кузницѣ, ни стука цѣповъ на току; здѣсь не видно ни скирдовъ хлѣба вокругъ селенія, ни стоговъ сѣна; изъ всѣхъ культурныхъ звуковъ, къ какимъ путешественникъ привыкъ въ европейской Россіи, онъ здѣсь услышитъ только одно жужжанье веретена.

Съ переходомъ на сибирскую почву и къ звѣроловному, лѣсному быту, русскій народъ утратилъ свою общину и только теперь мало-по-малу начинаетъ возстановлять ее. Г. Ровинскій разсказываетъ, что общинное начало значительно слабѣе въ Сибири, чѣмъ въ Россіи. Здѣсь земли въ общественномъ владѣніи, говоритъ онъ,—кромѣ лѣсовъ, очень мало. Всѣ болѣе состоятельные крестьяне имѣютъ *заимки*, т.-е. отдѣльные участки на правѣ аренды на долгій срокъ, лѣтъ до 90. Это дѣлается такъ: облюбовавши какую-нибудь мѣстность въ лѣсу, крестьянинъ ее очерчиваетъ, т.-е. отмѣчаетъ ее кругомъ *засѣчками* на деревьяхъ или подрубая деревья; объявляетъ въ волости, откуда послѣ извѣстнаго осмотра выдается ему запись, послѣ чего онъ начинаетъ свою заимку расчищать и владѣть ею, какъ частной собственностью. Групировокъ скота въ общія стада отъ нѣсколькихъ деревень, какъ это дѣлается въ казанской и другихъ восточныхъ губерніяхъ европейской Россіи и въ Сербіи, здѣсь г. Ровинскій не встрѣчалъ. Онъ нашелъ, напротивъ, что *у бурятъ общинное начало*

Digitized by Google

примѣняется болѣе, чѣмъ у русскихъ. „Здѣшній житель, говоритъ г. Ровинскій,—слишкомъ дорожитъ лѣсомъ и звѣринымъ промысломъ, и эта привычка парализируетъ въ немъ общинника-земледѣльца".

Далѣе мы встрѣчаемся здѣсь не съ какими-нибудь лексикографическими заимствованіями, но имѣемъ дѣло иногда съ цѣлыми областями, предпочитающими чужой, бѣдный, некультурный языкъ своему природному, имѣющему хотя и небогатую, но все-же свою собственную литературу. Такъ разсказываютъ, что въ Якутскѣ все общество говоритъ по-якутски, на Иртышѣ всѣ казаки, всѣ офицеры и даже нѣкоторыя казачьи жены предпочитаютъ объясняться между собою по-киргизски. Но за бѣдностью языка слѣдуетъ и бѣдность мысли, особенно въ дальнихъ сѣверныхъ захолустьяхъ, которыя находятся въ рѣдкихъ сообщеніяхъ съ болѣе цивилизованнымъ югомъ.

Точно также русскіе много заняли у азіятцевъ изъ одежды, пищи и домашней утвари. Конечно, въ качествѣ суевѣрія между кореннымъ русскимъ и остяцкимъ фетишизмомъ, между доморощеннымъ русскимъ и якутскими шаманами различія нѣтъ, какъ говоритъ г. Ровинскій, но нельзя сказать, чтобъ русскій не сталъ въ Сибири болѣе суевѣрнымъ; это можно предположить a priori. Звѣроловному промыслу всегда сопутствуетъ особенное развитіе предразсудковъ и мистическое воззрѣніе; утомительное бродяжничество въ лѣсу въ одиночествѣ и часы голода благопріятствуютъ развитію галюцинацій. Соболевщики и сибирскіе бродяги, говоря вообще, галюцинаторы. Если въ литературѣ встрѣчаются мнѣнія, будто въ Сибири менѣе суевѣрій, то едва-ли это не значитъ, что тамъ менѣе историческаго язычества, менѣе легендъ, преданій, принесенныхъ изъ славянскаго міра, но тѣмъ не менѣе сибирское населеніе охвачено суевѣріемъ мѣстнымъ, возникающимъ и развивающимся подъ вліяніемъ инородческихъ темныхъ міровоззрѣній и таежныхъ промысловъ. Что суевѣріе инородческое проникаетъ къ русскимъ, это едва-ли подлежитъ сомнѣнію. Извѣстно, что шаманы производятъ такое-же впечатлѣніе на русское невѣжественное населеніе, какъ и на инородцевъ. Инородцы занесли массу своихъ понятій и мифовъ въ міровоззрѣніе русскихъ. Этотъ фактъ бросается въ глаза самаго поверхностнаго наблюдателя. Вообще мы видимъ, что при перевалѣ черезъ Уралъ соціальная организація

Digitized by Google

народа, его культура, языкъ начинаютъ разлагаться на простѣйшіе элементы, можетъ быть, потому, чтобъ сложиться въ новыя, нѣсколько отличныя отъ прежнихъ формы. Даже съ такимъ трудомъ выработанное общечеловѣческой исторіей уваженіе къ жизни человѣка при переходѣ въ Сибирь ослабѣваетъ; вмѣстѣ съ соболеваньемъ и бѣлкованьемъ піонеры русской колонизаціи не мало занимались промысломъ, который назывался здѣсь *поляничаньемъ*, т.-е. охотой на инородцевъ. И только недавно прекратившееся *горбунованье* (охота за бродягами) есть ничто иное, какъ послѣдніе остатки этого древне-варварскаго промысла.

Такимъ образомъ, уровень культуры очень низко упалъ на Востокѣ; русскій крестьянинъ въ лѣсахъ началъ приходить къ первобытнымъ способамъ охоты. Жилища, орудія хозяйства онъ сталъ также дѣлать первобытныя. Его нравы получили отпечатокъ лѣсной или кочевой жизни, онъ огрубѣлъ нравственно, слѣды полудикаго звѣролова на немъ рѣзко отпечатлѣлись; среди снѣжныхъ пустынь и непроходимыхъ лѣсовъ, въ упорной борьбѣ съ опаснымъ животнымъ или еще болѣе опаснымъ голодомъ онъ одичалъ, утратилъ общинную жизнь, преданія, вѣрованія и даже историческія воспоминанія. Изъ всего колонизаціоннаго контингента наши путешественники и этнографы останавливаются только съ особеннымъ удовольствіемъ на семейскихъ или выселенныхъ при Екатеринѣ раскольникахъ. Населеніе это въ цѣлости сохранило свой типъ, свои древніе нравы и обычаи, и достигло значительнаго благосостоянія. Картины его быта особенно обольщаютъ путешественниковъ.

Когда сибиряки разбрелись по обширнымъ пространствамъ, семейскіе раскольники жили крѣпкимъ, сплоченнымъ союзомъ, забравъ земли въ свои руки, не допуская къ себѣ ни сибиряковъ, ни ссыльныхъ, ни инородцевъ. Это была замкнутая и вполнѣ солидарная раскольничья семья; благодаря своей замкнутости, она сохранила свой видный ростъ, свой красивый типъ, который составляетъ рѣзкій контрастъ съ жалкимъ, объинородчившимся видомъ сибирскаго крестьянина. Держась крѣпко за свою общинную жизнь, помогая другъ другу и защищая другъ друга, она достигла такого благосостоянія, какого сибирякъ,—этотъ затерянный въ лѣсахъ полудикарь, полузвѣроловъ,—не могъ добиться. Поэтому семейскіе раскольники своимъ внѣшнимъ видомъ и зажиточностью

Digitized by Google

производятъ на путешественниковъ самое отрадное впечатлѣніе. Сперанскій среди бурятскихъ лицъ, неимѣющихъ человѣческаго образа, какъ онъ выражается, увидѣвъ русскія лица семейскихъ раскольниковъ, съ радостью восклицаетъ: „какъ зашли сюда, среди бурятскихъ чудовищныхъ фигуръ, эти прекрасныя женскія лица съ Волги?“.

Эти-же семейскіе постоянно сосредоточивали на себѣ и вниманіе этнографовъ, которые усмотрѣли въ этой раскольничьей общинѣ настоящій типъ древней Руси, ту „излюбленную допетровскую старину“, которую опоэтизировала славянофильская доктрина. Но эта община составляетъ ничтожную колонію, едва замѣтную на громадномъ пространствѣ Сибири. Главнымъ-же выразителемъ сибирскаго населенія, съ его хорошими и дурными свойствами, остается все та-же сплошная масса колонизаторовъ, которая вынесла на своихъ плечахъ завоеваніе и заселеніе сибирскаго края. А это была страдная, кровавая работа нѣсколькихъ вѣковъ! Явившись за Уралъ, русское крестьянство не обладало никакими познаніями, оно принесло бѣдныя, мужицкія знанія; казаки ничего не принесли, кромѣ отваги, крестьянинъ—кромѣ сохи и топора за поясомъ. И до сихъ поръ оно остается почти при тѣхъ-же культурныхъ средствахъ. При всемъ этомъ оно должно было приноровиться къ новой почвѣ, среди густыхъ лѣсовъ, подъ непогодой и снѣжной вьюгой, создать себѣ свое жилище, изыскать средства пропитанія, звѣроловничать, не выходя изъ лѣсовъ по цѣлымъ годамъ. Акты прошлаго столѣтія свидѣтельствуютъ, что были крестьяне, невыходившіе по десятку лѣтъ изъ лѣсовъ, какъ Федоръ Устюжанинъ, охотникъ за моралами. Эти бѣдные и безпомощные піонеры цѣлыми поколѣніями вымирали прежде, чѣмъ акклиматизировались среди такихъ болотъ, какъ барабинскія и васюгинскія, среди такихъ трущобъ, какъ сибирская тайга. Они тонули въ безпріютныхъ рѣкахъ, терпѣли отъ наводненій, пожаровъ, снѣжныхъ вьюгъ и дикихъ звѣрей. Они должны были прорубать эту тайгу, корчевать лѣса, создавать здѣсь пашню, заводить сношенія съ инородцами, селиться, пролагать вѣхи колонизаціи, отправлять почтовую гоньбу, нести всѣ тяжести при военной колонизаціи и устройствѣ военныхъ фортовъ на окраинѣ; они въ видѣ повинности снабжали хлѣбомъ передовыя крѣпости по линіи и перевозили пушки на Амуръ. Въ полстолѣтія казаки, охочіе люди и

Digitized by Google

крестьянство прошли всю Сибирь до Восточнаго океана и очутились на-долго отрѣзанными отъ всякаго живого міра. Замкнутое среди лѣсовъ и дичи, населеніе не могло не утратить многихъ свойствъ изъ своего самобытнаго характера и слѣды вѣковой борьбы, лишеній, отчужденія и одичанія не могли не напечатлѣться на его типѣ, но оно совершило все-таки самую трудную историческую работу.

Невооруженное знаніемъ, безъ всякихъ средствъ, само собою разумѣется, что такое населеніе не только не могло идти прогресивно въ развитіи своей культуры, но, подавленное, отходило къ первобытнымъ способамъ хозяйства—пастушескаго и звѣроловческаго. Оно, такимъ образомъ, спустилось до инородцевъ и, вѣроятно, будетъ опускаться до тѣхъ поръ, пока мы не вооружимъ его средствами, доступными современнымъ цивилизованнымъ обществамъ.

Что касается соціальнаго быта Сибири, количества населенія, промышленной дѣятельности и развитія городской жизни, то все это лежитъ еще въ зародышѣ на сибирской почвѣ. Русское населеніе раскинуто тамъ на пространствѣ 250,000 квадр. миль. Принимая русское населеніе Сибири съ средней Азіей въ 5,265,000, собственно на Сибирь приходится около 4,000,000 русскихъ. Такимъ образомъ, Сибирь представляетъ пространство больше, чѣмъ въ два съ половиною раза, европейской Россіи и въ пятьдесятъ разъ менѣе населена. Очевидно, человѣкъ здѣсь теряется одинокимъ на обширнѣйшихъ пространствахъ. Понятно, какъ здѣсь необходима правильная и разумно-организованная колонизація, какъ необходима умственная культура и ея развитіе. Города восточной окраины самые незначительные; самые большіе по населенію достигаютъ до 20,000 жителей и одинъ только Иркутскъ имѣетъ 31,000. За то онъ одинъ значительный городъ на всю восточную Сибирь. Только въ немъ и сосредоточивается гражданственность; кругомъ—пустыня. Происхожденіе городовъ въ Сибири большею частію офиціальное, совершившееся по казенному шаблону, а потому есть такіе искуственно-созданные города, которые не возвышаются, но утрачиваютъ свое значеніе, какъ Тобольскъ. Точно также въ Сибири есть много городовъ такъ-называемыхъ заштатныхъ, т. е. которые нѣкогда были городами, но, со временемъ утративъ это значеніе, обратились въ села и посады. Есть города даже безъ жителей, какъ Софійскъ на

Digitized by Google

Амурѣ. За то встрѣчаются необыкновенно разростающіяся села. Не веселую картину даетъ наша этнографія и исторія общественной жизни и образованія на Востокѣ. По сказанію современниковъ Трескина, въ обществѣ иркутскомъ въ концѣ XVIII и въ началѣ XIX в. „была дичь совершеннѣйшая, образованія не было почти никакого". И это свидѣтельство, дѣйствительно, подтверждается фактами. Кромѣ существовавшихъ нѣкогда навигацкихъ школъ, въ Иркутскѣ до начала XIX столѣтія не было никакихъ училищъ. Только при содѣйствіи Трескина, въ 1816—1817 гг. открыто было по иркутской губерніи до 18 кое-какихъ приходскихъ училищъ; но до Сперанскаго, да и послѣ, существованіе ихъ было самое жалкое и шаткое. Крестьяне даже желали вовсе избавиться отъ училищъ, „какъ отъ нѣкоторой обременительной повинности".

Не менѣе равнодушно относилось къ образованію и городское общество. Еще въ 1821 г. иркутскій губернаторъ Цейдлеръ писалъ: „Чиновники здѣшніе стараются только обучать дѣтей своихъ грамотѣ и спѣшатъ записывать въ канцелярскую службу для достиженія скорѣйшаго офицерскаго чина, и потому обучаются они плохо и поступаютъ безъ свѣденій и малолѣтные на службу, и потому нѣтъ надежды, чтобы кто сыну своему предназначилъ трудный путь наукъ, и потому скоро развращаются и дѣлаются неспособными къ прилежанію и занятію трудною наукою; купечество, имѣя въ виду только пріобрѣтеніе богатства, ведетъ дѣтей своихъ особою дорогою, пріучая ходить съ обозами, закупать въ Якутскѣ бѣлку, лисицъ, соболей, отвозить ихъ въ Ирбить, и оно довольно, ежели 14-лѣтній мальчикъ преодолѣваетъ трудности дальней дороги". До послѣдняго времени грамотность въ Сибири развита слабо. Въ Сибири есть цѣлыя волости, неумѣющія ни читать, ни писать, и только немногіе имѣютъ понятіе о томъ, что дѣлается за ихъ околицей. Еще недавно въ Сибири были безграмотные священники, отправлявшіе службу на память. До какой степени распространены здѣсь суевѣрія, свидѣтельствуютъ слѣдующіе опубликованные мѣстной этнографіей факты. Такъ, напримѣръ, въ дневникѣ Тюменцова, домашняго секретаря Трескина, а впослѣдствіи члена совѣта главнаго правленія, слѣдовательно самой интелигентной личности по положенію, подъ 1819 годомъ записано: „Мая 21 докладывано губернатору, что лѣшій въ старомъ генералъ-губернаторскомъ домѣ

Digitized by Google

давилъ часового. Происшествіе случилось пополудни въ 6 часовъ. Солдатъ сказывалъ, что сначала приходили къ нему военный офицеръ, потомъ старикъ, который, попотчивавъ его табакомъ, просилъ сдѣлать на караулъ, что часовой исполнилъ, но старикъ не былъ этимъ доволенъ и ударилъ его по щекѣ. Затѣмъ полѣзли изъ-за старика маленькіе, безобразные чертенята. Они напали на бѣднаго солдата и издавили его, и онъ въ вечеру отправленъ въ лазаретъ. Преданіе говоритъ, что въ намѣстническомъ домѣ давно показывались разныя привидѣнія: то старикъ съ тремя глазами, то волкъ съ пламенною пастью, то криворотый паперець и т. п. Въ полночь отворялись двери, подъ поломъ бренчали кандалы, выходилъ Леццано и проч. Въ маѣ-же часовой отъ казначейства видѣлъ въ старомъ намѣстническомъ домѣ носимую большую свѣчу съ огнемъ, а другой, стоявшій на противной сторонѣ, былъ осыпанъ камнями и видѣлъ человѣка въ бѣлой рубахѣ". Иркутская духовная семинарія, этотъ единственный вертоградъ высшей сибирской интелигенціи, какъ нынѣ, такъ и прежде, по своей замкнутости и по схоластическому направленію науки, не имѣла и не могла имѣть живого вліянія на умственное развитіе иркутскаго общества. Но все-таки въ прежнее время, при жалкомъ состояніи губернской гимназіи, при отсутствіи интелигентнаго класса въ обществѣ, наиболѣе любознательные граждане иркутскіе, повидимому, интересовались нѣсколько и семинарскимъ ученіемъ. Впрочемъ, и тутъ для нихъ, кажется, только и были интересны какія-нибудь высокоторжественныя выраженія семинарскихъ музъ или описанія какихъ-нибудь особенныхъ случаевъ, въ родѣ посѣщенія семинаріи сенаторомъ, и т. п. Самостоятельная умственная работа и критическое отношеніе къ дѣйствительной жизни въ сибирскомъ обществѣ, какъ и вообще во всемъ русскомъ обществѣ, въ началѣ XIX вѣка, разумѣется, были даже немыслимы. Граждане иркутскіе тогда еще безъ разбору и съ одинаковымъ вкусомъ читали и усвояли какъ оптимистическія, такъ и кое-какія критическія статьи разныхъ сочинителей. Они увлекались всякимъ забавнымъ балагурствомъ, всякими смѣхотворными изрѣченіями и потѣшными афоризмами, имѣвшими нѣкоторую претензію на юморъ или сарказмъ, всякими пѣснями и одами, отзывавшимися хотя-бы самыми слабыми сатирическими тенденціями. Объ общественной жизни городовъ восточной Сибири историкъ замѣчаетъ, что въ западной

Digitized by Google

Сибири, въ устькаменогорской крѣпости, общественная жизнь даже, какъ видно, была живѣе иркутской, а Устькаменогорскъ, надо замѣтить, походилъ на ту линейную крѣпостцу, которая описана у Пушкина въ „Капитанской дочкѣ". Въ самой столицѣ Сибири, въ Иркутскѣ, въ этомъ центрѣ сибирской интелигенціи, общественная жизнь была такъ-же дика, какъ и на далекихъ окраинахъ Востока. Н. П. Булатовъ, современникъ Трескина и Сперанскаго, характеризуетъ ее слѣдующимъ образомъ: „Въ старину, я помню, здѣсь въ общественной жизни была совершеннѣйшая дичь. Раздѣленіе половъ было чрезвычайное, не только въ купеческомъ, но даже въ чиновничьемъ классѣ. Если вы только знакомый или даже родственникъ хозяину дома, но не близкій, то вы могли быть съ нимъ тридцать лѣтъ знакомы, и никого не видѣть изъ его женскаго семейства. Бывало соберутся на вечеръ,—даже не на простой, а на парадный, съ танцами; мужчины сидятъ въ одной комнатѣ, женщины—въ другой, и никто ни слова: слышно, какъ муха пролетитъ. Начинаются танцы: кавалеръ съ дамой двигаются молча, какъ маріонетки. Вздумали вы поговорить съ своей дамой,—слышите отъ нея односложныя „да и нѣтъ"; а если вы усиливаетесь разговаривать, то увидите, что какая-нибудь маменька или тетушка подойдетъ къ вашей дамѣ и скажетъ: „поѣдемъ, Дуняша; пора домой". Вы упрашиваете, чтобы, по крайней мѣрѣ, позволили кончить танецъ. Вамъ отвѣчаютъ: „нѣтъ, батюшка, намъ здѣсь не компанія". Съ пріѣздомъ Сперанскаго общественная жизнь оживилась, начались праздники, вечера. Они внесли въ нашу житейскую обстановку новый элементъ. Разумѣется, при общей покорности Сперанскому, принято безпрекословно и это нововведеніе. Бывали и скандалы, — не грубые скандалы, а такъ, разныя недоразумѣнія, скорѣе слѣдствіе нашей дикости взглядовъ на все новое. Съ его времени мы стали видѣть новыхъ людей; а прежде, бывало, если по улицѣ пройдетъ человѣкъ съ крестикомъ, то за нимъ навѣрное бѣгутъ ребятишки". Самъ Сперанскій въ одномъ письмѣ къ дочери изъ Сибири такъ описывалъ соціальный складъ и характеръ сибирскаго общества: „Сибирь есть просто Сибирь, т. е. прекрасное мѣсто для ссылочныхъ, выгодное для нѣкоторыхъ частей торговли, любопытное и богатое для минералогіи, *но не мѣсто для жизни и высшаго гражданскаго образованія*. Худое управленіе сдѣлало изъ Сибири сущій вер-

Digitized by Google

тепъ разбойниковъ. Едва вѣрятъ здѣшніе обыватели, что они имѣютъ нѣкоторую степень свободы и могутъ безъ спроса и дозволенія собираться, танцовать или ничего не дѣлать. Мы впервые завели здѣсь общественныя собранія, и на собраніяхъ этихъ я, напримѣръ, польскій веду съ старухой, одѣтой въ глазетовой юбкѣ и шушунѣ и повязанной платкомъ. У васъ спектакли, а у насъ своего рода маскарады: это сущая исторія всѣхъ нашихъ дикихъ костюмовъ. Тутъ китайцы, японцы, алеуты, шаманы, и Богъ знаетъ чего тутъ нѣтъ, и все одѣто съ большою точностью. *Умнаго разговора въ обществѣ почти нѣтъ никакого.* Я привыкъ здѣсь къ уединенію, *не съ кѣмъ слова промолвить.* Словцовъ, одинъ здѣсь умный и нѣкогда острый человѣкъ, болѣнъ и старъ: это потухающій огонекъ, который изрѣдка только вспыхиваетъ... Какое невыносимо-тяжелое положеніе! три почти года не слышать ни одной ноты, прибавь къ сему—*ни одного почти умнаго слова,* три года ни разу съ удовольствіемъ не смѣяться. Видѣлъ я здѣсь на балѣ у тобольскаго губернатора и *женское общество; сурокъ да кротъ, да двѣ-три набожныя лани*". Таково было мнѣніе перваго образованнаго человѣка своего времени о сибирскомъ обществѣ и его жизни.

При господствѣ эгоистическихъ, кулачески-пріобрѣтательныхъ и семейно-родовыхъ интересовъ, въ сибирскихъ городскихъ обществахъ крайне недостаточно было развитіе общественной солидарности, соціальнаго общежитія. Напримѣръ, о городѣ Нерчинскѣ иркутскій епископъ Михаилъ писалъ въ 1821 году: „тамошніе граждане *столь-же несогласны въ сердцахъ своихъ,* какъ домы ихъ разсажены на большихъ разстояніяхъ, подобно гнѣздамъ луковинымъ".

О жизни и физіономіи Иркутска послѣ Сперанскаго мы можемъ судить по одному любопытному памятнику 1827 г., имѣющемуся у насъ въ рукахъ: „Внѣшность города крайне непривлекательная: ветхіе дома выходили на улицу углами, иные задними, надворными стѣнами, иные полуразвалившимися сараями; неуклюжіе и дырявые тротуары существовали только на двухъ улицахъ; берегъ Ангары, великолѣпный по своему мѣстоположенію, начиная отъ тріумфальныхъ воротъ до сибирскаго дворца, заваленъ былъ мусоромъ". Этотъже путешественникъ передаетъ свои впечатлѣнія, произведенныя

Digitized by Google

на него городомъ, такъ: „Я не слыхалъ нигдѣ ни одного *музыкальнаго звука*, ни одной рулады вокальнаго *пѣнія*. Все было тихо, какъ въ пустой храминѣ, только изрѣдка, въ торговыхъ домахъ, звучали цѣпи сторожевыхъ собакъ и раздавался тревожный набатъ *поколотки*. Если случались *запоздалые дрожки*, то они мчались по пустой улицѣ опрометью и моментально исчезали во дворѣ за массивными воротами. Потомъ снова воцарялась могильная тишина—и какая-то безотчетная тоска закрадывалась въ мою душу". Практически-узкій и эгоистически-дѣловой характеръ иркутскаго общества довольно хорошо обрисованъ однимъ мѣстнымъ поэтомъ тогдашняго времени:

„У насъ пока въ Сибири два предмета:
Мозольный трудъ и дѣловой разсчетъ.
Всѣмъ нуженъ хлѣбъ да звонкая монета,
Такъ любознаніе кому на умъ пойдетъ.
Купецъ сидитъ, какъ филинъ, на прилавкѣ,
Его жена чаекъ съ кумою пьетъ;
Чиновный классъ хлопочетъ о *прибавкѣ*
И прочнаго гнѣзда себѣ не вьетъ.
Сегодня здѣсь, а завтра за Ураломъ,—
Кто нажился, тотъ ѣдетъ генераломъ,
Кто не съумѣлъ, тотъ съ посохомъ идетъ.
Коробочникъ несетъ *ярмо* торговли;
Его девизъ: *труды*, а не обманъ;
Онъ тоже спитъ въ тѣни наемной кровли,
Его пріютъ—походный балаганъ.
Онъ тожъ глядитъ на западъ, какъ астрономъ;
Онъ бредитъ иль Десной, иль Волгою, иль Дономъ;
Тамъ у него отчизна, тамъ родня
(И это все понятно для меня).
Приказные съ утра до поздней ночи,
Съ перомъ въ рукахъ, хлопочутъ лишь о томъ,
Какъ свесть итогъ круглѣй и покороче
Въ своемъ житьѣ до-нельзя ужь простомъ...
А тотъ, кого судьба облобызала
И гнѣздышко птенцамъ его свила,
Гласитъ: не намъ учить себя сначала,
Молоденькимъ та очередь пришла.
Съумѣлъ нажить съ немудренькимъ умишкомъ
И пенсію, и пряжку, и почетъ,

Digitized by Google

И кое-что въ наслѣдье ребятишкамъ,—
Концы-концовъ! законченъ нашъ разсчетъ... *).

Среди отсутствія всякихъ умственныхъ и общественныхъ интересовъ мѣстное общество прожило десятки лѣтъ, какъ улитка къ раковинѣ, прилипшее къ своему старому образу жизни. Его не возбуждали ни интелектуальныя, ни литературныя и эстетическія потребности. Путешественники отмѣчаютъ эту жизнь, какъ Шаттъ, Палласъ и другіе, безобразными кутежами. Одна туристка разсказывала, что, остановившись въ сибирскомъ городѣ, она увидѣла музыкальный „органъ".—Что это, у васъ играютъ? спросила она.—Нѣтъ, испорченъ, не играетъ.—Отчего?—Да въ него шампанское лили". Оказалось, что перепившіеся гости избавлялись такимъ путемъ отъ угощенія. Такова была судьба музыкальнаго инструмента на Востокѣ. Иногда эта тупая жизнь на восточной окраинѣ до того уже отупляла людей, что взглядъ и міросозерцаніе ихъ ничто не могло измѣнить, самый сильный свѣтъ и масса новыхъ впечатлѣній не поражали человѣка: онъ былъ слѣпъ и глухъ ко всему. Примѣромъ этого можетъ служить сибирскій купецъ Мальковъ, посѣтившій Петербургъ въ 60-хъ годахъ, въ то время, когда было все оживлено и одушевлено движеніемъ общественной жизни.

Что-же дѣлаетъ этотъ сибирскій выходецъ среди этого движенія? Вотъ что сообщаютъ труды алтайской миссіи о г. Мальковѣ и его воззрѣніи на Парижъ, куда случайно занесла его судьба:

„Вавилонъ, говоритъ Мальковъ,—Вавилонъ, злѣйшій древняго; котлы мяса и плотоуслажденіе всяческое; хожденіе въ воляхъ сердецъ своихъ, единый законъ, кумиръ, задача, цѣль жизни! Либерализмъ, обладающій Вавилономъ этимъ, распоряжается такъ-же вѣрно и самовластно своими поклонниками, какъ бубенъ шамана и шесты съ навернутымъ на нихъ тряпьемъ и конскимъ волосомъ—своими; фасонъ и матеріялы другіе, духъ тотъ-же. Всѣ неугомонно, тревожно, второпяхъ и угорѣлой многопопечительности, почти неестественной, пекутъ этотъ „насущный хлѣбъ свой"; и высоко всходитъ и пучится это тѣсто изъ трехъ сатей муки: тщеславія, сластолюбія и самоволія, на закваскѣ духа безвѣрія и, слѣдственно,

*) Этотъ замѣчательный памятникъ сибирской этнографіи носитъ названіе „Воспоминаніе о поѣздкѣ по восточной Сибири", А. Александрова, 1872 г.

Digitized by Google

безнравственности, глубокой, уже несознаваемой, вошедшей въ натуру тамошняго человѣка", и т. д.

Таковъ взглядъ сибирскаго купца на западно-европейскую жизнь. Можно-ли видѣть въ немъ русскаго человѣка нашего времени? Все это напоминаетъ скорѣе тупыхъ баръ временъ Котошихина, которые боялись, какъ чумы, сношенія съ западно-европейскимъ міромъ. Этотъ Мальковъ, подвиги благотворительности котораго прославлены, изъ Ниццы вывезъ только на память войлочную шляпу, и то нашелъ, что она не принадлежитъ созданію новѣйшей цивилизаціи, такъ-какъ татары, бухарцы и хивинцы носятъ такія-же шляпы. Онъ-же обратился къ благотворительности не подъ вліяніемъ какихъ-нибудь гуманныхъ или христіанскихъ побужденій, а потому, что ему сказала томская юродивая Домна Карповна, что „на него будетъ падать дѣло, отъ котораго онъ не смѣетъ отказаться", и дала записочку, повторяя: „Бія, Бія... будешь съ хозяйками богатыми", и тому подобную чушь. Это прорицаніе сибирской кликуши рѣшило судьбу сибирскаго купца.

Сперанскій, явившись реформаторомъ въ Сибирь, думалъ хоть чѣмъ-нибудь оживить эту жизнь, всколыхнуть ее. Занимаясь составленіемъ для нея законовъ, онъ посѣщалъ общества, дѣлалъ вечера, прививалъ вкусы и потребности соціальнаго общежитія. Сперанскій, видимо проникнутый господствовавшимъ тогда въ образованномъ рускомъ меньшинствѣ сантиментально-филантропическимъ духомъ, считалъ первымъ долгомъ учредить и въ Сибири эти примитивные „образчики филантропіи"—такія-же благотворительныя, человѣколюбивыя общества, какія учреждались тогда и въ Россіи, по примѣру и образцу императорскаго человѣколюбиваго общества. Въ то-же время онъ и въ самомъ обществѣ сибирскомъ, особенно въ купечествѣ, всѣми мѣрами возбуждалъ чувства и наклонности къ общественной благотворительности, поручая думамъ городскимъ призывать общество къ „дѣламъ человѣколюбія и милосердія". Учрежденіемъ человѣколюбивыхъ обществъ въ Сибири онъ особенно интересовался. Далѣе, чтобы начать уничтоженіе общественныхъ золъ въ Сибири въ самомъ ихъ корнѣ—невѣжествѣ народномъ,—Сперанскій обратилъ вниманіе и на дѣло народнаго образованія. Онъ учредилъ въ Иркутскѣ ланкастерскую школу, заставлялъ уѣздныя начальства и общества заводить сельскія училища, въ своихъ сибирскихъ учрежденіяхъ и уставахъ постановилъ учре-

Digitized by Google

ждать школы не только у казаковъ и кочевыхъ инородцевъ, но и въ полудикой киргизской степи, наконецъ поддерживалъ мысль объ учрежденіи въ Сибири „училища высшихъ наукъ", т. е. мѣстнаго университета, а также хлопоталъ, хотя и безуспѣшно, о заведеніи въ Сибири „ботаническаго сада". Какъ ни были, однакожь, велики усилія Сперанскаго, но вліяніе и дѣятельность его не оставили въ жизни Сибири никакихъ слѣдовъ по многимъ обстоятельствамъ. Въ книгѣ г. Вагина о Сперанскомъ приведены многіе отзывы современниковъ и одинъ изъ нихъ говоритъ: „правленіе Сперанскаго въ Сибири *ничѣмъ незамѣчательно*; была только запутанность и неразборчивость, цѣлые возы просьбъ увезены, а нѣкоторыя даже не прочитаны" (Извѣст. спб. отдѣла, т. V, 1874 г., с. 41). Сибиряки также не поняли Сперанскаго. Они, какъ видно изъ отзывовъ современниковъ, отдавали и отдаютъ до сихъ поръ предпочтеніе Трескину, который имѣлъ на послугахъ Лоскутова, свирѣпствовавшаго при пестелевскомъ управленіи Сибирью, распространилъ взяточничество, жена котораго продавала мѣста засѣдателямъ, который наполнялъ Иркутскъ ужасами, но настроилъ въ Иркутскѣ „ретирады" и пробовалъ пріучить бурятъ къ земледѣлію. Такъ тупо относилось большинство сибирскаго населенія къ реформѣ Сперанскаго, замѣчаетъ историкъ. „А послѣ него все пошло по-старому", замѣтилъ одинъ изъ современниковъ, передавая свой разсказъ г. Вагину о Сперанскомъ. Конечно, Сперанскій, въ роли организатора, ничего не могъ сдѣлать тамъ, гдѣ нужно было прежде разчистить черноземную почву и потомъ уже сѣять. Онъ безсиленъ былъ создать и гражданскіе идеалы для этого общества и поднять его умъ. Для этого нужны были громадныя образовательныя средства. Съ отъѣздомъ его всѣ лучшія его начинанія рухнули и грязная волна, случайно всколыхнутая, опять пришла въ свое прежнее стоячее положеніе. Если, по словамъ Сперанскаго, и въ Россіи, и въ Петербургѣ остались излишними всѣ его желанія и предположенія „сдвинуть грубую толщу, которую никакъ съ мѣста сдвинуть не можно", то тѣмъ болѣе трудно было ему разшевелить азіятскую косность сибирскаго общества, вдругъ смягчить, гуманизировать эту непроходимую дичь (Извѣст. сибир. отдѣла, № 1, т. 5, 1874 г., ст. 42). Такими-же настроеніе и жизнь сибирскаго общества остаются до послѣдняго времени. Прочитавъ матеріялы г. Вагина о прежней Сибири,

Digitized by Google

многіе, знающіе настоящую жизнь, замѣтили: „И теперь недалеко ушли!“

Такимъ образомъ, три крупные факта намъ приходится отмѣтить въ жизни сибирскаго населенія: перерожденіе народности, съ потерею многихъ прежнихъ качествъ и съ пріобрѣтеніемъ новыхъ; упадокъ культуры, отсталость Востока въ умственной и общественной жизни, полный застой и преобладаніе эгоистически-индивидуальныхъ интересовъ надъ общественными. Умъ, энергія, практическое воззрѣніе на жизнь, отвага и предпріимчивость сибиряка, воспитанные въ немъ суровыми уроками тяжелой колонизаціонной дѣятельности, такъ и застыли въ своихъ первоначальныхъ грубыхъ формахъ. Ихъ не коснулась еще прогресивная сила знанія, ихъ не развивали историческія обстоятельства, ихъ не осмыслила и не возбудила ни одна соціальная и гражданская реформа, ихъ не вызвалъ къ жизни ни одинъ великій преобразовательный умъ. Это тотъ-же пустынный и дикій край, который нѣкогда такъ сильно поразилъ Сперанскаго своимъ своеобразнымъ характеромъ. Вотъ что разсказываетъ намъ мѣстная этнографія. Безпомощное положеніе этого края, при самыхъ богатыхъ задаткахъ жизни, ясно показываетъ, какъ необходимо ему развитіе. Оно необходимо и неотложно, какъ сохраненіе русской народности на Востокѣ, которая безъ цивилизаціи и знанія оказывается здѣсь слабою и безсильною воспользоваться всѣми выгодами, какія даетъ ей край богатый и привлекательный, могущій открыть обширное поле для предпріимчивости, дѣятельности и способностей.

Н. Ядринцевъ.

Digitized by Google

ПРОЕКТЪ ТЮРЕМНОЙ РЕФОРМЫ ВО ФРАНЦІИ.

IV.

Изложивъ въ предыдущихъ главахъ сущность тѣхъ предположеній, къ которымъ привела законодательная разработка проекта о преобразованіи тюремъ во Франціи, мы перейдемъ теперь къ разбору нѣкоторыхъ сторонъ этого труда, которыя составляютъ интересъ для насъ, русскихъ, потому уже, что онѣ затронуты и въ нашемъ проектѣ тюремной реформы.

Прежде всего останавливаетъ на себѣ вниманіе во французскомъ проектѣ устраненіе общности реформы. „Всего разомъ не сдѣлаешь, разсуждаетъ комисія;—высшее наказаніе едва только установлено въ видѣ ссылки въ Новую Каледонію; среднесрочныя тюрьмы хотя и не удовлетворяютъ исправительной цѣли, но ихъ трогать пока нельзя; болѣе-же всего нуждаются въ преобразованіи тюрьмы мѣстныя, какъ по несообразности ихъ устройства съ общими тюремными условіями, такъ и потому, что въ нихъ содержится наибольшее число арестантовъ, и что поэтому общество болѣе всего заинтересовано ихъ правильнымъ устройствомъ,—слѣдовательно, начнемъ съ нихъ".

Замѣчательно сходство, существующее въ этомъ отношеніи между нами и Франціею: роль Новой Каледоніи играетъ у насъ Сахалинъ, на который наши криминалисты возводятъ свои взоры, какъ на самое подходящее мѣсто ссылки и отправленія каторжныхъ работъ; то, что во Франціи говорится о тюрьмахъ центральныхъ, можно отнести въ Россіи къ арестантскимъ ротамъ и исправительнымъ отдѣленіямъ: они неудовлетво-

Digitized by Google

рительны, но даютъ возможность содержать и занимать работою значительное количество среднесрочныхъ арестантовъ. Затѣмъ наши остроги находятся въ положеніи тюремъ департаментскихъ, если только не хуже. Въ нихъ сосредоточены краткосрочные и подслѣдственные; многія изъ острожныхъ зданій приходятъ въ окончательное разрушеніе; наконецъ, наши остроги представляютъ собою школу для рецидивистовъ, тѣмъ болѣе, что повтореніе преступленій выпущенниками арестантскихъ ротъ не столь чувствуется и его трудно даже прослѣдить, по причинѣ высылки ихъ, за непринятіемъ обществами, на поселеніе въ Сибирь. Сходство положенія въ обѣихъ странахъ поразительное.

По какому-же пути идетъ въ Россіи преобразовательная работа?

Послѣ значительныхъ колебаній и подготовленій въ дѣлѣ проектированія новаго законодательства появился въ 1869 году такъ-называемый проектъ объ исправительныхъ тюрьмахъ. Авторъ этой статьи тоже заявлялъ свое убѣжденіе, что обобщить реформу чрезвычайно трудно.

Устройство каторжнаго наказанія, собственно говоря, выходитъ изъ объема тюремной реформы. Какъ-бы ни слагались теоретическія воззрѣнія на вопросъ, но центральность расположенія каторжныхъ тюремъ у насъ не можетъ быть допущена по весьма простому соображенію. Если допустить устройство этихъ заведеній по одному на нѣсколько губерній, въ центрѣ тюремнаго округа, то надо отказаться отъ пріуроченія арестантскаго труда къ разработкѣ естественныхъ богатствъ страны: изъ тюремъ каторжныхъ придется сдѣлать тюрьмы фабричныя или ремесленныя, нѣчто въ родѣ германскихъ цухтгаузовъ. Устройство каторжной тюрьмы должно обусловливаться не центральнымъ расположеніемъ ея въ територіяльномъ округѣ, а пріуроченіемъ къ извѣстному производству, по возможности не ремесленному; гдѣ такія работы найдутся, тамъ и быть каторгѣ. Естественнымъ послѣдствіемъ такого общаго воззрѣнія на вопросъ является необходимость соединенія каторжнаго наказанія съ высылкою изъ мѣста жительства и совершенія преступленія. Мы не хотимъ этимъ сказать, что признаемъ одну лишь Сибирь способною доставлять намъ работы для каторжныхъ. Работы эти могутъ найтись въ значительныхъ размѣрахъ и въ европейской Россіи: разработка антрацита въ екатеринославской губерніи и области Войска Дон-

Digitized by Google

ского, лигнита въ тульской губерніи, мѣдныхъ рудниковъ на Уралѣ, наконецъ, въ случаѣ надобности, гранита въ Финляндіи и каменноугольныхъ копей въ Царствѣ Польскомъ—вотъ тѣ исходныя точки для устройства каторги, которыя съ перваго раза представляются изслѣдователю. Предпринятая постройка тюремъ и возобновившаяся добыча серебра въ нерчинскихъ рудникахъ имѣютъ цѣлью сосредоточить только тѣхъ преступниковъ, которые приговариваются къ этому наказанію въ Сибири. Но, во всякомъ случаѣ, приговоренный къ каторгѣ долженъ быть безусловно оторванъ отъ прежней своей среды: отбывъ тюремное наказаніе, онъ не вернется уже болѣе въ эту среду, его ожидаетъ поселеніе въ отдаленной странѣ, можетъ быть, на Сахалинѣ или въ Приуссурійскомъ краѣ. Способы поселенія этого входятъ также въ организацію каторжнаго наказанія въ общемъ его значеніи. Но вѣдь недостаточно, что преступникъ будетъ выдержанъ на работахъ втеченіи извѣстнаго срока и затѣмъ высланъ въ отдаленную мѣстность; надо, чтобы на мѣстѣ высылки онъ нашелъ кровъ и чтобы поселенія служили къ дѣйствительному водворенію и его, и его семейства, и его потомковъ въ томъ краѣ, гдѣ они устраиваются. Между тѣмъ эта дополнительная сторона каторжнаго наказанія до настоящаго времени ни въ одномъ изъ тюремныхъ проектовъ не разработана, потому что тюремнаго вопроса она не касается.

Все это нами приведено для того, чтобы доказать, что вопросъ о каторжномъ наказаніи не составляетъ органической части тюремной реформы. Собственно говоря, реформа эта должна касаться того контингента преступниковъ, которые изъ тюрьмы возвращаются къ себѣ домой, и, такимъ образомъ, должны составлять часть мѣстной общественной массы, а не оторванную отъ этой массы отдаленную колонію. Нѣтъ сомнѣнія, что преобразованіе нашей каторги есть вопросъ насущный, тѣмъ болѣе важный, что съ нимъ соединяется судьба такого обширнаго края, какъ Сибирь, но несвязанный органически съ тюремной реформой, и потому подлежащій самостоятельной обработкѣ. Въ этомъ отношеніи мы позволимъ себѣ указать на французскій пріемъ выдѣленія устройства каторжнаго наказанія въ особую проектную работу. Думаемъ, что подобный способъ веденія дѣла и у насъ былъ-бы болѣе подходящимъ.

Digitized by Google

Переходимъ къ среднесрочнымъ тюрьмамъ, т.-е. исправительнымъ отдѣленіямъ и арестантскимъ ротамъ. Чѣмъ отличаются эти установленія отъ прочихъ нашихъ тюремъ? Тѣмъ, что арестантскія работы производятся не только внутри тюремныхъ зданій, но и внѣ ихъ, по нарядамъ на городскія уличныя работы или по найму. Въ прежнее время въ нихъ существовало подобіе воинской дисциплины, но, съ переформированіемъ личнаго состава и управленія въ 1868 году, это измѣнилось. Однако, строгость содержанія, введенная въ прежнее время въ большей части этихъ заведеній, осталась въ той-же силѣ. Помѣщеній въ нихъ мало: на 6,342 мѣста въ 32 ротахъ имперіи оказывалось 1 апрѣля 1870 года—6,760, 5 января 1871 г.—6,773, 5 іюля того-же года—6,311 и 5 октября 1872 г.—7,995 человѣкъ. Ясно, что ротное населеніе значительно превышаетъ вмѣстимость зданій.

При всемъ томъ роты составляютъ самыя цѣлесообразныя тюремныя заведенія изъ существующихъ въ Россіи: въ нихъ арестанты, по крайней мѣрѣ, заняты работою,—слѣдовательно, не предаются праздности и имѣютъ заработки, изъ которыхъ двѣ трети отчисляются по закону въ государственный земскій сборъ, а одна треть составляетъ спеціальный ротный капиталъ, превышающій въ итогѣ своемъ нѣсколько десятковъ тысячъ. Былъ даже сдѣланъ опытъ пріуроченія арестантскихъ работъ къ государственнымъ сооруженіямъ: втеченіи нѣсколькихъ лѣтъ сряду арестанты употреблялись для устройства земляного полотна при сооруженіи желѣзныхъ путей. Это также дало значительные заработки, послужившіе къ образованію особаго капитала. Сомнѣнія нѣтъ, что исправительная цѣль этими тюрьмами не достигается; однакожь, онѣ имѣютъ то преимущество, что въ нихъ арестанты заняты, имѣютъ заработки и не въ такой степени подвергаются деморализаціи,—неизбѣжной при всякомъ лишеніи свободы,—какъ праздные и ничѣмъ незанятые арестанты острожнаго заключенія. Разумѣется, повсемѣстное введеніе внутреннихъ въ тюрьмахъ работъ очень желательно, но нельзя не предвидѣть, какъ трудно будетъ найти работу для 8,000 арестантовъ, къ которымъ должно еще присоединить бо̀льшую часть ссыльныхъ, которые, за отмѣною ссылки, должны подвергаться исправительному наказанію. Въ виду всего этого можно-бы было пока не приступать къ окончательной реформѣ ротныхъ порядковъ, такъ-какъ есть

Digitized by Google

тюрьмы, гораздо болѣе нуждающіяся въ преобразованіи. Что касается распредѣленія излишка противъ помѣстительности нынѣ существующихъ зданій, то для размѣщенія его слѣдовало-бы устроить новыя отдѣленія, и притомъ со всѣми приспособленіями, проектируемыми для среднесрочныхъ тюремъ. Изъ этого, однакожь, не слѣдуетъ, что всѣ роты должны немедленно войти въ сѣть проектируемыхъ преобразованій. Дѣйствительная необходимость въ новыхъ помѣщеніяхъ должна быть главнымъ руководящимъ началомъ, а такъ-какъ при существованіи ротъ значительная часть приговоренныхъ къ этому наказанію находитъ себѣ въ нихъ помѣщеніе, то забота о реформѣ ротной жизни можетъ быть признана не первостепенною.

Болѣе всего нуждающимися въ реформѣ представляются городовые остроги, въ которыхъ сосредоточены арестанты краткосрочные и подслѣдственные. Для обѣихъ категорій во всѣхъ послѣднихъ законодательныхъ трудахъ проектируется келейное содержаніе и, слѣдовательно, всѣ остроги должны быть перестроены по этой системѣ. Принципъ отдѣленія слѣдственныхъ отъ осужденныхъ долженъ всегда служить руководящимъ началомъ при устройствѣ краткосрочныхъ тюремъ въ губернскихъ городахъ. Но при существующихъ у насъ разстояніяхъ и несовершенствѣ путей сообщенія, во многихъ мѣстахъ придется выдерживать приговоренныхъ къ каторжному заключенію въ уѣздныхъ тюрьмахъ, по мѣсту производства надъ ними суда. Въ дѣйствительности выдѣленіе слѣдственныхъ въ особыя тюрьмы не представляется безусловно необходимымъ: и тѣ, и другіе—и слѣдственные, и краткосрочные—подлежатъ одиночному содержанію, а при этой системѣ ничто не мѣшаетъ заключать ихъ въ одно и то-же зданіе городового острога, гдѣ они, при строго-келейномъ заключеніи, другъ съ другомъ встрѣчаться не могутъ.

Вотъ тѣ соображенія, по которымъ въ 1869 году предлагалось, оставивъ покуда каторжныя и среднесрочныя тюрьмы въ сторонѣ, заняться прежде всего проектированіемъ условій заключенія сначала краткосрочнаго, а потомъ предварительнаго. Проектъ объ исправительныхъ тюрьмахъ былъ первою частью этого труда, за которою должна была слѣдовать работа о слѣдственныхъ мѣстахъ заключенія. Во время составленія проекта одиночное заключеніе въ принципѣ отвергалось, какъ наказаніе, не-

Digitized by Google

соотвѣтственное природѣ русскаго человѣка. Вся работа была построена на тѣхъ началахъ, которыя въ видѣ опыта введены были въ 1868 году въ московской и петербургской исправительныхъ тюрьмахъ, т. е. на предположеніи обязательныхъ для всего арестантскаго контенгента работъ и отдѣльнаго заключенія каждаго арестанта въ ночное время. Обѣ тюрьмы въ сравненіи съ прежними нашими мѣстами заключенія казались на-столько лучше, что составители проекта увлечены были этимъ сравненіемъ и видѣли въ новой тюрьмѣ значительный прогресъ тюремнаго дѣла. Между тѣмъ результаты произведенныхъ въ обѣихъ тюрьмахъ опытовъ были въ то время слишкомъ еще неопредѣленны, чтобы привести къ какимъ-либо окончательнымъ убѣжденіямъ. Хотя порядокъ, введенный въ двухъ перестроенныхъ тюрьмахъ, представлялъ значительный прогресъ противъ прежде существовавшаго, но онъ не могъ еще служить для обобщенія. Послѣдствія показали, что и при этомъ порядкѣ масса рецидивистовъ весьма значительна: въ Петербургѣ она была всегда больше, чѣмъ въ Москвѣ; но это происходило оттого, что въ петербургскую тюрьму поступали сначала одни только приговоренные къ тюремному заключенію мировыми судьями, а въ Москвѣ содержались присужденные къ смирительному или рабочему дому; люди послѣдней категоріи въ значительномъ числѣ случаевъ не принимались потомъ обществами и высылались изъ Москвы, тогда-какъ петербургскіе выпущенники всею массою оставались на мѣстѣ, и, представляя собою тотъ контингентъ, изъ котораго именно и набираются рецидивисты, безпрестанно поступали въ тюрьму по второму и по третьему разу. Есть даже такіе, которые за 5 лѣтъ перебывали въ тюрьмѣ 6 разъ. Эта масса рецидивовъ убѣдила комисію по тюремной реформѣ, что система, введенная въ видѣ опыта, для краткосрочныхъ неудобна. Поэтому дальнѣйшая проектная работа была направлена ко введенію для краткихъ сроковъ (до 8 мѣсяцевъ) келейнаго содержанія. Тѣмъ не менѣе заявленное въ проектѣ 1869 года мнѣніе о необходимости заняться немедленнымъ преобразованіемъ тѣхъ тюремъ, въ которыхъ сосредоточены арестанты низшихъ категорій, имѣетъ и до настоящаго времени свое практическое значеніе. Къ сожалѣнію, стремленіе къ обобщенію дѣла взяло перевѣсъ и дальнѣйшія законодательныя работы сосредоточива-

Digitized by Google

ютъ уже въ одномъ трудѣ и одномъ разсчетѣ всѣ виды тюремнаго заключенія. Но чтобы судить, къ чему такое обобщеніе ведетъ, интересно взглянуть на этотъ предметъ съ другой точки зрѣнія, воспользовавшись имѣющимися подъ рукою статистическими данными.

Чтобы опредѣлить приблизительную стоимость реформы, необходимо прежде всего выяснить, сколько человѣкъ содержится въ нашихъ тюрьмахъ и на какое, слѣдовательно, число мѣстъ должны быть устроены новыя помѣщенія, согласно проектируемымъ условіямъ реформы. Имѣя въ виду цифры тюремнаго населенія имперіи и опредѣливъ стоимость нормальной постройки или перестройки на каждаго арестанта, придется только помножить одно число на другое, чтобы составить болѣе или менѣе точное понятіе о томъ приблизительномъ капиталѣ, который необходимъ для приведенія всѣхъ нововведеній въ исполненіе.

Въ свѣденіяхъ, сообщенныхъ географическому обществу въ прошедшемъ году и добытыхъ подробною, однодневною переписью тюремнаго населенія, общій итогъ арестантовъ, за исключеніемъ тюремъ восточной Сибири (въ томъ числѣ каторжныхъ), туркестанскаго края и таганрогскаго градоначальства опредѣлялся въ 70,449 человѣкъ. Но эта цифра не представляетъ еще собою полнаго комплекта, на который необходимы новыя тюрьмы. Къ ней слѣдуетъ прибавить какъ тѣхъ заключенныхъ, свѣденія о которыхъ получены позже, такъ и тѣхъ, которые до настоящаго времени шли въ Сибирь на поселеніе или житье, но съ отмѣной судебной ссылки будутъ подлежать содержанію въ тюрьмахъ. Такимъ образомъ, необходимо будетъ прибавить: арестантовъ восточной Сибири, туркестанскаго края и таганрогскаго градоначальства, переписанныхъ въ день 5-го октября 1872 года—10,358; переписанныхъ въ тотъ-же день въ полицейскихъ мѣстахъ заключенія, но подлежащихъ содержанію въ тюрьмахъ—4,638; имѣющій образоваться, съ прекращеніемъ ссылки на поселеніе, дополнительный комплектъ срочныхъ арестантовъ, по трехлѣтней сложности, ссылаемыхъ на житье и поселеніе—6,729; итого 21,725 чел. А всего съ прежнею цифрою общій арестантскій комплектъ въ имперіи опредѣлится 92,174 арестантами.

Если теперь распредѣлить эту массу людей между главнѣй-

Digitized by Google

шими категоріями, устанавливаемыми какъ нашимъ, такъ и французскимъ (весьма подходящимъ къ нашему) проектами, то потребность тюремныхъ помѣщеній представится въ слѣдующемъ видѣ: для нашихъ каторжныхъ необходимо до 12 тысячъ помѣщеній; для среднесрочныхъ до 16 тысячъ помѣщеній; для краткосрочныхъ до 20 тысячъ помѣщеній; для, подлежащихъ заключенію въ мѣстныхъ, уѣздныхъ тюрьмахъ 44 тысячи помѣщеній; а именно: слѣдственныхъ и подсудимыхъ 30 тысячъ помѣщеній; пересыльныхъ—до 9 тысячъ; долговыхъ, содержимыхъ по приговорамъ обществъ, по распоряженіямъ родителей и развратныхъ женщинъ до $1^1/_2$ тысячи помѣщеній; военныхъ и другихъ лицъ до 2 тысячъ помѣщеній; арестантскихъ дѣтей свыше $1^1/_2$ тыс. помѣщеній; всего требуется—92 тысячи помѣщеній.

Въ этомъ распредѣленіи цифра идущихъ теперь на поселеніе раздѣлена пополамъ между тюрьмами каторжными и среднесрочными. Такое распредѣленіе основано на томъ соображеніи, что комплектъ, теперь приговариваемый къ ссылкѣ на поселеніе, съ отмѣною ея будетъ поступать или на кратчайшіе сроки каторги, или на самые продолжительные сроки въ исправительный домъ.

Не надо увлекаться надеждою, чтобы цифры эти, вслѣдствіе реформы судебной и ожидаемой тюремной, значительно сократились. Дѣйствительно, со времени введенія первой изъ этихъ реформъ количество лицъ, подвергаемыхъ предварительному аресту во время производства слѣдствія, начинаетъ нѣсколько уменьшаться. Это слѣдуетъ приписать прежде всего расширенію правъ слѣдователя при выборѣ мѣры для пресѣченія обвиняемому способовъ уклоняться отъ суда. Въ былое время наши слѣдователи каждаго обвиняемаго, немедленно по допросѣ, а часто и передъ допросомъ, отправляли въ тюрьму. Затѣмъ все слѣдствіе производилось безъ присутствія обвиняемаго, который въ большей части случаевъ и не зналъ вовсе, въ какомъ положеніи находится его дѣло. Производство тянулось мѣсяцами, иногда годами; бывали случаи, что арестанты не доживали до суда, а умирали въ тюрьмахъ, состоя подъ слѣдствіемъ; по одному извѣстному намъ дѣлу обвиняемый просидѣлъ въ тюрьмѣ 28 лѣтъ и не дождался, чтобы его судили, а былъ освобожденъ по высочайшему повелѣнію. Со времени введенія судебной реформы слѣдователь не всегда

Digitized by Google

отправляетъ обвиняемаго въ тюрьму; онъ можетъ принять отъ него денежный залогъ, сдать его на отвѣтственность состоятельнаго поручителя, ограничиться отобраніемъ отъ него паспорта, наконецъ довольствоваться одною подпискою, которою подсудимый обязывается не уклоняться отъ суда. Притомъ и сами слѣдователи теперь люди съ большимъ образованіемъ, съ болѣе современными пріемами, относящіеся къ вопросу о лишеніи человѣка свободы болѣе осторожно, чѣмъ ихъ предшественники. Наконецъ, и то слѣдуетъ сказать, что слѣдствія теперь производятся нѣсколько скорѣе, дѣла въ судахъ сравнительно лежатъ не такъ долго, а слѣдовательно, и подсудимые не такъ долго сидятъ, дожидаясь суда, какъ сидѣли прежде. Однимъ словомъ, чему-бы ни приписывалось явленіе, но оно несомнѣнно существуетъ, число подслѣдственныхъ арестантовъ уменьшается. За то число срочныхъ ростетъ. И это надо приписать введенію новыхъ порядковъ. Прежде существовала у насъ на судѣ система формальныхъ доказательствъ. Чтобы обличить человѣка и присудить къ срочному наказанію, надо было или его сознаніе, или свидѣтельство двухъ лицъ, спрошенныхъ подъ присягою, въ томъ, что они присутствовали при совершеніи преступленія. Обвиненіе, основанное на уликахъ или косвенныхъ доказательствахъ, въ нашей старой судебной практикѣ было весьма рѣдкимъ явленіемъ. Съ судебною реформою теорія формальныхъ доказательствъ отвергнута и судъ и присяжные судятъ по совѣсти, подсудимый выходитъ изъ суда или оправданнымъ, или виновнымъ, и оставленіе въ подозрѣніи болѣе не существуетъ. Вотъ преимущественно изъ этой послѣдней категоріи, т. е. изъ такихъ подсудимыхъ, которые при прежнихъ порядкахъ оставлялись въ подозрѣніи и вслѣдъ затѣмъ освобождались изъ-подъ стражи, сталъ образовываться излишекъ срочныхъ арестантовъ въ нашихъ тюрьмахъ. Но общій комплектъ остается почти тотъ-же самый; сокращеніе въ разрядѣ обвиняемыхъ пополняется наростаніемъ въ разрядѣ срочныхъ.

Нельзя допустить, чтобы остальныя категоріи арестантовъ, на которыя мы подраздѣлили заключенныхъ уѣздныхъ тюремъ, были исключены изъ общаго разсчета. Пересыльные будутъ во всѣхъ тюрьмахъ, непредназначенныхъ для какого-либо опредѣленнаго вида заключенія, пока будетъ существовать пересылка людей правительственными средствами изъ одного мѣста въ дру-

Digitized by Google

гое. Комплектъ ихъ образуется не только изъ тѣхъ, которые теперь идутъ въ Сибирь на поселеніе или на житье; если-бы это было такъ, то съ упраздненіемъ этого рода наказанія всю цифру пересыльнаго контингента можно-бы было исключить изъ общей арестантской массы. Но и послѣ уничтоженія судебной ссылки останутся еще арестанты, отправляемые изъ мѣстныхъ тюремъ въ центральныя, въ каторжныя работы и въ предполагаемыя каторжныя колоніи, и безпаспортные, высылаемые на мѣста приписки, слѣдующіе на родину для отбытія воинской повинности и т. п. Всѣ разряды лицъ, содержащихся въ нашихъ тюрьмахъ въ качествѣ пересыльныхъ, трудно упомнить. Людей этой категоріи можно найти во всякомъ острогѣ, въ уѣздахъ единицами, въ губернскихъ центрахъ—десятками, и невозможно возводить для нихъ особыя зданія, внѣ тѣхъ мѣстъ, гдѣ они сосредоточиваются самою администраціею для дальнѣйшаго слѣдованія и распредѣленія. Уѣздная тюрьма должна непремѣнно служить, какъ депо арестантовъ всѣхъ разрядовъ, до высылки ихъ, а учреждать по нѣсколько тюремъ въ одномъ уѣздѣ не представляется никакой надобности. Тѣ-же доводы можно привести и по вопросу о долговыхъ, о содержащихся по приговорамъ обществъ и по распоряженію родителей, наконецъ, о развратныхъ женщинахъ, присылаемыхъ въ тюрьмы врачебно-полицейскимъ надзоромъ. Не говоря уже о томъ, что категоріи эти не подлежатъ исключенію изъ общей массы, пока существуютъ законы, въ силу которыхъ онѣ поступаютъ въ тюрьмы, онѣ до такой степени немногочисленны, что если-бы даже поступленіе ихъ и прекратилось, то сокращеніе общей массы содержащихся будетъ весьма ничтожное. Что касается военныхъ арестантовъ, то въ военномъ вѣдомствѣ особыя исправительныя роты и тюрьмы существуютъ только для срочныхъ; слѣдственные-же поневолѣ должны содержаться въ общихъ арестантскихъ помѣщеніяхъ, такъ-какъ помѣстительность гауптвахтъ и ордонансгаузовъ для нихъ слишкомъ недостаточна.

Остается послѣдній разрядъ, и именно тотъ, который составляетъ самую ужасную сторону тюремнаго быта: это арестантскія дѣти. Ихъ, конечно, нельзя смѣшивать съ малолѣтними преступниками. Послѣдніе совершили преступленіе или проступокъ, за который приговорены судебною властью къ наказанію; но, въ силу общаго начала относительной невмѣняемости преступныхъ

Digitized by Google

дѣйствій малолѣтнихъ, судъ присуждаетъ виновныхъ или къ наказанію въ уменьшенной мѣрѣ, или-же къ отдачѣ въ исправительный пріютъ для воспитанія. Подобные пріюты, существующіе за-границею уже съ давняго времени, въ послѣдніе годы, благодаря частной инициативѣ, стали открываться и у насъ: въ Петербургѣ, близь Пороховыхъ Заводовъ, подобное заведеніе представляетъ собою образецъ этого рода; въ Москвѣ, въ Саратовѣ дѣлаются также опыты учрежденія земледѣльческихъ колоній. Это заведенія скорѣе воспитательныя, чѣмъ тюремныя; размноженіе ихъ должно вести за собою значительное уменьшеніе преступности и рецидива. Но въ тюрьмахъ содержатся часто совершенно невинныя дѣти виновныхъ родителей, которыхъ некуда пристроить и которыя состоятъ въ мѣстахъ заключенія при отцахъ и матеряхъ. Страшно сказать, но такихъ дѣтей въ день переписи въ 1873 году было 1,761 человѣкъ. Какова должна быть основа нравственнаго воспитанія, которое дается этимъ несчастнымъ въ нашихъ тюрьмахъ? Это разрядъ, разумѣется, не тюремный, но устранить его изъ тюремъ можетъ преимущественно частная благотворительность. А пока въ тюрьмы будутъ поступать люди семейные, пока дѣти этихъ семейныхъ людей не будутъ обязательно пристраиваться въ воспитательныя заведенія, до тѣхъ поръ слѣдуетъ считать и ихъ въ общей арестантской массѣ.

Такимъ образомъ, приведенный нами комплектъ въ 44 тысячи арестантовъ, подлежащихъ содержанію въ мѣстныхъ городовыхъ острогахъ, едва-ли можетъ быть признанъ преувеличеннымъ.

Напротивъ того, разрядъ краткосрочныхъ численностью своею долженъ непремѣнно сократиться: изъ числа 20 тысячъ человѣкъ до 2,500 приговариваются мировыми судьями не къ тюремному заключенію, а къ аресту. Присужденные къ этому наказанію не должны, собственно говоря, поступать въ тюрьмы, а подлежатъ содержанію въ отдѣльныхъ арестныхъ учрежденіяхъ, устройство которыхъ съ 1866 года предоставлено земству. Во многихъ мѣстахъ арестные дома уже открыты, напримѣръ въ Москвѣ, но въ другихъ мѣстахъ, въ томъ числѣ въ Петербургѣ и Одессѣ, общественныя учрежденія до сихъ поръ не озаботились ихъ устройствомъ и приговариваемые къ аресту продолжаютъ содержаться въ тюрьмахъ и полицейскихъ арестантскихъ.

Digitized by Google

Тѣмъ не менѣе законъ 1846 рано или поздно долженъ быть выполненъ повсемѣстно и разрядъ приговоренныхъ къ аресту не долженъ поступать въ новыя краткосрочныя тюрьмы. Гораздо болѣе значительному сокращенію подвергнется комплектъ краткосрочныхъ арестантовъ вслѣдствіе введенія одиночнаго заключенія. Французскій проектъ допускаетъ подобное сокращеніе только на одну четверть срока, съ соблюденіемъ при томъ того условія, чтобы приговариваемые на сроки менѣе 3 мѣсяцевъ не пользовались вовсе сокращеніемъ. Наши законодательныя работы не ставятъ подобныхъ условій, а прямо предлагаютъ установить высшимъ предѣломъ краткосрочнаго заключенія 8 мѣсяцевъ, взамѣнъ 1 года и 4 мѣсяцевъ, составляющихъ продолжительнѣйшій размѣръ срочнаго заключенія въ тюрьмѣ по нынѣ дѣйствующему Уложенію. Такъ-какъ размѣръ этотъ сокращается на половину, то можно полагать, что и число арестантовъ въ той-же пропорціи уменьшится, т. е. что изъ остающихся за исключеніемъ приговариваемыхъ къ аресту 17½ тысячъ краткосрочныхъ, сократятся еще до 9 тысячъ, и что затѣмъ эта категорія сведется приблизительно къ 8 тысячамъ или около того. Вотъ цифра арестантовъ, которыхъ будутъ заключать въ одиночныхъ тюрьмахъ или смирительныхъ домахъ, какъ они будутъ называться послѣ тюремной реформы.

За этимъ сокращеніемъ приведенное распредѣленіе арестантовъ по разрядамъ выразится слѣдующими цифрами:

Каторжниковъ	12,000
Среднесрочныхъ.	16,000
Итого въ центральн. тюрьм.	28,000
Краткосрочныхъ	8,000
Слѣдственныхъ	30,000
Подлежащихъ, кромѣ того, заключенію въ уѣздныхъ тюрьмахъ.	14,000
Итого въ уѣздныхъ тюрьм.	52,000

А всего необходимо помѣщеній на *80,000* человѣкъ.

Такимъ образомъ, если обобщить реформу на всѣ виды тюремъ въ имперіи, то придется передѣлать и приспособить помѣщеній на 80,000 человѣкъ. Это цифра весьма значительная! Теперь у насъ имѣется помѣщеній на 65 тысячъ, но какихъ!... Построен-

Digitized by Google

ные кое-какъ, безъ всякаго примѣненія къ санитарнымъ и др. условіямъ, наши остроги крайне неудобны. Посреди каждаго этажа идутъ коридоры, въ которые съ обѣихъ сторонъ выходятъ двери изъ камеръ; въ камерѣ помѣщается отъ 10 до 12 человѣкъ на каждое окно, такъ что въ двухъ-оконной камерѣ можно найти отъ 20 до 25 арестантовъ, въ трехъ-оконной — отъ 30 до 36 и т. д., но это въ тѣхъ только тюрьмахъ, гдѣ нѣтъ особаго стѣсненія. Съ реформою у насъ предполагается одиночное заключеніе для 52 тысячъ человѣкъ. Но возможно-ли примѣнить новую систему въ существующихъ зданіяхъ? Каждое одиночное помѣщеніе должно быть освѣщено окномъ, — слѣдовательно, если приспособлять старыя зданія, то тамъ, гдѣ на окно приходится теперь 10—12 человѣкъ, при келейномъ размѣщеніи помѣстится только одинъ. При новомъ приспособленіи уменьшится въ 10 или 12 разъ вмѣстительность существующихъ зданій.

Вотъ отчего нельзя и думать о приспособленіи старыхъ зданій къ новымъ тюремнымъ требованіямъ. Однакожь, по московскому судебному округу, заключающему въ себѣ 10 губерній, былъ сдѣланъ опытъ составленія плановъ приспособленія существующихъ тюремныхъ зданій къ новымъ потребностямъ. Вычислено, что средняя стоимость такого приспособленія обойдется въ 622 р. с. на человѣка. Эту цифру любопытно сравнить съ имѣющимися свѣденіями о томъ, во сколько, дѣйствительно, обошлись нѣкоторыя предпринятыя у насъ тюремныя постройки и перестройки.

Въ петербургской исправительной тюрьмѣ, обращенной изъ зданій Виннаго Городка, приспособленіе обошлось на арестанта въ	148 р. с.
Въ московской исправительной тюрьмѣ, приспособленной изъ зданій смирительно-рабочаго дома	260 р. с.
Теперь приспособляемая херсонская исправительная тюрьма, обращенная изъ бывшаго арсенала, обойдется на арестантское помѣщеніе въ	255 р. с.
Вновь возведенныя, съ устройствомъ ночного разъединенія, тюрьмы въ Алексинѣ и Каширѣ стоили на арестанта по . . .	838 р.

Digitized by Google

Наконецъ, новая слѣдственная тюрьма въ Петербургѣ, строющаяся на 700 человѣкъ, изъ которыхъ половина будетъ размѣщена келейно, обойдется, не считая стоимости земли, на которой строится зданіе, въ . . 1,091 р. на арестанта.

Во всѣхъ этихъ тюрьмахъ, кромѣ послѣдней, устроены каюты для ночного разъединенія арестантовъ. Но для этого заведены не отдѣльныя кельи, а поставлены въ обширныхъ залахъ деревянныя перегородки, раздѣляющія содержащихся другъ отъ друга во время ночи. Въ качествѣ ночного разъединенія эта система постройки можетъ еще быть допущена, хотя она сопряжена съ значительными затрудненіями относительно соблюденія чистоты, но днемъ арестантовъ держать въ каютахъ невозможно: онѣ устроены только для сна и никакъ не для свободнаго отъ работъ времени. Поэтому въ праздничные дни арестанты свободно гуляютъ по заламъ и говорятъ другъ съ другомъ...

Этимъ устройствомъ объясняется незначительная стоимость приспособленія старыхъ зданій въ двухъ столицахъ и Херсонѣ. Стоимость строющейся слѣдственной тюрьмы въ Петербургѣ, какъ совершенно новой постройки, гораздо скорѣе можетъ служить мѣриломъ для опредѣленія того, во что обойдется круглымъ счетомъ тюремное помѣщеніе на арестанта.

Но допустивъ даже, что вычисленія архитекторовъ, проектировавшихъ тюрьмы московскаго судебнаго округа, достаточно вѣрны и что образующаяся въ среднемъ выводѣ цифра въ 622 р. дѣйствительно представляетъ собою нормальную стоимость каждаго арестантскаго помѣщенія,—размѣръ государственнаго расхода на реформу все-таки будетъ громаденъ—въ 50 миліоновъ рублей. Само собою разумѣется, что сумма эта потребуется не единовременно, а расходованіе ея распредѣлится на многое число лѣтъ. На первое время источникомъ расхода послужитъ спеціальный капиталъ, составившійся, подъ именемъ сборнаго тюремнаго, изъ остатковъ отъ особыхъ сборовъ, которыми были обложены крестьянскія души и купеческіе капиталы на предметъ постройки тюремъ. Этого капитала теперь числится до 3 миліоновъ рублей. Когда этотъ источникъ изсякнетъ, расходъ поневолѣ долженъ будетъ пасть на казначейство. Тогда нужно будетъ окончательно опредѣлить, съ какихъ тюремъ начинать реформу. На этотъ

Digitized by Google

счетъ существуютъ самыя разнообразныя мнѣнія. Одни полагаютъ, что лучше всего ввести всю тюремную реформу, со всѣми видами вновь учреждаемыхъ тюремъ, въ одной какой-либо мѣстности. Затѣмъ, заручившись опытомъ въ этомъ дѣлѣ, т. е. узнавъ, насколько реформа достигаетъ своей цѣли, приступить къ дальнѣйшему распространенію реформы по всей имперіи. Былъ сдѣланъ подробный разсчетъ, во что обошлось-бы устройство новыхъ тюремъ въ предѣлахъ 10 губерній московскаго судебнаго округа; оказалось, что на этотъ предметъ потребовалось-бы до 11 мильоновъ рублей, не включая въ эту сумму постройку тюремъ каторжныхъ, такъ-какъ онѣ будутъ расположены, по всей вѣроятности, на первое время внѣ територіи московскаго округа. Но противъ практичности этого мнѣнія является слѣдующее возраженіе: въ московскомъ округѣ есть тюрьмы, весьма порядочныя сравнительно съ другими; такъ, напримѣръ, въ двухъ уѣздныхъ городахъ тульской губерніи только-что отстроены новыя тюрьмы, а въ самой Тулѣ тюремный замокъ весь заново отдѣланъ. Наряду съ этимъ, въ другихъ мѣстностяхъ, непринадлежащихъ къ територіи московскаго судебнаго округа, есть тюрьмы, грозящія совершеннымъ разрушеніемъ. Какимъ-же образомъ благоразумная администрація можетъ допустить, чтобы тюрьмы годныя передѣлывались заново, а негодныя продолжали разваливаться?

Другое мнѣніе заключается въ томъ, чтобы сначала озаботиться исключительнымъ устройствомъ тюремъ для каторжныхъ и среднесрочныхъ арестантовъ, а затѣмъ отложить до болѣе удобнаго времени учрежденіе тюремъ краткосрочныхъ и слѣдственныхъ. По мнѣнію защитниковъ такого порядка реформы, учрежденіе каторжныхъ тюремъ будетъ соотвѣтствовать настоятельной потребности созданія въ государствѣ высшей уголовной кары, дѣйствительной, а не номинальной; учрежденіе-же среднесрочныхъ тюремъ имѣетъ уже подготовленную почву въ существующихъ арестантскихъ ротахъ и требуетъ только примѣненія пенитенціарныхъ началъ; что касается организаціи прочихъ тюремъ, то ее нельзя осуществить теперь не только потому, что потребовалась-бы затрата огромнаго капитала, но еще и потому, что ей долженъ предшествовать многосторонній трудъ по пересмотру законодательства о законныхъ поводахъ къ личному задержанію, какъ-то о паспортахъ, о правѣ обществъ наказывать своихъ членовъ, о ро-

Digitized by Google

дительской власти и т. п. Не говоря уже о томъ возраженіи, которое приведено выше противъ предыдущаго мнѣнія, т. е. о невозможности увлекаться введеніемъ реформы въ одной какой-либо мѣстности, въ ущербъ практической необходимости обновлять тюрьмы тамъ, гдѣ это представится необходимымъ по ветхости и разрушенности старыхъ зданій, здѣсь представляется еще другое, болѣе существенное возраженіе. Если установлять послѣдовательность выполненія реформы по категоріямъ арестантовъ, то прежде всего надо обсудить, какой разрядъ болѣе другихъ нуждается въ реформѣ, и этотъ разрядъ пустить въ такомъ случаѣ впередъ. Что-же оказывается? Масса арестантовъ—не каторжные и не среднесрочные. Масса—это именно остальные, краткосрочные и слѣдственные. Если принять во вниманіе одну даже количественную сторону предмета, то перевѣсъ долженъ быть на сторонѣ не центральныхъ тюремъ, а мѣстныхъ остроговъ, примѣненныхъ для краткосрочнаго и подслѣдственнаго заключенія. Но независимо отъ вопроса о численности, слѣдуетъ обратить вниманіе, что эти двѣ категоріи представляютъ собою лицъ менѣе виновныхъ, а частью и совсѣмъ невинныхъ, на которыхъ правительственная заботливость должна распространяться раньше, чѣмъ на дѣйствительныхъ преступниковъ. Наконецъ, краткосрочные въ большей части случаевъ теперь не имѣютъ особыхъ помѣщеній, а содержаніе подсудимыхъ не удовлетворяетъ потребности слѣдственнаго производства. По этимъ соображеніямъ болѣе практичнымъ слѣдуетъ считать предлагаемый французскимъ проектомъ порядокъ введенія реформы. Какъ-бы то ни было, но для каторжныхъ уже устроено нѣсколько зданій въ европейской Россіи, часть ихъ высылается въ Сибирь для употребленія тамъ на работы, а для другой уже проектируется устройство тюремъ при нерчинскихъ и туранскихъ рудникахъ и высылка на Сахалинъ; среднесрочныя тюрьмы замѣняются у насъ арестантскими ротами, которыя еще могутъ существовать при прежнемъ устройствѣ.

Французскій проектъ предлагаетъ начать съ тюремъ мѣстныхъ, въ которыхъ должны сосредоточиваться краткосрочные, неподлежащіе высылкѣ изъ мѣста жительства, слѣдственные, подсудимые и, наконецъ, люди разныхъ категорій, поступающіе въ тюрьмы, какъ въ арестантскія депо. Этотъ порядокъ изъ трехъ вышеприведенныхъ болѣе соотвѣтствуетъ нашимъ условіямъ.

Digitized by Google

Тѣмъ не менѣе едва-ли и этотъ порядокъ безусловно примѣнимъ. Самымъ практическимъ двигателемъ въ установленіи послѣдовательности введенія реформы должно быть признано дѣйствительное положеніе нашихъ тюремныхъ зданій. Гдѣ тюрьма разваливается, тамъ поневолѣ придется строить новую, къ какому-бы разряду она ни относилась. Увеличивающееся количество арестантовъ также понудитъ приступить къ постройкѣ дополнительныхъ зданій, потому что стѣсненіе въ нынѣшнихъ тюрьмахъ возможно только до извѣстной степени. Какъ только стѣсненіе это превзойдетъ мѣру, то весьма естественно увеличатся побѣги изъ тюремъ, взломы будутъ производиться при каждомъ удобномъ случаѣ и пр.

Вотъ почему, установивъ общія начала преобразованія, нельзя увлекаться мыслію, что начала эти могутъ быть *въ цѣлости своей* примѣнены въ какомъ-либо округѣ или по какому-либо разряду тюремныхъ установленій. Какъ-бы ни было желательно видѣть окончательные результаты примѣненія новаго закона во всѣхъ его подробностяхъ и руководствоваться соображеніями, почерпнутыми изъ наблюденія надъ цѣлымъ рядомъ фактовъ, но примѣненіе реформы въ цѣлости рѣшительно невозможно. Ни въ одномъ государствѣ подобная реформа и не вводилась разомъ: вездѣ тюрьмы строились смотря по надобности. Предлагаемый теперь французскому законодательному собранію порядокъ—самый благоразумный изъ всѣхъ, потому-что онъ ставитъ на первую очередь тотъ видъ тюремныхъ учрежденій, который болѣе другихъ нуждается въ преобразованіи. Но сомнительно, чтобы и во Франціи онъ былъ успѣшно выполненъ. Департаментскія тюрьмы окажутся далеко не всѣ отстроенными, какъ вдругъ понадобится, по случаю-ли увеличенія арестантскаго комплекта или по случаю окончательной негодности какого-либо зданія, приступить къ постройкѣ тюрьмы центральной. Въ преимуществѣ, оказываемомъ комисіею департаментскимъ тюрьмамъ, нужно видѣть также экономическія побужденія: центральныя тюрьмы цѣликомъ должны строиться на счетъ государственнаго бюджета, а къ реформѣ департаментскихъ тюремъ можно привлечь средства мѣстныхъ учрежденій. У государства денегъ мало—комисія возложила расходы на департаменты.

Проектъ комисіи долженъ быть доложенъ національному со-

Digitized by Google

бранію въ нынѣшнюю сессію. При первомъ и второмъ чтеніи нельзя ожидать, чтобы онъ вызвалъ значительныя пренія. За то при третьемъ вопросъ объ одиночномъ заключеніи послужитъ, вѣроятно, поводомъ къ спорамъ. Въ какой моментъ будетъ происходить это третье чтеніе и въ какомъ составѣ будетъ проектъ заслушанъ собраніемъ—это невозможно предвидѣть. Если настоящій составъ палаты будетъ распущенъ, то, пожалуй, потребуются новыя передѣлки и дѣло придется отложить снова въ долгій ящикъ. Между тѣмъ реформа тюремныхъ учрежденій крайне необходима.

Она необходима и въ высшей степени настоятельна особенно потому, что тюрьма въ настоящемъ ея видѣ стоитъ въ рѣзкомъ противорѣчіи съ требованіями самого правосудія. Организованная подъ вліяніемъ чисто-карательныхъ началъ, подъ вліяніемъ чувства мести и враждебнаго отношенія къ преступнику, которымъ руководствовались старые уголовные кодексы, она служила до сихъ поръ не гуманнымъ цѣлямъ исправленія и возрожденія, а разсадникомъ порока, новыхъ преступленій и рецидивовъ. Плохо устроенная въ санитарномъ отношеніи, она въ то-же время отнимала здоровье и силы у заключенныхъ. „Смертность самыхъ лучшихъ европейскихъ тюремъ, говоритъ авторъ „Исторіи порока",—почти вдвое превышаетъ обыкновенную смертность свободныхъ людей; но что-же надо сказать о тѣхъ тюрьмахъ, въ которыхъ обращаются съ человѣкомъ, какъ съ животнымъ, и смотрятъ на него, какъ на мертвую часть, оторванную отъ живого соціальнаго организма? Напрасно мы стараемся увѣрить себя, что слѣды средневѣковыхъ пытокъ и костровъ для насъ на-всегда миновали; они и до сихъ поръ существуютъ, но подъ другими, болѣе благовидными формами и филантропическими смягченіями. Три года одиночнаго заключенія стоютъ какого угодно средневѣкового ублієта". (History of Crime, by Pike, стр. 478). Пока теорія уголовной юрисдикціи основывалась на принципѣ устрашенія и доводила этотъ принципъ, въ практическомъ примѣненіи, до виртуозныхъ истязаній преступника, тюрьма была однимъ изъ орудій этой теоріи. Но въ наше время самые отсталые и близорукіе криминалисты начинаютъ убѣждаться въ томъ, что чисто-карательное начало не уменьшаетъ числа преступленій, не измѣняетъ ихъ качества и не возвышаетъ нравственнаго уровня общества.

Digitized by Google

Напротивъ, самыя положительныя статистическія данныя подтверждаютъ мнѣніе, что чѣмъ строже карательная уголовная практика, тѣмъ больше совершается преступленій, и, обратно, чѣмъ гуманнѣе дѣлается уголовный кодексъ, тѣмъ ниже становится уровень преступности и общественной безнравственности. Въ этомъ отношеніи особенно замѣтное вліяніе оказывала смертная казнь. Отмѣна ея повсюду благодѣтельно дѣйствовала на общественную совѣсть и нравственность. Потому-то, можетъ быть, въ эпохи прогресивныхъ и реформаціонныхъ движеній, въ эпохи свѣтлаго умонастроенія общества оно вездѣ и всегда инстинктивно требовало уничтоженія смертной казни и смягченія уголовной кары; напротивъ, въ эпохи реакцій и застоя оно требовало возстановленія ея и усиленія наказаній. Какъ-бы то ни было, но старая теорія устрашенія для цивилизованнаго человѣчества похоронена на-всегда, а съ нею должны отойти въ вѣчность и старыя безобразно-грубыя и жестокія тюрьмы.

В. Ю.

Digitized by Google

СЪ СѢВЕРА НА ЮГЪ.

РОМАНЪ

(*Продолженіе* *).

XIII.

Никонъ въ дорогу собирается, чего-то опасается, а чего— напрямикъ сказать языкъ у него не ворочается.

Долго возилась у печки Марина; калачей навалила на столъ цѣлую гору, яицъ крутыхъ запекла въ нихъ; какъ остыло все это, въ мѣшокъ сложила и веревочкою завязала. Въ другой мѣшокъ, поменьше, положила четыре рубахи чистыя, поддевку и изъ другой одежи, что слѣдуетъ. Все о томъ заботилась, какъ-бы не упустить чего, не забыть про что такое, что въ дорогѣ да на чужомъ мѣстѣ понадобиться можетъ, къ людямъ чтобы не ходить да денегъ зря не тратить.

Никону Денисычу далеко-таки ѣхать надо было, верстъ за триста, почитай, безъ малаго на полмѣсяца, а, пожалуй, и побольше, вотъ она и сбирала его теперь въ дорогу эту дальнюю.

— Гляди ты, Степа, поглядывай, наказывалъ Никонъ Малышу.—Топлива это у тебя на недѣлю есть сложеннаго; изъ дому отлучаться не зачѣмъ; когда опять надобность придетъ, какъ-нибудь обойдись, лучше купи, да не отлучайся, а то Матвѣя попроси, онъ за одно и съ нашимъ возомъ съѣздитъ.

— Ужь ты не сумлѣвайся въ этомъ, потупился Степанъ, — это все я справлю, какъ слѣдуетъ.

— То-то. Насчетъ скотины тоже. Самъ знаешь, какой народъ, чтобы чего не вышло.

---

*) См. „Дѣло“ за 1874 г., № 12.

Digitized by Google

— Извѣстно!

— Опять вотъ... началъ-было еще что-то Никонъ, да и смолкъ; отвернулся, сталъ сапоги оглядывать, въ порядкѣ-ли; ему намедни подметки новыя солдатъ подкинулъ, такъ вотъ прочно-ли сработалъ.

— Все справимъ, тихонько вымолвилъ Степанъ и тоже глядитъ куда-то въ сторону, словно какъ въ окошко, на улицу.

— Надо было работу брать такую дальную, проговорила Марина;—охота, значитъ.

— Шибко батюшка просилъ, отказать-то невозможно было. Всего, баитъ, двѣ недѣли.

„И двѣ недѣли время не малое!“ про себя это подумала Марина, а можетъ и сказала, только тихо очень, никто и не слышалъ словъ ея этихъ.

Вышелъ Никонъ въ сѣни, дверь за собою притворилъ, подождалъ минутку, поворочалъ кадками, такъ, безъ дѣла, Степана кликнулъ.

— Что ежели случится насчетъ дому, алибо хозяйства... заговорилъ онъ, когда Малышъ вышелъ къ нему на окликъ.

Такъ и отпрянула Марина отъ стола къ двери и ухомъ прислонилась къ затвору, вслушивается. А Никонъ со Степаномъ сошли съ крыльца, за уголъ куда-то завернули,—ихъ и не слышно.

Чудное такое стало съ Мариной дѣлаться: то въ холодъ ее кидать станетъ, то жаромъ обдастъ. Потупилась въ землю, словно виноватая, и отъ дверей отойти забыла.

— Есть тутъ загвоздка одна, Степа, вполголоса говоритъ Никонъ;—слушай ты меня хорошенько. Можетъ, я зря болтаю, можетъ, сердце мое недоброе что чуетъ.

Стоитъ Степанъ, тоже словно виноватый, коситъ глаза въ сторону, пальцами конецъ кушака мочалитъ.

— Работа моя эта, новая, шибко сходна, отказаться дѣло неподходящее было, только вишь ты, какая оказія: намедни былъ это у отца-протопопа Васька нашъ, зачѣмъ—не знаю; долго говорили, а послѣ этого и самое рѣшеніе вышло, чтобы мнѣ, значитъ, ѣхать отсюдова. „Шибко, сказываетъ, тебя мужики ваши хвалятъ“; такъ и говоритъ: „хвалятъ ужь шибко очень; всякую, значитъ, работу на чистоту справить умѣешь“, вотъ оно что...

Digitized by Google

— Кто это сказываетъ?

— Да все онъ-же, отецъ Иванъ,—это послѣ разговору-то Васькинаго. Какъ-бы что не вышло.

— Ничего не выйдетъ! ухмыльнулся Степанъ, и словно отлегло у него отъ сердца, словно онъ не того ждалъ отъ Никона, а другого чего, худшаго.

А Никонъ глядитъ на него, пасмурный такой, туча-тучею, лицо раскраснѣлось, глаза на выкатъ. Кулачищемъ сгребъ комли снопа камышеваго да и потрескиваетъ между пальцами.

— Ежели что случится... молвить... спаси отъ грѣха смертнаго, Владычица небесная!

— Чаго бояться, доглядимъ, небойсь!

— И о чемъ толкуютъ, псы эдакіе? мается подъ дверью Марина.—Хоть-бы словечко услыхать. Ишь вѣдь, за сарай забрались, антихристы!

. . . . . .

— А бураго, пожалуй, своди къ коновалу, пущай поглядитъ, спокойно такъ говоритъ Никонъ, черезъ дворъ идучи.

— Примочки дать обѣщался, поотсталъ маленько Степанъ,— а-те въ нутро чего понадобится.

— Своди, что-жь, дашь двугривенный. Въ Матросской слободкѣ, супротивъ казенной кузницы.

— Да, знаю.

Плюнула Марина и отошла отъ двери. Стала узелъ въ двѣ петли на мошнѣ завязывать, а руки, провалъ ихъ побери, вздрагиваютъ, пальцы, словно крючья какіе, межъ собою путаются.

— Время подходитъ, сказалъ Никонъ; — такъ купецъ наказалъ, чтобъ дожидался его у трактира, подвезти обѣщался батюшкѣ до самаго Перовскаго, на почтовыхъ; завтра-же, къ ночи, пожалуй, буду.

— На почтовыхъ первымъ сортомъ, кивнулъ Степанъ головою и бойко тряхнулъ волосами.

— Только дожидаться чтобы долго не заставлялъ, а то, говоритъ, какъ хошь, одинъ, безъ тебя уѣду. Сбирай, Марина, да и съ Господомъ!

— У меня готово, промолвила дѣвка, а слезы-то къ горлу инда подступили, душатъ, а не идутъ наружу, только глаза словно огнемъ выжигаютъ.

Digitized by Google

— Сядемъ, что-ли, по обычаю.

Сѣли.

Всталъ Никонъ первый, на образа началъ креститься. Затряслась вся Марина, вскочила съ лавки; только Никонъ къ ней повернулся, такъ и повисла она ему на шею.

— Эхъ, лучше-бы ты работы той рѣшился, дома-бы остался, проговорила дѣвка.

— Очумѣла! поглядѣлъ ей въ лицо Никонъ, поцѣловалъ три раза, опять поглядѣлъ въ лицо, махнулъ рукою да и порѣшилъ:

— Надыть, значитъ. Пойдешь провожать, что-ли?

Заперли избу, пошли къ трактиру всѣ трое. А по средней улицѣ уже колокольчикъ почтовый побрякиваетъ, купеческая кибитка тащится. Самъ купецъ изъ-подъ зонтика выглядываетъ; увидалъ нашихъ, рукою манитъ.

— Погоди маленько, зайдемъ, „посошокъ“ сообща выпьемъ, чтобы дорога была поглаже.

Веселый такой купецъ, душа человѣкъ, и носъ красный-прекрасный, словно въ сандалѣ его три дня отмачивали.

Зашли, выпили.

Только сѣлъ Никонъ съ купцомъ въ кибитку, глядитъ Марина—дядя Василій изъ окна трактирнаго выглядываетъ; былъ онъ, должно полагать, въ сосѣдней горницѣ, потому они его прежде и не видали.

Замерло сердце у Марины, словно что худое почуяло.

— Скатертью дорога, Никонъ Денисьичъ, кричитъ вслѣдъ кибиткѣ Мутило. — Назадъ вернуться дай Богъ благополучно! Все въ дому въ добромъ здоровьѣ застать. Эй вы, други! закатывай! ухъ!..

— Пойдемъ, толкнула Степана Марина.

— Заходи, красавица, чайкомъ побалуемся! оретъ на всю улицу дядя Василій.—Тутъ такіе для тебя кавалеры подобраны, не чета твоему судьѣ благородному.

Гордо такъ оглянулась дѣвка на этотъ надсмѣхъ, брови сдвинула.

— Хошь, сейчасъ рыло сворочу ему на сторону? вспыхнулъ Степанъ и побагровѣлъ весь въ лицѣ-то.

— Оставь! молвила Марина, сплюнула на сторону и пошла вдоль улицы, плавно такъ, ровною, твердою поступью.

Digitized by Google

Сплюнулъ и Степанъ-Малышъ, поглядѣлъ на Василья, а тамъ въ окнѣ еще три головы торчатъ, солдатскія, смѣются да посвистываютъ, безобразничаютъ.

— Народъ,. тоже люди! качнулъ головою Степка и побѣжалъ догонять Марину; а та, тѣмъ временемъ, ушла впередъ таки-порядочно, только концы платка краснаго развѣваются по вѣтру да брызжетъ грязь дорожная изъ-подъ ея лаптей плетеныхъ, кромошныхъ.

XIV.

Своей волости хозяинъ.

Цѣлый день почти-что шлялся Абрамъ Моисеевичъ Мандельбергъ по нашей слободѣ; лошаденку свою чалую привязалъ у избы Никона къ возу, а самъ все пѣшкомъ грязь мѣсилъ, переходя вдоль стѣнокъ съ одного двора на другой.

Пасмурный такой былъ изъ себя кавалеръ-жидюга, ворчалъ что-то подъ носъ, должно быть ругался по-своему.

Воротникъ выше ушей поднялъ, шапку нахлобучилъ—дождливая тогда погода была, вѣтеръ холодный съ сѣвера такъ вотъ насквозь и пронизываетъ. Въ такую пору дома-бы сидѣть лучше, а онъ, вишь ты, прогуливаться задумалъ, ни себя, ни лошади своей не жалѣючи. Только, надо полагать, прогулка эта пришлась ему солона.

— Упрямый народъ, несообразные люди, совсѣмъ шваль!.. бормоталъ Абрамъ Моисеевичъ, останавливаясь передъ послѣднимъ дворомъ и оглядываясь назадъ вдоль пустой улицы.

— Эй, кавалеръ, заходи, что-ли! кричитъ ему дядя Василій, выглянувъ изъ своей кибитки.

Взглянулъ на него Абрамка, помахалъ рукою, значитъ: погоди, приду, и сталъ въ окошко стучаться, а окно-то какое—бумагою заклеенное, стуку настоящаго нѣту, а такъ шелеститъ легонько.

— Да брось, купецъ, не выгоритъ твое дѣло, брось! кричитъ дядя Василій,—только время попусту тратишь, да на дождѣ мокнешь. Эй, тебѣ говорю, поштенный!

Digitized by Google

— Ну, кто тамъ есть? знай-постукиваетъ Абрамъ Моисеевичъ.—Хозяинъ!

Тихо въ дому, ничего не слышно; даже дымкомъ, какъ въ другихъ домахъ, не попахиваетъ, тепломъ не несетъ въ оконныя щели.

Отодралъ маленько жидюга бумажку, заглянулъ, а тамъ пусто, никого нѣту, да, должно быть, и не живетъ никто, потому печь обвалилась, мазаный полъ размокъ отъ дождя и вода на немъ стоитъ лужами; ни стола нѣтъ, ни лавки; только въ переднемъ углу на полочкѣ дощечка черненькая прилажена, должно иконка какая забытая.

— Тсъ... посмаковалъ жидюга-кавалеръ, покачалъ головою, хотѣлъ-было назадъ идти, опять къ своей лошади, что заждалась уже хозяина своего, голову повѣсила, кости свои непокрытыя подъ дождь выставила, всѣмъ тѣломъ вздрагиваетъ да губами съ воза кое-какія былинки подбираетъ.

— Ко мнѣ пойдемъ, хлопнулъ его по плечу Мутило.—Я, можетъ, твоему горю настоящій помощникъ. Я всей этой волости хозяинъ, а безъ меня, братъ, ни-ни. Хочу—да, не хочу—нѣтъ. Идемъ!

Подошелъ Василій сзади, жидюга и не замѣтилъ, пока въ окошко избу разглядывалъ.

— А ты знаешь, за какимъ я дѣломъ? пожалъ онъ плечами;—можетъ, знаешь, что мнѣ надо?

— Стало-быть знаю.

— Ну-у?..

— Не нукай, пока не запрегъ.

— Пойдемъ, ну; сейчасъ пойдемъ. Коняку только моего, вонъ онъ гдѣ стоитъ... Я сейчасъ.

— Оставь. Маметка сбѣгаетъ за меренкомъ. Эй, Маметъ, мулла, собака!

Пошли Абрамъ Моисѣичъ съ Васильемъ къ кибиткѣ; Маметка, подобравъ полы халата своего верблюжьяго, за лошадью побѣжалъ.

— Пожалуйте, ваше степенство! откинулъ дядя Василій узорную кошму у входа.

А хорошо въ кибиткѣ у дяди Василья, ровно у бея какого киргизскаго все прилажено. Ходить мягко, лежать—того мягче;

Digitized by Google

тепло, просторно. Свѣтъ сверху идетъ, хотя и закрытъ тендюкъ отъ дождика, да приловчился Мутило, окошечко маленькое въ кошмѣ прорѣзалъ, рамочкою обдѣлалъ и стеклышко вставилъ въ него.

На полу, какъ разъ посрединѣ, яма круглая выкопана, глубиною на четверть, въ ней уголья горячіе, а надъ этими угольями котелокъ кипитъ съ чѣмъ-то, къ желѣзной треногѣ подвѣшенный; къ одной сторонѣ, у стѣнки, камышевые снопы повыше накладены, кошмою сѣрою прикрыты, а сверху коврикомъ, — это постель хозяйская; два сундука кованые стоятъ рядомъ съ постелью, другъ на дружкѣ; на рѣшеткахъ, „телегахъ", узды развѣшаны, хомуты, нагайки, сѣдло одно казацкое, другое — киргизскій некрашенный арчакъ. Полочку даже приладилъ дядя Василій досчатую и на полочкѣ той всякая посуда разставлена: чашки, чайники, бутылка до половины отпитая, другая — полная, запечатанная... Одежи тоже всякой не мало навѣшано, а поперегъ всей кибитки веревка волосяная протянута и на веревкѣ красныя рубахи и синіе порты сушатся. У самой двери Маметка-татаринъ свое логово устроилъ на манеръ хозяйскаго; половина туши бараньей надъ головами виситъ, въ ногахъ дегтярница съ помазкомъ и тыква съ кунжутнымъ масломъ. Отъ дверей влѣво свободное мѣсто осталось, такъ здѣсь мѣшки съ ячменемъ поставлены, пузатые такіе, въ каждомъ безъ малаго половина батмана, мѣръ по пяти, значитъ. За кибиткою загородка устроена камышевая, въ ней телѣга стоитъ, та еще, что изъ Россіи привезена, а у телѣги пара лошадей привязана, торбами помахиваютъ, жуютъ ячмень да пофыркиваютъ.

— Зачѣмъ по дворамъ таскался? попыталъ дядя Василій, когда вошли съ гостемъ въ кибитку и кошму за собою опустили.

— Ну, зачѣмъ надо, за тѣмъ и былъ.

— А что надо, сказывай.

— Мое то дѣло будетъ...

— Народу, что-ль, на рыбалку требуется? зорко такъ поглядѣлъ дядя Василій на гостя, насквозь прохватилъ его этимъ взглядомъ, усмѣхнулся и подъ бокъ толкнулъ его, не такъ чтобъ уже очень легонько.

— Эхъ ты, братецъ! ну, искалъ, ну, надо. Ну, коли ты зна-

Digitized by Google

ешь—надо, говорю, видишь, говорю, что надо, зачѣмъ кричишь? Если-бы не надо, зачѣмъ хлопотать, время загублять даромъ?

— Савва Вуколычъ-то умнѣй тебя подводитъ механику. Тебѣ-бы такъ не выдумать. Вотъ ты по дворамъ Христа славишь, на дождѣ да на вѣтру маешься, а онъ въ теплѣ, за самоваромъ благодушествуя, дѣла обдѣлываетъ.

Забѣгали такъ глаза у Абрама Моисѣича, оторопь взяла его легкая; чуялъ онъ и прежде, что перебьетъ ему Бородинъ эту линію, поспѣшилъ впередъ забѣжать, а тутъ вонъ какая оказія выходитъ—до него еще побывали.

— Правда? протянулъ кавалеръ-жидюга.

— Стало-быть правда, коли сказываю. Тебѣ много-ли надо, говори напрямикъ, не вертись.

— Что это?

— Да ну, народу, значитъ работниковъ. Шестерыхъ достаточно?

— Шестерыхъ?

— Мало, что-ли?

— А хоть-бы и столько, поглядѣлъ на хозяина Абрамъ Моисѣичъ.—Хоть-бы и столько.

А самъ думаетъ:

„Ишь, шестерыхъ!.. хоть-бы половину столько".

— По десяткѣ съ рыла жертвуешь? предоставлю къ сроку, къ самому времени въ акуратъ. Идетъ, что-ли?

— Ой, ой!.. какія деньги большія... зачѣмъ много такъ? спрашивай дешевле, говорить будемъ.

— Дешевле не возьму. Ищи самъ.

— Поищу.

— Только помни: захочу тебѣ работниковъ предоставить—будутъ работники, не захочу—такую линію подведу, что за сто рублей паршиваго мужиченка не достанешь. Я, братъ, что хочу, то и сдѣлаю; сказано—моя это волость.

— А я къ градоначальнику пойду. Зачѣмъ народъ мутишь, отъ дѣла отбиваешь, торговому человѣку препятствуешь? Это тоже по закону не дозволяется.

— А ступай—не токмо что къ градоначальнику, валяй хошь къ хану самому хивинскому. Мнѣ что, мое дѣло сторона: знать

Digitized by Google

не знаю, вѣдать не вѣдаю. А только съ Саввою Вуколычемъ говорить мнѣ много сподручнѣе будетъ.

— Ну, слушай, ну, милый человѣкъ, послушай немножечко... дорого вѣдь! Гдѣ-же мнѣ, бѣдному человѣку! Вѣришь, весь годъ одни убытки.

— Хоша-бы мнѣ такъ обѣднѣть. Вотъ-бы запраздновалъ!.. сразу-бы въ первую гильдію записался. Эхъ, ты! морочь другихъ, кто поглупѣе, а съ нами на чистоту разговоръ веди... лучше дѣло-то будетъ.

— Шесть человѣкъ? почесалъ затылокъ Абрамъ Моисѣевичъ.

— А коли шесть надыть—такъ шесть.

— Шестьдесятъ рублей!

— Да, шесть красненькихъ: задатку сейчасъ половину, а другую половину послѣ, какъ кресты свои поставятъ, значитъ, поздѣшнему, тамгу...

— Скидка будетъ?

— Да-ну, не торгуйся... такихъ, то-есть, мужиковъ предоставлю, одно слово волы, не люди. Поотощали они маленько, а какъ отъѣдятся на твоихъ харчахъ, погляди какіе работники выйдутъ.

— Эхъ, эхъ, эхъ!..

— Савва Вуколычъ по двадцать четыре сулилъ въ лѣто; накинь по одному, чтобы, значитъ, по четвертной, для ровности счета.

— Это отчего не накинуть. Это накинуть можно, за этимъ стоять не буду.

— Бабами не брезгай, по рыбалкамъ и онѣ въ работу годятся. Тѣхъ дешевле достать можно; другая за одни харчи пойдетъ, бездѣтная, либо дѣвка.

— Ну ихъ!

— Какъ знаешь! Только по здѣшнему мѣсту и это товаръ... Съ иной дѣвки больше, чѣмъ съ мужика проку будетъ. Есть тутъ одна такая, что коли-бы не ндравъ ея супротивный да со мною дѣла вела-бы, по сотенной загребала-бы. Маметъ, сѣдлай коней. Время подходитъ.

— Такъ какъ-же? тронулъ его за рукавъ Абрамъ Моисѣевичъ, придерживать началъ, по своему обыкновенію.

— Какъ уже сказано.

Digitized by Google

— Получай задатокъ... На! Только, чтобы у меня дѣло вѣрно было, безъ обману чтобы.

— Тоже, чай, крещеный. Эвося, съ крестомъ ходимъ, да намъ и напредки честь свою соблюдать требуется.

Досталъ Абрамъ Моисѣевичъ изъ сумочки своей бумажникъ, размоталъ веревочку, выволокъ три красненькихъ, съ двухъ концовъ пересчиталъ.

— Росписочка будетъ? спрашиваетъ.

— А этого хочешь?

— Тьфу!.. А не обманешь?

— Бери, чортъ, деньги свои и проваливай! некогда мнѣ возжаться съ тобою, убирайся!

Осерчалъ дядя Василій, а можетъ, и прикинулся сердитымъ, деньги, впрочемъ, изъ рукъ не выпустилъ, держитъ крѣпко.

— Ну, ну, ну, какой горячій! А когда дѣло будетъ?

— На той недѣлѣ, во вторникъ. Никона, слышь ты, въ Перовскъ на какую-то работу требуютъ. Такъ вотъ тогда... Прощенья просимъ... Вотъ твой чалый, а вотъ и мой сивка осѣдланъ; тебѣ въ городъ, мнѣ въ другую сторону... съ Богомъ!..

Погналъ куда ему надобно дядя Василій, поѣхалъ трусцою и Абрамъ Моисѣичъ въ городъ.

— Мало спросилъ съ него, обмолвился, досадовалъ Мутило, похлестывая сиваго.

— Пожалуй-что и хорошо, соображалъ жидюга-кавалеръ.

Зналъ онъ хорошо, что за человѣкъ дядя Василій, самъ даже думалъ навѣдаться къ нему, если дѣло не выгоритъ, и очень уже доволенъ былъ Мандельбергъ, Абрамъ Моисѣевичъ, что дѣло такъ скоро и неубыточно сладилось.

А дождь все усиливался къ ночи-то. Снѣгъ мокрый повалилъ хлопьями ему на смѣну; по брюхо вязла въ грязи чалая лошаденка; подслѣповато мигали такъ огоньки въ окнахъ пригородныхъ домиковъ. Уныло завывалъ вѣтеръ, гуляя по опустѣлымъ улицамъ, и глухо шелестилъ онъ, пробираясь камышевыми загородками.

Словно на бѣду нашимъ обозникамъ, зима въ этотъ годъ стояла гнилая да долгая.

Digitized by Google

XV.

Бабья тревога.

Запѣли наши бабы подъ дудку Саввы Вуколыча.

Вернулись Маланья съ Ариною въ слободку поздно вечеромъ, веселыя такія, обнадеженныя. Тутъ сейчасъ-же, у околицы, своихъ встрѣтили, бабъ тоже; мужиковъ, почитай, никого дома не было, разбрелись всѣ по разнымъ сторонамъ.

— Шабашъ голодать! кричитъ Маланья. — Тамъ онъ себѣ какъ хошь, а я на него насяду, такъ-то насяду!.. Что глядѣть на нихъ, въ самомъ дѣлѣ!

— Извѣстно, молвитъ Арина.—Тамъ когда что еще придется, а тутъ дѣло вѣрное.

— Неужели-жь такъ: „и крупою, и мукою“? пытаютъ прочія бабы.

— Хоть сейчасъ съ мѣшкомъ приходи. Мы, говоритъ, не постоимъ на эвтомъ.

— Рыбою обѣщались одѣлять тоже. „Шабашъ, сказываютъ, голодать“, души вы христіанскія.

— Пошли имъ Господь, милостивцамъ!.. чаемъ поили, говоришь ты, пирогомъ кормили?

— Во какъ нажрались!

— Чудное дѣло, право! Намедни насъ съ Марьею такъ-то взашей отъ тѣхъ самыхъ оконъ проводили, первымъ сортомъ!.. Собаку спустить стращали.

— Что-й-ты? Ужь такіе-то люди мягкіе, такіе-то сердечные! говоритъ это онъ, ну вотъ ровно рѣчка журчитъ, ровно попъ это, въ церкви, складно такъ, жалостливо и все по кни-ижному. Мы, почитай, половины путемъ и не поняли.

— Я свого пошлю.

— Много-ль народу, сказывали, надоть?

— А ужь это, болѣзныя, не знаемъ. Коли что, мы своихъ пошлемъ, а ужь прочіе кто—какъ придется.

— Жеребій надоть.

— Такъ вотъ тѣ сейчасъ! Мы нѣшто для чужихъ хлопотали, цѣлый день возжались съ ними?

Digitized by Google

— Эхъ, матка! и я такъ-же-бы повозжалась денекъ съ пирогомъ да за самоваромъ, такъ-то-бы похлопотала. Можетъ, на всю недѣлю сыта была-бы.

— Кому счастье...

Набилось народу въ Маланьину избу, не бѣда, что печь худая да нетопленная, а жарко стало. Все только и разговору про то, какъ довольствіе всякое отпущать будутъ. Разгорѣлись бабы на съѣстное, да и какъ не разгорѣться послѣ такого-то поста, голодухи!

Кабы не на ночь глядя, всѣ-бы, кажись, къ Саввѣ Вуколычу поперли. Про мужиковъ, что, пожалуй, перечить станутъ, и слышать не хотятъ.

— Да мы ихъ проймемъ, лежебоковъ этихъ. Мы ихъ проймемъ во-какъ!

— Поѣдомъ заѣдимъ!

— Одно слово—изгрызу живого.

— Драться станутъ—пущай бьютъ, хошь до полусмерти, а ты все свое толкуй. Попрекомъ его донимай да укоромъ, чтобъ ему мѣста не нашлось такого, гдѣ-бы попреку да слезъ бабьихъ не слыхать было.

— Онъ вишь ты, что говорилъ тоже: „умная баба завсегда на своемъ поставить можетъ“.

— Это онъ вѣрно сказывалъ.

— Сами пойдемъ къ трактиру-то; однихъ не пустимъ. Пока рукъ не приложатъ, не отходи, да и полно.

— Степка придетъ—гони въ шею! Никона и близко не подпущайте. Они, каторжные, сыты да обуты, въ теплѣ сидятъ, имъ хорошо говорить-то, языкомъ молоть: „ждите, молъ, да перетерпливайте, не долго еще придется“.

— Никонъ вонъ деньжищъ у попа загребъ сколько! ему хорошо, ему чего не ждать!

Такой-то бабій всполохъ пошелъ по всей нашей слободкѣ — страсть! съ базарной площади, безъ малаго верста, а и то бабьи голоса доносило по вѣтру.

Стали мужики собираться, сразу и не поймутъ ничего, что такое только дѣлается.

— Угорѣли, надо полагать, качнулъ головою Дементій Трифоновъ.

Digitized by Google

— Съ моей-то Анисьей какая притча, и не соображу, навѣдался Матвѣй Лаптевъ черезъ заборъ къ Степану-Малышу, когда тотъ у воловъ копался.

— Что такое?

— Мѣшки собираетъ, обувается, вишь ты въ темь какую да въ непогоду за провіянтомъ собирается идти куда-то; сказываю ей: воровать идешь нешто ночью-то? а она: знаю, значитъ, куда, а ужь коли ты завтра не по-моему сдѣлаешь, супротивъ меня пойдешь, значитъ, ужь я те доѣду! такъ и сказала: доѣду, говоритъ.

— Чудно!

Двѣ бабы въ кровь разодрались изъ-за того, чьему мужу напередъ идти надо. Изъ-за парнишки Пашки тоже до драки чуть дѣло не дошло. Мать сказываетъ: шестнадцатый годъ ему пошелъ, а сосѣди баютъ—четырнадцатый; коли шестнадцатый, годится въ работники, а малолѣтковъ не принимаютъ; такъ отъ того больше и споръ вышелъ.

— Ишь ты, сказываютъ, и мужа, и сына впереть хочешь, за двоихъ получать—на-ко-сь, вотъ энтаго не хочешь!? завистливая, глаза твои поповскіе!

И какія-же хитрыя нашлись. Пока спорили да схватывались, три одѣлись да ночью-же прямо къ Саввѣ Вуколычу дернули, тамъ и дожидались утра, на задворьѣ, въ стогъ соломы забившись.

. . . . . .

А Савва Вуколычъ спитъ-себѣ знай на кровати съ хозяйкою, мычитъ во снѣ да руками за шею хватается; все ему домовой чудится, будто-бы навалился, косматый, колѣномъ надавилъ подъ ребра, да и душитъ. Сладко такъ спитъ, разметавшись, и хозяйка Саввы Вуколыча, похрапываетъ съ посвистомъ, важно такъ, словно котенокъ мурлычетъ. И не чуютъ во снѣ люди, какой-такой переполохъ идетъ по слободкѣ по ихъ милости.

За то не спитъ въ своей каютѣ Абрамъ Моисѣичъ; ставни внутренніе приперъ плотно, ковромъ завѣсилъ, чтобы свѣту не видать наружу было-бы, счеты свои сводитъ и тихохонько мурлычетъ подъ носъ:

— Еще это лѣто, куда ни шло. Съ будущимъ-же годомъ—шабашъ. Вотъ чтобы мнѣ съ этого мѣста не подняться, если домой, въ Гродно, не уѣду... Будетъ!

Digitized by Google

XVI.

Изъ огня да въ полымя, а все-таки морозу спасибо.

Вернулись Марина съ Степаномъ-Малышемъ домой съ проводъ Никона Денисьича; Марина въ избу пошла, а парень на дворѣ остался.

Дѣла тутъ оказались у него по хозяйству на дворѣ, особенныя, спѣшныя, ну, а къ ночи время подходило, надо было все засвѣтло справить, не бродить-же по сараямъ да навѣсамъ съ фонаремъ; оборони Богъ искра стреканетъ въ вѣтряную пору, долго-ли до грѣха дѣло...

Вошла Марина, прямо къ окошку присѣла, на подоконникъ оперлась и въ окно смотритъ; а чего увидишь въ окнѣ сквозь бумагу промасленную? Однако дѣвка смотритъ пристально, а глаза туманомъ затянуло и слезы на рѣсницахъ скопляются, вотъ-вотъ потекутъ по щекамъ, польются, да только чего-то мѣшкаютъ, все собираются.

И тяжело-же на душѣ у Марины Денисьевны, и сердце колотится сильно подъ рубахою; а то замретъ на малое время, защемитъ... вотъ ровно какъ передъ бѣдою бываетъ. Передъ радостью тоже это случается.

Возится Степанъ на дворѣ, ровно медвѣдь на пасѣкѣ, даже въ избѣ слышно, какъ онъ телѣгами поскрипываетъ, все ихъ въ порядокъ устанавливаетъ. Инда потъ пробралъ мужика. Пошабашилъ съ телѣгами.

Оглянулся парень на дверь сѣнную, поскребъ затылокъ, передохнулъ малость. Все, никакъ, справилъ, можно-бы и въ избу.

— Идти, аль не идти? завозилось у него въ головѣ.

Крякнулъ Степанъ и началъ хворостъ съ одного мѣста на другое перетаскивать. И такъ близко онъ къ избѣ сложенъ былъ, а все-таки лучше поближе перевалить всю кучу, все какъ-бы сподручнѣе брать его Маринѣ для топки будетъ.

Переволокъ копну парень, руки въ кровь изцарапалъ.

— А поилъ-ли я скотину? сталъ припоминать ретивый работникъ.—То-то горе мое, поилъ. А важно-бы таперь этихъ самыхъ

Digitized by Google

воловъ къ рѣчкѣ сгонять, все вѣдь оно не близко пойло это, часъ времени и ушелъ-бы.

— И нейдетъ никто мимо двора, разговорился-бы по-крайности. А то что-же теперь на дворѣ въ сумерки дѣлать, надо въ избу идти.

А отъ сѣнныхъ дверей Степана словно сила какая-то отталкиваетъ. И чудная-же сила эта! сама тянетъ, такъ вотъ и манитъ къ себѣ, сама-же и отталкиваетъ. Словно всѣ доски, всѣ щелки этой двери заговорили, и кричатъ онѣ Степану-Малышу:

— Иди, иди, дурашка, чего упираешься, чего и себя, и ее томишь-мучаешь? Ждутъ тебя не дождутся, а ты тутъ вотъ хворостъ съ мѣста на мѣсто, словно медвѣдь колоду, перетаскиваешь.

— Вотъ только сунься! злобно такъ шепчутъ другія:—только и увидишь ты послѣ того свѣту божьяго; на людей, на небо, на землю даже смотрѣть будетъ совѣстно. Эхъ, петля да прорубь по тебѣ, знать, стосковались. Дальше, братъ, дальше, христовъ работничекъ! Да вонъ, гляди, у тебя еще не все и пошабашено.

Оглянулся парень, глядитъ—и точно: дюжина тесинъ да двѣ доски вершковыя, что вчера еще съ поповскаго двора привезены, лежатъ на землѣ, на сырости, а дерево сухое, цѣнное, за него десяти рублей дать мало—дешево.

Выбралъ имъ, этимъ доскамъ да тесу, мѣсто Степанъ хорошее, подъ самою крышею, на перекладинахъ, и сталъ ихъ туда поштучно перетаскивать.

А тѣмъ временемъ совсѣмъ смеркаться начало. Разогнало вѣтромъ тучи на небѣ и сквозь сѣрый туманъ заискрились на немъ свѣтлыя точки—звѣздочки.

Сидитъ-себѣ Марина у окна, время проходитъ, а и ей по дому, тоже какъ Степану на дворѣ, работы не мало.

Пора приниматься.

Затопила печь, поставила утренніе щи разогрѣть, хлѣба нарѣзала, соли натолкла, взяла метлу, подметать избу начала.

Съ каждымъ шагомъ, за каждымъ дѣломъ, тянетъ да тянетъ

Digitized by Google

дѣвку на дверь оглянуться: все ей мерещится, что за дверью Степанъ стоитъ и за щеколду держится. Разъ даже явственно такъ щелкнула эта щеколда и половицы въ сѣняхъ скрипнули.

Вздрогнула Марина, похолодѣла даже вся и метлу чуть изъ рукъ не выпустила.

— Что это онъ тамъ возится долго? досадливо такъ мыслитъ Марина, а въ то-же время и другое у ней ворочается:

— Хоть-бы и не приходилъ совсѣмъ, тамъ-бы и остался, на дворѣ-то. Право-ну!..

Тогда только и замѣтила дѣвка, что совсѣмъ стемнѣло, когда колѣномъ о скамью стукнулась. Отыскала спички на полкѣ, зажгла свѣчку, и глаза даже отъ яркаго свѣта рукавомъ прикрыла.

Горятъ у ней эти глаза, словно недѣлю плакала, и на свѣтъ смотрѣть даже больно. Что за оказія?! Кажись, и въ поминѣ слезъ этихъ анафемскихъ не было. Тогда-то, какъ тарантасъ купеческій тронулся, колокольчикъ зазвякалъ, она, точно, всплакнула было маленько, да давно ужь это. Остыла, обвѣтрилась, назадъ идучи. Да, полно, давно-ли? часа три, можетъ, не больше; такъ оно и есть. Совсѣмъ почти передъ вечеромъ дѣло было, а какъ оно время-то долго тянется, словно сто годовъ прошло съ тѣхъ поръ.

Думаетъ это Марина, а сама крючекъ съ окошка, что на дворъ выходитъ, снимаетъ; пріотворила его немного, выглянула. Темно такъ на дворѣ, сиверко задуваетъ. Рваныя, клочковатыя тучи шибко такъ по небу несутся, черный шестъ торчитъ надъ сараемъ. И чудится Маринѣ, что вотъ-вотъ на шестъ этотъ налетятъ темныя клочья, и ждетъ она, кто кого сшибетъ—шестъ-ли крякнетъ, не выдержитъ, тучи-ли порвутся на меньшіе клочья и повиснутъ на этомъ шестѣ, словно тряпье, для просушки развѣшенное.

Возится Степанъ подъ навѣсомъ, досками хлопаетъ, ворчитъ что-то подъ носъ; чуть-чуть только спина его въ рубахѣ въ темнотѣ виднѣется. Жарко, должно быть, парню, что снялъ съ себя свой полушубокъ.

— Степа! крикнула Марина, да такъ чудно крикнула, что приложи кто ухо къ самому рту ея, онъ-бы этого крика призывнаго не слыхалъ-бы.

Digitized by Google

Захлопнула Марина окошко, отошла подальше и на образа перекрестилась.

А тутъ котъ подлецъ, на столъ забрался и краюху хлѣба обнюхиваетъ. Зыкнула на него дѣвка: брысь, каторжный! Такъ-бы вотъ и шаркнула его чѣмъ попало. Откуда только злость у ней явилась, кажется, убила-бы на мѣстѣ; да котъ тоже не дуракъ, со стола—ходу. Прежде подъ лавку, оттуда подъ печь, только его и видѣли.

Сталъ тутъ Марину смѣхъ разбирать; сѣла она на лавку, въ бока уперлась кулаками, такъ на всю избу и заливается-хохочетъ.

— Ишь-ты, плутъ! ишь, подлиза, усатая морда!.. ха, ха, ха!..

А какъ сказала дѣвка: „усатая морда“, такъ ей вживѣ судья-подлипало и представился, какъ онъ ее, пѣшую, съ базара верхомъ провожалъ, срамилъ передъ народомъ своими проводами непрошенными.

Прошелъ смѣхъ, боязно стало: „А ну, какъ этотъ подлипало самый да за отъѣздомъ Никона пуще привяжется; что, какъ нагрянетъ, незваный, негаданный?.. Ладно, молъ, какже! нѣшто я одна тутъ, а Степка на что? Чай, тоже Никонъ не спроста, вѣрнаго по себѣ сторожа оставилъ“.

Только вотъ горе: кто ее отъ этого сторожа сторожить будетъ?..

Чу-кось!.. кто-то въ окошко стукнулъ... А можетъ быть, такъ, показалось... Тсъ!.. Опять кто-то стучитъ, явственно такъ... Вонъ даже бумага выперлась подъ чьими-то пальцами...

— Степанъ! крикнула громко Марина, теперь уже совсѣмъ не такъ, какъ прежде, а громко, такъ-что парень чуть торчмя не полетѣлъ сверху, голосъ этотъ услышавши.

— Денисьевна, слышится за окномъ голосъ тетки Анисьи,— а Денисьевна!..

— Что тѣ, баушка? отозвалась Марина, а у самой сердце такъ и колотится.

— Позычь сольцы, родимая, съ горсточку, да огарочка махонькаго позычь, благодѣтельница... Я-бъ зашла, да у тебя ворота изнутри засовомъ задвинуты.

— Тамъ Степка на дворѣ, онъ отворитъ, покличь его, промолвила Марина;—да заходи съ нимъ въ избу-то, у меня ужинать собрано; время ужь... Заходи, что-ли!

Digitized by Google

— Зайду, зайду, красная, зайду... зашамкала баба и зашлепала по грязи вдоль стѣнки, къ воротамъ пробираючись.

Вотъ и во дворъ вошла, вотъ въ сѣняхъ топчется... еще съ нею кто-то, должно Степанъ самъ, кому-же больше? Такъ и есть, онъ, его походка... ишь покашливаетъ!

А Степанъ тѣмъ временемъ отперъ ворота Анисьѣ и думаетъ: „А зайду въ избу, погрѣюсь, щей похлебаю... словно какъ-будто озябъ маленько. Что-жь, теперь ничего, *при людяхъ можно...*"

А чего „при людяхъ"! сколько разовъ было, что по суткамъ въ избѣ одинъ сидѣлъ съ Мариною, глазъ на глазъ... Не съѣли, небойсь, другъ дружку...

Вошли. Степанъ въ сторону глядитъ, Марина въ другую, тетка Анисья въ передній уголъ крестится. Сѣли ужинать.

— Уѣхалъ, значитъ, самъ-то? промолвила гостья.

— Охъ, уѣхалъ! вздохнула хозяйка.

Тряхнулъ головою Степанъ и поперхнулся первою ложкою.

— Таперича, чай, далеко угнали, съ купцомъ-то; чай, поди, полсотни верстъ,—больше!

— На почтовыхъ скоро, не то, что съ обозомъ.

— На почтовыхъ чудесно... вымолвилъ тутъ и Степанъ, и опять кусокъ сталъ у него поперегъ горла, да и давитъ тамъ, ни взадъ, ни впередъ не пробирается.

Сидятъ всѣ трое теперь, хлебаютъ молча. Марина чуть-чуть на ложку набираетъ, Степанъ глотнетъ разъ да положитъ ложку на край миски, пораздумается, словно сытъ совсѣмъ парень и ужинать сѣлъ такъ-только, нехотя, для компаніи. Анисья за всѣхъ троихъ, за обѣ щеки убираетъ...

Поужинали.

Отсыпала Марина теткѣ Анисьѣ соли, въ конецъ платка завязала, дала огарокъ вершковый. Сказала та „спасибо" и домой стала собираться.

— Пошли вамъ Господь всего за вашу доброту да кротость! ну, прощайте, голуби ласковые, проговорила Анисья, шагаючи черезъ порогъ.

Вспыхнула Марина, вся раскраснѣлась, такъ ее это слово послѣднее Анисьино доняло.

Ушла гостья; остались теперь Степанъ съ Мариною одни. Ста-

Digitized by Google

ла дѣвка со стола убирать, а саму въ жаръ такъ и кидаетъ, руки дрожатъ, въ глазахъ мутится...

Армякъ Степановъ висѣлъ на гвоздѣ, на той стѣнкѣ, у которой Марина стояла; шагнулъ туда парень, чтобъ снять его, протянулъ руку, чуть-чуть только коснулся плеча Марининаго.

— Соколикъ мой!.. не сказала, простонала дѣвка и потянулась къ парню.

И пропали у ней тутъ и воля, и сила, и не знала она, не сознавала больше, что это—во снѣ-ли ей все снится или на яву происходитъ.

Чувствуетъ Степанъ, какъ его шею обняли, обвили змѣями двѣ горячія руки, какъ къ его лицу плотно прижались молодыя, здоровыя груди, стекла ожерелья вдавились ему въ лобъ, мѣдный крестикъ, словно самъ собою, къ губамъ приложился.

Рванулся Степанъ, сгребъ армякъ, захватилъ полушубокъ съ лавки да съ розмаха къ двери такъ и кинулся.

Инда дверь съ одной петли соскочила.

— Куда-жь ты, Степа? чуть слышно прошептала Денисова внучка и опустилась на лавку.—Куда-жь ты?.. Ничего... что-жь... я вѣдь... Степа...

А Степанъ дверь снаружи припираетъ; одною рукою работаетъ, другою крестится. Выбѣжалъ на дворъ да въ сарай, бросилъ одежу въ телѣгу, да и сталъ тутъ столбомъ, глаза, словно быкъ подъ обухомъ, выпучивши...

Очнулась Марина, духъ перевела, воды цѣлый ковшъ выпила. Остановилась посреди избы, глаза внизъ потупила и задумалась.

И представилось ей,—ну вотъ какъ совсѣмъ передъ глазами,—какъ Никонъ съ купцомъ въ тарантасѣ ѣдутъ: купецъ это спитъ-похрапываетъ, Никонъ сидитъ, ноги свѣсивши, на дорогу поглядываетъ. Ямщикъ сгорбился на козлахъ, кнутомъ помахиваетъ, на усталыхъ лошадей покрикиваетъ... „Тпру... стой! Ваше степенство, на станцію пріѣхали!..“

Легко такъ, весело стало вдругъ на душѣ у Марины: и плакать-то хочется, и смѣхъ ее разбираетъ.

Digitized by Google

— Спасибо, Степа, спасибо, родной... Дай Богъ тебѣ... за твою... за...

Пересилили слезы смѣхъ веселый, въ два ручья залилась Денисова внучка, припала къ землѣ и поцѣловала самое то мѣсто, гдѣ стоялъ Степанъ, снимая со стѣны свою одежу.

Такъ съ той ночи, пока Никонъ не вернулся, и ночевали Степанъ съ Мариною порознь: дѣвка въ избѣ, на лавкѣ, парень — на дворѣ, въ телѣгѣ.

Что-жь, оно не такъ, чтобы ужь совсѣмъ холодно ночью-то, опять къ веснѣ дѣло становилось, все какъ-то теплѣе, да и полушубокъ у Степана новый, не скоро его морозомъ прохватитъ. Опять-же оно и спокойнѣе: въ избу-то только черезъ дворъ пробраться можно, а ужь на дворъ ни одна собака чужая не заберется, когда знаютъ, что самъ хозяинъ, словно цѣпной песъ, на дворѣ дрыхнетъ.

XXII.

Благослови Господи!

Еще до свѣту начались суетня да сборы въ нашей слободкѣ.

Бабы запасливыя, изъ муки, что имъ хозяинъ ихъ новый, Савва Вуколычъ милосердный, по своей добротѣ въ задатокъ выдалъ, напекли караваевъ полупудовыхъ да пироговъ съ сомовиною, сухарей про дальній запасъ насушили. Всю провизію эту въ мѣшки сложили, на воза поклали. Изъ одежи, что осталась еще непроданная, сбереженная, тоже навязали узлы. Ничего дома не оставляли, все добро, весь скарбъ хозяйскій, домашній цѣликомъ захватить норовили, словно назадъ и не сбирались больше вернуться. Ладно, хоть и немного осталось этого скарбу домашняго. Иконы-благодать прежде всего поснимали съ полокъ, что имъ тутъ въ пустыхъ стройкахъ оставаться!

Еще и солнце порядкомъ не успѣло проглянуть изъ-за далекой синей ленты камышевыхъ зарослей, что на востокѣ, вдали, виднѣлась, какъ уже всѣ возы, навьюченные да увязанные, впередъ дышломъ выдвинулись.

Поглядѣть со стороны, такъ совсѣмъ переселяться задумали, все

Digitized by Google

равно какъ года два тому назадъ, въ своей лѣсной сторонѣ, въ „Кандалахъ“ да „Горѣломъ“ выселкѣ, когда въ эту дальнюю сторону сбирались.

Только съ виду эти возы, ощипанные да отрепанные, далеко не такъ сытно, домовито выглядывали.

Не видать уже было тѣхъ горъ-подводъ, что, ставъ на колесную ступицу, рукою до верху не дотянешься; чуть только до грядокъ добра нагруженнаго хватало, а были и такіе возишки, что инда дно изъ-подъ клади просвѣчивало.

Да и скотина возовая не та уже стала, что въ Орскомъ да на пути, степью зеленою. Одры одрами смотрѣли отощалые, запаршивѣвшіе волы, и, щурясь осовѣлыми глазами, глядѣли они на эту грязную, вязкую дорогу, что черною полосою тянулась вдоль по слободкѣ, а оттуда правѣе, степью, мимо города.

Не разъ доводилось мѣрять имъ эту дорогу, хозяйское топливо со степи во дворы переваживая, вотъ и еще разъ пришлось, только подальше немного, верстъ за сто слишкомъ отъ города, къ самому взморью.

Стали запрягать скотину да оглядываться: все-ли забрали съ собою, не позабыли-ли чего?

Кажись, все какъ слѣдуетъ, въ полномъ порядкѣ.

Стали сбираться, переговариваться. Бродятъ такъ безъ дѣла мужики, ждутъ чего-то, а чего—и сами не знаютъ.

— Одначе, благословясь-бы, да съ Господомъ, ась?.. проговорилъ рваный полушубокъ и сталъ на другихъ поглядывать, словно взглядомъ своимъ разрѣшенія выпрашивалъ.

— Нѣшто трогать? поскребъ подъ шапкою другой и тоже сталъ оглядываться.

— Постой, погоди! рѣшилъ третій, а почему такъ рѣшилъ, того и самъ не вѣдалъ.

— Да чего стоять-то! крикнули съ самаго дальняго двора, съ задняго воза.

— Чего? То-то, братъ, больно прытокъ... Тоже вѣдь не шутка; ишь ты, поди, полегче... не сразу... оглядѣмшись тоже, полагать надо. „Трогай!“ какъ-же, вотъ такъ тѣ сейчасъ...

— Извѣстно, согласились тѣ-же голоса на заднемъ возу.

А почему извѣстно—опять-таки не знали. Постояли еще съ четверть часика; солнышко повыше выбралось, пригрѣвать стало.

Digitized by Google

— Батюшки! взвизгнула на всю улицу тетка Маланья.—Нѣшто мы не крещеные!

— Ась?

— Что такое?..

— Безъ молебна-то напутственнаго...

— Безъ напутственнаго никакъ невозможно.

— Какъ безъ молебна... молебенъ безпримѣнно, чтобы съ водосвятіемъ, съ крестнымъ цѣлованіемъ... ишь ты, что выдумали!.. безъ молебна...

— Ребята, кто въ избахъ, выходите всѣ къ молебну... Вываливай живо! Эй, Домна, голубка, куда твой побѣгъ? зови, слышь, къ молебну...

— Эхъ, Никона Денисьича нѣту, старосты обознаго—онъ-бы сразу все обдѣлалъ. Дядя Василій, порадѣй міру, сбери по гривеннику съ рыла, смахай къ отцу Ивану...

— Наше дѣло сторона, тряхнулъ головою дядя Василій.

Вышелъ онъ тоже поглядѣть на сборы нашихъ рыболововъ. Стоитъ Мутило у своей кибитки, а оттуда Мандельбергъ, жидюга-кавалеръ, выглядываетъ. Маметка-татаринъ глаза свои косые щуритъ...

— Погоди, кавалеръ, говоритъ Василій,—дай этихъ сплавить; твои послѣ выйдутъ, раньше поспѣютъ, погоди...

Суета идетъ по улицѣ да по дворамъ крестьянскимъ. Ни толку, ни ладу нѣтъ въ этомъ скороспѣломъ обозѣ, не то, что при Никонѣ, дорогою, подъ его началомъ да присмотромъ.

Который возъ посреди улицы стоитъ, который въ воротахъ застрялъ, а который и со двора не выѣзжалъ еще, стоитъ незапряженный... Бродятъ мужики по деревнѣ, бабы то на возъ заберутся, то опять съ воза слѣзутъ да въ избу пустые углы оглядывать,—не забыли-ли чего.

Молебенъ служить затѣяли, перекоряются, кому деньги молебныя сбирать, кому за отцомъ Иваномъ бѣжать.

— Не пойдетъ батюшко, чай почиваетъ еще, дрыхнетъ, говоритъ одинъ.

— Какъ не пойдетъ, галдитъ другой въ отвѣтъ,—коли, значитъ, долженъ, по своему, то-есть, по положенію. Извѣстно, ежели съ требою, такъ хоть середь ночи... такъ-то!..

До свѣту собираться начали, а уже девятый часъ пошелъ утра,

Digitized by Google

съ мѣста и не думали трогаться. Не ладилось, не клеилось дѣло безъ головы хозяйской, и не разъ приходилось всякому на окна Никонова дома поглядывать.

Тихо тамъ въ дому, ничего и не видно, и не слышно. Молчаливо глядятъ на улицу заклеенныя бумагою окна, словно глаза слѣпые, бѣльмами затянутые; замокъ на ворота повѣшенъ, во дворѣ чисто такъ, все къ мѣсту прибрано... Волы лежатъ подъ навѣсомъ, сѣно камышевое пережевываютъ да на своихъ товарищей поглядываютъ сквозь заборъ,—тоже, надо полагать, какъ и дядя Василій, посмѣиваются...

Выходилъ Степанъ изъ избы раза два; пройдетъ это по двору, поглядитъ косо и опять въ избу спрячется.

Дымокъ вьется изъ трубы печной, такой веселый, привѣтливый; печка, должно быть, у хозяйки топится. Сидитъ она, эта хозяйка, въ теплѣ да въ сытѣ, не надо ей ни муки задаточной, ни рыбы дармовой, никакихъ другихъ харчей, милосердымъ Саввою Вуколычемъ жалованныхъ, потому свое все есть, а на чужое глазъ у ней независтливый.

И тошно Маринѣ, Денисовой внучкѣ, на улицу выглянуть, глаза-бы ея не глядѣли на эти сборы безпутные... и думаетъ женщина:

— Чтобы теперь, на этотъ случай, Никонъ мой наѣхалъ-бы, вернулся; что-бы онъ сказалъ, что-бы сдѣлалъ?.. Рукою на все махнулъ-бы, плюнувши, или на своемъ-бы поставилъ, словомъ-бы своимъ простымъ мірское дѣло пересилилъ-бы!..

— Онъ-бы ихъ, тепереча, раскаталъ, то-есть во какъ! рѣшалъ въ то-же время про себя Степанъ-Малышъ.—Онъ-бы ихъ разнесъ, одно слово!..

Да далеко былъ въ ту пору Никонъ Денисьичъ; и не зналъ онъ, и не чуялъ, какъ распадается, расклеивается широко-задуманное имъ хозяйское дѣло.

— Ребята, хозяинъ самъ ѣдетъ! пронесся крикъ съ городского конца улицы.

— Гляди, гляди! Эвона въ дрожкахъ, самъ правитъ, полведра тащитъ.

Digitized by Google

— Сторонись, дѣдушка!

Поснимали всѣ шапки, сбились въ кучу,—мужики особо, бабы особо, ждутъ.

— Здорово, родимые, здорово, голубчики, Христовы работнички, какъ васъ Господь Богъ милуетъ, всѣ-ли вы въ добромъ здоровьѣ?

— Покорно благодаримъ, Савва Вуколычъ, твоими молитвами, низко такъ поклонились мужики, стоятъ безъ шапокъ да на мѣстѣ переминаются.

Проѣхалъ Савва Вуколычъ шажкомъ по обозу. Меренъ его гладкій, рыже-пѣгій, широко такъ по грязи шагаетъ, такъ и брызжетъ изъ-подъ ногъ во всѣ стороны. Остановился.

Слѣзъ купецъ съ дрожекъ, не торопясь, степенно, привязалъ лошадь къ забору.

— Пособи кто посудину снять, говоритъ,—да нѣтъ-ли стаканчика?

Подсобили снять съ дрожекъ бутыль полведерную, десять рукъ разомъ потянулись за этимъ дѣломъ. Не оказалось стаканчика, чашечку чайную разыскали на возу Маланьиномъ, все единственно.

Всѣ сошлись теперь къ одному мѣсту. Которые и недоговоренные, что оставались, не ѣхали, и тѣ пришли.

— А мы вотъ насчетъ того, значитъ... говорятъ, переминаются,—какъ ежели безъ напутственнаго, никакъ этого невозможно, безъ благословенія, значитъ...

— Это вы точно, согласился Савва Вуколычъ,—только не теперь тому время; съ молебствіемъ поспѣемъ еще. Да это ужь не ваше дѣло и не ваша забота. Какъ прійдете на мѣсто, устроитесь, отецъ Иванъ на Косъ-Аратъ пріѣдетъ; такое ужь у меня заведеніе; тамъ и отслужимъ, передъ началомъ лова.

— Это точно, намъ все единственно. Какъ твоей хозяйской милости будетъ угодно. Твоя воля.

— А вотъ что, братцы, надоть было вамъ еще до свѣту выбираться, къ ночи чтобы безпримѣнно у Раима стать, а на завтра, за-свѣтло, на мѣсто поспѣть; таперь-же не поспѣете, больно долго со сборами мѣшкали.

— Ничего, поспѣемъ.

— Это мы какъ-разъ, намъ долго-ли, не изволь сумлѣваться, потрафимъ въ свое время.

Digitized by Google

— То-то, потрафимъ. Мнѣ, братцы мои, таперь кажинный день дорогъ. Вишь, какое тепло становится—рыба повалитъ, тутъ самый ловъ ейный, а вы еще до мѣста не доѣхали... хозяину убытокъ выходитъ. Такъ-то.

— Это точно.

— Придете къ взморью, ледъ уже взломало тамъ, очистило; ждите меня на берегу, на островъ не переправляйтесь безъ меня; я подъѣду, самъ распоряженіе сдѣлаю. Да вотъ что: много больно вы ребятъ съ собою забираете, не поколѣли-бы тамъ со стужи.

— Куда-же намъ ихъ дѣть? Мы ужь таперь всею семьею. Никакъ безъ эвтого невозможно.

— То-то, послѣ на меня не пеняй, я не отвѣтчикъ. Подходи по одному, живо! Счастливаго пути! Дай Богъ вамъ всего...

— Тебѣ подай Господь всякой милости да по заведенію твоему прибыли. Благослови Господи! Во какъ мы, значитъ, эхъ!

— Подходи, Архипъ, чего упираешься? Бабы, подходи всѣ; живо! не задерживай!..

— Я не потребляю.

— Ну, не ломайся, лакай на доброе здоровье. Поѣдете, къ рѣкѣ ближе держитесь, тамъ покрѣпче, не такъ топко. Да не копайся дорогою, чтобъ завтра къ ночи безпремѣнно...

— Будь покоенъ, это мы все понимаемъ, должны-же мы хозяйское велѣніе понимать...

— Ладно!

Выпили по стаканчику, стали на дорогу вытягиваться. Заскрипѣли возы осями немазанными, потянулись волы, замычали, по колѣно въ грязи вязнуть стали, а гдѣ и поглубже; размочило весеннимъ тепломъ, расклеило степную дорогу. Тихо такъ идетъ обозъ ощипанный, еле-еле впередъ подвигается.

— Въ трое сутокъ дай Богъ добраться, тряхнулъ головою Бородинъ, Савва Вуколычъ, глядя на этотъ обозъ заморенный, на своихъ христовыхъ работниковъ.

Проводилъ купецъ мужиковъ за околицу, выждалъ, пока за пригоркомъ, что дорогу пересѣкалъ, послѣдній возъ спрятался, щелкнулъ возжами своего рыже-пѣгаго и погналъ домой шибкой рысью, пить чай къ своей хозяйкѣ полногрудой, давно уже все по хозяйству справившей, поджидающей его за пузатымъ самова-

Digitized by Google

ромъ да жирною кулебякою, за разными вишневыми и прочими домашностями.

— Ну, сказалъ дядя Василій,—теперь, кавалеръ, нашъ чередъ, только совѣтъ дамъ я тебѣ такой: не прикажи своимъ бабья да ребятъ забирать съ собою, только помѣха одна; пущай тутъ остаются; тебѣ что за печаль о всякомъ брюхѣ заботиться.

— Бозе меня сохрани... затрясъ головою жидюга-кавалеръ. — Бозе меня сохрани...

— Нонѣ у насъ что? авторникъ... ну, такъ въ пятницу утромъ и твои на мѣсто поспѣютъ, ужь это вѣрно; положись ты на мое слово, самъ предоставлю. Пойдемъ въ „Ніаполь", тамъ потолкуемъ...

Тяжело вздохнула Марина, глядя на опустѣлую улицу. А по перовскому тракту лихо звенѣлъ да побрякивалъ приближающійся почтовый колокольчикъ.

Замерло Маринино сердце.

Н. Карамзинъ.

Конецъ I части 2-й книги.

Digitized by Google

БЭКЕРЪ-ПАША

и

ЕГО ЭКСПЕДИЦІЯ ВЪ ЦЕНТРАЛЬНУЮ АФРИКУ.

III.

Гондокоро, значительное селеніе на верхнемъ Нилѣ, находится подъ 4° 54″ с. д., среди многочисленнаго племени баріевъ, которое занимаетъ большое пространство земли, около 90 миль въ длину отъ сѣвера на югъ, и 70 миль въ ширину, не составляетъ одного государства, а дѣлится на многочисленныя, небольшія общины, управляемыя отдѣльными шейхами или старшинами. Страна эта чрезвычайно населена и представляетъ волнистую почву, покрытую роскошной травой, великолѣпными лѣсами, изобилующими тамариндовыми деревьями, до того громадными, что подъ тѣнью нѣкоторыхъ изъ нихъ можетъ укрыться тысячное стадо, и горами, достигающими до 2,500 и 3,000 футовъ вышины. Многочисленные потоки, спускаясь съ этихъ горъ, изливаются въ Нилъ, но лѣтомъ обыкновенно высыхаютъ. Земля вокругъ Гондокоро довольно бѣдная, но на небольшомъ разстояніи отъ берега она очень плодородна и воздѣлывается на большихъ пространствахъ; туземцы преимущественно производятъ индійскую пшеницу и кунжутъ, встрѣчающійся во всей центральной Африкѣ. Вообще баріи старательные земледѣльцы и поля ихъ разбиты на акуратно-обработанные четырехугольные участки. Близь селеній собираютъ втеченіи всего года громадными грудами навозъ отъ стадъ, золу, остающуюся отъ костровъ, и весь

Digitized by Google

соръ изъ жилищъ, а весною, передъ началомъ дождей, это удобреніе дѣлятъ между владѣльцами скота, причемъ на каждую скотину приходится извѣстная мѣра, которую отсчитываютъ большими корзинами. Такимъ образомъ, собственникъ большаго количества скота можетъ обработывать и большее пространство земли. Послѣ подобнаго раздѣла поля покрываютъ густымъ слоемъ удобренія и засѣваютъ, а потомъ уже боронятъ мотыками. По геологическому строю почвы можно было-бы предположить присутствіе драгоцѣнныхъ металовъ, но они еще нигдѣ не открыты и только добывается прекрасное желѣзо. Горы преимущественно гранитныя и мѣстами надъ поверхностью земли длинными рядами, подобно стѣнамъ, тянется бѣлый и розовый кварцъ, а также попадаются обнаженные базальтовые утесы. Въ Гондокоро добывается прекрасная соль, которая служитъ главнымъ предметомъ торговли съ внутренней страной, гдѣ соль—рѣдкость. Селенія баріевъ отличаются удивительной опрятностью. Каждый шалашъ окруженъ небольшимъ дворомъ, вымощеннымъ чѣмъ-то въ родѣ цемента изъ золы, навоза и муравьиной жидкости, и внѣшней, непроходимой изгородью, черезъ которую можно проникнуть только на четвереньках, въ маленькое отверстіе, въ 2 фута вышины. Внутреннія стѣны состоятъ изъ плетня, чисто и акуратно покрытаго цементомъ, который такъ твердъ, что даже держится, когда муравьи подтачиваютъ его деревянную основу. Подлѣ этихъ жилищъ находятся житницы изъ сплетенныхъ ивовыхъ прутьевъ, также обмазанныхъ цементомъ, а для защиты отъ муравьевъ онѣ стоятъ на довольно высокихъ фундаментахъ изъ камня или твердаго дерева. Главное занятіе баріевъ—скотоводство и они владѣютъ громадными стадами. Рогатый скотъ мелкой породы, съ горбами, и преимущественно бѣлой шерсти; овцы также не крупны, но мясо ихъ отличное. Хотя страна изобилуетъ прекрасными пастбищами, но овцы и козы чрезвычайно нѣжной породы и требуютъ, во время сезона дождей, старательнаго ухода; ихъ тогда на ночь убираютъ подъ навѣсъ и обкуриваютъ сухимъ навозомъ для предохраненія отъ мошекъ и комаровъ. Подобно большинству племенъ, обитающихъ на берегахъ Бѣлаго Нила, баріи терпѣть не могутъ продавать свой скотъ, такъ-что чужестранецъ среди изобилія мяса можетъ умереть съ голода. Ихъ многочисленныя стада на ночь загоняются въ *заребы*,

Digitized by Google

нѣчто въ родѣ скотнаго двора безъ крыши, окруженнаго непроницаемыми изгородями изъ чрезвычайно твердаго дерева, похожаго на черное. Изъ этого дерева рубятъ жерди въ палецъ толщиною и въ 8 футовъ вышины, которыя вколачиваютъ въ землю, какъ можно ближе другъ къ другу, и обвиваютъ сухими, колючими терніями. Входъ въ эти *заребы* на-столько узкій, что не можетъ войти болѣе одного животнаго за-разъ, и такимъ образомъ можно легко счесть стадо. Внутри находится нѣсколько жилищъ и круглые навѣсы для телятъ. Вся жизнь баріевъ регулируется барабаннымъ боемъ. Большой барабанъ, принадлежащій шейху, виситъ подъ открытымъ навѣсомъ, такъ-что съ одной стороны онъ защищенъ отъ ненастной погоды, а съ другой—звукъ его слышится отовсюду. По формѣ онъ походитъ на яйцо, срѣзанное съ толстаго конца, и выдалбливается изъ твердаго дерева; внутри онъ пустой, а обѣ оконечности затянуты кожей; размѣры его бываютъ иногда громадные, такъ-что его переносятъ двое мужчинъ. Рано утромъ, передъ восходомъ солнца, раздаются звуки большого барабана, подавая сигналъ извѣстнымъ числомъ ударовъ, чтобы начинали доить коровъ. Когда эта работа окончена женщинами и молодыми людьми, то слышится новый барабанный сигналъ, приглашающій выгонять стада на пастбища. По вечерамъ повторяются тѣ-же сигналы. Въ случаѣ нападенія врага, барабанъ шейха бьетъ набатъ, который черезъ нѣсколько минутъ повторяется всѣми барабанами сосѣднихъ селеній, такъ-что въ самое короткое время всѣ жители берутся за оружіе. Точно также особымъ барабаннымъ боемъ шейхъ созываетъ всю общину на публичныя собранія.

Вообще баріи высокаго роста и очень сильны. Ходятъ они совершенно нагіе и смазываютъ тѣло золою, а въ важныхъ случаяхъ—красноватой глиной, смѣшанной съ саломъ. Женщины не очень уродливы, но красавицъ мало. Онѣ носятъ передникъ спереди и сзади изъ дубленой кожи, опускающійся до колѣнъ, а подъ нимъ нѣчто въ родѣ кольчуги изъ мелкихъ желѣзныхъ колецъ; у бѣдныхъ-же эта кольчуга дѣлается изъ туго-сплетенныхъ бумажныхъ тесемокъ. Всѣ баріи съ малолѣтства воины, такъ-какъ они постоянно находятся въ борьбѣ между собою и съ сосѣдями. Оружіе ихъ состоитъ изъ искусно-сдѣланныхъ копій, которыя они бросаютъ удивительно мѣтко на разстояніи 12 саженъ, и луковъ

Digitized by Google

съ зазубренными стрѣлами, чрезвычайно трудно извлекаемыми изъ тѣла.

Среди этого независимаго племени, ненаходившагося еще тогда подъ властью египетскаго правительства, началъ свою политико-военную дѣятельность генералъ-губернаторъ центральной Африки, Бэкеръ-паша. „Я зналъ, говоритъ онъ,—по своему предыдущему путешествію въ 1863 году, что баріи самые упорные, неподатливые дикари, худшее изъ племенъ, населяющихъ басейнъ Нила, и что австрійскіе мисіонеры въ Гондокоро, послѣ долголѣтнихъ трудовъ и громадныхъ издержекъ, бросили свое святое дѣло, какъ совершенно безнадежное, не приведя въ христіанство ни одного туземца, а баріи сломали мисіонерскій домъ и истолкли въ порошокъ красные кирпичи для смазки своего тѣла, превративъ, такимъ образомъ, храмъ Божій въ pommade divine. Но все-же я не ожидалъ такого мрачнаго пріема, какимъ меня удостоилъ шейхъ гондокорскихъ баріевъ, Аларонъ, отвратительный голый дикарь самаго низкаго свойства, естественные пороки котораго увеличиваются еще отъ постояннаго сношенія съ торговцами невольниками. Я вскорѣ понялъ, въ чемъ дѣло. Впродолженіи многихъ лѣтъ онъ и его народъ были участниками преступнаго торга живымъ товаромъ, а со времени отдачи въ аренду всей окрестной страны Абу-Сауду, онъ сталъ его *вокилемъ* или агентомъ и, естественно, былъ возбужденъ противъ меня. Такимъ образомъ, безчисленныя задержки моей экспедиціи въ Египтѣ дали время торговцамъ невольниками организовать сильное мнѣ противодѣйствіе среди туземцевъ. Негры вообще легко поддаются обману и по природѣ порочные, коварные, готовы вѣрить всему дурному; къ тому-же интересы баріевъ были тожественны съ интересами торговцевъ невольниками. Большое ихъ количество находилось на службѣ у Абу-Сауда и, вооруженные ружьями, они участвовали въ его хищническихъ набѣгахъ на сосѣднія племена; разбойники естественно льнули къ разбойникамъ, а Гондокоро, благодаря своему географическому положенію, былъ средоточіемъ, куда стекалась вся добыча. Конечно, такіе дикіе варвары не могли радушно встрѣтить новаго правительства, стремившагося водворить царство закона и порядка; конечно, такой народъ не могъ оцѣнить благодѣяній хорошей правительственной системы“.

Digitized by Google

Въ чемъ состояли благодѣянія правительственной системы Бэкера-паши и на-сколько были правы „дикіе варвары", не оцѣнивъ ихъ съ самаго начала, мы увидимъ впослѣдствіи, а теперь посмотримъ, въ какомъ положеніи находился новый генералъ-губернаторъ среди враждебнаго ему населенія. Вся страна вокругъ Гондокоро была незадолго до его пріѣзда опустошена сосѣднимъ племенемъ локіевъ, которое мстило баріямъ за содѣйствіе Абу-Сауду въ его набѣгѣ на ихъ округъ. Многолюдныя туземныя селенія совершенно исчезли и жители искали спасенія на ближнихъ островахъ, гдѣ выстроили себѣ жилища и стали воздѣлывать землю, но скота имъ негдѣ было пасти, такъ-какъ они не смѣли переправлять его на материкъ, на свои прежнія великолѣпныя пастбища, изъ боязни неожиданнаго возвращенія враговъ. При такомъ положеніи, казалось-бы, баріямъ слѣдовало воспользоваться предложеніемъ Бэкера и возвратиться подъ его покровительствомъ на свои прежнія владѣнія, но они упорно отказывались войти съ нимъ въ какое-нибудь соглашеніе и продавать ему жизненные припасы, очевидно, полагая, что, встрѣтивъ неудачу, онъ возвратится въ Картумъ. Но энергичный англичанинъ не унывалъ, а видя, что ему не откуда ждать помощи, сталъ самъ устраивать жилища для своихъ людей и воздѣлывать поля и огороды. Тогда Аларонъ явился къ Бэкеру и между ними произошелъ любопытный разговоръ, передавая который, образованный европеецъ не можетъ не согласиться, что „отвратительный, обнаженный дикарь" былъ логичнѣе его.

— Какъ долго вы намѣрены оставаться здѣсь? спросилъ Аларонъ и, не дожидаясь отвѣта, продолжалъ:—вамъ-бы лучше возвратиться въ Картумъ, а то я съѣмъ, что вы посѣяли.

— Гондокоро будетъ средоточіемъ новаго управленія, отвѣчалъ Бэкеръ;—въ немъ всегда будетъ войско и мы станемъ разводить пшеницу въ большихъ размѣрахъ.

— А кому принадлежитъ эта земля, вамъ или мнѣ? спросилъ онъ.

— Вашъ народъ изгнанъ отсюда болѣе многочисленнымъ врагомъ и мы нашли эту мѣстность незанятою, произнесъ Бэкеръ;—вся земля принадлежитъ теперь хедиву египетскому, но если туземцы желаютъ возвратиться, то я имъ отведу ихъ прежнія владѣнія.

Digitized by Google

— Кому принадлежитъ это дерево? снова спросилъ Аларонъ, указывая на дерево, подъ тѣнью котораго они разговаривали.

— Оно принадлежитъ хедиву египетскому, отвѣчалъ Бэкеръ:— онъ теперь покровитель всей этой страны, а я присланъ, чтобъ установить власть его покровительства.

— Нѣтъ, право, уѣзжайте въ Картумъ! воскликнулъ Аларонъ,—намъ не надо никакого покровительства.

„Безъ сомнѣнія, прибавляетъ Бэкеръ: — говоря теоретически о правахъ народа, всякое присоединеніе чужой страны есть нарушеніе этихъ правъ; но если-бы придерживаться подобнаго правила, то не было-бы прогреса въ исторіи человѣчества".

Излишне опровергать этотъ очевидный софизмъ и вообще мы приводимъ подобныя, болѣе чѣмъ странныя фразы Бэкера только для полной его характеристики. Но если можно сомнѣваться въ справедливости многихъ изъ его дѣйствій и проповѣдуемыхъ принциповъ, то его энергія и распорядительность выше всякихъ похвалъ. Прибывъ 15 апрѣля въ Гондокоро, Бэкеръ, не теряя времени, выбралъ мѣсто для главной квартиры своего отряда и для своего собственнаго жилища. Въ послѣднемъ отношеніи выборъ его остановился на возвышенной береговой полосѣ земли въ 6 акровъ. Діобія (удобное палубное судно, употребляемое на Нилѣ), на которой помѣщалась леди Бэкеръ, стояла на якорѣ у берега, и красивый зеленый лужокъ, доходившій до самой воды, съ великолѣпнымъ тѣнистымъ деревомъ, служилъ гостиной на чистомъ воздухѣ. Вокругъ возвышались построенныя въ нѣсколько дней чистенькія хижины для 40 тѣлохранителей Бэкера и слугъ; каждое изъ этихъ жилищъ было окружено отдѣльнымъ садомъ или огородомъ, въ которомъ черезъ недѣлю были уже посажены лукъ, редисъ, бобы, шпинатъ, огурцы, дыни, арбузы, табакъ, капуста и т. д. Главная квартира отряда, на мѣстѣ австрійскаго миссіонерскаго дома, состояла также изъ опрятныхъ шалашей, окруженныхъ полями съ пшеницею на 10 акрахъ и огородами, гдѣ солдаты ежедневно работали отъ 6 до 11 часовъ. Въ короткое время, къ 27 апрѣля, все, что было засѣяно и посажено, благополучно взошло, а черезъ мѣсяцъ новый постъ былъ совершенно готовъ и окруженъ изгородью; кладовыя и пороховой магазинъ подведены подъ желѣзныя крыши и экспедиція

Digitized by Google

окончательно водворилась въ этой мѣстности, долженствовавшей служить базисомъ послѣдующихъ дѣйствій Бэкера.

Устроивъ, такимъ образомъ, свое первое селеніе въ подчиненной имъ странѣ, Бэкеръ рѣшился торжественно присоединить ее къ Египту, для чего пригласилъ всѣхъ туземныхъ старѣйшинъ, и 27 мая, на заранѣе разчищенной полянѣ, нѣчто въ родѣ Марсова поля, онъ сдѣлалъ смотръ своему отряду, состоявшему изъ 1,200 человѣкъ и 10 нарѣзныхъ орудій. Послѣ парада былъ прочтенъ офиціальный актъ о присоединеніи страны къ Египту, и посреди поляны, на высокой мачтѣ, при пушечной пальбѣ, поднятъ египетскій флагъ. Для большаго доказательства туземцамъ, что ихъ земля принадлежитъ хедиву, Бэкеръ назвалъ въ его честь Гондокоро Измаиліей, но хотя онъ выражаетъ надежду, что это названіе останется, онъ самъ постоянно употребляетъ старое прозвище. Торжественное описаніе этой офиціальной церемоніи невольно вызываетъ улыбку, особенно когда черезъ нѣсколько страницъ самъ Бэкеръ восклицаетъ: „хорошо было водворять правительство и начинать цивилизацію центральной Африки, но намъ хотѣлось ѣсть, а туземцы не доставляли никакого продовольствія". Дѣйствительно, положеніе Бэкера съ женою, 1,200 солдатами, 400 матросами и 6 англичанами было самое грустное; они голодали и кормились воробьями, а передъ ними паслись тысячныя стада, которыхъ туземцы не хотѣли продавать, но ежедневно пригоняли на тучныя пастбища вокругъ Гондокоро, составлявшія, по словамъ Бэкера, собственность хедива. „Этого терпѣть было рѣшительно невозможно, говоритъ онъ.—Мои люди, послѣ столькихъ трудовъ и лишеній во время пяти-мѣсячнаго путешествія, вмѣсто обѣщанной имъ обѣтованной земли и дружескаго пріема, какъ освободителей, благодарнымъ населеніемъ, нашли новую, тяжелую работу по постройкѣ жилищъ, голодъ и недоброжелательство разбойничьяго племени, жившаго добычею, награбленной у болѣе слабыхъ сосѣдей. Я видѣлъ, что меня голодомъ хотятъ заставить отказаться отъ моего предпріятія, и потому серьезно предупредилъ Аларона, что опасно шутить съ голоднымъ львомъ. Онъ усмѣхнулся и отвѣчалъ: „если вамъ нуженъ скотъ, то я вамъ дамъ проводниковъ и вы можете, грянувъ на моего сосѣда, захватить его стада, которыхъ вамъ хватитъ надолго". Но я возразилъ, что не считаю приличнымъ грабить людей, не-

Digitized by Google

сдѣлавшихъ мнѣ ничего дурного, и въ виду его упорнаго отказа въ содѣйствіи правительству, запретилъ ему пасти скотъ на казенной землѣ, грозя въ противномъ случаѣ его секвестровать.

Какъ и слѣдовало ожидать, туземцы, не обращая никакого вниманія на слова генералъ-губернатора, явились на другой день съ своими стадами на казенныя пастбища и Бэкеръ приказалъ ихъ конфисковать. Тогда къ нему пришелъ Аларонъ съ недовольнымъ лицомъ и торжественно спросилъ: „зачѣмъ угнанъ нашъ скотъ?“ На послѣдовавшемъ совѣщаніи съ туземными старѣйшинами Бэкеръ старался убѣдить баріевъ искренно признать власть Египта и оказать помощь правительству, которое будетъ ихъ охранять отъ набѣговъ сосѣдей; сначала они согласились на все, но какъ только имъ былъ возвращенъ скотъ, то забыли всѣ свои обязательства, и по приказанію Бэкера скотъ снова былъ конфискованъ. На новомъ совѣщаніи туземцы поставили уже прямо условіемъ своей дружбы совмѣстное нападеніе на ихъ сосѣдей локіевъ. Тщетно увѣрялъ ихъ Бэкеръ, что прежняя система Абу-Сауда, вступавшаго въ союзъ съ однимъ туземнымъ племенемъ для грабежа другого, была болѣе немыслима и что онъ не дозволитъ подобныхъ жестокостей, такъ-какъ его главной цѣлью было уничтоженіе торга невольниками, прямого послѣдствія этой системы. Они презрительно смѣялись надъ его словами, хотя признавали пользу уничтоженія торга невольниками въ ихъ племени, и торжественно заявляли, что, несмотря на присутствіе египетскаго генерала и солдатъ, торговцы невольниками будутъ продолжать по-прежнему свою дѣятельность. По ихъ словамъ, иначе вести дѣло въ этой странѣ было невозможно, и они совѣтовали Бэкеру, какъ единственное средство, вступить въ мирныя сношенія съ туземными племенами, отбивать скотъ и брать въ неволю женщинъ. „Бесѣды съ подобными людьми были безумной тратой времени, говоритъ Бэкеръ;—эти грубые, тупые дикари могли преклониться только передъ силою“.

Послѣ этихъ безуспѣшныхъ переговоровъ туземцы нѣсколько дней вовсе не показывались, а потомъ стали врасплохъ нападать на постъ Бэкера, стараясь завладѣть своимъ скотомъ; часовые открывали по нимъ огонь, а они отвѣчали дождемъ стрѣлъ. „Война началась“, говоритъ Бэкеръ, и онъ издалъ 1-го іюня слѣдующій приказъ по своей маленькой арміи:

Digitized by Google

„Туземцы племени Бари ослушались правительства и отказались подчиняться установленнымъ порядкамъ, а потому необходимо силою принудить ихъ къ повиновенію. Въ случаѣ открытія военныхъ дѣйствій, я формально воспрещаю брать въ плѣнъ женщинъ и дѣтей обоего пола. Кто изъ офицеровъ или солдатъ нарушитъ этотъ приказъ, подвергнется смертной казни.

С. С. Бэкеръ".

Такимъ образомъ, наступилъ новый фазисъ экспедиціи Бэкера-паши, продолжавшійся около полугода и посвященный исключительно войнѣ съ туземными племенами вокругъ Гондокоро съ цѣлью покорить ихъ страну и воспользоваться ихъ жатвами и стадами для продовольствія голодавшей арміи.

Военныя дѣйствія со стороны европейскаго полководца начались съ нападенія, среди глухой ночи, на островъ баріевъ, но оказалось, что они, покинувъ свои жилища, удалились на противоположный берегъ, полагая, что тамъ ихъ не отыщутъ; но Бэкеръ настигнулъ бѣглецовъ и, отбивъ значительную часть ихъ стада, возвратился побѣдителемъ въ Гондокоро. Вслѣдъ за этимъ, узнавъ, что его врагамъ помогали жители сосѣдней общины Белиніанъ, онъ предпринялъ туда походъ, также подъ покровомъ мрака, во главѣ отряда въ 70 человѣкъ и съ однимъ орудіемъ. Но несмотря на всѣ предосторожности, ему не удалось поймать туземцевъ врасплохъ; по всей окрестной странѣ раздался барабанный набатъ, и атака большой, круглой заребы съ удивительно твердыми палисадами стоила большихъ усилій, особенно ворота изъ желѣзнаго дерева ни за что не поддавались. Наконецъ, осажденные барія сами сдѣлали вылазку и, прорвавшись черезъ ряды осаждающихъ, скрылись въ сосѣдніе лѣса, куда со всѣхъ сторонъ стали собираться новыя силы туземцевъ, очень мѣтко метавшихъ стрѣлы по всѣмъ направленіямъ. Захвативъ въ заребѣ 600 головъ скота, европейскій полководецъ поджегъ несчастныя жилища дикарей и преслѣдовалъ ихъ на разстояніи двухъ миль по плодородной равнинѣ, усѣянной многочисленными селеніями и воздѣланными полями. При этомъ онъ самъ „далъ нѣсколько выстрѣловъ, чтобы доказать варварамъ настоящую цѣну англійскаго штуцера", а благодаря оружію, которое бросало восьми-фунтовыя бомбы, „непріятели не смѣли вступить въ открытый бой". Отогнавъ ихъ на столь приличное разстояніе, что они не могли

Digitized by Google

мѣшать его дѣйствіямъ, Бэкеръ побѣдоносно отвелъ завоеванный скотъ въ главную квартиру своей голодающей арміи.

Черезъ нѣсколько дней послѣ этого подвига въ Гондокоро явился злѣйшій врагъ Бэкера, Абу-Саудъ, который теперь, послѣ смерти Агада, былъ представителемъ его фирмы. Хотя прибытіе его, какъ поставщика отряда, было, повидимому, очень естественно, Бэкеръ-паша отзывается о немъ въ самыхъ рѣзкихъ выраженіяхъ. „Абу-Саудъ съ 500 разбойниками, говоритъ онъ,—пригналъ стадо въ 1,400 головъ, которое, несмотря на мои распоряженія, онъ похитилъ у одного изъ сосѣднихъ племенъ, и нахально дерзнулъ явиться съ этой добычей на мои глаза. Подобная добыча—самая лучшая рекомендація въ Африкѣ, и разбойничье племя Аларона встрѣтило съ радостью человѣка, который всегда доставлялъ имъ возможность отбивать у сосѣдей стада и невольниковъ. Несмотря на то, что барін были съ нами въ открытой войнѣ и что это хорошо зналъ Абу-Саудъ, онъ находился съ ними въ самыхъ дружескихъ отношеніяхъ; они помогали ему устроить лагерь и вообще привѣтствовали его прибытіе, какъ предвѣстника счастливаго времени, потому что Гондокоро былъ главнымъ базисомъ всѣхъ разбойничьихъ экспедицій“. Однако, по всей вѣроятности, съ точки зрѣнія баріевъ мало было различія между дѣйствіями англійскаго паши и „вѣроломнаго разбойника“, какъ онъ называетъ Абу-Сауда, развѣ только первый былъ новый врагъ, а послѣдній—старый другъ. Они врядъ ли могли понять тонкую границу, проводимую пашою между причинами, побудившими его отнимать у нихъ стада, и принципами, которыми руководствовался Абу-Саудъ при грабежѣ сосѣднихъ племенъ. Какъ-бы то ни было, Бэкеръ торжественно заявляетъ, что онъ не могъ терпѣть въ Гондокоро подобныхъ грабителей, которые внушали туземцамъ презрѣніе къ законному правительству, и офиціально объявилъ Абу-Сауду, чтобы, по истеченіи его контракта съ правительствомъ, онъ удалился изъ предѣловъ генералъ-губернаторства центральной Африки, а похищенныя у туземцевъ стада приказалъ конфисковать. „Единственно, въ чемъ я могу себя упрекнуть, впродолженіи всей экспедиціи, продолжаетъ Бэкеръ,—это въ излишней мягкости, выказанной мною въ настоящемъ случаѣ. Мнѣ слѣдовало заковать въ кандалы Абу-Сауда и отправить его въ Картумъ, а не дозволить на свободѣ вести ин-

Digitized by Google

триги противъ правительства". Что касается до конфискованныхъ стадъ, то Бэкеръ хотѣлъ возвратить ихъ племени Ширъ, у котораго они были отбиты, но и въ этомъ, если не прямо, то косвенно помѣшалъ Абу-Саудъ. Черезъ нѣсколько времени Бэкеръ узналъ, что небольшой отрядъ, оставленный имъ у одного изъ шейховъ этого племени, былъ истребленъ туземцами въ отмщенье за грабежъ Абу-Сауду, такъ-какъ они принимали солдатъ египетскаго правительства за его соучастниковъ. Въ виду такого поступка шировъ, Бэкеръ не только не возвратилъ имъ отобранныхъ у Абу-Сауда стадъ, но даже впослѣдствіи предалъ ихъ страну опустошенію.

Между тѣмъ баріи продолжали безпокоить почти каждый день ночными нападеніями армію Бэкера, несмотря на значительныя потери убитыми и ранеными. „Я отчасти восхищался ихъ упорствомъ говоритъ онъ, — и ихъ лазутчики отличались необыкновенной смѣлостью. Любимая наступательная система баріевъ состоитъ въ томъ, что они ночью, когда огнестрѣльное оружіе менѣе опасно, подходятъ къ непріятельскому лагерю за пол-мили и, спрятавшись въ лѣсу или въ высокой травѣ, посылаютъ впередъ лазутчиковъ для рекогносцировки. Эти послѣдніе, совершенно нагіе, подкрадываются незамѣтно на четвереньках къ самымъ часовымъ и, растянувшись на животѣ, высматриваютъ все, что имъ надо, а потомъ возвращаются въ аріергардъ. Наконецъ, точно также на четвереньках, приближается въ совершенномъ безмолвіи весь отрядъ и бросается на лагерь съ дикими криками. Подобная неожиданная атака чрезвычайно опасна, если непріятель не подготовленъ, и этимъ путемъ были уничтожены цѣлые отряды торговцевъ невольниками". Между всѣми ночными нападеніями самое замѣчательное было дѣло 21 іюля, когда баріи, соединившись съ белиніанами и своими постоянными врагами локіями, произвели громадными силами общую атаку главной квартиры Бэкера. Ихъ предпріятіе едва не увѣнчалось успѣхомъ, такъ-какъ они застали врасплохъ спящихъ часовыхъ, и маленькая армія Бэкера была спасена только непроходимой палисадой, окружавшей лагерь, и ружейнымъ огнемъ 1,200 человѣкъ. При этомъ, однако, Бэкеръ очень жалуется на дурную стрѣльбу своихъ солдатъ, такъ-какъ, при громадномъ количествѣ выпущенныхъ снарядовъ, „вся равнина должна была-бы покрыться трупами", и на

Digitized by Google

нераспорядительность египетскихъ офицеровъ, которые забыли пустить въ дѣло орудія и дозволили непріятелю захватить ихъ врасплохъ. Вообще только „сорокъ разбойниковъ", то-есть отрядъ тѣлохранителей Бэкера, составляли вполнѣ надежную силу, хотя они также не всѣ одинаково хорошо стрѣляли. Поэтому, видя, что часовые ихъ отдѣльнаго лагеря никогда не спятъ, что многіе изъ нихъ мѣткіе стрѣлки и что они искусно ловятъ лазутчиковъ, изъ которыхъ одинъ для примѣра былъ повѣшенъ на деревѣ, баріи перестали ихъ безпокоить и сосредоточили всѣ свои силы на главной квартирѣ арміи. Тогда Бэкеръ приказалъ своему главному инженеру Гигенботому выстроить передъ большимъ лагеремъ укрѣпленный фортъ съ валомъ и рвомъ, что и было сдѣлано въ короткое время. Эта мѣра имѣла тѣмъ большее значеніе, что наступательная война становилась съ каждымъ днемъ все необходимѣе, а обезопасивъ свой базисъ, Бэкеръ могъ „дѣлать натиски на туземцевъ по всѣмъ направленіямъ". Къ подобнымъ дѣйствіямъ его побуждалъ, главнымъ образомъ, недостатокъ продовольствія въ виду неурожая на обработанныхъ имъ поляхъ, по случаю страшныхъ дождей, и прекращеніе всякихъ сношеній съ Картумомъ по причинѣ совершенной несудоходности Нила въ въ это время года. Поля пшеницы, находившіяся на островѣ баріевъ близь Гондокоро, представили-бы достаточное количество хлѣба на долгое время, но солдаты, подстрекаемые Абу-Саудомъ, такъ лѣниво и небрежно работали по уборкѣ зерна, что болѣе половины жатвы было растащено туземцами и истреблено мелкими птицами, которыя тучами носились надъ полями и ловко выклевывали сердцевину зерна, усѣевая землю шелухою. Не вдалекѣ-же, въ Белиніанѣ, было около 2,000 акровъ пшеницы, которою легко было овладѣть неожиданнымъ нападеніемъ, и Бэкеръ рѣшился предпринять туда экспедицію съ цѣлью фуражировки, безсознательно, какъ-бы инстинктивно слѣдуя примѣру губернатора Фашоды, Али-Бея, удаленію котораго онъ самъ содѣйствовалъ за подобный способъ податей.

30 августа этотъ просвѣтитель дикарей выступилъ въ походъ съ отрядомъ въ 450 человѣкъ, однимъ орудіемъ и ракетной батареей, такъ-какъ белиніанскіе баріи были вооружены ружьями и снарядами, отбитыми у торговцевъ невольниками и частью доставленными Абу-Саудомъ, съ которымъ они помирились, хотя

Digitized by Google

нѣсколько времени передъ этимъ онъ коварно умертвилъ ихъ шейха и старѣйшинъ, заманивъ ихъ въ Гондокоро подъ предлогомъ веселаго пира. Прибывъ въ долину Белиніана на разсвѣтѣ, Бэкеръ тотчасъ приступилъ къ атакѣ въ штыки возвышенностей, на которыхъ помѣщались заребы, гдѣ засѣли туземцы въ большомъ количествѣ, очевидно рѣшившись на мужественную защиту. Ихъ позиція была чрезвычайно сильная, но они никогда не видывали такого приступа и передъ штыкомъ „позорно бѣжали, какъ обезьяны, ловко карабкаясь на горы, въ то время, какъ весело свиставшія пули подстрекали ихъ энергію". Пустивъ въ догонку непріятелю нѣсколько бомбъ, Бэкеръ поджегъ заребы и остановился на ночлегъ. На другой день, перейдя черезъ горный кряжъ, онъ очутился на возвышенной полянѣ, усѣянной роскошными полями созрѣвшей пшеницы, среди которыхъ виднѣлись только крыши сотенъ туземныхъ селеній. „Повсюду раздавались звуки барабановъ и роговъ, говоритъ онъ; — боясь, чтобъ баріи не разставили стрѣлковъ въ засадѣ между высокой пшеницей, я приказалъ пустить нѣсколько ракетъ и бомбъ, которыя произвели большой эфектъ, жужжа и разрываясь среди колосьевъ, проникая чрезъ палисады заребъ и опустошая жилища. Вслѣдъ затѣмъ я подалъ сигналъ къ общему наступленію и солдаты на штыкахъ ворвались въ заребы, которыхъ оказалось шесть на пространствѣ четырехъ акровъ. Они представляли прекрасную, укрѣпленную позицію, и я занялъ съ своимъ войскомъ четыре изъ нихъ, составлявшіе нѣчто въ родѣ квадрилатера. Разставивъ часовыхъ во многихъ мѣстахъ, особенно на крышахъ, я приступилъ немедленно къ уборкѣ хлѣба и къ закату солнца было уже очищено около шести акровъ." Эта работа продолжалась слѣдующіе дни, и туземцы, видя, что имъ невозможно противостоять силою новымъ врагамъ, послали женщинъ, отличающихся дипломатическими способностями, вступить съ Бэкеромъ въ мирные переговоры. Конечно, это была только искусная проволочка времени, но Бэкеръ, по его словамъ, „всегда склонный къ миру и только насильно вовлеченный въ войну", охотно принялъ посольство, среди котораго особенно была замѣчательна сестра стараго шейха Жарды. Эта очень умная и ловкая женщина, разыгрывавшая роль министра иностранныхъ дѣлъ, объяснила политику своего племени, на-сколько ей это было нуж-

Digitized by Google

но, заявляя, что всѣ женщины были въ пользу новаго правительства и готовы употребить все свое вліяніе на мужчинъ, многіе изъ которыхъ, по ея словамъ, имѣли очень „тупыя головы". Послѣ долгихъ совѣщаній Бэкера съ нею и съ старѣйшинами окрестной страны белиніанскіе баріи признали надъ собою власть египетскаго правительства и предложили сдѣлать общій набѣгъ съ солдатами хедива на сосѣднюю страну, обѣщая, что тамъ найдется богатая жатва, уже убранная въ житницы, которую они сами перенесутъ въ Гондокоро. По всей вѣроятности, это была новая хитрость со стороны туземцевъ, которые хотѣли въ сущности разъединить силы Бэкера и уничтожить ихъ по частямъ. Онъ понялъ, въ чемъ дѣло, и, какъ-бы соглашаясь на ихъ планъ, поставилъ условіемъ, чтобъ они прежде похода на Локко доказали свою преданность правительству и отнесли собранную солдатами пшеницу въ Гондокоро. Они на все согласились, но ничего не исполнили, и, понявъ свою неудачу, прекратили всякія сношенія съ отрядомъ. При этомъ Бэкеръ замѣчаетъ, что всѣ африканскія племена, несмотря на свою хитрость и коварство, никогда не имѣютъ достаточно терпѣнія и самопожертвованія, чтобы довести до конца искусно-задуманный планъ. Для успѣха своего предпріятія белиніанамъ надо было съ полной готовностью отнести пшеницу въ Гондокоро и, заслуживъ довѣріе Бэкера, уже приступить къ исполненію роковой измѣны. Но они, подобно плохимъ шахматнымъ игрокамъ, обдумали только первые шаги и, встрѣтивъ неудачу, стали втупикъ. Черезъ нѣсколько дней баріи начали снова, но уже не открытую, а подземную борьбу: разсѣявшись по всей мѣстности, гдѣ солдаты собирали пшеницу, и прячась за высокіе стебли пшеницы или за траву, убивали ихъ по одиночкѣ. „Вотъ, восклицаетъ Бэкеръ, — какъ этотъ вѣроломный народъ вознаграждалъ меня за всю мою доброту и желаніе принести пользу ихъ странѣ". Видя невозможность открытыми военными дѣйствіями покончить съ ними, онъ рѣшился бороться съ ними ихъ-же оружіемъ: засадой противъ засады. Впродолженіи нѣсколькихъ дней онъ размѣщалъ 50 лучшихъ изъ своихъ стрѣлковъ въ различныхъ засадахъ вокругъ своего лагеря на нѣсколько миль, и при появленіи баріевъ отовсюду открывался противъ нихъ огонь; солдаты на каждомъ шагу какъ-бы выползали изъ земли и несчастнымъ не было никакого спасенія;

Digitized by Google

ихъ преслѣдовали со всѣхъ сторонъ, какъ зайцевъ, и даже стрѣляли, какъ грачей, на деревьяхъ, гдѣ они искали убѣжища. Эта система военныхъ дѣйствій вполнѣ удалась и порядокъ воцарился въ странѣ баріевъ. Туземцы очистили всю окрестную мѣстность, и послѣ тридцати-пяти-дневной экспедиціи Бэкеръ возвратился въ Гондокоро съ запасомъ въ 270 четвериковъ пшеницы, достаточныхъ для двухмѣсячнаго продовольствія своего отряда. Однако этотъ матеріяльный результатъ похода могъ быть гораздо лучше, если-бъ солдаты работали энергичнѣе, а то они не только дозволяли туземцамъ таскать зерно большими корзинами, но даже сами поджигали полныя житницы, въ надеждѣ, что когда не станетъ хлѣба, Бэкеръ вернется въ Картумъ.

Въ этомъ тайномъ противодѣйствіи всѣхъ членовъ экспедиціи, кромѣ англичанъ и Абдель-Кадера съ его 40 разбойниками, заключалась одна изъ главнѣйшихъ опасностей для предпріятія Бэкера. Повидимому, египетскіе офицеры и солдаты „не очень сочувствовали войнѣ“ при той строгой дисциплинѣ, которую соблюдалъ англійскій паша, подвергавшій тѣлесному наказанію солдатъ за малѣйшій проступокъ, а особенно въ виду непонятнаго для нихъ воспрещенія грабить жилища побѣжденныхъ и брать въ плѣнъ женщинъ и дѣтей. Наибольшую вражду къ экспедиціи питалъ начальникъ отряда Рауфъ-Бей и офицеры, которые еще во время путешествія по Нилу дерзко ослушались главнокомандующаго и купили 126 невольниковъ, а въ Гондокоро, подружившись съ Абу-Саудомъ, стали всячески подкапываться подъ успѣхъ ненавистнаго имъ предпріятія. Впрочемъ, надо сознаться, что ихъ положеніе было незавидное. Они терпѣли всевозможныя лишенія и усталость, работали въ полѣ и по устройству лагеря, сражались съ туземцами, голодали, постоянно находились въ опасности—и все для чего? Для достиженія ненавистной имъ цѣли уничтоженія торга невольниками, какъ увѣряли ихъ главнокомандующій и фирманъ хедива. Ко всему этому надо прибавить распространеніе въ отрядѣ тяжкихъ болѣзней: лихорадки, дисентеріи и язвы на ногахъ, производимой ядовитой травой, а также лошадиный падежъ, пощадившій во всемъ отрядѣ только 23 лошади, и частыя нападенія крокодиловъ при переправахъ черезъ рѣку. Наконецъ, 13 октября вспыхнулъ открытый мятежъ. Рауфъ-Бей переслалъ Бэкеру три

Digitized by Google

петиціи отъ всѣхъ офицеровъ отряда, кромѣ 40 разбойниковъ, въ которыхъ торжественно заявлялось, что необходимо отказаться отъ дальнѣйшаго продолженія экспедиціи и возвратиться въ Картумъ, такъ-какъ нѣтъ хлѣба и всѣ солдаты умрутъ съ голода. Но Бэкеръ не испугался и не потерялъ головы. „Клянусь Богомъ, пишетъ онъ въ этотъ самый день въ своемъ дневникѣ,— ни одинъ человѣкъ не вернется безъ моего приказанія, будутъ-ли они бунтовать или нѣтъ. Я тотчасъ пошлю эти письма офицеровъ къ хедиву. Но все-же около получаса послѣ ихъ полученія я былъ внѣ себя. Казалось, вся надежда исчезла. Что было дѣлать съ такими низкими измѣнниками, друзьями Абу-Саудa?“ Эта нерѣшительность продолжалась, однако, недолго: съ необыкновенной энергіей и придерживаясь своего постояннаго правила, что цѣль оправдываетъ средства, онъ ничего не отвѣчалъ офицерамъ, а приказалъ большей части отряда выступить въ ту-же ночь въ походъ. Его мятежная армія жаловалась на недостатокъ хлѣба, и онъ рѣшился подавить бунтъ, выведя ее снова на грабежъ, или, какъ онъ деликатно выражается, „на сборъ пшеницы“. На этотъ разъ жертвою дальновидной политики англійскаго паши сдѣлались баріи, жившіе на островахъ Регіафъ, въ 11 миляхъ отъ Гондокоро, и провинившіеся въ томъ только, что стерегли на своихъ пастбищахъ стада белиніанъ во время его похода на послѣднихъ.

Земля регіафскихъ баріевъ оказалась еще многолюднѣе и плодороднѣе всѣхъ сосѣднихъ округовъ; хлѣбъ былъ уже весь убранъ съ полей и сложенъ въ небольшихъ ивовыхъ житницахъ, возвышавшихся въ безчисленныхъ селеніяхъ, густо покрывавшихъ берегъ материка и близьлежащіе острова. При видѣ этой обѣтованной земли мятежный отрядъ Бэкера пришелъ въ неописанный восторгъ; воспользовавшись этимъ новымъ настроеніемъ, какъ офицеровъ, такъ и солдатъ, Бэкеръ произнесъ приличную обстоятельствамъ рѣчь, въ которой объявилъ, что теперь отъ нихъ зависѣло сдѣлать запасъ хлѣба на долгое время и что впредь имъ будетъ выдаваться двойной ежедневный раціонъ, но никто, кромѣ больныхъ, не возвратится въ Картумъ. Всѣ принялись съ энергіей за молотьбу, переноску хлѣба на берегъ и нагрузку на суда, которыя постоянно ходили взадъ и впередъ между Гондокоро и маленькимъ лагеремъ, устроеннымъ на берегу Нила, во

Digitized by Google

вновь завоеванной странѣ. Что-же касается туземцевъ, то они, по обыкновенію, отказавшись отъ всякихъ торговыхъ сношеній, безъ боя оставили свои жилища, откуда по временамъ дѣлали неудачныя нападенія на непріятеля, спокойно собиравшаго плоды ихъ трудовъ. Самая замѣчательная изъ этихъ стычекъ происходила 4 ноября, и Бэкеръ лично принялъ въ ней главное участіе, дѣйствуя скорѣе, какъ искусный охотникъ на дикихъ звѣрей, чѣмъ какъ начальникъ гуманной, цивилизующей экспедиціи. Большія толпы баріевъ напали на незначительный его отрядъ въ мѣстности, „лучше которой трудно вообразить для стрѣльбы въ цѣль", но паша запретилъ своимъ солдатамъ стрѣлять, чтобъ не тратить по-пусту снаряды, а только приказалъ заряжать для себя ружья. Самъ-же, помѣстившись внутри круглой житницы, съ которой онъ сбилъ крышу, открылъ убійственный огонь по всѣмъ направленіямъ. „Впереди туземцевъ, разсказываетъ онъ,— шелъ негръ, выкрашенный въ красную краску, точно палка сургуча, съ большими браслетами изъ слоновой кости на рукахъ. „Это шейхъ", шепнулъ мнѣ одинъ изъ солдатъ. Я прицѣлился— и выстрѣлъ изъ житницы распростеръ его на землѣ. Нѣсколько туземцевъ бросились къ нему, но одинъ изъ нихъ тотчасъ-же упалъ отъ второго выстрѣла, направленнаго въ него. Однако, онъ быстро вскочилъ, какъ кошка, и обратился въ бѣгство. Третій выстрѣлъ распласталъ негра, котораго приняли въ свои объятія его товарищи". Такимъ образомъ въ короткое время Бэкеръ очистилъ отъ непріятеля всю мѣстность на тысячу футовъ вокругъ селенія и нагналъ такой страхъ на бѣдныхъ негровъ, никогда невидавшихъ столь ловкаго охотника, что они уже болѣе не нападали на его отрядъ, который спокойно нагрузилъ на суда весь захваченный хлѣбъ.

Прежде, чѣмъ возвратиться со своею добычею въ Гондокоро, англійскій паша предпринялъ экспедицію на послѣдній изъ нильскихъ пороговъ, гдѣ обитало могущественное племя беденскихъ баріевъ. Они оказались очень миролюбивымъ народомъ, неимѣвшимъ никогда сношеній съ торговцами невольниковъ, и принявъ Бэкера очень радушно, предложили даже доставать ему хлѣбъ, если онъ въ немъ нуждался. Во время его пребыванія въ ихъ странѣ, также очень плодородной и многолюдной, онъ случайно наткнулся на стадо слоновъ и, убивъ двухъ громадныхъ живот-

Digitized by Google

ныхъ, раздѣлилъ ихъ мясо между туземцами. Это, повидимому, незначительное обстоятельство имѣло очень важныя послѣдствія. Регіафскіе баріи, завидуя счастью своихъ сосѣдей, отправили къ Бэкеру пословъ съ предложеніемъ мира. Принявъ около двадцати шейховъ главнѣйшихъ селеній, онъ выразилъ свое сожалѣніе, что былъ вынужденъ насильственно захватить ихъ пшеницу. На это они отвѣчали съ усмѣшкой, что всегда между незнакомыми людьми сначала бываютъ недоразумѣнія, что голодные естественно стараются набить свой желудокъ, и потому онъ совершенно правильно взялъ ихъ хлѣбъ, тѣмъ болѣе, что эта потеря имъ нисколько не чувствительна, такъ-какъ они припрятали значительный запасъ, а плодородная почва вскорѣ дастъ новую жатву. Мало-по-малу, конечно, выяснилось ихъ главное желаніе—принять участіе въ раздѣлѣ мяса убитыхъ слоновъ. Бэкеръ съ удовольствіемъ далъ имъ часть добычи, и миръ былъ заключенъ. Они даже обѣщали черезъ два мѣсяца послѣ окончанія сбора бобовъ пойти въ носильщики правительственной экспедиціи при дальнѣйшемъ ея слѣдованіи на югъ. Бэкеръ очень удивляется непонятной причинѣ, побудившей баріевъ помириться съ нимъ ради небольшого количества слоновьяго мяса, тогда какъ за нѣсколько времени передъ тѣмъ они отказались вступить съ нимъ въ торговыя сношенія и взять за пшеницу стадо рогатаго скота, стоившее болѣе ста слоновъ. „Африканскіе негры—непостижимый народъ, говоритъ онъ: — ихъ нельзя судить по обыкновеннымъ правиламъ человѣческой натуры. Ясно было, что если они такъ легкомысленно заключили миръ, то такъ-же легкомысленно могли снова начать войну“. Если это ясно, то, конечно, еще яснѣе, что Бэкеръ пришелъ-бы къ гораздо лучшимъ результатамъ въ своихъ сношеніяхъ съ туземцами, если-бъ не дѣйствовалъ какъ завоеватель-охотникъ, а старался-бы мирными средствами снискать ихъ довѣріе, что совершенно возможно между африканскими патріархальными племенами. Но европейскій авантюристъ явился цивилизаторомъ ихъ съ пушками и штыками.

19 ноября Бэкеръ возвратился въ Гондокоро чрезвычайно довольный своей экспедиціей. Онъ не только наполнилъ кладовыя хлѣбомъ въ достаточномъ количествѣ для продовольствія своего отряда на цѣлый годъ, но распространилъ власть правительства надъ многолюднымъ, могущественнымъ племенемъ, при-

Digitized by Google

мѣру котораго мало-по-малу послѣдовали и другіе баріи, даже самъ Аларонъ. Кромѣ того, въ его офицерахъ и солдатахъ произошла большая перемѣна къ лучшему. Они убѣдились въ практичности его плановъ и въ необходимости дисциплины, а довольство окончательно примирило ихъ съ экспедиціей. Наконецъ, Абу-Саудъ удалился съ своими приверженцами и всякая опозиція новому правительству прекратилась. Такимъ образомъ, Бэкеръ къ концу 1872 года водворилъ внѣшній и внутренній порядокъ въ подчиненной ему странѣ.

IV.

Успѣшно окончивъ первую половину своей задачи, то-есть подчинивъ власти египетскаго хедива туземныя племена вокругъ Гондокоро, Бэкеръ приступилъ къ покоренію центральной Африки до экватора, какъ обязывалъ его фирманъ. Этотъ второй фазисъ его экспедиціи, обнимая болѣе года, имѣетъ уже чисто-разбойничій характеръ и отличается живымъ, романическимъ интересомъ, который рельефно выступаетъ въ его мастерскомъ разсказѣ. Съ самаго начала всѣ шансы были противъ похода на югъ отъ Гондокоро. Въ то время, какъ Бэкеръ усмирялъ баріевъ, Рауфъ-Бэй, „по наущенію Абу-Сауда", вмѣсто отправки въ Картумъ, какъ ему было приказано, однихъ больныхъ, послалъ на 30 судахъ около 1,100 человѣкъ, въ томъ числѣ много совершенно здоровыхъ солдатъ; такимъ образомъ, отрядъ Бэкера, долженствовавшій состоять изъ 1,645 человѣкъ, теперь уменьшился до 502 офицеровъ и солдатъ и 52 матросовъ. Съ подобными незначительными силами, повидимому, невозможно было предпринять завоеваніе центральной Африки, тѣмъ болѣе, что до срока службы Бэкера, 1-го апрѣля 1873 года, оставалось только годъ и три мѣсяца. „Но несмотря на уменьшеніе моего отряда, говоритъ онъ,—мои люди были здоровы и питали ко мнѣ полное довѣріе, обѣщая всюду за мною слѣдовать, и я рѣшилъ во что-бы то ни стало достигнуть цѣли моей экспедиціи: уничтоженія торга невольниками и присоединенія къ Египту всей страны до экватора".

Первоначальный планъ Бэкера состоялъ въ учрежденіи цѣлой

Digitized by Google

линіи укрѣпленныхъ постовъ въ завоеванной странѣ, на разстояніи трехдневнаго перехода другъ отъ друга, причемъ сохранились-бы постоянныя сношенія съ Гондокоро. Но теперь, конечно, этого исполнить было невозможно, такъ-какъ слѣдовало оставить болѣе половины отряда въ Гондокоро, и приходилось уже предпринять походъ въ отдаленную страну безъ всякаго военнаго базиса на случай отступленія. Измѣнивъ сообразно обстоятельствамъ свои намѣренія, египетскій полководецъ выбралъ для этой отважной экспедиціи 212 офицеровъ и солдатъ, лучшихъ въ отрядѣ, и рѣшилъ основать военный постъ только въ Афудо, на берегу Нила, подъ 3° 32" с. д., гдѣ англійскіе инженеры собрали-бы пароходъ, перенесенный туда по частямъ, и образовать по дорогѣ иррегулярный корпусъ въ 600 человѣкъ изъ людей Абу-Сауда, которые остались-бы безъ всякихъ занятій по окончаніи его контракта съ правительствомъ. Что-же касается багажа экспедиціи, то онъ состоялъ въ разобранномъ пароходѣ, одной пушкѣ и большомъ количествѣ оружія и товаровъ; для переноски всего этого необходимо было до 2,000 носильщиковъ. Наконецъ, для продовольствія своихъ людей онъ взялъ съ собою стадо въ четыре тысячи головъ рогатаго скота и овецъ. Всѣ приготовленія были окончены въ январѣ 1872 г., и 22 числа отрядъ Бэкера выступилъ въ походъ въ очень веселомъ настроеніи, такъ-какъ онъ предварительно выдалъ изъ своихъ кладовыхъ всѣмъ офицерамъ и солдатамъ новую одежду и различные другіе предметы, въ которыхъ они нуждались за недоставленіемъ изъ Картума втеченіи года египетскимъ правительствомъ какъ жалованія, такъ и запасовъ.

Частью на судахъ, частью сухимъ путемъ, экспедиція достигла черезъ пять дней нильскихъ пороговъ, гдѣ шейхъ беденскихъ баріевъ обѣщалъ приготовить необходимое количество носильщиковъ. Чтобъ еще болѣе расположить этого шейха въ свою пользу, Бэкеръ назначилъ его правительственнымъ вакилемъ и подарилъ ему пурпурную мантію, оловянную каску и темно-синій шелковый тюрбанъ. Но всѣ эти любезности ни къ чему не привели; послѣ многочисленныхъ обѣщаній и проволочекъ шейхъ объявилъ, что его народъ никогда не носилъ чужихъ вещей и носить не будетъ. Всѣ убѣжденія и обѣщанія наградъ не могли убѣдить его измѣнить своей рѣшимости. Онъ повторялъ одно: „я согласенъ,

Digitized by Google

но мой народъ не хочетъ"; а туземцы на вопросы переводчиковъ Бэкера отвѣчали: „мы обязаны слушаться шейха; если онъ прикажетъ нести вещи, мы понесемъ". Положеніе Бэкера было безнадежное, тѣмъ болѣе, что соблазняемые его многочисленнымъ стадомъ барія начали нападать по ночамъ на его отрядъ. Отдѣлавшись отъ нихъ своимъ обычнымъ средствомъ, поджогомъ селеній, Бэкеръ приступилъ къ новому измѣненію плана военныхъ дѣйствій. Сосѣднее племя Лаборе отстояло отъ Бедена на 60 миль, и, помня дружескія сношенія съ этими туземцами въ предыдущее свое путешествіе, Бэкеръ надѣялся нанять тамъ носильщиковъ и потому распорядился, чтобы солдаты везли на рукахъ, въ нарочно устроенныхъ телѣжкахъ, весь багажъ, за исключеніемъ, конечно, разобранныхъ частей парохода. Но и тутъ его ожидало разочарованіе. Солдаты взбунтовались и громко объявили: „мы не можемъ тащить телѣжекъ; это дѣло не солдатское; мы можемъ сражаться или исполнять другія ваши распоряженія, но мы не верблюды и не можемъ таскать тяжестей". Дѣлать было нечего, пришлось уступить. Бэкеръ раздѣлилъ свой отрядъ на три части: англійскихъ мастеровъ отправилъ на судахъ съ разобраннымъ пароходомъ въ Гондокоро, 120 челов., съ пушкой и большей частью багажа и стадъ, подъ начальствомъ маіора Абдулаха, оставилъ въ лагерѣ на берегу Нила, а самъ съ сотнею людей, на-легкѣ, съ незначительнымъ количествомъ вещей и 1,500 головъ скота, отправился въ Лаборе.

Наконецъ, послѣ всѣхъ этихъ преградъ и проволочекъ Бэкеръ выступилъ въ походъ 8-го февраля, взявъ съ собою мѣстнаго проводника, который выказывалъ къ нему дружескія чувства и пользовался всеобщимъ уваженіемъ между туземцами, какъ заклинатель дождя. Шестидневный переходъ въ Лаборе ознаменовался только перемѣной въ отношеніяхъ Бэкера къ неграмъ. Наученный горькимъ опытомъ, онъ приказалъ солдатамъ обращаться съ ними самымъ кроткимъ образомъ, ничего не отнимать и даже въ селеніяхъ, покинутыхъ жителями, оставлять по нѣскольку коровъ въ видѣ уплаты за взятый въ житницахъ хлѣбъ или другіе припасы. Поэтому ему ни разу не пришлось прибѣгнуть къ оружію, хотя скотъ, сопровождавшій Бэкера, представлялъ туземцамъ большой соблазнъ. Лаборе, составлявшіе отдѣльное племя отъ баріевъ, вполнѣ оправдали надежды Бэкера; они вступили съ

Digitized by Google

нимъ въ правильныя торговыя сношенія и послали 400 носильщиковъ, за соотвѣтственное число коровъ, на берегъ Нила для доставленія багажа. Въ ожиданіи своего аріергарда Бэкеръ продолжалъ мѣну скота на хлѣбъ, „благоразумно поддерживая доброе расположеніе туземцевъ подарками синихъ рубашекъ главнымъ старшинамъ“; а они, съ своей стороны, вели себя очень тихо, мирно и даже любезно: такъ, однажды на мѣстномъ праздникѣ около 1,000 человѣкъ вертѣлись въ дикой пляскѣ, но при появленіи Бэкера тотчасъ дали ему дорогу и очистили мѣсто, какъ почетному гостю. Лаборе вообще народъ болѣе культированный, чѣмъ всѣ окрестныя племена; они хорошіе кузнецы и съ замѣчательнымъ искуствомъ изготовляютъ желѣзныя кольца, носимыя на шеѣ, рукахъ и ногахъ. Объ этой способности туземцевъ Бэкеръ отзывается съ особымъ одобреніемъ, потому что прибѣгъ къ ихъ помощи для устройства цѣпи, которою заковалъ одного дезертира изъ своихъ солдатъ, оставленнаго въ видѣ наказанія въ Лаборе. Наконецъ, прибылъ маіоръ Абдалахъ съ своимъ отрядомъ, но не въ очень блестящемъ видѣ, такъ-какъ баріи напали на него ночью врасплохъ и отбили пушку, которую, однако, ему удалось снова захватить. Собравъ, такимъ образомъ, всѣ свои силы и нанявъ 500 носильщиковъ, египетскій полководецъ повелъ далѣе къ экватору свой маленькій экспедиціонный корпусъ.

„Никто не можетъ себѣ представить, говоритъ Бэкеръ, — какъ трудно путешествіе съ такимъ значительнымъ количествомъ носильщиковъ, большинство которыхъ безчестно и пользуется всякимъ случаемъ для бѣгства“. Дѣйствительно, при выступленіи въ походъ сразу не оказалось 67 носильщиковъ и потомъ на каждомъ ночлегѣ количество бѣглецовъ увеличивалось, такъ что Бэкеръ прибѣгъ къ энергичной, быть можетъ, слишкомъ энергичной мѣрѣ, придавшей арміи этого освободителя угнетенныхъ туземцевъ, какъ онъ самъ себя величаетъ, внѣшній видъ столь ненавистной имъ шайки торговцевъ невольниками. Старый шейхъ Лаборе далъ ему своего сына для поддержанія порядка среди носильщиковъ, но онъ совершенно равнодушно смотрѣлъ на ихъ бѣгство, и Бэкеръ, боясь, чтобы онъ также не послѣдовалъ примѣру дезертировъ со всѣми остальными туземцами, приказалъ придѣлать къ желѣзному кольцу, которое онъ носилъ на шеѣ въ видѣ украшенія, длинный ремень и „отдалъ его подъ надзоръ

Digitized by Google

двухъ солдатъ, исполнявшихъ должность почетнаго караула". Это зрѣлище недостаточно сильно вліяло на дикарей или, скорѣе, еще болѣе побудило ихъ бѣжать отъ такого гуманнаго обращенія. Тогда паша привязалъ проводника къ сыну шейха и объявилъ, что они оба будутъ застрѣлены, какъ собаки, если еще одинъ носильщикъ броситъ свою ношу. По его словамъ, это распоряженіе имѣло желанное дѣйствіе.

Кромѣ непріятностей и заботъ въ отношеніи туземной части отряда, походъ въ первое время представлялъ пріятную, веселую прогулку. Сначала страна была гористая, лѣсная, а послѣ перехода черезъ рѣку Асуу Бэкеръ вышелъ на берегъ Нила и очутился въ прекрасной равнинѣ Афудо, которую онъ назвалъ *Ибраиміей*, въ честь Ибраима, отца хедива. Здѣсь, по его словамъ, должна быть основана столица центральной Африки, такъ-какъ отсюда Нилъ судоходенъ до самаго озера Альбертъ-Ніанзы, отстоящаго не болѣе, какъ на градусъ. „Гавань для центрально-африканскихъ пароходовъ, говоритъ онъ,—должна быть устроена при устьѣ рѣки Уніате, которая, протекая по плодоносной и живописной странѣ на разстояніи 80 миль, впадаетъ въ Бѣлый Нилъ противъ горы Гебель-Куку. Вся торговля центральной Африки сосредоточится здѣсь чрезъ пароходное сообщеніе по Альбертъ-Ніанзѣ, а далѣе, на протяженіи 120 миль, товары пойдутъ въ Гондокоро на верблюдахъ до устройства желѣзной дороги. Странно сказать, что небольшая линія въ 120 миль, огибающая нильскіе пороги, можетъ соединить сердце Африки, экваторъ, съ Средиземнымъ моремъ, когда будетъ готовъ рельсовый путь изъ Каира въ Картумъ". Окрестная страна, называемая *раемъ Африки*, возвышается на 4,000 футовъ надъ поверхностью моря и представляетъ роскошную по растительности, плодородную и живописную равнину, по которой, кромѣ Нила, протекаютъ безчисленные его притоки съ удивительно чистой и холодной водой. Воздухъ, чрезвычайно здоровый и живительный, какъ-бы придаетъ новыя силы всякому, кто имъ дышетъ, и потому тѣмъ грустнѣе, что въ этой благословенной странѣ, нѣкогда очень многолюдной, нѣтъ теперь почти никакихъ туземныхъ селеній, благодаря опустошеніямъ торговцевъ невольниками. Только Абу-Саудъ имѣлъ тутъ четыре станціи, изъ которыхъ главная была Фатико, куда Бэкеръ прямо и направился.

Digitized by Google

У подножія горы Фатико, подъ 3° 1' с. д. и въ разстояніи 165 миль отъ Гондокоро, находились другъ противъ друга станція Абу-Сауда, занимавшая, по крайней мѣрѣ, 30 акровъ, и большое селеніе туземцевъ. Жители Фатико принадлежатъ къ племени Шули и представляютъ образецъ самыхъ красивыхъ негровъ; хотя не очень большого роста, они хорошо сложены, мускулисты и лица ихъ довольно красивы. Замѣчательно, что у окрестныхъ племенъ мужчины не носили никакой одежды, а женщины обыкновенно были болѣе или менѣе прикрыты; напротивъ, во всей странѣ Шули женщины совершенно голыя, а мужчины носятъ шкуры антилопъ, которыя, спускаясь съ плечъ, покрываютъ нижнюю часть тѣла въ родѣ шарфа. Въ прежнее свое путешествіе Бэкеръ находился въ очень дружескихъ отношеніяхъ съ этимъ племенемъ, такъ-какъ, постоянно охотясь, онъ раздавалъ туземцамъ мясо убитыхъ животныхъ, а по его словамъ, „лучшій путь къ сердцу негра чрезъ желудокъ". Старые пріятели съ удовольствіемъ его узнали и заявили, что они очень рады подчиниться покровительству сильнаго правительства, такъ-какъ Абу-Саудъ безмилосердно опустошалъ сосѣднія страны и они изъ боязни его мести выносили всѣ его притѣсненія. Главный шейхъ страны Шули, Ротъ-Джарма, никогда невходившій въ сношенія съ Абу-Саудомъ, явился издалека къ генералъ-губернатору центральной Африки и торжественно обѣщалъ быть вѣрнымъ слугою хедива, если его страну охранятъ отъ торговцевъ невольниками. Вообще туземцы постоянно посѣщали лагерь Бэкера и были съ нимъ въ самыхъ дружественныхъ отношеніяхъ. Самое сильное впечатлѣніе производила на нихъ игра музыкантовъ его отряда, которые съ своими трубами и барабанами приводили дикарей, особенно женщинъ, въ такой восторгъ, что они никакъ не могли удержаться отъ пляски. При этомъ Бэкеръ характеристически замѣчаетъ: „Всѣ туземцы Африки страстно любятъ музыку, и я полагаю, что самымъ безопаснымъ способомъ путешествія въ этихъ дикихъ странахъ была-бы игра безъ умолку на трубѣ; лондонскій шарманщикъ прошелъ-бы чрезъ всю центральную Африку совершенно спокойно, окруженный восторженной, танцующей толпой". Нельзя не пожалѣть, что человѣкъ, такъ основательно знающій всѣ слабыя струны дикой, младенчествующей расы, на которую, по его-же словамъ, можно вліять подобными мелочами, самъ

Digitized by Google

постоянно прибѣгалъ въ сношеніяхъ съ неграми къ однѣмъ насильственнымъ мѣрамъ. Такимъ образомъ, если-бы Абу-Саудъ, которому онъ приписываетъ всѣ бѣдствія посѣщенныхъ имъ странъ и неудачи его собственной экспедиціи, зашелъ въ лагерь Бэкера въ Фатико, то съ удивленіемъ увидѣлъ-бы „толпу въ 80 человѣкъ, связанныхъ между собою по пятку". „Это невольники", сказалъ-бы онъ съ усмѣшкой. — „О, нѣтъ, отвѣчалъ-бы Бэкеръ,—это носильщики, которыхъ я предохраняю отъ бѣгства". Однажды ночью несчастные перегрызли связывавшія ихъ веревки и искали спасенія въ бѣгствѣ. Часовые открыли по нимъ огонь, и, какъ выражается Бэкеръ, „въ кустахъ найдены три трупа бѣдныхъ, легкомысленныхъ лаборіе".

Что-же касается самого Абу-Сауда, то онъ встрѣтилъ Бэкера въ Фатико съ раболѣпными изъявленіями преданности и приготовилъ для его отряда шалаши, а когда Бэкеръ отказался отъ этой любезности, то онъ все-же представилъ въ устроенный пашою лагерь соломенныя крыши для офицерскихъ жилищъ; но онъ не только не исполнилъ принятыхъ на себя обязанностей поставщика продовольствія для правительственной арміи, а еще Бэкеръ принужденъ былъ дать ему хлѣба и коровъ, чтобъ спасти его людей отъ голода. Хотя Саудъ велъ по-прежнему интриги противъ Бэкера, увѣряя туземцевъ, что *паша* врагъ всѣхъ негровъ и не имѣетъ ничего общаго съ *путешественникомъ*, котораго они любили нѣсколько лѣтъ передъ тѣмъ, онъ находился въ очень стѣсненныхъ обстоятельствахъ. У него было награблено до 3,200 слоновыхъ клыковъ, но онъ не имѣлъ средствъ ихъ перенести изъ своихъ станцій въ Гондокоро, такъ-какъ единственная монета, введенная торговцами негровъ въ центральной Африкѣ, скотъ, совершенно истощился въ окрестныхъ странахъ, а посланные Саудомъ хищническіе отряды въ болѣе отдаленные округа были разбиты и истреблены воинственными туземцами. Поэтому онъ не только былъ вынужденъ отказаться отъ своего намѣренія переправить слоновую кость на Нилъ пониже Гондокоро и обмануть египетское правительство, не выдавъ причитавшейся ему доли, но и обратился къ Бэкеру съ смиренной просьбой о помощи. Конечно, генералъ-губернаторъ центральной Африки очень радовался такой неудачѣ своего соперника, но не могъ ею воспользоваться по слабости своего собственнаго отряда, и даже

Digitized by Google

не посмѣлъ освободить сотни невольниковъ, томившихся въ фатикской станціи, такъ-какъ подобное распоряженіе возбудило-бы, по его словамъ, только „страшное смятеніе". У него не было достаточно войска, чтобъ удержать спокойствіе въ странѣ, и продовольствія, чтобъ прокормить освобожденныхъ негровъ, которыхъ нельзя было отправить по домамъ, въ виду того, что они пригнаны изъ отдаленныхъ мѣстъ. Поэтому онъ удовольствовался строгимъ приказаніемъ Абу-Сауду и его людямъ не брать впредь невольниковъ и дозволилъ ему, несмотря на близкій срокъ его контракта, оставаться въ Фатико до пріисканія средствъ сообщенія съ Гондокоро. Для надзора-же за исполненіемъ этихъ распоряженій и для огражденія туземцевъ отъ возможнаго вѣроломства Сауда, онъ оставилъ въ Фатико маіора Абдулаха съ сотней солдатъ, а самъ съ остальной сотней своихъ лучшихъ людей, 200 носильщиковъ и соотвѣтствующимъ числомъ рогатаго скота двинулся въ дальнѣйшій путь къ экватору.

Цѣлью этой смѣлой экспедиціи, едва не окончившейся истребленіемъ маленькой арміи Вэкера, были могущественныя государства центральной Африки, знакомыя Вэкеру по его прежнимъ путешествіямъ: Уніоро и Угонда. До первой изъ нихъ простиралась отъ Фатико, на разстояніи 80 миль, очень плодородная равнина, но совершенно пустынная и незаселенная въ виду ея пограничнаго положенія между враждебными племенами: Умаро, Уніоро и Угонда. Послѣ пятидневнаго перехода, ознаменованнаго замѣчательной вѣрностью носильщиковъ, изъ которыхъ ни одинъ не бѣжалъ, Вэкеръ снова выбрался къ Нилу и вступилъ въ предѣлы Уніоро. „Невозможно описать той перемѣны, которая произошла въ этой странѣ съ того времени, какъ я въ ней былъ нѣсколько лѣтъ тому назадъ, говоритъ онъ; — тогда это былъ безконечный садъ, густо населенный и приносившій все, чего могъ желать человѣкъ; селенія были многочисленны, платановыя рощи зеленѣли на крутомъ берегу величественной, широкой рѣки; туземцы были прилично одѣты въ искусно сдѣланныя ткани изъ коры. Теперь все измѣнилось! Страна стала пустыней, населеніе бѣжало, нигдѣ не видно ни одной хижины. Вотъ результатъ водворенія въ этой благословенной мѣстности картумскихъ торговцевъ невольниками".

Остановившись лагеремъ на берегу Нила противъ Фаверы, по-

Digitized by Google

слѣдней станціи Абу-Сауда, Бэкеръ узналъ, что царь Уніоро, его старый пріятель, умеръ два года передъ тѣмъ и на престолъ взошелъ его младшій сынъ Коба-Рега, убившій законнаго наслѣдника, своего старшаго брата, съ помощью вокилей Абу-Сауда, которые, пользуясь этимъ случаемъ, безжалостно ограбили страну, захвативъ громадное количество слоновой кости и невольниковъ. Въ то самое время, какъ неожиданно явился Бэкеръ въ предѣлы Уніоро, Коба-Рега предпринялъ походъ на давнишняго врага его семейства Ріонгу, и вокиль Сауда въ Фаверѣ, Сулейманъ, долженъ былъ оказать ему содѣйствіе. Бэкеръ тотчасъ объявилъ, что царство террора кончилось, и приказалъ Сулейману, въ виду окончанія контракта Абу-Сауда, тотчасъ удалиться съ своими людьми, не смѣя болѣе нападать на туземцевъ, или поступить въ его службу съ своими людьми. Сулейманъ избралъ послѣднее, и, такимъ образомъ, составленъ былъ иррегулярный отрядъ въ 60 человѣкъ, который долженъ былъ служить соединяющимъ звеномъ между арміей Бэкера, шедшей на югъ, и аріергардомъ, оставленнымъ въ Фатико. Съ тѣмъ вмѣстѣ онъ вступилъ въ дипломатическія сношенія съ Коба-Регой, предлагая ему покровительство хедива и прося распорядиться доставкою носильщиковъ. Послѣ долгихъ переговоровъ и неудачныхъ стараній Коба-Реги уговорить Бэкера помочь ему въ походѣ на Ріонгу, наконецъ, 200 носильщиковъ были присланы въ Фаверу и экспедиція двинулась въ дальнѣйшій путь. Но на второй-же день всѣ носильщики бѣжали и получено было извѣстіе, что Сулейманъ вступилъ въ тайное соглашеніе съ главнокомандующимъ уніорской арміи для нападенія на Ріонгу и распустилъ всѣхъ солдатъ новаго египетскаго иррегулярнаго корпуса. Бэкеръ тотчасъ послалъ небольшой отрядъ, чтобъ арестовать измѣнника, и по приводѣ его, вмѣстѣ съ его помощникомъ Эдресомъ, онъ созвалъ всѣхъ окрестныхъ шейховъ для присутствованія на торжественномъ судѣ. Для большаго эфекта этотъ судъ происходилъ ночью, при свѣтѣ факеловъ, и послѣ спроса многочисленныхъ свидѣтелей оба обвиняемые были признаны виновными въ цѣломъ рядѣ преступленій, между прочимъ въ убійствѣ одного негра, котораго Бэкеръ оставилъ въ Фаверѣ подъ арестомъ до дальнѣйшихъ своихъ распоряженій. Вслѣдствіе этого англійскій паша приговорилъ Сулеймана къ 200 палочныхъ ударовъ, а Эдреса

Digitized by Google

къ 100, но послѣдняго онъ простилъ по ходатайству шейховъ, удостовѣрявшихъ, что онъ не дурной человѣкъ и только повиновался своему начальнику. Первый-же былъ подвергнутъ опредѣленному наказанію, при бенгальскомъ освѣщеніи, послѣ чего Бэкеръ произнесъ къ туземцамъ рѣчь, въ которой объявилъ, что впредь въ Уніоро, подъ покровительствомъ хедива, будетъ царить строгое правосудіе, свято сохраняться жизнь и собственность жителей, но примѣрно наказываться всякое нарушеніе закона.

На другой день послѣ этой экзекуціи явились носильщики и Бэкеръ направился къ столицѣ Уніоро Масинди, куда и прибылъ 25 апрѣля, послѣ утомительнаго странствія подъ дождемъ и по грязи, питаясь только картофелемъ, главной пищей въ этой странѣ, что побудило его солдатъ сложить монотонную пѣсню: „Здѣсь только картофель и дождь, дождь и картофель, картофель и дождь, дождь и картофель".

В. Т.

(*Окончаніе въ слѣдующей книжкѣ.*)

Digitized by Google

***

Заря, угасая на склонѣ небесъ,
Пурпурнымъ отливомъ горитъ;
Молчитъ, засыпаетъ синѣющій лѣсъ
И всюду затишье царитъ.

И только въ заливѣ порой шелестятъ,
Играя съ волной, камыши,
И слышно, какъ вѣтки сухія хрустятъ
Въ лѣсу, въ заповѣдной глуши.

Не крадется-ль это къ избушкѣ родной
Бѣглецъ безпріютный теперь?
Иль, чуя добычу порою ночной,
Выходитъ на промыселъ звѣрь?..

Въ сосѣднемъ селеньѣ раздался вдали
Протяжный, торжественный звонъ...
Вотъ сумерекъ длинныя тѣни легли,
Подернулся мглой небосклонъ.

Подъ легкой, прозрачною дымкой дрожатъ
И мѣсяцъ, и звѣзды въ рѣкѣ.
Надъ берегомъ дремлющимъ чайки кружатъ,
Рядами садясь на пескѣ.

И плещетъ все рѣже и тише волна
Въ утесы, одѣтые тьмой...
Откуда-то пѣсня несется, полна
И муки, и скорби нѣмой...

А тамъ, гдѣ далеко сверкаетъ лиманъ,
Виднѣется чудный пейзажъ —
И замки, и башни... Рѣдѣетъ туманъ—
И... въ мигъ пропадаетъ миражъ.

Какъ тихо и ясно! Какъ ночь хороша!
Зачѣмъ-же на сердцѣ печаль?
И мучится, словно въ оковахъ, душа,
И манитъ ее эта даль...

Зачѣмъ? Вотъ вопросъ! Или такъ человѣкъ
По волѣ небесъ сотворенъ:
Чего-то онъ жаждетъ, томится весь вѣкъ
И рвется куда-то все онъ...

Петръ Быковъ.

Digitized by Google

СОВРЕМЕННОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

ПЕДАГОГИЧЕСКАЯ ПУТАНИЦА.

(**Курсъ педагогики**. Составленъ М. Чистяковымъ. Спб., 1875.)

I.

Въ сокровищницу русской педагогической литературы г. Чистяковъ внесъ и свой собственный перлъ. Слѣдуетъ этому радоваться или огорчаться? Если у васъ есть дѣти, въ особенности дочери,—огорчайтесь, а если у васъ предвидятся правнуки, до которыхъ не доживетъ курсъ Чистякова,—радуйтесь, что имъ его учить не придется. О, злополучная русская судьба! зачѣмъ всѣмъ теперешнимъ дѣтямъ нельзя вдругъ сдѣлаться правнуками!

Судя по тому, что воспитаніе для насъ больное мѣсто до того, что и говорить объ немъ надоѣло, что книгъ для дѣтей и педагогическихъ сочиненій у насъ больше, чѣмъ дѣтей, можно было-бы подумать, что педагогика и педагогическая литература привлекаютъ къ себѣ лучшіе наши умственные капиталы, поглощаютъ въ себѣ лучшія интелектуальныя силы Россіи, и увы! умственные капиталы, гдѣ вы? Гдѣ вы, лучшія умственныя силы? Гдѣ вы, увлекающіеся благородные фанатики воспитанія,—честные, прямые, искренніе и неуклонные, послѣдовательные въ своемъ словѣ, неизмѣнные въ своихъ чувствахъ? Да что говорить объ увлекающемся фанатизмѣ, о пророкахъ и энтузіастахъ воспитанія. Они всегда считались единицами, а единицы родятся столѣтіями. Дайте намъ хоть-бы только послѣдовательную мысль, послѣднее слово науки, выведите насъ на дорогу, но чтобы это была одна

Digitized by Google

дорога, а не двѣ, потому что въ двухъ направленіяхъ думать нельзя и по двумъ дорогамъ въ одно время идти невозможно, и если мудрость смотритъ въ корень, будьте мудры и радуйтесь за своихъ внуковъ: умственный ростъ тоже ростъ. Мы, переживающіе теперь во всемъ пробный моментъ, моментъ перелома къ новому укладу, переживаемъ его и въ своей педагогикѣ. Г. Чистяковъ съ его книжкой—одна изъ песчинокъ этого переходнаго момента, пробный кирпичъ воспитательнаго зданія, крыши котораго мы съ вами не увидимъ. Но наступитъ пора, когда признаки пробныхъ кирпичей будутъ всѣмъ ясны и пробные кирпичи будутъ вынуты и замѣнены настоящими.

Г. Чистяковъ пишетъ свой курсъ для институтокъ и, вѣроятно, для всѣхъ учащихся женщинъ, можетъ быть даже и для тѣхъ, которыя посѣщаютъ педагогическіе курсы. Цѣль его, разумѣется, воспитаніе матерей и воспитательницъ, цѣль его—насажденіе въ юныхъ женскихъ сердцахъ благородныхъ чувствъ и стремленій, а въ юныхъ женскихъ слабенькихъ головкахъ—самыхъ умныхъ и правильныхъ педагогическихъ мыслей. Но вѣдь добрыми намѣреніями умощена дорога и въ адъ. Зачѣмъ-же вы, г. Чистяковъ, занимаетесь такимъ неблагодарнымъ дѣломъ и зачѣмъ вы беретесь за садоводство, не зная его?

Г. Чистяковъ начинаетъ очень издалека—съ „предварительныхъ понятій". Вы спросите: для чего? Конечно, для того, чтобы показать каждой институткѣ и гимназисткѣ, каждой будущей матери и воспитательницѣ, что человѣкъ есть ничтожная песчинка въ міровой жизни, подчиняющаяся общимъ міровымъ законамъ, а педагогика только одно изъ вспомогательныхъ средствъ, помогающихъ песчинкѣ найти свое мѣсто въ природѣ. Но точно-ли такъ думаетъ г. Чистяковъ и этого-ли онъ хотѣлъ? Въ той путаницѣ противорѣчій, неясности и недомолвокъ, которую г. Чистяковъ назвалъ „Курсомъ педагогики", трудно разобрать, въ чемъ заключается руководящая идея автора, чему онъ думаетъ поучать, какія понятія признаетъ правильными, какому богу хочетъ научить молиться. Г. Чистяковъ похожъ на тѣхъ язычниковъ, которые, желая угодить всѣмъ богамъ, не угождаютъ ни одному. Желая обхватить весь міръ, г. Чистяковъ протягиваетъ безплодно свои короткія рученки въ пространство и ловитъ только воздухъ; желая сказать многое, онъ не говоритъ ничего; желая научить, онъ

Digitized by Google

сбиваетъ; желая развить познавательныя способности, онъ даетъ безсистемныя фразы, которыхъ не приведешь въ порядокъ никакой логикой. Положимъ, что онъ пишетъ для институтокъ и гимназистокъ, положимъ, что у нихъ очень маленькія головки, но умѣйте, г. Чистяковъ, уважать и маленькія головки, и онѣ думаютъ, и у нихъ есть своя послѣдовательность.

Г. Чистяковъ доказываетъ, что въ природѣ ничто не уничтожается, а только измѣняетъ свою форму, причемъ измѣненія бываютъ или химическія, или механическія. Въ круговоротѣ вещества разныя его комбинаціи создаютъ различные организмы, подчиняющіеся извѣстнымъ законамъ и образующіе извѣстные типы. Въ этихъ комбинаціяхъ все такъ строго послѣдовательно, все такъ строго связано закономъ причинъ и послѣдствій, что типъ всегда сохраняетъ свои основныя свойства, изъ жолудя всегда выростаетъ дубъ, изъ пшеничнаго зерна—пшеница, и что дано природой, то на-всегда и останется. Г. Чистяковъ говоритъ о стремленіи растеній къ самосохраненію и къ сохраненію своего рода, и органическій законъ, которому подчиняется флора, называется инстинктомъ растенія. Ставъ на эту точку зрѣнія и заговоривъ о неизмѣнныхъ законахъ природы, г. Чистяковъ, повидимому, долженъ былъ-бы въ этотъ общій, основный законъ включить и все животное царство; но онъ этого не дѣлаетъ или, лучше сказать, дѣлаетъ такъ, что ставитъ читателя въ недоумѣніе относительно послѣдовательности природы, какъ-будто дѣйствующей по двумъ законамъ рядомъ.

Г. Чистякову особенно нравится уронить во мнѣніи своихъ учениць растительный и животный организмъ. Для этого онъ даже прибѣгаетъ къ послѣднимъ изслѣдованіямъ натуралистовъ и доказываетъ, что раздѣленіе предметовъ на одушевленные и неодушевленные не имѣетъ прочнаго основанія. Есть червяки, говоритъ г. Чистяковъ,—которыхъ какъ ни разрывай вдоль или поперегъ, они все будутъ живы и каждая отрѣзанная частичка будетъ жить, какъ отдѣльный червячекъ. Разрубите иву или ракиту на нѣсколько кусковъ, говоритъ г. Чистяковъ, воткните ихъ въ землю, и каждый кусокъ станетъ рости такъ-же, какъ росло цѣлое растеніе. Допуская этотъ законъ внизу, г. Чистяковъ ни за что не хочетъ дать ему мѣсто вверху. Признавая высшихъ позвоночныхъ животныхъ чѣмъ-то совсѣмъ непохожимъ на ра-

Digitized by Google

стеніе, онъ въ то-же время говоритъ, что основныя условія ихъ развитія одни и тѣ-же, и у нихъ нѣтъ ничего, кромѣ инстинкта. А что такое инстинктъ, г. Чистяковъ? Вы сами говорите, что у животныхъ при одинаковомъ устройствѣ тѣла бываютъ различные инстинкты. Такъ, напримѣръ, хотя у всѣхъ пауковъ одинаковые органы для производства паутины, но отчего-же одни пауки плетутъ сѣти лучеобразно и стройно отъ центра къ окружности, другіе раскидываютъ паутину неправильно, третьи сѣтей совсѣмъ не раскидываютъ, а оплетаютъ ими стѣнки и трещины корней или деревьевъ; отчего птицы, имѣя одинаковыя орудія для постройки гнѣзда, т. е. клювъ и когти, строятъ гнѣзда неодинаковыя, изъ различныхъ матеріяловъ, въ различныхъ мѣстахъ и въ различныхъ положеніяхъ, отчего нѣкоторыя птицы совсѣмъ не строятъ гнѣздъ и кладутъ свои яйца или въ чужія гнѣзда, или просто на землю? Отчего нѣкоторыя тяжелыя птицы совершаютъ далекіе перелеты изъ одной части свѣта въ другую, а птицы легкія на лету перелетовъ не совершаютъ? Зайцы, кролики устроены почти одинаково, но кроликъ копаетъ себѣ нору, а заяцъ—нѣтъ. Въ то-же время у животныхъ различной организаціи бываютъ одинаковые инстинкты. Отчего? На этотъ вопросъ у г. Чистякова одинъ, всѣмъ давно извѣстный отвѣтъ, что у животныхъ есть свои особенныя, незамѣченныя натуралистами потребности, и для удовлетворенія ихъ инстинктъ заставляетъ ихъ поступать именно такъ, а не иначе. Но развѣ это отвѣтъ? Развѣ этотъ отвѣтъ объясняетъ, почему собака, которой докторъ вылечилъ изломанную ногу, привела черезъ двѣ недѣли къ нему другую собаку съ подобнымъ-же переломомъ? Развѣ это объясняетъ, почему можно пріучить собакъ ходить на рынокъ и въ булочную за покупками, приводить извощика? Развѣ это объясняетъ поведеніе обезьяны, которая превосходно сообразила, какъ отворять задвижки дверей, или поступокъ кошки, которая заткнула лапой отверстіе воздушнаго насоса? Г. Чистяковъ говоритъ, что признакомъ животнаго есть его безошибочность относительно того, что ему нужно, полезно или вредно. Г. Чистяковъ ссылается при этомъ на утятъ и цыплятъ, которые, какъ только вылупятся изъ яйца, поступаютъ тотчасъ-же одни по-утиному, а другіе по-куриному. Что-же васъ тутъ удивляетъ? Неужели вы хотите, чтобы куры поступали по-утиному, а утки по-куриному? Было-бы гораздо уди-

Digitized by Google

вительнѣе, если-бы едва родившаяся собака замяукала кошкой или цыпленокъ бросился къ водѣ. Устанавливая законъ типа, г. Чистяковъ удивляется, что животныя поступаютъ соотвѣтственно законамъ этого типа. Говоря о томъ, что животныя могутъ замѣчать и чувствовать, что имъ доступно чувство удовольствія и неудовольствія, онъ въ то-же время возводитъ инстинктъ въ такую единственную руководящую силу, которая служитъ для животныхъ ихъ ангеломъ-хранителемъ, спасающимъ ихъ на всѣхъ путяхъ ихъ жизни. Но если-бы животныя умѣли безошибочно отличать вредное отъ полезнаго, то, конечно, мыши не стали-бы ѣсть мышьякъ, волки не попадали-бы въ капканы, а рыбы не отравлялись-бы кукельваномъ. Г. Чистяковъ хотя и допускаетъ въ животныхъ предусмотрительность, предвидѣніе, симпатическія, безкорыстныя чувства, но все это для него не больше, какъ извѣстные моменты инстинкта. Г. Чистякова не смущаютъ никакія противорѣчія. Онъ на одной страницѣ скажетъ одно, на другой—діаметрально противоположное, на третьей—опровергнетъ то и другое, и затѣмъ выглядываетъ изъ своего „Курса“ на свѣтъ Божій, точно онъ и въ самомъ дѣлѣ совершилъ подвигъ чадолюбія и спасъ погибающія въ невѣденіи дѣтскія души. Разсказывая, напримѣръ, объ одномъ благородномъ волчонкѣ, который такъ привязался къ своему хозяину, что безъ него не пилъ, не ѣлъ, совсѣмъ исчахъ и едва не умеръ отъ тоски, г. Чистяковъ упорно стоитъ на своемъ любимомъ словѣ, точно оно разрѣшаетъ вопросъ и само по себѣ имѣетъ какой-нибудь смыслъ. Придерживаясь авторитетовъ, г. Чистяковъ, чтобы окончательно поразить животное и растительное царства, провозглашаетъ съ торжествомъ, что у животныхъ нѣтъ прошедшаго, нѣтъ исторіи, нѣтъ будущаго, что они „къ землѣ прикованы, имъ на землѣ и умирать“. Если-бы г. Чистяковъ былъ повнимательнѣе къ своимъ собственнымъ словамъ, онъ изъ исторіи приученія животныхъ увидѣлъ-бы, что поведеніе дикихъ животныхъ совершенно не сходится съ поведеніемъ домашнихъ, что кроткое вліяніе человѣка измѣнило характеръ дикой кошки, необузданную, дикую собаку сдѣлало ласковой, культировало нравы лошадей, коровъ и т. д. Конечно, это не исторія, какъ ее понимаетъ г. Чистяковъ, но зачѣмъ-же такъ упорно отрицать будущее, когда оно было до сихъ поръ, зачѣмъ увѣрять, что только животныя привязаны къ

Digitized by Google

землѣ? Г. Чистяковъ пишетъ, конечно, не тенденціозный курсъ, а что-нибудь болѣе серьезное, а въ такомъ случаѣ нужно говорить съ достоинствомъ, понимать факты и не подтасовывать ихъ извѣстнымъ образомъ.

Г. Чистякову хотѣлось доказать, что человѣкъ, при его физіологическомъ сходствѣ съ животными, одаренъ самосознательной, разумной душой, которая составляетъ его исключительную особенность и дѣлаетъ его человѣкомъ. И почему-бы не сказать этого прямо, рѣшительно, не прибѣгая къ доказательствамъ изъ естествознанія и не дѣлая либеральнаго маскарада? Въ учебникахъ и курсахъ лавировать нельзя. Поэтому-то и нельзя понять, для чего г. Чистякову потребовались круговоротъ матеріи, законы неуничтожаемости, зачѣмъ вообще миражъ естествознанія, который въ сущности только противорѣчитъ и мѣшаетъ послѣдовательному развитію мышленія. Отъ этой путаницы г. Чистяковъ постоянно только опровергаетъ самого себя и впадаетъ въ противорѣчія. Устанавливая несокрушимую границу между человѣкомъ и не человѣкомъ, г. Чистяковъ вслѣдъ затѣмъ говоритъ: „въ несчастномъ безумномъ звѣрь узнаетъ брата; Богъ его не судитъ. Его не судятъ и люди—онъ дѣйствуетъ безсознательно. То-же надобно сказать и объ идіотахъ, такихъ-же несчастныхъ, какъ помѣшанные: они только по виду люди". Очевидно, что г. Чистяковъ нисколько не подозрѣваетъ, что подобнымъ низведеніемъ человѣка до животнаго онъ самъ уничтожаетъ ту границу, о сохраненіи которой такъ ревниво хлопочетъ. На 17 стр. г. Чистяковъ обнаруживаетъ еще болѣе радикальный образъ мыслей. Начитавшись Молешота и Бюхнера, г. Чистяковъ говоритъ, что при умственномъ развитіи вѣсъ мозга увеличивается, въ немъ образуется больше фосфора, и что вообще умственная работа измѣняетъ составъ мозга. Авторъ прибавляетъ затѣмъ, что вопросъ этотъ не рѣшенъ вполнѣ физіологіей. И г. Чистяковъ былъ-бы вполнѣ правъ, если-бы, упоминая о фосфорѣ, онъ дѣлалъ изъ ученой догадки какіе-нибудь послѣдующіе выводы. Но онъ ничего подобнаго не дѣлаетъ, фосфоръ ему ни для чего подобнаго не нуженъ, и замѣтка о немъ является поэтому какимъ-то либеральнымъ заигрываніемъ, ненужнымъ и безцѣльнымъ. На 25 страницѣ г. Чистяковъ, говоря объ инстинктѣ самосохраненія у человѣка, приводитъ такіе факты. Онъ говоритъ о дитяти,

Digitized by Google

которое еще не было знакомо съ материнскимъ молокомъ, и, несмотря на то, когда ему давали подслащенную воду и другія вещества, оно ни за что не хотѣло принимать ихъ и какъ-бы давало этимъ знать, что нуждается въ другой, естественной пищѣ. Бывали случаи, что дѣти отказывались отъ материнскаго молока, и химическое изслѣдованіе обнаруживало, что молоко это было дѣйствительно вредно. Но, быть можетъ, вы думаете, что инстинктъ бываетъ у человѣка только въ дѣтскомъ возрастѣ? Нѣтъ. Очень часто, говоритъ г. Чистяковъ, человѣкъ въ здоровомъ или болѣзненномъ состояніи чувствуетъ отвращеніе къ той или другой пищѣ, къ тому или другому питью, которыя дѣйствительно оказываются ему вредными. И такого рода инстинкты г. Чистяковъ усматриваетъ преимущественно у людей, ведущихъ простую, неискуственную жизнь. Затѣмъ г. Чистяковъ дѣлаетъ такой упрекъ жителямъ городовъ: „такъ-какъ въ настоящее время, особенно жители большихъ городовъ, слишкомъ далеко отошли отъ первобытнаго естественнаго состоянія, то спасительные инстинкты, охраняющіе нашу природу, глохнутъ и тупѣютъ все болѣе и болѣе, и намъ необходимо прибѣгать къ пособіямъ науки для поправленія того или другого разстройства въ нашемъ организмѣ“. Наконецъ, говоря о пищѣ полезной и вредной, г. Чистяковъ съ особой рѣшительностью настаиваетъ на дѣтскомъ инстинктѣ и ставитъ его выше разсужденій родителей, незнакомыхъ съ физіологіей. Онъ, со словъ Льюиса, придаетъ даже капризу органическое значеніе. О, адвокатъ человѣчества, какъ вы, однако, плохо защищаете человѣка!

Можетъ быть, г. Чистяковъ самъ въ себѣ и примиряетъ противорѣчія, но мы чувствуемъ себя въ неисходномъ лѣсу и глубоко сочувствуемъ институткамъ и гимназисткамъ, изъ которыхъ г. Чистяковъ думаетъ создать разумныхъ педагоговъ. А впрочемъ, можетъ быть и то, что г. Чистяковъ и самъ не умѣетъ найти границъ тѣхъ разныхъ областей, въ которыя онъ уводитъ своихъ ученицъ, и грѣшитъ непослѣдовательностью больше по невинности. Курсъ г. Чистякова выигралъ-бы несравненно болѣе, если-бы авторъ его, не вдаваясь въ законы естествознанія и не нащипывая то изъ Дарвина, то изъ Молешота, то изъ естествовѣдовъ противоположнаго направленія, оставивъ въ покоѣ круговоротъ вещества, животныхъ и растенія, прямо и безхитростно приступилъ-бы къ изложенію практическихъ пріемовъ педагогики.

Digitized by Google

Попытки философствованія и естествовѣденіе совершенно погубили г. Чистякова. Желая опереться на законы природы, г. Чистяковъ зашелъ съ такія непроходимыя трущобы, что даже растерялъ свои собственныя силы.

II.

Впрочемъ, и въ области практическаго воспитанія г. Чистяковъ едва-ли былъ-бы счастливѣе: ему и тутъ помѣшала-бы философія. Онъ, напримѣръ, говоритъ, что задача воспитанія заключается въ томъ, чтобы содѣйствовать развитію общечеловѣческихъ, племенныхъ и личныхъ свойствъ человѣка. Для этого нужно стремиться къ установленію гармоническаго соотношенія силъ физическихъ съ физическими, духовныхъ съ духовными, физическихъ съ духовными. Что-же касается *направленія*, особенно такого, которое человѣкъ сохранилъ-бы впродолженіи цѣлой жизни, то это не больше, какъ несбыточная мечта. И въ доказательство г. Чистяковъ приводитъ Шиллера, котораго готовили къ докторской профессіи, Гете, котораго готовили въ юристы, и Линнея, Песталоцци, Фребеля. Странный способъ доказательства! Развѣ быть поэтомъ или не поэтомъ—значитъ получить разное направленіе? Развѣ у Шиллера явилось-бы другое направленіе, если-бы онъ былъ докторомъ? Развѣ Фребель - лѣсничій долженъ отличаться по своему міровоззрѣнію отъ Фребеля-педагога? Ахъ, г. Чистяковъ, маститый педагогъ! Неужели направленіе, по-вашему, то-же, что хлѣбное ремесленное воспитаніе? Судя по опредѣленію, которое г. Чистяковъ дѣлаетъ воспитанію, нужно думать, что онъ желаетъ совершенно изолировать человѣка, выдѣлить его изъ людей и воспитывать для самого себя, точно каждому суждено быть Робинсономъ Крузое. Вообразивъ, что каждый маленькій ребенокъ есть Робинсонъ или Пятница, г. Чистяковъ помѣщаетъ его на необитаемый островъ и развиваетъ въ немъ племенныя и личныя свойства, точно хочетъ изъ маленькаго Пятницы выростить пулярдку. Но развѣ воспитаніе только въ развитіи личныхъ свойствъ, въ гармоническомъ соотношеніи силъ, а не въ развитіи тѣхъ душевныхъ основъ, не въ созданіи того нравственнаго и умственнаго міросозерцанія, которое даетъ

Digitized by Google

направленіе этимъ силамъ? Даже чисто-физическія силы невозможно развивать изолированно, потому что человѣкъ отъ человѣка не спасется ни на днѣ морскомъ, ни въ лѣсу, ни въ степи. Вы-же воображаете его одинокимъ въ городѣ! Съ первыхъ шаговъ воспитанія жизнь покажетъ, на-сколько мы зависимъ другъ отъ друга и отъ условій, въ которыхъ мы живемъ. Самъ г. Чистяковъ на 57 стр. разсказываетъ объ одной англичанкѣ, которая, возвратившись поздно ночью домой, пошла въ дѣтскую спальню, „можетъ быть, для того, чтобы освѣжить и поднять душу послѣ дневныхъ заботъ, тревогъ и огорченій тѣми кроткими и святыми ощущеніями и мыслями, которыя рождаются въ тишинѣ ночи, въ раздумьи надъ колыбелью спящаго младенца". И что-же она находитъ? Дитя ползаетъ по полу и кричитъ, кормилица лежитъ въ безчувственномъ и безобразномъ видѣ и подлѣ нея бутылка джину! Возмущенный такимъ безобразіемъ, г. Чистяковъ замѣчаетъ, что этотъ случай былъ съ одной значительной англійской леди, у кого было кому присмотрѣть за дѣтьми, и—что еще ужаснѣе—въ Англіи, гдѣ „нѣтъ той до ребячества безсмысленной слабости характера, той распущенности, того нравственнаго и физическаго неряшества, которыми отличается нашъ простой народъ". Приводя подобный фактъ, г. Чистяковъ тѣмъ не менѣе весьма отважно заявляетъ свои требованія безусловно здороваго физическаго воспитанія. Онъ требуетъ здоровой пищи, чистаго воздуха, вентиляціи, протестуетъ противъ цвѣтовъ и куренія въ комнатахъ, рекомендуетъ солнечный свѣтъ, требуетъ разнообразной, питательной, удобоваримой пищи, даже указываетъ, сколько разъ въ день и въ какіе часы слѣдуетъ ѣсть, и вообще напоминаетъ того гейневскаго доктора, который двумъ бѣднякамъ, жившимъ на мансардѣ и умиравшимъ отъ холода и голода—

Зимою, сказалъ онъ, надо всегда
Въ морозы какъ можно теплѣй одѣваться—
И тутъ-же совѣтъ разсудительный далъ
Здоровою пищей питаться.

Совершенно такъ поступаетъ и г. Чистяковъ. Мы говоримъ это не въ осужденіе его теоріи физическаго воспитанія, не въ осужденіе того, что онъ совѣтуетъ чистый воздухъ, здоровую пищу и здоровое помѣщеніе,—мы хотимъ сказать, что, во-первыхъ,

Digitized by Google

г. Чистяковъ своимъ опредѣленіемъ воспитанія выхватываетъ человѣка изъ среды и помѣщаетъ его на необитаемый островъ, а во-вторыхъ, что онъ развиваетъ воспитательный идеализмъ. Воспитаніе не въ томъ, чтобы развить силы *вообще*, а въ томъ, чтобы развить ихъ въ приложеніи, указать человѣку его мѣсто въ природѣ, его отношенія къ людямъ, къ обстоятельствамъ, въ которыхъ онъ находится, ко времени, въ которомъ онъ живетъ. Изолированнымъ физическимъ воспитаніемъ можно создавать только пулярдокъ, а не людей, а изолированнымъ нравственнымъ воспитаніемъ не создашь ничего. Вамъ не нравится направленіе, и вы его какъ-будто-бы вычеркиваете изъ курса воспитанія. И вы думаете, что пулярдки и цыплята, которыхъ вы такимъ образомъ воспитаете, такъ и успокоятся на одномъ племенномъ, личномъ развитіи и что они вѣчно будутъ сидѣть на одномъ мѣстѣ? Нѣтъ, г. Чистяковъ! никакимъ племеннымъ воспитаніемъ вы не привяжете ихъ къ одному мѣсту, они встанутъ и побѣгутъ по какой-нибудь дорожкѣ, а въ указаніи этой дорожки и заключается задача воспитанія; дорожка эта и есть собственно направленіе.

Вѣрный теоріи противорѣчій и двойственности, г. Чистяковъ на стр. 104 и 165 говоритъ уже совершенно не то, что говорилъ ранѣе, на стр. 19. На 104 страницѣ онъ указываетъ на *естественное, безотчетное* влеченіе, замѣчаемое въ дѣтяхъ очень рано, на которое воспитатели должны обращать весьма серьезное вниманіе. Чимабуэ, учась въ монастырѣ граматикѣ, цѣлые дни чертилъ на книгахъ и тетрадяхъ фигуры людей, лошадей, деревьевъ и всего, что ему приходило на умъ. Джіото, пася стада, рисовалъ на камняхъ овецъ. Линнея въ люлькѣ успокоивали цвѣтами, когда онъ плакалъ, и, получивъ цвѣтокъ или вѣтку, онъ начиналъ улыбаться. Подобное естественное, безотчетное влеченіе и есть естественный матеріялъ, требующій дальнѣйшей обработки, говоритъ г. Чистяковъ. Противъ подобной мысли мы, конечно, возражать не станемъ. Но предположите, что Линней выростаетъ, наконецъ, геніальнымъ ботаникомъ, что геніальный ботаникъ бѣгаетъ съ неутомимостью по полямъ, собираетъ растенія, сушитъ ихъ и еще превосходнѣе ихъ классифицируетъ. Предположите, что пастухъ Джіото рисуетъ, наконецъ, лучше Рафаэля. Что-же дальше? Какъ держатъ они себя какъ люди, какъ

Digitized by Google

отцы семейства, какъ члены общества и государства? Развѣ Торквемадо не могъ быть первоклассным ботаникомъ и первоклассным живописцемъ; развѣ не потому онъ вышелъ страшнымъ Торквемадой, что воспитался въ одностороннемъ направленіи? Г. Чистяковъ молчитъ. Но онъ молчитъ только для тѣхъ, кто не обладаетъ умственнымъ зрѣніемъ и логикой послѣдовательности. Читатѐль-же съ двойнымъ зрѣніемъ въ кажущемся молчаніи г. Чистякова читаетъ даже больше, чѣмъ хочетъ авторъ, повидимому, промолчать. Говоря о религіозномъ воспитаніи и вдаваясь въ подробности, нѣсколько излишнія въ курсѣ педагогики, г. Чистяковъ упоминаетъ о политеизмѣ, пантеизмѣ, монотеизмѣ, фетишизмѣ и, останавливаясь на христіанствѣ, опредѣдѣляетъ его какъ источникъ всего добраго и прекраснаго въ семействѣ, въ обществѣ и въ государственномъ устройствѣ. „Только проникшись духомъ христіанскаго ученія, говоритъ г. Чистяковъ,—человѣкъ можетъ возвышаться до чистыхъ, безкорыстныхъ помысловъ и чувствъ, чуждыхъ всякаго матеріяльнаго побужденія и увлекающихъ его съ наслажденіемъ жертвовать всѣмъ, даже жизнью для счастія другого. Для христіанина вся земля — родина, все человѣчество—семья; радость и печаль другого—его радость и печаль“. Сознавая святость и величіе христіанскаго ученія, г. Чистяковъ поучаетъ, что человѣкъ не долженъ хладнокровно смотрѣть на упадокъ и искаженіе понятій; въ то-же время онъ не долженъ преслѣдовать за суевѣріе и ложное ученіе и еще меньше впадать въ индиферентизмъ и въ фанатизмъ. Какъ-же поступать? Дѣйствовать силой убѣжденія, согрѣваемаго состраданіемъ къ тѣмъ, которые лишены свѣта божественнаго ученія или закрываютъ отъ него глаза, отвѣчаетъ г. Чистяковъ. Итакъ, г. Чистяковъ, вы не оставляете своихъ пулярдокъ на распутьи жизни, вы имъ указываете стезю христіанскихъ добродѣтелей, любви, всепрощаемости; рекомендуя дѣйствовать силой убѣжденія, вы какъ-бы ставите ихъ на путь мисіонерства; вы даже чуть не выскочили въ космополитизмъ, сказавъ, что вся земля есть родина и все человѣчество—одна семья. Да будетъ вамъ отпущена эта новая непослѣдовательность, мы-же, продолжая свою мысль, скажемъ, что, отрицая, повидимому, направленіе, вы въ дѣйствительности не только его не отрицаете, но и на водвореніи его въ юныхъ дѣтскихъ душахъ настаиваете съ осо-

Digitized by Google

бенной энергіей. Вся разница лишь въ томъ, что подъ направленіемъ вы понимаете не то, что понимаютъ подъ нимъ другіе. Напримѣръ, въ американскихъ школахъ никто не касается вопросовъ совѣсти, предоставляя разрѣшеніе ихъ семейному воспитанію. Но за то американская школа даетъ точные, опредѣленные отвѣты на вопросы мысли, которые г. Чистяковъ съ такой чичиковской ловкостью обходитъ.

Г. Чистяковъ принадлежитъ къ моралистамъ и, протестуя противъ направленія, если оно имѣетъ разсудочное движеніе, онъ, хотя и въ мягкой формѣ, но съ энергіей завидной неустрашимости громитъ недостатки современнаго женскаго человѣчества и принимаетъ весьма серьезныя мѣры для искорененія нравственной женской порчи. Недостаткомъ теперешней женщины онъ считаетъ ея излишнюю чувствительность и совѣтуетъ наблюдать, чтобы женское чувство не принимало односторонняго направленія. Г. Чистяковъ совершенно справедливо замѣчаетъ, что кажущаяся любовь не всегда бываетъ любовью дѣйствительной и иногда прекрасныя чувства могутъ быть не больше, какъ самымъ глубокимъ эгоизмомъ. Есть дѣти, которыя обнаруживаютъ большую любовь, ласковость, услужливость, безкорыстіе въ отношеніи къ своимъ родителямъ, даже домашней прислугѣ, но по отношенію къ постороннимъ держатъ себя съ холодной недоступностью. Указывая на подобную односторонность чувства, г. Чистяковъ замѣчаетъ, что оно можетъ превратиться впослѣдствіи въ духъ касты и въ племенной или національный фанатизмъ—„направленіе, совершенно противное здравымъ воззрѣніямъ ума и духу христіанскаго ученія“. Мы совершенно согласны съ г. Чистяковымъ, но если-бъ намъ пришлось коснуться этого вопроса, мы-бы говорили о немъ иначе. Въ женщинахъ слишкомъ преобладаетъ самообожаніе и самый глубокій индивидуализмъ, по которому въ нихъ сохраняется дѣятельнымъ лишь одно только чувство—чувство любви къ себѣ и къ тому, что принадлежитъ имъ и исходитъ отъ нихъ. Нельзя не преклониться съ благоговѣйнымъ уваженіемъ передъ чувствомъ матери, любящей безкорыстно, съ самопожертвованіемъ, незнающимъ предѣловъ. Г. Чистяковъ ставитъ необыкновенно высоко это безкорыстное, преобладающее чувство женщины. И мы ничего не можемъ сказать противъ подобнаго безкорыстія, если-бы оно было дѣйствительнымъ безкорыстіемъ; но если всѣ

Digitized by Google

чувства матери и женщины дѣятельны только въ одномъ направленіи, если ея любовь знаетъ только одну дорожку, а всѣ остальные пути для нея закрыты, если русскія матери всей русской земли любятъ каждая только въ свою сторону,—неужели г. Чистяковъ захотѣлъ-бы дирижировать подобнымъ кошачьимъ концертомъ и научить всѣхъ русскихъ цыплятъ подобной музыкѣ? Вѣдь и тигры, и львы, и куры, и воробьи любятъ такою-же любовью, а обезьяна любитъ своихъ дѣтенышей до того, что задушаетъ ихъ въ своихъ объятіяхъ. Можетъ быть, эта односторонность женской любви и ея христіанская бездѣятельность одна изъ главныхъ причинъ всеобщаго индивидуализма и сердечной односторонности, заставившей Жанъ-Поля Рихтера сказать: „дайте намъ лучшихъ матерей—и мы будемъ лучшими людьми". Я вовсе не желаю выступать защитникомъ мужчинъ, но въ отношеніи многосторонности чувствъ ихъ нельзя не поставить выше женщинъ. Причина этого заключается вовсе не въ томъ, чтобы мужчины были впечатлительнѣе и способнѣе къ сердечнымъ движеніямъ; причина въ томъ, что они думаютъ въ болѣе разнообразныхъ направленіяхъ. Чувства мужчинъ выше не сами по себѣ, они выше по тѣмъ доброжелательнымъ и разнообразнымъ мыслямъ, которыя ими управляютъ, и вотъ почему мужчины великодушнѣе, склоннѣе къ уступкѣ, менѣе страстны. У мужчинъ между собою и съ женщинами гораздо болѣе точекъ соприкосновенія; у женщинъ-же этихъ точекъ соприкосновенія гораздо менѣе. Поэтому женщины чувствуютъ себя гораздо легче въ обществѣ мужчинъ и почти всегда затрудняются и чувствуютъ себя неловко въ обществѣ женщинъ. Мужчины подсмѣиваются надъ женщинами, когда онѣ говорятъ только о нарядахъ или о своихъ дѣтяхъ. Но вѣдь о чемъ-же имъ и говорить, когда онѣ никогда не думали въ другихъ направленіяхъ и когда онѣ воспитывались или въ желаніи нравиться, или въ исключительномъ чувствѣ любви къ самимъ себѣ? Женщина новаго поколѣнія сдѣлала-было попытку подумать нѣсколько шире и полюбить другихъ людей, кромѣ себя, но попытка осталась попыткой и новая мать ни на волосъ не стала гуманнѣе и общечеловѣчнѣе, чѣмъ какой была мать прежняя. Односторонность женская подъ вліяніемъ новыхъ идей, можетъ быть, еще больше стала эгоистичной, и въ томъ индивидуализмѣ и хищничествѣ, въ которомъ обвиняютъ наше время, виноваты

Digitized by Google

не столько общія причины, на которыя мы привыкли ссылаться, сколько такъ-называемая материнская любовь и однопредметная ограниченность женскаго мышленія. Г. Чистяковъ проглядѣлъ эту односторонность женскаго чувства, нерегулируемаго доброжелательными мыслями, и потому не дѣлаетъ тѣхъ выводовъ, которые сдѣлать-бы слѣдовало. Какой логикой руководствовался г. Чистяковъ, помѣщая чувство однопредметной любви подъ рубрикой „чувствительности", мы не понимаемъ. Но если ошибка сдѣлана въ самой постановкѣ вопроса, развѣ можно ожидать вѣрныхъ выводовъ? Поэтому-то г. Чистяковъ противъ ошибочной и невѣрной чувствительности указываетъ такія-же невѣрныя средства. Онъ не развиваетъ вопроса, онъ не анализируетъ любви въ ея первоначальной, эгоистической формѣ, и потому, что онъ не дѣлаетъ анализа и не выслѣживаетъ любовнаго эгоизма въ его дальнѣйшемъ развитіи, онъ упускаетъ изъ рукъ и средство противодѣйствія. Весь рецептъ г. Чистякова противъ „чувствительности", а не эгоизма любви, какъ-бы слѣдовало обозвать однопредметно - дѣятельную женскую любовь, заключается въ слѣдующемъ: „вдругъ измѣнить или, какъ говорится, перемѣнить чувство дитяти нѣтъ возможности, говоритъ г. Чистяковъ;—если мы станемъ употреблять для этого крутыя мѣры, то скорѣе всего можетъ случиться, что дитя станетъ скрывать свои чувства и притворяться,—слѣдовательно, мы будемъ учить его лжи; или оно будетъ дѣлать себѣ большое насиліе, что будетъ для него сопровождаться болѣе или менѣе душевнымъ страданіемъ, а потому требованія наши могутъ показаться ему ненавистными. Значитъ, то, что вкоренялось постепенно, надо постепенно и искоренять". О, бѣдныя институтки, бѣдныя гимназистки, бѣдныя слушательницы педагогическихъ курсовъ, бѣдныя дѣвушки и бѣдныя матери, которыя-бы хотѣли научиться чему-нибудь у г. Чистякова! Это „значитъ" точно такъ-же вамъ ничего не объясняетъ, какъ и мнѣ. Да развѣ вопросъ въ томъ, чтобы поселять чувство всеобъемлющей человѣческой любви крутыми мѣрами, нравственнымъ давленіемъ, постепеннымъ искорененіемъ дурного? Вы преподаете воспитательницамъ теорію корчеванія, тогда какъ, можетъ быть, прежде всего нужно выкорчевать въ ихъ собственномъ сердцѣ ихъ собственный эгоизмъ. Вмѣсто того, чтобы говорить о дѣятельныхъ и недѣятельныхъ чувствахъ, о чувствахъ живыхъ и чувствахъ

Digitized by Google

подспудныхъ, вмѣсто того, чтобы сказать своимъ слушательницамъ живое сердечное слово, раскрыть имъ новый міръ ощущеній, открыть имъ міръ доброжелательныхъ понятій, вы не только не объясняете ошибокъ однопредметнаго чувства, но вы указываете противъ нихъ одни холодныя, анатомическія средства, и предоставляете разумѣнію людей непонимающихъ разрѣшить то, что вы сами не въ состояніи имъ объяснить. Нѣтъ, г. Чистяковъ, вы не педагогъ и не воспитатель. Безъ любви нельзя говорить о любви, и педагогическое сбивчивое резонерство вовсе не курсъ педагогики.

Другой недостатокъ женщинъ, которому г. Чистяковъ старается противодѣйствовать, есть склонность къ мечтательности. И объ этомъ недостаткѣ г. Чистяковъ говоритъ съ такой безразличной краткостью, точно онъ дѣлаетъ это по обязанностямъ службы, за очень маленькое жалованье. Краткость хороша, когда она сильна и когда она поэтому врѣзывается крѣпче въ мысль и чувство; но если самъ педагогъ не страдаетъ за болѣзнь тѣхъ, кого онъ хочетъ лечить, онъ никогда не сдѣлаетъ больного здоровымъ, потому что не понимаетъ его болѣзни. И какъ легко говоритъ г. Чистяковъ о мечтательности, понимая подъ ней простую дѣтскую игру съ куклами и неодушевленными предметами, которыхъ дѣти олицетворяютъ, ведутъ съ ними разговоры, радуются и страдаютъ за воображаемыя ими лица. О, Господи! Господи! да неужели это мечтательность, неужели объ этой мечтательности стоитъ говорить професору съ взрослыми ученицами и видѣть въ этомъ корень зла индивидуальнаго и общественнаго? Я зналъ одну дѣвицу, которая цѣловала шкафъ, воображая его любимымъ мужчиной, она разговаривала со шкафомъ, гладила и ласкала его, точно живого человѣка. По признакамъ, устанавливаемымъ г. Чистяковымъ, это, конечно, склонность къ мечтательности, мы-же видимъ тутъ самый неподкрашенный реализмъ и самый естественный физіологическій процесъ. Мечтательность не въ томъ, чтобы дѣтямъ не бесѣдовать съ своими куклами, а мечтательность въ томъ, чтобы не жить чисто-головными процесами и не походить на Илью Ильича Обломова. Мечтательность—не больше, какъ рефлексія чувства, заставляющаго создавать романическій и фантастическій міръ и эгоистично отдаваться личнымъ, изолированнымъ интересамъ, выдѣляя себя изъ дѣйствительнаго дѣла и дѣйстви-

Digitized by Google

тельной жизни. Это своего рода рудинство и гамлетизмъ, но не въ сферѣ мысли, а въ сферѣ фантазіи и чувства. Головной мужчина, переросшій мыслью свое настоящее на тысячу лѣтъ впередъ, уйдетъ въ рефлективную бездѣятельность; сердечная-же женщина, особенно если она съ молоду не окружена участіемъ, лаской и вниманіемъ, уйдетъ въ мечтательность любви и погрузится на самое дно самой скверной формы эгоизма. Вотъ чѣмъ вредна мечтательность, вотъ въ чемъ ея дурная анти-общественная сторона. Вы-же, вмѣсто того, чтобы сдѣлать понятной именно эту, такъ-сказать, общественно-психологическую сторону мечтательности, говорите о ней, какъ о склонности человѣческаго ума къ фантасмагоріямъ! Періодъ этой мечтательности давно кончился. Изъ нынѣшней молодежи никто уже не ѣздитъ на крылатыхъ драконахъ, а дѣвушки не воображаютъ себя жертвами чародѣевъ. Теперь и мечтательность стала реальной, и чтобы лечить противъ нея, нужно педагогу употреблять, конечно, не тѣ средства пустого суесловія, въ которыхъ спасается г. Чистяковъ.

Дальше г. Чистяковъ сражается съ симпатіей и антипатіей, склонностью къ мистицизму, съ унылостью, нелюдимостью, застѣнчивостью, скрытностью, подобострастностью, жеманствомъ, кокетствомъ и обидчивостью. Почему именно въ этихъ недостаткахъ г. Чистяковъ видитъ главную порчу женской души, онъ нигдѣ не объясняетъ. Послѣдовательно-ли это? Не только не послѣдовательно, но даже неосновательно и вовсе не педагогично. Г. Чистяковъ, какъ видно, разсчитываетъ на одно свое мужество, а все остальное предоставляетъ дѣлу случая. Но одного мужества мало, и г. Чистякова могли-бы убѣдить въ этомъ строители вавилонской башни. У нихъ тоже было очень много мужества, но когда они заговорили сразу на тысячѣ языковъ, изъ ихъ постройки не вышло ничего. Руссо былъ очень не глупый человѣкъ, и, что важнѣе, человѣкъ восторженнаго сердца, человѣкъ искренняго и смѣлаго ума. Когда этотъ сильный и послѣдовательный человѣкъ вдумался въ задачи воспитанія, передъ несокрушимостью исторіи и человѣческаго роста дрогнуло даже его желѣзное сердце. Воспитаніе, конечно, все. Но какъ-же перевоспитать все человѣчество, смѣшать всѣхъ людей въ кучу, точно пшеничныя зерна, и затѣмъ установить ихъ въ совершенно новыя, взаимновыгодныя и счастливыя отношенія? И вотъ Руссо, испугавшись

Digitized by Google

невозможности подобной перестройки всего міра, нашелъ удобнѣе поселиться съ своимъ Эмилемъ на необитаемый островъ и вмѣсто практическаго воспитанія живого человѣка написать теоретическую книгу. Развѣ это педагогика? Вѣдь это химическія и алгебраическія демонстраціи надъ произвольно-взятыми элементами и величинами. И подобный грѣхъ Европа давно простила Руссо, потому-что его теоретичность открыла зрѣніе слѣпымъ, указала на недостатки прошлаго и спасла отъ ошибокъ въ будущемъ. Послѣ Руссо едва-ли нужно было появляться на томъ-же поприщѣ г. Чистякову. Если онъ увлекся примѣромъ Эскироса, хотя въ дѣйствительности такимъ примѣромъ увлечься онъ не могъ,— то вѣдь и Эскиросъ писалъ своего Эмиля XIX вѣка не для школъ и педагоговъ, а противъ Наполеона III. Современная педагогика—вовсе не умозрительное отношеніе къ чему-то *вообще*, отдѣльно стоящему и изолированному, это не наука необитаемаго острова, а, напротивъ, наука густо-населенной земли. Чтобы учить такой наукѣ, нужно знать прежде всего и землю, и людей, знать силы и законы человѣческой души. Въ чемъ-же проявляетъ подобное знаніе г. Чистяковъ? Ни въ чемъ, ни въ чемъ и ни въ чемъ! Онъ только отличается неустрашимостью и мужествомъ, и черезъ сто лѣтъ послѣ фіаско Руссо, не обладая и десятой долей его ума, задумалъ повторить подобный-же опытъ. Г. Чистяковъ сшилъ какого-то кожанаго человѣка, вставилъ въ него пружины своего собственнаго издѣлія, и когда эти пружины были заведены, въ кожаной душѣ, къ собственному изумленію г. Чистякова, обнаружилась унылость, нелюдимость, обидчивость и множество другихъ недостатковъ, которыхъ, по первоначальному проекту г. Чистякова, въ кожаномъ человѣкѣ быть не могло. Конечно, это непослѣдовательность, но тутъ еще больше незнанія. Вотъ почему неудержимая смѣлость г. Чистякова должна повергать каждаго благомыслящаго человѣка въ полнѣйшее недоумѣніе. Всѣ нравственные недостатки, которые г. Чистяковъ хочетъ устранить изъ женской души, недостатки только потому, что образцовый кожаный человѣкъ г. Чистякова живетъ не одинъ. А что-же вы знаете изъ его отношеній къ другимъ людямъ и ясно-ли стоитъ передъ вами картина той житейской путаницы, которую вы пытаетесь какъ-будто-бы распутать? Мы-бы спросили васъ—считаете-ли вы возможнымъ выстроить зданіе, когда у васъ

Digitized by Google

нѣтъ ни почвы, годной для фундамента, ни лѣстницъ для того, чтобы вести стѣны, ни матеріяла для крыши. Педагогика—это наука еще слишкомъ отдаленнаго будущаго. Теперь-же она не больше, какъ критическое отрицательное знаніе, и всѣ попытки къ положительному построенію будутъ приводить только къ вавилонской башнѣ. Г. Чистяковъ въ самой непослѣдовательности своего курса и въ двойственности собственнаго мышленія могъ-бы увидѣть, на-сколько это дѣло не нашего времени. Для кого нынче педагогика и воспитаніе—вопросъ первой важности? Не обольщайтесь множествомъ книгъ для народныхъ школъ и громадной дѣтской литературой. Все это рыночная спекуляція. Каждый послѣдовательный человѣкъ, если онъ вдумывался въ воспитаніе и въ условія не только нашей, но и европейской жизни, не могъ, наконецъ, не махнуть рукой, не сознаться въ своемъ личномъ безсиліи, и, подобно Людерсу, обозвать педагогику массой лжи и пустяковъ. Воспитанія у насъ нѣтъ и оно невозможно; педагогики нѣтъ и она еще болѣе невозможна. И потому всѣ попытки, въ родѣ „Курса" г. Чистякова, годятся только для того, чтобы убѣдить окончательно, что педагогика, руководимая подобными мыслителями, какъ г. Чистяковъ, не заслуживаетъ другой оцѣнки, кромѣ той, которую Людерсъ сдѣлалъ для статистики.

III.

Г. Чистяковъ начинаетъ свой отдѣлъ нравственнаго воспитанія такъ-же, какъ и первый отдѣлъ,—съ полемизированья съ животными. Здѣсь онъ объявляетъ войну форели, черепахѣ и мелкимъ птицамъ. Онъ хвалитъ материнскія чувства форели и чадолюбіе, съ которымъ она кладетъ икру въ углубленія песчанаго дна рѣки, но въ то-же время онъ не одобряетъ поведенія форели и черепахи, которыя, положивъ свои яйца въ песокъ, не заботятся затѣмъ о дальнѣйшей ихъ судьбѣ. Орелъ поступаетъ уже много чадолюбивѣе—онъ учитъ своихъ дѣтей летать и отыскивать себѣ добычу, но все-таки не обнаруживаетъ того самопожертвованія, которое возвышаетъ такъ материнскую любовь маленькихъ птичекъ, защищающихъ своихъ птенцовъ отъ хищниковъ. Несмотря на эти семейныя добродѣтели, птичій эгоизмъ

Digitized by Google

нейдетъ дальше привязанности къ семейству, стаду или породѣ говоритъ г. Чистяковъ. Признаковъ общаго сочувствія животныхъ къ какимъ-нибудь другимъ животнымъ нѣтъ, они живутъ исключительно, такъ-сказать, эгоистическою жизнью и притомъ всѣмъ въ природѣ пользуются только для удовлетворенія физическихъ потребностей.

Это новое униженіе животныхъ потребовалось г. Чистякову для того, чтобы поднять въ глазахъ своихъ ученицъ ихъ собственныя чувства и поведеніе вообще человѣка. Къ сожалѣнію, защита не удалась и въ этомъ случаѣ г. Чистякову, какъ раньше. Ни въ исторіи, ни въ географіи, ни въ статистикѣ онъ не отыскалъ фактовъ рыцарскаго благородства человѣчества и той космополитической любви, которая-бы выдѣляла его изъ эгоизма семьи и породы. Чтобы убѣдить еще больше читателя въ своей нелогичности, г. Чистяковъ, вслѣдъ за изобличеніемъ форели, черепахи и орла, говоритъ о человѣческомъ сознаніи, какъ о томъ непосредственномъ чувствѣ, по которому человѣкъ ощущаетъ свое *отдѣльное* существованіе отъ всѣхъ другихъ людей, что онъ существо самостоятельное, способное мыслить и дѣйствовать по своему внутреннему побужденію, независимо отъ внѣшнихъ вліяній. Послѣ такого опредѣленія сознанія личности г. Чистяковъ переходитъ прямо къ впечатлѣнію, ощущенію, вниманію, воображенію и посвящаетъ воображенію наибольшее число страницъ, пускаясь въ разсужденіе и о поэтическомъ творчествѣ, и о вдохновеніи, и объ искуствѣ, и объ эстетическомъ воспитаніи. Эстетическому воспитанію г. Чистяковъ удѣляетъ такъ много страницъ, точно его педагогика назначается не для простыхъ, обыкновенныхъ людей, а для жителей будущаго эдема. Онъ рекомендуетъ для развитія классическаго и художественнаго воображенія показывать дѣтямъ картины лучшихъ мастеровъ. При этомъ, подобно тому доктору, который

Совѣтъ разсудительный далъ
Здоровою пищей питаться,—

г. Чистяковъ говоритъ, что картины, которыя будутъ показываться дѣтямъ, не должны быть по своему содержанію выше ихъ умственнаго развитія, что дѣтямъ хотя въ немногихъ словахъ нужно объяснять значеніе картинъ, что надобно начинать

Digitized by Google

или съ отдѣльныхъ фигуръ, или, по крайней мѣрѣ, съ не очень многосложныхъ картинъ; наконецъ, чтобы тотъ, кто объясняетъ дѣтямъ картину, былъ не только болѣе или менѣе знающимъ по технической части рисованія или живописи, но и понималъ поэтическое значеніе произведенія. Сцены кровопролитій, убійствъ, пытокъ и всякаго рода истязаній, равно какъ изображеніе оргій должны быть устранены отъ вниманія дѣтей. Но такъ-какъ въ Россіи только въ Петербургѣ и въ Москвѣ есть картинныя галереи, то, въ видѣ суррогата, г. Чистяковъ предлагаетъ пользоваться снимками съ лучшихъ картинъ. Ну чѣмъ-же это не совѣтъ предусмотрительнаго доктора?

Эстетическое воспитаніе, конечно, играетъ важную роль, потому что отстраняетъ человѣка отъ всего грубаго, циническаго, площаднаго, пошлаго, сообщаетъ, такъ-сказать, резонансу всей души высшій строй, но зачѣмъ-же въ курсѣ педагогики посвящать этому отдѣлу чуть не половину? Зачѣмъ увѣрять, что „при эстетическомъ созерцаніи произведеній природы и изящныхъ искуствъ мы испытываемъ чистое, чуждое всего чувственнаго наслажденіе, забываемъ о всѣхъ заботахъ и даже о самыхъ тяжкихъ утратахъ сердца, а душа наша наполняется чувствомъ „кроткимъ и любовнымъ", которое иногда переходитъ въ восторженное молитвенное умиленіе"? Ахъ, г. Чистяковъ, разсуждая о природѣ, вы дѣлаете совершенно такую-же ошибку, какую сдѣлалъ г. Гончаровъ въ „Обрывѣ". Ваша природа не только что-то безотносительное, но и что-то необыкновенно эгоистичное, совершенно соотвѣтствующее вашему опредѣленію сознанія, понимаемаго тоже какъ основа эгоизма. Нѣтъ, г. Чистяковъ! если эстетическое созерцаніе природы и изящныхъ произведеній искуства ведетъ къ тому, что человѣкъ забываетъ о всѣхъ своихъ заботахъ, о всѣхъ своихъ боляхъ и страданіяхъ, отдается какому-то аскетическому созерцанію и поселяется одинъ на необитаемомъ островѣ, намъ не нужно такой природы, такого искуства, такого эстетическаго воспитанія. Природа и искуство служатъ не для того, чтобы учить человѣка забывать; они служатъ для того, чтобы напоминать. Уроки природы заключаются не въ томъ, что человѣкъ уходитъ въ себя, а въ томъ, что онъ чувствуетъ свое отношеніе къ какой-то міровой, обхватывающей его силѣ, свою принадлежность къ чему-то другому, внѣ его стоящему, свою зависимость отъ этой громады, и,

Digitized by Google

забывая свой личный эгоизмъ, ощущаетъ въ душѣ какія-то новыя силы для энергической свободной жизни, внѣ тѣхъ мелкихъ, условныхъ людскихъ глупостей, которыхъ природа не знаетъ и не допускаетъ въ своихъ законахъ. Ваше художественное созерцаніе, г. Чистяковъ, есть не больше, какъ эстетическое путешествіе по картиннымъ галереямъ, посѣщеніе концертовъ, театровъ, оперы, балета,—посѣщенія, постепенно уводящія въ театръ Берга и въ увеселительныя заведенія Егарева. Но мы такой природы не хотимъ, мы хотимъ не природы льстящей чувственности и служащей развлеченіемъ праздности; мы хотѣли-бы природы, обхватывающей человѣка своей свѣжей непосредственностью, расширяющей его стремленія и дающей высоту его мыслямъ и чувствамъ. Съ такой природой вы насъ не знакомите, на такую природу вы намъ не указываете, и, отдаваясь псевдоклассицизму, вы даже и въ греческомъ искуствѣ не видите той непосредственной облагораживающей силы, которая одна именно и создала изъ грековъ великій народъ. Не чувствуя этой природы, г. Чистяковъ даетъ природу декораціонную, оранжерейную, комнатную, природу великосвѣтской изящной болтовни и салонныхъ чувствъ, служившихъ въ былыя времена украшеніемъ благовоспитанныхъ барышень, такъ изящно-эгоистичныхъ и такъ эстетически-ограниченныхъ. Въ то-же время г. Чистяковъ совершенно искренно думаетъ, что онъ поведетъ впередъ. O sancta simplicitas!

Отдавшись эстетическому воспитанію, г. Чистяковъ прошелъ не только мимо ума, но обнаружилъ даже нѣкоторое презрѣніе къ разуму. Г. Чистяковъ говоритъ, что русская поговорка „умъ заходитъ за разумъ“ есть ничего незначущая, пустая игра словъ. Будто-бы? Неужели по вашей психологіи умъ, разумъ и разсудокъ одна и та-же познавательная сила? Неужели вамъ не случалось встрѣчать людей умныхъ, но не разсудительныхъ, умныхъ, но не разумныхъ? Вы сами говорите на 144 стр., что въ мысляхъ нашихъ можетъ быть послѣдовательность, логика, и, несмотря на то, отношеніе наше къ предметамъ будетъ все-таки ложно. „Всѣ камни ростутъ, гранитъ есть камень, слѣдовательно гранитъ ростетъ“. Этотъ силогизмъ правиленъ, а по выводу онъ все-таки абсурдъ. Логика сдѣлала свое дѣло безошибочно, а въ результатѣ получилась глупость. Значитъ, съ умомъ можно думать глупо, и умъ вовсе не гарантія разумности. На 143 стр. г. Чистяковъ

Digitized by Google

и самъ опровергаетъ себя. Онъ говоритъ, что бываютъ случаи, когда самые глубокомысленные и великіе умы не замѣчаютъ несообразности, непослѣдовательности, ни даже противорѣчій въ своихъ разсужденіяхъ. Что-же такое умъ? Г. Чистяковъ говоритъ, что умъ не есть итогъ знанія, какъ это условилась принимать современная психологія, и что человѣкъ можетъ точно такъ-же учиться логически связывать мысли, какъ онъ учится писать, ходить, шить сапоги. Нѣтъ, г. Чистяковъ, то, о чемъ вы говорите, есть не больше, какъ одна изъ душевныхъ основъ ума, а вовсе не умъ. И вы-же сами указываете на эту основу, вовсе не подозрѣвая своего противорѣчія. На стр. 142, указывая на потребность души послѣдовательно связывать и развивать мысли, г. Чистяковъ приводитъ въ примѣръ, что дитя, которое обожглось разъ свѣчкой, боится уже въ другой разъ и прикоснуться къ ней. Дитя думаетъ при этомъ: „меня обожгла одна свѣчка, слѣдовательно можетъ обжечь и другая, значитъ обожжетъ и эта“, а формальнымъ образомъ ходъ мысли ребенка выразился-бы слѣдующимъ силогизмомъ: „всякая свѣчка жжется, а это—свѣчка, слѣдовательно жжется“. Приводя примѣръ подобнаго безсознательнаго мышленія, г. Чистяковъ, повидимому, вовсе не подозрѣваетъ, на какую опасную почву онъ становится. Г. Чистяковъ сводитъ мышленіе къ простой отражательной способности и даетъ замѣтить, что рефлексы головного мозга г. Сѣченова ему не безъизвѣстны. Хуже. Г. Чистяковъ пользуется приведеннымъ имъ примѣромъ для того, чтобы сказать, что взрослые и дѣти, образованные и необразованные связываютъ свои мысли *безотчетно*, не потому, что такъ хотятъ, не потому, что находятъ правильнымъ, но потому, что этого требуетъ умъ, потому, что иначе мысли развиваться и не могутъ. Ахъ, г. Чистяковъ, что вы это говорите?

Мы расходимся съ г. Чистяковымъ существенно въ томъ, что онъ считаетъ умъ способностью, которую можно развивать головной гимнастикой и эквилибристикой; мы-же думаемъ, что подобными экспериментами можно стереть и послѣдніе слѣды ума. Умъ пріобрѣтается не упражненіемъ, а знаніемъ, и потому человѣкъ, знающій *одно*, создаетъ себѣ односторонній умъ и приходитъ къ неразумнымъ выводамъ. Вотъ тогда-то и говорятъ, что у человѣка зашелъ умъ за разумъ. Если-же человѣкъ обладаетъ многосторонними свѣдѣніями, у него въ головѣ и многостороннія

Digitized by Google

средства для широкихъ обобщеній и для наивозможно безошибочныхъ выводовъ. Такой умъ становится разумомъ. Поэтому разумъ тотъ-же умъ, но только взрослый; онъ есть совершеннолѣтіе ума.

Вмѣсто того, чтобы объяснить маленькимъ женскимъ головкамъ просто и понятно сущность познавательнаго процеса и средствъ для исправленія ошибокъ неправильнаго мышленія,—что г. Чистяковъ могъ-бы безъ труда найти въ „Логикѣ" Миля,—авторъ „Курса" пускается въ схоластику и наводитъ мертвящую скуку своими объясненіями понятій, сужденій, умозаключеній, категорій, энтименъ, дедукцій, индукцій. И маленькія головки, утомленныя такою ученостью, устремляютъ на г. Чистякова свой испуганный, молящій взоръ и просятъ пощады. Что маленькія головки поступаютъ именно такъ и не могутъ поступать иначе, я вамъ докажу выпиской изъ логики г. Чистякова его опредѣленія категорій. „Такимъ путемъ или такимъ дѣйствіемъ отвлеченія или обобщенія умъ нашъ доходитъ, наконецъ, до такихъ высшихъ, общихъ понятій, далѣе которыхъ идти не можетъ, подъ которыя подходятъ всѣ понятія о всѣхъ возможныхъ предметахъ и сторонахъ ихъ, какимъ-бы родомъ познаній мы ни занимались. Эти высшія, общія отвлеченныя понятія называются категорически: 1-я категорія или понятіе бытія, 2) качества, 3) количества, 4) отношенія, 5) пространства, 6) времени". Поняли? И послѣ этого у г. Чистякова достаетъ мужества на 269 стр. обвинять дѣтей въ томъ, что они нерѣдко думаютъ и говорятъ только словами и фразами, воображая, что усвоили идею!

Г. Чистякову, какъ педагогу, которому открыто все нутро человѣческой души, надо-бы знать вотъ что: мы не создадимъ воспитательницъ, если не объяснимъ имъ законовъ души, но вѣдь и о душѣ нужно говорить такъ, чтобы васъ понимали, чтобы передъ ученицами возникалъ ея точный, опредѣленный и ясный образъ. Поступайте такъ, какъ поступаетъ часовой мастеръ съ своимъ ученикомъ. Мастеръ вынимаетъ изъ футляра механизмъ, кладетъ его на столъ и объясняетъ этотъ механизмъ на его полномъ ходу. Если вамъ понятна душа такъ-же, какъ ясенъ часовой механизмъ мастеру или паровая машина механику, учите дѣтей психологіи и они поймутъ васъ; если-же душа для васъ—

Digitized by Google

потемки, за что вы напрасно запираете своихъ учениць въ свой темный чуланъ? Психологія—наука не только не легкая, но очень, очень и очень трудная, и трудность ея заключается не въ томъ, чтобы заучить термины и опредѣленія, а въ томъ, чтобы читать душевный апаратъ живого человѣка и понимать всѣ психическіе процессы на-столько, чтобы не портить дѣтей воспитаніемъ. Вотъ почему психологъ-учитель не долженъ быть схоластикомъ, вотъ отчего онъ долженъ быть живымъ человѣкомъ и прежде всего говорить просто, понятно и ясно. Ясно-же говоритъ тотъ, кто думаетъ ясно. А вы, г. Чистяковъ, думаете ясно?

IV.

Если г. Чистяковъ не особенно силенъ въ новѣйшей психологіи и логикѣ и беретъ въ нихъ больше мужествомъ, за то онъ силенъ, когда ему приходится относиться критически къ другимъ педагогамъ, особенно нѣмцамъ, и преподавать женщинамъ идеалы добродѣтельной жизни. Г. Чистяковъ относится еще благосклонно къ Аристотелю, Платону, Бэкону, Жанъ-Жаку Руссо, Песталоцци и даже къ Фребелю, но за то онъ тѣмъ сильнѣе порицаетъ послѣдователей Фребеля и новѣйшихъ нѣмецкихъ педагоговъ за мертвящее анатомированіе ими живыхъ явленій природы и за сухой педантизмъ, и формальность ихъ механическаго ученія. Не знаемъ, принадлежитъ-ли это порицаніе лично г. Чистякову или онъ только повторяетъ другихъ, но тѣмъ не менѣе онъ совершенно кстати приводитъ слова Визе, который говоритъ, что нѣтъ нужды очень много школить возрастъ дѣтства и юношества, что лучше предоставлять дѣтей больше самимъ себѣ и ихъ природнымъ склонностямъ, и что усидчивость, къ которой принуждаютъ нѣмца въ молодости, притупляетъ ему голову и препятствуетъ ему возвышаться на степень свободнаго развитія. Эта педантическая несвободность составляетъ главное зло нѣмецкаго воспитанія и сильно вкоренилась въ нашу народную русскую школу. Поучаясь у нѣмцевъ, мы ввели у себя до того мертвящій механизмъ, что наши педагоги одной школы съ г. Чистяковымъ готовы совершенно отучить дѣтей отъ самостоятельнаго мышленія. Мы не хотимъ полемизировать ни съ

Digitized by Google

г. Бунаковымъ, ни съ г. Паульсономъ, ни поднимать вновь вопроса, задѣтаго гр. А. Толстымъ,—мы замѣтимъ только, что г. Чистяковъ, вооружающійся противъ мертвящаго механизма нѣмецкой школы и ея анатомированія живой природы, своими *категоріями* не даетъ болѣе жизненнаго примѣра воспитанія. Г. Чистяковъ совершенно справедливо смѣется надъ фребелевскимъ преподаваніемъ ходьбы, сопровождаемымъ слѣдующимъ пѣніемъ: „Пойдемъ нога въ ногу, ровнымъ шагомъ; ни направо, ни налѣво; не сгибай колѣней; голову вверхъ, грудь впередъ, держись прямо, выворачивай ноги, руки свободно внизъ, не тѣснись, не расходись, смотри на сосѣда. Другъ за другомъ, по два въ рядъ, такъ хорошо, чтобы это было въ удовольствіе всѣмъ". И въ то время, какъ г. Чистяковъ смѣется надъ этими казарменными упражненіями, которыя въ нѣмецкой школѣ считаются благотворными для физическаго, умственнаго и нравственнаго развитія дитяти, онъ самъ свою логику и психологію и обязательныя моральныя сентенціи превращаетъ въ такое-же механическое маршированіе.

Что-же касается моральныхъ идеаловъ, то вотъ тѣ заповѣди, которыя г. Чистяковъ, подобно новому Моисею, преподаетъ гимназисткамъ и институткамъ съ своей маленькой горы.

Назначеніе женщины такое-же, какъ и мужчины. Она должна быть самосознательнымъ, разумнымъ и самодѣятельнымъ членомъ общества, отечества и семейства. Женщина *должна заслужить право сказать:* я человѣкъ и ничто человѣческое мнѣ не чуждо. Какъ ни кротокъ и ни гуманенъ г. Чистяковъ вообще, но, выставляя требованіе, что женщина должна заслужить право, онъ обнаруживаетъ не только суровость, но даже жестокосердіе. Какъ выставить человѣку требованіе: „заслужи себѣ право считать себя человѣкомъ"? Да развѣ мы себѣ это право выслуживаемъ или заслуживаемъ, развѣ мы не люди только потому, что мы родились людьми? И кто тѣ судьи, которые будутъ сортировать людей на человѣковъ и не человѣковъ, какимъ аршиномъ тутъ нужно руководствоваться и что дѣлать съ людьми, которые не будутъ человѣками? Изгонять ихъ, жечь? Да вы просто Торквемада!

Г. Чистяковъ на-столько великодушенъ, что указываетъ русской женщинѣ, какъ можно заслужить себѣ право человѣка. Для

Digitized by Google

этого нужно купить и прочесть „Курсъ“ г. Чистякова и затѣмъ выйти замужъ; сдѣлавшись женой, женщина должна быть неразлучною и дѣятельною помощницею своего мужа. Она должна поддерживать его въ минуты тяжкихъ огорченій; строгой экономіей и порядкомъ въ хозяйствѣ сберегать все пріобрѣтенное имъ, но при этомъ сколько возможно пополнять его доходы собственнымъ трудомъ. Жена не должна чуждаться круга и хода занятій своего мужа, пожалуй даже переписывать за него бумаги или писать ему подъ диктовку, потому что иначе женщина при внезапномъ несчастіи можетъ совершенно потеряться и погибнуть или физически, или нравственно. Въ чемъ можетъ заключаться подобная погибель—г. Чистяковъ не объясняетъ. Женщина должна быть кормилицей, няней и воспитательницей своихъ дѣтей. „Только тогда, когда любящее сердце ея проявляется въ этихъ трехъ очаровательныхъ формахъ, семейство будетъ раемъ для дѣтей, для мужа и для нея самой“. Но, исполняя съ любовью и даже съ самоотверженіемъ свои семейныя обязанности, женщина, однакожь, не должна чуждаться общества, гдѣ она можетъ найти честныхъ, благородныхъ друзей. Г. Чистяковъ позволяетъ женщинѣ и развлеченіе, но не иначе, какъ изрѣдка. Имѣя средства и время, она можетъ потанцовать на дружескихъ вечерахъ, пѣть, декламировать замѣчательныя мѣста изъ лучшихъ писателей, но для этого она должна выбирать общество, въ которомъ ничто не оскорбляетъ самаго тонкаго нравственнаго чувства и изящнаго вкуса. Женщина должна помнить, что удовольствія, какъ цвѣты, одни освѣжаютъ и даютъ бодрость, другіе отравляютъ. Особенно рекомендуетъ г. Чистяковъ женамъ благотворительность. Если у жены нѣтъ своихъ собственныхъ денегъ, то „она можетъ склонять людей сильныхъ и богатыхъ къ тому, чтобы не былъ брошенъ въ жертву безпощадной бѣдности замѣчательный умъ или талантъ, который при благопріятныхъ обстоятельствахъ составитъ если не эпоху, то весьма важное явленіе въ наукѣ, литературѣ или художествѣ“. Г. Чистяковъ думаетъ, что если въ каждомъ государствѣ будетъ много такихъ женщинъ, то онѣ, какъ духовныя сестры милосердія, будутъ предохранять общество отъ растлѣнія и исцѣлять уже существующія вѣковыя язвы народа. Сколько мнѣ помнится, Маниловъ думалъ устроить благосостояніе народа гораздо проще: стоило только провести мостъ и по сто-

Digitized by Google

ронамъ его построить лавки. Г.-же Чистяковъ мечтаетъ создавать геніевъ и историческія эпохи путемъ женской благотворительности. Мудрено и непрактично, а главное—ужь очень долго. Г. Чистяковъ не позволяетъ кончать дѣвушкамъ воспитаніе 16 или 17 лѣтъ; напротивъ, именно съ этого-то возраста онъ и хотѣлъ-бы начать ихъ ученіе. Вообразите, что дѣвушка кончила школьный курсъ семнадцати лѣтъ; что-же дальше? Чтобы она сама стала продолжать свои учебныя занятія, на это нечего и разсчитывать; а „предоставить это ей самой и думать нечего", говоритъ г. Чистяковъ. Кто-же будетъ ея руководителемъ? У отца и матери нѣтъ для этого времени, а давать дѣвушкѣ книги болѣе глубокаго содержанія нельзя, не удостовѣрившись, что она ихъ понимаетъ и въ состояніи оцѣнить вѣрно мысли автора. Г. Чистяковъ боится въ особенности, чтобы не попали въ руки дѣвицъ книги глубокаго содержанія по религіознымъ, нравственнымъ и политическимъ вопросамъ. „Для молодого ума, въ которомъ еще не окрѣпли убѣжденія, привлекателенъ всякій парадоксъ, всякая новая система, идеи которой высказываются рѣзкимъ, рѣшительнымъ тономъ, особенно если авторъ пользуется извѣстностью и отличается изяществомъ и оригинальностью изложенія". Совершенно справедливо, г. Чистяковъ! Но мнѣ кажется, что вы видите парадоксы только въ новомъ... А въ старомъ они есть? Скажите?

Но наибольшій вредъ г. Чистяковъ видитъ въ томъ, что дѣвушка съ незрѣлымъ умомъ и зыбкими понятіями начинаетъ появляться въ свѣтъ, особенно если она хороша собою. Это обстоятельство дѣйствуетъ зловредно на неопытную женскую душу, потому что женщина теряетъ охоту къ наукѣ. „На балу, даже въ семейныхъ собраніяхъ, въ обществѣ самыхъ образованныхъ и ученыхъ людей, никто не научился ни математикѣ, ни физикѣ, ни исторіи, ни даже граматикѣ, говоритъ г. Чистяковъ.—Чтобы принимать участіе въ разговорѣ ученыхъ людей, который, впрочемъ, въ обществѣ почти никогда не бываетъ серьезнымъ, надо уже имѣть большой запасъ основательныхъ знаній". Мы не совсѣмъ понимаемъ требованія г. Чистякова, чтобы женщину учили книги, а не жизнь. Конечно, учатъ книги, но только тогда, когда въ нихъ заставляетъ заглядывать жизнь и то направленіе, и тѣ вопросы, которые занимаютъ общество въ данный моментъ.

Digitized by Google

Г. Чистяковъ, ставящій въ обязательство женщинамъ создавать благотворительнымъ путемъ геніевъ и эпохи, выставляетъ тутъ подобное-же требованіе, желая, чтобы семнадцати и восемнадцатилѣтнія дѣвушки, едва справившіяся съ гимназическимъ или институтскимъ курсомъ, занялись наукой и внесли въ общество серьезность и дѣловитость. Мы-же думаемъ, что семнадцати и восемнадцатилѣтнія дѣвочки, которымъ г. Чистяковъ совѣтуетъ читать умныя книжки и заниматься математикой, физикой и исторіей—неоспоримо полезными предметами,—изъ одного желанія понравиться г. Чистякову заниматься ими не станутъ. Откройте человѣческимъ способностямъ дорогу—и способности сами пойдутъ куда нужно. Басни извѣстны со временъ Езопа, но лебедь, ракъ и щука и до сихъ поръ тянутъ въ разныя стороны. Г. Чистяковъ и не имѣетъ права порицать русскую женщину за ея невѣжество. Увлеченіе трудомъ уже на-столько возбудило теперешнюю женщину, что многія совершенно безъ нужды, не зная, куда пристроить свои силы, учили и учатъ совершенно безплодно англійскій языкъ, а мы знаемъ и такихъ серьезныхъ дѣвушекъ, которыя изъ того-же теоретическаго стремленія къ дѣловитости изучаютъ безъ всякой цѣли химію, математику и даже юриспруденцію. Дѣловитое направленіе на-столько овладѣло современной женщиной, что было-бы послѣдовательнѣе его уменьшать, чѣмъ возбуждать. У насъ женщинъ, готовыхъ для дѣла, гораздо больше, чѣмъ представляется возможности для приложенія имъ силъ. Кликните только кличъ, и посмотрите, сколько явится къ вамъ женщинъ-математиковъ, историковъ, учительницъ и даже адвокатовъ. Ужь если чего приходится бояться, то скорѣе того, что обманутое ожиданіе заставитъ женщину отказаться отъ книжной серьезности, потому что ей эту серьезность пріурочить некуда. Нѣтъ, г. Чистяковъ, вы непослѣдовательны и тянете очень старую ноту.

И что это за манера воспитывать людей назиданіями? Подобную манеру еще, пожалуй, можно извинить нѣмецкимъ формалистамъ, но не русскому педагогу, который смѣется надъ нѣмецкимъ затупляющимъ и морализирующимъ воспитаніемъ. Неужели вы думаете, что моральныя сентенціи и банальныя нравоучительныя разглагольствованія заставятъ хоть одну женщину сдѣлать то, за что вы ее похвалите, а не то, что заставитъ ее сдѣлать жизнь? „Въ нашъ вѣкъ сознали наконецъ, поучаетъ г. Чистяковъ,—что

Digitized by Google

необразованная и лѣнивая женщина есть несчастіе для дѣтей, ярмо для мужа, язва для общества, что даже религіозная и нравственная въ чувствѣ, она не иначе, какъ при помощи науки, можетъ осуществить свои чистыя и честныя побужденія въ неусыпныхъ трудахъ на томъ поприщѣ, которое укажетъ ей Провидѣніе и къ которому она приготовилась, чтобы обезпечивать не только самую себя, но и другихъ, и быть въ состояніи мужественно и съ достоинствомъ переносить бѣдность, даже нищету, и неисцѣлимыя личныя и общественныя страданія". И что за панацея та наука, о которой говоритъ г. Чистяковъ? Читая его между строками, мы очень хорошо понимаемъ, какія скучныя и затупляющія знанія г. Чистяковъ понимаетъ подъ именемъ науки. Что мы въ этомъ не ошибаемся, мы можемъ доказать. Если-бы г. Чистяковъ зналъ, что не наука создаетъ идеи, а, напротивъ, она сама создается подъ давленіемъ существующихъ понятій и стремленій, онъ-бы не сталъ видѣть женскаго спасенія въ математикѣ и грамматикѣ. Всѣ знаменитыя открытія, всѣ замѣчательныя изслѣдованія, всѣ философскія системы появлялись всегда подъ давленіемъ извѣстнаго движенія общественной мысли, какъ-бы отвѣчая духу времени. Эту науку г. Чистяковъ игнорируетъ. Если-бы онъ ее не игнорировалъ, онъ-бы написалъ иную психологію, иной курсъ педагогики, и зналъ-бы человѣческую душу по писателямъ новой психологической школы, а не по давно отжившимъ.

Болѣе страннаго курса, какъ составленный г. Чистяковымъ, намъ не случалось и встрѣчать. Странность его именно въ томъ, что вы почти на каждой страницѣ какъ-будто видите двухъ разно говорящихъ людей. Одинъ изъ нихъ забѣгаетъ впередъ, но дѣлаетъ это съ какой-то стыдливостью и въ полу-маскѣ; другой, хотя и не такъ стыдливъ, но тоже не рѣшается смотрѣть прямо въ глаза и какъ-будто бѣжитъ назадъ. И эти мелькающія фигуры, то забѣгающія, то убѣгающія, до того, наконецъ, сбиваютъ и утомляютъ ваше вниманіе, что въ головѣ возникаетъ сумбуръ, вы приходите въ невольное недоумѣніе и устаете до нервной зѣвоты. Каково-же г. Чистякову было писать, когда такъ устаешь читать? Впрочемъ, причина, заставившая г. Чистякова избрать эту странную игру въ жмурки, для насъ понятна. Г. Чистяковъ писалъ, очевидно, не по своему плану, а нѣтъ ничего труднѣе, какъ

Digitized by Google

думать по готовой програмѣ. Что г. Чистякову подобное думанье было трудно и онъ чувствовалъ себя не по себѣ, это-то и доказывается его противорѣчіемъ. Очевидно, что г. Чистякову иногда очень хотѣлось писать по-своему, иногда, можетъ быть, по Бенеке, иногда даже и примирительная теорія Ушинскаго какъ-бы руководила его мыслью, въ большинствѣ-же случаевъ онъ, очевидно, отвѣчалъ на вопросы програмы и желалъ удовлетворить ея требованіямъ. Вотъ почему въ каждой строкѣ г. Чистякова чувствуется какое-то стѣсненіе мысли, робость, что-то гимназическое, точно вы читаете сочиненіе не самостоятельно-мыслящаго человѣка, а ученика, пишущаго на данную тему и на точно-установленныя для него подробности. Мы вполнѣ убѣждены, что „Курсъ педагогики" г. Чистякова пройдетъ очень незамѣтно и не проникнетъ въ частныя руки, не явится руководствомъ для тѣхъ матерей, для которыхъ г. Чистяковъ писалъ.

Мы могли-бы указать въ „Курсѣ" г. Чистякова еще много не только противорѣчій, но положительныхъ невѣрностей и даже ошибокъ въ объясненіи душевныхъ процесовъ. Мы-бы могли указать и на чрезвычайно важные пропуски — такъ, напримѣръ, г. Чистяковъ не говоритъ ни слова о чувствѣ страха, объ этомъ наиболѣе могущественномъ чувствѣ, играющемъ почти главную роль въ жизни человѣка, но мы думаемъ, что уже и такъ много говорили по поводу вопроса, хотя и важнаго самого по себѣ, но о которомъ можно пока говорить только ради теоретическаго удовольствія. Ахъ, какъ это скучно, читатель!

Digitized by Google

НАРОДЪ УЧИТЬ ИЛИ У НАРОДА УЧИТЬСЯ?

(Посвящается нашимъ профанамъ вообще и „Профану“ Отечественныхъ Записокъ въ частности.)

Я боюсь, что вы сдѣлаете очень кислую гримасу, когда услышите, о чемъ я хочу съ вами бесѣдовать. „Опять этотъ ясно-полянскій педагогъ, гр. Толстой, эти всѣмъ набившіе оскомину Евтушевскіе, Бунаковы, Паульсоны и т. п.,—ахъ, Боже мой, обо всемъ этомъ уже такъ много говорилось и писалось, что, право, можно-бы было сдать все дѣло въ архивъ педагогическаго общества! Вѣдь новаго вы ничего не скажете, а старое надоѣло до смерти. Оставьте лучше эту неблагодарную тему и займитесь чѣмъ-нибудь другимъ. И графъ Толстой, и Евтушевскіе съ Бунаковыми, каждый имѣетъ своихъ защитниковъ, пускай они себѣ и препираются, если это доставляетъ имъ удовольствіе, а вамъ-то что за дѣло до нихъ?

Успокойтесь, читатель, и да не смущается сердце ваше. Педагогическія препирательства меня нисколько не интересуютъ, т. е. не то, чтобы не интересовали, но я объ нихъ говорить не буду. Грамотенъ или не грамотенъ г. Евтушевскій, знакомъ или нѣтъ г. Бунаковъ съ словаремъ Даля и гр. Левъ Толстой съ Дистервегомъ, Диттерицомъ, Шольцомъ, Фребелемъ, Песталоцци и иными педагогическими авторитетами, годится-ли его „Счетъ“ для народныхъ школъ, какъ утверждаетъ Страннолюбскій, или не годится, какъ силится доказать Евтушевскій, какія преимущества „звуковой“ способъ имѣетъ предъ „буквослагательнымъ“ и т. д., и т. д.,— всѣ эти и подобные имъ вопросы я заранѣе исключаю изъ нашей бесѣды. „Пусть педагоги доказываютъ...“ а я ничего не

Digitized by Google

буду доказывать; я хочу только обратить ваше вниманіе на то, зачѣмъ это именно „теперь“ имъ понадобилось „доказывать“. Десять лѣтъ они спокойно священнодѣйствовали въ храмѣ просвѣщенія, десять лѣтъ никому и въ голову не приходило подвергать сомнѣнію ихъ права на священнодѣйствіе, на нихъ смотрѣли съ нѣкоторымъ почтеніемъ и даже какъ-будто благоговѣніемъ, и вдругъ точно что перемѣнилось въ атмосферѣ, почва заколебалась подъ ногами этихъ жрецовъ и завѣса ихъ храма разодралась на-двое. Толпа „профановъ“, окружавшая ихъ до сихъ поръ почтительнымъ молчаніемъ, зашумѣла и загалдѣла. „А позвольте-ка узнать, по какому праву вы считаете себя присяжными педагогами? Какіе у васъ резоны? Почему? Какъ? Въ какомъ смыслѣ?“ раздалось со всѣхъ сторонъ. Испуганные педагоги забили въ набатъ и бросились къ своимъ педагогическимъ арсеналамъ... Но „профаны“ ихъ упредили. На нихъ напала какая-то необычайная смѣлость: никогда неприкасавшіеся къ сакраментальнымъ оникамъ, никогда невысказывавшіе ни малѣйшаго желанія проникнуть въ таинство педагогическаго священнодѣйствія, они внезапно почувствовали въ себѣ силу „все“ познать и „всюду“ проникнуть. Не взирая на воинственную позу гг. Мѣдникова и Симашко, они вторгнулись съ крикомъ и шумомъ въ ихъ святилище и положили свои дерзновенныя руки на ихъ таинственныя „письмена“, на загадочныя орудія ихъ священнодѣйствія. Изъ мрачныхъ и для простыхъ смертныхъ доселѣ совершенно недоступныхъ погребовъ „Семьи и Школы“, „Народной Школы“ и т. п. одинъ за другимъ стали вытаскивать на божій свѣтъ разные диковинные „монстры“ и „раритеты“. Ареопагъ педагоговъ, каждую суботу мирно собиравшійся въ залѣ 2-й с.-петербургской гимназіи, задрожалъ и заволновался, толпа „непосвященныхъ“ и „непросвѣщенныхъ“ профанировала его своимъ безшабашнымъ гвалтомъ. Мало того, въ самой его средѣ нашлись отступники и измѣнники, готовые протянуть руку профанамъ и выдать съ головой своихъ товарищей враждебному лагерю. Скандалъ вышелъ невообразимый!.. „Профаны“ возликовали. Отъ прежняго почтенія и благоговѣнія и слѣда не осталось. Вчерашніе „педагогическіе авторитеты“ оказались сегодня гороховыми шутами.

„Смотрите, добрые люди, кричали просвѣтленные „профаны“, указывая на „монстры и раритеты“, вытащенные изъ арсенала

Digitized by Google

„орудій просвѣщенія“, — смотрите, какъ и чему эти господа учатъ нашихъ дѣтей! „Гдѣ полъ, гдѣ потолокъ? какая правая, какая лѣвая рука?“ и т. д., и т. д.,—каково это? А мы-то, профаны, воображали, будто они и въ самомъ дѣлѣ авторитеты въ дѣлѣ обученія и воспитанія юнаго поколѣнія, будто и взаправду они обладаютъ секретомъ создавать въ своихъ педагогическихъ лабораторіяхъ „истинныхъ людей“! Бѣдныя наши дѣти, несчастныя жертвы нашего невѣжества! Мы въ простотѣ нашего сердца ввѣрили ихъ жрецамъ педагогики, и что они съ ними сдѣлали? Вмѣсто того, чтобы заняться ихъ развитіемъ, они стали производить надъ ними какіе-то таинственные эксперименты, они безжалостно растянули ихъ на своей педагогической „дыбѣ“ и стали мучать ихъ заговорами и заклинаніями, лишенными всякаго человѣческаго смысла. Хорошо еще, что мы во-время схватились за умъ и порастрясли ихъ заплесневѣлые архивы. Теперь уже они насъ не проведутъ. Долой педагогическія дыбы, долой педагогическіе заговоры и заклинанія! А bas Евтушевскій, Бунаковъ, Миропольскій и К°! Да здравствуетъ графъ Левъ Толстой! Онъ снялъ повязку съ нашихъ глазъ, онъ разоблачилъ нашихъ шарлатановъ, честь ему и слава!“

Честь ему и слава!—и я противъ этого ничего не имѣю, но все-таки я позволю себѣ замѣтить, что въ данномъ случаѣ приписываемая ему честь и предоставляемая ему слава какъ-будто не вполнѣ имъ заслужены. Да простятъ меня „профаны“ Отечественныхъ Записокъ и всякихъ иныхъ литературныхъ и не литературныхъ органовъ! Мнѣ кажется, что во всемъ этомъ педагогическомъ переполохѣ роль графа ограничивалась лишь тѣмъ, что онъ, воспользовавшись благопріятнымъ моментомъ, первый крикнулъ: „Ату ихъ, нѣмецкихъ педагоговъ! гони! поджаривай!“ и затѣмъ тотчасъ-же скрылся. Разумѣется, крикъ его остался-бы гласомъ вопіющаго въ пустынѣ, если-бы онъ не соотвѣтствовалъ „духу времени“, если-бы онъ не попалъ въ тонъ господствующаго настроенія. Вотъ этому-то „духу времени“, этому господствующему настроенію и слѣдуетъ приписать всю ту честь и славу, которую профаны смиренно складываютъ къ ногамъ Яснополянскаго просвѣтителя.

Вы, вѣроятно, помните, что гр. Толстой уже второй разъ выступаетъ въ роли гонителя и ненавистника всякой научной педа-

Digitized by Google

гогики вообще и нѣмецкой въ частности. Въ первый разъ это было лѣтъ 12 тому назадъ, въ періодъ нашего *возрожденія*, графъ также было-крикнулъ: „ату ихъ, поджаривай!“ но, увы и ахъ! крикъ этотъ не произвелъ должнаго дѣйствія и кромѣ такъ-называемыхъ „почвенниковъ“ ни въ комъ не встрѣтилъ желаемаго сочувствія; графа осмѣяли и онъ, сконфуженный, убрался со сцены. Почему это такъ случилось и почему иного и случиться не могло, объяснить это весьма нетрудно, стоитъ только вспомнить тогдашнее положеніе и взаимныя отношенія нашихъ общественно-литературныхъ партій.

И тогда, какъ и теперь (только тогда это было какъ-то яснѣе), въ обществѣ, а слѣдовательно и въ литературѣ были люди, сочувственно относящіеся къ общественнымъ реформамъ, и люди, относящіеся къ нимъ враждебно. Противники этихъ реформъ, не безъ задней мысли, стали обзывать ихъ друзей и сторонниковъ теоретиками, „кабинетными реформаторами“, желающими будто-бы перестроить народную жизнь „по книжкамъ“, подвести „живую дѣйствительность подъ мертвыя формулы своихъ теорій“. Себя-же они величали „народниками“, постигшими истинный „духъ“ и „смыслъ“ народной жизни и во имя этого-то „духа“ протестующими противъ всякой „ломки“ и передѣлки якобы народомъ выработанныхъ историческихъ условій его быта. Разумѣется, „народъ“ эти господа знали только въ своихъ мечтахъ и любили его чисто-платоническою любовью; о дѣйствительныхъ-же его нуждахъ и потребностяхъ они имѣли столь-же ясныя и опредѣленныя представленія, какъ и о тѣхъ „теоріяхъ“, противъ которыхъ они ратовали съ истинно-комическимъ азартомъ. „Плевать мы хотимъ на всѣ ваши теоріи, съ негодованіемъ восклицали они;—вы думаете, что по нимъ можно сколотить рамки для народной жизни? Какъ-же! Народъ вашихъ теорій и знать-то не желаетъ. Вы съ ними на воздухѣ висите; мы, одни мы стоимъ на твердой „почвѣ“, ибо мы черпаемъ свою мудрость не изъ вашихъ тощихъ книжонокъ, а непосредственно изъ „народнаго духа“, изъ народнаго міросозерцанія!“

Понятно, что когда гр. Толстой выступилъ съ своею проповѣдью противъ книжной педагогики, когда онъ, съ развязностью бывшаго воина, однимъ почеркомъ пера похерилъ все, до чего додумался западно-европейскій умъ въ области раціональнаго воспитанія,

Digitized by Google

когда онъ громогласно заявилъ, что любой отставной солдатъ, любой спившійся дьячекъ за поясъ заткнутъ всѣхъ этихъ „новѣйшихъ педагоговъ“ съ ихъ хитрыми системами и утонченными пріемами,—когда, однимъ словомъ, онъ провозгласилъ тотъ принципъ, что въ дѣлѣ народнаго воспитанія одинъ только народъ можетъ быть непогрѣшимымъ судьею—*какъ* и *чему* слѣдуетъ его учить, и что „теоріи“ яйца выѣденнаго не стоятъ, — о, тогда „почвенники“ должны были возликовать и принять его въ свои братскія объятія. Онъ какъ-разъ попалъ имъ въ тонъ, и они ухватились за него, какъ за свое боевое орудіе. Публицисты „Времени“ носились съ нимъ какъ цыгане съ писаной торбой. Но, увы, они, при всемъ своемъ рвеніи, или, лучше сказать, благодаря своему рвенію, оказали редактору „Ясной Поляны“ медвѣжью услугу. Ихъ защита всего болѣе его скомпрометировала. „Профаны“, которые теперь преломляютъ за него свои копья, отвернулись отъ него тогда съ негодованіемъ. Онъ стоялъ обѣими ногами на той самой „почвѣ“, на которой произрастаютъ теперь „Русскій Міръ“ и „Гражданинъ“, онъ пѣлъ въ унисонъ тогдашнимъ гг. Мещерскимъ и Сальясамъ, а такъ-какъ симпатіи общества были не на ихъ сторонѣ, такъ-какъ все молодое и живое симпатизировало не имъ, а „теоретикамъ“, то само собою понятно, что графъ Толстой долженъ былъ потерпѣть рѣшительное фіаско и гласъ его долженъ былъ остаться гласомъ вопіющаго въ пустынѣ. Такъ и случилось.

Но почему-же теперь, когда тотъ-же Ясно-полянскій педагогъ снова появляется съ тою-же проповѣдью и провозглашаетъ тѣ-же принципы, какіе онъ провозглашалъ 12 лѣтъ тому назадъ, онъ не только не терпитъ фіаско, но, напротивъ, либеральнѣйшіе органы печати берутъ его подъ свою защиту, а „литературный демосъ“, представители „мыслящаго профанства“ отбиваютъ ладони, аплодируя ему? Посрамленные „теоретики“ вынуждены со стыдомъ ретироваться въ симашковскую „Семью и Школу“ и, за неимѣніемъ лучшихъ защитниковъ, прибѣгаютъ къ помощи проблематическаго остроумія какого-то г. Мѣдникова. Но, увы! не масляничное паясничество почтеннаго редактора „Народной Школы“, ни степенная солидность г. Бунакова, ни обширная эрудиція Миропольскаго-Коменскаго, ни даже толстыя стѣны 2-й с.-петербургской гимназіи — ничто не можетъ спасти и укрыть ихъ

Digitized by Google

отъ язвительныхъ стрѣлъ непризванныхъ педагоговъ и публицистовъ-професоровъ, ополчившихся, по мановенію гр. Толстого, на злосчастныхъ „теоретиковъ“.—„Ату ихъ! гони, поджаривай!“— Напрасно г. Евтушевскій силится набросить тѣнь на либерализмъ графскихъ тенденцій, напрасно издѣвается онъ надъ его квасным патріотизмомъ,—его не слушаютъ, ему не вѣрятъ; мало того, его колега, его ближайшій сподвижникъ и соревнователь—*самъ* Страннолюбскій заноситъ на него свою братоубійственную руку и безжалостно закалаетъ его на жертвенникѣ графскаго „Счета“. Невѣроятно, но это фактъ!

Что-же это такое? Чѣмъ объяснить эту странную перемѣну? Теоріи гр. Толстого не измѣнились ни на волосъ, значитъ *мы* измѣнились? Или, можетъ быть, мы только *все забыли*? Не обратились-ли наши „профаны“ въ Ивановъ Непомнящихъ?

Вопросы эти начинаютъ интересовать даже самихъ профановъ (см. Записки Профана, Отеч. Зап., 1875 г., № 1) и почтенные педагоги, въ родѣ г. Мѣдникова, ломаютъ надъ ними свои... мудрыя головы. И мнѣ кажется, что, дѣйствительно, вопросы эти заслуживаютъ нѣкотораго вниманія и что о нихъ стоитъ побесѣдовать. Если вы съ этимъ согласны, то и прекрасно; если нѣтъ, то вы можете пропустить мои соображенія объ этомъ предметѣ,— соображенія, которыя я постараюсь, во всякомъ случаѣ, высказать въ возможно сжатой формѣ.

За послѣднее десятилѣтіе, и особенно за послѣдніе годы, взаимное положеніе и отношенія нашихъ литературно-общественныхъ партій нѣсколько измѣнились. Люди, которые 12 лѣтъ тому назадъ возставали противъ всякихъ общественныхъ реформъ, — возставали во имя будто-бы „народныхъ идеаловъ“, во имя интересовъ „почвы“,—эти люди перемѣнили нынче точку своей опоры. Они уже ничего больше не говорятъ ни о „почвѣ“, ни о народномъ „духѣ“, ни о народѣ вообще. Теперь у нихъ выдвигаются на первый планъ интересы „культурнаго меньшинства“; имъ кажется, что совершонныя реформы могутъ грозить въ будущемъ серьезною опасностью именно *этимъ* интересамъ, а не интересамъ „почвы“, народа, какъ они увѣряли прежде, и что для предотвращенія этой опасности сдѣланное нужно передѣлать, и передѣлать какъ можно скорѣе. Но какъ передѣлать, во имя какихъ идеаловъ? На этотъ во-

Digitized by Google

просъ они отвѣчаютъ весьма подробно и обстоятельно, даже подробнѣе и обстоятельнѣе, чѣмъ-бы это слѣдовало. Читатель, знакомый съ проектцами генерала Фадѣева, съ „передовыми“ воззрѣніями „Гражданина“, „Русскаго Міра“, нынѣшнихъ „С.-Петербургскихъ Вѣдомостей“ и ихъ московской нянюшки, хорошо знаетъ, въ чемъ состоитъ этотъ отвѣтъ. Какъ-бы кто на него ни смотрѣлъ, но всякій согласится, и г. Фадѣевъ первый, что онъ извлеченъ не изъ нѣдръ „почвы“, а изъ нѣдръ того образованнаго меньшинства, которому хотѣлось-бы возвратить насъ ко временамъ крѣпостного права, но только въ другой формѣ и съ другими идеалами... Иными словами, прежніе ненавистники всякихъ „заимствованій“ и „теорій“, прежніе „почвенники“ обратились теперь сами въ отчаянныхъ теоретиковъ, даже въ мечтательныхъ утопистовъ. Они окончательно и, быть можетъ, безвозвратно сошли съ своего стараго, излюбленнаго конька. Но конекъ остался, только теперь его осѣдлали и на немъ поѣхали совсѣмъ *другіе* люди...

Эти другіе принадлежатъ къ тѣмъ именно слоямъ „культурнаго меньшинства“, которые, во время борьбы теоретиковъ съ почвенниками, стояли на сторонѣ первыхъ, которые являются обыкновенно носителями и хранителями „передовыхъ“ идей, господствующихъ въ каждый данный моментъ исторической жизни общества.

Разумѣется, эти люди отнеслись къ „идеѣ“ почвенниковъ нѣсколько иначе, чѣмъ относились къ ней послѣдніе, да и самая „идея“ приняла у нихъ нѣсколько иной характеръ, получила иную формулировку, хотя сущность осталась та-же. „Книги и теоріи не многому насъ научатъ, онѣ не дадутъ намъ отвѣта на фадѣевскій вопросъ: *какъ и чѣмъ намъ быть?* Отвѣтъ на него мы должны искать въ нѣдрахъ народной жизни, въ неизвѣданныхъ тайникахъ народной души. Отказавшись отъ всякихъ предвзятыхъ мнѣній, выбросивъ изъ головы „книжный хламъ“, мы должны прилѣпиться къ „почвѣ“, мы должны слиться съ нею. Въ ней сокрыто зерно будущаго, въ ней таятся великія силы; постигнуть эти силы и разчистить имъ дорогу къ божьему свѣту— вотъ все, что мы можемъ сдѣлать. *Намъ нечему учить народъ—мы сами должны всему у него учиться,*—такова, въ самыхъ общихъ чертахъ, сущность этой идеи, перешедшей по

Digitized by Google

преемству отъ *старыхъ* почвенниковъ къ *новымъ*, которые, однако, во всемъ остальномъ рѣзко отличаются отъ первыхъ.

Какъ и почему могло произойти это странное переселеніе „идеи" изъ одного культурнаго слоя въ другой, неимѣющій съ первымъ ничего общаго, преслѣдующій совершенно иныя цѣли, увлекающійся совершенно иными идеалами,—это вопросъ, конечно, очень интересный, но я касаться его не буду. Я намѣчаю только фактъ,—фактъ, подлинность котораго вы, разумѣется, не станете оспаривать; въ противномъ случаѣ мнѣ придется предположить, что вы дѣлаете изъ вашихъ глазъ и ушей совсѣмъ не то употребленіе, для котораго они предназначены самою природою.

Констатируя этотъ фактъ, я тѣмъ самымъ объясняю и главную причину (были, вѣроятно, и другія, но второстепенныя и несущественныя) того неожиданнаго успѣха, которымъ ознаменовалась прошлогодняя вылазка гр. Толстого противъ злосчастныхъ петербургскихъ педагоговъ. 12 лѣтъ тому назадъ онъ потерпѣлъ фіаско, потому что тогда его проповѣдь попала въ тонъ реакціонерному меньшинству; теперь она попала въ тонъ меньшинству либеральному—и онъ восторжествовалъ. Тогда его осмѣяли—теперь превознесли!

Мнѣ могутъ возразить, пожалуй, что я ошибаюсь, приписывая сочувствію, выказанному къ статьѣ гр. Толстого, совсѣмъ не то значеніе, которое оно имѣло въ дѣйствительности. Статья гр. Толстого, скажутъ мнѣ, пришлась по вкусу нашему либеральному „профанству", исключительно благодаря ея смѣлымъ нападкамъ на педантизмъ нашихъ петербургскихъ педагоговъ, — педагоговъ, которые въ своей просвѣтительной ревности хватили, дѣйствительно, черезъ край и договорились до „педагогическихъ чортиковъ". Что-же касается до ея положительной части, до воззрѣній автора на „народное образованіе", то едва-ли наши либеральные „профаны" могутъ ему серьезно сочувствовать. Такъ думаетъ, между прочимъ, и редакторъ „Народной Школы". Припоминая все то, что говорили наши либералы 12 лѣтъ тому назадъ, по поводу педагогическихъ воззрѣній редактора „Ясной Поляны", г. Мѣдниковъ самымъ рѣшительнымъ образомъ утверждаетъ, что хотя нынѣшнія „Отечественныя Записки" и помѣстили на своихъ страницахъ статью гр. Толстого, но что она идетъ въ разрѣзъ съ ихъ общимъ направленіемъ и что ни одинъ изъ постоянныхъ со-

Digitized by Google

трудниковъ этого журнала не рѣшился-бы подписать подъ нею своего имени.

Я слышалъ, что и не одинъ г. Мѣдниковъ такъ думаетъ и что очень многіе изъ заурядныхъ читателей, неслѣдящихъ за перипетіями нашей общественной мысли, были крайне удивлены, встрѣтивъ въ органѣ, издающемся подъ редакціей гг. Некрасова-Краевскаго, развитіе той-же самой педагогической философіи, которая осмѣивалась и побивалась въ органѣ, издававшемся подъ редакціей только одного г. Некрасова. Наивные люди готовы были объяснить это загадочное самооплеваніе однимъ изъ тѣхъ недоразумѣній, въ которыя такъ часто и прежде впадалъ поэтъ и въ которыхъ онъ такъ красиво и трогательно умѣетъ каяться. Надѣялись, что и теперь редакція журнала не замедлитъ смыть слезою покаянія грѣшную вылазку г. Толстого. Ждали октябрь, ждали ноябрь, ждали декабрь — и вдругъ въ январьской книжкѣ редакція, устами какого-то „профана", дѣлаетъ категорическое заявленіе, что она, редакція, вполнѣ согласна съ общими воззрѣніями Ясно-полянскаго педагога и что каждый изъ ея постоянныхъ сотрудниковъ съ величайшимъ удовольствіемъ готовъ подъ ними росписаться. Вотъ-те и покаяніе!

О, г. Мѣдниковъ, о, наивные читатели, что вы теперь должны подумать о своей проницательности! Воображаю, какъ вы краснѣли, читая „Записки профана".

„Профанъ" „Отечественныхъ Записокъ" не только заявляетъ полнѣйшую солидарность, отъ своего имени и отъ имени своихъ сотоварищей по журналу, съ педагогическою теоріею Ясно-полянскаго просвѣтителя, но и представляетъ даже нѣкоторыя, собственнымъ умомъ измышленныя соображенія для его оправданія и вящшаго утвержденія.

Прежде, чѣмъ я коснусь этихъ соображеній, я позволю себѣ напомнить вамъ, въ двухъ-трехъ словахъ, сущность теоріи графа Толстого.

Ясно-полянскій просвѣтитель полагаетъ, что не только педагогика нашихъ патентованныхъ петербургскихъ педагоговъ, собирающихся по суботамъ въ залахъ 2-й гимназіи, но и вообще вся нѣмецкая педагогія (а извѣстно, что нѣмецкая нація чувствуетъ особенную склонность къ педагогіи и что изъ всѣхъ націй она одна сдѣлала изъ нея любимѣйшій предметъ своихъ размышленій и

Digitized by Google

изслѣдованій) и мѣднаго гроша не стоитъ, что она представляетъ изъ себя кучу никуда негоднаго и безсмысленнаго хлама, отъ котораго чѣмъ скорѣе мы отдѣлаемся, тѣмъ лучше. Она, по мнѣнію графа, толчетъ воду въ ступѣ и не представляетъ никакихъ подходящихъ матеріяловъ для рѣшенія вопроса: *какъ* и *чему слѣдуетъ учить*? Мало того, что не представляетъ, она и не можетъ ихъ представить, ибо народъ слѣдуетъ учить *такъ* и *тому*, *какъ* и *чему* онъ хочетъ. Слѣдовательно, достоинство истиннаго педагога состоитъ въ томъ, чтобы, откинувъ суетную, книжную мудрость, съумѣть понять народныя требованія и во всемъ съ ними сообразоваться. Если народъ желаетъ, чтобы его обучали одному лишь чтенію псалтыря и первымъ 4-мъ правиламъ арифметики, то только этому и слѣдуетъ его обучать. Если онъ предпочитаетъ буквослагательный методъ звуковому, если онъ чувствуетъ особенную склонность къ *азамъ*, *букамъ*, *вѣдямъ*, *глаголямъ* и т. д., то и воспитатель обязанъ отказаться отъ звукового метода и увѣрить себя, что *а* не *а*, а *азъ*, *б*—не *б*, а *буки*, и т. п. Если народъ находитъ, что отставные „кавалеры" и за штатомъ оставленные пономари гораздо лучше удовлетворяютъ его педагогическимъ требованіямъ, чѣмъ „господа ученые педагоги" изъ учительскихъ семинарій, то господъ ученыхъ педагоговъ слѣдуетъ гнать по шапкѣ, а народное образованіе ввѣрить господамъ кавалерамъ и заштатнымъ пономарямъ.

Развивая далѣе эту основную идею своей педагогической философіи, гр. Толстой совершенно послѣдовательно приходитъ къ отрицанію всякой школьной дисциплины и къ безусловному признанію въ дѣлѣ воспитанія пресловутаго принципа laissez faire. Школьный учитель, по его мнѣнію, долженъ предоставить самимъ дѣтямъ выборъ какъ предметовъ, такъ и времени занятій; онъ обязанъ учить ихъ только тому, чему они желаютъ учиться, употребляя при этомъ такіе именно пріемы, которые они (а не онъ) находятъ для себя наиболѣе удобными.

Такова въ самыхъ общихъ чертахъ эта несложная теорія воспитанія. И подъ нею-то подписываются „профаны" „Отечественныхъ Записокъ". „Мы, профаны, говорятъ они (см. „Отечественныя Записки", № 1, „Записки профана"),—содержимъ педагоговъ и взамѣнъ этого они обязаны оказывать намъ извѣстнаго рода услуги; не въ правѣ-ли-же мы требовать отъ нихъ, чтобы, ока-

Digitized by Google

зывая намъ-же услуги, они соображались съ нашими желаніями? Вѣдь не мы для нихъ существуемъ, а они для насъ; мы предъявляемъ имъ свой запросъ, а они должны удовлетворить ему, и, конечно, намъ лучше, чѣмъ кому-нибудь, знать, дурно или хорошо они ему удовлетворяютъ". Все это совершенно вѣрно. Вѣрно также и все то, что говорятъ и думаютъ „профаны" насчетъ нынѣшняго прискорбнаго состоянія нѣмецкой педагогики вообще и нашей нѣмецко-русской въ частности.

Но вотъ что невѣрно и что они, профаны, проглядѣли. Съ одной стороны, они проглядѣли тѣ логическіе выводы, къ которымъ неизбѣжно приводитъ философія профановъ, съ другой, прогуливаясь по педагогической кунсткамерѣ гг. Симашко и Мѣдникова, они „слона-то и не примѣтили". Я хочу указать имъ на этого „слона" и на эти выводы. Прежде о слонѣ.

Дѣйствительно, наша педагогическая кунсткамера изобилуетъ очень забавными вещицами; дѣйствительно, и наши отечественные педагоги, и ихъ учителя нѣмцы въ своемъ педагогическомъ рвеніи доходятъ до геркулесовыхъ столбовъ всевозможныхъ нелѣпостей и безсмыслицъ; дѣйствительно, они еще очень далеки отъ рѣшенія вопроса, какъ и чему учить? Самыя элементарныя педагогическія задачи ставятъ ихъ втупикъ и они до сихъ поръ не могутъ даже согласиться насчетъ того, по какому способу всего цѣлесообразнѣе обучать дѣтей азбукѣ. Если въ азбучномъ вопросѣ они бродятъ впотьмахъ и на каждомъ шагу сталкиваются другъ съ другомъ лбами, то нечего и говорить, что въ вопросахъ менѣе азбучныхъ, въ вопросахъ болѣе сложныхъ они еще больше путаются, еще больше сами себѣ противорѣчатъ. Дѣйствительно, въ ихъ разнообразныхъ системахъ нѣтъ ни одной идеи, кромѣ развѣ идеи нагляднаго обученія, которая не казалась-бы имъ спорною и несостоятельною. Даже идея нагляднаго обученія, за которую они ухватились съ какимъ-то религіознымъ фанатизмомъ и которую они довели до чистѣйшаго абсурда, даже и эта идея, благодаря именно ихъ рвенію не „по разуму", начинаетъ вызывать противъ себя справедливую опозицію. Сами педагоги начинаютъ догадываться (въ Германіи, по крайней мѣрѣ), что въ томъ видѣ, въ какомъ оно практикуется въ нѣкоторыхъ дѣтскихъ садахъ и элементарныхъ школахъ, оно, вмѣсто того, чтобы быть орудіемъ умственнаго развитія, превра-

Digitized by Google

щается въ орудіе притупленія всѣхъ умственныхъ способностей человѣка.

Но несмотря на всѣ дикости, нелѣпости, на весь педантическій формализмъ господствующей педагогики, въ ней есть нѣчто такое, что заставляетъ если не примириться съ ея недостатками, то, по крайней мѣрѣ, отнестись къ нимъ съ большею снисходительностью. Это нѣчто—тотъ духъ, та основная мысль, которая проникаетъ и оживляетъ ея безобразно-уродливое тѣло. Вотъ этотъ-то духъ, вотъ эту-то „основную мысль" современной педагогики и проглядѣли наши профаны, не въ мѣру увлекшіеся домостроевской философіей графа Толстого.

Какъ ни плохи и жалки, въ своихъ практическихъ примѣненіяхъ нѣмецкіе учебники педагогики (я говорю, разумѣется, объ учебникахъ болѣе новыхъ, о тѣхъ, по которымъ учатся и учатъ наши патентованные педагоги), но въ основѣ ихъ всегда лежитъ тотъ принципъ, что педагогика есть наука (а по мнѣнію нѣкоторыхъ, даже и не наука, а только искуство) прикладная и что поэтому во всѣхъ своихъ выводахъ и построеніяхъ она должна строго соображаться съ указаніями своихъ коренныхъ наукъ, наукъ антропологическихъ и преимущественно физіологіи, анатоміи и психологіи. Нѣмецкій педагогъ, какъ-бы онъ ни былъ тупоуменъ и ограниченъ, всегда старается обосновывать свои педагогическіе пріемы на какихъ-нибудь „истинахъ" антропологическихъ наукъ. Можетъ быть, онъ и не понимаетъ этихъ истинъ, можетъ быть, онѣ даже совсѣмъ и не истины, но дѣло не въ томъ. Тутъ важно его направленіе, его желаніе сообразоваться въ своей дѣятельности съ тѣми данными, которыя представляютъ ему науки, изучающія законы человѣческой природы. Если онъ относится къ этимъ даннымъ недобросовѣстно или черезчуръ легкомысленно, если онъ пользуется ими какъ попало, безъ всякой критической повѣрки, то это его личная вина,—вина, за которую „основный принципъ" нѣмецкой и вообще всякой раціональной педагогики никакъ не можетъ быть отвѣтственъ. Если этихъ данныхъ собрано недостаточно, если науки, разрабатывающія ихъ, находятся въ младенчествѣ, то опять-таки обвинять можно эти науки, а никакъ не педагогику.

Въ настоящее время, дѣйствительно, наука или искуство педагогики имѣетъ весьма мало твердыхъ опоръ въ области антро-

Digitized by Google

пологическихъ знаній. Только одна ея часть, именно та, которая занимается физическимъ воспитаніемъ человѣка, стоитъ на строго-научной, реальной почвѣ. Напротивъ, другая ея часть, занимающаяся умственнымъ и нравственнымъ воспитаніемъ, находится почти въ такомъ-же положеніи, въ какомъ находилась современная химія, когда она была алхиміей.

Но должны-ли мы дѣлать отсюда тотъ выводъ, который сдѣлалъ гр. Толстой? Должны-ли мы, подобно ему и защищающимъ его профанамъ, поставить надъ нею крестъ и отдать дѣло воспитанія народа на произволъ его неясныхъ инстинктовъ, желаній и предубѣжденій? Не поступимъ-ли мы въ этомъ случаѣ совершенно такъ-же, какъ поступаютъ тѣ врачи-мистики, которые, сознавая младенческое состояніе медицины, махаютъ на нее рукой и возлагаютъ всѣ свои упованія на цѣлительную силу самой природы человѣка, которые, вмѣсто того, чтобы лечить эту больную природу, безпрекословно подчиняются всѣмъ ея прихотямъ и капризамъ?

Но какъ-же, однако, поступить? Если педагогика, въ ея современномъ состояніи, не можетъ дать намъ отвѣта на вопросъ, какъ и чему учить, то гдѣ-же намъ искать его? Что намъ дѣлать со всѣми этими хитросплетенными системами и методами, со всею этою педагогическою мудростью, когда, быть можетъ, завтра или послѣ завтра все это окажется чистѣйшимъ вздоромъ и ложью?

Что дѣлать? Мнѣ кажется, во всякомъ случаѣ, не то, что совѣтуетъ Ясно-полянскій педагогъ, потому что, послѣдовавъ его совѣту, мы рискуемъ попасть изъ огня да въ полымя. Педагогическая теорія нашего Ясно-полянскаго учителя еще менѣе, чѣмъ теоріи нѣмецкихъ педагоговъ, отвѣчаетъ на вопросъ, какъ и чему учить? Она прямо говоритъ, что на него даже и не можетъ быть никакого общаго отвѣта. Въ каждомъ частномъ случаѣ онъ долженъ рѣшаться иначе, сообразно съ желаніями и наклонностями учащихся, съ идеалами и потребностями окружающей ихъ среды. Идеалы эти могутъ быть крайне низменны, потребности крайне грубы, желанія въ высокой степени безсмысленны, наклонности до послѣднихъ предѣловъ пошлы и извращены,—Ясно-полянскому педагогу нѣтъ до этого никакого дѣла. Педагогъ обязанъ избѣгать всякаго принужденія, онъ долженъ неукоснительно держаться прин-

Digitized by Google

ципа laissez faire,—иными словами, онъ долженъ не измѣнять и формировать данный воспитательный матеріялъ сообразно съ тою или другою теоріею, а, наоборотъ, измѣнять и формировать свои теоріи, сообразуясь съ даннымъ матеріяломъ. Но какъ и по какимъ признакамъ отличитъ онъ въ этомъ матеріялѣ то, съ чѣмъ слѣдуетъ сообразоваться, отъ того, съ чѣмъ не слѣдуетъ? Какъ-бы ни была ограничена среда, въ которой ему приходится дѣйствовать, но онъ всегда рискуетъ наткнуться на самыя противорѣчивыя желанія и потребности. Которыя изъ нихъ онъ долженъ уважить, которыя игнорировать? Какъ онъ распознаетъ, что въ этихъ потребностяхъ и и желаніяхъ существенно и важно, что ложно и призрачно? Даетъ-ли ему на этотъ счетъ какія-нибудь положительныя указанія теорія гр. Толстого? Ни малѣйшихъ. Она знаетъ только рецепты чисто-отрицательнаго свойства; не прибѣгай къ принужденію (разумѣется, здѣсь идетъ рѣчь не о принужденіи физическомъ, а о принужденіи нравственномъ, интелектуальномъ); не насилуй природы учащагося, не препятствуй свободному развитію его душевныхъ наклонностей, не будь педантомъ, не имѣй предвзятыхъ теорій, особенно если онѣ происходятъ изъ „нѣметчины", и т. д., и т. д. Можетъ быть, всѣ эти отрицательныя положенія и прекрасны, но само собою понятно, что при практическомъ приложеніи они должны-же получить какое-нибудь болѣе положительное содержаніе: нужно-же точно опредѣлить, что именно означаетъ каждое изъ этихъ „не прибѣгай", „не препятствуй", „не насилуй" и т. п. Но кто-же это будетъ опредѣлять? По мнѣнію гр. Толстого, самъ учитель. А чѣмъ онъ будетъ при этомъ руководствоваться? Опять тѣмъ-же, чѣмъ и при распознаваніи существенныхъ и разумныхъ потребностей среды отъ несущественныхъ и неразумныхъ, т. е. собственнымъ вдохновеніемъ. Весьма точный и основательный критерій! Руководствуясь имъ, гр. Толстой открылъ уже, что знаніе первыхъ четырехъ правилъ арифметики и чтеніе церковно-славянскихъ книгъ есть единственная существенная потребность народа; что-же касается до потребности пріобрѣтать какія-нибудь другія знанія, то она призрачна и несущественна. Можно надѣяться, что скоро появится какой-нибудь новый Ясно-полянскій педагогъ, который найдетъ, что и потребность въ знаніи первыхъ правилъ арифметики и въ чтеніи церковно-славянскихъ книгъ не особенно существенна и что нашъ

Digitized by Google

народъ ничего болѣе не хочетъ и ни въ чемъ болѣе не чувствуетъ надобности, какъ только въ томъ, чтобы его дѣти умѣли обращаться со „счетами", могли-бы подписывать свое имя подъ разными офиціальными документами да знали нѣсколько молитвъ. Напротивъ, какому-нибудь чухломскому педагогу и это можетъ показаться не особенно важнымъ и онъ станетъ увѣрять, что у народа существуетъ одна только дѣйствительно реальная потребность—вбить въ голову своихъ дѣтей нѣсколько чухломскихъ прибаутокъ и пословицъ. Третій будетъ утверждать... Но къ чему эти предположенія? И безъ нихъ, я думаю, совершенно очевидно, что тамъ, гдѣ вопросъ: какъ и чему учить?—рѣшается не на основаніи общихъ соображеній для всѣхъ эмпирическихъ случаевъ, гдѣ отвѣтъ на него ищется исключительно въ потребностяхъ и желаніяхъ данной среды, какъ-бы ни была эта среда косна и невѣжественна, тамъ не можетъ быть положено никакихъ разумныхъ границъ учительскому невѣжеству, произволу и недобросовѣстности.

Но это еще не все и даже не главное неудобство педагогической философіи Ясно-полянскаго просвѣтителя. Оставляя учителей въ полнѣйшей неизвѣстности, какъ и чему слѣдуетъ учить народъ, эта философія унижаетъ и искажаетъ цѣль и назначеніе народнаго воспитанія. Изъ орудія цивилизаціи, изъ средства постоянно двигать народъ впередъ, она превращаетъ его въ какой-то вѣчный тормазъ, въ орудіе застоя и рутины. Школа только тогда и можетъ оказать благотворное вліяніе на народное развитіе, когда она стоитъ выше его насущныхъ, исторически-сложившихся потребностей, когда она преслѣдуетъ идеалы болѣе разумные и болѣе широкіе, чѣмъ тѣ, которые онъ преслѣдуетъ, когда, однимъ словомъ, не она нисходитъ до уровня его требованій, а его поднимаетъ до своихъ требованій. Напротивъ, если школа станетъ хлопотать лишь о томъ только, чтобы никогда не становиться въ разрѣзъ съ желаніями и стремленіями неразвитой массы, если она откажется отъ всякаго принудительнаго вліянія (понимая подъ этимъ выраженіемъ принужденіе нравственное и интелектуальное) на подростающее поколѣніе, въ такомъ случаѣ она, волею-неволею, должна будетъ противодѣйствовать всякому прогресивному движенію и формировать дѣтей по образцу отцовъ, т. е. увѣковѣчивать въ первыхъ ограниченность и невѣжество послѣднихъ.

Digitized by Google

Неужели эта истина не принадлежитъ еще къ числу тѣхъ азбучныхъ истинъ, которыя очевидны съ перваго взгляда? Неужели наши либеральные профаны не понимаютъ, что голосъ народа, что ихъ собственный голосъ можетъ имѣть рѣшающее значеніе лишь въ сферѣ тѣхъ отношеній, тѣхъ вопросовъ, которые непосредственно касаются устройства ихъ личнаго благополучія; въ сферѣ-же вопросовъ, касающихся воспитанія его дѣтей, чѣмъ меньше значенія будетъ имѣть его голосъ, чѣмъ слабѣе будетъ его вліяніе, тѣмъ легче и скорѣе высвободится подростающее поколѣніе изъ-подъ ферулы ошибокъ, заблужденій и предразсудковъ поколѣній отживающихъ?..

Вѣдь сами-же вы, профаны, признаете, что душа ребенка не есть tabula rasa, что она представляетъ собою сложный продуктъ цѣлаго ряда разнообразныхъ физическихъ, нравственныхъ и умственныхъ вліяній, преемственно передаваемыхъ изъ поколѣнія въ поколѣніе. Отъ свойства этихъ вліяній должно зависѣть и качество продукта, а отъ качества продукта — отношеніе къ нему школы. Если качество это удовлетворительно, т. е. если душа воспитуемой массы содержитъ въ себѣ болѣе хорошихъ, чѣмъ дурныхъ задатковъ, въ такомъ случаѣ роль школы, дѣйствительно, можетъ ограничиться лишь тою задачею, которою ее ограничиваетъ графъ Толстой; чѣмъ больше свободы предоставитъ она ея развитію, чѣмъ болѣе будетъ она сообразоваться въ своей воспитательной дѣятельности съ ея потребностями, съ ея желаніями, инстинктами и наклонностями, чѣмъ менѣе будетъ она становиться въ разрѣзъ съ тѣми культурными условіями, подъ вліяніемъ которыхъ сложилась эта душа, тѣмъ разумнѣе и цѣлесообразнѣе она поступитъ. Но если матеріялъ, надъ которымъ ей приходится оперировать, отличается въ несравненно большей степени наслѣдственными недостатками, чѣмъ наслѣдственными достоинствами, то школа должна стать къ нему въ совершенно другія отношенія, въ отношенія чисто-отрицательныя; она должна прежде всего и больше всего хлопотать объ его измѣненіи и преобразованіи. А для этого она должна поставить его въ такія условія, которыя-бы менѣе всего соотвѣтствовали его дурной природѣ, которыя-бы менѣе всего походили на условія той среды, гдѣ онъ образовался и развился.

Не ясно-ли это, какъ божій день?

Digitized by Google

Пусть-же теперь сами профаны рѣшатъ, что представляетъ собою та, если можно такъ выразиться, средняя душа, съ которою имѣетъ дѣло наша народная школа. Есть-ли она продуктъ по-преимуществу хорошихъ или по-преимуществу дурныхъ вліяній?

Извѣстно, что Ясно-полянскій педагогъ рѣшаетъ этотъ вопросъ въ пользу „народной души". И если стать на его мистико-оптимистическую точку зрѣнія, то его педагогическая философія не покажется особенно странной и нелѣпой, по крайней мѣрѣ, въ ея принципѣ, хотя на практикѣ она все-таки неизбѣжно должна привести, какъ я это показалъ выше, къ установленію крайне произвольныхъ, неопредѣленныхъ и неустойчивыхъ отношеній школы къ народу *).

Если-же психическому вопросу, столь важному въ дѣлѣ воспитанія, будетъ дано рѣшеніе, несогласное съ гр. Толстымъ, въ такомъ случаѣ его педагогическая теорія потеряетъ всякій raison d'être. Я полагаю, что даже и профаны не рѣшатся тогда ее защищать. Однако, что-же они будутъ дѣлать? Допустимъ, что педагогическая мудрость графа совсѣмъ не мудрость, а нѣчто совершенно ей обратное, но вѣдь и мудрость-то нѣмецкихъ, а тѣмъ паче отечественныхъ „ученыхъ" педагоговъ тоже весьма пробле-

---

*) Въ опроверженіе всѣхъ этихъ теоретическихъ соображеній мнѣ могутъ указать на примѣръ Ясно-полянской школы, которая, по отзывамъ нѣкоторыхъ лицъ, посѣщавшихъ ее, не оставляла желать ничего лучшаго. Я готовъ вѣрить этимъ отзывамъ, но не могу не спросить: почему-же эта школа могла просуществовать только три года? Да и кто были эти посѣтители, которымъ она казалась идеаломъ совершенства? Не были-ли они тѣми Маниловыми, которымъ достаточно показать казовый конецъ заведенія, чтобы заставить ихъ трубить о немъ въ самыхъ лестныхъ выраженіяхъ? Наконецъ, если-бы Ясно-полянская школа и дѣйствительно была самая лучшая народная школа въ цѣлой Россіи, если угодно—въ цѣлой Европѣ и даже въ цѣломъ свѣтѣ, то что-же изъ этого? Это только доказываетъ, что въ дѣлѣ народнаго воспитанія, какъ и во всякомъ вообще дѣлѣ, люди играютъ несравненно большую роль, чѣмъ ихъ теоріи. По всей вѣроятности, и самъ гр. Толстой, и весь подобранный имъ персоналъ учителей и учительницъ обладали тѣми именно качествами, которыя необходимы для педагога - практика. Человѣкъ, одаренный педагогическими способностями, можетъ быть отличнымъ воспитателемъ, хотя-бы въ его головѣ и не сидѣло никакой раціональной, логически-продуманной педагогической теоріи. Однако, отсюда не слѣдуетъ заключать, что и большинство педагоговъ могутъ обходиться безъ всякихъ раціональныхъ теорій, что теоріи эти—излишняя роскошь. Quod licet Jovi, non licet bovi. И, разумѣется, педагоговъ, принадлежащихъ къ породѣ быковъ, гораздо больше, чѣмъ педагоговъ-Юпитеровъ.

Digitized by Google

матична. А если обѣ эти мудрости суть мудрости мнимыя, призрачныя, то не все-ли равно, которой изъ нихъ мы ввѣримся?..

Нѣтъ, разница есть, и весьма существенная. Мудрость западно-европейской педагогики можетъ проявляться въ настоящее время въ крайне нелѣпыхъ и шаткихъ формахъ, но ея основный принципъ все-таки вѣренъ, разуменъ и непреложенъ. Между тѣмъ мудрость графа Толстого, независимо даже отъ ея практическаго приложенія, въ основѣ своей ложна и нелѣпа. Первая проникнута научнымъ духомъ, вторая — мистицизмомъ. Первая признаетъ, что искуство воспитанія человѣка должно быть выведено изъ изученія законовъ человѣческой природы; вторая отвергаетъ компетентность науки рѣшить вопросъ: какъ и чему слѣдуетъ учить? Первая стремится сдѣлать изъ школы воспитательницу и руководительницу жизни,—вторая, наоборотъ, подчиняетъ требованія школы требованіямъ будничной дѣйствительности. Въ первой скрыто зерно будущаго, вторая и теперь уже носитъ на себѣ явные слѣды смерти. Первая допускаетъ научную провѣрку, для второй науки не существуетъ, и т. д., и т. д.

Однако, несмотря на всѣ эти существенныя различія педагогики раціональной и педагогики нераціональной, мы ни на минуту не должны забывать, что между ними есть и сходство,—сходство хотя и временное, но тѣмъ не менѣе весьма оскорбительное для первой. И та, и другая находятся въ эмпирическомъ періодѣ своего развитія. Разумѣется, для одной и надежды нѣтъ когда-нибудь изъ него выйдти, другая-же, напротивъ, рано или поздно, но должна высвободиться изъ своего теперешняго грубаго эмпиризма. И чѣмъ скорѣе это случится, тѣмъ скорѣе избавимся мы отъ печальной необходимости подвергать нашихъ дѣтей грубымъ и нерѣдко крайне мучительнымъ экспериментамъ „патентованныхъ“ педагоговъ.

Но когда-же это можетъ случиться? Очевидно, только тогда, когда, съ одной стороны, педагогика, не довольствуясь однимъ лишь теоретическимъ сознаніемъ своей связи съ науками антропологическими, вступитъ съ ними въ болѣе реальный, практическій, тѣсный союзъ.

Къ осуществленію этой-то цѣли и должны быть направлены всѣ силы нашихъ педагоговъ; строить-же разныя системы и теоріи изъ того скуднаго матеріяла, который теперь у нихъ имѣется

Digitized by Google

подъ руками,—это такъ-же цѣлесообразно, какъ воздвигать зданіе на пескѣ, писать книги на водѣ. Должны-же они, наконецъ, понять, что, безплодно тратя время на подобныя построенія, они только компрометируютъ себя и даютъ противъ себя орудіе въ руки разныхъ невѣждъ и профановъ. Неужели имъ еще не надоѣло обогащать россійскія и нѣмецкія педагогическія кунсткамеры своими жалкими уродцами?

О, профаны, зачѣмъ вы имъ этого не разъяснили? Конечно, я сомнѣваюсь, чтобы изъ этого вышелъ какой-нибудь толкъ, но все-же подобныя разъясненія были-бы гораздо если не полезнѣе, то, по крайней мѣрѣ, безвреднѣе вашихъ колѣнопреклоненій и расшаркиваній передъ ясно полянскимъ просвѣтителемъ.

Все тотъ-же.

Digitized by Google

БЕЗСИЛІЕ ТВОРЧЕСКОЙ МЫСЛИ.

(Собраніе сочиненій А. Н. Островскаго. Спб., 1874 г., 8 томовъ.)

(Статья вторая.)

I.

Г. Островскому снова посчастливилось. По случаю новаго изданія его сочиненій объ немъ заговорили вновь; но какая разница между теперешней и прежней критикой! Медовый мѣсяцъ отзывовъ для г. Островскаго кончился, блестящихъ турнировъ ему не дается, никто не ломаетъ изъ-за него копій, никто не разитъ, пользуясь имъ, какъ компиляторъ русской исторіи, никто не разыгрываетъ роли пророковъ-обличителей, никто не бросаетъ современному обществу упрековъ и обвиненій и не старается раскрыть ему глаза на его прошлое. Глаза намъ открылись, старое мы уже знаемъ, а въ послѣднія двадцать лѣтъ рѣка времени унесла насъ на-столько впередъ, что школѣ г. Островскаго уже не вызвать русской мысли къ жизни. Пережитое не повторяется. Современная критика по отношенію къ г. Островскому занята иной работой: она отводитъ ему надлежащее мѣсто и хоронитъ его, какъ она похоронила уже многихъ, когда эти многіе отжили свое время и кончили свое дѣло.

Г. Островскій, какъ мы уже сказали, постоянно давалъ типы бытовые, этнографическіе. Разсматривая его, какъ логическое послѣдствіе предыдущаго, мы видимъ въ немъ бытописателя старины, зеркало, отразившее домостроевскую и допетровскую Русь. Г. Островскій обрисовалъ ископаемое царство, давно умершее и отжившее и на-столько всѣмъ извѣстное, что оно можетъ интересовать насъ только той обновляющей идеей, для которой драматургъ употребилъ этотъ мертвый матеріялъ... Талантъ г. Островскаго, какъ искуснаго

Digitized by Google

фотографиста отжившихъ типовъ, мы не отрицаемъ, но мы жалѣли и пожалѣемъ еще разъ, что этотъ талантъ ушелъ на раскопки и палеонтологію и не сослужилъ обществу никакой новой прогресивной службы. Какъ продолжатель старой школы, онъ явился лишь для того, чтобы завершить ея развитіе и быть ея послѣднимъ звеномъ. Люди, подводящіе итоги, конечно, имѣютъ цѣну въ области науки — такимъ былъ, напримѣръ, Гегель въ философіи, — но въ художественномъ творчествѣ подводителямъ итоговъ особеннаго значенія не придаютъ. Художественная литература только тогда и сильна, она только тогда и освѣжаетъ общественную атмосферу, когда служитъ своему времени, а не является лишь исправленнымъ и дополненнымъ изданіемъ стараго, всѣмъ извѣстнаго, а потому и неимѣющаго интереса освѣжающей новизны. Все, что мы говоримъ теперь, — выводъ изъ того, что мы говорили въ первой статьѣ, и подтвержденіе того, что мы докажемъ полнѣе въ настоящей. Мы обратимъ здѣсь вниманіе читателя на драматическія хроники г. Островскаго.

Скромное названіе, которое драматургъ далъ своимъ историко-драматическимъ попыткамъ, повидимому, отнимаетъ отъ критики право относиться къ нимъ съ послѣдовательной строгостью. Но скромность, при всей своей похвальности въ обыкновенныхъ, будничныхъ сношеніяхъ людей, едва-ли добродѣтель въ настоящемъ случаѣ. Мы думаемъ, что г. Островскій поступилъ такъ даже и не изъ скромности. Онъ, конечно, и самъ понималъ хорошо, что нельзя-же назвать драмой то, что вовсе не драма, и мы кстати припоминаемъ слова калифа Омара, разсудившаго такъ по поводу александрійской библіотеки: если въ ея книгахъ повторяется только то, что сказано въ „Коранѣ“,—зачѣмъ имъ существовать; а если въ нихъ заключается то, чего нѣтъ въ „Коранѣ“, — зачѣмъ имъ говорить то, чего не говоритъ „Коранъ“? И въ самомъ дѣлѣ, если драматическія хроники г. Островскаго только въ иной формѣ повторяютъ всѣмъ извѣстныя и доступныя историческія событія, событія жеванныя и пережеванныя, даже выученныя на-память, не печально-ли, что авторъ занимается такимъ грустнымъ повтореніемъ извѣстнаго, и можно-ли претендовать на читателя, если онъ при чтеніи ихъ погружается въ сонъ и чувствовалъ-бы еще болѣе томительное состояніе, если-бы ему пришлось ихъ увидѣть на сценѣ?

Въ хроникахъ г. Островскаго есть неоспоримо-талантливыя мѣ-

Digitized by Google

ста, и ихъ не мало, но талантливость, потраченная на нихъ, рѣшительно тонетъ въ нескончаемомъ океанѣ общей скуки и какого-то томящаго однообразія мыслей и чувствъ, въ которыхъ вы не найдете ни одной свѣтлой искорки. Вы не видите ни мрака, ни свѣта, а какіе-то ровные сумерки, безконечную безцвѣтность однообразія. А между тѣмъ сколько труда, сколько мелочного изученія подробностей историческихъ и бытовыхъ, сколько кропотливыхъ археологическихъ и палеонтологическихъ изслѣдованій, какое вѣрное сохраненіе тона и цвѣта времени, даже его духа! И такой громадный трудъ, такая страшная потеря силъ — для чего? Только для того, чтобы произвести впечатлѣніе скуки, сказать послѣднимъ послѣднее слово и замкнуть цѣпь! Въ этомъ смыслѣ отъ г. Островскаго нельзя отнять важной заслуги, но взглянемъ-же мы правильно на эту заслугу и прямо скажемъ, что она заслуга отрицательная, что она урокъ для будущихъ творцовъ-художниковъ, которымъ уже нельзя будетъ повторять стараго, и которые заслужатъ себѣ право на существованіе лишь на условіи служенія новому. И теперь для свѣжаго человѣка невозможно переживать жизнь драматическихъ героевъ г. Островскаго; всѣ эти Басмановы, Щелкаловы, Варатынскіе, Морозовы, Голицыны, Масальскіе и даже Василій Шуйскій, Дмитрій Самозванецъ и плѣнительный Михаилъ Васильевичъ Скопинъ-Шуйскій, при всей живости ихъ изображеній, не больше, какъ тѣни, у которыхъ съ читателемъ нѣтъ никакого общаго дѣла, нѣтъ ни общихъ чувствъ, ни общихъ мыслей, и отъ знакомства съ которыми онъ ровно ничего не пріобрѣтаетъ. Скажите, читатель, развѣ вы хотѣли-бы повторить это время, развѣ вы не относитесь ко всѣмъ этимъ дѣятелямъ сверха, развѣ вы не чувствуете, что у васъ съ ними нѣтъ ничего общаго, что ихъ интересы—для васъ мертвые интересы, ихъ мысли—мертвыя мысли, ихъ чувства—мертвыя чувства? Даже отдѣльныя красоты не увлекаютъ васъ своими художественными чертами, и самыя драматическія положенія главныхъ героевъ не шевелятъ въ васъ ничего живого, точно вы смотрите на хорошо нарисованную панораму. Скучная хроника остается скучной хроникой.

Помните то мѣсто, когда Дмитрій Самозванецъ входитъ въ Золотую палату и, думая вслухъ, говоритъ:

Такъ вотъ она—палата крѣпкой власти
И грозныхъ думъ, святой и неприступный

Digitized by Google

Пріютъ царей!.. По золотому полю
Тяжелое и строгое письмо...
Такъ прочно все, такое вѣковое!
Вотъ старый тронъ; на немъ мой братъ Феодоръ
Сидѣлъ въ мечтахъ о житіи небесномъ,
О царственныхъ заботахъ не радѣя.
Отецъ Иванъ для буйствъ своихъ татарскихъ
Святую тишь палаты покидалъ
И въ слободѣ кромѣшной запирался;
А здѣсь сидѣлъ, посаженный для смѣха,
Крещеный царь татарскій, богомольный,
Судилъ народъ и жилъ благочестиво...
Гдѣ онъ теперь?

Не правда-ли, какой торжественный, сильный и мѣрный языкъ? Васъ обхватываетъ гармонія сильнаго слова, но головное и нравственное впечатлѣніе не только слабо, но и неясно. Чѣмъ подавляетъ васъ авторъ, что онъ хотѣлъ сказать? Васъ, дѣйствительно, обхватываетъ какой-то мракъ, но въ грозныхъ думахъ, на которыя вамъ дѣлаютъ намекъ, въ этой прочности съ характеромъ вѣковымъ вамъ въ сущности не представляются ни дѣйствительно грозныя думы, ни дѣйствительно прочное вѣковое, потому что тутъ-же вамъ говорятъ о братѣ Федорѣ, жившемъ не радѣя о царственныхъ заботахъ, объ Иванѣ, покидавшемъ святую тишь ради кромѣшной слободы, и о посаженномъ для смѣха крещеномъ татарскомъ царѣ. Оттѣнокъ благоговѣнія, который придалъ авторъ монологу Дмитрія Самозванца, нисколько не сходится съ неторжественностью содержанія его рѣчи, а еще меньше съ характеромъ самого Дмитрія, смотрѣвшаго на вещи гораздо проще и легче. Дмитрій Самозванецъ, считалъ-ли онъ себя или не считалъ сыномъ Ивана IV, явился въ царскій теремъ новаторомъ и по своему поведенію какъ-бы предшественникомъ Петра Великаго. Онъ хотѣлъ разорвать съ традиціей, и уже на-столько разорвалъ съ нею, что не соблюдалъ постовъ, не ходилъ въ баню и едва не завелъ потѣшныхъ. Царственной торжественности и такого пониманія власти, какимъ отличались Іоаннъ Грозный, Петръ Великій, въ Дмитріѣ Самозванцѣ не было, и потому монологъ его по своей неясности скорѣе вводитъ въ недоразумѣніе. Конечно, въ немъ можно усмотрѣть иронію и даже сожалѣніе о томъ, что палата крѣпкой власти и грозныхъ думъ, — палата, въ которой

Digitized by Google

все такъ прочно и долговѣчно, — оказывается въ сущности очень непрочной и должна уступить чему-то иному и новому; а въ такомъ случаѣ зачѣмъ эта торжественность, противорѣчащая отсутствію царственной торжественности въ лицѣ самого Дмитрія? Далѣе видно, что и самъ Дмитрій говоритъ о безплодности грозныхъ думъ и о причинѣ непрочности вѣкового. Когда Басмановъ замѣчаетъ Дмитрію, что безъ грозы нельзя управлять царствомъ, Дмитрій отвѣчаетъ:

Не диво мнѣ такія рѣчи! Править
Вы знаете одно лишь средство—страхъ!
Вездѣ, во всемъ вы властвуете страхомъ:
Вы женъ своихъ любить васъ пріучили
Побоями и страхомъ; ваши дѣти
Отъ страха глазъ поднять на васъ не смѣютъ;
Отъ страха пахарь пашетъ ваше поле;
Идетъ отъ страха воинъ на войну;
Ведетъ его подъ страхомъ воевода;
Со страхомъ вашъ посолъ посольство правитъ;
Отъ страха вы молчите въ думѣ царской!
Отцы мои и дѣды, государи,
Въ ордѣ татарской, за широкой Волгой,
По ханскимъ ставкамъ страха набирались
И страхомъ править у татаръ учились.
Другое средство лучше и надежнѣй—
Щедротами и милостью царить.

Но развѣ всѣ эти хорошія слова—не сонъ въ лѣтнюю ночь, развѣ они не пустыя, мечтательныя слова, прямо противорѣчащія дѣйствительности по невозможности ихъ осуществленія? Милость! Точно милости было тогда мѣсто! За свою милость Дмитрій Самозванецъ поплатился головой. Противорѣчіе и преждевременная историческая мечтательность отняли отъ Дмитрія Самозванца всю его силу, лишили его всѣхъ чертъ героизма, и потому онъ является какой-то безцвѣтной тѣнью, ненаходящей себѣ историческаго оправданія, входитъ какимъ-то мягкимъ клиномъ въ русскую жизнь, которая его раздавила безъ слѣда. Очень можетъ быть, что для сохраненія исторической правды г. Островскому и нельзя было рисовать Дмитрія Самозванца инымъ, но въ такомъ случаѣ онъ не герой, а если-бы г. Островскій захотѣлъ его изобразить героемъ, то долженъ былъ-бы нарисовать его мысли чертами. Въ первомъ

Digitized by Google

случаѣ автору пришлось сохранить правду, а во второмъ—ее нарушить; въ первомъ случаѣ исчезъ-бы весь драматизмъ, во второмъ—онъ могъ-бы явиться; но если драматизма не было въ самой жизни, имѣетъ-ли право авторъ его выдумывать; если нѣтъ драматизма въ жизни, долженъ-ли авторъ дозволять себѣ еще большую неправду и покушаться творить драму безъ матеріяла?

А припомните послѣднюю сцену — убійства Дмитрія. Отъ нея вѣетъ такой простотой, такой безжизненностью, точно передъ вами дѣйствуютъ картонные герои, говорящіе чужими словами и механически, или вы слушаете спокойный и безстрастный разсказъ секретаря уголовнаго суда объ убійствѣ: „Порѣшилъ убить, пришелъ, взялъ топоръ, да и ударилъ по головѣ". И все это разсказывается вамъ ровнымъ тономъ, безъ волненія, безъ душевной тревоги и смущенія, точно сообщаютъ вамъ, что человѣку хотѣлось пить и онъ выпилъ стаканъ воды.

Когда Дмитрія внесли раненаго и въ бреду и ему мерещатся какія-то воинственныя картины, Татищевъ, обращаясь къ Валуеву и Воейкову, говоритъ:

Вы что-жь остановились?
Зачѣмъ пришли? Кончай его скорѣй!

а Валуевъ отвѣчаетъ:

Благословить ужь развѣ
По-своему тебя, свистунъ!

Затѣмъ стрѣляетъ въ Самозванца, Дмитрій Самозванецъ падаетъ ницъ, а Дмитрій Шуйскій кричитъ въ окно: „Покончили!" И толпа, окружающая Дмитрія, реветъ:

Тащи его, робята,
Къ народу внизъ!

Что это такое—драматизмъ или комизмъ? Есть тутъ высшій драматическій моментъ или его нѣтъ? Чтобы отвѣтить на этотъ вопросъ, мы попросимъ у читателя позволенія нѣсколько уклониться.

По поводу „Дмитрія Самозванца" и „Василія Шуйскаго" мы читали недавно отзывъ одного критика, мнѣнія котораго въ свое время имѣли значеніе. Критикъ полагаетъ, что въ историческомъ эпизодѣ Шуйскаго заключается дѣйствительно возможность драмы и что поэтому авторъ не ошибся, избравъ его сюжетомъ своего драматическаго произведенія. „Тутъ, по словамъ критика,—и та чрезвычайность положеній и обстоятельствъ, которая

Digitized by Google

вызываетъ человѣка на дѣла, требующія энергическаго напряженія нравственныхъ силъ, и силы эти поднимаетъ до обширныхъ размѣровъ, тутъ есть взволнованная бурная среда, порождающая грозныя страсти, блестящіе успѣхи и великія бѣдствія,—словомъ, тутъ есть и нравственная мощь человѣка, искушаемая, но не подавляемая судьбою, и вѣчный антагонизмъ между индивидуальностью человѣческою и общимъ непреложнымъ ходомъ вещей — одна изъ главныхъ стихій, дающихъ такой величавый и такой трагическій характеръ исторіи человѣчества. Эпоха самозванцевъ и междуцарствія, съ такими характеристическими личностями, каковы Годуновъ, Лже-Дмитрій, Шуйскій, съ движеніемъ народныхъ массъ, ихъ представителями и вождями, каковы Скопинъ-Шуйскій, Ляпуновъ, Мининъ, Пожарскій, Гермогенъ, архимандритъ Діонисій, Палицынъ и пр., говоритъ критикъ,—эпоха русской жизни со всѣми ея треволненіями и чисто-національнымъ ея духомъ, безъ сомнѣнія, составляетъ самую знаменательную часть нашей исторіи, къ которой наша поэзія будетъ обращаться, какъ къ роднику богатыхъ драматическихъ концепцій". Мы думаемъ, что въ этихъ словахъ критика проглядываетъ частью московскій патріотизмъ, а еще больше какое-то слишкомъ широкое, неясное, расплывающееся обобщеніе, позволяющее видѣть драматизмъ во всемъ, въ чемъ угодно. Конечно, если въ жизни человѣка являются чрезвычайныя обстоятельства, вызывающія его на дѣла, требующія энергическаго напряженія нравственныхъ силъ, и силы эти поднимаются до обширныхъ размѣровъ, тутъ есть возможность драмы, если противъ этихъ поднявшихся силъ встаетъ какое-нибудь могучее препятствіе и возникаетъ борьба. Но всякій-ли подъемъ силъ и всякія-ли силы есть основаніе драмы и всякое-ли препятствіе, создающее борьбу, создаетъ драматизмъ положенія? Высшій драматизмъ, конечно, въ томъ, что личныя страсти, личные замыслы и стремленія вступаютъ въ борьбу съ какимъ-нибудь непреложнымъ закономъ или общей психической природы человѣка, или съ судьбами, управляющими жизнію общества. Въ такихъ случаяхъ борьба принимаетъ роковой, трагическій характеръ и подавленное лицо гибнетъ въ сознаніи своего безсилія. Этотъ драматизмъ понимала превосходно древняя трагедія и такъ-же превосходно понималъ его Шекспиръ. И древняя трагедія, и Шекспиръ относились къ жизни всегда спокойно, созерцательно, они не увлекались ничѣмъ въ частности,

Digitized by Google

не отдавали ничему предпочтенія. Каждое положеніе возникало у нихъ, какъ непреложное послѣдствіе предыдущаго, ведущее къ тѣмъ или другимъ послѣдствіямъ; поэтому морализмъ и преднамѣренная назидательность не имѣли у нихъ никакого мѣста. Злодѣй пожинаетъ плоды своего злого поведенія не въ отместку за свою безнравственность, а, напротивъ, послѣдствія его поведенія и тѣ страданія, которыя ему приходится выносить, заставляютъ причинамъ, ихъ вызвавшимъ, дать извѣстное условное прозвище моралистовъ. Передъ вами только разыгрывается картина страстей и борьбы,—борьбы, въ которой нерѣдко самое высокое и благородное должно уступить обстоятельствамъ,—и чѣмъ напряженнѣе борьба, чѣмъ сильнѣе сталкивающіяся силы, чѣмъ выше моментъ сознанія и чѣмъ мучительнѣе нравственное страданіе, тѣмъ глубже драматизмъ положенія и тѣмъ глубже самая драма. Мѣриломъ условнаго понятія о нравственности и безнравственности служитъ присущее каждому человѣку чувство любви, эта естественная атмосфера жизни, въ которой одной только и дышется свободно человѣку. Чувствомъ любви и ненависти зритель опредѣляетъ нравственное качество драматическихъ положеній и безъ сопоставленія любви и ненависти драма невозможна. Но и чувства любви и ненависти, въ какой-бы силѣ они ни проявлялись въ отдѣльной личности, будутъ служить на-столько мѣриломъ драматическаго величія, насколько они шире, на-сколько они захватываютъ въ свой кругъ большую массу людей и болѣе широкія стремленія. Простое, безхитростное чадолюбіе деревенской бабы, защищающей своего ребенка и готовой жертвовать за него своей жизнію съ такой-же энергіей, какъ курица защищаетъ своего цыпленка, конечно, состояніе и сильной страсти, и глубокой преданности; но оно еще не драматическое положеніе, если-бы эта мать и пожертвовала жизнію за свое дѣтище. Одной борьбы и самопожертвованія мало, требуется что-то такое другое, и этого-то другого въ самопожертвованіи бабы и курицы не достаетъ. Но если-бы мы допустили, что въ простой борьбѣ матери за жизнь ребенка и есть сознающая сила, то драматизмъ этого положенія будетъ сравнительно все-таки ничтоженъ съ драматизмомъ той любви, которая захватываетъ болѣе широкіе интересы, преслѣдуетъ высшія задачи и обхватываетъ большую массу людей.

Есть люди, которыхъ жизнь необыкновенно проста, требованія

Digitized by Google

немногосложны; люди эти пьютъ, ѣдятъ, спятъ, есть у нихъ кое-какія нравственныя потребности и нравственные идеалы, происходитъ и борьба, испытываютъ они и страданія, можетъ быть, они и гибнутъ въ своихъ страданіяхъ, но ихъ жизнь не заключаетъ въ себѣ все-таки ничего драматическаго, хотя въ то-же время нельзя сказать, чтобы личнаго драматизма въ ихъ судьбѣ не было. У всякаго человѣка есть періодъ младенчества чувствъ и мысли, пора извѣстнаго благодушества, когда человѣкъ только наслаждается своею жизнію. За ребяческимъ періодомъ такого существованія наступаетъ переходный періодъ къ зрѣлости, періодъ внутреннихъ противорѣчій и возникающихъ новыхъ стремленій, періодъ нравственной ломки, какихъ-то новыхъ желаній и внутренняго распаденія. Этотъ періодъ, какъ періодъ пробужденія высшаго чувства, высшихъ нравственныхъ понятій и стремленій къ болѣе широкой, всеобнимающей любви и сознанія въ себѣ новыхъ силъ, является и первымъ моментомъ или возможностью для драматическихъ положеній; но это періодъ только подготовки. Большинство юношей никогда не уходятъ дальше благородныхъ мечтаній о великихъ подвигахъ, о борьбѣ съ препятствіями, объ облагодѣтельствованіи человѣчества, о разрѣшеніи противорѣчій духа, и затѣмъ, когда убѣдятся, что у нихъ нѣтъ для этого никакихъ дѣйствительныхъ силъ, впадаютъ въ душевное состояніе, извѣстное подъ именемъ разочарованія. Слѣдовательно, разочарованіе—не больше, какъ выработанное опытомъ убѣжденіе, что у человѣка нѣтъ силъ для борьбы съ препятствіями и что для этого ему нужно вложить свой идеальный мечъ въ ножны и не мечтать о побѣдахъ надъ драконами, потому что эти драконы слишкомъ для него сильны.

Въ экономіи природы существуетъ законъ не особенно равнаго распредѣленія силъ и потому отъ періода мечтающаго юношества къ зрѣлому возрасту человѣка сохраняется весьма немного данныхъ для драматической борьбы; но во всякомъ случаѣ только зрѣлый возрастъ, когда всѣ нравственныя силы достигаютъ наивысшаго развитія и когда сознаніе достигаетъ своего полнаго роста,—только этотъ возрастъ есть возрастъ драматизма; слѣдовательно, драматизмъ требуетъ полной шири чувства и мысли и полной, возмужалой силы для борьбы. Тамъ, гдѣ этого нѣтъ, тамъ и страданія, и борьба, и гибель никогда не будутъ драматизмомъ въ его высшемъ и руководящемъ значеніи.

Digitized by Google

Если отъ индивидуальныхъ, личныхъ положеній мы перейдемъ къ историческимъ положеніямъ цѣлыхъ народовъ, то увидимъ, что и тутъ возрасты играютъ такую-же роль. У номадныхъ народовъ существуютъ и чувства любви и ненависти, существуютъ стремленія и неудовлетворенныя желанія, люди могутъ совершать и подвиги великаго мужества; но что-же, напримѣръ, въ жизни монголовъ или гунновъ, несмотря на то, что они, подобно океану, залили собою весь міръ,—что въ жизни этихъ народовъ есть драматическаго? Жизнь теперешнихъ феллаховъ, несмотря на весь гнетъ, который они испытываютъ, также, какъ жизнь персовъ, мидянъ и вавилонянъ, не заключаетъ въ себѣ никакого драматическаго матеріяла. Жизнь древнихъ евреевъ является уже иною. Въ ней присутствуетъ высшій идеалъ и высшая идея, внѣдряющаяся въ ихъ жизнь роковой влекущей силой, и въ то-же время въ этой самой жизни возникаютъ элементы противоположные, элементы, создающіе борьбу, страданіе и гибель. Пусть всѣ эти элементы служатъ матеріяломъ лишь для драмы съ священнымъ содержаніемъ, а не съ гражданскимъ, пусть они болѣе или менѣе чужды нашимъ современнымъ понятіямъ и требованіямъ, но все-таки они существовали, они вами чувствуются. Въ жизни древнихъ грековъ и древнихъ римлянъ гражданскій элементъ еще сильнѣе и борьба лица съ обществомъ принимаетъ если не болѣе роковой, то во всякомъ случаѣ болѣе намъ близкій и понятный драматическій характеръ. Болѣе широкія стремленія, болѣе высокія цѣли и міровые идеалы потому наиболѣе благопріятный матеріялъ для драматическихъ и трагическихъ положеній, что чѣмъ шире идеалъ, тѣмъ онъ возбуждаетъ большее стремленіе, поднимаетъ большую силу, создаетъ болѣе громадную борьбу и болѣе поражающее столкновеніе страстей. Это простой вопросъ размѣра силъ, но силъ, которыя-бы одухотворялъ и вызывалъ на столкновеніе высшій идеалъ. Чѣмъ больше силы, чѣмъ сильнѣе столкновеніе, тѣмъ сильнѣе пораженіе, страданіе и гибель, и только этой силой и ея подавляющимъ размѣромъ опредѣляется сила драматическаго положенія.

Критикъ, мнѣніе котораго мы привели, говоритъ, повидимому, то-же самое, что говоримъ и мы, но мы говоримъ съ нимъ положительно разное, потому что, выставивъ свое требованіе, мы дѣлаемъ изъ него дѣйствительный аршинъ, соотвѣтствующій масштабу жизни, а критикъ саженнымъ аршиномъ хочетъ мѣрять

Digitized by Google

вершки. Очень можетъ быть, что читателю наше теоретическое отступленіе и ссылка на критика показались скучными, но мы считали необходимымъ это сдѣлать, чтобы быть доказательнѣе. Мы начнемъ свои доказательства не съ Василія Шуйскаго, составляющаго главное лицо драмы, а съ Лже-Дмитрія, Шуйскаго-же прибережемъ для конца.

Лже-Дмитрій, дѣйствительно, неразгаданная загадка для историка, психолога и поэта, и это причина достаточно уважительная, чтобы сдѣлать его героемъ драмы и разъяснить до сихъ поръ неразъясненное. Но сдѣлалъ-ли что-нибудь г. Островскій, чтобы нарисовать Дмитрія во всѣхъ его подробностяхъ, дать его портретъ во весь его человѣческій ростъ и показать его душу со всѣми ея тайными и явными пружинами? Г. Островскій ничего этого не сдѣлалъ. А между тѣмъ въ Дмитріѣ шевелится кое-что, что моглобы сообщить ему силу и драматическое содержаніе. Въ его жизни есть роковой моментъ—его полная увѣренность въ томъ, что онъ не обманщикъ, а истинный царскій сынъ, со всѣми царственными правами.

Я, говоритъ онъ, себя не знаю,
Младенчества не помню; царскимъ сыномъ
Я назвался не самъ,—бояре
Давно меня царевичемъ назвали,
И съ торжествомъ и злобнымъ смѣхомъ въ Польшу
На береженье отдали. Не самъ я
На Русь пошелъ; на смѣну Годунова
Давно меня зоветъ твоя столица,
Давно идетъ по всей Россіи шопотъ,
Что Дмитрій живъ. Опальное боярство
Изъ монастырскихъ келій посылало
Ко мнѣ въ Литву, окольными путями,
Своихъ покорныхъ, молчаливыхъ слугъ
На Годунова съ челобитьемъ. Въ Польшѣ
Король меня царевичемъ призналъ,
Благословилъ меня на царство папа,
Царевичемъ зовутъ меня бояре,
Царевичемъ зоветъ меня народъ.

Эта вдохновенность и глубокая вѣра въ роковое призваніе, въ высшее право на существованіе и широко-захватывающую дѣятельность, могли-бы служить для Дмитрія источникомъ необыкновенной силы и упорной борьбы. Но въ чемъ-же она проявляется и

Digitized by Google

куда она направлена? Чувствуя, что въ немъ течетъ не простая кровь, Дмитрій Самозванецъ въ томъ-же монологѣ говоритъ, что войнолюбивымъ духомъ кипитъ его душа, что онъ хочетъ побѣдъ, коронъ, ему нужно кровавыхъ битвъ, нужно славы

И цѣлый свѣтъ въ свидѣтели геройства.

Онъ хочетъ прославить Русь и вознести ее высоко по отношенію къ народу, оставляя за собою одно святое право всѣхъ владыкъ—

Прощать и миловать...

Но гдѣ-же силы для выполненія этой програмы и на-сколько высокъ самый идеалъ стремленій Лже-Дмитрія? Войнолюбивыя его наклонности не идутъ дальше первобытной отваги Святослава и онъ мечтаетъ о томъ, чтобы взять Византію. Скажите, для чего? У Святослава въ его войнолюбивости видна, по крайней мѣрѣ, какая-то удаль и непосѣдливость, первобытный сырой порывъ непристроенныхъ силъ; Лже-Дмитрій-же хочетъ взять Византію, чтобы выгнать изъ царства Константина враговъ Христовыхъ и завоевать вѣрѣ христіанской Константинополь, какъ Іоаннъ IV завоевалъ Казань. Что-же это? Мечты о крестовомъ походѣ? Но гдѣ-же для него та сила въ религіозномъ одушевленіи массъ, въ характерѣ времени, которая двигала крестоносцами? Не Петръ Пустынникъ создалъ священные походы Европы, а общее направленіе создало Петра и тѣхъ героевъ-крестоносцевъ, которые шли, увлекаемые массами. А если въ Россіи начала XVII столѣтія не существовало подобнаго настроенія, и не только въ это время, но и не существовало его никогда раньше, то чѣмъ-же является вся тирада, вставляемая въ уста Лже-Дмитрія г. Островскимъ, какъ не ребяческой мечтательностію и безцѣльнымъ хвастовствомъ? Какими силами онъ располагаетъ лично? Никакими, ихъ у него нѣтъ. Мы находимъ въ Дмитріѣ порывъ, горячку, душевную путаницу, молодую жажду дѣятельности, задоръ удали и мечтательное преувеличеніе собственныхъ силъ. Когда Василій Шуйскій поднялъ противъ Дмитрія народъ и когда Дмитрій, оскорбленный словомъ „воръ“, говоритъ съ отчаяніемъ:

Не воръ! не воръ! То знали вы и прежде.

. . . . . .

Зачѣмъ меня на царство допустили
И дали мнѣ извѣдать сладость власти,
Начать дѣла геройскія и славу

Digitized by Google

Побѣдъ своихъ заранѣ предвкушать?
И наканунѣ подвиговъ всемірныхъ
Пришли въ глаза мнѣ бросить слово „воръ"!
Вы дали мнѣ забыться на престолѣ,
Вы опьянили раболѣпствомъ вашимъ,
Ласкательствомъ и лестью, и земными
Поклонами! вы дали *львиной силѣ*
Уснуть...

Въ чемъ-же эта львиная сила, въ чемъ начало геройскихъ дѣлъ? Развѣ только въ мечтательномъ предвкушеніи славы побѣдъ? Въ чемъ дѣятельность честолюбія, въ чемъ серьезность, обдуманность, рѣшительность, твердость и законченность? Развѣ Лже-Дмитрій—человѣкъ-геній, подобный Петру I, или сырая, твердая, желѣзная сила? Г. Островскій ничего намъ этого не показываетъ. Возьмите Ивана III, Ивана IV, Петра Великаго. Въ ихъ каждомъ словѣ, въ каждой чертѣ вы чувствуете что-то упорно и твердо стоящее, несдающее, холодное, можетъ быть жестокое, но всегда ясное, опредѣленное по своей стойкости. Пускай они и по силѣ власти, и по положенію стоятъ внѣ борьбы, пусть, по отсутствію возможности борьбы, они не могутъ быть героями драмы, но они носятъ въ себѣ одинъ неизбѣжный драматическій элементъ—силу, которой нѣтъ въ Лже-Дмитріѣ.

Дмитрій въ изображеніи г. Островскаго, можетъ быть и вѣрномъ исторической правдѣ, является, прежде всего, необыкновенно легкомысленнымъ. Въ то время, какъ онъ замышляетъ походъ, онъ отдается и сладостной мечтѣ о Маринѣ, и до того не умѣетъ уравновѣсить своего честолюбія съ любовью, что предвкушеніе славы побѣдъ уступаетъ у него мѣсто предвкушенію сладостей любви. Марина говоритъ о немъ:

А мой женихъ рядиться очень любитъ:
На дню пять разъ перемѣняетъ платье.

Чтобы встрѣтить достойнѣе свою невѣсту, Дмитрій опросталъ всю казну московскихъ царей, и хотя говоритъ:

А жемчугу въ казнѣ какая пропасть!
Берешь, берешь, а все не убываетъ;
Куда дѣвать—придумать не могу.

Но въ дѣйствительности не только казна, да и вся Москва не можетъ напастись бархата; а когда Басмановъ докладываетъ, что по всѣмъ купцамъ обѣгали и нигдѣ ничего не нашли, Дмитрій отвѣчаетъ:

Digitized by Google

Хоть тысячу, хоть больше дай за лоскутъ
Въ ладонь мою. Я денегъ не жалѣю.
Я прикажу—и будутъ мнѣ готовы
Не только бархатъ, птичье молоко!

И это говоритъ тотъ самый Дмитрій, который только-что съ ироніей отзывался о палатѣ крѣпкой власти и хотѣлъ основать свое царственное величіе на правосудіи и милости. Петръ Великій очень часто занимался тоже посторонними дѣлами и какъ-бы отдыхалъ на нихъ. Изъ своего извѣстнаго похода подъ Нарвою онъ пріѣзжаетъ въ Петербургъ на два дня, чтобы пошалить вѣнчаніемъ папы-Кесаря. Во время войны, въ походной палаткѣ, онъ сочиняетъ церемоніялъ шутовского праздника; но все это для Петра не больше, какъ отдыхъ отъ его дѣйствительно серьезныхъ дѣлъ. Петръ не впадаетъ въ разслабленность и не забываетъ для главнаго неглавное. Но Дмитрій на-столько отдается своему страстному сердечному увлеченію, въ которомъ, пожалуй, больше шалятъ нервы, чѣмъ ходитъ кровь, что даже раболѣпствующій Басмановъ говоритъ ему:

А ты забылъ, что тотчасъ послѣ пира
Война у насъ. Куда казна нужнѣй,
Подумай-ка!

А Дмитрій отвѣчаетъ:

Да неужли, Басмановъ,
Такъ много денегъ нужно на войну,
Что ихъ въ казнѣ у насъ не хватитъ?

И затѣмъ, совершенно увлекаясь легкостію покоренія Византіи, мечтаетъ такъ:

Вѣрьте,
Походъ коротокъ будетъ; мы нагрянемъ,
Какъ Божій гнѣвъ, на головы невѣрныхъ,
И долго будетъ страшно наше имя
Въ предѣлахъ ихъ; великую добычу
И славный миръ мы завоюемъ разомъ.

Да, такъ просто взять Византію!.. Г. Островскій всѣмъ тѣмъ, что онъ говоритъ о Дмитріѣ, не даетъ не только героя, но даже и полугероя. Вдохновенность, съ мыслью о которой Дмитрій занимаетъ тронъ московскихъ царей, не даетъ ему никакой силы. Всѣ его личныя стремленія—не больше, какъ мечтательные порывы, а все его поведеніе—цѣлый рядъ легкомыслія и отсутствіе выдержки,

Digitized by Google

характера, энергіи и опредѣленной идеи. Такимъ образомъ, въ личныхъ качествахъ Дмитрія г. Островскій не создаетъ ни одного изъ условій драматической силы.

Но, можетъ быть, они были въ той средѣ, которая вызвала Дмитрія на борьбу и, наконецъ, его погубила? Какія-же условія этой среды, чего она хочетъ и въ чемъ сущность борьбы съ нею? Калачникъ, одинъ изъ московскихъ революціонеровъ того времени, жалуется, что Дмитрій живетъ не по-старинному. Дмитрій возмутилъ приближенныхъ телятиной, которую онъ ѣлъ не во-время, и своими европейскими привычками и обычаями. Татищевъ, обвиняя его, говоритъ:

Пусть вызовутъ изъ Греціи монаховъ—
Такъ нѣтъ, такой науки онъ не хочетъ!

Василій Шуйскій отлично характеризуетъ этотъ недовольный и поднятый народъ, когда говоритъ:

Басманову-ли править государствомъ:
Онъ подъ носомъ не видитъ ничего.
Борисовы ученики, мы Грознымъ
Воспитаны, и насъ не проведешь!
Не имъ чета! Вотъ мы умѣемъ править
Землей своей, вести народъ умѣемъ.
По выбору, и ложь, и правда служатъ
У насъ въ рукахъ орудіемъ для блага
Народнаго. Нужна народу правда—
И мы даемъ ее; мы правду прячемъ,
Когда обманъ народу во спасенье.
Мы лжемъ ему—и мрутъ, и оживаютъ
По нашей волѣ люди; по базарамъ
Молва пройдетъ о знаменьяхъ чудесныхъ;
Убогіе, блаженные пророчатъ,
Застонетъ камень, дерево заплачетъ,
Изъ нѣдръ земли послышатся глаголы,—
И наша ложь въ народѣ будетъ правдой,
Въ хронографы за правду перейдетъ...

Мы нарочно выписали весь этотъ длинный монологъ, хотя и чувствуемъ всю его длинноту, чтобы читателю была яснѣе картина той среды, съ которой приходилось бороться Дмитрію. Критикъ, на котораго мы ссылались, говоритъ, что драматическимъ условіемъ, оправдывающимъ г. Островскаго, служитъ „взволнованная, бурная среда, порождающая грозныя страсти, блестящіе успѣхи, великія

Digitized by Google

бѣдствія". Мы не отрицаемъ, что должно быть страсти грозны, если вокругъ такъ много проливается крови, но вѣдь одной крови мало для драматическаго содержанія. На каталаунскихъ высотахъ было пролито еще больше крови, но эта битва, послѣ которой души умершихъ еще трое сутокъ дрались въ воздухѣ, все-таки послужила лишь сюжетомъ для фресокъ Каульбаха и не вдохновила ни одного европейскаго драматурга. Толпа повсюду и вездѣ легковѣрна, народныя страсти поднять вездѣ легко, но вѣдь и эти страсти поднимаются-же во имя какой-нибудь идеи, какого-нибудь высшаго стремленія, а не ради застывшаго обычая. Возьмите Европу за послѣднія 400 лѣтъ, припомните всѣ случаи, чѣмъ и когда волновалась народная толпа, и затѣмъ сравните идеальное содержимое идей, поднимавшихъ европейскую толпу, съ коснымъ содержимымъ тѣхъ понятій, которыя лишаютъ Москву XVII вѣка не только всякаго прогресивнаго значенія, но и всякую силу, которая-бы вздумала съ нимъ бороться, оттягивали внизъ и придавали борьбѣ характеръ если и не ничтожества, то какой-то исторической инерціи.

Изъ такого матеріяла нельзя извлекать данныхъ для высшей, потрясающей драмы, особенно съ такимъ полугероемъ, какъ Дмитрій; а если ихъ нельзя изъ него извлекать, значитъ изъ него невозможно и создать ничего великаго, даже съ талантомъ далеко сильнѣйшимъ, чѣмъ у г. Островскаго.

Если мы возьмемъ другую среду, боярскую, непосредственно стоявшую къ Дмитрію, то увидимъ, что и въ ней, кромѣ мѣстничества, холопства, приниженности, трусости, мелкой интриги, подкопа, зависти, нѣтъ ничего историческаго. Полюбуйтесь, какъ благородно разсуждаетъ одинъ изъ первыхъ представителей боярства, производитель крамолы и заговорщикъ—Василій Шуйскій, умнѣйшій изъ бояръ своего времени. Когда былъ задуманъ походъ противъ Византіи, Шуйскій въ бесѣдѣ съ боярами разсуждалъ, для чего задирать турецкаго султана, кому въ этомъ нужда? Нѣмцамъ, папѣ, полякамъ? А что-же намъ-то, русскимъ? Намъ въ чужомъ пиру достанется только похмѣлье, и къ чему на крымцевъ идти московскому войску, когда на это есть донскіе казаки?

Пусть рѣжутся; послать свинцу да зелья,
Да денегъ дать, а послѣ отпереться,
Что намъ-де ихъ, воровъ, не удержать...

Digitized by Google

Двѣ выгоды: дешевле и безъ драки;
И волки сыты, да и овцы цѣлы,
Татары биты, да и мы съ султаномъ
Въ миру живемъ.

И во лжи бываетъ сила, и въ подлости энергія, и лгунъ можетъ быть человѣкомъ-горой, и злодѣй—титаномъ и героемъ; но что-же геройскаго и могучаго въ этой мелочной, трусливой и прячущейся въ дыру лжи, только позорной и мерзкой? Микроскопическая и ничтожная, она возбуждаетъ одно отвращенье и ужь никакъ не можетъ служить фономъ для портрета перваго лица драмы. Если сила, какъ мы уже сказали, есть неизбѣжный элементъ драматическаго положенія, то какая-же сила можетъ быть въ изолгавшейся мелочной трусости, чуждой всякаго возвышеннаго идеала? Съ такимъ матеріяломъ ничего не подѣлаешь.

Читателю будетъ яснѣе наша мысль, если мы сдѣлаемъ еще одно сравненіе. Есть у г. Островскаго драматическая хроника: „Тушино“ и въ ней героиней Людмила, дочь ростовскаго воеводы князя Сеитова. Эту Людмилу мы сопоставимъ съ Мариной Мнишекъ.

Въ первой сценѣ Людмила уже показываетъ, какая она птица и на какихъ выросла понятіяхъ. Когда остановились на постояломъ дворѣ, Сеитовъ, называя нянекъ чучелами, велитъ имъ покоить барышню и постлать ей помягче перины, сдѣлать лебяжье изголовье, окутать ее соболями; Людмила, упрашивая отца поберечь себя и уйти спать, говоритъ ему шутя:

Поди, поди, сердитый.

А няня на это возражаетъ: „барышня, не жури отца, ужь лучше гнѣвайся на насъ“. Кажется, что можетъ быть проще этого добродушнаго замѣчанія, высказаннаго за-просто благодушной старухой? А между тѣмъ Людмила выпрямляется во весь ростъ и произноситъ величественный монологъ, точно хочетъ изобразить изъ себя оскорбленное царственное величіе:

Молчи, раба! Между отцомъ и мною
Ты не судья. Ты старая старуха,
За старость лѣтъ тебя я чту, но все-же
Я государыня твоя. Ты помни
И не гнѣви меня.

И эта царственная боярышня, увидѣвъ тутъ-же на постояломъ дворѣ въ первый разъ московскаго дворянина Редрикова, спрятав-

Digitized by Google

шагося за дверью, немедленно пожелала, чтобы онъ остался съ нею. Когда нянька говоритъ Редрикову: „пошелъ скорѣе, бѣды съ тобой дождешься", Людмила на это замѣчаетъ:

Не кстати ты разговорилась много;
Задуй фонарь—и ие увидятъ.

Няня тушитъ фонарь и Редриковъ проситъ позволенія у Людмилы сказать ей хоть одно слово. Оказывается, однакожь, что такого слова у Редрикова нѣтъ, и что̀ онъ ни скажи о красотѣ Людмилы, все будетъ мало. Угадайте, что отвѣчаетъ Людмила?..

Ты глупъ еще и молодъ. Ты не знаешь
Цѣны себѣ. Ужь если ты не смѣешь
Сказать дѣвицѣ ласковое слово,
Кому-жь и смѣть! Вотъ я не побоюся
Сказать тебѣ: ты писаный красавецъ,
Неслыханный! Всю ночку мнѣ не спать,
Все о тебѣ гадать и думать буду.

Затѣмъ Людмила приказываетъ нянюшкамъ и сѣннымъ дѣвушкамъ разсказывать ей потѣшныя слова и сказки.

Теперь всю ночь до бѣла дня мнѣ плакать,
А вамъ всю ночь сидѣть да утѣшать.

Когда-же отецъ не хочетъ выдать Людмилу за Редрикова, Людмила дѣлаетъ отцу дерзости, какъ-то не совсѣмъ мирящіяся съ семейными добродѣтелями Домостроя, говоритъ рѣшительно отцу, что если онъ не дастъ ей воли, то она сама ее возьметъ, и затѣмъ, обращаясь къ нянюшкѣ, отдаетъ такой приказъ:

Ну, нянюшка, старушка, поживѣе
Веди ко мнѣ любезнаго дружка
Николушку!

Особенно хорошъ по своей наивности происходящій затѣмъ разговоръ между Редриковымъ и Людмилой. Когда Людмила, называя своего Николушку писанымъ красавчикомъ, спрашиваетъ, не бывалъ-ли онъ прежде въ дѣвичьемъ терему и не любилъ-ли онъ кого, Редриковъ отвѣчаетъ, что въ дѣвичьихъ теремахъ онъ не бывалъ, а относительно любви даетъ такой голубиный отвѣтъ:

Я всѣхъ люблю. У матушки учился
Съ издѣтства я рѣчамъ ея любовнымъ
И ласковымъ словамъ; она велѣла
Мнѣ всѣхъ любить и миленькими звать.

На это Людмила спрашиваетъ: „А кто училъ любить красу дѣвичью?"—„Своимъ умомъ дошелъ", отвѣчаетъ Редриковъ. За-

Digitized by Google

тѣмъ Людмила проситъ его наговорить ей какъ можно больше любовныхъ словъ, потому что она ихъ совсѣмъ не слышитъ, а сердце ихъ желаетъ.

И вотъ рядомъ съ этимъ типомъ женщины, чисто-теремной, какъ женщина Турціи, и съ тѣми-же любовными поблажками и чисто-половыми желаніями, является типъ европейской женщины, съ иными силами и съ инымъ интересомъ. Когда Мнишекъ-отецъ говоритъ Маринѣ, что Дмитрій обезумѣлъ отъ нея, бредитъ одной любовью, шлетъ подарокъ за подаркомъ и только-что не плачетъ, Марина отвѣчаетъ: что, значитъ, не напрасно она холодна къ нему, что только этимъ способомъ она и можетъ взять власть надъ нимъ.

Мы, женщины, всю жизнь у васъ подъ властью,
И только разъ, когда страстей горячка
Безумная кипитъ въ душѣ мужчины,
Холодностью и строгостью притворной
Имѣемъ мы и власть надъ нимъ, и силу.

И Марина держитъ себя по этой програмѣ; у нея есть планъ, планъ честолюбивый, и любовь для нея не цѣль, а только средство. Когда Дмитрій вздумалъ-было обнять ее, она взглянула на него такъ, что смущенный Дмитрій говоритъ ей: твои взгляды ужасны,

Не повторяй ихъ болѣ,
Молю тебя.

Такъ, говоритъ онъ, Марина глядѣла на него въ дни его холопства, какъ-бы проникая дерзость его замысловъ, обдавая его презрѣніемъ съ головы до ногъ.

Обиды нѣтъ обиднѣе тѣхъ взглядовъ,
Ихъ вынести не могъ я никогда.

Когда, затѣмъ, Дмитрій спрашиваетъ Марину: какой жертвой онъ можетъ заслужить ея любовь и ласку, она отвѣчаетъ:

Московскій царь, я лаской не торгую.

И требуетъ, ни больше и ни меньше, какъ коронованія ея въ царицы. Это небывалое требованіе изумляетъ даже отважнаго Дмитрія...

Вотъ разница въ матеріялѣ для драмы. Съ характеромъ Людмилы едва-ли что-нибудь подѣлаешь и едва-ли выжмешь что-нибудь драматическаго изъ ея гаремныхъ стремленій, вполнѣ удовлетворяемыхъ гдѣ-нибудь въ темномъ уголкѣ. Марина-же даже и

Digitized by Google

не для особенно сильнаго драматурга матеріялъ благодарный, потому что вы чувствуете въ ней что-то цѣльное, полное отваги и энергіи. Среда Людмилъ можетъ дѣйствовать на мужской героизмъ только тѣмъ мелочнымъ возбужденіемъ, которое заставитъ перескочить ночью черезъ заборъ, тогда какъ Марины могутъ создавать дѣйствительныхъ героевъ, могутъ возбуждать помыслы и стремленія на-столько широкіе, что для осуществленія ихъ нужна и сила могучая. Конечно, Марина, въ томъ видѣ, какъ ее знаетъ исторія, тоже не первоклассный матеріялъ, потому что ее заѣло слишкомъ мелочное самолюбіе, ради котораго она была готова сдѣлаться любовницей всякаго казака. Но мы говоримъ не объ этомъ. Мы говоримъ о томъ, что московская теремная среда и гаремная жизнь не могли создать въ русской женщинѣ никакихъ данныхъ для исторической драмы, и теремная героиня, способная, можетъ быть, на любовь тайкомъ, не шла въ своихъ помыслахъ дальше простыхъ мелкихъ интригъ и не вліяла на мужчину, такъ-какъ могла вліять на него только свободная женщина.

Теремъ оттягивалъ внизъ не только женщину, но и мужчину; въ теремѣ мельчало все, что въ немъ росло, и на всѣ побужденія и страсти онъ клалъ свое мелкое клеймо. Василій Шуйскій, можетъ быть, ярче, чѣмъ кто-нибудь, показываетъ, на-сколько теремъ съ его мелкими побужденіями можетъ измельчить и уменьшить силу, придать ей характеръ унижающаго ничтожества. Василій Шуйскій былъ неоспоримо человѣкъ и умный, и способный, и ужь, конечно, онъ не безъ причины стоялъ во главѣ тогдашняго московскаго боярства. Въ Шуйскомъ есть гордость, самолюбіе, онъ питаетъ въ себѣ честолюбивые планы и хватаетъ такъ далеко, что становится, наконецъ, царемъ. Но печать какого-то ничтожества лежитъ и на его гордости, и на его честолюбіи, а средства, которыя онъ употребляетъ для достиженія своей цѣли, позорныя, мерзкія и низкія средства. Шуйскій говоритъ теперешними словами, но только у каждаго его слова не теперешній и даже не тогдашній европейскій смыслъ. Когда братъ его Дмитрій, склоняя его смириться предъ самозванцемъ, подбиваетъ его на клятвопреступленіе, убѣждаетъ идти скорѣй на площадь и поклясться народу передъ иконой, что онъ въ Угличѣ хоронилъ другого, что настоящій Дмитрій живъ и вступаетъ теперь на тронъ, Василій отвѣчаетъ:

Digitized by Google

А чѣмъ-же мнѣ заплатятъ
За ложь мою? Насмѣшками, что поздно
Опомнился, что раньше нужно было
Покаяться . . . . . .
. . . . Я даромъ лгать не стану.

Василій не боится, что Дмитрій грозитъ ему смертью. — Позоръ еще тяжелѣ, не сладко жить и безъ чести, говоритъ Шуйскій, и затѣмъ похваляется своимъ родомъ, умѣвшимъ охранять свою честь и достоинство даже передъ глазами смерти.

Не мало насъ погибло смертной казнью.
Мы шли на смерть, а чести не теряли.

Но въ чемъ-же эта честь? Честь эта мѣстническая, честь въ томъ, что онъ не хочетъ быть холопомъ Басманова и Бѣльскаго съ Масальскимъ. Шуйскій съ заносчивостью говоритъ, что эти люди помоложе его и „молода боярская ихъ честь"... Но этотъ же самый, повидимому, гордый человѣкъ, ищетъ народной популярности самыми надостойными средствами и рисуется своею способностью на мелкую интригу и подпольное коварство. Я не брезгливъ, говоритъ Шуйскій: мнѣ всякій другъ, кто нуженъ, хороша и сволочь, велика сила и лохмотный народъ.

Василій Шуйскій г. Островскаго напоминаетъ мѣстами Мазепу. Когда Дмитрій, помиловавъ Шуйскаго, воротилъ его изъ ссылки и возвратилъ ему всѣ его имѣнія, онъ говоритъ посланнымъ:

Скажите все царю и государю,
Что дней моихъ остатокъ и дыханье
Послѣднее, душевный каждый помыслъ
Я отдаю ему; что старъ и хилъ я,
Но силъ еще у Шуйскаго достанетъ,
Чтобъ доползти до ногъ его, коснуться
Его стопамъ холопскими устами,
И вѣрнымъ псомъ на стражѣ стать у трона...

Но въ то-же время въ его мелкой душѣ возникаетъ чувство мести за это-же самое прощеніе.

Я смерти ждалъ; мальчишка вздумалъ шутки
Шутить со мной—я шутокъ не люблю,
Для шутокъ старъ я. Вывесть на потѣху
Народную сѣдого старика,
Боярина, опору государства,
Подъ топоромъ держать его на плахѣ,
Потомъ дарить непрошенымъ прощеньемъ!

Digitized by Google

Я осужденъ соборнымъ приговоромъ:
Казни меня, но не шути со мной!

Что за путаница и непослѣдовательность! Что за каша понятій и узкихъ, маленькихъ чувствъ, въ которыхъ заносчивость выдается за гордость, мѣстничество за честолюбіе, а непреклонность на словахъ на дѣлѣ пресмыкается гадомъ и унижается до крайней степени холопства! Шуйскій, выросшій въ теремныхъ понятіяхъ о человѣческомъ достоинствѣ, тотъ самый Шуйскій, который говоритъ, что народъ—нуль, что съ нимъ можно дѣлать все, что хочешь, и что всякая ложь, которою проведешь глупый народъ, пойдетъ потомъ въ исторію за правду,—этотъ самый Шуйскій, считающій въ своей мѣстнической заносчивости не боярами всѣхъ тѣхъ, кто моложе его, оказывается внезапно оскорбленнымъ тѣмъ, что надъ нимъ не исполненъ соборный приговоръ! Въ чемъ же тутъ могла быть обида для Шуйскаго?.. И эта мелочность, неспособная подняться до дѣйствительнаго достоинства и широкихъ государственныхъ идеаловъ, размѣнивается на самую ничтожную интригу, пристойную какому-нибудь земскому ярышкѣ, а не первому московскому боярину. Задумавъ возбудить народъ противъ Дмитрія, Шуйскій ищетъ популярности между базарнымъ народомъ, лжетъ ему и въ то-же время извивается, какъ самый недостойный холопъ, передъ Дмитріемъ, желая успокоить его своимъ раболѣпіемъ. Но даже его лесть и интрига такъ прозрачны, что только недоумѣваешь надъ непроницательностью Дмитрія, должно быть уже слишкомъ ослѣпленнаго любовью и новостью своего царственнаго положенія. Напримѣръ, на замѣчаніе Басманова, что нужны деньги для войны, Шуйскій возражаетъ: „война—войной, а свадьба — свадьбой! Не царю считать алтыны, говоритъ онъ, — пусть этимъ занимаются приказные, получающіе маленькое жалованье. Наконецъ, война еще не нынче и не завтра; будутъ нужны деньги, пошлетъ Господь, дадутъ купцы, можно взять въ монастыряхъ". Когда потомъ зашла рѣчь, гдѣ помѣстить свиту Марины, Василій совѣтуетъ прибѣгнуть къ насилію и выгнать изъ домовъ купцовъ, поповъ:

Не маленькіе, сыщутъ
Пріютъ себѣ! . . . . . .
. . . . . .
Неужто-жь намъ, для нашей царь-дѣвицы,

Digitized by Google

Для матушки, красавицы-царицы,
Невиданной, неслыханной нигдѣ,
Поповъ жалѣть?!

Какъ все это прозрачно и какъ-же глупъ Дмитрій, незамѣчающій всей низости подобнаго мелко-лукаваго холопства! И этотъ-же совершенно ничтожный и слабый Шуйскій напускаетъ на себя героизмъ злодѣя и говоритъ:

Умомъ, обманомъ, даже преступленьемъ
Добьюсь вѣнца!..

Заставлять Шуйскаго говорить о себѣ такъ, значитъ впадать въ прямое противорѣчіе. Въ сущности Шуйскій—чистый нуль; лично, во всемъ томъ времени, онъ ровно не причемъ. Будь иныя обстоятельства, у Шуйскаго не явилось-бы никогда его честолюбивыхъ замысловъ. Сиди на тронѣ не Дмитрій, а кто-нибудь другой, у Шуйскаго не достало-бы ни силы, ни способности, ни энергіи и ни малѣйшаго побужденія не только для честолюбивой борьбы, но даже для честолюбивой мысли. Шуйскій обязанъ возвышеніемъ не себѣ, а обстоятельствамъ. Конечно, менѣе родовитый бояринъ не могъ-бы мечтать о престолѣ, но почему было не мечтать о немъ Шуйскому, когда онъ стоялъ первымъ кандидатомъ? Шуйскому не нужно было прибѣгать къ интригѣ и даже сѣять въ народѣ неудовольствіе, и въ сущности не Шуйскій возбуждалъ народъ, а, напротивъ, народъ своими толками поддерживалъ его въ его честолюбивыхъ замыслахъ. Шуйскій—не преступникъ и не злодѣй. Бороться ему не съ чѣмъ ни внутри, ни внѣ себя. Онъ не покушается ни на чье право, потому что со смертію Дмитрія царевича въ Россіи нѣтъ человѣка съ бо́льшимъ правомъ на престолъ. Честолюбіе не можетъ заставлять его бороться съ совѣстью и съ собственными нравственными принципами, ибо Шуйскій знаетъ, что Дмитрій сидитъ не на своемъ мѣстѣ. Такимъ образомъ, Шуйскій лишенъ всѣхъ данныхъ, чтобы быть злодѣемъ, но въ немъ нѣтъ никакихъ данныхъ, чтобы быть и героемъ. Въ немъ нѣтъ ни искры патріотическаго чувства, нѣтъ ни одного изъ высшихъ государственныхъ идеаловъ, который-бы заставлялъ его дѣйствовать не лично для себя, а для блага страны. И Голицынъ произнесъ вѣрный приговоръ надъ нимъ въ послѣднемъ монологѣ драмы.

Digitized by Google

Крамольникъ онъ отъ головы до пятокъ!
Бояриномъ ему-бъ и оставаться,
Крамольнику не слѣдъ короноваться.
Крамолой сѣлъ Борисъ, а Дмитрій силой,—
Обоимъ тронъ московскій былъ могилой.
Для Шуйскаго примѣровъ не довольно;
Онъ хочетъ сѣсть на царство самовольно.
Не царствовать ему! На тронъ свободный
Садится лишь избранникъ всенародный.

Мы вдались въ подробности, чтобы показать, что въ самомъ матерьялѣ, которымъ пользуется г. Островскій, нѣтъ того драматическаго содержанія, которое могло-бы позволить выработать изъ него драму для нашего времени. Передъ нами старый строй, со всѣмъ тѣмъ мракомъ, мелочностью, неразвитостью, нравственной и умственной приниженностью, изъ котораго не выходила сила ни въ какомъ направленіи. Конечно, и изъ русскаго матерьяла могъ-бы, повидимому, выйдти человѣкъ въ родѣ Юліана-отступника, но и тутъ вѣроятность и возможность только кажущіяся. Юліанъ всталъ на защиту стараго, когда явилось новое, и всталъ онъ не ради застывшаго обычая, а потому, что въ старомъ идеалѣ видѣлъ больше основъ для прочнаго общественнаго существованія, чѣмъ въ идеалѣ новомъ. Но какой-же Юліанъ могъ явиться въ тогдашнемъ русскомъ обществѣ, когда никто и не думалъ бороться изъ-за идеаловъ и вся частная и общественная жизнь сводилась лишь къ извѣстнаго рода окаменѣлости? Какія-же искры можно было извлечь изъ этого камня и что драматическаго можно было создать изъ подобнаго матерьяла?

Читатель, можетъ быть, спроситъ: неужели самъ г. Островскій не понималъ этого? Мы думаемъ, что не понималъ. Давно уже наши романисты и драматурги ищутъ себѣ вдохновенія въ русской старинѣ, и направленіе, созданное „Юріемъ Милославскимъ“ и „Послѣднимъ Новикомъ“, существуетъ, пожалуй, и до сихъ поръ. Тутъ старая исторія романтизма и идеализма, ищущаго отдохновенія и успокоенія въ быломъ, потому что они не удовлетворены въ настоящемъ. Но если не хорошо настоящее, то старое еще хуже, и для насъ, людей второй половины XIX вѣка, должна быть уже ясна вполнѣ исторія европейскаго пiетизма, масонства и той-же нѣмецкой любви къ старинѣ и къ выходу въ прошлое, въ какомъ по-

Digitized by Google

томъ выразилось и русское славянофильство. Эту дань намъ слѣдовало уже отдать, но мы ее еще не отдали, и послѣднимъ заключительнымъ звеномъ цѣпи явился, по нашему мнѣнію, г. Островскій. Мы вовсе не хотимъ сказать, чтобы у г. Островскаго была славянофильская тенденція; мы не хотимъ сказать, чтобы онъ отдавался старому идеалу, но мы говоримъ, что въ тяготѣніи къ прошлому, въ которомъ г. Островскій искалъ матеріяловъ для своего вдохновенія, заключается попытка найти не одинъ археологическій интересъ и мертвое, ненужное, а что-нибудь и такое, что пригодилось-бы для новой жизни. Если-бы г. Островскому было совершенно ясно, что въ старомъ искать нечего, онъ въ старину-бы не пошелъ; но ему въ этомъ нужно было убѣдиться самому, ибо въ идеальномъ представленіи его о патріархальности заключалось непремѣнно нѣчто, заставлявшее искать въ старинѣ вдохновенія. Вдохновеніе г. Островскій и нашелъ, но не въ старинѣ, а въ себѣ. Жажда поисковъ превратила его въ новаго Колумба и онъ прошелъ Русь повсюду, по всѣмъ дебрямъ ея былой жизни, заглянулъ во всѣ ея закоулки и темныя мѣста и... Америки не нашелъ. Онъ потратилъ всѣ свои силы только для того, чтобы убѣдить себя и всѣхъ насъ, что Америки во времена Рюрика искать нечего. Въ этомъ отношеніи г. Островскій принесъ несомнѣнную пользу русскому сознанію. Конечно, тутъ польза отрицательная, но вѣдь только путемъ отрицанія и можно придти къ положительному убѣжденію. Теперь мы знаемъ, что циклъ старой школы завершился и что повторять попытки подобныхъ художественныхъ изслѣдованій людямъ талантливымъ не стоитъ. Въ этомъ смыслѣ г. Островскій займетъ, конечно, видное мѣсто въ исторіи русскаго художественнаго творчества—онъ завоевалъ его дѣйствительной заслугой.

Комедіи и драмы г. Островскаго всѣмъ своимъ общимъ тономъ служатъ подтвержденіемъ того, что мы говоримъ. Ихъ-бы можно было назвать пьесами культурными, потому что ни въ характерахъ дѣйствующихъ лицъ, ни въ психическомъ анализѣ, ни въ завязкѣ, ни въ развязкѣ, ни въ побужденіи героевъ вы не видите ничего лично-сильнаго, выдающагося, обособляющагося, выражающагося въ стремленіи лица къ борьбѣ, выдѣленію, протесту. На всемъ вы видите печать какой-то неясности, запутанности, какой-то бытовой мракъ, пессимизмъ безъ всякой свѣтлой черты. И эта

Digitized by Google

запутанность и неясность управляютъ и художественнымъ творчествомъ г. Островскаго, являющагося простымъ бытописателемъ былой путаницы. Вотъ отчего г. Островскій всегда объективенъ, стоитъ всегда внѣ того міра, который онъ рисуетъ, и держитъ себя по отношенію къ нему скорѣе сатирикомъ, чѣмъ драматургомъ. Но г. Островскій все-таки живой человѣкъ. Переживая душой старину, даже въ самомъ объективномъ къ ней отношеніи, онъ, конечно, переживалъ ее не ради нея, а ради болѣе жизненнаго, близкаго и затрогивающаго, что шевелила въ немъ современность. Ясно, что г. Островскій не могъ ограничиться одними путешествіями въ дебряхъ стараго быта, и, исходивъ его по всѣмъ концамъ, не могъ не выйдти, наконецъ, на свѣтъ божій.

II.

Г. Островскій явился изслѣдователемъ быта стараго, допетровскаго, быта распадающагося, и выводилъ характерныя личности только изъ этого быта. Но Европа взяла свое, и новое европейское начало, вошедшее въ Россію клиномъ, создало въ ней иныя стремленія, иныя понятія, иныя задачи и иные характеры. Г. Островскій замѣтилъ и эту новую Россію, и кромѣ Бальзаминовыхъ, принадлежащихъ въ сущности къ старому типу земскихъ ярышекъ попытался дать людей иного, европейски-буржуазнаго типа.

Былой русскій купецъ-самодуръ и всѣ Подхалюзины, и весь ограниченный міръ купеческаго быта гоняются за наживой и служатъ злобѣ дня нисколько не хуже новыхъ людей, но въ тѣхъ и другихъ есть одна черта, дѣлающая ихъ дѣтьми своихъ отцовъ, костью отъ кости ихъ. Старый бытъ расшатался лишь внѣшнимъ образомъ, онъ сбросилъ только свой внѣшній обычай, вмѣсто длиннополаго охобня надѣлъ пальто и визитку, вмѣсто мѣховой шапки—цилиндръ, да на свои голыя руки напялилъ перчатки, но въ своей сущности остался тѣмъ-же.

Всѣ Большовы, эти дѣльцы стараго времени,—капиталисты на старый московскій ладъ; новые дѣльцы—тѣ-же капиталисты, но на европейскій ладъ. Старый дѣлецъ загребалъ деньги безъ всякихъ руководящихъ принциповъ, подчиняясь больше подхалюзинскому кодексу, гдѣ двигающей силой являлась какая-то сердечная не-

Digitized by Google

обузданность, нерегулируемая ничѣмъ сознательно опредѣленнымъ. Попробуйте привести къ единству и въ опредѣленный порядокъ уставъ купеческой совѣсти дѣльца старо-московскаго типа—и вы найдете только одно руководящее начало, что на то и щука въ морѣ, чтобы карась не дремалъ, „что не мы, такъ другіе". Если хотите, и это теорія, но теорія неясная, неразработанная, невозведенная въ послѣдовательную систему и, такъ-сказать, неосвѣщенная свѣтомъ науки, какъ не былъ освѣщенъ имъ весь старый московскій бытъ, совершенно удовлетворявшійся тѣмъ немногимъ нравственнымъ кодексомъ, чему служилъ Домострой, а наукой—старыя византійскія преданія о землѣ, стоящей на трехъ китахъ, да о звѣздахъ, какъ лампады, висящихъ на небѣ. Безсознательное мышленіе и какой-то инстинктъ мысли руководили московскимъ человѣкомъ, и только оттого онъ былъ не многорѣчивъ, только оттого онъ говорилъ односложными фразами и отдѣльными словами, имѣвшими условный смыслъ. Перевести эти слова и фразы на теперешній европейскій языкъ уже невозможно, потому что не существуетъ соотвѣтственныхъ понятій. Но въ этомъ темномъ московскомъ человѣкѣ была все-таки душа: какъ ни самодурилъ Большовъ и какъ ни подличалъ Подхалюзинъ, но ихъ не трудно прошибить чувствомъ и вызвать на хорошій порывъ. Слабые сознательной мыслью, они все-таки не заморили въ себѣ чувства и ихъ сердечности не доставало только правильнаго головного регулятора доброжелательно-человѣческой и общественно-широкой мысли.

Новый типъ вышелъ противоположной реакціей стараго московскаго типа и, перевернувъ Большова кверху ногами, вы получите Василькова, идеальнаго героя „Бѣшеныхъ денегъ". Новый типъ не знаетъ сердечности, онъ живетъ головными основаніями и замѣнилъ старую, безсознательную московскую душу точными принципами, которые онъ можетъ ясно формулировать и написать послѣдовательно, по пунктамъ. Большовъ зналъ только одно правило: о щукѣ и карасѣ, но новый типъ отвернулся отъ такого общественно-вреднаго начала и построилъ свое поведеніе на экономической наукѣ. Его биржевая и комерческая теорія—плодъ извѣстныхъ знаній, заключеній, основанныхъ на изученіи законовъ купли и продажи, обмѣна услугъ и экономической солидарности. Въ то время, какъ Большовъ загребалъ по-просту и у него рука, можетъ быть, дрогнула-бы обидѣть вдовъ и сиротъ; въ то время, какъ

Digitized by Google

Большовъ, по своей сердечности и нисколько не понимая, что его поведеніе ведетъ къ поощренію тунеядства, раздавалъ милостыню нищимъ, давалъ деньги здоровеннымъ мужичищамъ, нехотѣвшимъ работать только изъ лѣни,—новый головной типъ не знаетъ подобной щепетильности и на всѣ человѣческія отношенія смотритъ холодно-объективно, научнымъ образомъ, ибо знаетъ, на-сколько экономическіе законы ведутъ правильно и безошибочно человѣчество впередъ и на-сколько невѣжество является имъ помѣхою. Старый дѣлецъ жилъ безсознательно, новый понимаетъ каждый свой шагъ и ни одного не сдѣлаетъ спроста, не найдя ему основанія въ головномъ принципѣ и оправданія въ извѣстномъ правилѣ. Кодексъ нравственности Большова былъ необширенъ и небогатъ, онъ отличался простотою и невычурностію, общественная нравственность и государственные идеалы были ему неизвѣстны и онъ не шелъ дальше своей старинной, бытовой, патріархальной непосредственности. Большовъ жилъ въ своей семьѣ, какъ хомякъ въ норѣ; а весь внѣшній міръ имѣлъ цѣну для него только потому, что онъ загребалъ въ немъ себѣ деньги. Не будь этого, Большову не нуженъ былъ-бы и міръ. Новый типъ идетъ дальше: для него существуетъ не только Россія, но и Европа, его идеалы обхватываютъ цѣлый міръ, и курсы на калькутской биржѣ и въ Нью-Йоркѣ для него такъ-же важны, какъ на биржахъ московской и петербургской. Если нравственные идеалы новаго типа не совсѣмъ ясны, за то они широки, и его семья для него расплывается въ идеѣ человѣчества. Конечно, и человѣчество, и отечество для новаго типа важны лишь въ денежномъ отношеніи, и разница между новымъ дѣловикомъ и Большовымъ заключается въ томъ, что Большовъ для нагребанія себѣ денегъ не протягивалъ руку дальше Москвы, а новый дѣловикъ беретъ свое вездѣ, гдѣ онъ его находитъ, и потому протягиваетъ руку и за океанъ, въ американскій кошелекъ, не прочь поживиться даже деньгами и египетскаго феллаха. Во то-же время болѣе широкія нравственныя воззрѣнія умаляютъ для новаго типа значеніе семьи и она является ему только извѣстнымъ дѣловымъ подспорьемъ. Большовъ жилъ душой у себя дома, и хотя велъ себя въ семьѣ самодурно и глупо, но душа его была все-таки въ его семьѣ и весь его маленькій мірокъ совмѣщался и сосредоточивался въ одной семейной точкѣ. Для новаго типа такой точки нѣтъ, его точка расплылась и его душа пристроилась только

Digitized by Google

къ одному дѣлу, которому должно служить все, съ чѣмъ онъ связанъ.

Когда г. Островскій, истощивъ весь матеріялъ древняго русскаго быта, вышелъ, наконецъ, на свѣтъ божій, ему бросился въ глаза новый московскій человѣкъ, выродившійся изъ Большова, и онъ сдѣлалъ попытку дать образъ этого новаго человѣка. Въ пьесахъ послѣдняго времени г. Островскій пыталъ нѣсколько разъ свои силы очертить этотъ типъ, и, дѣлая попытки и пробы не разъ и не два, г. Островскій въ „Бѣшеныхъ деньгахъ" далъ, наконецъ, наиболѣе рѣзко очерченный типъ новаго дѣльца.

Тенденція пьесы не совсѣмъ ясна; не ясна потому, что не узнаешь, шутитъ или серьезно говоритъ г. Островскій о Васильковѣ, главномъ героѣ комедіи; искренно-ли онъ думаетъ, что Васильковъ хорошій человѣкъ, или глубоко безнравственное, черствое существо, ограниченное и въ чувствѣ, и въ мысли, бездушное, безсердечное, молящееся одному золотому тельцу и наивно считающее себя честнымъ и глубоко нравственнымъ человѣкомъ?

Васильковъ задался одною цѣлью—разбогатѣть. Всѣ его мысли направлены только въ эту сторону. Какъ настоящій новый дѣлецъ, онъ нюхаетъ своимъ носомъ вездѣ, гдѣ пахнетъ деньгами, и никогда не ошибется мѣстомъ. Онъ знаетъ отлично Россію, даже говоритъ по-татарски, былъ въ Англіи, заглянулъ и на Суэцскій перешеекъ, знаетъ даже и по-гречески, но бюджетъ стоитъ у него впереди всего и честностью онъ называетъ только вѣрный математическій разсчетъ. Вотъ какъ, напримѣръ, разсуждаетъ Васильковъ о честности: „въ практическій вѣкъ честнымъ быть не только лучше, но и выгоднѣе, и плутовство—самая невыгодная спекуляція. Напротивъ, въ вѣка фантазіи и возвышенныхъ чувствъ плутовство имѣетъ болѣе простора и легче маскируется. Обмануть неземную дѣву, заоблачнаго поэта, обыграть романтика или провести на службѣ начальника, который занятъ элегіями, гораздо легче, чѣмъ практическихъ людей. Нѣтъ, вы мнѣ повѣрьте, говоритъ онъ Глумову,—что въ настоящее время плутовство—спекуляція плохая". И вотъ этотъ-то честный человѣкъ посадилъ свою душу въ свой собственный бумажникъ и дальше этого бумажника не позволяетъ ей выйдти никуда. Большовъ можетъ увлечься, онъ будетъ стучать кулакомъ по столу, пожалуй даже потреплетъ свою жену за косу, и въ четырехъ стѣнахъ своего дома безпрестанно

Digitized by Google

выскакиваетъ изъ себя. Васильковъ не такой. Угощая Телятева шампанскимъ и заплативъ за вино, Васильковъ тотчасъ-же вынулъ изъ кармана записную книжку и записалъ этотъ расходъ. Когда онъ платилъ долги за свою жену, онъ тщательно пересмотрѣлъ весь счетъ и выкинулъ кое-какія статьи—напримѣръ, плату за обои, драпировки, потому что обѣщался заплатить за приданое, а обои и драпировки, по его мнѣнію, въ приданое входить не должны. Лакей его Василій, характеризуя барина Глумову, говоритъ, что къ нему пріѣзжаютъ все люди богатые и разговоръ промежду нихъ идетъ все о дѣлахъ. „О какихъ дѣлахъ?“ спрашиваетъ Глумовъ. „Какъ все чтобъ лучше, чтобъ имъ денегъ больше“, отвѣчаетъ Василій. Самъ о себѣ Васильковъ говоритъ, что при сухихъ выкладкахъ сердце скучаетъ, за то когда представится случай, оно отмститъ и одурачитъ математика. „Такъ и мнѣ сердце отомстило, говоритъ Васильковъ:—я вдругъ влюбился какъ несовершеннолѣтній, влюбился до того, что готовъ дѣлать глупости. Хорошо еще, что у меня воля твердая, и я, какъ-бы ни увлекался, изъ бюджета не выйду, ни Боже мой!“ И когда этотъ строго-бюджетный человѣкъ задумалъ, въ моментъ отчаянія, стрѣляться, и тутъ бюджетъ спасъ его. Задумавъ застрѣлиться, Васильковъ поѣхалъ обѣдать въ Троицкій. „Сидитъ—на свѣтъ не глядитъ, ни ухи не ѣстъ, ни вина не пьетъ, разсказываетъ Телятевъ;—подходили къ нему какія-то странныя личности, шептались что-то, онъ какъ-будто сталъ поживѣе. Потомъ вдругъ несутъ ему телеграму. Прочелъ ее—и глаза засіяли: „нѣтъ, говоритъ, глупо стрѣляться“.

Какъ-же поступаетъ этотъ кожаный человѣкъ съ бумажникомъ вмѣсто сердца? Г. Островскій увѣряетъ, что онъ, увидѣвъ Лидію Чебоксарову, сейчасъ-же полюбилъ ее страстно. Но какъ-бы ни увѣрялъ насъ въ этомъ г. Островскій и самъ Васильковъ, мы этому не повѣримъ; не вѣримъ мы этому потому, что когда Лидія говоритъ ему, что она его не любитъ и что его не за что было-бы любить, онъ отвѣчаетъ ей, что полюбилъ ее прежде, чѣмъ она того заслужила, что она должна заслужить его любовь, а иначе она легко можетъ перейти въ ненависть. Что за обоюдныя глупости и обоюдная безнравственность! Зачѣмъ-же вы женитесь, если вы не любите другъ друга, зачѣмъ вы играете въ любовь, когда ея у васъ нѣтъ, и зачѣмъ вы съ пафосомъ и возмущаясь говорите о безнравственности и измѣняете другъ другу на другой-

Digitized by Google

же день послѣ брака? Мы не знаемъ еще, что гаже въ этихъ людяхъ мелкаго денежнаго разсчета и кто изъ нихъ глупѣе. Васильковъ, щеголяющій тѣмъ, что онъ никогда изъ бюджета не выйдетъ, женитьбой-то именно и выскочилъ изъ бюджета жизни. Разсчетливый въ грошахъ, онъ не съумѣлъ ничего разсчитать въ чувствѣ, потому что нравственная бухгалтерія была ему еще меньше извѣстна, чѣмъ Большову. И когда жалкій кожаный человѣкъ, женившійся на женщинѣ, которая такъ-же любила деньги, какъ и онъ, узналъ, что она ему измѣнила, продавшись за деньги, его кожаная душа вздумала возмущаться, и онъ, бездушный человѣкъ, вздумалъ читать ей такую мораль: „Вы боитесь попасть въ московскую яму, вотъ какое безчестіе вамъ страшно! Не бойтесь! Въ яму попадаютъ и честные люди, изъ ямы есть выходъ. Бояться московской ямы хорошо, но больше надо бояться той бездонной ямы, которая называется развратомъ, въ которой гибнетъ и имя, и честь, и благообразіе женщины. Ты боишься ямы, а не боишься той пропасти, изъ которой уже нѣтъ возврата на честную дорогу“. И это разсуждаетъ человѣкъ, у котораго никогда не было души, человѣкъ, которому никогда и терять ея было нечего, человѣкъ, который обманывалъ и себя, и другихъ призракомъ чувства и которому была нужна красивая жена не для того счастья внутреннимъ міромъ, который, хотя и въ грубой формѣ, но былъ у Большова. Послѣ примиренія съ женой Васильковъ вполнѣ разоблачилъ себя. Чтобы воспитать Лидію въ дѣловитости, онъ принимаетъ ее къ себѣ на такомъ условіи: Лидія должна уѣхать въ деревню и подъ надзоромъ матери Василькова выдержать искусъ. Лидія будетъ солить грибы, дѣлать наливки, варить варенья, и, войдя во вкусъ дѣловитости, получитъ отъ своего мужа повышеніе и пріѣдетъ къ нему въ губернскій городъ, гдѣ она должна ослѣпить губернскихъ дамъ своимъ туалетомъ и манерами. „Я на это денегъ не пожалѣю, но изъ бюджета не выйду, говоритъ Васильковъ;—мнѣ тоже по моимъ обширнымъ дѣламъ нужно такую жену. Потомъ, если вы будете со мной любезны, я свезу васъ въ Петербургъ, Патти послушаемъ, тысячу рублей за ложу не пожалѣю. У меня въ Петербургѣ по моимъ дѣламъ есть связи съ очень большими людьми; самъ я мѣшковатъ и неуклюжъ; мнѣ нужно такую жену, чтобы можно было завести салонъ, въ которомъ даже и министра принять не стыдно...“ И это нрав-

Digitized by Google

ственность! И это понятія, безобразія которыхъ Васильковъ не только не понимаетъ, но считаетъ даже высокоидеальными! Нѣтъ, Большовъ не продалъ-бы своей жены ни за какія деньги, и хотя онъ былъ срубленъ топоромъ, но душа его не была кожаная, какъ у Василькова.

А женщины этого міра, а Лидія? Она продается за деньги, отдается Кучумову, Телятеву, кому хотите, торгуетъ своей любовью даже съ мужемъ, когда ей нужны деньги. Когда мать говоритъ ей, что нужны деньги, чтобы Лидія попросила ихъ у мужа и оказала-бы ему побольше ласки, Лидія отвѣчаетъ: „Ласки! ласки! О, если только нужно, онъ увидитъ такую ласку, что задохнется отъ счастья. Это мнѣ будетъ практикой. Мнѣ нужно испробовать себя, сколько сильна моя ласка и что она стоитъ на вѣсъ золота. Мнѣ это годится впередъ, мнѣ безъ золота жить нельзя". Что можетъ быть ниже этого паденія, этого жалкаго уровня идеала дома терпимости? Людмила, полюбившая Редрикова потому, что увидѣла въ немъ смазливаго мужчину, и сейчасъ-же пожелавшая оставить его у себя, образецъ нравственности сравнительно съ Лидіей. Людмила — продуктъ гарема, жалкое послѣдствіе однопредметнаго мышленія, но все-таки въ сторону чувства. Лидія тоже продуктъ однопредметнаго мышленія, но въ сторону денегъ безъ чувства, жалкое пресмыкающееся съ рыбьей кровью, неспособное ни на преданность, ни на любовь, ни на увлеченіе и знакомое съ страданіями одной суетности, тщеславія и великосвѣтскости.

Что-же хотѣлъ сказать г. Островскій? Если онъ выслѣживалъ типъ Большова и Людмилы въ ихъ продолженіи у насъ подъ европейскимъ вліяніемъ, хочетъ-ли онъ осудить всю нашу новую культуру или онъ только даетъ образцы нравственнаго паденія, являющагося вслѣдствіе погони за наживой? Прямого отвѣта на этотъ вопросъ у г. Островскаго не ищите. Его Васильковъ—какая-то неясная, смутная дрянность, которой хотя онъ и придаетъ симпатичныя, честныя черты, но въ то-же время относится къ нему съ очевидной сатирой. Такъ-какъ во всѣхъ своихъ пьесахъ бытового содержанія г. Островскій давалъ картины старой культуры, то можно подумать, что онъ въ своихъ комедіяхъ, на тему погони за наживой, даетъ новую культуру. Въ такомъ случаѣ мы еще разъ скажемъ, что г. Островскій держитъ въ своихъ рукахъ очень

Digitized by Google

крошечное зеркало и отражаетъ не общее, а частное явленіе, отражаетъ не быть, а только его очень маленькій кусочекъ, да и въ немъ даетъ не людей, а маріонетокъ, микроскопическихъ людишекъ. Или нѣтъ другихъ?

Одно изъ двухъ—г. Островскій или сильный, или слабый талантъ, онъ видитъ или широко, или узко, онъ глядитъ или впередъ, или назадъ. Если онъ широкъ, дальновиденъ и силенъ, онъ долженъ быть такимъ-же широкимъ, далеко захватывающимъ зеркаломъ. Если онъ бытописатель культуры, какимъ онъ являлся въ изображеніи до-петровскаго быта, зачѣмъ-же онъ въ новомъ бытѣ и въ новой культурѣ не увидѣлъ ничего, кромѣ измельчавшаго продолженія Большова и „Людмилы? Изображая прежнихъ людей, онъ не заставлялъ отъ нихъ отворачиваться, презирать ихъ; онъ заставлялъ страдать за нихъ душою; за новый типъ не страдаешь и онъ возбуждаетъ только сожалѣніе. Мы не станемъ объяснять этого пристрастіемъ г. Островскаго къ старинѣ, тяготѣніемъ къ прошлому и желаніемъ поставить его въ упрекъ новому. Мы объясняемъ это простымъ безсиліемъ творческой мысли, привычкой вращаться въ одностороннемъ кружочкѣ извѣстныхъ понятій и идей и отсутствіемъ болѣе широкаго міровоззрѣнія, слѣдовъ котораго въ талантѣ г. Островскаго совсѣмъ нѣтъ. Г. Островскій если и не чистый реалистъ въ новомъ смыслѣ этого слова, то онъ реалистъ въ смыслѣ старомъ, съ нѣкоторымъ оттѣнкомъ, напоминающимъ г. Писемскаго. Онъ беретъ жизнь, какою она ему представляется, но критическое его отношеніе къ этой жизни стоитъ внѣ новыхъ идеаловъ, потому что дѣйствительная новая жизнь, съ ея порывами и стремленіями, съ ея надеждами и желаніями, г. Островскому неизвѣстна и новой тенденціи онъ не прочувствовалъ. Поэтому вы видите, что г. Островскій стоитъ упорно какъ-бы на одномъ мѣстѣ, только отражая то, что проходитъ мимо него. А какъ мимо него проходили только Большовы, Людмилы, Васильковы, Лидіи, Глумовы, Бальзаминовы, то онъ и даетъ лишь ихъ изображенія. Но мы спросимъ, они-ли признакъ новой европейской культуры? Ими-ли сложился новый бытъ, они-ли руководители и творцы его? Неужели новая Россія вся въ этихъ герояхъ московскихъ Плетешекъ и Новотроицкаго трактира и кромѣ ихъ нѣтъ никакой другой Россіи? Современный дѣлецъ — зло, но объ

Digitized by Google

этомъ дѣльцѣ писалось столько, что, право, г. Островскій могъ-бы оставить его въ покоѣ, а если ему хотѣлось изобразить его, то, для поученія человѣчества, онъ долженъ былъ-бы рисовать его такимъ-же крупнымъ штрихомъ, какимъ рисовалъ Большова и самодуровъ, а не выдѣлывать миніатюромъ микроскопическій образъ, точно г. Островскому хотѣлось упрекнуть новое время старымъ и прочитать намъ назиданіе.

Причина этого, какъ мы уже сказали, ясна и проста. Г. Островскій положилъ всѣ свои молодыя и свѣжія силы, всю свою творческую энергію на изображеніе былого быта, изученію котораго онъ посвятилъ и всѣ средства своей памяти. Онъ сослужилъ свою службу былому, а на иное служеніе у него уже не осталось силъ. Мы думаемъ, судя по новымъ пьесамъ г. Островскаго, что ему даже и неизвѣстны всѣ новые типы тѣхъ новыхъ людей, которыхъ вызвала и создала въ Россіи европейская культура. Міръ этотъ миновалъ его, потому что онъ посвятилъ всѣ свои силы изученію міра предыдущаго, и вотъ почему такъ безцвѣтны, односторонни и слабы всѣ дѣйствующія лица новыхъ пьесъ г. Островскаго. Его недостало на новый міръ и новаго міра ему никогда не узнать, не изобразить; ему никогда не придать новой комедіи идеальнаго полета, къ которому его и не могла пріучить старая археологическая Россія, въ объективномъ наблюденіи которой онъ жилъ постоянно. Поэтому мы не можемъ согласиться съ замѣчаніемъ одного изъ новѣйшихъ критиковъ г. Островскаго, что онъ могъ-бы достойнымъ и блистательнымъ образомъ довершить свое почтенное литературное поприще, если-бы написалъ рядъ комедій, въ которыхъ свелъ-бы Васильковыхъ съ Титъ Титычами. Во-первыхъ, мы думаемъ, что Васильковы никогда не могутъ удаться г. Островскому въ такой-же грандіозной формѣ, какъ Титъ Титычи, потому что прошло для г. Островскаго время для изученія,— могъ-бы г. Островскій ихъ изобразить, онъ-бы ихъ и изобразилъ; а во-вторыхъ, зло нашего времени и злоба дня вовсе не исключительно въ однихъ Васильковыхъ. Они не больше, какъ слѣдствіе другихъ, болѣе широкихъ и общихъ причинъ. Если г. Островскій въ состояніи встать въ сферу болѣе широкихъ идеаловъ и понятій, онъ дастъ новое направленіе и русской комедіи, если-же онъ не въ состояніи выйти изъ своего насиженнаго мѣста, онъ останется

Digitized by Google

только послѣднимъ звеномъ въ старой цѣпи и не сдѣлаетъ ни одного шага впередъ. Конечно, все это покажетъ время, но изъ того, что мы знаемъ, и изъ того, что мы читаемъ въ комедіяхъ г. Островскаго, шага впередъ мы отъ него не ожидаемъ и не предусматриваемъ. Свое дѣло онъ сдѣлалъ, но двухъ дѣлъ не сдѣлаетъ.

Н. Языковъ.

Digitized by Google

ПАРИЖСКІЯ ПИСЬМА.

Недавно въ здѣшнемъ литературномъ мірѣ произошло событіе, послужившее предметомъ нескончаемыхъ пересудъ въ журналистикѣ. Французская академія въ торжественномъ засѣданіи принимала новаго академика—Александра Дюма-сына. Засѣданіе было дѣйствительно торжественное! Дюма болѣе всѣхъ другихъ французскихъ авторовъ содѣйствовалъ установленію особаго значенія такъ-называемыхъ premières, т.-е. первыхъ представленій поставленной на сцену пьесы. Въ послѣднія десять лѣтъ подобныя представленія стали предметомъ спекуляціи, такъ-что получить на нихъ билетъ стоитъ и особыхъ трудовъ, и особыхъ затратъ. Если-бы обычай дарового приглашенія гостей на засѣданія академіи не успѣлъ установиться въ нравахъ этого учрежденія, то театральные барышники навѣрное воспользовались-бы интересомъ, который былъ возбужденъ въ публикѣ принятіемъ Дюма въ академію, и стали-бы втридорога продавать билеты для входа въ академію, тѣмъ болѣе, что попасть на засѣданіе удалось немногимъ, такъ-какъ зала института не велика. Присутствовала въ этомъ засѣданіи только самая элегантная публика; дамы были одѣты въ черное; отличались роскошью нарядовъ очень немногія красавицы полусвѣта, которымъ какъ-то удалось попасть сюда по особой протекціи.

Любопытство собравшейся публики было до крайности возбуждено. Всѣхъ интересовало, какъ будетъ держать себя авторъ „Дамы съ камеліями“ и „Полусвѣта“: обыкновеннымъ-ли акаде-

Digitized by Google

микомъ, какъ большинство его предшественниковъ и товарищей, передѣлавшихъ себя по извѣстному академическому шаблону, или-же задастся какимъ-нибудь спорнымъ и на первый взглядъ парадоксальнымъ вопросомъ изъ области женской психологіи и театральной эстетики, въ родѣ тѣхъ, которыми онъ наполняетъ жгучія страницы своихъ страстныхъ предисловій и брошюръ. Большинство видимо предполагало, что Дюма явится на академической кафедрѣ тѣмъ-же, какимъ его привыкли видѣть въ литературѣ, — этимъ-то и объясняется громадное стеченіе публики.

Предсѣдательское кресло занималъ графъ Осонвиль; онъ былъ одѣтъ въ мундиръ, вышитый зелеными шелками; ему академія поручила отвѣчать на привѣтственную рѣчь Дюма. Разумѣется, обѣ рѣчи были сперва строго процензированы академіею, а рѣчь Дюма, какъ говорятъ въ публикѣ, подверглась даже существеннымъ измѣненіямъ. Таковъ ужь обычай, а академія своихъ обычаевъ ни за что не измѣнитъ! Эмиль Оливье былъ принятъ академіею, но не захотѣлъ сдѣлать измѣненія въ своей рѣчи, на которыя указали ему „безсмертные". На томъ дѣло и остановилось; принятый по балотировкѣ, онъ въ дѣйствительности не можетъ считаться академикомъ, потому что торжественное принятіе его не состоялось!

Внѣшность Дюма весьма представительна. Въ Парижѣ его знаютъ всѣ, его портреты можно видѣть у многихъ фотографовъ и въ разныхъ магазинахъ выставленными въ витринахъ. У него открытый лобъ, немного покатый; онъ носитъ взъерошенную прическу, напоминающую по своему типу его мулатское происхожденіе; рѣзкій носъ съ небольшимъ горбомъ; ротъ, вѣчно складывающійся въ ироническую улыбку; въ его чрезвычайно подвижныхъ и нѣсколько безпокойныхъ глазахъ какой-то загадочный взглядъ, болѣе всего похожій на взглядъ хищной птицы, утомленной своею добычею.

Вступающій академикъ въ своей рѣчи, по обычаю, долженъ произнести похвальное слово своему предшественнику. Дюма, такимъ образомъ, долженъ былъ восхвалять Лебрена, автора извѣстной трагедіи „Марія Стюартъ", написанной по Шиллерову образцу; эта трагедія игралась въ Петербургѣ въ то время,

Digitized by Google

какъ сюда пріѣзжала Рашель. Разумѣется, не сюжетъ рѣчи Дюма привлекъ въ залу академіи многочисленную публику, потому что выбывшій академикъ никогда не пользовался особою литературною репутаціей, а въ послѣднее время совсѣмъ былъ забытъ. Интересъ былъ возбужденъ самимъ Дюма, который имѣетъ общаго съ своимъ предшественникомъ развѣ только то, что занимаетъ въ академіи его кресло.

Принятіе Дюма въ академію было неожиданностію для французской публики. Академія представляетъ собою учрежденіе, въ которомъ оказывается несравненно болѣе уваженія преданію, чѣмъ прогресу. Если-бы академія оставалась еще подъ вліяніемъ Гизо, тяготѣвшимъ надъ нею втеченіи многихъ лѣтъ, то избраніе Дюма, пожалуй, и не состоялось-бы. Освободясь отъ этой тяжелой опеки, академія почувствовала необходимость нѣкотораго обновленія и хотя временного устраненія существовавшаго противъ нея обвиненія въ исключительности и нетерпимости. Она хотѣла выборомъ Дюма показать, что и она не боится популярныхъ и смѣлыхъ талантовъ. Не мало помогла выбору Дюма въ академію поддержка орлеанскаго архіепископа Дюпанлу, съ которымъ талантливый драматургъ находился въ какой-то странной, исключительной, нѣсколько мистической дружбѣ.

Свою рѣчь Дюма началъ съ краткаго похвальнаго слова своему отцу, имя котораго будто-бы доставило ему гораздо болѣе сочувственныхъ голосовъ, чѣмъ его собственный талантъ. Это было сказано весьма кстати, хотя, конечно, Дюма себѣ, а не отцу обязанъ успѣхомъ. Дюма-отецъ едва-ли-бы могъ попасть въ академію; впрочемъ, онъ самъ и не заявлялъ претензіи на кресло въ собраніи безсмертныхъ; кандидатура-же въ академію, по ея уставу, должна быть заявлена самимъ кандидатомъ, а не академіей.

Послѣ этого краткаго вступленія, покрытаго рукоплесканіями публики, Дюма обратился къ панегирику Лебрена и рѣшилъ эту трудную задачу съ умомъ и свойственною ему ловкостью.

Полагая, что похвалы Лебрену не могутъ особенно интересовать русскаго читателя, я оставляю въ сторонѣ эту часть рѣчи Дюма и перехожу къ той части ея, въ которой ораторъ разъясняетъ свои литературныя и соціальныя воззрѣнія, имѣющія

Digitized by Google

какъ безусловныхъ противниковъ, такъ и горячихъ защитниковъ.

Лебренъ два раза пытался писать для сцены. Онъ началъ трагедіей „Марія Стюартъ"—довольно удачнымъ подражаніемъ Шиллеру, которая оставалась долго въ репертуарѣ французскаго театра. Вторымъ его произведеніемъ было тоже подражаніе, но на этотъ разъ Корнелю. Подобно Корнелеву Сиду, онъ попытался создать другого испанскаго героя, назвавъ его „Сидомъ Андалузіи". Несмотря на соединенныя усилія талантливыхъ исполнителей, какъ Тальма и г-жа Марсъ, Лебреновъ Сидъ не имѣлъ успѣха и выдержалъ всего четыре представленія. Такая неудача разочаровала Лебрена и онъ не только отказался отъ дальнѣйшихъ попытокъ писать драмы, но даже сталъ высказывать сомнѣнія насчетъ настоящей цѣли театра въ общественной жизни. Сомнѣнія, обуявшія Лебрена, выражены имъ во введеніи къ одному изъ изданій „Маріи Стюартъ"; здѣсь онъ высказываетъ свои сомнѣнія въ пользѣ новѣйшаго искуства; онъ желаетъ опредѣлить, какая степень свободы можетъ быть допущена въ отношеніи искуства, и тѣ границы, которыя необходимы для удовлетворенія требованіямъ хорошаго вкуса наравнѣ съ потребностями прогреса и новѣйшихъ тенденцій.

Сомнѣнія Лебрена подали поводъ Дюма распространиться насчетъ условій театральнаго искуства и той степени свободы, которою драматическій авторъ можетъ пользоваться при избраніи сюжетовъ и драматическихъ положеній.

Лебренъ въ другой разъ затронулъ тотъ-же вопросъ въ своей привѣтственной рѣчи, сказанной въ отвѣтъ на рѣчь новаго академика, Эмиля Ожье. На этотъ разъ Лебренъ прямо заявилъ, что его удивляетъ „замѣчаемое въ послѣдніе годы стремленіе поднять въ глазахъ публики нѣкоторыхъ извѣстныхъ особъ, изгнанныхъ изъ порядочнаго общества; мода побуждаетъ авторовъ представлять общественному вниманію падшихъ и загрязненныхъ женщинъ, искупающихъ свою вину любовною страстью; въ прежнее время страсть приводилась путемъ обличенія къ раскаянію, теперь-же она прославляется въ самыхъ крайнихъ своихъ проявленіяхъ; прежде она искала себѣ извиненія, теперь она становится смѣлою, даже нахальною — честность и приличіе должны

Digitized by Google

опустить передъ нею глаза. Развратныхъ женщинъ вошло въ моду ставить на пьедесталъ, а честнымъ матерямъ семействъ и дѣвицамъ подобная литература твердитъ: „Смотрите, онѣ лучше васъ!“

Оцѣнка дѣятельности Лебрена, такимъ образомъ, давала Дюма поводъ обратиться къ своему излюбленному сюжету. Онъ торжественно поднялъ перчатку, брошенную ему его предмѣстникомъ нѣсколько лѣтъ тому назадъ, и съ свойственнымъ ему остроуміемъ отвѣтилъ на тяготѣющее надъ нимъ издавна обвиненіе въ недостаточно нравственномъ направленіи.

„Позвольте мнѣ разобрать, сказалъ Дюма,—извѣстный всѣмъ вамъ вопросъ, который постоянно преслѣдуетъ насъ, драматическихъ авторовъ: зачѣмъ мы созываемъ вашихъ женъ и дочерей на подобныя зрѣлища?—Во-первыхъ, мы никого не можемъ заставить идти въ театръ на представленія нашихъ комедій и драмъ. Мы пишемъ для сцены, заботимся о томъ, чтобы наши произведенія были поставлены, что зависитъ исключительно отъ гг. директоровъ театровъ; наши пьесы смотритъ только тотъ, кто этого самъ желаетъ. Что касается женщинъ, то мы не имѣемъ надобности сзывать ихъ въ театръ какимъ-либо торжественнымъ кличемъ, потому что онѣ и безъ того спѣшатъ ознакомиться съ нашими произведеніями,—и онѣ правы, потому что эти произведенія занимаются преимущественно ими. Совсѣмъ другое дѣло дѣвицы. Между нами и ихъ чистыми душами, которыя должны оставаться подъ исключительнымъ впечатлѣніемъ семейныхъ примѣровъ и общественныхъ вліяній, не можетъ быть ничего общаго. Намъ слѣдуетъ такъ-же мало заботиться о дѣвицахъ, какъ имъ о драматическихъ авторахъ. Ни невинная Агнеса, прячущая Горація въ своей комнатѣ, пустивъ его къ себѣ черезъ балконъ, ни хитрая Розина, переписывающаяся съ Линдоромъ, котораго едва увидѣла изъ окна, ни нѣжная Джульета, идущая на свиданіе съ Ромео, врагомъ ея семейства, ни, наконецъ, пламенная Дездемона, оставляющая родительскій домъ, чтобы слѣдовать за Отелло,—всѣ онѣ не только не могутъ служить примѣрами для дѣвицъ, но и не представляютъ собою тѣхъ типовъ, съ которыми слѣдовало-бы знакомить ихъ. Тѣмъ не менѣе, однакожь, было-бы весьма прискорбно, если-бы типы Агнесы, Розины, Джулье-

Digitized by Google

ты и Дездемоны не были созданы только изъ угожденія тѣмъ отцамъ семействъ, которые хотятъ возить дочерей своихъ въ театръ. Однимъ словомъ, не слѣдуетъ возить въ театръ вашихъ дочерей. И знаете-ли вы, отчего я такъ настойчиво и безъ всякихъ обиняковъ этого требую? Оттого, что я отношусь съ уваженіемъ ко всему, что достойно уваженія. Я слишкомъ уважаю юныхъ дѣвицъ, чтобы созывать ихъ къ слушанію всего того, что мнѣ приходится высказывать, но вмѣстѣ съ тѣмъ я слишкомъ уважаю мое искуство, чтобы ограничить его только тѣмъ, что онѣ могутъ слушать".

Это—капитальная часть всей рѣчи Дюма. Разумѣется, она была покрыта рукоплесканіями. Дюма твердо стоитъ на этомъ пунктѣ и при всякомъ удобномъ случаѣ провозглашаетъ громогласно свое воззрѣніе на обязанность драматическаго автора. Цѣль драматическаго произведенія въ его глазахъ заключается въ провозглашеніи принциповъ общественной морали, въ какихъ-бы противонормальныхъ условіяхъ ни проявлялась практическая жизнь наша въ обществѣ. Онъ съ горечью упрекаетъ своего предмѣстника за его противодѣйствіе представленію на сценѣ цѣлаго ряда жизненныхъ явленій, почерпнутыхъ изъ современныхъ нравовъ и очерчивающихъ ходячія воззрѣнія. „Публика рукоплещетъ этимъ представленіямъ, говоритъ далѣе Дюма,—а вы ихъ порицаете! Публика права, потому что нѣтъ ни одной изъ этихъ пьесъ, которая не оканчивалась-бы самою безпощадною карою виновныхъ. Сожалѣть — еще не значитъ прославлять; вызывать очувствіе въ слушателѣ—не значитъ развращать его. Если литератору пришлось хотя разъ въ жизни убѣдиться, что чистое и истинное чувство можетъ еще существовать въ созданіи, заслужившемъ презрѣніе часто не по своей винѣ, то онъ имѣетъ право, даже, болѣе того, онъ обязанъ громогласно это высказать".

Дюма ставитъ паралель между типомъ женщины, выработаннымъ Лебреномъ, т. е. Маріею Стюартъ, и своимъ собственнымъ произведеніемъ, Маргаритою Готье, не называя, разумѣется, послѣдней. Онъ уличаетъ Лебрена въ томъ, что, выбирая шотландскую королеву своею героинею, онъ выводитъ на сцену личность, также далеко не нравственную. Любовница Рицціо, участница въ

Digitized by Google

убійствѣ Дарнлея, Марія Стюартъ, внѣ придаваемой ей поэтической обстановки, принадлежитъ къ числу людей, невозбуждающихъ особаго сочувствія. Отчего-же Лебренъ, а еще раньше Шиллеръ сдѣлали ее своею героиней? „Развѣ ея преступленія извинительнѣе оттого, что она была королевой? Развѣ личность ея должна почитаться болѣе священною потому, что она записана въ историческую лѣтопись? Развѣ дѣйствія ея менѣе достойны порицанія потому, что она происходитъ изъ благороднаго рода? Нѣтъ, все это не то! Растрогать слушателя составляетъ призваніе поэта, возбудить сочувствіе къ несчастію — его прямая обязанность, произнести оправдательный приговоръ именемъ общества или потомства—его священное право!“ Лебренъ, по словамъ Дюма, въ этомъ отношеніи то-же дѣлалъ, что и его послѣдователи настоящаго поколѣнія: беретъ-ли авторъ свои сюжеты изъ исторіи или изъ наблюденій надъ общественною жизнью, исходитъ-ли кара отъ имени закона политическаго, казнящаго королеву-преступницу, или отъ закона общественнаго, карающаго свѣтскую грѣшницу, позволившую себѣ отступить отъ правилъ условленной нравственности,—результатъ все тотъ-же—смерть, наказаніе, слезы зрителей и въ концѣ-концовъ вѣчный принципъ всепрощенія. „Женщина заслужила его, какъ только зритель пролилъ слезу умиленія!“ сказалъ Дюма.

Въ этомъ-то и видитъ Дюма настоящую цѣль современной драмы. „Женщина павшая, виновная, кающаяся, возбужденная, опасная, внушающая однимъ столько-же жалости, сколько въ другихъ она возбуждаетъ негодованія, смотря по тому, приходитъ-ли она къ раскаянію или продолжаетъ коснѣть въ своей испорченности,—это все та-же женщина, т. е. душа театральнаго произведенія, все та-же женщина, проводящая жизнь свою въ борьбѣ между соблазномъ окружающаго богатства и совѣтами грозящей нищеты. Въ этомъ положеніи есть страшная борьба не только между страстью и обязанностью, но и между честью съ одной стороны и невѣжествомъ и голодомъ съ другой. Это раздирательная драма, въ развязкѣ которой можетъ восторжествовать и доброе начало, заслуживающее полнаго уваженія, хотя на практикѣ чаще торжествуетъ зло, къ появленію котораго мы можемъ относиться только съ состраданіемъ, потому что мы ничего не сдѣлали, чтобы предупредить или

Digitized by Google

отстранить его. Это, наконецъ, безконечный вопросъ, труднѣйшая задача, разрѣшить которую общество до сихъ поръ еще не могло и передъ которою, сознавая свое безсиліе, въ ужасѣ останавливаются философы, законодатели и соціологи".

Рѣчь Дюма была выраженіемъ послѣдовательной теоріи воззрѣній на драматическое искуство, вызвавшей противъ себя массу нападокъ со стороны старовѣровъ искуства. Дюма знаетъ, чего онъ хочетъ и куда стремится, что̀ не всегда можно сказать объ его противникахъ. Если истина, имъ преслѣдуемая, и бываетъ иногда прикрыта нѣкоторыми, на первый взглядъ парадоксальными формулами, то тѣмъ не менѣе она имѣетъ свою безусловную цѣну и достоинство, она отличается рѣшительностью, живостью, остроуміемъ, а общій характеръ рѣчи, въ которой эта истина высказывается,—новостью литературнаго пріема и отсутствіемъ всякой подражательности. Вотъ настоящая причина того особаго увлеченія, которому поддаются многіе, читая или слушая на сценѣ произведенія Дюма. Талантливыхъ писателей въ настоящее время не мало, но несравненно менѣе талантовъ вполнѣ самостоятельныхъ, не увлекающихся блистательными примѣрами и успѣхами, не потворствующихъ господствующему направленію, а пролагающихъ свое новое направленіе. Дюма вполнѣ самостоятельный талантъ, новаторъ. Онъ не принадлежитъ ни къ какой школѣ и ни къ какой литературной сектѣ. Онъ поэтъ, не будучи романтикомъ; онъ реалистъ въ настоящемъ смыслѣ этого слова; онъ современенъ до крайней степени. Не вдаваясь въ сатиру, которая вовсе не входитъ въ его програму, онъ разбираетъ до тонкостей человѣческое сердце и разоблачаетъ немощи французскаго общества. Задача достаточно обширная; преслѣдуя ее, Дюма отражаетъ въ своихъ герояхъ и героиняхъ современные страсти, страданія, сомнѣнія, надежды, слабости и пороки.

Новый академикъ не безъ труда достигъ того почетнаго положенія, которое теперь занимаетъ. Первымъ опытомъ его былъ извѣстный романъ „La dame aux camelias", передѣланный потомъ и для сцены. Цензура запретила представленіе этой пьесы, и цензоръ утѣшалъ молодого автора слѣдующими доводами:

— Мы позадержали вашу пьесу въ вашихъ-же интересахъ.

Digitized by Google

Она никогда не была-бы доиграна до конца. Уже въ началѣ второго акта публика побросала-бы всѣ стулья и скамьи на сцену!

Какъ извѣстно, предсказаніе это не сбылось. „Дама съ камеліями" имѣла успѣхъ, именно потому, что въ ней не было ни тѣни подражанія классикамъ. Въ этомъ произведеніи, какъ сознавалъ и опонентъ Дюма, графъ Осонвиль, очерчены нравы современной эпохи, совершенно вѣрно съ дѣйствительностію, героиня списана прямо съ натуры. Бѣдная Марія Дюплесси! Тѣнь ея должна была содрогнуться въ ту минуту, когда графъ Осонвиль подносилъ автору, ее воспѣвшему, только-что свитый вѣнецъ изъ академическихъ лавровъ, приправленныхъ не только розами, но даже и терніями. Не подозрѣвала она, что скорбная элегія, ею внушенная, приведетъ ея возлюбленнаго, тридцать лѣтъ спустя, къ академическому креслу. Не могла она думать, что, объѣхавъ весь цивилизованный міръ подъ именемъ то Маргариты Готье, то Травіаты, напѣвающей мелодическіе напѣвы одного изъ современныхъ композиторовъ, ей придется предстать передъ судомъ академіи рядомъ съ другою героиней, женщиною историческою и королевскаго происхожденія, и хотя, по мнѣнію Осонвиля, между обѣими женщинами страшное, непроходимое разстояніе, потому что нельзя не признать за обществомъ права быть болѣе строгимъ или болѣе снисходительнымъ, смотря по тому, лежитъ-ли въ основаніи паденія страстное увлеченіе или денежный разсчетъ, но публика видимо составила иное мнѣніе. Ей показалось страннымъ, почему Осонвиль заговорилъ о денежномъ разсчетѣ? Чѣмъ-же проявила свое корыстолюбіе Маргарита Готье, эта женщина недюжинная и великодушная?

Въ первомъ введеніи къ своему роману Дюма предупреждалъ, что героиня его—исключеніе. „Если-бы она была явленіемъ обыденнымъ, то не стоило-бы объ ней писать!" говорилъ онъ. Съ 1847 года Дюма не перемѣнилъ своего воззрѣнія; и въ академіи онъ назвалъ свою героиню исключеніемъ, прибавивъ, что „театръ только и живетъ, что исключеніями". Каковъ былъ Дюма при началѣ литературной карьеры, таковъ онъ остался и въ академическомъ мундирѣ. А указаніе, сдѣланное Осонвилемъ, будто онъ самъ отказался отъ воспѣтаго имъ идеала и перешелъ

Digitized by Google

къ болѣе яснымъ явленіямъ общественной жизни, не попало въ цѣль! Героиня Дюма осталась и теперь для него идеаломъ,

Какъ храмъ оставленный—все храмъ,
Кумиръ низвергнутый—все Богъ!

Большая часть здѣшнихъ газетъ отнеслась, однакожь, съ плохо скрытымъ негодованіемъ къ тенденціямъ, провозглашеннымъ Дюма съ академической кафедры. Обличительный тонъ, господствующій въ его произведеніяхъ, не нравится многимъ критикамъ. Давно обсуждаемый вопросъ о степени свободы, которою можетъ пользоваться авторъ при выборѣ сюжетовъ для своихъ пьесъ, съ счастливой руки графа Осонвиля снова поднятъ и послужилъ темою для многочисленныхъ статей. Авторскую свободу въ этомъ отношеніи многіе сравнивали съ свободою ремесленною, доказывая, что свобода даже цеховая, булочниковъ и сапожниковъ, привела только къ учащенію банкротствъ; поэтому свобода и въ искуствѣ должна будто привести къ обѣдненію художественныхъ идеаловъ. Дюма, разумѣется, предвидѣлъ, что его рѣчь будетъ встрѣчена сильной опозиціей, и потому поставилъ вопросъ прямо. „На сценѣ по-необходимости господствуетъ безусловная мораль, сказалъ онъ,—подобно тому, какъ она присутствуетъ во всякаго рода собраніяхъ. Публика, въ общей своей массѣ, обладаетъ извѣстною стыдливостью, требующею отъ автора такой истины, которая исходила-бы изъ началъ чисто-нравственныхъ. Какъ только авторъ увлечется въ сторону отъ драматической правды, публика становится разсѣянною; а если онъ затѣмъ даетъ торжествовать началу зла, то слушатели становятся просто враждебными къ данной пьесѣ. Если авторъ можетъ допустить въ дѣйствующихъ лицахъ нѣкоторыя крайности въ характерахъ, нравахъ и страстныхъ проявленіяхъ, то подъ условіемъ, чтобы общій моральный тонъ пьесы былъ тотчасъ возстановленъ. У публики есть только одна слабость: она требуетъ, чтобы сюжетъ былъ увлекателенъ, чтобы зрители могли или плакать, или смѣяться, плакать и смѣяться въ одно и то-же время, если это возможно; но никогда она не увлекается, не плачетъ и не смѣется, если положеніе, выведенное авторомъ, не сообразно съ истиной или не имѣетъ нравственной подкладки!“ Противъ такого воззрѣнія можно выразить только то опасеніе, что авторы могутъ

Digitized by Google

злоупотреблять обличительнымъ тономъ и драма обратится въ сухую проповѣдь.

Успѣхъ рѣчи Дюма былъ несомнѣнный. Ею Дюма доказалъ, что можно оставаться воинствующимъ борцомъ даже въ академіи. Можно надѣяться, что онъ останется прежнимъ живымъ человѣкомъ и академическіе лавры не произведутъ на него усыпляющаго дѣйствія. Говорятъ, что онъ почти окончилъ для сцены „французскаго театра" новое произведеніе, въ которомъ съ безпощадной логикой анализируетъ недостатки современнаго французскаго общества.

Третій и четвертый томы „Кореспонденціи Прудона" встрѣчены французской публикой съ такимъ-же интересомъ, какъ и два первые. Здѣсь помѣщены письма Прудона отъ 1849—1853 годовъ.

Во время, предшествовавшее іюньскимъ днямъ, до ареста Прудона (въ іюлѣ 1849 г.), найдено мало писемъ. Надо полагать, что въ это время Прудонъ былъ слишкомъ возбужденъ интересами политической борьбы, и потому рѣже предавался дружескимъ изліяніямъ. Впрочемъ, и то надо сказать, что между друзьями Прудона было нѣсколько и такихъ, которые были запуганы его репутаціею и, можетъ быть, ставили себѣ вопросъ, не былъ-ли этотъ оригинальный дѣятель врагомъ человѣчества? Прудону, видимо, было тяжело встрѣчать сомнѣніе и недовѣріе въ своихъ друзьяхъ. Желая ихъ нѣсколько успокоить, онъ прибѣгаетъ къ объясненіямъ своихъ мнѣній, иногда даже извиняется за свои крайнія воззрѣнія и революціонное направленіе.

„Надѣюсь, что я тебѣ довольно близко извѣстенъ и что ты поэтому всегда будешь считать меня безусловно честнымъ человѣкомъ, котораго ничѣмъ нельзя упрекнуть въ сношеніяхъ его какъ съ друзьями, такъ и съ недругами. Стеченіе обстоятельствъ обусловливаетъ часто наши сужденія и руководитъ жизненнымъ направленіемъ. Личная воля сплошь да рядомъ не играетъ никакой

Digitized by Google

роли въ такихъ дѣйствіяхъ, которыя тяготѣютъ надъ нашею отвѣтственностью. Сообразивъ это, ты мнѣ вѣрно извинишь мою грустную знаменитость".

Итакъ, вотъ дѣятель, который мечтаетъ пріобрѣсти и, наконецъ, пріобрѣтаетъ славу самаго смѣлаго новатора. Въ публичной дѣятельности своей онъ не обращаетъ вниманія на строгость ни власти, орудующей во время осаднаго положенія, ни суда, поддающагося вліянію реакціи. Одинъ противъ всѣхъ, онъ разомъ объявляетъ войну и консерваторамъ, и республиканцамъ; сочувствуя установленію республиканской формы правленія, онъ открыто ведетъ борьбу со всѣми республиканскими оттѣнками. У него нѣтъ союзниковъ и мало послѣдователей; вездѣ его бранятъ, клевещутъ на него. Онъ гордится своимъ одиночествомъ и создаетъ себѣ пьедесталъ изъ тѣхъ камней, которыми его забрасываютъ. И что-же? Всмотритесь глубже, отдерните ту завѣсу, въ которую онъ драпируется, какъ политическій дѣятель, и вы увидите, что этотъ человѣкъ—страдалецъ; его не удовлетворяетъ та дѣятельность, которой онъ предается до самоотверженія; онъ часто задумывается о жизни менѣе бурной, но болѣе счастливой. Пусть весь міръ оскорбляетъ и даже проклинаетъ его—ему это ничего! Изъ этихъ оскорбленій и проклятій онъ готовъ себѣ сплесть вѣнецъ славы и знаменитости. Но ему нужно уваженіе двухъ-трехъ друзей, которые даже не раздѣляютъ его воззрѣній и во всякомъ случаѣ не представляютъ собою товарищей его по дѣятельности.

Нѣтъ, что-бы ни говорили враги Прудона, у этого смѣльчака сердце нѣжное, доступное самымъ разнообразнымъ впечатлѣніямъ. Хотя онъ и привыкъ жить, какъ самъ онъ выражается, въ раскаленной печи, но это не мѣшаетъ ему искать небольшого кружка друзей, къ которымъ онъ могъ-бы относиться съ полной искренностью. Во всѣхъ своихъ сочиненіяхъ Прудонъ является неумолимымъ карателемъ; передъ кружкомъ друзей онъ становится въ положеніе обвиняемаго и прямо говоритъ, что крайности, въ которыхъ могли-бы обвинить его друзья, обусловливаются чисто-внѣшними обстоятельствами и борьбою, требующей для своей успѣшной побѣды самыхъ рѣшительныхъ и сильныхъ ударовъ.

Во мнѣніи потомства, всегда отличающагося нескромностью,

Digitized by Google

выражающеюся въ разысканіи и распубликованіи частной переписки извѣстныхъ дѣятелей, Прудонъ, послѣ опубликованія его писемъ, нисколько не проигрываетъ, какъ это случалось со многими изъ дѣятелей послѣ ознакомленія съ ихъ воззрѣніями, какъ частныхъ людей. Въ своей частной жизни Прудонъ является человѣкомъ безукоризненно-честнымъ, преданнымъ своимъ друзьямъ, и хорошимъ семьяниномъ.

У Прудона был братъ, простой сельскій житель, вѣроятно, съ гордостью носившій прославленное имя. Онъ какъ-то заявилъ о своемъ желаніи побывать въ Парижѣ, чтобы лично принять участіе въ той славѣ, которая выпала на долю его брата. Но Прудонъ поспѣшилъ отговорить его отъ такого путешествія. „Не покидай своей семьи, пишетъ онъ,—береги ее и дѣтей; я надѣюсь, что они будутъ походить на дядю и на все наше семейство. Въ томъ пеклѣ, въ которомъ мнѣ приходится жить, силы скоро истощаются. Если я доживу до 50 лѣтъ, то буду старою тряпкою. Поэтому лучше будетъ, если ты позаботишься самъ о своихъ мальчикахъ и не будешь присылать ихъ ко мнѣ заниматься пустяками, безъ всякой пользы. Оставь меня лучше одного разыграть эту адскую партію!“

Прудонъ, дѣйствительно, игралъ въ такую игру, въ которой почти невозможно было ждать выигрыша. Послѣ іюньскаго движенія, ознаменовавшагося страшнымъ кровопролитіемъ, буржуазія чувствовала страхъ ко всякой реформѣ, она потеряла всякую способность къ оцѣнкѣ событій. Реформаторъ Прудонъ могъ возбуждать только ея недовѣріе и ненависть; онъ былъ обвиненъ общественнымъ мнѣніемъ даже раньше, чѣмъ успѣлъ вполнѣ высказаться. Въ іюлѣ 1848 года онъ произнесъ рѣчь, въ которой излагалъ свои воззрѣнія и свою програму. Національное собраніе прослушало его съ удивленіемъ, но даже Луи Бланъ подалъ голосъ противъ него. Прудонъ нисколько не изумился и не огорчился; онъ предвидѣлъ, что другого исхода быть не можетъ; онъ былъ даже доволенъ тѣмъ возбужденіемъ, которое выразилось противъ него.

Трудно въ краткомъ очеркѣ слѣдить за Прудономъ въ той лихорадочной дѣятельности, которою онъ отличался за все это время. Въ прошедшей кореспонденціи я упоминалъ уже объ учреж-

Digitized by Google

деніи имъ народнаго банка, о бѣгствѣ въ Бельгію, о возвращеніи въ Парижъ и, наконецъ, объ его арестѣ и о томъ, что онъ считалъ себя даже счастливымъ, такъ-какъ насильственное удаленіе отъ политики давало ему возможность нѣсколько оглядѣться и углубиться въ самого себя.

Третій томъ нынѣшняго изданія заключаетъ въ себѣ письма, относящіяся къ первой половинѣ его заключенія (отъ іюня 1849 года до декабря 1850 года). Заключеніе его не отличалось особенной строгостью. По словамъ Прудона, съ нимъ обращались, какъ съ военноплѣннымъ. Изъ тюрьмы Прудонъ продолжалъ заниматься редакціею своей газеты, подзадоривалъ своихъ единомышленниковъ, писалъ длинныя и рѣзкія статьи. Съ него взяли слово, что онъ будетъ держать себя въ сторонѣ отъ всякой полемики. Но какъ опредѣлить вѣрно, гдѣ кончается хладнокровное разрѣшеніе вопроса и гдѣ начинается полемика? Дозволить Прудону писать и воспретить ему полемическіе пріемы—это было очевиднымъ противорѣчіемъ.

Заключеніе Прудона, какъ я сказалъ, не отличалось строгостью. Въ декабрѣ 1850 года онъ пишетъ: „Я выхожу изъ тюрьмы одинъ разъ въ недѣлю, какъ и всѣ политическіе заключенные. Полицейскій префектъ довольно милостивъ къ личностямъ: онъ рѣзокъ только въ отношеніи мыслей и политическихъ соображеній“. Прудонъ выходилъ изъ тюрьмы довольно часто; кромѣ того ему разрѣшено было принимать у себя друзей. „Черезъ пять дней я высижу половину срока, пишетъ онъ,—остальное кажется мнѣ почти ничтожнымъ. Время въ тюрьмѣ бѣжитъ быстро, а дѣла у меня такъ много, что я желалъ-бы, чтобы въ днѣ было болѣе 24 часовъ“.

Во время заключенія Прудонъ женился и сталъ отцомъ семейства. Онъ оказался прекраснымъ семьяниномъ. Въ своихъ письмахъ онъ, впрочемъ, рѣдко упоминаетъ о своей семейной жизни. „Я женился, пишетъ онъ въ одномъ изъ писемъ,—сорока одного года, на простой парижской ремесленницѣ, безъ всякаго состоянія, но самыхъ безупречныхъ нравовъ и обладающей любящимъ сердцемъ... Она четырнадцатью годами моложе меня. Я принялъ намѣреніе жениться на ней еще до февральскихъ событій. Такъ-какъ арестованіе меня не могло измѣнить моихъ чувствъ относительно этой молодой особы, то я въ тюрьмѣ выполнилъ мое обѣ-

Digitized by Google

щаніе. Она живетъ противъ меня и изъ моего окна я могу видить ее во всякое время дня, равно какъ и мою дочь. Мы обѣдаемъ ежедневно вмѣстѣ, разумѣется, въ самой тюрьмѣ. Выхожу я на свободу три раза въ мѣсяцъ. Женился я сознательно, но безъ страсти, чтобы сдѣлаться отцомъ семейства и чтобы сохранить около меня, въ томъ вихрѣ, въ которомъ мнѣ приходится кружиться, живой образъ материнской добродѣтели и простоты!"

Нравственность Прудона не можетъ быть ни въ чемъ заподозрѣна; онъ возставалъ противъ безнравственныхъ проявленій своего времени съ энергіею, отличающею самыхъ строгихъ проповѣдниковъ. Въ этомъ отношеніи онъ былъ строгъ даже къ единомышленникамъ своимъ и упрекалъ ихъ часто за ту двойственность въ ихъ поступкахъ, какъ частныхъ людей и общественныхъ дѣятелей. Его дѣйствительно строго-нравственная жизнь давала ему право защищать общественную мораль, и онъ не отказывалъ себѣ въ этомъ удовольствіи.

Съ друзьями Прудонъ продолжалъ почти ежедневно сношенія изъ своей тюрьмы. Но этимъ господамъ было весьма тяжело повиноваться приказаніямъ своего слишкомъ смѣлаго и рѣшительнаго вождя. На каждомъ шагу они встрѣчали препятствія; газетѣ, въ которой они работали, приходилось безпрестанно выносить судебные процесы и платить штрафы; преслѣдованія смѣнялись пріостановкою изданія, штрафы шли въ перегонку съ тюремными приговорами; однакожь, ученики не рѣшались сходить съ пути, указаннаго учителемъ; на ихъ рѣшимость, конечно, оказывала значительное вліяніе искренняя преданность ихъ тому дѣлу, которое они защищали и которому служили.

Я уже упоминалъ о страсти Прудона къ противорѣчіямъ и парадоксамъ. Благодаря этой страсти, онъ удивлялъ то смѣлостью своихъ теорій, то иногда консервативнымъ направленіемъ. Онъ хотѣлъ въ одно и то-же время быть и самымъ передовымъ изъ революціонеровъ, и самымъ сдержаннымъ изъ преобразователей. Нельзя сказать, чтобы онъ мѣнялъ свой образъ мыслей, нападая всею силою своей логики и діалектики то на представителей власти, то на ея враговъ, разбивая якобинцевъ и представителей другихъ крайнихъ мнѣній наравнѣ съ обладателями капитала и реакціонерами.

Въ инструкціяхъ, которыя Прудонъ давалъ своимъ друзьямъ

Digitized by Google

и сотрудникамъ по изданію газеты, страсть къ парадоксамъ проявляется особенно ярко. Живое и подвижное расположеніе духа его мѣнялось безпрерывно подъ напоромъ разныхъ извѣстій, доходившихъ до него изъ-за тюремныхъ стѣнъ. Какъ редакторъ, онъ находился въ необходимости и противодѣйствовать правительству, и беречь установившіяся хорошія отношенія съ полицейскимъ префектомъ. Запертый въ клѣтку, левъ своей лапою наносилъ еще сильные удары, но можно было укрѣпить и съузить рѣшетку, а этого-то именно Прудонъ и долженъ былъ избѣгать. Поэтому онъ часто придерживается мнѣнія, что лучше держать себя нѣсколько въ сторонѣ отъ движенія и заниматься разрѣшеніемъ соціальныхъ задачъ только въ теоріи, проповѣдуемой читающей публикѣ.

Однажды Прудону пришла мысль заняться внѣшней политикой и поискать средствъ къ устраненію опасности, грозившей изъ-за границы. Въ февралѣ 1850 года онъ пишетъ по этому поводу: „Бейте въ набатъ, употребляйте всѣ средства, чтобы сдѣлать власть болѣе подозрительною, возбуждайте воспоминанія девяносто второго года, толкуйте объ интригахъ эмигрантовъ... Имѣйте постоянно въ виду, что народъ 1850 года слѣдуетъ образовать примѣрами давно-прошедшими... Трубите-же въ трубы и рога!..“

Сотрудники буквально выполнили требованіе редактора, но онъ тотчасъ-же высказалъ имъ неудовольствіе: онъ находилъ, что не слѣдовало такъ буквально исполнять его указанія. Прочитавъ передовую статью своей газеты, онъ пишетъ Даримону: „Если вашу сегодняшнюю статью не конфискуютъ, то вы должны считать себя особенно счастливымъ... Если васъ за подобную выходку не засадятъ, не будутъ судить и не обвинятъ, то это мнѣ докажетъ только, что вы пользуетесь особымъ расположеніемъ министерства юстиціи!.. Ваша статья, по изложенію своему, не имѣетъ смысла!..“

Во всей кореспонденціи Прудона, относящейся къ этому времени, особенно замѣчательна его увѣренность въ особомъ вліяніи, которое газета его имѣла на общественное мнѣніе. Онъ то предлагаетъ общественной власти свое содѣйствіе, то грозитъ ей противодѣйствіемъ. Онъ считаетъ, что народъ непремѣнно послѣдуетъ за нимъ. Надъ Людовикомъ-Бонапартомъ онъ просто смѣется. Читая его письма, можно подумать, что онъ жилъ въ древ-

Digitized by Google

нихъ Афинахъ или, по крайней мѣрѣ, въ небольшомъ швейцарскомъ кантонѣ, гдѣ весь народъ собирается на публичной площади и гдѣ талантливый ораторъ, обладающій даромъ слова, можетъ возбудить или успокоить всю народную массу силою одного слова.

Илюзія Прудона относительно вліянія его газеты объясняется тѣмъ, что онъ, сидя въ тюрьмѣ, не замѣчалъ чисто-реакціоннаго направленія внутренней политики. Кажущаяся свобода преній еще существовала и въ журналистикѣ, и въ палатѣ, но сила перешла уже на другую сторону и республика существовала только по имени. Пока Прудонъ льстилъ себя надеждою быть руководителемъ общественнаго мнѣнія, самое мнѣніе это теряло мало-по-малу свою самостоятельность и подчинялось принципу власти. То, что Прудонъ называлъ послѣдними судорогами реакціи, было въ дѣйствительности проявленіемъ тѣхъ крайнихъ реакціонныхъ началъ, которымъ суждено было на-долго укрѣпиться во Франціи.

Прудонъ оставался между тѣмъ въ какомъ-то туманѣ, не отдавая себѣ отчета въ томъ, что дѣлалось вокругъ него. Если какое-нибудь слишкомъ реакціонное явленіе поражало его, онъ утѣшалъ себя мыслію, что подобные порядки не могутъ долго продлиться. Въ этомъ отношеніи заключенники, болѣе чѣмъ всѣ прочіе люди, способны смотрѣть на жизнь съ исключительно личной точки зрѣнія, думая, что все идетъ хорошо, когда ихъ держатъ нѣсколько вольнѣе, и что все идетъ худо, когда ихъ поприжмутъ. Поэтому илюзіи Прудона совершенно естественны. Послѣдователь созданной имъ самимъ соціальной системы, полемикъ по всему характеру своей дѣятельности, вдобавокъ къ этому лишенный свободы, онъ не могъ уяснить себѣ сущности многихъ явленій.

Тюремное заключеніе, которому былъ подвергнутъ Прудонъ, принесло ему, по крайней мѣрѣ, ту пользу, что второе декабря пронеслось мимо него, не коснувшись его. Вотъ причина, почему онъ избѣгъ участи всѣхъ своихъ единомышленниковъ. Онъ не могъ быть обвиненъ въ противоправительственныхъ стремленіяхъ, а воздвигнуть гоненіе противъ человѣка, втеченіи нѣсколькихъ лѣтъ сидящаго въ тюрьмѣ, было-бы ни съ чѣмъ не сообразно. Особенно замѣчательно то обстоятельство, что именно въ день 2-го декабря онъ не находился въ тюрьмѣ и пользовался услов-

Digitized by Google

ленною свободою для прогулки. По какой-то странной случайности, Прудонъ въ тотъ самый день, когда Людовикъ-Бонапартъ наносилъ рѣшительный ударъ представителямъ либеральныхъ стремленій, находился на свободѣ, гулялъ по улицамъ съ разрѣшенія полиціи и остался цѣлъ и невредимъ, благодаря тому, что пользовался казеннымъ помѣщеніемъ для ночлега.

Нечего и говорить, что первые дни послѣ насильственнаго переворота были для Прудона днями самыхъ жестокихъ патріотическихъ опасеній. Въ результатѣ возбужденіе взяло свое, и онъ разразился горькими упреками, направленными гораздо болѣе противъ народа, допустившаго беззаконіе, чѣмъ даже противъ актеровъ, съигравшихъ въ кровавый государственный переворотъ. „Видѣли вы, восклицаетъ онъ,—эту завистливую, ревнивую, неблагодарную, низкую толпу, которая въ рѣшительную минуту бросаетъ своихъ представителей на произволъ судьбы и спѣшитъ подъ знамена бонапартовской деспотической политики? Ясно, что народныя массы, неспособныя къ дисциплинѣ и недоступныя нравственному смыслу, увлекаются самохвальствомъ чванства и эгоизма, да и то тогда, когда увлеченія эти не представляются опасными. Пусть послѣ этого не восхваляютъ передо мною всенароднаго голосованія... Очевидно, что народъ, представляя собою самую неразвитую и поэтому самую отсталую часть общества, нисколько не безпокоится о чувствѣ высокой гражданственности!“

Въ то-же время Прудонъ утѣшалъ себя тѣмъ, что если многіе изъ его друзей попались въ сѣтку, разставленную Бонапартомъ, то той-же участи подверглись и сторонники іюльской монархіи, также массами отправленные въ ссылку и удалившіеся въ изгнаніе. Старыя политическія партіи въ его глазахъ были, такимъ образомъ, на-долго обезоружены. Разумѣется, онъ сначала выражаетъ удивленіе, что всевозможныя строгости постигли въ особенности республиканскихъ представителей. Это казалось ему совершенно безсмысленнымъ. „И чего хотятъ эти совѣтники Елисейскаго дворца, пишетъ онъ,—отталкивающіе штыкомъ и картечью единственную партію, которая могла-бы стать на ихъ сторонѣ?“

Но вскорѣ послѣ печальныхъ событій для Франціи Прудонъ отчасти мирится съ постигшимъ его партію ударомъ. Видя, что въ отношеніи его самого правительство не думаетъ усилить строгость судебнаго приговора какимъ-либо произвольнымъ увеличе-

Digitized by Google

ніемъ наказанія, онъ начинаетъ искать средства помочь въ бѣдѣ своимъ товарищамъ и единомышленникамъ. Онъ пишетъ по этому случаю и посылаетъ морскому министру проектъ управленія колоніями, основанный на болѣе человѣчныхъ и цѣлесообразныхъ началахъ, чѣмъ существовавшія до того времени постановленія. И вотъ предложеніе это принято и заключеннику Прудону назначена аудіенція у Морни, въ то время министра внутреннихъ дѣлъ.

Надо полагать, что во время свиданія Морни съ Прудономъ говорилъ почти одинъ Прудонъ. Вѣроятно, только поэтому онъ и принялъ нѣкоторые уклончивые отвѣты Морни за одобреніе представленному имъ проекту. Вотъ какъ онъ самъ разсказываетъ объ этомъ свиданіи въ письмѣ отъ 1 января 1852 года:

1) „Правительство Людовика Бонапарта вынуждено самымъ ходомъ событій провести въ жизнь соціальныя реформы. *Принято.*

2) „Бонапартъ желаетъ не прекратить, а продолжать стремленія, выраженныя революціею. *Принято.*

3) „Отвѣчая на нѣкоторыя заигрыванія министра, я ему сказалъ, что готовъ простить ему, по крайней мѣрѣ, третью часть его вины во время переворота 2 декабря, если онъ допуститъ меня вести открытую борьбу съ іезуитами. „Съ какими іезуитами?“ спросилъ онъ.—„Да съ Монталамберомъ, Вельо и тому подобными“. — „Ну, это еще можетъ устроиться“, отвѣчалъ мнѣ Морни, смѣясь“.

Проектъ Прудона не былъ, однакожъ, принятъ и ссылка сохранила всѣ безобразныя явленія, до тѣхъ поръ ее отличавшія. Тѣмъ не менѣе Прудонъ съ этой минуты пріобрѣтаетъ убѣжденіе (которое, къ несчастію, раздѣляли многіе честные люди въ то время), что во мнѣніяхъ Наполеона и лицъ ему близкихъ существуетъ постоянная борьба между двумя началами: реакціоннымъ вліяніемъ папизма и демократическимъ направленіемъ революціи. Желая, чтобы послѣднее направленіе взяло верхъ, Прудонъ по незамѣтному для него самого скользкому и покатому пути сталъ мало-по-малу переходить съ почвы радикализма на сторону конституціонной опозиціи. Разумѣется, никто не рѣшится сказать, чтобы онъ примирился съ бонапартизмомъ; нѣтъ сомнѣнія, что онъ всегда оставался независимымъ въ своихъ мнѣніяхъ и по-прежнему былъ республиканцемъ, но тѣмъ не менѣе каждый разъ, какъ въ глазахъ

Digitized by Google

его рисовалась возможность борьбы между Наполеономъ и графомъ Шамборомъ, онъ невольно желалъ успѣха Наполеону, а не легитимному представителю Бурбонской династіи.

Въ отзывахъ своихъ о Наполеонѣ Прудонъ постоянно колеблется между полнымъ разочарованіемъ и какою-то тайною надеждою на него. Какъ только первоначальное возбужденіе, послѣдовавшее за событіями 2-го декабря, прошло, такъ въ письмахъ Прудона становится очевиднымъ желаніе осмыслить это событіе и объяснить его, такъ-сказать, философское значеніе. Онъ заявляетъ, что цезаризмъ представляетъ собою окольный путь, по которому пошла революція: путь этотъ, правда, очень сильно сворачиваетъ въ сторону и сопряженъ съ большими трудностями, но, во всякомъ случаѣ, долженъ привести къ конечной цѣли. Однакожь, иногда онъ выходитъ изъ терпѣнія: правительство не стѣсняется дѣйствовать въ реакціонномъ духѣ, духовенству рѣшительно развязываютъ руки! Но и здѣсь въ отзывахъ Прудона замѣчается какая-то снисходительность. „Люди эти съума сошли, пишетъ онъ;—они непремѣнно приведутъ насъ къ возстановленію Генриха V; 2-е декабря окажется ничѣмъ инымъ, какъ преддверіемъ возвращенія Бурбоновъ“.

Такимъ образомъ, еще до своего освобожденія изъ тюрьмы Прудонъ принялся за прежнюю кабинетную работу. Предпринималъ онъ ее съ твердымъ намѣреніемъ заниматься и дѣйствовать въ Парижѣ, хотя-бы онъ ради этого былъ поставленъ въ необходимость не высказывать части своихъ убѣжденій. По его убѣжденію, французъ, живя внѣ Франціи, не можетъ имѣть вѣрнаго взгляда на французскія дѣла, потому что ничто такъ не ослѣпляетъ человѣка, какъ изгнаніе.

Первое сочиненіе, которое Прудонъ выпустилъ послѣ государственнаго переворота, было задержано. Онъ написалъ къ главѣ государства, требуя, чтобы было снято это запрещеніе. Письмо его написано весьма ловко, но не безъ сдержанной гордости. Онъ перечисляетъ всѣ прежнія нападки свои на Наполеона, но, несмотря на рѣзкость стиля, умѣлъ польстить самолюбію главы государства. Онъ даетъ ему понять, что появленіе новаго сочиненія Прудона можетъ служить признакомъ обѣщанной свободы, а впослѣдствіи станетъ первымъ шагомъ къ окончательному примиренію. „Четыре дня тому назадъ я говорилъ себѣ, пишетъ онъ:—

Digitized by Google

найдись только одинъ человѣкъ во всемъ правительствѣ 2-го декабря, обладающій головою и сердцемъ, и сочиненіе мое выйдетъ въ свѣтъ. И что-же? Оказалось необходимымъ обратиться непосредственно къ вамъ, г. президентъ, чтобы найти этого человѣка!"

Запрещеніе было снято и книга появилась въ свѣтъ. Другому, менѣе смѣлому, пожалуй, и не удалась-бы подобная выходка. Но на этотъ разъ Наполеону показалось возможнымъ дать Прудону наговориться: разыграть великодушную роль всегда пріятно! За то въ другой разъ Прудону не такъ посчастливилось. Часъ изгнанія насталъ и для него. Тѣмъ не менѣе онъ продолжалъ въ самомъ Парижѣ вести честную борьбу съ своими противниками. Если ему и не удалось осуществить тотъ странный союзъ между бонапартистскою имперіею и революціею, о которомъ онъ мечталъ, то во всякомъ случаѣ слѣдуетъ за нимъ признать полную естественность увлеченій, въ силу которыхъ онъ придавалъ вѣру возможности подобной комбинаціи.

Этими событіями оканчивается четвертый томъ „Кореспонденціи". Пока я писалъ это письмо, успѣли выйти пятый и шестой томы этой интересной книги, но отчетъ о нихъ я отлагаю до другого раза.

Анонимъ.

Digitized by Google

ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРѢНІЕ.

Собраніе петербургскихъ сельскихъ хозяевъ и его ораторы. — Роль и значеніе кустарной промышленности въ Россіи по мнѣнію сельскихъ хозяевъ. — Чѣмъ-же кончились дебюты сельско-хозяйственной говорильни? — Какъ водится ничѣмъ.—Санитарный съѣздъ петербургскихъ врачей. — Вопросъ о гигіеническомъ значеніи кладбищъ.—Осушеніе болотъ, статистика эпидемій, чумопрививаніе и т. п. Толченіе воды въ ступѣ нашими общественными ораторами. — Философія г. Кристи и „Московскихъ вѣдомостей" по поводу кухарокъ.—Всесословная волость г. Платонова.

Надняхъ петербургское собраніе сельскихъ хозяевъ разсуждало о роли кустарной промышленности въ экономическихъ судьбахъ Россіи. Вопросъ былъ поднятъ г. Пудовиковымъ, принадлежащимъ къ тѣмъ послѣдовательнымъ людямъ, которые всякій разговоръ начинаютъ съ пребыванія Телемака на островѣ Калипсо. Разсказавъ, какъ Телемакъ совершилъ свое путешествіе, г. Пудовиковъ перешелъ къ Ивану IV, упомянулъ о Ричардѣ Ченслерѣ, о воеводахъ, получавшихъ поминки мѣхами, о бездорожьи между Москвою и Архангельскомъ, о лихихъ временахъ, о непроходимыхъ лѣсахъ на сѣверѣ, о просторѣ, позволявшемъ народу шататься, и затѣмъ высказалъ весьма смѣлую догадку о томъ, что лѣса въ жизни русскаго народа играли ту-же самую роль, какую играли города въ западной Европѣ. Тѣ и другіе имѣли значеніе убѣжищъ для обиженныхъ, угнетенныхъ и жаждавшихъ свободы. Г. Пудовиковъ говорилъ все это очень серьезно, хотя въ то-же время давалъ понять, что онъ и самъ себѣ не вѣритъ. Конечно, русскій человѣкъ, спасаясь отъ насилія, бѣжалъ въ лѣсъ, какъ западный искалъ защиты въ городѣ; но развѣ лѣсъ — городъ? Выходъ въ лѣсъ—выходъ къ сотворенію міра, а выходъ въ го-

Digitized by Google

родъ—выходъ въ цивилизацію. Но вопросъ не въ этомъ. Вопросъ въ томъ, что г. Пудовиковъ безконечно длиннымъ и скучнымъ разсужденіемъ пришелъ къ заключенію, что нашъ народъ, при невыгодности его земледѣлія, сталъ нуждаться въ подспорныхъ промыслахъ, а подспорный промыселъ ронялъ постепенно земледѣліе, потому что крестьянинъ не вѣрилъ въ его кормящую силу. Такимъ образомъ подспорный промыселъ уронилъ земледѣліе, а земледѣліе уронило промыселъ — и вышло что-то въ родѣ квадратуры въ кругѣ.

Кустарь для усиленія своей выгоды имѣетъ, по словамъ г. Пудовикова, только два средства: или растянуть свой рабочій день на большее число часовъ и вмѣсто 8 часовъ работать 10, 12, 16, или увеличить свой заработокъ привлеченіемъ къ труду женщинъ и дѣтей. Но вѣдь это только простое арифметическое увеличеніе силъ, а не производительныхъ способностей. Чтобы кустарю получить больше, производя больше, увеличеніемъ числа рукъ, ему нужно понижать цѣны на свои издѣлія; вслѣдствіе этого кустари пойдутъ на конкуренцію, станутъ сбивать цѣны и вытѣснять другъ друга. Семейный, у котораго больше голодныхъ желудковъ, рѣшится на самую низшую плату, лишь-бы не голодали его дѣти; нуждающійся будетъ регулировать цѣну труда, а выгоду получитъ холостой и обезпеченный. Кому худо—станетъ еще хуже. Благодаря этой конкуренціи, лучшіе и самые искусные изъ кустарей будутъ выбывать изъ рядовъ и превратятся или въ нищихъ, или въ фабричныхъ рабочихъ. Работа задаромъ не только понизитъ заработокъ, но и ухудшитъ качество работы. Въ выигрышѣ окажется одинъ барышникъ, который скупитъ дрянныя, дешевыя издѣлія кустаря, готоваго продать ихъ во что-бы то ни стало, лишь-бы не нуждаться. Кромѣ этой конкуренціи грозитъ кустарной промышленности еще и другая. Крестьянинъ прибѣгаетъ нерѣдко къ ремеслу для того, чтобы сбыть продуктъ своего хозяйства, который въ сыромъ видѣ въ данную минуту не находитъ покупателей. И такой импровизированный кустарь не только не получаетъ ни гроша за свой трудъ, но теряетъ даже на матеріялѣ, который онъ портитъ. Деревенскіе холсты и перегорѣлыя въ бѣленьѣ полотна принадлежатъ именно къ этого рода порченому матеріялу. А если кустарная промышленность и деревенскій ручной трудъ ищутъ спасенія въ подобной конкурен-

Digitized by Google

ціи, то ясно, что она склоняется въ пользу невѣжества и неумѣлости.

Перечисляя разные виды кустарей, г. Пудовиковъ указываетъ ихъ переходныя формы, и изъ этихъ переходныхъ формъ оказывается, что безсильный кустарь, нуждающійся постоянно въ деньгахъ, уже въ своей седьмой переходной формѣ работаетъ въ наемной мастерской и наемными инструментами, а затѣмъ кончаетъ простымъ рабочимъ на жалованьѣ. По словамъ г. Пудовикова, кустарная промышленность является какъ-бы рядомъ ступеней, которыя ведутъ крестьянина-земледѣльца отъ дурно обработаннаго поля и полуголоднаго существованія къ фабрикѣ, гдѣ онъ превращается въ бездомнаго бобыля-рабочаго, нисколько не гарантированнаго отъ всѣхъ тѣхъ ужасовъ нищеты, которыми такъ пугаютъ въ западной Европѣ рабочій классъ. „Хотя мы теперь не столько еще близки къ этому грозному призраку, который подтачиваетъ существованіе западныхъ государствъ, и наши историческія ошибки еще не таковы, чтобы у насъ были отняты всѣ средства къ устраненію отъ себя этой чаши бѣдствій, говоритъ г. Пудовиковъ,—но недалеко время, когда предотвратить ее будетъ уже не въ нашихъ силахъ. У насъ есть еще средства избѣжать этого страшнаго зла, но къ числу ихъ кустарную промышленность невозможно причислить даже по ошибкѣ". Въ то-же время кустарная промышленность, являясь лишь переходной формой личнаго труда къ фабричному производству, заставитъ кустарей одного за другимъ покидать земледѣліе и у насъ появится бездомный рабочій классъ, благосостояніе котораго, какъ и въ западной Европѣ, будетъ всецѣло зависѣть отъ моды, отъ прихоти вкуса и множества случайностей. „Теперь еще, говоритъ г. Пудовиковъ, — возможно предотвратить эту опасность, но устраните юридическія препятствія, тяготѣющія надъ кустарною промышленностью, обезземельте крестьянъ, и тогда вернуть его будетъ уже поздно. Впрочемъ, мы только посѣемъ, а пожнутъ другіе". Страшно! Г. Пудовиковъ, не пугайте.

Г. Скачковъ, возражавшій г. Пудовикову, прежде всего сказалъ, что онъ мало знакомъ съ вопросомъ о кустарной промышленности въ Россіи, и потому пригласилъ своихъ слушателей въ Китай, который ему извѣстенъ короче. Въ Китаѣ только и существуютъ, что кустарныя производства, а между тѣмъ китайскія

Digitized by Google

произведенія такъ хороши, что съ ними не могутъ соперничать европейскія фабрики. Въ Китаѣ починъ распространенія кустарной промышленности всегда принадлежалъ правительству, и до какой степени кустарная промышленность въѣлась въ нравы китайцевъ, г. Скачковъ доказываетъ слѣдующимъ фактомъ. Богдыханъ Цзя-Цинъ, умершій въ 1821 году, пользуясь своей властью и громадными денежными средствами, задумалъ устроить фарфоровый заводъ небывалыхъ размѣровъ—съ миліономъ рабочихъ. Сначала все шло благополучно, но когда оказалось, что этотъ гигантъ-заводъ покушается поглотить все фарфоровое производство страны, то кустари начали бунтоваться и волненіе распространилось въ нѣсколькихъ губерніяхъ. Богдыханъ имѣлъ настолько благоразумія, чтобы не раздувать искры въ пламя, и, при всей своей страсти къ утонченнымъ фарфоровымъ издѣліямъ, закрылъ свой заводъ. Слѣдовательно, кустарная промышленность можетъ соперничать съ фабричною и можетъ производить издѣлія высокаго достоинства.

Въ доказательство того, что кустарничество не отзывается вредно на земледѣліи, г. Скачковъ приводитъ въ примѣръ опять Китай. Не климатъ причиною высокаго уровня китайскаго земледѣлія, потому что европейскій климатъ для земледѣлія благопріятнѣе. Сельское хозяйство Китая поддерживается именно кустарными производствами. Китаецъ-земледѣлецъ,—помѣщиковъ въ Китаѣ нѣтъ,—занимается земледѣліемъ извѣстное число мѣсяцевъ, а остальное время кустаритъ вмѣстѣ съ бабами и дѣтьми. Но нашъ кустарь работаетъ безъ денегъ, онъ беретъ матеріялъ въ долгъ отъ кулака и, слѣдовательно, по дорогой цѣнѣ; продаетъ-же свои издѣлія тому-же кулаку въ уплату долга,—слѣдовательно, дешево. Въ Китаѣ кулаковъ нѣтъ. Въ каждой деревнѣ, гдѣ есть кустарная промышленность, устроенъ общественный складъ, и подобные склады образовались первоначально изъ сборовъ не съ крестьянъ, а отъ особыхъ случайныхъ вкладчиковъ. Въ Китаѣ нѣтъ дворянства: каждый служащій, выходя въ отставку, дѣлается по-прежнему простолюдиномъ. Отставной министръ, бывшій нѣкогда земледѣльцемъ, поселяется снова въ своей деревнѣ и даже гордится тѣмъ, что можетъ опять приняться за соху. Такіе люди обыкновенно меценатствуютъ своимъ вліяніемъ и состояніемъ, они-же поддерживаютъ и народные промыслы. Пріѣхавшій купецъ

Digitized by Google

покупаетъ издѣлія не у кустаря, а изъ склада, гдѣ съ нимъ въ цѣнѣ никто церемониться не станетъ, а потому китайскій кустарь работаетъ не въ убытокъ себѣ, а въ прибыль, и ему нѣтъ причины быть ни плохимъ кустаремъ, ни плохимъ сельскимъ хозяиномъ. Изъ этого слѣдуетъ другой выводъ,—что кустарная промышленность не роняетъ земледѣлія.

Г. Бушенъ доказывалъ, что у насъ кустарничество приняло громадные размѣры потому, что развитіе другихъ формъ промышленности было стѣснено. Но ошибочно думать, что кустарное производство осуждено на смерть, что оно съуживается, ухудшается, удешевляется. Г. Бушенъ заявилъ, что онъ не знаетъ мѣстности, гдѣ-бы цѣна кустарной промышленности упала; напротивъ, цѣны увеличиваются вслѣдствіе увеличивающагося спроса. Несмотря на невыгодное положеніе кустарничества, оно освобождается отъ давящихъ его неблагопріятныхъ условій и во многихъ мѣстностяхъ кустарники бросили ручную работу, завели машины и работаютъ не по одиночкѣ, а цѣлыми артелями. Ясно, что кустарное производство, несмотря на стѣсненіе и невыгоды, въ которыя оно поставлено юридически, улучшается. И вотъ г. Бушенъ приходитъ къ выводу діаметрально противоположному. Вмѣсто того, чтобы окончательно подавить кустарника, г. Бушенъ предлагаетъ распространеніе между кустарями артельнаго начала. Онъ говоритъ, что нужно изъять кустарниковъ изъ власти міроѣдовъ-кулаковъ и устроить личный товарный кредитъ на началахъ взаимности.

Мнѣніе г. Бушена поддерживали гг. Совѣтовъ и Черняевъ. Послѣдній приводилъ даже факты: четырехконная молотилка съ приводомъ стоитъ заурядъ 400 руб., а такая-же молотилка кустарнаго издѣлія, конечно, исполненія, сравнительно съ издѣліемъ московскихъ и другихъ мастеровъ, нѣсколько худшаго, стоитъ 100 руб. То-же самое относительно плуговъ и другихъ земледѣльческихъ орудій. Ясно, что при кустарномъ производствѣ земледѣльцы имѣютъ возможность пріобрѣтать орудія на 100 до 300% дешевле. Поэтому, если кустарная промышленность имѣетъ возможность понизить цѣны на орудія и машины для улучшенія своего собственнаго сельскаго хозяйства, то ясно, что кустарная промышленность не роняетъ земледѣліе, а поднимаетъ его...

Знаете, чѣмъ кончились пренія? „Хотя большая часть сочле-

Digitized by Google

новъ, сказалъ предсѣдатель,—не раздѣляла мнѣній почтеннаго докладчика, тѣмъ не менѣе мы должны быть ему благодарны за то, что по случаю его доклада возникли пренія о предметахъ, представляющихъ интересъ для сельскаго хозяйства". О, милая родина! какъ я люблю тебя за твое краснорѣчіе и за твою страсть говорить много и не сказать ничего! И къ чему собирались такіе почтенные люди, какъ гг. Бушенъ, Черняевъ, Совѣтовъ? Чего хотѣлъ г. Пудовиковъ, разсказавшій исторію Іоанна Грознаго и даже назвавшій по имени тотъ посадъ, къ которому присталъ Ченслеръ? Если-бы я былъ предсѣдателемъ, можетъ быть, я оказался-бы скупѣе на благодарность, но за то мое заключеніе было-бы содержательнѣе и я-бы доказалъ почтеннымъ сочленамъ яснѣе дня, что они занимались... нѣтъ, я-бы имъ этого не сказалъ, но они-бы и сами догадались.

Какъ часто случается въ русскихъ говорильняхъ, прежде всего не былъ выясненъ даже предметъ обсужденія. Гг. Пудовикову, Бушену, Совѣтову, Черняеву казалось, что они говорятъ объ одномъ и томъ-же, а между тѣмъ они спорили о кустарной промышленности, понимая ее каждый по-своему. Г. Бушенъ и его сторонники считали кустарною промышленностью всякую, за исключеніемъ фабричной и ремесленно-городской, т. е. все, что не подходитъ подъ регламентацію фабричнаго и промышленнаго устава, а г. Пудовиковъ понималъ подъ нею совокупность подспорныхъ промысловъ. Поэтому г. Пудовиковъ какъ-бы стоялъ на почвѣ земледѣлія и шелъ *отъ* деревни, а его опоненты—*къ* деревнѣ. Чтобы сдѣлать Россію счастливой, г. Пудовиковъ предлагаетъ подрѣзать подъ самый корень кустарную промышленность и подавить ее регламентаціей въ пользу фабричнаго производства. Г. Пудовикову кажется, что если онъ совершитъ подобный подвигъ, крестьяне введутъ у себя плодопеременное хозяйство и въ Россіи водворится повсюду неистощимое богатство. Если Россія бѣдна въ настоящее время, то, по теоріи г. Пудовикова, только оттого, что русскій крестьянинъ гонится за двумя зайцами и оба отъ него убѣгаютъ. Но, г. Пудовиковъ, если вы путемъ регламентаціи превратите Россію въ исключительно-земледѣльческую страну, каждаго мужика прикрѣпите на-вѣки къ его пашнѣ, а города застроите фабриками,—кто-же на фабрикахъ будетъ работать?

Въ предыдущемъ „Обозрѣніи" мы говорили объ очень смѣлой

Digitized by Google

реформаціонной мысли гр. Орлова-Давыдова и позволили себѣ сдѣлать кой-какія скромныя замѣчанія. Есть способъ доказательствъ, который мы тогда не хотѣли употребить; мы-бы его и совсѣмъ не употребили, если-бы г. Пудовиковъ не вздумалъ поднять тотъже вопросъ. Съ перваго взгляда между мнѣніемъ г. Пудовикова и гр. Орлова-Давыдова, кажется, нѣтъ связи; можно даже подумать, что относительно будущихъ судебъ Россіи они пребываютъ въ мирномъ согласіи. Но это недоразумѣніе происходитъ лишь оттого, что и гр. Орловъ-Давыдовъ, и г. Пудовиковъ говорятъ слишкомъ высокопарно, и потому благонамѣренность ихъ пожеланій не совсѣмъ ясна съ перваго взгляда. Если-же мнѣніе ихъ освободить отъ всѣхъ постороннихъ фразъ и привести къ простому, законченному выводу, то окажется, что гр. Орловъ-Давыдовъ, чтобы спасти Россію отъ бѣдности, хочетъ выселить мужиковъ изъ деревень на фабрики, а г. Пудовиковъ для той-же цѣли хочетъ запереть отъ мужиковъ города и привязать крестьянъ къ землѣ. При этомъ гр. Орловъ-Давыдовъ боится, очевидно, чтобы Россія не умерла съ голода отъ изобилія земледѣльческихъ продуктовъ, которыхъ даже и теперь сбывать некуда, а г. Пудовикову кажется, что у насъ еще слишкомъ мало хлѣба, и потому онъ хочетъ подавить Россію урожаями. Ясно, что передъ нами двѣ крайности, два совершенно противоположныхъ выхода. Кто-же правъ, кого слушать и кто проповѣдуетъ слово спасенія? Если мы, по проекту гр. Орлова-Давыдова, выселимъ всѣ деревни въ города, развѣ деревня станетъ богаче? Развѣ, послѣдовавъ совѣту г. Пудовикова и запретивъ крестьянину выходъ изъ деревни, мы убавимъ его бѣдность?

Вмѣсто того, чтобы свести вопросъ къ простому и ясному разрѣшенію, г. Скачковъ увелъ насъ въ Китай. Развѣ это отвѣтъ? Вы точно также могли увести насъ въ Англію, въ Америку, въ счастливую Аравію. Разсказывая о Китаѣ, г. Скачковъ приводитъ такія доказательства, которыми онъ скорѣе подтверждаетъ мысль г. Пудовикова, чѣмъ ее опровергаетъ. Г. Скачковъ начинаетъ съ того, что Китай не знаетъ помѣщиковъ, не имѣетъ крупнаго землевладѣнія, не знаетъ дворянства, сословій, привилегій, что каждый сановникъ, оставивъ службу, считаетъ за честь превратиться въ простого земледѣльца, и затѣмъ меценатствуетъ. Устройте бытъ какого хотите народа по этому типу, и вы повсюду по-

Digitized by Google

лучите то-же, что даетъ Китай. Вы говорите, что при данныхъ бытовыхъ условіяхъ Китая кустарная промышленность не мѣшаетъ въ немъ земледѣлію, а земледѣліе—кустарной промышленности. Кого-же нужно убѣждать въ этомъ? Вопросъ г. Пудовикова касается другой страны, иныхъ условій, и колоть намъ глаза Китаемъ—вовсе не значитъ опровергать г. Пудовикова. Десять лѣтъ назадъ у насъ была даже мода корить Россію Англіей, Америкой и даже Австріей; тогда и эфектныя лекціи г. Скачкова въ вольно-экономическомъ обществѣ,—лекціи, въ которыхъ онъ, съ высоты птичьяго полета, рисовалъ свѣтлыя картины китайскаго земледѣлія и рядомъ съ ними давалъ мрачныя картины русскаго пустыря,—эта мода давно уже прошла. Теперь мы хотимъ не этого, мы стали на-столько практиками, что каждому хочется не словъ, а дѣла. Зачѣмъ-же вы убѣждаете насъ китайской теоріей жизни и приводите доказательства, ничего недоказывающія? Повидимому, г. Бушенъ и его сторонники были обстоятельнѣе; они сказали: освободите крестьянина отъ кулака и дайте ему кредитъ. А гдѣ-же на практикѣ кредитъ, на который такъ обязательно указываетъ г. Бушенъ? Ссудныя товарищества какъ-будто поманили чѣмъ-то и обѣщали что-то и въ концѣ-концовъ почили мирнымъ сномъ. Заснули и не одни ссудныя товарищества. И въ то время, какъ мы спимъ мирно и покойно, г. Скачковъ разсказываетъ свои сны о Китаѣ, г. Бушенъ разсказываетъ какіе-то другіе сны, и всѣ мы, собирающіеся на разные съѣзды и въ общества, только повторяемъ другъ другу свои розовыя мечты, бредимъ впросонкахъ, и если просыпаемся на минутку, то лишь за тѣмъ, чтобы снова надѣть спальные колпаки и предаться кроткому, благодушному сну. Только литература порой, и то изрѣдка, объявляетъ походъ на „злобу дня“ и показываетъ вновь вылупившихся хищныхъ птицъ. Но къ чему этотъ протестъ, если дѣловая жизнь, точно нарочно, идетъ совсѣмъ другой дорогой?

Въ счастливомъ самообольщеніи мы вообразили, что періодъ говоренья для насъ кончился, а въ сущности мы никогда не занимались такъ много праздными разговорами, какъ нынче. Представлю новое доказательство. Въ началѣ февраля въ Петербургѣ происходилъ санитарный съѣздъ земскихъ врачей петербургской губерніи. Друзья и сторонники санитарнаго съѣзда увѣряютъ, что труды, совершенные первымъ съѣздомъ, такъ значительны и по-

Digitized by Google

лезны, что вполнѣ оправдываютъ рѣшеніе губернской управы созывать и впередъ земскихъ врачей „для обмѣна мыслей“ по поводу общихъ санитарныхъ вопросовъ, подлежащихъ сужденію спеціалистовъ. Охъ ужь этотъ обмѣнъ мыслей, особенно когда не имѣешь за душей ничего, чѣмъ-бы мѣняться! И г. Скачковъ мѣнялся мыслями, разсказывая о Китаѣ, и г. Пудовиковъ дѣлаетъ то-же. Обмѣнялся мыслями и предсѣдатель, поблагодаривъ риторовъ за то, что они ничего не сказали. Оказалось, что и на санитарномъ съѣздѣ примѣнили подобный-же обмѣнъ мыслей. Угадайте, какой вопросъ казался санитарамъ очень важнымъ? — Вопросъ объ устройствѣ кладбищъ. Санитары думаютъ, что съ точки зрѣнія общественной гигіены кладбище такъ-же важно, какъ здоровый домъ. Врачи, конечно, правы—мертвые не должны заражать живыхъ. Но Господи Боже! неужели мы задыхаемся въ міазмахъ, мы пьемъ скверную, нездоровую воду, мы живемъ въ сырыхъ домахъ, мы въ холодъ не носимъ шерстяной одежды, мы надрываемъ силы на изнурительной работѣ и съ десяти лѣтъ страдаемъ разстройствомъ нервовъ,—только оттого, что не устроены кладбища и мертвые заражаютъ живыхъ?—Кстати замѣчу, что, по новѣйшимъ изслѣдованіямъ, невралгія, этотъ деликатнѣйшій процесъ, совершающійся въ самой нервной субстанціи, постепенно все учащается въ современномъ поколѣніи. Еще недавно невралгія считалась принадлежностью образованныхъ дамъ, а теперь оказывается, что эта модная болѣзнь встрѣчается такъ-же часто у солдатъ, ремесленниковъ и простыхъ деревенскихъ бабъ, какъ и у леди, джентльменовъ, писателей, художниковъ, музыкантовъ.—Въ путаницѣ современныхъ болѣзней и въ хаосѣ попытокъ понять что-нибудь въ причинахъ здоровья и страданія современныхъ поколѣній, конечно, не легко рѣшить, съ чего начать и что важнѣе, но ужь во всякомъ случаѣ вопросъ о кладбищахъ не только для Россіи, но даже и для Петербурга вовсе не на-столько важный вопросъ, чтобы стоило для него тревожить жирондскій совѣтъ народнаго здравія и рекомендовать его отчетъ, какъ назидательное чтеніе. Если-бы всѣ земскіе санитары, подобно петербургскимъ земскимъ врачамъ, получили-бы этотъ отчетъ, несомнѣнно, что они обогатились-бы такимъ полезнымъ свѣдѣніемъ, съ которымъ имъ рѣшительно дѣлать нечего. Не потому мы относимся какъ-бы съ ироніей къ вопросу о кладбищахъ, чтобы онъ самъ по себѣ не пред-

Digitized by Google

ставлялъ важности, но... да, впрочемъ, убѣдитесь сами, сколько полезныхъ свѣденій и какихъ важныхъ вы узнаете изъ этого отчета. Жирондскій совѣтъ, разсуждавшій о кладбищахъ въ большихъ городахъ, получилъ свѣденія и указанія изъ тридцати большихъ городовъ Европы, въ томъ числѣ и Петербурга, и затѣмъ выработалъ „главнѣйшее основаніе для устройства кладбищъ, общее для всѣхъ странъ и народовъ". Вотъ какъ должны поступать всѣ страны и народы по кладбищенскому вопросу:

1) Въ каждомъ городѣ должно быть одно кладбище, расположенное за чертою города.

2) Кладбища должны быть расположены въ мѣстностяхъ, возможно болѣе отдаленныхъ отъ городской черты.

3) Склепы должны быть воспрещены закономъ.—Здѣсь жирондскій совѣтъ съ особеннымъ удовольствіемъ ставитъ Россію въ примѣръ другимъ народамъ и странамъ, замѣчая, что en Russie il n'y a pas de caveaux.

4) Особыя на кладбищѣ помѣщенія для мнимоумершихъ совершенно не нужны.

Что-же вы узнали поучительнаго, чего-бы вы не знали раньше? И почему петербургскіе санитары для облегченія трудовъ того санитарнаго съѣзда, который займется у насъ этимъ вопросомъ, приводятъ жирондскую програму? А сколько вопросовъ! Програма хочетъ знать и число населенія, и процентъ смертности, и почву, и что дѣлается съ трупами, которые въ землѣ, и съ остатками, которые вырываются; она забирается въ фамильные склепы, хочетъ знать ихъ архитектуру и какая принята кладка стѣнъ. Перечисливъ всѣ свои желанія, програма посвящаетъ 28-й параграфъ убѣдительной просьбѣ сообщать еще и другія свѣденія, „можетъ быть, невошедшія въ програму". Теперь предположите, что, по русскому обычаю, мы горячо увлекаемся чужимъ вопросомъ и принимаемся за статистику по програмѣ, рекомендуемой съѣздомъ. Не лучше-ли вмѣсто статистики кладбищъ заняться статистикой жизни, вмѣсто изслѣдованія кладбищенской архитектуры познакомиться съ архитектурою подваловъ и погребовъ?

Но наши санитары знаютъ, что они знаютъ, и послѣ вопроса объ изслѣдованіи кладбищъ, въ которомъ мы будемъ работать для французовъ, а не для себя, они ставятъ еще два подобныхъ-же важныхъ вопроса. Первый: „объ осушеніи болотъ". Второй:

Digitized by Google

„не слѣдуетъ-ли собирать статистическія данныя и какія именно по эпидеміямъ и эпизоотіямъ". Замѣтьте: *не* слѣдуетъ-*ли*! И мы всегда обнаруживаемъ похвальную робость, когда намъ приходится касаться своихъ вопросовъ, но за то какъ мы отважны, когда работаемъ по готовой, чужой програмѣ! Жирондскую програму мы не только приняли безъ всякаго протеста, но даже безъ нужды, а когда намъ пришлось разсуждать о собственныхъ, родныхъ эпидеміяхъ, мы опустили глаза и съ робостью спрашиваемъ другъ друга: „не слѣдуетъ-ли?" Впрочемъ, это „не слѣдуетъ-ли" разразилось очень продолжительными преніями, въ которыхъ приняли участіе почти всѣ члены съѣзда. Одни отрицали возможность выполненія програмы, другіе доказывали, что выполнить ее возможно. Одни говорили, что будетъ достаточнымъ собирать только цифровыя данныя относительно заболѣванія и смертности; другіе говорили, что собираемыя до сихъ поръ числовыя данныя не привели ровно ни къ чему и не объяснятъ впередъ причинъ эпидемій и эпизоотій. Одни доказывали, что записываніе статистическихъ данныхъ нельзя поручить фельдшерамъ, другіе—что сибирская язва—легко распознаваемая болѣзнь, что ее знаютъ даже крестьяне. Бурное засѣданіе и безконечные споры кончились общимъ миромъ и санитары резюмировали свой отвѣтъ на вопросъ губернской земской управы приблизительно такъ: „съ санитарной точки зрѣнія слѣдуетъ осушать такія болота въ губерніи, при которыхъ живетъ населеніе и которыхъ вліяніе на болѣзненность его несомнѣнно доказано. Но для болѣе полнаго и вполнѣ вѣрнаго опредѣленія, какія болота ранѣе прочихъ слѣдуетъ осушить, потребно спеціальное изслѣдованіе губерніи. Собирать статистическія данныя по эпидеміямъ слѣдуетъ". Наивность этого рѣшенія, конечно, не была ясна гг. санитарамъ, но развѣ они могли-бы сказать, что съ санитарной точки зрѣнія болота осушать *не* слѣдуетъ, что нужно осушать болота, при которыхъ никто не живетъ, и что болота слѣдуетъ осушать безъ всякаго порядка, а кому какое вздумается? Изъ-за чего-же бурныя пренія, изъ-за чего-же шумъ, изъ-за чего, наконецъ, санитарный съѣздъ, когда всякому извѣстно, что болота вредны для здоровья, что ихъ нужно осушать, и производить осушки не тѣхъ тундръ архангельскаго края и Ледовитаго океана, при которыхъ никто не живетъ, а тѣхъ ближайшихъ болотъ, при которыхъ живутъ люди? И не-

Digitized by Google

ужели это вопросъ санитарный, а не вопросъ чисто-земскій; вопросъ не о томъ, вредно или не вредно болото, а есть-ли деньги на осушку? Все это могла-бы порѣшить и одна губернская управа, не вызывая ненужныхъ споровъ со стороны медиковъ.

Мы не скажемъ, чтобы разсужденія санитаровъ оканчивались всегда такимъ логическимъ фіаско, какимъ оказался санитарный силогизмъ объ осушеніи болотъ. Доктора Илинскій, Коминъ и Бертольсъ сообщили такія свѣденія о петербургской губерніи, что картина охраненія народнаго здравія оказалась не особенно свѣтлой. Такъ петербургскій уѣздъ раздѣленъ на девять участковъ и въ каждомъ участкѣ есть врачъ и соотвѣтствующее число фельдшеровъ и акушерокъ, а самое большое число душъ, приходящееся на одного врача,—8,000. Но за то есть уѣзды, напримѣръ, ямбургскій и гдовскій, гдѣ на весь уѣздъ приходится всего одинъ врачъ, гдѣ на 40,000 душъ населенія всего одна больница съ 40 кроватями. Каковы факты? Мы-же съ запальчивостію разсуждаемъ о жирондскихъ кладбищахъ и разработываемъ отвѣты на вопросы французовъ, въ то время, какъ наша собственная крыша течетъ! А какъ течетъ наша крыша и какъ важнѣе для насъ собирать свѣденія не о кладбищенской литературѣ, мы можемъ подвердить санитарнымъ отчетомъ инспектора владимірской губернской управы. Изъ отчетовъ врачебнаго инспектора видно, что изъ 13 земскихъ больницъ губерніи 5 находятся въ самомъ неудовлетворительномъ состояніи. Напримѣръ, въ палаты гороховецкой больницы не проникаетъ даже солнечный свѣтъ, въ больницѣ нѣтъ помѣщенія для женщинъ и женщинамъ вообще приходится лечиться у знахарокъ. Вентиляція считается на-столько повсюдною роскошью, что въ нѣкоторыхъ больницахъ ощущается не больничный запахъ, а вонь. Въ шуйской и переяславской земскихъ больницахъ оказывается недостатокъ въ бѣльѣ. Въ Шуѣ нѣтъ арестантской больницы и больныхъ помѣщаютъ въ одну изъ арестантскихъ камеръ, въ кучу, не разбирая болѣзни, отчего между арестантами можетъ развиться тифъ. Тотъ-же инспекторъ осматривалъ фабрики владимірской губерніи и нашелъ, что патріархальные владимірскіе фабриканты считаютъ свои заведенія дѣломъ „домашнимъ“ и обращаются съ своими рабочими на-столько по-просту и первобытно, точно домашнее дѣло именно въ томъ и заключается, чтобы не

Digitized by Google

жить по-человѣчески. Почти на всѣхъ фабрикахъ оказывается полный недостатокъ вентиляціи и вредный и спертый воздухъ. О, санитары! и вы все это знаете, и вы все-таки молчите, вы съ усердіемъ, достойнымъ лучшей участи, бѣжите съ предупредительностью на-встрѣчу жирондскимъ врачамъ и видите всю бѣду въ кладбищахъ потому только, что ни французы, ни нѣмцы не пригласили васъ разработать програму о мышьяковистыхъ отравленіяхъ, о преждевременной чахоткѣ шлифовальщиковъ. Вы употребляете десятки часовъ горячихъ словопреній, чтобы убѣдить, неизвѣстно кого, въ томъ, что прежде всего нужно осушать болота подлѣ деревень, а уже потомъ архангельскія тундры! И вѣришь, и не вѣришь, и смѣшно, и грустно! А извѣстно-ли нашимъ санитарамъ что-нибудь о рогоженномъ промыслѣ? Когда путешественники описываютъ страшное положеніе феллаха, живущаго въ норѣ, мы, патріоты, глубоко возмущаемся... Скажите, чѣмъ? Вы возмущаетесь, конечно, тѣмъ, что о феллахѣ не заботятся египетскіе санитары, а развѣ вы знаете что-нибудь о русскомъ рогожникѣ? Представьте себѣ длинное, низкое, одноэтажное, неоштукатуренное, каменное, сырое зданіе безъ пола и безъ потолка. Это зданіе раздѣлено шестами на стойла или клѣтушки, на шестахъ висятъ мочалы, служащія стѣнами каждой клѣтушки; въ стойлѣ мочальный станокъ, подъ которымъ на сырой мочалѣ, служащей постелью, спятъ цѣлыми семьями мочальники съ своими женами и дѣтьми. Если-бы работа производилась лѣтомъ, мы-бы еще понимали, что мимо испитаго мочальника можно пройти хотя и не съ равнодушіемъ, но и не особенно скорбя за повальный тифъ, отъ котораго онъ можетъ еще спастись на свѣжемъ воздухѣ. Но мочалы ткутся зимой, вплоть до весны, вплоть до весенней пашни, т. е. въ самое трудное и въ самое болѣзнетворное время. Между тѣмъ и въ орловской, и въ калужской губерніяхъ, гдѣ процвѣтаетъ рогожный промыселъ, есть и санитары, и инспекторы врачебныхъ управъ, есть и общества врачей, чуть-ли даже не дѣлались покушенія издавать „дневникъ“ въ родѣ казанскаго; и при всемъ томъ на бѣдствія рогожниковъ обратили вниманіе не санитары, а губернская власть, а санитары даже и не видѣли этихъ склеповъ, можетъ быть, потому, что ждутъ, когда объ этихъ склепахъ напомнятъ имъ жирондскіе врачи.

Да, мы интелигенція! Наши Горѣлины, Калужскіе, Волковы,

Digitized by Google

устраивающіе свои фабрики „домашнимъ образомъ“ и самымъ простодушнымъ образомъ дѣйствующіе по принципу Большова: „не я, такъ другой“, очень громко возвышаютъ голоса свои въ земскихъ совѣтахъ, порицаютъ и судятъ, подчасъ даже смѣются надъ земствомъ. И все это безъ всякой тѣни лицемѣрія и лжи. Это та-же наивность непониманія, съ какой ребенокъ разоряетъ птичье гнѣздо и воображаетъ, что птица, пищащая въ его рукахъ отъ боли,—поетъ. Придерживаясь принципа самоуправленія и невмѣшательства, многіе и до сихъ поръ смотрятъ съ недовѣріемъ, чуть не съ гадливостью на регламентацію. Вмѣшательство, какъ принципъ и какъ порѣшающая послѣдняя инстанція, конечно, не то начало, которое-бы мы стали проповѣдывать; но если такіе представители интелигенціи, какъ хозяева рогожныхъ фабрикъ, держатъ своихъ рабочихъ хуже, чѣмъ феллаховъ, и бѣдствія страдающихъ людей видятъ не санитары, а исправники, и затѣмъ хозяину предлагается или помѣстить своихъ рабочихъ на здоровой фабрикѣ, или закрыть ее, то, конечно, не мы станемъ противъ этой мѣры только ради того, что санитарамъ слѣдуетъ увидѣть ранѣе. Не умирать-же рогожникамъ!

Да, жизнь человѣческая непримиримое противорѣчіе, а еще большее противорѣчіе—жизнь цѣлаго общества. Въ то время, какъ повсюду и вездѣ литература разоблачаетъ и преслѣдуетъ многообразные виды дѣльцовъ, а сатира воюетъ безплодно съ хищникомъ, въ то время, какъ экономическая дѣловитость создала повсюду своеобразную практику и жизнь двинулась по этому направленію, наперекоръ литературному изобличенію, мы, интелигентные люди, точно на смѣхъ себѣ, пускаемся въ безплодныя разсужденія и краснорѣчивую болтовню о кладбищахъ и склепахъ и съ глубокомысленнымъ видомъ доказываемъ другъ другу, что въ санитарныхъ цѣляхъ должны быть осушаемы болота подлѣ жилищъ, мы наполняемъ своимъ пустобайствомъ сельско-хозяйственныя, педагогическія, земскія, промышленныя, санитарныя и всякія другія засѣданія, въ которыя собираемся съ наивнымъ самообольщеніемъ, будто-бы мы служимъ свѣточемъ разума, піонерами прогреса, практическими мыслителями, представителями здравомыслія и охранительнымъ элементомъ, противодѣйствующимъ мечтательной вздорности расплывающихся энтузіастовъ и идеалистовъ. Нѣтъ, милый элементъ благоразумія! Мечтатели и идеалисты, дѣйствительно,

Digitized by Google

расплываются, стрѣляютъ въ пустое пространство и хватаютъ черезъ край; но, во-первыхъ, ихъ уже давно нѣтъ, по крайней мѣрѣ, голоса ихъ уже давно не слышно, наконецъ они не вводятъ никого въ недоразумѣніе уже только потому, что не выдаютъ себя за практическихъ мыслителей,—

А вы, друзья, какъ ни садитесь,
Все въ музыканты не годитесь.

И въ то-же время вы все-таки играете, вы производите музыку и ваша музыка кажется музыкой; вы вводите въ недоразумѣніе себя, а еще больше тѣхъ невинныхъ людей, которымъ вы втираете очки своей воображаемой дѣловитостью. А въ то-же время вы только пустобаете или, еще хуже, грѣете себѣ руки, маскируясь общимъ благомъ и общей пользой, о которыхъ вы такъ тепло и хорошо разсуждаете.

Право, наконецъ даже теряешься, до того наивность путается у насъ съ чѣмъ-то вовсе не наивнымъ, а благодушество невинной говорливости, которой мы отдаемся съ увлеченіемъ, сообщаетъ намъ какой-то чистый, свѣтлый, чуть не святой видъ. Такъ-какъ мы беремъ доказательства изъ нашей общественной жизни, то на этотъ разъ сошлемся на очередное собраніе членовъ русскаго географическаго общества по отдѣленію статистики, происходившее 11 марта. И тутъ говорилось о кладбищахъ. Въ началѣ засѣданія былъ прочитанъ перечень тѣхъ предметовъ, которые войдутъ въ V отдѣлъ парижской географической выставки со стороны Россіи; потомъ было объявлено членамъ, что совѣтъ общества разрѣшилъ устроить подписку на изданіе портрета покойнаго И. А. Артемьева; потомъ г. Венюковъ сдѣлалъ сообщеніе о состояніи азіятской статистики. На этотъ разъ приглашенные члены сдѣлали путешествіе не въ Китай, а въ Японію Г. Венюковъ сообщилъ, что статистическія данныя о населеніи Японіи весьма полны и получены отъ переписи 1870 года. Очевидный намекъ на то, что подобныхъ свѣденій у насъ нѣтъ. Статистика внѣшней торговли также весьма удовлетворительна. Въ Японіи имѣются точныя свѣденія о численности арміи. Свѣденія по государственнымъ имуществамъ собираются, что для японцевъ тѣмъ болѣе удобно, что кадастровыя вѣдомости ведутся у нихъ съ давнихъ временъ. Но за то Китай, который г. Скачковъ ставитъ намъ въ примѣръ, по словамъ г. Венюкова, примѣромъ слу-

Digitized by Google

жить не можетъ. У китайцевъ даже нѣтъ никакого побужденія къ переписи населенія. Въ Сіамѣ и Бирмѣ тоже нѣтъ статистики. Нидерландской Индіи г. Венюковъ не касается, потому что это европейская колонія. Въ Персіи тоже нѣтъ статистики, и если-бы нашъ „Военный Сборникъ" не давалъ нѣкоторыхъ матеріяловъ по статистикѣ этой жалкой страны, то бѣдные персіяне ничего-бы о себѣ и не знали. Въ Турціи Села-Хедимъ-Бей хотя и собралъ какія-то статистическія свѣденія, но они не больше, какъ статистическая ложь. Послѣ этого г. Венюковъ сообщилъ о статистикѣ Сингапура, Цейлона, Индустана, Калькутты и въ заключеніе подробно разобралъ пути сообщенія въ Индіи. Мы не отрицаемъ достоинства труда г. Венюкова, и если-бы подобный трудъ явился у англичанъ, у нѣмцевъ, у французовъ, т. е. вообще у всѣхъ тѣхъ народовъ, которые знаютъ о себѣ больше, чѣмъ о другихъ, мы-бы придали засѣданію географическаго общества, въ которомъ было сдѣлано подобное сообщеніе, совсѣмъ иное значеніе. Но посвящать всѣ свои силы на статистическія изслѣдованія Цейлона, Суматры, Борнео, Сингапура въ то время, когда мы ничего не знаемъ о себѣ, чисто-умственная роскошь. Это напоминаетъ тѣхъ добродушныхъ таитянъ, которые, вкусивъ отъ плода европейской цивилизаціи, надѣвали на свое голое черное тѣло только фракъ. И все засѣданіе было посвящено подобнымъ-же вопросамъ умственной роскоши. Конечно, парижская географическая выставка должна имѣть значеніе, да и имѣетъ его, но только для кого? Мы припомнили то, что г. Совѣтовъ сообщалъ надняхъ обществу петербургскихъ сельскихъ хозяевъ о варшавской выставкѣ, на которой была выставлена такая масса всевозможныхъ орудій и машинъ, что глазъ человѣческій терялся и путался, и даже самый опытный сельскій хозяинъ приходилъ лишь въ смутное недоумѣніе и не выносилъ ровно ничего. Кто былъ на выставкѣ изъ русскихъ? Что они тамъ узнали? Какое отношеніе варшавская выставка имѣетъ къ русскому земледѣлію? Научитъ-ли она чему-нибудь нашъ народъ?—все это пребываетъ во тьмѣ и мракѣ неразрѣшимости, и „обмѣнъ мыслей", совершившійся на варшавской выставкѣ, привелъ, кажется, къ такимъ-же благодѣтельнымъ и полезнымъ для Россіи результатамъ, какъ и разсужденія петербургскихъ санитаровъ о кладбищахъ.

Роскошь обмѣна теоретическихъ мыслей наблюдается у насъ

Digitized by Google

повсюду, гдѣ сойдутся вмѣстѣ нѣсколько членовъ какого-нибудь „общества". Чтобы не отставать отъ Петербурга, южные сельскіе хозяева, собравшіеся въ Харьковѣ, разбирали, напримѣръ, вопросъ о *премировкѣ* рабочихъ. Г. Борисовъ настаивалъ на томъ, что эту мѣру слѣдуетъ назвать *реорганизаціонной*. Г. Тарновскій указывалъ, что премировка рабочихъ существуетъ въ сѣверной Америкѣ, гдѣ разбиваютъ рабочихъ на партіи и возбуждаютъ въ нихъ соревнованіе. Г. Тарновскому даже казалось, что этой мѣрой можно совершенно упразднить прикащиковъ. Г. Натъ находилъ, что избѣжать прикащиковъ невозможно, и если это есть въ Америкѣ, то тамъ уровень образованія рабочаго гораздо выше. Г. Неручаевъ съ этимъ не соглашался и доказывалъ, что уровень образованія рабочихъ въ Америкѣ нисколько не выше, чѣмъ у нашихъ рабочихъ, которыхъ они не опередили въ развитіи; поэтому г. Неручаевъ предлагалъ премировать не прикащиковъ, надсматривающихъ за работою, а рабочихъ, производящихъ работу. Г. Натъ не соглашался съ г. Неручаевымъ и доказывалъ, что прежде нужно премировать прикащиковъ, какъ учителей рабочихъ, а затѣмъ уже учениковъ, т.-е. рабочихъ. Обмѣнявшись своими мыслями о премированіи, члены замолчали, но, отдохнувъ, перешли къ вопросу о пріобрѣтеніи орудій и машинъ товариществами. Г. Неручаевъ, ссылаясь на Германію, считалъ возможнымъ, чтобы крестьяне составляли товарищества для покупки орудій и машинъ. Г. Труфоновъ возражалъ, что такія асоціаціи безполезны и что онѣ не больше, какъ продукты безсилія. Тогда г. Безпальцевъ указалъ на примѣръ подобной асоціаціи въ изюмскомъ уѣздѣ, гдѣ землевладѣлецъ Калениченко подарилъ одному крестьянскому обществу ручную молотилку, которою и пользуются крестьяне. Г. Бороховичъ думалъ предложить волостнымъ правленіямъ пріобрѣтать дешевыя орудія для пользованія крестьянъ. Г. Неручаевъ, вполнѣ согласный съ этимъ мнѣніемъ, предложилъ распространять между крестьянами молотилки и вѣялки, но г. Труфоновъ, изображавшій собою элементъ отрицанія и скептицизма, доказывалъ, что прежде, чѣмъ давать крестьянамъ усовершенствованныя орудія, нужно научить ихъ пользоваться этими орудіями. То-же самое думалъ и г. Натъ. Раздѣляя скептицизмъ г. Труфонова, г. Натъ находилъ, что крестьяне совершенно не приготовлены къ такимъ товариществамъ. Въ слѣ-

Digitized by Google

дующее засѣданіе съ такимъ-же успѣхомъ „обмѣнивались мысли“ относительно мѣръ предосторожности противъ чумы рогатаго скота. Г. Мельниченко, директоръ харьковскаго ветеринарнаго института, высказался противъ педантически-строгихъ и предусмотрительныхъ мѣръ, которыхъ держится Германія, и доказывалъ невозможность примѣненія предупредительныхъ мѣръ въ Россіи. Ветеринары, присутствовавшіе въ засѣданіи, стояли на сторонѣ чумопрививанія, но г. Поповъ доказывалъ невозможность изобрѣтенія средствъ противъ чумы, такъ-какъ до сихъ поръ неизвѣстно еще никому, что такое чума. Онъ даже утверждалъ, что не существуетъ точныхъ наружныхъ признаковъ, характеризующихъ болѣзнь. На это г. Кулишевъ возразилъ, что всякій пастухъ узнаетъ чуму по наружнымъ признакамъ. Г. Раупахъ изложилъ съѣзду результаты, добытые комисіей, наряженной прошлымъ лѣтомъ въ Карловку для изслѣдованія чумопрививанія, и замѣтилъ, что крестьяне чумы къ скоту не прививаютъ. Въ оправданіе крестьянъ г. Поповъ сказалъ, что между крестьянами чумопрививаніе не распространено, вѣроятно, потому, что они не находятъ его выгоднымъ. Тогда г. Игнатовичъ высказалъ довольно обидное для Карловки подозрѣніе, что не она-ли служитъ разсадникомъ чумной заразы въ окрестностяхъ? Свое подозрѣніе онъ подкрѣплялъ фактами появленія чумы прежде всего въ ближайшихъ къ этому заведенію мѣстностяхъ... Наступило продолжительное преніе и съѣздъ рѣшилъ, что чумопрививаніе есть мѣра полезная, но вводить его обязательно не слѣдуетъ. А мы спросимъ съѣздъ: если-бы онъ счелъ обязательное чумопрививаніе мѣрою необходимою, какія практическія послѣдствія могли-бы изъ этого возникнуть? Конечно, Наполеонъ I, когда онъ признавалъ что-нибудь обязательнымъ для другихъ, оно и становилось обязательнымъ, потому что за Наполеономъ стояло миліонное войско. Бисмаркъ, кажется, энергичнѣе харьковскаго съѣзда и за нимъ стоитъ тоже миліонное войско, но съ католичествомъ, несмотря на обязательныя постановленія и аресты епископовъ, онъ все-таки ничего не можетъ подѣлать. Тутъ есть, во-первыхъ, фокусъ мысли; а другой фокусъ заключается въ томъ, что у Бисмарка нѣтъ той силы, какая была у Наполеона. Какой-же силой располагаютъ гг. Поповъ, Игнатовичъ, Раупахъ, Кулишевъ, Кочетовъ, Мельниченко для того, чтобы ихъ обязательное рѣшеніе было для кого-нибудь обязательнымъ? Если оно будетъ обяза-

Digitized by Google

тельно для нихъ однихъ, то что отъ этого выиграетъ Россія? А сдѣлать его обязательнымъ для всей Россіи нельзя даже и съ десятимиліоннымъ войскомъ. Прежде всего нужно, чтобы вся Россія проникнулась мыслію о пользѣ чумопрививанія и чтобы повсюду было столько чумопрививателей, сколько ихъ нужно. А вы можете создать ихъ? Можете сдѣлать, чтобы каждая русская деревня захотѣла прививать у себя чуму? Не только вы не можете сдѣлать этого, но вы даже боитесь всякаго дѣла, если какой-нибудь смѣльчакъ, не удовлетворившись голымъ „обмѣномъ мыслей" и словами, пойдетъ къ практическимъ результатамъ. Г. Рене прислалъ въ съѣздъ письмо и при немъ 3 билета внутренняго займа, на 300 рублей, чтобы положить основаніе денежному фонду на вознагражденіе убытковъ, понесенныхъ землевладѣльцами отъ чумы. И знаете, какъ поступилъ съѣздъ? Съѣздъ положилъ возвратить деньги по принадлежности и заявить г. Рене благодарность „за готовность содѣйствовать съѣзду личными матеріяльными средствами". Грустное сознаніе своего безсилія сквозитъ и сочится изъ каждаго слова нашихъ „обмѣновъ мыслей". Что за печальная лѣтопись—постановленія нашихъ собраній, съѣздовъ, обществъ! Возьмемъ хотя-бы опять тотъ-же харьковскій съѣздъ, который, задавшись вопросомъ, какія мѣры слѣдуетъ принять для того, чтобы отечественное производство сельско-хозяйственныхъ машинъ и орудій получило у насъ должное развитіе, постановилъ и призналъ полезнымъ: 1) Образованіе сельско хозяйственныхъ инженеръ-механиковъ и строителей машинъ и орудій. 2) Учрежденіе станцій для испытанія машинъ и орудій. 3) Спеціализація въ дѣлѣ производства машинъ и орудій. 4) Устройство выставокъ и конкурсовъ, на которыхъ машины отечественнаго производства премировались-бы отдѣльно отъ иностранныхъ. 5) Устройство конкурсовъ рабочихъ, гдѣ премировались-бы рабочіе за хорошую работу орудіемъ или машиною. 6) Поощреніе преміями хозяевъ за хорошую обработку почвъ и за введеніе въ ихъ хозяйствахъ улучшенныхъ машинъ или орудій. 7) Устройство сельско-хозяйственныхъ ремесленныхъ школъ.

Развѣ списокъ подобныхъ полезныхъ мѣръ не можно продолжать до безконечности, потому что онѣ принадлежатъ къ отдѣлу того-же сознанія безсилія, къ какому принадлежитъ и заявленіе сочувствія къ подвигамъ благородства, справедливости, честности,

Digitized by Google

ума, геніальности? Если-бы харьковскій съѣздъ былъ послѣдовательнѣе, то кромѣ желанія, чтобы у насъ явились инженеры, механики, школы, чтобы народъ раскупалъ машины, съѣздъ могъ-бы пожелать, чтобы въ каждой крестьянской избѣ подавалась въ обѣду курица, чтобы каждый мужикъ былъ агрономомъ, чтобы поверхность Россіи была покрыта сельско-хозяйственными школами и чтобы повсюду жили добродѣтельные, умные люди. Вамъ эти пожеланія смѣшны, но чтобы доказать ихъ неосновательность, докажите раньше, что основательно разсуждать о здоровыхъ кладбищахъ, когда нѣтъ здоровыхъ домовъ; что основательно порицать Тибетъ и Сингапуръ за отсутствіе статистики, когда г. Минейко не можетъ сказать, сколько жителей въ архангельской губерніи; что гуманно негодовать на положеніе феллаха, когда возмущающіеся этимъ г. Горѣлинъ или г. Волковъ держатъ своихъ рабочихъ въ низкихъ, сырыхъ конурахъ, или когда въ „Пріютѣ" гостепріимно предлагаютъ здоровымъ человѣческимъ легкимъ два кубическихъ аршина дурного воздуха вмѣсто тридцати хорошаго!

И какже намъ не спорить и не отдаваться „обмѣну мыслей", когда въ самыхъ элементарныхъ понятіяхъ о взаимныхъ отношеніяхъ мы точно Робинсоны на необитаемомъ островѣ! Такимъ Робинсономъ явился недавно въ Москвѣ нѣкто г. Кристи. Г. Кристи развиваетъ въ „Московскихъ Вѣдомостяхъ" если не совсѣмъ новую теорію о взаимныхъ отношеніяхъ между рабочимъ и хозяиномъ, за то отсутствіе новизны выкупается энергіей защиты своихъ личныхъ правъ и доброжелательствомъ къ наемному работнику. Теорія г. Кристи есть теорія умиротворенія и примиренія взаимныхъ интересовъ между нанимателями и нанимаемыми. Онъ заботится о „добрыхъ взаимныхъ" отношеніяхъ, и, указывая, между прочимъ, на отношенія между офицерами и солдатами, наставниками и учениками, беретъ эти отношенія какъ образецъ для организаціи добраго согласія между нанимателями и нанимаемыми. Отчего, въ самомъ дѣлѣ, всѣ офицеры живутъ въ добромъ согласіи съ солдатами, а всѣ школьники—съ учителями? Конечно, вы можете отрицать это согласіе или сомнѣваться въ немъ; вы можете согласіе между офицеромъ и солдатомъ, школьникомъ и учителемъ не считать на-столько плѣнительнымъ, да, пожалуй, и совсѣмъ имъ не плѣняться; но ваше мнѣніе вовсе не обязательно для г. Кристи. Онъ беретъ эти отношенія за обра-

Digitized by Google

зецъ и затѣмъ водворяетъ доброе согласіе между людьми по способу военной дисциплины. Предположите, что вы наняли себѣ лакея, горничную, кухарку, но почему-нибудь они сдѣлались вами недовольны и оставляютъ мѣсто. Такъ-какъ этимъ нарушилось ваше доброе согласіе съ вашей кухаркой, то г. Кристи даетъ вамъ право жаловаться на кухарку полиціи и полиція водворяетъ ее въ вашемъ домѣ. Г. Кристи на-столько убѣжденъ въ собственной правотѣ, что не допускаетъ никакихъ объясненій недовольной имъ кухарки и привязываетъ ее къ печкѣ веревкой... „Одинъ американецъ, разсказываетъ Диксонъ — въ Нью-Йоркѣ, нанялъ лакея; лакей велъ себя безукоризненно, отличался расторопностью, услужливостью и вообще самыми высокими лакейскими качествами. Проходитъ мѣсяца два, и безукоризненно-вѣжливый лакей сталъ появляться въ комнатахъ съ шляпою на головѣ. Приноситъ-ли онъ барину письмо—на головѣ шляпа; убираетъ комнаты—на головѣ шляпа, подаетъ обѣдать—на головѣ шляпа. Господинъ только недоумѣвалъ и молчалъ, думая, что лакей образумится, а лакей все ходитъ въ шляпѣ. Барину, наконецъ, надоѣла эта исторія, и когда разъ лакей подалъ ему что-то съ шляпой на головѣ, онъ обратился къ нему съ такимъ вопросомъ: „Отчего вы являетесь ко мнѣ всегда въ шляпѣ?“ —„А развѣ я не имѣю на это права?“ отвѣтилъ лакей. — „Нѣтъ, я этого не говорю, возразилъ съ кротостью американецъ,—но я попросилъ-бы васъ подумать, какую вы хотите прибавку къ жалованью, чтобы въ комнатахъ являться по-прежнему безъ шляпы?“ —„Хорошо-съ, я подумаю“, отвѣтилъ лакей, и на другой день сказалъ: „одинъ долларъ!“ Баринъ принялъ условіе, и съ тѣхъ поръ лакей уже никогда не появлялся въ комнатѣ въ шляпѣ. Но что-бы возникло изъ того, если-бы американецъ, придерживаясь теоріи г. Кристи, пожаловался на лакея полиціи? Очень можетъ быть, что лакея обязали-бы ходить безъ шляпы, но вѣрно и то, что лакей все-таки оставилъ-бы свое мѣсто.

Я привожу этотъ разсказъ вовсе не для того, чтобы доказать неосновательность размышленій г. Кристи, а какъ образчикъ американскаго чудачества. Разскажу вамъ изъ того-же Диксона другой случай: въ одномъ домѣ служилъ, въ родѣ нашихъ казачковъ, мальчикъ лѣтъ десяти или двѣнадцати. Мальчишка хотя и дѣлалъ свое дѣло, но гораздо чаще дѣлалъ глупости и вздоръ.

Digitized by Google

Своеволіе его не знало предѣла и онъ не дѣлалъ никакой разницы между господскимъ и своимъ: онъ чесался всегда хозяйскими щетками и гребенками, валялся на господскихъ постеляхъ и держалъ себя вообще неистово. Диксонъ, привыкшій къ щепетильной вѣжливости англійской прислуги, рѣшительно не выносилъ своеволія американскаго дикаря. Разъ, возмущенный какой-то его продѣлкой, Диксонъ говоритъ хозяйкѣ: „Какъ-же вы этому несносному мальчишкѣ позволяете дѣлать все, что ему вздумается, и не заставите его держать себя какъ слѣдуетъ?“ Хозяйка улыбнулась и отвѣтила: „А почемъ я знаю, можетъ быть его когда-нибудь выберутъ въ президенты!“ Вамъ смѣшно? Смѣйтесь—можетъ быть, это и дѣйствительно смѣшно, но смѣшно или не смѣшно, а вся сущность въ томъ, что американцы въ свои отношенія къ прислугѣ не вводятъ никакого сердечнаго и сантиментальнаго элемента, а основываютъ ихъ на разсчетѣ взаимной выгоды, котораго г. Кристи, по своему доброжелательству, допустить не желаетъ. Я пророчу г. Кристи, что у него никогда не будетъ хорошей кухарки, а его способъ умиротворенія прислуги и господъ вмѣшательствомъ полиціи доведетъ его до того, что у него на старости не будетъ кому поставить самоваръ и сварить супъ.

Впрочемъ, мы не думаемъ,—и къ чести московскихъ нанимателей, и къ чести другихъ господъ, — чтобы теорія г. Кристи могла найти у насъ сторонниковъ и сдѣлалась общественной теоріей. Она не больше, какъ послѣднее могиканство, и изъ засѣданій комитета о наймѣ рабочихъ, происходившаго недавно въ Петербургѣ, г. Кристи могъ-бы убѣдиться, что къ намъ ближе теорія и практика нашихъ заатлантическихъ друзей, чѣмъ московскихъ могикановъ. Правда, труды этой комисіи еще не обнародованы, а въ чемъ заключались обсужденія—изъ газетъ неизвѣстно, но все-таки извѣстно то, что комисія стояла на юридической и экономической почвѣ, не придавала сердечности особеннаго значенія и думала нѣсколько иначе, чѣмъ думаетъ г. Кристи. Теорія труда, проповѣдуемая г. Кристи, имѣетъ нѣсколько своеобразный характеръ. Онъ дѣлитъ людей на образованныхъ и необразованныхъ, на интелигентныхъ и невѣжественныхъ. По словамъ г. Кристи, только „въ развитыхъ классахъ есть и высшія побужденія къ работѣ — слава, честолюбіе и, главное, созна-

Digitized by Google

ніе долга". Что-же касается людей необразованныхъ, „то для нихъ единственнымъ двигателемъ работы служитъ нужда и понужденіе". Г. Кристи, какъ моралистъ и пуританинъ, глубокій сердцевѣдъ. Поэтому онъ не признаетъ нужды достаточнымъ двигателемъ; онъ полагаетъ, что голодъ и стремленіе къ удовлетворенію потребностей — стимулъ недостаточно сильный, чтобы заставлять людей трудиться, что на свѣтѣ найдется всегда столько негодныхъ лѣнтяевъ, которые безъ вмѣшательства полиціи скорѣе умрутъ съ голоду, чѣмъ станутъ работать. О, г. Кристи, г. Кристи! и какимъ образомъ въ вашу голову могли придти такія злополучныя измышленія и какъ ваши злополучныя измышленія оказались напечатанными въ „Московскихъ Вѣдомостяхъ"! О, „Московскія Вѣдомости"!

Изъ Москвы, отъ г. Кристи, переѣдемте теперь въ Петербургъ: и въ Петербургѣ живутъ аналогичные вопросы. Въ 1870 году петербургскій гласный Платоновъ составилъ проектъ всесословной волости. Земское собраніе, куда былъ внесенъ этотъ проектъ, поручило губернской управѣ разработать его и затѣмъ передать на обсужденіе уѣздныхъ собраній. Въ 1871 г. проектъ былъ составленъ, но какъ уѣздныя собранія разсмотрѣть его еще не успѣли, то разсмотрѣніе его губернскимъ земствомъ было отложено на годъ. Въ 1872 году управа внесла вновь проектъ на разсмотрѣніе собранія и въ то-же время земство узнало, что вопросъ о всесословной волости хочетъ разсматривать и петербургское дворянство; поэтому управа разсмотрѣніе проекта отложила еще на годъ. Въ 1873 году на разсмотрѣніе петербургскаго дворянства поступило нѣсколько дворянскихъ проектовъ; но какъ всѣ они оказались несоотвѣтствующими желанію дворянскаго собранія, то оно, отклонивъ всякія предположенія о хозяйственной всесословной волости, составило особую комисію и поручило ей разработать вопросъ только о територіяльныхъ, административныхъ и судебно-полицейскихъ волостныхъ старшинахъ. Комисія исполнила это порученіе и при особомъ докладѣ представила свой проектъ на разсмотрѣніе петербургскаго губернскаго дворянскаго собранія, открывшагося надняхъ.

По проекту комисіи, границы всесословныхъ територіяльныхъ волостей совпадаютъ съ границами судебнаго мирового участка, и мировой судья становится въ то-же время волостнымъ старши-

Digitized by Google

ной. Но гдѣ-же взять столько мировыхъ судей, сколько будетъ волостей? На это проектъ отвѣчаетъ, что въ каждомъ уѣздѣ всегда найдется достаточное число уважаемыхъ личностей, долго служившихъ въ войскѣ или въ гражданскомъ вѣдомствѣ и получившихъ домашнее образованіе. Лица, владѣющія имуществомъ, дающимъ имъ право участія въ избирательныхъ съѣздахъ землевладѣльцевъ, пользуются на своихъ земляхъ, невошедшихъ въ крестьянскій надѣлъ, полными правами сельскаго старосты. На нихъ возлагаются предварительныя дознанія и обыски по уголовнымъ преступленіямъ, они принимаютъ мѣры для открытія и задержанія виновныхъ, предоставляютъ ихъ на дальнѣйшее распоряженіе подлежащему начальству, охраняютъ благочиніе и порядокъ, задерживаютъ распространителей вредныхъ слуховъ, а въ чрезвычайныхъ случаяхъ, и въ особенности при общественныхъ бѣдствіяхъ, имѣютъ право требовать немедленнаго содѣйствія ближайшаго сельскаго начальства и распоряжаются доставленной имъ помощью. Если-бы владѣлецъ не захотѣлъ принять на себя должность помѣстнаго старосты, онъ передаетъ ее правоспособному лицу, проживающему или въ его имѣніи, или въ сосѣдствѣ, выбирая это лицо самъ, а владѣльцы большихъ имѣній могутъ назначать нѣсколько помѣстныхъ старостъ. Вся формальность подобнаго назначенія ограничивается тѣмъ, что владѣлецъ о назначенномъ имъ старостѣ только сообщаетъ волостному старшинѣ. Вопросъ, разработанный такимъ образомъ, оказался въ сущности не вопросомъ о всесословной волости, а вопросомъ о вотчинной полиціи.

Въ какомъ видѣ вопросъ этотъ появится въ своей окончательной редакціи—предусмотрѣть, конечно, нельзя, но односторонняя его постановка уже послужила матеріяломъ для газетной полемики. Такъ „Голосъ", обращаясь не къ сущности проекта, а къ мотивамъ его вызвавшимъ, дѣлаетъ очень рѣзкія нападки даже и не на одного составителя проекта, г. Савельева, а призадѣваетъ все петербургское дворянство. Проектъ говоритъ, что „Положеніе 19-го февраля", отстранивъ дворянство отъ крестьянскаго самоуправленія, лишило тѣмъ народъ разумно-консервативной силы, которая-бы спасла его не только отъ его собственнаго невѣжества и дурныхъ инстинктовъ, но и отъ соціально-демократической пропаганды разныхъ сторонниковъ революціонныхъ ученій.

Digitized by Google

Кромѣ того, Положеніе о крестьянахъ замкнуло ихъ въ узкія сословныя кагорты и поставило во враждебныя отношенія къ другимъ классамъ. Ошибки эти можетъ исправить только всесословная волость, и только разумно-консервативный элементъ, поставленный въ ея главѣ, упрочитъ начало самоуправленія и восполнитъ наши земскія учрежденія. Но чтобы этотъ разумно-консервативный элементъ могъ мириться съ началами, свойственными грубымъ крестьянскимъ учрежденіямъ, и принести пользу, какъ просвѣщенная культурная сила, онъ не можетъ стоять на однихъ правахъ съ остальнымъ населеніемъ, а долженъ вступить въ волость какъ власть, съ извѣстными личными строго-опредѣленными правами, обязанностями и силой. Проектъ обставляетъ выборъ въ старшины такими условіями, что двѣ трети голосовъ достаются на волостномъ сходѣ личному землевладѣнію, а гласнымъ крестьянской общины только одна треть.

Мотивы проекта не только ясны изъ тѣхъ надеждъ, которыя онъ возлагаетъ на разумно-консервативный элементъ, но проектъ не скрываетъ и того, чего онъ боится. Онъ видитъ въ крестьянской общинѣ подобіе французской комуны и содрогается за судьбы Россіи, если наша крестьянская община вздумаетъ когда-нибудь уподобиться комунѣ парижской. Подобное обвиненіе уже не разъ слышалось противъ нашей крестьянской общины, и мы удивляемся только тому, что, несмотря на всѣ опроверженія исторіи, несмотря на всѣ факты новаго времени, тревожный взглядъ на русскую, кроткую и покорную общину можетъ существовать до сихъ поръ и возбуждать какіе-то непостижимые страхи въ людяхъ, которымъ-бы слѣдовало знать русскую деревню и нравы ея обитателей получше. Поэтому мы не совсѣмъ согласны съ „Голосомъ“, который, вмѣсто обращенія къ разумнымъ доводамъ, вдался въ полемическій задоръ, и вмѣсто опроверженія фактическими доказательствами, дѣлаетъ нападки, никого неубѣждающія.

„Голосъ“ спрашиваетъ: кто уполномочилъ дворянство петербургской губерніи заботиться о крестьянскомъ самоуправленіи, когда крестьяне его объ этомъ не просили? кто далъ петербургскому дворянству право измѣнять законъ и покушаться на перемѣны „Положенія 19-го февраля“, когда на это оно не имѣетъ никакой компетентности? Мы думаемъ, что подобная аргументація нисколько не ведетъ къ уясненію причинъ появленія проекта и

Digitized by Google

у петербургскаго дворянства было ихъ, вѣроятно, больше, чѣмъ предполагаетъ „Голосъ". Еще меньше убѣждаетъ насъ заключеніе передовой статьи, обращающееся къ такимъ формамъ убѣжденія, которыя въ юридическихъ вопросахъ убѣждать никого не могутъ. Можно-ли убѣдить петербургское дворянство отказаться отъ своего проекта напоминаніемъ ему, что вмѣсто того, чтобы чтить дни великаго поста, когда святая церковь, паче всего, призываетъ къ смиренію, терпѣнію и любви, заниматься „любоначаліемъ" и „празднословіемъ", отъ котораго она предостерегаетъ!

Эту слабую сторону нападокъ „Голоса" немедленно подмѣтили „Петербургскія Вѣдомости". Онѣ спрашиваютъ, какое право имѣлъ „Голосъ" клеймить огульно цѣлое сословіе, у котораго если и могутъ быть отдѣльные недостатки, но представителей котораго еще никто не называлъ невѣждами и не заподозрѣвалъ въ старческомъ безсиліи? „Что-же это сдѣлалось съ почтеннымъ редакторомъ? спрашиваютъ „Петербургскія Вѣдомости", — какая муха его укусила, какой гашишъ былъ подмѣшанъ въ его сигару, когда онъ подписывалъ листы, содержавшіе въ себѣ это огульное обвиненіе въ подкапываньи, въ безсиліи, въ невѣденіи и въ отсутствіи взглядовъ?" Такъ-какъ опроверженіе это дѣлается въ фельетонѣ, то, конечно, ему нельзя придавать серьезнаго значенія и можно отмѣтить только какъ полемическій фактъ, но мы тѣмъ болѣе пожалѣемъ, что такой серьезный вопросъ не встрѣтилъ въ нашей журналистикѣ болѣе серьезнаго къ нему отношенія. Мы знаемъ, что въ „Сборникѣ матеріяловъ по крестьянскому дѣлу" помѣщено не мало проектовъ вотчинной полиціи и, слѣдовательно, вопросъ о ней—вопросъ очень не новый; но именно потому, что онъ не новый, мы придаемъ особенное значеніе той живучести, которую онъ обнаруживаетъ и которую онъ, наконецъ, заявилъ въ одновременномъ желаніи разрѣшить его окончательно какъ петербургскимъ земствомъ, такъ и петербургскимъ дворянствомъ. Но возбудить вопросъ въ извѣстномъ направленіи— не значитъ еще порѣшить его окончательно въ томъ-же направленіи. Какъ онъ рѣшится—предусмотрѣть мы не беремся, но, однако, полагаемъ, что духъ земскихъ учрежденій сохранитъ насъ подъ своимъ кровомъ и невыгодное рѣшеніе вопроса о всесословной волости въ пользу той или другой стороны не измѣнитъ ни

Digitized by Google

„Положенія 19-го февраля“, ни тѣхъ началъ, которыя были положены въ основу земскихъ учрежденій и судебной реформы.

Взаключеніе мы опять обратимся къ г. Кристи и сообщимъ ему извѣстіе, которое непремѣнно его опечалитъ. Впрочемъ, мы это дѣлаемъ не для того, чтобы огорчить г. Кристи, но чтобы показать ему, что Творецъ въ своей премудрости надѣлилъ всѣхъ людей одинаковымъ здравымъ смысломъ, а въ нѣкоторыхъ случаяхъ далъ его даже больше женщинамъ, чѣмъ мужчинамъ. У насъ противъ кабаковъ давно уже являются протесты, но пока починъ ихъ принадлежалъ власти: имъ не придавалось особеннаго значенія. Теперь противъ кабаковъ вооружились женщины. Въ прошедшемъ году противъ деревенскаго пьянства возстали бабы одного села гжатскаго уѣзда; теперь-же противъ него вооружились крестьянки череповскаго уѣзда, деревни Ольховы. Но въ этихъ двухъ протестахъ есть существенная, прогресивная разница. Гжатскія бабы пришли простой гурьбой, въ числѣ сорока лицъ, къ мировому судьѣ и подняли вой и крикъ противъ своихъ пьянствующихъ мужей. Череповскія бабы поступили иначе: онѣ составили мірской приговоръ, которымъ протестуютъ противъ приговора крестьянъ, дозволившихъ череповскому мѣщанину Корнилу Люшину открыть въ ихъ деревнѣ кабакъ. У бабъ было возмущено нравственное чувство, потому что Люшинъ самымъ коварнымъ образомъ вкрался въ довѣріе мужиковъ, напоилъ ихъ до-пьяна даромъ и обѣщалъ заплатить на каждую душу по 50 коп. Питейное заведеніе, говорятъ бабы въ своемъ приговорѣ,— приноситъ намъ вредъ и убытокъ, довело насъ до нищеты и разоренія, а мужчины наши распьянствовались до того, что не только пьютъ по праздникамъ и въ воскресенье, но даже и въ будни. „Мы-же и дѣти наши взрослыя, пишутъ бабы въ приговорѣ,—не имѣемъ покоя отъ труда, чтобы пропитать себя и семейства, что и вынудило насъ симъ приговоромъ избрать изъ среды себя крестьянку Матрену Савельеву, которой довѣряемъ ходатайство передъ высшимъ начальствомъ о закрытіи питейнаго заведенія въ нашемъ селеніи, и тѣмъ оказать намъ и нашимъ дѣтямъ великую милость“.

Digitized by Google

КНЯЗЬ БИСМАРКЪ.

(БІОГРАФИЧЕСКІЙ ОЧЕРКЪ.)

XIII.

Война съ Франціей поставила Бисмарка на недосягаемый пьедесталъ въ глазахъ нѣмцевъ. Въ то время, какъ Мольтке приводилъ въ исполненіе стратегическіе планы военной кампаніи, обезпечившіе побѣду за нѣмцами,—Бисмаркъ съ такимъ-же успѣхомъ велъ кампанію дипломатическую. Пока нѣмецкія арміи, по распоряженію Мольтке, осаждали Парижъ и сражались въ сѣверо-западной и центральной Франціи съ французами, Бисмаркъ забавлялъ знаменитость второй имперіи, маршала Базэна, переговорами, которые велъ не менѣе знаменитый Ренье. Въ то-же самое время онъ вызывалъ на бесѣду съ собою въ Ферьеръ министра иностранныхъ дѣлъ правительства четвертаго сентября, Жюля Фавра, и переговаривался съ Тьеромъ. Нейтральныя государства, въ особенности Англія, не избѣгли также его заботливаго вниманія; онъ опасался, что они могутъ вмѣшаться и подать помощь побѣжденной Франціи. Бисмарку незачѣмъ было напоминать о мудромъ правилѣ: ковать желѣзо, пока оно горячо. Въ своей политической и частной дѣятельности онъ всегда придерживался и придерживается этого правила. Бисмаркъ принадлежитъ къ той политической школѣ, которая проповѣдуетъ, что успѣхъ въ такомъ только случаѣ можетъ быть названъ дѣйствительнымъ успѣхомъ, когда онъ доведенъ вполнѣ до конца. Будь Бисмаркъ на мѣстѣ Наполеона III, онъ не остановилъ-бы свои побѣдоносныя войска послѣ побѣды подъ Сольферино и не заключилъ-бы

Digitized by Google

мира съ австрійскимъ императоромъ. Такъ и теперь: разбитіе французской арміи онъ не считалъ еще побѣдой, потому что она могла сформироваться, собраться съ силами и въ свою очередь побѣдить непріятеля. Бисмаркъ могъ счесть успѣхомъ только такое положеніе, когда французская армія была-бы приведена въ рѣшительную невозможность сопротивляться. Къ такому результату онъ и направилъ всѣ свои усилія.

„Кому Германія обязана, что ея войны сопровождались блистательными результатами и ни одинъ изъ завистливыхъ сосѣдей не рѣшился подать руку помощи побѣжденной Франціи? спрашиваетъ одинъ изъ почитателей Бисмарка.—Кто съ необыкновеннымъ искуствомъ съумѣлъ устранить вмѣшательство нейтральныхъ государствъ въ борьбу между Франціей и Германіей? Кто, еще передъ войной, разрушилъ всѣ политическія махинаціи тюльерійскаго двора? Скандинавія и Италія не осмѣлились шевельнуть пальцемъ, потому что одна боялась Россіи, другая страшилась своей-же партіи дѣйствія, сочувствующей Пруссіи... Австрія также не смѣла и думать о какомъ-бы то ни было сопротивленіи... Послѣдняя война была такъ искусно приготовлена, что ея поразительный успѣхъ даже теперь намъ кажется баснословнымъ. Кто заставилъ Германію сдѣлаться, наконецъ, самой собою? Кто указалъ германскому народу, какое необозримое поле онъ можетъ вспахать, какую обильную жатву онъ можетъ снять съ того громаднаго пространства, какое принадлежитъ ему по праву?.. Мы были способны отказаться отъ Эльзаса и Лотарингіи. Мы не смѣли и подумать о разрывѣ съ Франціею, не только-что требовать возврата нашихъ собственныхъ провинцій... Прочтите депеши отъ 13 и 16 сентября 1870 года къ иностраннымъ державамъ. Развѣ до сихъ поръ кто-нибудь рѣшался говорить такимъ гордымъ языкомъ отъ имени Германіи? Въ этой гордости не было ни тщеславія, ни надменности, а только истинное достоинство, съ которымъ нація отдаетъ отчетъ о своихъ обязанностяхъ. Спрашиваемъ еще разъ: кто кромѣ Бисмарка былъ-бы способенъ возстановить германскую имперію? Не должно-ли было для осуществленія этого грандіознаго дѣла выказать поразительную твердость, какъ въ согласіи, такъ и въ отказѣ? Не должно-ли было умѣть ясно различить, когда наступитъ рѣшительный моментъ, умѣть угадывать и оцѣнивать событія, опредѣлить настоящій

Digitized by Google

путь, ведущій къ успѣху, и затѣмъ твердо и рѣшительно добиваться его?"

Въ сентябрьскихъ депешахъ, о которыхъ здѣсь идетъ рѣчь, Бисмаркъ выказалъ, дѣйствительно, замѣчательный талантъ въ дипломатіи. Результаты, ставшіе отчасти послѣдствіемъ этихъ депешъ, въ самомъ дѣлѣ были поразительные. Бонапартистская Франція была уничтожена пушечными выстрѣлами подъ Седаномъ. Наслѣдовавшая ей республиканская Франція не имѣла достаточныхъ силъ къ сопротивленію, такъ-какъ онѣ были парализованы предшествовавшей государственной системой. Франція съ радостью заключила-бы миръ, если-бъ только предложили ей возможныя условія. Она искренно протянула-бы Германіи руку примиренія, но судьба рѣшила иначе. Судьбой, на этотъ разъ, былъ Бисмаркъ, который въ этомъ случаѣ дѣйствовалъ не столько, можетъ быть, по собственному побужденію, сколько подъ давленіемъ такъ-называемой партіи нѣмецкихъ професоровъ, или, лучше сказать, доктринеровъ. Извѣстно, что доктринеры, подобно іезуитамъ, люди безжалостные, способные все принести въ жертву для выгодъ своей партіи. По ихъ убѣжденію, Францію слѣдовало примѣрно наказать. И, какъ ни горько сознаться, Франція заслуживала свое наказаніе; она заслуживала его за Ментану, за мексиканскую экспедицію, за плебисциты, которыми она оправдала государственный переворотъ 2 декабря, которымъ были попраны право и справедливость, который былъ совершенъ для выгодъ нѣсколькихъ авантюристовъ.

Приведемъ важнѣйшіе отрывки изъ этихъ депешъ, которыми характеризуется направленіе, принятое европейской исторіей подъ вліяніемъ нѣмецкаго преобладанія.

„Если мы принуждены продолжать войну, вина въ этомъ не наша. Германскую націю нѣтъ основанія обвинять въ желаніи продлить войну во что-бы то ни стало. Мы вынуждены обезпечить себя матеріяльными гарантіями противъ будущихъ посягательствъ Франціи на нашу страну. Эти гарантіи мы желаемъ получить не отъ временного правительства, но отъ цѣлой французской націи, которая, какъ извѣстно, всегда готова идти противъ насъ, кто-бы ни побудилъ ее къ этому. Доказательствомъ такому предположенію служатъ всѣ наступательныя войны, которыя втеченіи цѣлаго столѣтія Франція вела противъ Германіи.

Digitized by Google

Мы можемъ согласиться на миръ только при условіи, что отъ Франціи будетъ отнята возможность нападать на Германію, имѣя всѣ шансы на своей сторонѣ, какъ это было прежде. Мы можемъ заключить миръ только на условіи, чтобъ границы Франціи были отодвинуты нѣсколько на западъ, и крѣпости, угрожающія теперь спокойствію Германіи, сдѣлались-бы оплотомъ ея противъ Франціи". (*Депеша отъ 13 сентября.*)

„Законъ самозащиты отъ сосѣда, постоянно желающаго нарушать наши права, руководитъ теперь нашимъ поведеніемъ. Какъ нѣмецкія правительства, такъ и нѣмецкій народъ единогласно требуютъ, чтобы въ будущемъ Германія была обезпечена лучшими границами, чѣмъ теперь, чтобы она была ограждена отъ насильственныхъ дѣйствій честолюбиваго сосѣда, жертвой которыхъ она не разъ уже становилась. Всѣ послѣдовательныя правительства Франціи втеченіи многихъ столѣтій постоянно угрожали спокойствію Германіи. До тѣхъ поръ, пока Мэцъ и Страсбургъ будутъ находиться въ рукахъ Франціи, наступательныя силы этой страны будутъ значительно превышать оборонительныя средства Германіи. Въ рукахъ-же Германіи Мэцъ и Страсбургъ будутъ только средствами обороны, но ни въ какомъ случаѣ не угрозой нападенія... При иномъ окончаніи борьбы Франція всегда будетъ страстно желать отмщенія за испытанное пораженіе. Постоянно вызывающая на бой, она не замедлитъ напасть на насъ, какъ только оправится или обезпечитъ себя союзами съ другими державами". (*Депеша отъ 16 сентября.*)

Тщетно Жюль Фавръ доказывалъ Бисмарку, что Мэцъ и Страсбургъ вовсе не такъ страшны для Германіи, иначе нѣмецкія войска ни въ какомъ случаѣ не могли-бы черезъ какія-нибудь шесть недѣль подступить къ стѣнамъ Парижа. Бисмаркъ не хотѣлъ ничего слышать. Напрасно Фавръ представлялъ побѣдителю, что Франція, вынужденная заключить постыдный миръ, сдѣлается заклятымъ врагомъ Германіи, что этотъ миръ будетъ кратковременнымъ перемиріемъ, послѣ котораго возгорится еще болѣе жестокая борьба. Бисмаркъ отвѣтилъ холодно: „Я это знаю",—и прекратилъ переговоры.

Очень возможно, что Бисмаркъ согласился-бы заключить болѣе почетный для Франціи миръ. Была минута, когда въ немъ заговорило великодушіе и жалость къ побѣжденному. Но она скоро

Digitized by Google

прошла. Ему представилось, что нѣмецкіе шовинисты назовутъ его слабымъ, что надъ нимъ станутъ смѣяться, какъ надъ человѣкомъ, котораго способна была разжалобить слезливая рѣчь Жюля Фавра. Мало того, его могли обвинить даже въ трусости и измѣнѣ. При всемъ его умѣ и способностяхъ, Бисмаркъ невольно подчинялся вліянію людей, требовавшихъ примѣрнаго возмездія; онъ не могъ отдѣлаться отъ тщеславной мысли — предписать побѣжденному такія условія мира, какія ему заблагоразсудится. Эгоистичныя побужденія одержали въ немъ верхъ и голосъ справедливости и великодушія не достигъ до его сердца.

Строгая справедливость и простой здравый смыслъ не могутъ довести ни отдѣльнаго человѣка, ни цѣлую націю до энтузіазма. Чтобъ возбудить его, слѣдуетъ прибѣгнуть къ страсти, т. е. къ извѣстной дозѣ безумія. Чтобы понравиться толпѣ, чтобы сдѣлаться идоломъ массы, необходимо поощрять ея ненависть или ея тщеславіе. Бисмаркъ имѣлъ въ рукахъ случай удовлетворить разомъ гордость и чувство отмщенія сорока милліоновъ человѣческихъ существъ. Онъ воспользовался этимъ случаемъ — и его прославили великимъ человѣкомъ, и имя его достигло до Китая, стало извѣстнымъ даже въ степяхъ африканскихъ. Сочтите число тѣхъ, кто преклоняется предъ величіемъ Бисмарка, и сравните съ числомъ, напримѣръ, тѣхъ, которые изумляются генію Киршгофа и Бунзена, открывшихъ спектральный анализъ, и вы увидите, что на милліоны почитателей Бисмарка придутся единицы почитателей геніальнаго открытія, которое принесло пользу цѣлому міру, тогда какъ Бисмаркъ явился скорѣе разрушителемъ, чѣмъ созидателемъ. Таковъ-то умственный и нравственный уровень людей нашего поколѣнія.

Такимъ образомъ, Бисмаркъ, желая слѣдовать требованіямъ общественнаго мнѣнія Германіи, долженъ былъ подавить въ себѣ гуманное чувство, если только оно у него было, и отказаться отъ всякихъ уступокъ побѣжденнымъ французамъ. Онъ разсчиталъ вѣрно. Удовлетворяя жаждѣ нѣмцевъ къ примѣрному отмщенію побѣжденнымъ, Бисмаркъ пріобрѣлъ себѣ массу сторонниковъ и сдѣлался популярнѣйшимъ человѣкомъ въ Германіи. Его знаме-

Digitized by Google

нитыя депеши возбудили энтузіазмъ не только въ лагерѣ шовинистовъ, но и въ большей части Германіи, даже между недавними противниками войны (конечно, не всѣми), выражавшими желаніе, чтобы миръ былъ заключенъ тотчасъ послѣ Седана, т.-е. послѣ пораженія второй имперіи. Газеты, даже враждебныя Пруссіи, какими были нѣкоторыя газеты въ Баваріи, Виртембергѣ и въ другихъ нѣмецкихъ государствахъ, сохранившихъ еще призрачную независимость,—газеты стали твердить о возстановленіи германской имперіи и возложеніи императорскаго вѣнца на голову прусскаго короля. Еще недавно въ Германіи считали величайшей странностью, если кто-нибудь заявлялъ, что корона Гогенштауфеновъ можетъ быть отдана Гогенцолернамъ. Такія слова вызывали пожатія плечъ со стороны слушателей и не удостоивались опроверженія. Нѣмецкая традиція требовала, чтобы корона священной римской имперіи принадлежала всегда дому Габсбурговъ, прямому наслѣднику династіи Гогенштауфеновъ. Теперь даже послѣдователи Уланда, Тика, Редвица и имъ подобныхъ хранителей и объяснителей нѣмецкихъ традицій, мирились съ такой аномаліей, что вѣнецъ строго-католической римской имперіи будетъ предложенъ протестантскому государю. Еще недавно они твердили, что стѣны историческаго Ремера содрогнутся, если въ нихъ вступитъ еретикъ. Теперь они соглашались, что католицизмъ самъ по себѣ, а имперія сама по себѣ, и что нужно прежде всего заботиться о томъ, чтобъ императорская власть находилась въ рукахъ сильнѣйшаго изъ нѣмецкихъ государей.

Національные либералы, сдѣлавшіеся внезапно изъ враговъ почитателями и преданными слугами Бисмарка, явились самыми ревностными пропагандистами предложенія возстановить германскую имперію, провозгласивъ императоромъ прусскаго короля Вильгельма I. Они были господствующей и самой многочисленной партіей въ Германіи, слѣдовательно въ успѣхѣ трудно было сомнѣваться. Единственное серьезное препятствіе могло представиться только со стороны королей баварскаго и виртембергскаго, для которыхъ предлагаемая перемѣна была невыгодна. Бисмаркъ отправилъ въ Мюнхенъ, въ качествѣ своего агента, Дельбрюка, человѣка очень ловкаго, умнаго и вполнѣ ему преданнаго. Людвигъ II, король баварскій, какъ извѣстно, принадлежитъ къ числу самыхъ пылкихъ романтиковъ; дѣйствовать на него было не тру-

Digitized by Google

дно, зная его слабую сторону. Дельбрюкъ воспользовался его увлеченіемъ средними вѣками и сталъ напѣвать ему, что отъ него одного теперь зависитъ возвеличеніе Германіи, возстановленіе ея былого блеска и счастія всего германскаго народа. Молодой король былъ увлеченъ заманчивой картиной, которую постарался нарисовать ему ловкій прусскій дипломатъ. Возстановленіе средневѣковой священной римской имперіи было постоянной мечтой молодого короля. Теперь его увѣряютъ, что отъ него одного зависитъ осуществленіе его любимой идеи. Что значили передъ такимъ результатомъ опасенія потерять то значеніе независимаго государя, которое онъ имѣлъ? Людвигъ II. былъ побѣжденъ доводами Дельбрюка и согласился сдѣлать офиціальное предложеніе отъ имени своего и другихъ германскихъ государей прусскому королю Вильгельму о принятіи имъ императорской германской короны. Послѣ такого рѣшенія, принятаго баварскимъ королемъ, королю виртембергскому оставалось только присоединиться къ нему. Одинъ онъ, разумѣется, не въ состояніи былъ оказать серьезнаго сопротивленія прусскимъ стремленіямъ. Что-же касается прочихъ нѣмецкихъ государей, то одни изъ нихъ уже давно были на сторонѣ Пруссіи, другіе-же были такъ слабы, что не смѣли и думать о протестѣ.

18-го января 1871 года въ версальскомъ дворцѣ Бисмаркъ прочиталъ предложеніе германскихъ государей о принятіи прусскимъ королемъ титула германскаго императора. Умиленный король Вильгельмъ сжалъ въ своихъ объятіяхъ торжествующаго канцлера Сѣверо-германскаго Союза. Собравшіеся здѣсь нѣмецкіе государи крикнули: „ура“ — и германская имперія была возстановлена.

XIV.

Черезъ десять дней послѣ капитуляціи Парижа Бисмаркъ, по представленію Англіи, согласился взять съ Франціи только пять миліардовъ франковъ, по миліарду въ мѣсяцъ военныхъ дѣйствій. Назначая такую громадную сумму, какой до сихъ поръ не платила ни одна нація за военныя издержки, Бисмаркъ былъ убѣжденъ, что Франція будетъ окончательно разорена и очень

Digitized by Google

долго не оправится отъ своего пораженія. Хотя требуемая сумма была чудовищно-велика, съ чѣмъ соглашались рѣшительно всѣ, незаинтересованные прямо ея полученіемъ, между нѣмецкими либералами нашлось много ненасытныхъ корыстолюбцевъ, и они стали громко обвинять Бисмарка въ излишней умѣренности и въ потачкѣ легкомысленной націи, постоянно, систематически старавшейся вредить добродѣтельнымъ нѣмецкимъ бюргерамъ, желающимъ жить въ мирѣ и дружбѣ съ своими сосѣдями. Впослѣдствіи, когда Франція съ изумительной легкостью выполнила тяжкое обязательство, наложенное на нее условіями мира, Бисмаркъ самъ пожалѣлъ о своей будто-бы умѣренности; но во время заключенія мира онъ былъ убѣжденъ, что взять болѣе съ Франціи было невозможно. Во Франкфуртѣ, послѣ подписанія мира, онъ сказалъ: „пока я живъ, надѣюсь, у насъ болѣе не будетъ войны съ Франціей".

Въ игрѣ въ рулетку бываетъ такое исключительное счастіе, что одинъ и тотъ-же номеръ сряду выигрываетъ пять разъ. Счастливецъ въ такомъ случаѣ можетъ сорвать банкъ. Бисмаркъ былъ подобнымъ счастливцемъ въ политической игрѣ: онъ сорвалъ громадной величины банкъ. Благоразумный игрокъ, сорвавъ огромный банкъ, обыкновенно даетъ заклятіе болѣе не играть и сдерживаетъ свое слово. Бисмарку, испытавшему непомѣрное счастіе, слѣдовало сойти съ политической арены въ моментъ ореола блеска и величія. Но государственные люди съ трудомъ отказываются отъ обольстительной перспективы играть первую роль; очень немногіе изъ нихъ, подобно Силлѣ, Діоклетіану и Карлу V, способны во время отказаться отъ власти. Бисмаркъ, повидимому, желалъ отказаться отъ нея; онъ время отъ времени удалялся въ одинъ изъ своихъ сельскихъ замковъ, но всякій разъ снова возвращался къ дѣламъ; онъ и до сихъ поръ еще не отказался отъ обольстительной власти.

Бисмаркъ, по словамъ его біографовъ, возвратился послѣ французской войны въ Берлинъ веселымъ, здоровымъ и счастливымъ, точно онъ совершилъ какую-нибудь увеселительную поѣздку. Онъ былъ главнымъ виновникомъ совершившихся событій, справедливость требовала наградить его блистательно.

Прежде всего онъ получилъ миліонъ талеровъ,—такую-же сумму ему дали за австрійскую кампанію. За присоединеніе Шлезвига

Digitized by Google

и Голштиніи его вознаградили однимъ изъ государственныхъ лѣсовъ, стоимость котораго не менѣе четырехъ миліоновъ талеровъ. Черезъ шесть недѣль послѣ торжественнаго провозглашенія въ Версали германской имперіи Бисмаркъ получилъ титулъ князя и его предписано именовать свѣтлѣйшимъ. Нѣсколько университетовъ, нѣмецкихъ и иностранныхъ, избрали Бисмарка своимъ почетнымъ членомъ, а собраніе нѣмецкихъ юристовъ, къ удивленію всѣхъ, торжественно заявило, что лучшаго юриста, какъ Бисмаркъ, въ свѣтѣ не бывало. Берлинъ назвалъ его своимъ почетнымъ членомъ; гамбургскій сенатъ, назвавъ Бисмарка гражданиномъ своего города, сдѣлалъ его, такимъ образомъ, республиканцемъ. Многіе города назвали именемъ Бисмарка свои главныя улицы. Въ графствѣ Аделаиды, въ южной Австраліи, мѣстные нѣмцы назвали свой клубъ Бисмаркъ-голъ. Тысяча три кофейни въ обоихъ полушаріяхъ помѣстили на своихъ вывѣскахъ имя Бисмарка. То-же сдѣлали нѣкоторыя фабрики, магазины и лавки. Докторъ Арнимъ, конечно непредвидѣвшій, что впослѣдствіи возгорится борьба между главою его фамиліи и Бисмаркомъ, написалъ на фронтонѣ своего дома слѣдующія слова: „да здравствуетъ и процвѣтаетъ король Вильгельмъ—мой герой, и Бисмаркъ—нашъ рыцарь!“ Многіе домовладѣльцы въ Берлинѣ украсили фасадъ своихъ домовъ надписями приблизительно такого содержанія: „когда Бисмаркъ подготовляетъ, когда Вильгельмъ приводитъ въ исполненіе, Богъ находитъ, что это такъ должно быть, что это хорошо“. Въ Познани деревни Бобры, Буды и Цвирцшославъ просили, чтобъ имъ сдѣлали честь, переименовавъ ихъ въ Бисмарксъ-дорфъ, что имъ, конечно, охотно разрѣшили. Въ сѣверной Америкѣ, въ штатахъ Тэхасѣ и Миссури, нѣсколько городовъ получили имя Бисмарка. Въ Парагваѣ по рѣкѣ Паранѣ ходитъ пароходъ, названный Бисмаркомъ. Тамъ-же это имя носятъ нѣсколько барокъ и парусныхъ судовъ, имѣющихъ на своихъ флагахъ такой портретъ Бисмарка, что его скорѣе можно принять за бульдога, а не за человѣка, но тѣмъ не менѣе честь все-таки оказана великому человѣку. Въ Венецуэлѣ въ большомъ ходу подобный-же портретъ Бисмарка, который распродавался тысячами. Замѣчательно, что многіе венецуэльскіе граждане, желая почтить великаго человѣка, назвали его именемъ своихъ любимыхъ собакъ. Каждый городъ имѣетъ свой норовъ, и наив-

Digitized by Google

ные венецуэльцы выказали свое поклоненіе великому человѣку тѣмъ способомъ, какой они находили лучшимъ и болѣе приличнымъ. Фотографы и литографы, воспроизводя портретъ Бисмарка, нажили хорошія деньги. Коричнево-желтая матерія получила имя канцлера германской имперіи. Нѣмцы понадѣлали множество оттѣнковъ этого цвѣта, такъ что теперь уже не одинъ, а нѣсколько цвѣтовъ бисмаркъ. Садовники тоже не захотѣли отставать отъ другихъ: лучшіе сорта розъ, гвоздикъ, піоновъ, георгинъ, гіацинтовъ и другихъ цвѣтовъ удостоились чести носить имя Бисмарка. Его-же именемъ скотоводы назвали лучшихъ племенныхъ быковъ, кабановъ и барановъ. Его имя носятъ даже скромные пѣтухи, какъ обыкновенные, такъ и индѣйскіе. Въ своемъ обожаніи къ Бисмарку нѣмцы обратили его фамилію въ имя и стали давать его своимъ новорожденнымъ сыновьямъ. Въ Италіи даже возникъ процесъ: одинъ католическій патеръ, крестя сына католика-нѣмца, не захотѣлъ дать новорожденному имени Бисмарка, ссылаясь, что въ календарѣ нѣтъ имени такого святого. Одинъ мужественный нѣмецкій патріотъ, въ горѣ, что супруга не хотѣла подарить ему наслѣдника, а рожала постоянно дочерей, назвалъ одну изъ нихъ двойнымъ именемъ: Бисмаркъ-Садова.

Спекуляція отлично воспользовалась именемъ Бисмарка. Купцы прекрасно торговали сукномъ и бархатомъ бисмаркъ. Перья бисмаркъ распродавались миліонами. Одинъ американецъ нажилъ огромныя деньги, продавая ножъ бисмаркъ. Такъ-же хорошо шли спички бисмаркъ. Какой-то чудакъ, сигарный фабрикантъ, продавалъ сигары бисмаркъ непомѣрной величины и страшнаго вѣса, по 130 талеровъ за штуку, и покупатели находились. Одинъ помадный фабрикантъ хотѣлъ-было пустить въ продажу помаду бисмаркъ, но побоялся, чтобъ не сочли это за насмѣшку, такъ-какъ у великаго человѣка на головѣ, какъ извѣстно, всего три волоска или очень немного болѣе.

Оды, поэмы, стихотворенія всякаго рода, прославляющія Бисмарка, являлись сотнями, и не только на нѣмецкомъ, но и на латинскомъ языкахъ. Историческіе и философскіе труды были наполнены описаніемъ его подвиговъ. Его рисовали на холстѣ, высѣкали изъ мрамора; мало того, онъ являлся добрымъ геніемъ въ водевиляхъ, соединяющимъ юнаго, бѣднаго, но храбраго лей-

Digitized by Google

тенанта съ дочерью богатаго собственника. Этимъ водевилямъ берлинская публика горячо аплодировала и не уставала смотрѣть ихъ десятки разъ.

Послѣ побѣды подъ Садовой панегиристы Бисмарка твердили: „Слава графа Бисмарка такъ велика, что она распространяется не только во всей Германіи, но и въ цѣломъ свѣтѣ. Бисмаркъ принадлежитъ всему міру". Такая похвала въ то время казалась нѣсколько преувеличенной, но послѣ Седана и разгрома Франціи нѣмцы сочли и ее недостаточной. Они стали говорить, что Бисмаркъ представляетъ собою цивилизующую силу, что его идеи составляютъ отраженіе судьбы, что будущность націи зависитъ прямо отъ него, что въ его мозгу, какъ въ громадной лабораторіи, подготовляются событія. Бисмарка сдѣлали полубогомъ, существомъ высшимъ; даже прусская полиція стала вѣрить, что Бисмаркъ не отъ міра сего. Въ Тревѣ она заставила разойтись народное собраніе потому, что одинъ изъ ораторовъ позволилъ себѣ сказать: „прежде всего канцлеръ такой-же смертный человѣкъ, какъ и мы всѣ".

За исключеніемъ самыхъ высшихъ сферъ общества, а также крайнихъ демократовъ, все остальное населеніе Германіи стало принадлежать душою и тѣломъ Бисмарку. Обожаніе и преданность къ нему дошли до крайнихъ предѣловъ. Кладерадачъ въ одномъ изъ своихъ нумеровъ помѣстилъ слѣдующую карикатуру: извѣстный всѣмъ нѣмцамъ Шульце (лицо діалоговъ Кладерадача) показываетъ столь-же извѣстному Мюллеру гравюру, на которой канцлеръ изображенъ сидящимъ на Олимпѣ, съ молніей въ рукахъ. Мюллеръ въ радости восклицаетъ: „это онъ! это нашъ! какое удивительное сходство!"

Многія изъ выраженій Бисмарка обратились въ поговорки. Ими нѣмецъ гордится и надоѣдаетъ каждому иностранцу, безпрестанно повторяя ихъ. Приведемъ нѣкоторыя изъ этихъ выраженій:

„Баварецъ—среднее между австрійцемъ и человѣкомъ".

„Скажите своимъ, что Пруссія похожа на фланелевую фуфайку. Сперва она жметъ, а потомъ къ ней привыкаютъ и она носится удобно".

Эти слова были сказаны шлезвигской депутаціи, которая жаловалась на притѣсненія прусскихъ чиновниковъ.

Digitized by Google

Для утѣшенія эльзасцевъ великій человѣкъ сказалъ: „поживите съ нами двѣсти лѣтъ, и тогда придите ко мнѣ и скажите, живется-ли вамъ хорошо или худо“.

Въ другой разъ онъ отвѣтилъ тѣмъ-же эльзасцамъ: „Мы вовсе не желали покорить Эльзасъ, но вы насъ заставили это сдѣлать“.

Эльзасцы жаловались на отягощеніе податями, онъ отвѣчалъ: „Неужели вы думали, господа, что можно было даромъ заслужить честь именоваться пруссаками?“

Эти мудрыя слова приводятъ въ восторгъ даже почтенныхъ членовъ рейстага. Эти господа хохочутъ отъ души, повторяя ихъ. Счастливцы! Они обладаютъ очень веселымъ темпераментомъ!

Поклонникамъ Бисмарка показалось недостаточнымъ представлять его титаномъ, выковавшимъ германскую имперію ударами своего необъятнаго молота въ Дибенѣ, Альзенѣ, Лангензальцѣ, Кисингенѣ, Франкфуртѣ, Садовой, Никольсбургѣ, Седанѣ, Мэцѣ и Версали. Они захотѣли изобразить его образцомъ свѣтскаго человѣка, поражающаго своимъ изяществомъ и элегантными манерами. Одинъ изъ его пылкихъ почитателей выпустилъ въ свѣтъ книгу подъ такимъ чудовищно-длиннымъ заглавіемъ: „Князь Бисмаркъ, какъ свѣтскій человѣкъ; его правила, его сношенія съ свѣтскимъ кругомъ. Путеводитель, помогающій каждому разгадать тайны существованія. Пригодные совѣты для каждаго общественнаго положенія и для жизни въ свѣтѣ. Составлено по указанію самыхъ избранныхъ кружковъ общества, дипломатовъ и членовъ парламента. Изданіе Роберта Брунсвига“.

„Съ помощью этой книги, иронически замѣчаетъ австрійская газета „Presse“,—каждый нѣмецъ легко можетъ сдѣлаться свѣтскимъ человѣкомъ. Строго слѣдуя по стопамъ такого образца, какъ князь Бисмаркъ, ему, безъ сомнѣнія, не трудно будетъ достигнуть степеней извѣстныхъ“.

Такимъ-то образомъ народъ составляетъ свои легенды. Подобно любовнику, снабжающему свою любовницу всевозможными добродѣтелями, народъ надѣляетъ своихъ героевъ самыми противопо-

Digitized by Google

ложными, несовмѣстимыми качествами. Для него мало, что Бисмаркъ разгромилъ двѣ имперіи для того, чтобъ создать третью; ему хочется, чтобъ его герой вмѣстѣ съ тѣмъ былъ любезнѣйшимъ изъ кавалеровъ, прелестно танцующимъ вальсъ, ловко подносящимъ дамамъ оршадъ и мороженое!

Самому Бисмарку не легко достается это поклоненіе. Какъ любимый публикою актеръ, онъ долженъ постоянно играть отлично и какъ можно чаще появляться въ новыхъ роляхъ; а гдѣ взять новыя роли? главное, откуда набрать эфектныхъ ролей? Публика требуетъ эфектовъ; однимъ серьезнымъ и добросовѣстнымъ исполненіемъ ролей ее не удивишь. Жутко приходится великому канцлеру германской имперіи! Ему надо вѣчно обдумывать, чѣмъ-бы развлечь толпу, жадную до зрѣлищъ! Пока еще онъ находитъ подходящія темы; но надолго-ли хватитъ его дѣйствительно изобрѣтательнаго генія? Разъ толпа соскучилась —и обаяніе любимца пропало!

XV.

„Посадимъ Германію въ сѣдло! вскричалъ Бисмаркъ послѣ австрійской войны, желая получить новыя субсидіи отъ парламента. — Вооружимъ Германію, и, ручаюсь вамъ, она заставитъ Францію просить пощады". Бисмаркъ разсчиталъ вѣрно: Франція была поражена и торжествующая Германія сплотилась. Объ одномъ не подумалъ ловкій канцлеръ: онъ, вѣрно, забылъ, что обнаженную шпагу трудно вложить въ ножны. Шпага, по словамъ легенды, такъ-же безпокойна и своенравна, какъ женщина; она убиваетъ своего господина, если онъ бросаетъ ее въ уголъ и забываетъ объ ней. Пруссія, обнаживъ свою шпагу послѣдовательно нѣсколько разъ къ ряду, волей-неволей должна обнажать ее до тѣхъ поръ, пока не потерпитъ сильнаго пораженія. Такъ всегда было до сихъ поръ съ воинственными націями, избалованными легкимъ, поразительнымъ успѣхомъ, такъ должно быть и съ Пруссіей.

Ничего нѣтъ удивительнаго, что тотчасъ-же послѣ французской войны во всей Европѣ стали дѣлаться разныя предположенія о томъ, куда Пруссія обратитъ теперь свой побѣдоносный

Digitized by Google

мечъ. Всѣ съ лихорадочнымъ любопытствомъ прислушивались къ словамъ великаго канцлера и стерегли каждое его движеніе. Куда поведетъ онъ теперь нѣмецкую націю? твердили со всѣхъ сторонъ, и, конечно, отвѣтъ не замедлилъ послѣдовать. Предположеніямъ не было счету. Нѣмцы идутъ туда-то! Нѣмцы намѣрены завладѣть тѣмъ-то! Нѣмцы заключили такой-то союзъ, чтобы спокойнѣе разгромить своего новаго врага, и пр., и пр. Мы не намѣрены сообщать здѣсь всей этой массы самыхъ разнообразныхъ предположеній; остановимся на одномъ, весьма вѣроятномъ, такъ-какъ оно уже осуществилось отчасти.

До сихъ поръ каждая великая европейская держава, сознающая свою силу, стремилась заручиться колоніями въ Азіи, Африкѣ и Новомъ Свѣтѣ. Пруссія захотѣла идти тѣмъ-же путемъ, какимъ до нея шли другіе. Вопросъ заключался только въ томъ, какъ пріобрѣсти колонію, посредствомъ-ли покупки, обмѣна или-же войной? Одни увѣряли, что Бисмаркъ намѣревается послать нѣмецкія войска въ Бразилію, гдѣ уже имѣлась довольно значительная нѣмецкая колонизація. Другіе говорили, что Бисмаркъ намѣренъ завладѣть Анамомъ или Кохинхиной или купить какую-нибудь колонію у Испаніи. Третьи, наконецъ, вѣрили, что Пруссія съ завистью смотритъ на французскую Алжирію и намѣревается вторгнуться въ нее, чрезъ Тунисъ. Четвертые говорили о завоеваніи Гаити и Сан-Доминго. Всѣ эти толки, однакожь, окончились, когда Пруссія купила у Даніи островъ св. Фомы.

Затѣмъ начались безпрерывные протесты германской имперіи противъ Франціи,—протесты, едва неокончившіеся новой войной, какъ впослѣдствіи стало извѣстно изъ процеса Арнима.

Такимъ образомъ, всѣ толки о новой войнѣ оказались невѣрными. Побѣдоносный мечъ Германіи уже четыре года остается безъ дѣла. Страшенъ этотъ мечъ, когда онъ падаетъ на голову врага; но также тяжелъ онъ и опасенъ, когда стоитъ праздно; въ этомъ случаѣ онъ опасенъ уже не для враговъ, а для своего господина. Вооруженный миръ иногда приводитъ къ болѣе худшимъ послѣдствіямъ, чѣмъ самая война. Не менѣе войны вредитъ онъ земледѣлію, промышленности и торговлѣ. Неопредѣленность положенія дѣйствуетъ на-столько угнетательно, что страдающіе отъ нея жаждутъ, чтобъ она, наконецъ, чѣмъ-нибудь разрѣшилась. Но вооруженный миръ можетъ разрѣшиться только

Digitized by Google

сильной войной. Противъ кого обратится германскій мечъ—еще неизвѣстно; но несомнѣнно, что онъ не можетъ долго оставаться въ ножнахъ.

Затруднительность положенія Бисмарка происходитъ оттого, что какъ для Пруссіи, такъ и для Германіи собственно онъ одинъ составляетъ все правительство; прочіе члены министерства не болѣе, какъ подчиненные ему агенты, до которыхъ ни публикѣ, ни журналистикѣ, ни парламенту, повидимому, нѣтъ никакого дѣла. Послѣ австрійской войны въ Пруссіи, а послѣ французской и въ Германіи всѣ знали одного только канцлера великой германской имперіи и съ нимъ однимъ желали имѣть дѣло. Должность канцлера германской имперіи Бисмаркъ учредилъ для себя самъ и соединилъ съ нею такую власть, какой до него, въ силу законовъ, нигдѣ не имѣлъ ни одинъ министръ. Многіе сравниваютъ власть Бисмарка съ властью Руэра, вице-императора второй французской имперіи, какъ его называли. Но между Бисмаркомъ и Руэромъ не можетъ быть проведено никакой паралели. Власть вице-императора не можетъ идти ни въ какое сравненіе съ властью великаго канцлера. Бисмаркъ—самостоятельный владыка, онъ не отвѣтственъ ни передъ кѣмъ, ни передъ чѣмъ, его отвѣтственность передъ императоромъ болѣе призрачная, чѣмъ дѣйствительная. Опираясь на господствующую въ Германіи партію національныхъ либераловъ, слѣпо слѣдующую за нимъ, Бисмаркъ можетъ дѣлать все, что ему угодно. Какое-бы предложеніе ни сдѣлалъ Бисмаркъ, онъ заранѣе можетъ быть убѣжденъ, что оно будетъ принято его союзниками и преданными слугами.

Владыка партіи національныхъ либераловъ, глава германскаго бюргерства, Бисмаркъ вполнѣ самостоятельно распоряжается судьбами второстепенныхъ нѣмецкихъ государствъ. Въ этихъ государствахъ онъ значитъ даже болѣе, чѣмъ самъ императоръ Вильгельмъ, и это вовсе не парадоксъ. Высшей властью, конечно, обладаетъ тотъ, который рѣшаетъ вопросъ о мирѣ и войнѣ. Въ довольно фантастическомъ государственномъ устройствѣ, которое зовется германской имперіей, право рѣшенія вопроса о войнѣ и

Digitized by Google

мирѣ принадлежитъ не германскому императору, какъ, можетъ быть, многіе думаютъ, а союзному совѣту; совѣтъ-же этотъ состоитъ изъ Бисмарка, только одного Бисмарка, потому что нельзя-же считать серьезно членами этого совѣта тѣхъ товарищей Бисмарка, которые засѣдаютъ съ нимъ въ этомъ учрежденіи. Они обыкновенно безпрекословно утверждали все, что предлагалъ имъ могущественный канцлеръ. Сначала они еще присутствовали въ засѣданіяхъ совѣта, но затѣмъ перестали даже появляться въ немъ: они какъ-будто боятся, что кто-нибудь замѣтитъ ихъ существованіе. И дѣйствительно, они достигли своей цѣли: теперь въ Германіи едва-ли кто знаетъ ихъ имена, и когда упоминается слово „союзный совѣтъ", то это значитъ, что дѣло идетъ объ одномъ Бисмаркѣ. Въ послѣднее время слово „совѣтъ" даже вовсе не произносится—его замѣнили выраженіемъ „великій канцлеръ", которое имѣетъ болѣе реальный смыслъ.

Въ одной второразрядной школѣ въ Баваріи учитель объяснялъ ученикамъ, чѣмъ былъ римскій сенатъ. Замѣтя, что его слушатели плохо понимаютъ его, онъ прибѣгнулъ къ сравненію. „Подумайте хорошенько, кто у насъ имѣетъ самую высшую власть". Большинство класса отвѣтило: „Императоръ". Меньшинство-же провозгласило баварскаго короля Людвига.

Учитель нахмурилъ брови и пожалъ плечами—онъ ждалъ другого отвѣта. Ученики поняли, что педагогъ неудовлетворенъ, они стали думать и послѣ нѣкотораго колебанія въ одинъ голосъ закричали: „Бисмаркъ, Бисмаркъ!" Почтенный наставникъ полагалъ, что его питомцы назовутъ рейхстагъ; но изъ устъ дѣтей могла выйти только истина. Въ Германіи рейхстагъ существуетъ только для проформы, какъ украшеніе; онъ не имѣетъ никакой власти; дѣйствительная власть находится въ рукахъ одного великаго канцлера.

Германскій парламентъ—покорный слуга канцлера. При всемъ томъ Бисмаркъ считаетъ его своимъ врагомъ. Несмотря на то, что парламентъ безпрекословно утверждаетъ всякую мѣру, предложенную канцлеромъ, Бисмаркъ не довѣряетъ ему. Не довѣряетъ-же потому, что не довѣряетъ вообще парламентаризму. Чего требуетъ отъ парламента Бисмаркъ—сказать трудно; кажется, онъ хочетъ совершеннаго уничтоженія парламентаризма.

„Мнѣ надоѣлъ этотъ парламентъ, говоритъ Бисмаркъ;—онъ за-

Digitized by Google

сѣдаетъ чуть не цѣлую вѣчность, мнѣ прискучило видѣть изъ сессіи въ сессію одни и тѣ-же лица; этимъ, однакожь, я не хочу сказать, что необходимо слишкомъ часто возобновлять составъ собранія, потому что общіе выборы только безцѣльно волнуютъ страну. Я-бы желалъ уничтожить вознагражденіе, которое получаютъ члены парламента за свои засѣданія. Благодаря этому жалованію парламентъ наполняется агитаторами, которые, безъ копейки въ карманѣ, не имѣя что терять, готовы всегда поддерживать самые нелѣпые, разрушительные проекты, направленные противъ общественной безопасности и порядка. Съ другой стороны, тоже не желательно сдѣлать парламентъ доступнымъ для одного только богатства".

Трудно понять теперь, чего-же желаетъ Бисмаркъ. Въ Германіи дѣйствуютъ обѣ системы парламентаризма: члены рейхстага не получаютъ никакого содержанія; члены прусской палаты депутатовъ получаютъ вознагражденіе, но довольно ничтожное, всего три талера въ день. И рейхстагъ, и ландтагъ одинаково покорны Бисмарку. Чего-же еще нужно ему отъ нихъ? Никакой мудрецъ не разрѣшитъ этой загадки. Еще Гамлетъ замѣтилъ, что на свѣтѣ много есть вещей, которыя не поддаются разрѣшенію самой философіи.

Рейхстагъ—учрежденіе аристократическое и еще болѣе буржуазное; въ него попадаютъ только люди состоятельные, которые имѣютъ средства жить въ Берлинѣ, не получая содержанія изъ государственнаго казначейства. Исключенія весьма рѣдки. Германское правительство, нетерпящее никакихъ исключеній, относится весьма неблагосклонно къ исключеніямъ въ рейхстагѣ. Примѣромъ можетъ служить Бебель. Извѣстный демократъ, Бебель успѣлъ, однакожъ, попасть въ рейхстагъ. И что-же? Почти половину парламентскихъ сессій онъ проводитъ въ тюрьмѣ. Въ Германіи, какъ и вездѣ, не трудно придраться къ человѣку, выступившему на политическую арену. Бебеля обвиняли и какъ литератора, и какъ оратора народныхъ сходокъ. Хотя судъ въ Пруссіи довольно самостоятеленъ, но гдѣ-же и въ чемъ нѣтъ исключеній? Въ Пруссіи есть такія отдѣленія судовъ, гдѣ всегда можно добиться извѣстныхъ уступокъ; дѣло Бебеля обыкновенно разбирается въ томъ городѣ, гдѣ засѣдаетъ уступчивый судъ. Нѣкоторыя формальности, на которыхъ настаивали болѣе

Digitized by Google

независимые суды, здѣсь обыкновенно устранялись и обвиненіе случалось безъ особыхъ затрудненій. Несмотря на всѣ гарантіи безгласности, которыя постоянно даетъ рейхстагъ, въ высшихъ германскихъ сферахъ постоянно толкуютъ о томъ, что надо совершенно нейтрализировать парламентаризмъ, проще сказать—избавиться отъ него. На самомъ дѣлѣ парламентаризмъ вполнѣ нейтрализированъ въ Германіи. Онъ давно уже обратился въ простую говорильню, гдѣ люди болтаютъ отъ нечего дѣлать. Засѣданія рейхстага очень короткія, рѣчи его ораторовъ длинны, безконечно длинны; на обсужденіе каждаго вопроса употребляется очень много времени; кончается сессія—и результатомъ ея была одна пустая болтовня, такъ-какъ безконечныя пренія членовъ между собою не оставляли времени для серьезнаго занятія дѣлами. Между тѣмъ искусное правительство, подъ шумокъ этой праздной болтовни, дѣлаетъ свое дѣло, не спрашиваясь никого, и направляетъ политику по своему произволу. Избиратели очень мало заботятся о томъ, чѣмъ занимаются ихъ представители. Выбирая ихъ, избиратели требуютъ отъ нихъ только одного—чтобъ они поддерживали Бисмарка. Ну, а отсюда естественный выводъ, что члены рейхстага не болѣе, какъ простые солдаты великаго канцлера германской имперіи.

Казалось-бы, что при такой системѣ гораздо проще совершенно отказаться отъ рейхстага, но духъ времени препятствуетъ этому. Наконецъ, рейхстагъ, безусловно соглашающійся на все, чего желаетъ правительство,—самое безобидное и полезное для Бисмарка учрежденіе. Удачу и успѣхъ правительство обыкновенно приписываетъ исключительно себѣ; неудачи-же, недоразумѣнія сваливаетъ на рейхстагъ. „Мы-бы желали сдѣлать то и то, говоритъ правительство,—но мы обязаны подчиняться волѣ представителей націй“. Для людей съ характеромъ и стремленіями Бисмарка такая система скорѣе находка, чѣмъ помѣха.

Германскій рейхстагъ давно уже утратилъ моральное вліяніе на страну. Прусскій ландтагъ пользуется нѣсколько большей самостоятельностью, но господствующая въ немъ партія національныхъ либераловъ, душой и тѣломъ преданная Бисмарку, при всякомъ случаѣ, когда это бываетъ угодно всесильному канцлеру, охотно жертвуетъ своей самостоятельностью въ его пользу. Вотъ что, напримѣръ, пишутъ въ самомъ видномъ органѣ пар-

Digitized by Google

тіи національныхъ либераловъ, въ журналѣ „Jm neuen Reich“:

„Что касается учрежденія, нѣкогда очень популярнаго у насъ,— суда присяжныхъ,—учрежденія, которое фигурировало во всѣхъ нашихъ либеральныхъ програмахъ съ 1848 года, мы должны сознаться, что находимъ его теперь слишкомъ французскимъ. Оно возбуждаетъ наши сомнѣнія и мы готовы отказаться отъ него... Намъ, можетъ быть, скажутъ, что тогда мы совершенно подчинимся сильнѣйшей реакціи. Мы не можемъ отвергать этого абсолютно. Мы сами допускаемъ, въ извѣстной степени, необходимость сдержанности, однакожь не допустимъ нарушенія нашихъ законныхъ правъ и всегда останемся чистыми либералами“.

Переводя на обыкновенный языкъ слово „либерализмъ“, какъ его понимаютъ національные либералы, придется сказать, что нѣмецкіе либералы стоятъ теперь за прозвище, а не за сущность, такъ-какъ сущность они давно уже утратили. Они доказали это во время преній по вопросамъ о свободѣ прессы и сходокъ. Стоило только замѣтить имъ, что правительство не станетъ трогать ихъ собраній, а обратитъ репресивныя мѣры только противъ революціонеровъ и клерикаловъ, національные либералы безпрекословно утвердили предлагаемыя мѣры.

Рейхстагъ ни въ какомъ случаѣ не имѣетъ права считать себя представителемъ германской націи. Впрочемъ, онъ, повидимому, и не заботится о томъ, какъ думаютъ о немъ избиратели. Большая часть его членовъ не считаетъ даже нужнымъ являться на засѣданія палаты; нерѣдко случается, что президентъ откладываетъ рѣшеніе предложенія только потому, что въ рейхстагѣ нѣтъ законнаго числа депутатовъ, при которомъ засѣданіе считается состоявшимся. Публика также неохотно приходитъ слушать пренія своихъ представителей; галереи, отведенныя для публики, почти всегда остаются пустыми; онѣ наполняются только въ тѣ дни, когда заранѣе извѣстно, что самъ Бисмаркъ произнесетъ рѣчь. Между депутатами рейхстага очень мало хорошихъ ораторовъ, да и тѣ почти всегда молчатъ, находя почему-то неудобнымъ говорить гласно и подвергать свои рѣчи суду публики и журналистики. Они предпочитаютъ высказывать свои мысли въ спеціальныхъ комисіяхъ, которыя безпрестанно составляются въ рейхстагѣ, даже по маловажнымъ вопросамъ. Почему-же депутаты рейхстага предпочитаютъ пренія въ комисіяхъ гласному

Digitized by Google

обсужденію вопроса въ рейхстагѣ? А потому, видите-ли, что въ комисіяхъ, по ихъ словамъ, несравненно покойнѣе и удобнѣе обсуждать дѣло. Къ тому-же тамъ можно прямо сноситься съ министрами, получая отъ нихъ необходимые указанія и совѣты, сидѣть рядомъ съ министромъ вѣроисповѣданій Фалькомъ, обмѣняться каламбуромъ съ министромъ юстиціи Леонгардомъ и — о, великая честь!—предложить сигару самому канцлеру. Но откроемъ оборотную сторону медали. Члены рейхстага не желаютъ передавать своихъ мнѣній на обсужденіе непосвященной публики; министерство, въ свою очередь, не желаетъ посвящать членовъ рейхстага въ свои предположенія. Отъ этого и выходитъ, что правительство никогда не совѣщается съ рейхстагомъ; оно поступаетъ во всѣхъ дѣлахъ какъ ему заблагоразсудится, исходя изъ того предположенія, что ему самому лучше знать, что полезно и практично для страны; оно прямо заявляетъ, что совершенно излишніе переговоры съ рейхстагомъ только напрасно затягиваютъ ходъ дѣлъ. Понятно, если рейхстагъ вовсе не думаетъ о народѣ, ему, этому народу, нѣтъ основанія заботиться о рейхстагѣ. Какъ рейхстагъ очень мало интересуется свободой и благосостояніемъ націи, такъ и нація относится совершенно холодно къ рейхстагу. Такое положеніе намъ кажется вполнѣ естественнымъ, хотя оно возмущаетъ многихъ нѣмецкихъ либераловъ. „Ужасно! говорятъ они.—Попробуйте поговорить съ дворникомъ вашего дома, съ писцомъ банкирской конторы или съ какимъ-нибудь мелкимъ лавочникомъ, и вы убѣдитесь, что эти нѣмецкіе граждане разскажутъ вамъ съ большими подробностями о засѣданіяхъ версальскаго національнаго собранія, но не въ состояніи будутъ ни слова сообщить о томъ, что происходитъ въ рейхстагѣ, національномъ собраніи германской имперіи. Не правда-ли, это скандально, непатріотично?“

Кого-же винить за такое дѣйствительно странное отношеніе нѣмецкаго народа къ своимъ избирателямъ, въ особенности если вспомнить, что именно для достиженія выборнаго нѣмецкаго парламента въ 1848 году нѣмцы пролили много своей-же нѣмецкой крови? Тогда професора, собравшіеся во Франкфуртѣ, произнесли массу краснорѣчивыхъ рѣчей на тему о необходимости учрежденія нѣмецкаго парламента, члены котораго будутъ избираться всеобщей подачей голосовъ. Теперь Бисмаркъ далъ нѣмцамъ же-

Digitized by Google

ланный парламентъ, а нѣмцы не хотятъ знать его; они выказываютъ къ нему презрѣніе и, во всякомъ случаѣ, полное равнодушіе. Что это значитъ? Мы не станемъ обвинять нѣмцевъ, какъ дѣлаютъ ихъ враги, въ томъ, что они неспособны къ парламентаризму. Нѣтъ, они способны, какъ и всякая другая нація. Ихъ равнодушіе къ представительнымъ учрежденіямъ объясняется скорѣе всего увлеченіемъ славою и воинственностью, вызванными поразительными успѣхами, какихъ добились они. Эти успѣхи превзошли ихъ самыя пылкія мечты и ожиданія и они до сихъ поръ еще находятся въ чаду. Что-же касается самого рейхстага, то его бездѣятельность болѣе всего зависитъ отъ неудачнаго состава. При настоящемъ составѣ рейхстагъ является покорнымъ слугою канцлера; въ немъ слишкомъ ничтоженъ опозиціонный элементъ.

При всей своей безобидности рейхстагъ позволяетъ себѣ иногда спорить со всемогущимъ канцлеромъ и отвергать его предложенія. Бисмаркъ, однакожь, не такой человѣкъ, чтобы могъ обращать вниманіе на опозицію людей, неимѣющихъ подъ ногами почвы и неспособныхъ оказать серьезное сопротивленіе. Противъ ихъ брюзжанія у него есть очень вѣрное средство: онъ начинаетъ грозить, что отстранится отъ дѣлъ,—и возникшее затрудненіе немедленно улаживается. Болѣе серьезную опозицію рейхстагъ выказалъ по вопросу о военномъ бюджетѣ, который въ былое время постоянно служилъ яблокомъ раздора между Бисмаркомъ и прусской палатой депутатовъ. Роонъ и Мольтке, какъ люди вполнѣ военные, постоянно заботятся о томъ, чтобъ имѣть въ готовности могущественныя средства для военныхъ дѣйствій. Они представили на учрежденіе рейхстага усиленный военный бюджетъ и требовали, чтобъ онъ былъ утвержденъ безъ измѣненія впередъ на нѣсколько лѣтъ. Рейхстагъ воспротивился. Императоръ Вильгельмъ, недовольный, что возобновился старый споръ между парламентомъ и министерствомъ, высказалъ свое удивленіе, какъ это Бисмаркъ, обладая громадною властью, допустилъ такую рѣшительную опозицію со стороны рейхстага. Упрекъ такъ сильно подѣйствовалъ на впечатлительнаго канцлера, что онъ немедленно почувствовалъ возвращеніе первыхъ припадковъ и для излеченія удалился въ свое имѣніе Варцинъ. Онъ сидѣлъ тамъ до тѣхъ поръ, не входя ни въ какія соглашенія,

Digitized by Google

не дѣлая никакихъ уступокъ, пока рейхстагъ не принесъ повинной. Военный бюджетъ снова былъ отданъ на разсмотрѣніе рейхстага; онъ поспѣшилъ какъ можно скорѣе кончить дѣло и утвердилъ бюджетъ, согласно предложенію министерства, на нѣсколько лѣтъ впередъ. Такимъ утвержденіемъ рейхстагъ, очевидно для всѣхъ, показалъ свою ненужность. Спрашивается, имѣетъ-ли теперь какой-нибудь смыслъ дальнѣйшее существованіе рейхстага? Если онъ утвердилъ расходы на нѣсколько лѣтъ впередъ, то для какой-же надобности онъ будетъ собираться въ тѣ годы, когда на немъ не будетъ лежать главнѣйшей его обязанности— разсмотрѣнія государственнаго бюджета?

Скучно слѣдить за послѣдовательными спорами Бисмарка съ парламентаризмомъ. Мы не будемъ утомлять читателя мелкими подробностями борьбы, которую велъ парламентъ за свою призрачную независимость,—борьбы, въ которой онъ постоянно терпѣлъ пораженіе, а канцлеръ получалъ все большее и большее значеніе и унижалъ парламентаризмъ во мнѣніи нѣмецкой публики. Замѣтимъ только, что Бисмаркъ, во имя государственной необходимости, окончательно оставилъ своихъ прежнихъ друзей и союзниковъ и перешелъ на сторону своихъ бывшихъ враговъ— національныхъ либераловъ. Либеральные нѣмцы радуются этому и говорятъ, что такой переворотъ въ убѣжденіяхъ канцлера дѣлаетъ честь, какъ ему, такъ и національнымъ либераламъ. Еслибы дѣло шло объ одномъ Бисмаркѣ, то еще можно-бы воздать ему честь за перемѣну убѣжденій въ виду государственной пользы; но за что слѣдуетъ хвалить національныхъ либераловъ—мы рѣшительно не понимаемъ. Самъ Бисмаркъ любитъ хвастаться своимъ либерализмомъ и часто сравниваетъ себя съ бордоскимъ виномъ, которое, старѣясь, постоянно улучшается. Бисмаркъ окончательно разошелся съ феодальной партіей въ вопросѣ о преобразованіи округовъ, и она считаетъ его теперь своимъ злѣйшимъ врагомъ. Разойдясь съ феодалами, Бисмаркъ тѣсно и на-столько искренно, на-сколько это для него возможно, примкнулъ къ партіи національныхъ либераловъ.

Существуетъ мнѣніе, что каждый государственный человѣкъ бываетъ принужденъ, рано или поздно, вступать въ борьбу съ тѣми самыми партіями, съ которыми онъ былъ связанъ въ началѣ своей карьеры, и нападать на тѣ мнѣнія, которыя онъ тог-

Digitized by Google

да самъ исповѣдывалъ. Такимъ образомъ, консерватору приходится дѣлаться либераломъ, и наоборотъ. Можетъ быть, это и правда!

XVI.

Нѣмецкіе либералы, для доказательства искренности либерализма князя Бисмарка, обыкновенно выставляютъ борьбу его съ католическимъ ультрамонтанствомъ. Почитатели его считаютъ эту борьбу самымъ величайшимъ событіемъ въ его государственной дѣятельности.

Послѣ страшнаго возбужденія, какое вызываетъ обыкновенно значительная иностранная война, необходимо во что-бы то ни стало занять чѣмъ-нибудь разгоряченные умы. Народъ обыкновенно болѣе всего возбужденъ двумя страстями: славой и свободой, внѣшнимъ господствомъ и внутренней независимостью. Моралисты и историки, знакомые съ національной психологіей, утверждаютъ, что нѣтъ никакой возможности удовлетворить обѣ эти страсти разомъ. Лучше сказать, онѣ удовлетворяются одна на счетъ другой. Народъ, обыкновенно мало разсуждающій, напротивъ, убѣжденъ, что эти обѣ страсти легко совмѣстимы между собой. Онъ думаетъ такъ потому, что отдается весь, не разсуждая, отдѣльно каждой изъ этихъ страстей. Ловкій государственный человѣкъ долженъ постоянно лавировать такъ, чтобы простаки не замѣчали, что слава достается большею частью путемъ ограниченія свободы, и, наоборотъ, при желаніи усиленія свободы слѣдуетъ отказаться отъ стремленія пріобрѣсти славу. Конечно, это почти никогда не удается вполнѣ, но временно можно заставить народъ думать, что онъ обладаетъ и славой, и свободой. Произведя государственный переворотъ, Наполеонъ III объявилъ, что „имперія есть миръ“. Подъ этими словами подразумѣвалось расширеніе общественной свободы. Мы не станемъ разбирать, говорилъ-ли искренно Наполеонъ III и вѣрилъ-ли онъ самъ осуществленію своего обѣщанія; скажемъ только, что онъ давалъ обѣщаніе, котораго невозможно было выполнить. Нельзя управлять, опираясь въ одно и то-же время на государственный переворотъ и на общественную свободу. И дѣйствительно, вскорѣ

Digitized by Google

послѣ захвата власти Наполеонъ III, для своей личной безопасности, вынужденъ былъ броситься въ крымскую войну, затѣмъ въ войну съ Китаемъ, въ войну съ Австріей, въ войну съ Кохинхиной, въ войну съ Мексикой. Плачевный исходъ послѣдней экспедиціи принудилъ его схватиться за либерализмъ, какъ утопающій хватается за соломенку. Либеральное управленіе — либеральное, конечно, только по имени—продолжалось недолго, всего шесть мѣсяцевъ; оно привело къ большимъ затрудненіямъ; правительство не пріобрѣло силы, какой искало, народъ не получилъ свободы, на которую надѣялся. Да и могло-ли быть иначе, когда развращенная бонапартистская администрація, вышедшая изъ государственнаго переворота, оставалась на своихъ мѣстахъ? Чтобы выйти изъ новыхъ затрудненій, Наполеонъ III принужденъ былъ броситься въ самое нелѣпое предпріятіе своего царствованія—въ войну съ Германіей. Онъ зналъ очень хорошо, что эта война могла погубить Францію, но разсчитывалъ, что какая-нибудь счастливая случайность спасетъ созданную имъ вторую имперію, проще—его собственную династію.

Бисмаркъ, конечно, находится въ нѣсколько иномъ положеніи, чѣмъ находился Наполеонъ III. Но и онъ фатально былъ вынужденъ вести Пруссію путемъ приключеній. Послѣдняя рѣшительная побѣда нисколько не измѣнила положенія дѣлъ; потребность занять раздраженные умы нѣмецкой націи нисколько не уменьшилась; напротивъ, жажда къ завоеваніямъ у нѣмцевъ еще болѣе усилилась. Бисмаркъ и Мольтке сами признаются, что они вынуждены требовать у націи новыхъ пожертвованій для усиленія арміи и оборонительныхъ (читай: наступательныхъ!) средствъ страны, такъ-какъ война неизбѣжна. Они говорятъ, что Пруссія развѣ только черезъ 50 лѣтъ въ состояніи будетъ успокоиться, укрѣпивъ за собою всѣ свои завоеванія. Эти краснорѣчивыя рѣчи двухъ самыхъ популярныхъ въ настоящее время людей Германіи не только не успокоиваютъ обще-нѣмецкаго раздраженія, но еще болѣе возбуждаютъ его. Притомъ не надо забывать, что народы, какъ дѣти, не могутъ удовольствоваться перспективой развлеченій, которыя имъ предстоятъ въ будущемъ. Они требуютъ, чтобъ имъ дали забаву сейчасъ. Итакъ, надо во что-бы то ни стало развлечь нѣмецкій народъ. Но чѣмъ? Расширить-ли его свободу? Дать-ли ему экономическія реформы? До француз-

Digitized by Google

ской войны Бисмаркъ готовъ былъ дать и то, и другое, но теперь, когда онъ находится на верху славы и торжества, онъ думаетъ, что можно обойтись и безъ этой роскоши. Компактные полки національныхъ либераловъ помогли ему поразить феодаловъ. Чего-же болѣе? Развѣ новый законъ объ управленіи округами не составляетъ огромнаго шага по пути либерализма? Поражая феодаловъ въ угоду національнымъ либераламъ, Бисмаркъ въ вопросѣ объ управленіи округами едва не разошелся окончательно съ своимъ королемъ Вильгельмомъ. Новый законъ объ управленіи округами ограничиваетъ права провинціяльнаго дворянства, отнимая отъ него завѣдываніе волостнымъ судомъ и волостной полиціей. Законъ значительнымъ большинствомъ прошелъ въ палатѣ депутатовъ, но встрѣтилъ сильную опозицію въ палатѣ господъ. Побороть эту опозицію можно было только назначеніемъ новыхъ пэровъ изъ среды буржуазіи. Король Вильгельмъ сперва не хотѣлъ подписать списокъ, представленный ему Бисмаркомъ. Однакожь, доводы канцлера взяли верхъ надъ сомнѣніями короля и онъ подписалъ приказъ о назначеніи новыхъ пэровъ. Новые члены палаты господъ принадлежали къ національно-либеральной партіи; они подали свои голоса за правительственное предложеніе. Такимъ образомъ составилось незначительное большинство въ пользу новаго закона и онъ былъ принятъ.

На этотъ разъ Бисмарку удалось восторжествовать надъ сомнѣніями короля; однакожь, король все-таки остался не совсѣмъ доволенъ поведеніемъ канцлера въ этомъ щекотливомъ дѣлѣ Другой подобный случай можетъ привести къ совершенному охлажденію. Съ этихъ поръ Бисмаркъ старается избѣжать такихъ вопросовъ, которые могутъ затрогивать личныя симпатіи короля. Поэтому, когда либералы стали настаивать на необходимости ослабить вліяніе клерикальной протестантской партіи, Бисмаркъ согласился принять только самую ничтожную часть ихъ предложеній. Королевская фамилія горячо предана лютеранству; нападая прямо на лютеранъ-клерикаловъ, Бисмаркъ могъ встрѣтить противодѣйствіе не только со стороны феодаловъ и клерикаловъ, но и со стороны короля. Отказать совсѣмъ своимъ союзникамъ ему не хотѣлось. Онъ умѣлъ угодить имъ, не затрогивая прямо интересовъ клерикальной партіи. Правда, вся реформа ограничилась смѣной нѣсколькихъ стариковъ и замѣщеніемъ ихъ

Digitized by Google

людьми болѣе молодыми, но либералы были и тѣмъ довольны: ихъ предложеніе, по крайней мѣрѣ, не было совсѣмъ отвергнуто. Угождая, такимъ образомъ, симпатіямъ короля, Бисмаркъ въ то-же время желалъ уладить дѣло съ либералами такъ, чтобъ они не имѣли повода ворчать. Онъ обратилъ ихъ вниманіе на католическое ультрамонтанство и обѣщалъ имъ, что въ вопросѣ объ уничтоженіи его онъ пойдетъ съ ними рука объ руку до послѣдней крайности. Онъ разсчиталъ вѣрно. Въ борьбѣ съ ультрамонтанствомъ на его сторону встали либеральные католики и ревностные лютеране, принадлежащіе къ феодальной партіи. Что-же касается бюргеровъ и вообще членовъ національно-либеральной партіи, они съ восторгомъ приняли предложеніе Бисмарка и объявили ему, что теперь онъ можетъ вполнѣ разсчитывать на нихъ.

Однакожь, еще такъ недавно католики стояли на сторонѣ Бисмарка. Во время войны съ Франціей папство держало сторону еретической Германіи. Чтобы понять причину такой странной непослѣдовательности, въ которой трудно обвинять іезуитовъ, подъ вліяніемъ которыхъ находится папство, необходимо припомнить себѣ движеніе римскаго вопроса съ того момента, какъ Наполеонъ III явился съ вспомогательными французскими войсками въ Италію, для оказанія помощи королю Виктору-Эмануилу противъ австрійцевъ. Заключая союзъ съ итальянскимъ королемъ, Наполеонъ III шопотомъ сказалъ: „Папѣ довольно будетъ Ватикана и окружающихъ его садовъ“. Какъ ни тихо были произнесены эти слова, они дошли до слуха тѣхъ, кому знать о нихъ не слѣдовало. Клерикальная католическая ненависть—самая ужасная изъ всѣхъ ненавистей. Своими неосторожными словами Наполеонъ III навлекъ на себя ненависть католическаго патера; впослѣдствіи онъ горько раскаялся въ своей неосторожности, но было уже поздно.

Желая сколько-нибудь умилостивить клерикаловъ, Наполеонъ рѣшился остановить движеніе Италіи къ объединенію, которое, по его мнѣнію, шло быстрѣе, чѣмъ-бы слѣдовало. Онъ объявилъ, что

Digitized by Google

не позволитъ Италіи завладѣть Римомъ, и для защиты папы отъ нападенія патріотовъ, подъ начальствомъ Гарибальди, послалъ въ Римъ вспомогательный французскій корпусъ, который разбилъ подъ Монтаной гарибальдійцевъ. Наполеонъ III ошибся, полагая, что этой помощью онъ привлечетъ къ себѣ клерикаловъ. По ихъ понятіямъ, грѣхъ Наполеона III былъ такъ великъ, что его нельзя замолить втеченіи цѣлаго столѣтія. Шутка-ли! онъ ограничилъ бюджетъ святого отца, способствовалъ отнятію у священнаго престола лучшихъ его провинцій! Видя, что власть его ослабѣваетъ, Наполеонъ III дѣлалъ клерикаламъ уступку за уступкой; они принимали эти уступки и тотчасъ-же требовали другихъ, болѣе тяжкихъ. Было очевидно, что они могутъ удовольствоваться только возвращеніемъ папскому престолу прежнихъ его владѣній, чего сдѣлать было невозможно, такъ-какъ Италія рѣшительно не хотѣла разъединяться и нападеніе на нее могло-бы вызвать страшную народную войну.

Клерикалы теперь жалѣютъ, что они не поддержали Наполеона III и дали ему погибнуть. Но въ то время, какъ онъ терпѣлъ пораженіе за пораженіемъ, они радовались отъ души. Все итальянское духовенство, во время войны Германіи съ Франціей, держало сторону нѣмцевъ. Папская газета „Buon Senso“ увѣряла своихъ читателей, что король Вильгельмъ вооружился для защиты справедливости и истины. Теперь намъ кажется невѣроятнымъ тогдашнее увлеченіе римскихъ клерикаловъ, но оно легко объясняется тѣмъ, что Бисмаркъ съумѣлъ ловко намекнуть въ Римѣ, что послѣ разгромленія Франціи онъ постарается разрушить дѣло нечестивцевъ и возвратить святому отцу его прежнія владѣнія и прежнее значеніе, какъ независимаго государя. „Buon Senso“ въ своемъ увлеченіи пустилась доказывать права лютеранъ Гогенцолерновъ на корону священной р мской имперіи, въ ущербъ Габсбургамъ, самымъ ревностнымъ католикамъ. Мало того, выражая сожалѣніе, что король Вильгельмъ держится лютеранской ереси, клерикальная газета утѣшала ревностныхъ католиковъ, что ходитъ слухъ, будто-бы увѣнчанный лаврами, добродѣтельный прусскій король, послѣ одержанія окончательной побѣды надъ Франціей, пріѣдетъ въ Римъ и здѣсь, съ благословенія святого отца, отречется отъ своей ереси и возвратится въ лоно правовѣрія. Въ этой газетѣ со-

Digitized by Google

общалось далѣе, что для переговоровъ по этому предмету король Вильгельмъ прислалъ въ Римъ архіепископа Ледоховскаго.

Когда король Вильгельмъ былъ объявленъ германскимъ императоромъ, папа прислалъ ему торжественное поздравленіе. Въ этотъ день императоръ принималъ депутацію отъ мальтійскихъ кавалеровъ. Во время аудіенціи онъ, на ихъ просьбу о защитѣ нарушенныхъ правъ папы, намекнулъ, что готовъ оказать помощь святому отцу, если представится къ тому какая-нибудь возможность.

И какъ теперь все перемѣнилось! Та-же самая „Buon Senso" съ комическимъ остервененіемъ нападаетъ на „коварнаго" канцлера германской имперіи, призываетъ на него громы небесные, называетъ „грабителемъ Франціи" и прочая, и прочая...

Нѣмецкіе католики, съ которыми вступилъ въ борьбу Бисмаркъ, во время французской войны были его вѣрными союзниками. Самъ Ледоховскій, теперь злѣйшій врагъ канцлера, во время войны говорилъ проповѣди, въ которыхъ называлъ прусскаго короля защитникомъ католицизма и покровителемъ святого престола. Другой врагъ Бисмарка, архіепископъ Кетлеръ, тотчасъ послѣ войны съ Франціей издалъ брошюру, озаглавленную: „Католики германской имперіи", въ которой свидѣтельствовалъ, что нѣмецкіе католики болѣе всего желаютъ теперь объединенія всѣхъ нѣмецкихъ народностей подъ гегемоніей Пруссіи, даже съ исключеніемъ изъ нѣмецкаго союза Австріи.

Всѣ эти факты ясно показываютъ, что передъ началомъ борьбы Бисмарка съ католической нѣмецкой партіей нѣмецкіе католики ничѣмъ не заявляли своего противодѣйствія ни новой германской имперіи, ни прусскому преобладанію, ни самому канцлеру.

Невозможность занять ничѣмъ другимъ нѣмецкій народъ побудила Бисмарка начать борьбу противъ католическаго клерикализма. Слѣдующая глава будетъ посвящена описанію хода этой борьбы.

Эли Триго.

(*Окончаніе въ слѣд. книжкѣ.*)

Digitized by Google

НОВЫЯ КНИГИ.

Театральный альманахъ на 1875 годъ. Составилъ А. Соколовъ (Театральный нигилистъ). С.-Петербургъ, 1875 г.

Новый трудъ г. А. Соколова очень разуменъ по цѣли и если-бы въ немъ не было ошибокъ, неизбѣжныхъ, впрочемъ, въ каждомъ новомъ дѣлѣ, то его можно-бы смѣло рекомендовать всѣмъ, кто смотритъ серьезно на театральное дѣло въ Россіи, кто видитъ въ театрѣ не одно искуство для искуства, не одну пустую забаву, а народную школу. «Театръ—народная школа»,—въ этихъ словахъ Екатерины II есть много правды, и потому желательно, чтобы на это дѣло было обращено самое серьезное вниманіе, чтобы это дѣло не сводилось на простое паясничество, на представленія разныхъ пошлостей въ родѣ «Фаустовъ на изнанку» и «Зеленыхъ островов», которые могутъ только развращать нравственность и вкусъ народа, не имѣя въ себѣ ни серьезныхъ цѣлей, ни здравыхъ взглядовъ. Чтобы понять вполнѣ ясно всю степень виновности этихъ заботящихся только о барышахъ поставщиковъ «Фаустовъ на изнанку» и «Зеленыхъ островов», нужно знать степень значенія театра для народныхъ массъ. Г. А. Соколовъ совершенно вѣрно замѣчаетъ, что «громадное значеніе театра, какъ воспитательнаго средства, уже давно всѣми признано, и доказывать это значеніе врядъ-ли приходится. Достаточно, мнѣ кажется, привести слова Шиллера, чтобы значеніе это явилось вполнѣ опредѣленнымъ. «Театръ, говоритъ поэтъ,—это каналъ, посредствомъ котораго льется непосредственно въ народныя массы то, что вырабатываютъ наука и знанія». Точнѣе этого, опредѣленнѣе этого ничего сказать нельзя, и мы ограничимся только этимъ опредѣленіемъ и не будемъ цитировать другихъ авторовъ,

Digitized by Google

точно также много говорившихъ о важномъ значеніи театра и видѣвшихъ въ немъ «народные университеты». Нечего и говорить, какие вы были-бы университеты, гдѣ, вмѣсто серьезныхъ свѣдѣній, читались-бы трактаты Дебэ или романы Понсонъ-дю-Терайля. А между тѣмъ поставщики «Фаустовъ на изнанку» и «Зеленыхъ островов» хотятъ превратить театры именно въ такіе университеты. Г. А. Соколовъ старается смотрѣть въ своей книгѣ на театральное дѣло съ этой серьезной точки зрѣнія и, надо отдать ему полную справедливость, во всемъ своемъ трудѣ онъ стремится быть вѣрнымъ этой точкѣ зрѣнія. Задача, которую онъ взялъ на себя, далеко не легкая. Онъ говоритъ въ предисловіи: «Цѣль нашего изданія двоякая: во-первыхъ, познакомить читателя съ исторіей и современнымъ состояніемъ театра въ Россіи, а затѣмъ и заграницею; во-вторыхъ, стать посредникомъ между антрепренерами и актерами, дабы первые знали, кого они къ себѣ ангажируютъ, а послѣдніе знали, къ кому ѣдутъ. Вторая цѣль не такъ легка для достиженія, требуетъ громадныхъ средствъ и свѣдущихъ въ дѣлѣ искуства кореспондентовъ, тщательной провѣрки и самаго осторожнаго отношенія къ сообщеніямъ. Въ настоящемъ выпускѣ «Театральнаго альманаха» мы, въ отношеніи провинціи, ограничились въ большинствѣ только цифровыми данными, не располагая на первый разъ достаточнымъ количествомъ кореспондентовъ, могущихъ вѣрно и совершенно безпристрастно обсудить степень даровитости каждаго актера и актрисы, подвизающихся на провинціяльныхъ сценахъ... Мы не позволимъ себѣ сказать, что читатель, который прочтетъ эту книгу отъ начала до конца, такъ-таки и пойметъ всю машину театральнаго дѣла (мы будемъ стремиться къ этому), но мы все-таки дадимъ ему болѣе, чѣмъ можетъ дать короткая рецензія, говорящая о томъ, что шло на сценѣ и какъ кто исполнялъ свою роль». Цѣль составителя альманаха, какъ видите, очень почтенная, и онъ сдѣлалъ все, что было ему по силамъ, чтобы выполнить свою задачу. Онъ представилъ подробный компилятивный очеркъ исторіи театра въ Россіи; онъ указалъ на современное положеніе императорскихъ театровъ; онъ далъ довольно полный отчетъ о провинціяльныхъ и любительскихъ сценахъ. При чтеніи этой книги пріятнѣе всего поражаетъ не кропотливый трудъ автора, собравшаго довольно разнообразныя свѣдѣнія о театрѣ, но та сдержанность, съ которою онъ относится ко всѣмъ нашимъ театральнымъ дѣятелямъ,—сдержанность, которою онъ не всегда отличается въ своихъ мелкихъ газетныхъ замѣткахъ и рецензіяхъ, бьющихъ болѣе всего на развязность тона, доходящаго не-

Digitized by Google

рѣдко до непозволительныхъ рѣзкостей. Видно, что онъ занимался этимъ трудомъ съ особеннымъ усердіемъ и придавалъ ему серьезное значеніе. Мы обращаемъ вниманіе на эту сторону его труда, на эту сдержанность именно потому, что безъ этой сдержанности его трудъ имѣлъ-бы гораздо менѣе значенія въ глазахъ разныхъ «униженныхъ и оскорбленныхъ» театральнаго міра; теперь, прочитывая книгу г. А. Соколова, эти «униженные и оскорбленные» не будутъ имѣть права сказать, что «это все личности», и бросить съ негодованіемъ книгу, которая должна заставить ихъ призадуматься не на шутку и которая можетъ принести имъ извѣстную пользу. Мы привѣтствуемъ если не самую книгу г. А. Соколова, то его добрыя намѣренія, потому что, по нашему мнѣнію, подобныя книги могутъ имѣть воспитательное значеніе для артистовъ, могутъ заставить ихъ серьезнѣе взглянуть на многое, касающееся ихъ професіи, могутъ навести ихъ на мысли, которыя не приходили имъ до того въ голову.

Наши артисты болѣе всего страдаютъ недостаткомъ серьезной подготовки къ исполненію принятыхъ ими на себя обязанностей. И то сказать, гдѣ-же имъ приготовляться къ артистической дѣятельности? Гдѣ у насъ серьезныя театральныя школы, гдѣ даровитые и честные учителя драматическаго искуства, гдѣ опытные руководители изъ писателей, гдѣ наши Лессинги и Сансоны?

У насъ иногда пропадаетъ для театра цѣлая масса талантливыхъ людей только вслѣдствіе того, что у нихъ нѣтъ порядочной подготовки или, что еще хуже, вслѣдствіе того, что ихъ хотятъ подготовить совсѣмъ не на то поприще, на которое ихъ влекутъ ихъ собственныя наклонности. Извѣстно, что въ былые дни А. Е. Мартынова въ театральномъ училищѣ хотѣли сдѣлать и музыкантомъ, и танцоромъ, и живописцемъ, хотя онъ былъ вовсе неспособенъ ни къ тому ни къ другому, ни къ третьему, и только случай далъ ему возможность проявить свой комическій талантъ. Именно эта-то сторона его таланта и не была принята во вниманіе его школьными учителями и, въ сущности, онъ выработалъ изъ себя знаменитаго комика безъ всякой посторонней помощи. То-же самое было съ Н. О. Дюромъ, который вовсе не приготовлялся къ драматической сценѣ, также убивалъ безплодно школьные годы на обученіе танцамъ и въ первое время долженъ былъ фигурировать въ качествѣ танцора въ «Красной шапочкѣ» и тому подобныхъ пьесахъ. Тогда въ театральной школѣ царилъ балетмейстеръ Дидло, готовый всѣхъ и каждаго превращать въ танцоровъ. Онъ приготовлялъ къ этому по-

Digitized by Google

прищу даже своего собственнаго сына, покойнаго Карла Карловича Дидло, нечувствовавшаго никакого призванія къ театру вообще и къ балету въ особенности. «Лучше быть сыномъ послѣдняго нищаго, чѣмъ сыномъ балетмейстера», говаривалъ бѣдный юноша, котораго отецъ, просто обожавшій сына, но обожавшій по-своему, насильно заставлялъ плясать. Каково было учиться у старика Дидло — это помнятъ, вѣроятно, многіе изъ его учениковъ, которыхъ, впрочемъ, теперь уже немного въ живыхъ. «Свинъ, скотинъ, сѣнъ, соломъ, полѣнъ-дровъ»,—это была любимая брань старика. Его простая березовая палка, пальца въ полтора толщиною, гуляла безъ разбора по ученикамъ. Оплеухамъ не было счета. Покойный Дюръ, испытывавшій всѣ муки на репетиціяхъ «Красной шапочки», отличился въ этой пьесѣ во время перваго представленія и, видя, что старикъ Дидло, выдѣлывавшій за кулисами, по своему обыкновенію, всѣ па, выдѣлываемыя на сценѣ, былъ веселъ,—подошелъ къ балетмейстеру. «Mais, свинъ, скотинъ, на репетицій нѣтъ корошо, а на спектакль дакъ корошо!» весело воскликнулъ балетмейстеръ и отпустилъ въ награду юному танцору полновѣсную пощечину. Таковы были нравы! Самъ по себѣ старикъ Дидло, внѣ служебныхъ обязанностей, былъ крайне добрый и мягкій господинъ.

Что-же мудренаго, что многіе таланты въ тѣ времена погибали при такомъ устройствѣ школьной подготовки! Но еще болѣе погибло талантовъ въ провинціи, гдѣ о подготовкѣ не могло быть и рѣчи, гдѣ таланты должны были идти ощупью, гдѣ каждый самъ долженъ былъ пробивать себѣ путь безъ наставленій, безъ образцовъ передъ глазами, безъ школы. Яркій примѣръ того, какъ трудно въ провинціи вступить на настоящій путь артисту, представляетъ г-жа Савина.

Г-жа Савина—крупный самородный драматическій талантъ. Нервность игры, горячность, задушевность, умѣнье владѣть своей физіономіей, прекрасный гортанный голосъ, отсутствіе слезливости и въ то-же время умѣнье передать слезы въ голосѣ,—вотъ отличительныя черты дарованія г-жи Савиной. По силѣ своего таланта она нисколько не уступаетъ такимъ первоклассным знаменитостямъ, какъ г-жа Делапортъ. Но, Боже мой, какъ много придется ей работать, чтобы достигнуть той цѣльности игры, которою отличается г-жа Делапортъ, чтобы достигнуть того умѣнья владѣть и распоряжаться всѣми своими средствами,—умѣнья, тайну котораго вполнѣ постигла г-жа Делапортъ! И г-жа Делапортъ, и г-жа Савина играютъ нервами и

Digitized by Google

въ этомъ отношеніи составляютъ противоположность г-жѣ Паска, надѣющейся не столько на свое вдохновеніе, сколько на заучиванье каждаго жеста, каждаго оттѣнка въ интонаціи. Но г-жа Делапортъ всегда можетъ разсчитывать на свои нервы, а г-жа Савина—нѣтъ. У г-жи Делапортъ игра всегда одинаково хороша, а у г-жи Савиной въ одной и той-же роли въ понедѣльникъ можетъ быть превосходная игра, а во вторникъ крайне слабая. Г-жѣ Делапортъ приходится только примѣнять къ дѣлу свои средства, г-жѣ Савиной приходится еще учиться владѣть своими средствами. Г-жа Делапортъ проводитъ ровно всю роль, создаетъ цѣльный типъ, г-жа Савина порою является неподражаемою въ трехъ актахъ и слабою въ четвертомъ; такъ, напримѣръ, въ «Свѣтскихъ ширмахъ» вся сцена объясненія съ соперницей походила у нея на отвѣчанье заученнаго урока, а сцена смерти вышла верхомъ художественнаго исполненія, которому могла-бы позавидовать любая знаменитость. Но вѣдь за то г-жа Делапортъ прошла школу, видѣла великіе образцы, пользовалась разумными совѣтами, а г-жа Савина создала сама себя. Ея біографія поучительна. Такъ-какъ эта біографія и поучительна, и неизвѣстна публикѣ, то мы считаемъ нелишнимъ привести ее здѣсь.

Марья Гавриловна Подраменцова, на сценѣ Савина, родилась въ Каменецъ-Подольскѣ въ 1854 году, 30 марта. Отецъ ея, учитель гимназіи, очень часто игралъ на сценѣ театра въ Каменецъ-Подольскѣ въ качествѣ любителя; впослѣдствіи-же, въ 1858 — 1859 г., оставивъ свои учительскія занятія, сдѣлался актеромъ провинціяльныхъ театровъ. Служа на одесской сценѣ вмѣстѣ съ женой, очень недурной актрисой въ роли старухъ, и занимая вторыя роли на амплуа резонеровъ, Подраменцовъ (по сценѣ Стремляновъ) старался пріучить къ сценѣ и дочь. Первый разъ Марья Гавриловна выступила на сцену въ Одессѣ, подъ именемъ Стремляновой, будучи еще 7-лѣтней дѣвочкой, въ роли Пети въ комедіи «Испорченная жизнь». Комедія шла съ г. В. В. Самойловымъ, пріѣхавшимъ въ то время въ Одессу на гастроли. Въ 1867 году кіевскій губернаторъ, Безакъ, пригласилъ г. Н. Потѣхина для устройства драматической труппы. Г. Н. Потѣхинымъ были приглашены на кіевскую сцену всѣ лучшія силы провинціи, въ числѣ которыхъ также былъ приглашенъ и Стремляновъ съ семействомъ. Здѣсь 12-лѣтняя Марья Гавриловна вторично вышла на сцену въ мужской роли — въ роли Егорушки въ пьесѣ «Бѣдность — не порокъ», и имѣла громадный успѣхъ. Въ 1869—1870 г. Марья Гавриловна была приглашена на

Digitized by Google

вторыя водевильныя роли и на оперетки въ г. Минскъ съ жалованьемъ 30 руб. Но послѣ сыгранного ею водевиля «Гамлетъ Сидоровичъ и Офелія Козьминишна» получила прибавку 10 р. и полубенефисъ, который далъ ей 165 р. сбору, а публика поднесла ей часы. Это былъ первый подарокъ отъ публики молодой артисткѣ, все еще блуждавшей окольными дорогами и невыступавшей въ роляхъ, свойственныхъ ея горячей натурѣ, а игравшей въ такихъ нелѣпыхъ пьесахъ, какъ «Гамлеты Сидоровичи»,—пьесы, недостойныя даже парижскихъ бульварныхъ театровъ. Изъ Минска Марья Гавриловна получила приглашеніе въ Харьковъ съ жалованьемъ 50 р. и полубенефисъ. Туда пріѣхала она съ знакомымъ семействомъ артистовъ. Здѣсь, главнымъ образомъ, она играла опять-таки въ водевиляхъ. Чрезъ три недѣли по пріѣздѣ въ Харьковъ она вышла замужъ за провинціяльнаго актера, занимавшаго амплуа первыхъ любовниковъ подъ именемъ Савина. Спустя недѣлю послѣ свадьбы молодые супруги получили ангажементъ въ Калугу на 150 р. оба и 4 полубенефиса.

Въ Калугѣ Марья Гавриловна играла въ опереткахъ, хотя ея талантъ менѣе всего соотвѣтствовалъ этому амплуа. Но кромѣ вторыхъ опереточныхъ ролей, Марья Гавриловна выступила здѣсь уже въ роли Поленьки въ «Доходномъ мѣстѣ» и въ роли Люсиль въ «Дѣтскомъ докторѣ» и имѣла огромный успѣхъ. На лѣто изъ Калуги Савины отправились въ Нижній-Новгородъ, гдѣ Марья Гавриловна играла роли, какъ говорится, по способности, т.-е. что попало. Въ Нижнемъ, Медвѣдевъ, извѣстный провинціяльный антрепренеръ, пригласилъ супруговъ Савиныхъ въ Казань за 250 р. въ мѣсяцъ и 4 полубенефиса. На казанской сценѣ г-жа Савина выступила также въ опереточныхъ роляхъ и имѣла даже большой успѣхъ въ опереткѣ «Чайный цвѣтокъ». На лѣто Савиныхъ пригласили въ Саратовъ за 250 р. и 2 полубенефиса, на зиму-же въ Орелъ къ Медвѣдеву, гдѣ Марья Гавриловна играла опять въ опереткахъ, но въ то-же время уже выступала и въ драмахъ. Въ концѣ декабря мѣсяца 1872 г. дирекція саратовскаго театра, во главѣ которой стоялъ предводитель дворянства Лихачевъ, уплативъ Медвѣдеву неустойку, пригласила Савиныхъ въ Саратовъ на жалованье въ 400 р. и 4 полубенефиса (100 р. г. Савину и 300 г-жѣ Савиной). Съ этихъ поръ г-жа Савина исключительно выступила въ комедіяхъ и драмахъ, не участвуя болѣе въ опереткахъ, и сдѣлалась положительно любимицей публики. Настоящая дорога была ею найдена.

Digitized by Google

Во время Великаго поста 1874 г. Марья Гавриловна пріѣхала въ Петербургъ и начала просить о дебютѣ въ благородномъ собраніи, но двѣ недѣли безуспѣшно дожидалась она дебюта въ собраніи и этотъ дебютъ состоялся только благодаря случайности. Конечно, господа члены собранія, усмотрѣвшіе потомъ въ своей кассѣ не малое количество рублей, полученныхъ при помощи Марьи Гавриловны, даже и не читали того, что писалось въ провинціи объ этой артисткѣ, и потому они отказывали ей въ дебютѣ въ то время, когда она дѣлала имъ честь, желая дебютировать на сценѣ ихъ клуба. Подобное явленіе гдѣ-нибудь заграницей невозможно. Тамъ члены разныхъ кружковъ, распоряжающіеся спектаклями, грамотны и образованы хотя на-столько, что знаютъ хотя по имени извѣстныхъ артистовъ своего отечества, и ужь, конечно, не станутъ дожидаться того, чтобы имъ кланялись, прося о дебютѣ, такіе крупные таланты, какъ, напримѣръ, Раабе, Буска и т. п. У насъ совсѣмъ не то. Наши клубы почти не обращаютъ вниманія, напримѣръ, на то, что въ Великомъ посту въ Петербургъ стекаются всѣ лучшіе провинціяльные артисты и что этимъ могли-бы воспользоваться клубы, чтобы показать столицѣ всѣ силы провинціяльныхъ сценъ. Но возвратимся къ біографіи Марьи Гавриловны. 15 марта 1874 г. должна была идти въ благородномъ собраніи пьеса «Блуждающіе огни» съ г-жею Глѣбовой. Г-жа Глѣбова захворала и спектакль, по невозможности отложить его, пошелъ съ г-жею Савиной. Успѣхъ былъ громадный. Въ слѣдующій спектакль г-жа Савина выступила въ комедіи «Испорченная жизнь» въ петербургскомъ собраніи художниковъ съ такимъ успѣхомъ, который заставилъ заговорить о новопріѣзжей артисткѣ петербургскую публику. Затѣмъ она еще играла въ благородномъ собраніи, въ пьесахъ: «Пансіонерка» и «Она его ждетъ». Актеры петербургской сцены гг. Нильскій, Пронскій, Горбуновъ и Лепинъ убѣждали ее дебютировать на императорской сценѣ. Послѣ долгихъ колебаній, наконецъ, она отправилась къ инспектору репертуара П. С. Федорову просить дебюта. 9-го апрѣля состоялся первый дебютъ ея въ пьесѣ г. В. Александрова: «По духовному завѣщанію», потомъ второй въ «Воспитанницѣ» и третій въ «Ангелѣ доброты и невинности». Но вопросъ о принятіи ея на императорскую сцену былъ отложенъ, такъ-какъ въ это время министръ двора былъ заграницей. Лѣтомъ пріѣхалъ г. Шумскій, съ которымъ она играла въ пьесѣ «По духовному завѣщанію», «Старшая и меньшая», и заставила говорить нашу прессу объ ангажементѣ. Дирекція приняла ея условія, контрактъ былъ заклю-

Digitized by Google

ченъ не на годъ, а на три года. При этомъ не безъинтересно замѣтить, что эта чисто-драматическая артистка была принята на роли ingénue, т. е. на роли г-жи Яблочкиной 2-й. Но скоро она успѣла показать, гдѣ ея настоящее призваніе: въ свой бенефисъ она выбрала «Мишуру» г. А. Потѣхина, а потомъ г. Н. Потѣхинъ далъ ей роль въ своей «Злобѣ дня». Эти роли, кажется, достаточно ясно показали, какъ должна пользоваться дирекція этимъ талантомъ.

Эти чисто-внѣшнія, разбросанныя отчасти въ разныхъ провинціяльныхъ газетахъ біографическія данныя производятъ крайне грустное впечатлѣніе. Артисткѣ приходилось скитаться изъ мѣста въ мѣсто, съ одной сцены на другую, и нигдѣ не приходилось ей сталкиваться съ великими образцами, съ дѣльными учителями, съ серьезными представителями драматическаго искуства, видя только мелькомъ такихъ артистовъ, какъ В. В. Самойловъ, или встрѣчая мимоходомъ такихъ людей, какъ Н. А. Потѣхинъ, который, любя и понимая драматическое искуство, конечно, могъ дать начинающей артисткѣ тотъ или другой добрый совѣтъ. Кромѣ того, ей по-необходимости нужно было заучивать цѣлую массу нелѣпыхъ ролей, набивающихъ голову разными глупыми фразами, портящихъ вкусъ и пріучающихъ играть непрочувствованныя роли. И за всю эту безплодную, губительную трату свѣжихъ силъ получалось ничтожное вознагражденіе, недававшее возможности скопить сколько-нибудь средствъ, чтобы, положимъ, проѣхаться по Европѣ и хотя тамъ посмотрѣть на настоящихъ представителей драматическаго искуства. Подобныя путешествія для нашихъ артистовъ мы считаемъ неизбѣжными, необходимыми, потому что самый сильный талантъ никогда не дойдетъ до той степени виртуозности, до которой онъ могъ-бы дойти, если онъ будетъ лишенъ знакомства съ великими образцами. Вѣдь нельзя-же предположить, чтобы поэтъ выработалъ свой стихъ до полнаго совершенства безъ знакомства съ Гете, Байрономъ, Гюго, Гейне, Пушкинымъ, Лермонтовымъ и т. п. Нельзя-же полагать, что художникъ станетъ истиннымъ мастеромъ, не зная Рафаэлей, Каламовъ, Брюлловыхъ, Тиціановъ, Рубенсовъ. А между тѣмъ нашимъ актерамъ именно такъ и приходится вырабатывать свои таланты, работая всю жизнь ради куска насущнаго хлѣба, среди бездарности, среди невѣжественныхъ массъ, играя въ такихъ пьесахъ, въ которыхъ нѣтъ здраваго смысла. Вотъ почему мы не удивляемся, что въ игрѣ г-жи Савиной нерѣдко появляются неровности, что она не усвоила себѣ ролей въ «Сверчкѣ», въ «Гамлетѣ», въ

Digitized by Google

«Бѣдность—не порокъ». Нѣтъ, мы удивляемся болѣе тому, что она могла создать такія роли, какъ роль героинь въ «Мишурѣ», въ «Злобѣ дня» и т. п. Мы не знаемъ, на-сколько разовьется талантъ г-жи Савиной и позволятъ-ли ей средства побывать въ Европѣ, посмотрѣть на тамошнихъ лучшихъ артистокъ; мы не знаемъ, удастся-ли ей ближе сойтись съ людьми, которые ей разъяснятъ произведенія такихъ мастеровъ, какъ Шекспиръ. Ей до сихъ поръ приходится жить въ сущности на жалкія средства, которыхъ, конечно, покуда не достанетъ ни на путешествія, ни на дальнѣйшее драматическое образованіе, безъ котораго невозможно дальнѣйшее развитіе таланта. Но, можетъ быть, ей поможетъ какъ-нибудь случай побѣдить трудности и пополнить свое артистическое образованіе, — тогда, мы говоримъ это смѣло, не боясь ошибиться, она станетъ на ту высоту, на которой стоятъ такія артистки, какъ г-жа Делапортъ. Мать-природа дала г-жѣ Савиной все, что она дала г-жѣ Делапортъ, и даже болѣе: г-жа Савина обладаетъ болѣе сценическою наружностью, чѣмъ г-жа Делапортъ. Дай Богъ, чтобы энергія, настойчивость и любовь къ искуству спасли артистку отъ той участи, которая постигла разныхъ артистокъ въ родѣ г-жи Струйской,—отъ участи однообразной, неразвивающейся, неидущей впередъ артистки. Мы особенно искренно и горячо желаемъ г-жѣ Савиной лучшей доли именно потому, что она въ настоящее время остается единственною личностью, на которой лежатъ свѣтлыя надежды на лучшее будущее осиротѣвшей петербургской сцены.

Но мы уклонились отъ разбираемой нами книги.

«Театральный альманахъ» г. А. Соколова есть только первая часть труда, который, вѣроятно, будетъ продолжаться и пополняться ежегодно, и потому можно ожидать, что автору этого труда удастся съ теченіемъ времени открыть глаза обществу на многое, чего оно теперь и не подозрѣваетъ. Въ то-же время подобныя книги могутъ указывать на цѣлую массу недостатковъ въ театральномъ дѣлѣ всѣмъ тѣмъ, которые ведутъ это дѣло или участвуютъ въ немъ, и было-бы хорошо, если-бы эти люди не заткнули своихъ ушей передъ добрымъ и дѣльнымъ совѣтомъ. Но г. А. Соколову остается сдѣлать еще очень и очень многое, чтобы его «Альманахъ» былъ дѣйствительно полезнымъ изданіемъ. Въ настоящемъ, первомъ выпускѣ этого «Альманаха» есть еще много ошибокъ и недосмотровъ, которые были уже указаны въ разныхъ газетахъ и которые подрываютъ довѣріе и ко всѣмъ другимъ свѣдѣніямъ, сообщаемымъ въ книгѣ. Тщательная про-

Digitized by Google

вѣрка сообщаемыхъ свѣденій въ подобныхъ изданіяхъ такъ-же необходима, какъ въ календаряхъ. На эту-то провѣрку сообщаемыхъ фактовъ г. А. Соколовъ и обратилъ слишкомъ мало вниманія и потому его книга имѣетъ отчасти значеніе несовсѣмъ удачно исполненнаго благогонамѣренія. Это очень жаль, такъ-какъ, повторяемъ, наши театры нуждаются въ подобномъ изданіи.

Намъ остается только прибавить, что книга г. А. Соколова издана опрятно, даже красиво. Къ ней приложены портреты г-жъ Савиной и Струйской 1; гг. Сазонова, Васильева 2, покойныхъ Зуброва и Живокини. Удачнѣе всего вышелъ портретъ г. Сазонова, самымъ неудачнымъ портретомъ нужно признать портретъ г-жи Струйской 1.

Монголія и страна тангутовъ. Трехлѣтнее путешествіе въ восточной нагорной Азіи, Н. Пржевальскаго. Томъ I. Спб. 1875.

Назадъ тому года два-три мы читали коротенькія извѣстія о пѣшеходныхъ странствованіяхъ подполковника Пржевальскаго по Монголіи и Тибету и, удивляясь его энергіи, отъ души радовались, надѣясь, что будемъ имѣть въ немъ русскаго Ливингстона. Надежда наша пріобрѣсти новаго Ливингстона омрачалась нѣсколько однимъ грустнымъ размышленіемъ: зачѣмъ это нашихъ энергическихъ путешественниковъ судьба забрасываетъ то въ Тибетъ, то въ Новую Зеландію и т. д., между тѣмъ какъ многія обширныя мѣстности Сибири, Кавказа, даже европейской Россіи до сихъ поръ остаются или вовсе неизвѣстными, или извѣстными по разсказамъ такихъ путешественниковъ, которые мало внушаютъ довѣрія къ себѣ? Миклуха-Маклаи, Пржевальскіе изучаютъ флору и фауну самыхъ отдаленныхъ странъ, ихъ климатъ, народонаселеніе, обычаи, какъ-будто наука не должна служить прежде всего ближайшимъ насущнымъ потребностямъ! Да, насущныя потребности! А европейская-то слава? Изучайте, положимъ, мало извѣстную восточную Сибирь, составьте хорошую книгу о вашихъ изслѣдованіяхъ,—иностранцы, конечно, заинтересуются ею, въ изданіяхъ Петерса и лондонскаго географическаго общества появятся отчеты о ней, — и только. Разсчитывать на то, что иностранцы будутъ изумляться вашей энергіи въ путешествіи по какому-нибудь верхоленскому округу, невозможно. Напротивъ,

Digitized by Google

можно даже ожидать со стороны коварныхъ европейцевъ, непереставающихъ, какъ извѣстно, завидовать славѣ и величію Россіи, выходокъ въ родѣ того, что «нужно, дескать, изумляться равнодушію русскихъ къ познанію своего отечества, въ которомъ многія обширныя мѣстности остаются до сихъ поръ вовсе неизслѣдованными», и т. д. Другое дѣло, если русскій путешественникъ устремится по пути Ливингстоновъ, Куковъ, Бэкеровъ, Стэнли; тогда онъ можетъ мечтать объ европейской славѣ, можетъ шумѣть о себѣ, о своихъ подвигахъ, о добытыхъ имъ результатахъ гораздо больше, чѣмъ при путешествіи въ верхоленскій округъ.

Г. Пржевальскій навѣрное разсчитываетъ на европейскую славу, печатая на заглавномъ листѣ своей книги: «*переводъ безъ согласія автора не допускается*». Онъ даже не прочь отъ сравненія себя съ Ливингстономъ, когда говоритъ, что «вся нагорная Азія до сихъ поръ такъ-же мало извѣстна, какъ центральная Африка или внутренность Новой Голандіи» (стр. V). Онъ нѣсколько разъ замѣчаетъ, что въ той или другой изъ посѣщенныхъ имъ мѣстностей никогда не бывали до него европейцы, хотя изъ собственной-же его книги видно, что тамъ уже путешествовали Гюкъ, Габе и др. Г. Пржевальскій такъ занятъ своею ролью, что не замѣчаетъ даже этихъ противорѣчій. «Появленіе наше въ горахъ, разсказываетъ онъ, — и остановка тамъ произвели переполохъ между окрестными монголами и китайцами, которые *увидѣли европейцевъ въ первый разъ*». Сказавъ это, онъ тутъ-же подъ чертою дѣлаетъ замѣтку: «за четыре года до нашего посѣщенія Муни-Улы здѣсь былъ французскій натуралистъ-миссіонеръ Armand David» (стр. 117). Разсказамъ о трудностяхъ путешествія, жарахъ, морозахъ, враждебныхъ отношеніяхъ туземцевъ, недостаткѣ денегъ, утомительности дороги г. Пржевальскій посвящаетъ значительную часть своей книги. Дѣйствительно, эти затрудненія и находчивость г. Пржевальскаго изумительны. Такъ, напр., экспедиція часто страдала отъ недостатка воды, но, и отыскавъ воду, ей часто приходилось употреблять ее съ крайнимъ отвращеніемъ. «Въ колодцахъ, изрѣдка попадавшихся на пути, разсказываетъ г. Пржевальскій,—вода была большею частію очень дурна, да притомъ въ эти колодцы дунганы иногда бросали убитыхъ монголовъ. У меня до сихъ поръ мутитъ на сердцѣ, когда я вспомню, какъ однажды, напившись чаю изъ подобнаго колодца, мы стали поить верблюдовъ, и, вычерпавъ воду, увидѣли на днѣ гнилой трупъ человѣка» (стр. 212). А вотъ примѣръ находчивости путешественника. Дѣлать разныя на-

Digitized by Google

блюденія и составлять маршрутъ, когда экспедиція шла съ тангутскимъ караваномъ, было очень трудно, такъ-какъ всякое движеніе путешественника возбуждало навязчивую любознательность и даже подозрительность азіятскихъ спутниковъ. «Случалось иногда, что, видя настоятельную необходимость занести что-нибудь въ свою карманную книжку, я умышленно отставалъ отъ каравана, какъ-будто по нуждѣ, и, сидя на корточкахъ, записывалъ видѣнное» (стр. 213). Благодаря такой находчивости и энергіи г. Пржевальскаго, имя его не только прославится на Западѣ, такъ-какъ онъ, вѣроятно, «согласится допустить переводъ» своей книги на всѣ европейскіе языки, но и покроется безсмертною славою въ Азіи, гдѣ онъ уже успѣлъ превратиться въ мифическую личность, въ родѣ Гысыръ-хана, т. е. Александра Македонскаго. Китайцы встрѣчали нашего путешественника, какъ и всѣхъ европейцевъ, кличкою: «заморскій дьяволъ»; но за то въ Тангутѣ его считали царскимъ родственникомъ, святымъ, полубогомъ (ст. 247, 250 и др.). «Съ выходомъ на Куку-норъ вездѣ разнесся слухъ, что появилось четверо какихъ-то невиданныхъ людей и между ними одинъ великій святой запада, который идетъ въ Лассу, чтобы познакомиться съ далай-ламой, великимъ святымъ востока... Я не могъ отдѣлаться отъ разныхъ благословеній, предсказаній и т. п. нелѣпостей. Тангуты и монголы приходили иногда толпами, чтобы помолиться не только намъ, но даже нашимъ ружьямъ, а мѣстные князья привозили своихъ дѣтей, прося меня наложить на нихъ руку и этимъ знаменемъ благословить на цѣлую жизнь. При нашемъ приходѣ въ Дуланъ-китъ собралась толпа человѣкъ въ двѣсти, которые молились намъ, стоя на колѣняхъ по сторонамъ дороги... Рядомъ съ званіемъ святого мнѣ навязана была професія доктора... Не зная вовсе медицины, располагая самымъ незначительнымъ количествомъ лекарствъ, я обыкновенно пускалъ въ дѣло самую шарлатанскую вещь, когда-либо являвшуюся въ медицинскомъ мірѣ, а именно иголки Баумшейта, который, какъ извѣстно, проповѣдуетъ леченіе всѣхъ болѣзней уколомъ кожи кучею иголокъ, насаженныхъ на пружинѣ, и затѣмъ смазываньемъ этого мѣста какимъ-то особеннымъ масломъ. Словно предчувствовалъ я, на-сколько полезенъ будетъ намъ подобный инструментъ, и захватилъ его съ собою въ экспедицію. И если докторъ Баумшейтъ, изобрѣтатель столь волшебнаго способа леченія, еще живъ, то онъ можетъ гордиться тѣмъ, что его открытіе приводило въ восторгъ обитателей Куку-нора, которые смотрѣли на пружинку съ иголками, какъ на

Digitized by Google

святую вещь, вышедшую чуть-ли не изъ рукъ самого Будды. На обратномъ пути я подарилъ этотъ волшебный инструментъ одному монгольскому князю, который сейчасъ-же пустилъ его въ дѣло, дѣлая операціи кровопусканія своимъ совершенно здоровымъ адъютантамъ» (стр. 295). Этимъ, впрочемъ, не ограничивалась цивилизаторская роль г. Пржевальскаго; онъ старался знакомить азіятовъ не только съ медицинскими шарлатанствами Европы, но и съ нѣкоторыми другими произведеніями нашей цивилизаціи, напр., съ картинками эротическаго содержанія, распространеніе которыхъ заставляло азіятовъ предполагать въ г. Пржевальскомъ уже не святого человѣка, а... но пусть лучше говоритъ онъ самъ. Въ Ала-шанѣ «стереоскопы съ картинками соблазнительнаго свойства чрезвычайно понравились старому князю и онъ тотчасъ-же купилъ всѣ наличныя дюжины этихъ фотографій. Азартъ князя дошелъ до того, что онъ черезъ своего адъютанта спрашивалъ, *нельзя-ли ему привезти изъ Россіи нѣсколько тѣхъ самыхъ личностей, которыя изображены на картинкахъ*» (стр. 204)...

Да, азіяты долго будутъ помнить г. Пржевальскаго, да и не одни азіяты, не одни люди, но и звѣри, и рыбы, и птицы, на которыхъ путешественникъ нагонялъ такой страхъ своими скорострѣльными ружьями, истребляя ихъ съ совершенно непонятною для обыкновеннаго смертнаго кровожадностью. Часть животныхъ г. Пржевальскій убивалъ ради пищи и своихъ зоологическихъ колекцій, но большую часть онъ истреблялъ ради одного наслажденія процесомъ истребленія. Въ путешествіи, какъ видно изъ его книги, его увлекала болѣе всего охота, а при составленіи книги — разсказы объ этой охотѣ. Вотъ, напр., нѣкоторые изъ охотничьихъ подвиговъ г. Пржевальскаго. «Однажды въ горахъ оз. Куку-нора я засталъ на огромной скалѣ стадо изъ двѣнадцати куку-ямановъ. Какимъ образомъ оно забралось туда, я до сихъ поръ не могу объяснить, потому что скала съ трехъ сторонъ была совершенно отвѣсна, а съ четвертой примыкала къ каменной розсыпи, по которой можно было пройти развѣ только мыши. Паралельно вышеописанной скалѣ тянулась, въ разстояніи сотни шаговъ отъ нея, другая, на которую доступъ былъ гораздо легче и откуда я увидѣлъ куку-ямановъ. Старый самецъ стоялъ прямо противъ меня на такомъ узкомъ карнизѣ, что едва могъ умѣстить на немъ свои копыта. Я пустилъ въ него пулю, которая пробила его позади груди. Нѣсколько мгновеній стоялъ онъ, шатаясь, видя гибель неминуемую. Наконецъ, силы измѣнили... скользнуло

Digitized by Google

одно копыто, потомъ другое—и красивый звѣрь полетѣлъ въ пропасть саженъ 60 глубиною. Глухими перекатами раздалось эхо грохнувшейся тяжести. Испуганное стадо не знало, на что рѣшиться, и, сдѣлавъ нѣсколько шаговъ вдоль гребня скалы, оно опять остановилось. Раздался другой выстрѣлъ—и самка рухнулась въ то-же самое ущелье, куда передъ тѣмъ упалъ самецъ. Зрѣлище было потрясающее. Я самъ не могъ воздержаться отъ волненія, видя, какъ два большихъ звѣря полетѣли въ страшную глубину. Но страсть охотника превозмогла силу впечатлѣнія. Я снова зарядилъ свой штуцеръ и снова пустилъ двѣ пули въ кучу ямановъ, которые не знали, куда дѣться отъ испуга. Такъ стрѣлялъ я съ одного мѣста семь разъ, пока, наконецъ, звѣри не рѣшились на отчаянное дѣло: они спустились внизъ по гребню скалы и спрыгнули здѣсь съ обрыва саженъ двѣнадцать вышиною» (стр. 179). «Въ Тибетѣ, хвастаетъ нашъ ярый охотникъ, — въ два мѣсяца убито нами 108 крупныхъ звѣрей, слѣдовательно, добыто около 900 пудовъ мяса» (стр. 333). Даже вороны, коршуны, рыбы, собаки — все гибло отъ пуль храбраго россійскаго офицера, охотничья страсть котораго развита, какъ видно, до ярости, до какой-то кровожадности, о которой онъ разсказываетъ съ такимъ апетитомъ.

Результаты зоологическихъ, ботаническихъ и географическихъ изслѣдованій г. Пржевальскаго будутъ изложены во второмъ и третьемъ томахъ; настоящій-же, первый томъ посвященъ исторіи путешествія и этнографическимъ наблюденіямъ. Исторія, какъ мы видѣли, изложена очень эфектно и многотрудная трехлѣтняя одисея г. Пржевальскаго возбудитъ, конечно, изумленіе и восторгъ во всѣхъ россіянахъ. Что-же касается его этнографическихъ наблюденій, то остается только удивляться ихъ скудости и крайней поверхностности. Въ этомъ отношеніи г. Пржевальскій чрезвычайно похожъ на извѣстнаго господина Пашино, тоже совершившаго въ прошломъ году многотрудное странствованіе въ Коровье царство, о пребываніи въ которомъ онъ презанимательно повѣствовалъ въ «Голосѣ».

Изъ сообщаемыхъ г. Пржевальскимъ этнографическихъ свѣдѣній наиболѣе интересны тѣ, которыя касаются грязи азіятскаго быта. Грязь и свинство, дѣйствительно, поразительныя. Вотъ, напримѣръ, священная столица Монголіи. «Наружный видъ Урги грязенъ до отвращенія. Всѣ нечистоты выбрасываются на улицы, на которыхъ не только ночью, но и днемъ жители отправляютъ свои естественныя надобности. На базарной площади ко всему этому прибавляются еще

Digitized by Google

толпы голодныхъ нищихъ. Нѣкоторые изъ нихъ, преимущественно убогія старухи, поселяются здѣсь даже на постоянное жительство. Трудно представить что-либо отвратительнѣе подобной картины. Дряхлая или увѣчная женщина ложится посреди базара, и на нее, въ видѣ подаянія, набрасываютъ старые войлоки, изъ которыхъ страдалица устраиваетъ себѣ конуру. Лишенная силъ и покрытая тучами паразитовъ, она молитъ проходящихъ о милостынѣ. Зимою бури навѣваютъ на такое логовище сугробъ снѣга, подъ которымъ страдалица спасаетъ свое жалкое существованіе. Самая смерть является къ ней въ ужасномъ образѣ. Очевидцы разсказывали намъ, что когда наступаютъ послѣднія минуты несчастной, то вокругъ нея собирается куча голодныхъ собакъ, которыя садятся кругомъ умирающей и лишь только она затихнетъ въ своей агоніи, какъ тотчасъ бросаются обнюхивать лицо или тѣло, чтобы узнать, жива или нѣтъ несчастная старуха. Но вотъ послѣдняя начинаетъ снова вздыхать или шевелиться—собаки снова отходятъ на прежнее мѣсто и терпѣливо ждутъ своей жертвы. Лишь только замолкнетъ послѣднее дыханіе ея жизни, трупъ съѣдается голодными собаками, а опорожненное логовище вскорѣ занимается другою такою-же старухою. Въ холодныя зимнія ночи болѣе здоровые нищіе вытаскиваютъ этихъ старухъ на снѣгъ, гдѣ онѣ замерзаютъ, а сами залѣзаютъ въ ихъ норы и спасаются отъ гибели. Но это еще не всѣ картины внутренней жизни священнаго города. Путешественникъ встрѣчаетъ болѣе отвратительныя сцены на кладбищѣ, которое лежитъ возлѣ самой Урги. Здѣсь трупы умершихъ не зарываютъ въ землю, но прямо выбрасываютъ на съѣденіе собакамъ и хищнымъ птицамъ *). Потрясающее впечатлѣніе производитъ подобное мѣсто, усѣянное грудами костей, по которымъ, какъ тѣни, бродятъ стаи собакъ, исключительно питающихся человѣческимъ мясомъ. Не успѣютъ бросить сюда свѣжій трупъ, какъ его уже начинаютъ терзать эти собаки вмѣстѣ съ воронами и коршунами, такъ что черезъ часъ или много два ничего уже не остается отъ мертвеца... Ургинскія собаки до того привыкли къ подобной поживѣ, что въ то время, когда трупъ несутъ на кладбище по улицамъ города, то вмѣстѣ съ родственниками за покойникомъ

*) Авторъ, вѣроятно, разумѣетъ здѣсь трупы нищихъ и бѣдняковъ, такъ-какъ *погребеніе* покойниковъ составляетъ религіозный обрядъ буддистовъ, обязательный, но въ то-же время стоющій очень дорого, вслѣдствіе наглости буддійскихъ поповъ.

Digitized by Google

слѣдуютъ собаки, часто изъ его собственной юрты» (стр. 9). Собаки питаются человѣческими трупами, а люди, и не только монголы, но даже китайцы,—дохлыми животными. Въ Калганѣ авторъ убѣдился, что «китайцы не брезгаютъ никакой гадостью и нѣкоторые изъ нихъ ѣдятъ даже собакъ. При вторичномъ посѣщеніи Калгана мы видѣли, какъ китайскіе мясники купили верблюда, больного чесоткою на-столько, что все тѣло было покрыто язвами, зарѣзали его и тутъ-же продавали мясо. Дохлая скотина обыкновенно съѣдается» (стр. 29). Китайскіе города, даже Пекинъ, такъ-же грязны и отвратительны, какъ и Урга. Въ Пекинѣ «сплошь и рядомъ можно видѣть китайцевъ, занятыхъ необходимымъ дѣломъ, и собирателей помета, расхаживающихъ съ корзинками въ рукахъ. Вонь въ городѣ невообразимая; улицы если иногда и поливаютъ, то обыкновенно изъ помойныхъ ямъ, куда стекаютъ всѣ нечистоты» (стр. 64). Кочевники живутъ и ѣдятъ не лучше горожанъ. «Случалось нѣсколько разъ, что монголъ, пріѣхавшій верхомъ и привезшій кувшинъ молока на продажу намъ, замазывалъ крышку и носикъ кувшина свѣжимъ коровьимъ пометомъ, чтобы жидкость не расплескалась дорогою» (стр. 103). «Во время обѣда нашъ монголъ (Чутунъ-джамба) ставилъ вокругъ себя вмѣсто тарелокъ широкіе круги мерзлаго помета дикихъ яковъ и на эти круги клалъ горячіе куски вареной говядины, чтобы остудить ее. Отъ мокроты и тепла пометъ растаявалъ и прилипалъ къ мясу, но Чутунъ-джамба даже не обтиралъ этотъ навозъ, а прямо ѣлъ съ нимъ говядину, словно съ свѣжимъ салатомъ. Послѣ обѣда, наѣвшись до-нельзя, нашъ монголъ принимался рыгать во все горло и производить другіе неделикатные звуки, увѣряя, что теперь у него изъ живота выходитъ вѣтеръ, который надуло туда днемъ. Вечеръ и вообще свободное время онъ посвящалъ истребленію собственныхъ паразитовъ, населявшихъ его шубу въ несмѣтномъ количествѣ» (стр. 336). Втеченіи всей жизни монголъ ни разу не моетъ свое тѣло; очень рѣдко, и то какъ исключеніе, нѣкоторые изъ нихъ умываютъ кой-когда лицо или руки. Отъ постоянной грязи одежда кочевниковъ кишитъ тучами паразитовъ, которыхъ они истребляютъ, не стѣсняясь ничьимъ присутствіемъ. «Постоянно случается видѣть, какъ монголъ, иногда даже чиновникъ или знатный лама, въ кругу большого общества, разворачиваетъ свою шубу или халатъ, ловитъ назойливое насѣкомое и тутъ-же казнитъ его на переднихъ зубахъ» (стр. 35).

Цивилизующими элементами среди этихъ варваровъ являются буд-

Digitized by Google

дизмъ и китайцы, но тотъ и другіе не столько цивилизуютъ, сколько развращаютъ монголовъ. Ламайское духовенство—это саранча, пожирающая всѣ плоды трудовъ кочевниковъ. Цѣлая треть народонаселенія Монголіи принадлежитъ къ духовному сословію и безжалостно эксплуатируетъ двѣ остальныя трети. Но г. Пржевальскій почти вовсе не обращалъ вниманія на буддизмъ и его служителей, играющихъ первостепенную роль въ умственной и соціальной жизни Монголіи. Лишь немного интересныхъ свѣдѣній сообщаетъ онъ о гыгэнахъ. Гыгэнъ — богочеловѣкъ, человѣкъ, достигшій путемъ метаморфоза степени божественной святости. «Сами по себѣ гыгэны, за весьма немногими исключеніями, люди весьма ограниченные въ умственномъ отношеніи. Окруженные съ самаго дѣтства крайнею опекою приближенныхъ ламъ, они лишены возможности развить свой умъ хотя практически, вращаясь въ кругу житейской обстановки. Въ изученіи тибетской грамоты и ламайскихъ книгъ, да и то часто въ самомъ ограниченномъ размѣрѣ, заключается все образованіе даже самыхъ важныхъ этихъ святыхъ. Пріученные съ дѣтства смотрѣть на самихъ себя, какъ на живыхъ боговъ, они искренно вѣрятъ въ свое божественное *происхожденіе* *) и въ свое перерожденіе послѣ смерти. Умственная недальновидность гыгэновъ, обезпечивая собою господство приближенныхъ ламъ, до того ревнуется этими послѣдними, что способные мальчики, попавшіе въ такое званіе, иногда отравляются своими-же блюстителями. Такой участи, говорятъ, особенно часто подвергаются ургинскіе кутухты по наущенію китайскаго правительства, опасающагося видѣть хотя сколько-нибудь самостоятельную личность во главѣ духовной іерархіи монголовъ» (стр. 8). Гыгэновъ множество, но выше всѣхъ ихъ стоятъ три богочеловѣка: духовный владыко Тибета—*далай-лама*, помощникъ его—*бань цинь эрдени* и папа Монголіи—*кутухта*. «Эти святые, составляя земное воплощеніе монгольскаго божества, никогда не умираютъ, но только обновляются смертью. Душа ихъ, по смерти тѣла, въ которомъ имѣла мѣстопребываніе, переходитъ въ другого новорожденнаго мальчика и черезъ это является людямъ въ болѣе свѣжемъ и юномъ образѣ. Вновь возродившійся далай-лама отыскивается въ Тибетѣ по указанію своего предшественника, ургинскій-же кутухта находится пророче-

*) Нужно замѣтить, что вообще этнографическія свѣдѣнія автора не всегда точны. Въ настоящемъ случаѣ онъ ошибается, считая гыгэновъ божественными по происхожденію, а не по перерожденію.

Digitized by Google

ствомъ далай-ламы и также большею частію въ Тибетѣ» (стр. 7). При этихъ отыскиваньяхъ и указаніяхъ главную роль играетъ секретно китайское правительство, подъ вліяніемъ котораго «намѣстникъ великаго святого всего чаще выбирается изъ бѣдныхъ и неизвѣстныхъ фамилій. Личное ничтожество далай-ламы, при отсутствіи родственныхъ связей съ сильными фамиліями страны, служитъ китайцамъ лучшимъ ручательствомъ если не подчиненія Тибета, то, по крайней мѣрѣ, безопасности со стороны непокорнаго сосѣда. И дѣйствительно, Китаю есть изъ-за чего хлопотать. Явись на далай-ламскомъ престолѣ талантливая, энергическая личность, то по одному слову этого человѣка, какъ по мановенію волшебнаго жезла, номады возстали-бы отъ Гималаевъ до Сибири. Одушевленныя религіознымъ фанатизмомъ и ненавистью къ своимъ угнетателямъ, дикія орды явились-бы въ предѣлы собственнаго Китая и легко могли-бы натворить ему великихъ бѣдъ» (с. 54). Теперь-же, сдерживая ихъ посредствомъ далай-ламы и кутухты, Китай мало-по-малу прививаетъ къ монголамъ свою культуру. «Но разставаясь съ прошлымъ, окитаивающіеся монголы перенимаютъ отъ своихъ сосѣдей однѣ лишь дурныя черты ихъ характера, сохраняя то-же самое и отъ своей прошлой жизни. Въ концѣ концовъ они дѣлаются выродками, которыхъ китайское вліяніе только развратило, но вовсе не подняло на лучшую противъ прежняго ступень общественной жизни» (с. 33).

Что-же касается китайцевъ, то г. Пржевальскій передаетъ лишь нѣсколько анекдотовъ объ ихъ трусости и отрывочныя свѣденія о безобразно-дурномъ состояніи войскъ. При этомъ въ разсказахъ его играетъ важную роль «красное словцо». Въ 1868 г., говоритъ онъ, напр., нѣсколько тысячъ дунгановъ осадили укрѣпленную кумирню. «Первый приступъ былъ неудаченъ. Между тѣмъ наступило время пить чай,—а занятіе это считается въ Китаѣ на-столько важнымъ, что даже не пропускается во время сраженія (!!!),—и дунганы отошли въ свой лагерь, расположенный въ одной верстѣ отъ кумирни. Осажденные тѣмъ временемъ выбѣжали изъ кумирни, на глазахъ своихъ враговъ набрали воды изъ ручья и также принялись пить чай. На слѣдующій день повторилось то-же самое: дунганы вновь атаковали кумирню и вновь отошли въ полдень къ своимъ палаткамъ для чаепитія. Такъ происходило шесть сутокъ; наконецъ, хой-хои, видя невозможность взять новую Сарагоссу, ушли во-свояси, и кумирня уцѣлѣла» (с. 271). Вообще, изъ всего, сообщаемаго г. Пржевальскимъ о Китаѣ, интересенъ лишь слѣдующій отзывъ китайца

Digitized by Google

объ иностранцахъ, сдѣланный на томъ исковерканномъ русскомъ нарѣчіи, на которомъ объясняются между собою китайцы и русскіе. «Твоя люди все лавно, Пэленъ, Фагуа — нѣту, говорилъ китаецъ автору;—твоя люди—наши люди одали, холоши еси; Пэлинъ, Фагуа худо еси». Т. е. «твои соотечественники не похожи на англичанъ (Пэлинъ) и французовъ (Фагуа); твои соотечественники все равно, что мы, китайцы, хорошіе люди,—*холоши еси*, а французы и англичане худые».

Читатель, конечно, согласенъ, что мнѣніе этого китайца не далеко отъ истины.

Римскія женщины, ихъ воспитаніе и положеніе въ обществѣ. Сочиненіе Гастона Буасье. Спб., 1875.

Въ европейскихъ литературахъ можно найти цѣлыя сотни книгъ, брошюръ и журнальныхъ статей, посвященныхъ описанію женскаго быта въ разные вѣка и у разныхъ народовъ. Есть между ними умныя, хорошія, полезныя сочиненія, но такихъ очень немного, большею-же частью все это или праздная фельетонная болтовня, какой не мало и у насъ, въ родѣ «Турецкихъ женщинъ» маіора Османъ-Бея, или-же пригодныя только для спеціалистовъ ученыя изслѣдованія, въ родѣ Das Mutterrecht Бахофена. Переводить что-нибудь изъ этой массы нужно съ большимъ разборомъ, но этого правила рѣдко придерживаются наши переводчики. Къ чему, напр., переведена брошюрка Буасье? Положимъ, знать о римскихъ женщинахъ далеко не лишнее, напр., нашимъ гимназисткамъ, особенно тѣмъ изъ нихъ, которыя изучаютъ латинскій языкъ. Но Буасье плохой руководитель въ этомъ отношеніи. Переводчикъ въ предисловіи превозноситъ его до небесъ, но эти похвалы доказываютъ одно только пламенное желаніе переводчика познакомить россіянокъ съ доблестями матронъ древняго Рима. Буасье—великій почитатель древности и главная цѣль его брошюрки (in 16°, 78 стр.) заключается въ томъ, чтобы оправдать римлянокъ эпохи паденія отъ обвиненій въ тѣхъ порокахъ, которые приписываются имъ тогдашними языческими и христіанскими писателями. Цѣли этой онъ не достигаетъ, но его разсказъ о томъ процесѣ, посредствомъ котораго эмансипировалась римлянка, былъ-бы не лишенъ интереса, если-бы не былъ написанъ и переведенъ такъ

Digitized by Google

плохо. Переводъ не только тяжелъ, но мѣстами даже безграмотенъ и безтолковъ. Напр.: «представленіе древнихъ римлянъ матери семейства было *важное*» (с. 10); «невѣрность ея причинила столько горя Галлу, *такъ что* его другъ...» и т. д. (с. 19); «*община* женщинъ», вмѣсто *общность* (с. 31); вмѣсто того, чтобы сказать: «Цицеронъ соглашается съ мнѣніемъ Платона», переводчикъ говоритъ: «Цицеронъ принимаетъ его на свой счетъ» (с. 51) и т. д.

Буасье почти вовсе не касается положенія женщины въ первобытномъ римскомъ семействѣ, въ томъ строгомъ патриціанскомъ бракѣ, въ которомъ она занимала вполнѣ подневольное положеніе и, считаясь дочерью мужа, зависѣла отъ одной его абсолютной отеческой власти. Мужъ вмѣстѣ съ семейнымъ совѣтомъ судилъ ее и даже приговаривалъ ее къ смерти. Игнатій Метеллъ убилъ свою жену за то, что она однажды напилась пьяною, и никто не порицалъ его за это убійство; всѣ, напротивъ, смотрѣли на него, какъ на спасительный примѣръ. Произволъ мужа ограничивался только тѣмъ, что законъ запрещалъ разводъ, кромѣ тѣхъ случаевъ, когда обнаруживалось прелюбодѣяніе жены, ея нерадѣніе о хозяйствѣ или плодоизгнаніе. Рядомъ съ этимъ строго-патріархальнымъ, патриціанскимъ бракомъ въ Римѣ существовали другія, болѣе свободныя брачныя отношенія, о которыхъ ничего не говоритъ Буасье. Въ разноплеменномъ и безсословномъ обществѣ плебеевъ не было такой патріархальности, какъ у патриціевъ, для заключенія брака не требовалось даже договоровъ или контракта, а достаточно было обоюднаго согласія жениха и невѣсты; жена въ этомъ бракѣ состояла подъ властью не мужа, а своего отца или лица, занимавшаго его мѣсто; расторженіе этого брака было легко. Борьба плебеевъ съ патриціями состояла, между прочимъ, и въ борьбѣ этихъ двухъ брачныхъ формъ, изъ которыхъ плебейская болѣе и болѣе брала перевѣсъ надъ патріархальною патриціанскою. Въ этой борьбѣ принимала дѣятельное участіе и сама женщина. Въ суровомъ, воинственномъ обществѣ древнихъ римлянъ женщина выработала себѣ энергію воли и здравый практическій смыслъ, благодаря которымъ она могла постоять за себя. «Мягкость, говоритъ Буасье,—грація, нѣжность кажутся изъ сочиненій Плавта присущими исключительно женщинамъ вольнаго поведенія. Тѣмъ молодымъ дѣвицамъ и женщинамъ свободнаго рожденія, которыхъ Плавтъ выводитъ на сцену, неизвѣстны сердечныя изліянія и страстные порывы: напротивъ, онѣ вовсе не застѣнчивы и не мечтательны, онѣ имѣютъ рѣшительный видъ и тонъ ихъ рѣчи твердый и мужественный. Въ комедіи подъ

Digitized by Google

названіемъ «Персъ» безстыдный паразитъ хочетъ впутать свою дочь въ низкую интригу, съ цѣлію пріобрѣсти до конца своей жизни вкусные обѣды. Дочь сопротивляется съ холодною непоколебимостью; но, отклоняя опасность, которая угрожаетъ ея чести, она не прибѣгаетъ къ воплямъ и слезамъ, она важна, говоритъ притчами, споритъ, разсуждаетъ. «Мы очень бѣдны, говоритъ она отцу, — но лучше жить въ нищетѣ, чѣмъ сдѣлать то, что ты хочешь: бѣдность дѣлается болѣе тяжкою, если къ ней присоединяется безчестіе». Когда Алкмена видитъ себя оскорбленною Амфитріономъ, она не пробуетъ тронуть его слезами,—нѣтъ, она хочетъ побѣдить его своими разсужденіями. Она съ необыкновенною осторожностью избѣгаетъ того, что мы называемъ «умолять»: она только напоминаетъ ему о его совѣсти и о Юнонѣ. Мать семейства, она предлагаетъ ему испытать ея добродѣтель свидѣтелями, и лишь только замѣчаетъ, что не въ силахъ его разувѣрить, какъ мужественно рѣшается и требуетъ развода. «Возьми свое, говоритъ она,—и отдай мое, принадлежащее мнѣ». Она не хочетъ долѣе оставаться съ нимъ ни минуты и проситъ дать ей людей проводить ее къ себѣ; но такъ-какъ мужъ, кажется, колебался это сдѣлать, то она рѣшается уйдти въ сопровожденіи лишь своей цѣломудренности» (стр. 10). Дѣвушки получали почти такое-же образованіе, какъ мальчики, и это образованіе имѣло вполнѣ серьезный, дѣловой характеръ. Ихъ долго боялись учить музыкѣ и пѣнію, и Сципіонъ Эмиліанъ во время своего цензорства велѣлъ уничтожить всѣ школы, тайно открытыя въ Римѣ съ спеціальною цѣлью обученія этимъ искуствамъ. «Развращаютъ наше юношество, говорилъ онъ,—заставляя его изучать неблагопристойныя искуства. Его учатъ пѣть, что наши предки считали постыднымъ для свободнаго человѣка. Молодыя дѣвицы и мальчики отправляются въ школы учиться танцовать между шутами! Мнѣ часто говорили объ этомъ, но я не былъ въ состояніи вѣрить, что возможно давать подобное воспитаніе дѣтямъ, когда носишь честное имя. Меня водили въ одну изъ этихъ школъ, и, клянусь Геркулесомъ, я видѣлъ тамъ болѣе 600 дѣвицъ и мальчиковъ. Въ этой толпѣ (краснѣю за Римъ) я видѣлъ сына кандидата на общественныя должности, двѣнадцатилѣтняго ребенка, съ буллой еще на шеѣ, танцующимъ столь безстыдный танецъ, который-бы не позволилъ себѣ танцовать, не конфузясь, самый развращенный рабъ!» Воспитаніе, такимъ образомъ, старалось поддержать старинную простоту, даже суровость нравовъ, и въ то-же время давало женщинѣ возможность имѣть значеніе въ общественной

Digitized by Google

жизни. Религія тоже покровительствовала женщинамъ и въ лицѣ весталокъ выставляла ихъ образцами чистоты и цѣломудрія. Но какъ строго относилась религія къ нравственности этихъ женщинъ, можетъ показать слѣдующій случай. Около IV в. до Р. Х. весталка Постумія была обвинена въ томъ, что небрежно относилась къ своимъ обязанностямъ. Ея франтовство и веселость навлекли на нее подозрѣніе въ тяжкихъ проступкахъ. Она была найдена невинною, но верховный жрецъ, поручая ей снова исполненіе ея обязанностей, требовалъ, чтобы на будущее время она вела самую строгую жизнь и «была святой женщиной, а не женщиной съ умомъ». Уличенную въ любовной связи весталку предписывалось зарывать живою въ землю, а ея любовника засѣкать до смерти. За то весталки пользовались огромнымъ уваженіемъ. Во всѣхъ общественныхъ собраніяхъ онѣ занимали мѣсто на ряду съ первыми сановниками государства; если осужденному на казнь преступнику удавалось прикоснуться къ платью весталки, то онъ получалъ помилованіе, и т. д. Такимъ-же значеніемъ пользовались сивиллы. Независимо отъ этого, «мы видимъ римлянокъ, достигшихъ жреческаго достоинства, напр., жрицы Юноны, Венеры, Цереры, и такъ-какъ нѣкоторыя изъ этихъ богослуженій были очень важны и имѣли нѣкоторый офиціальный характеръ, ибо жрицы молились о всѣхъ гражданахъ, причемъ носили по временамъ званіе общественнаго жреца, то вошло въ обыкновеніе не отдѣлять женщинъ отъ другихъ должностныхъ лицъ города. Онѣ участвовали также въ богослуженіяхъ цезарей, что было весьма тѣсно связано съ управленіемъ провинцій и муниципій, и были жрицами женъ императоровъ, сопричтенныхъ къ сонму боговъ. Для прославленія Ливіи и Фаустины, когда декретомъ сената разрѣшено было ихъ боготвореніе, выбирали супругу какого-либо важнаго лица, исполнявшаго также какую-нибудь гражданскую должность и бывавшаго часто жрецомъ Августа и Антонина. Оба супруга имѣли тогда одинаковыя права: назначенные на однѣ и тѣ-же должности, вслѣдствіе согласія однихъ и тѣхъже лицъ, они благодарили своихъ избирателей, предлагая имъ одинаковые дары. Жрицы воздвигали памятники и устраивали игры также какъ и жрецы, и щедрость жрицъ была вознаграждаема ихъ соотечественниками одинаковымъ почтеніемъ со жрецами. Женщины, слѣдовательно, были обязаны религіи своими почестями, которыя такъ удовлетворяли ихъ тщеславіе, и нѣкоторою долею того значенія, какимъ онѣ гордились» (стр. 41). Какъ матери, жены и сестры, женщины имѣли большое вліяніе и на общественныя дѣла; онѣ

Digitized by Google

воспитывали гражданъ, воодушевляли воиновъ и т. д. Римъ былъ первымъ цивилизованнымъ государствомъ древняго міра, дозволившимъ женщинѣ появляться въ обществѣ. «Мы, говоритъ К. Непотъ, — не стыдимся вводить нашихъ женъ на пиршества, на которыхъ сами присутствуемъ; наши матери семействъ видятъ людей и общество; у насъ жена занимаетъ первое послѣ мужа мѣсто въ домѣ». На общественныхъ гуляньяхъ, въ храмахъ, въ театрахъ женщины появлялись вмѣстѣ съ мужчинами. Ликторъ, хотя-бы онъ очищалъ дорогу для самого консула, не имѣлъ права отстранить идущую по ней женщину. Но уваженіе, которымъ пользовалась женщина, воздавалось ей все-таки не ради ея самой, а единственно и исключительно ради того, что она, какъ мать, рождаетъ и воспитываетъ гражданъ. Буасье не обращаетъ на это обстоятельство ни малѣйшаго вниманія, между тѣмъ какъ оно объясняетъ то видимое противорѣчіе, въ какомъ находятся съ упомянутымъ уваженіемъ къ женщинѣ строгіе законы противъ нея. Мужъ имѣлъ право убить за прелюбодѣяніе свою жену, а отецъ—дочь. Если мужъ не держалъ своей жены въ надлежащей дисциплинѣ, то его могъ понудить къ тому цензоръ. Законъ вообще смотрѣлъ на женщину очень свысока и «по причинѣ ея легкомысленности» держалъ ее цѣлую жизнь подъ опекой отца или мужа, вслѣдствіе чего она не могла ни имѣть родительской власти надъ своими дѣтьми, ни быть опекуншею ихъ, ни вести самостоятельно какой-нибудь процесъ или вступить въ договоръ.

Накопленіе богатствъ и распространеніе роскоши, особенно послѣ покоренія Греціи, имѣло важное значеніе для римлянки. Общественная жизнь болѣе и болѣе теряла прежній патріархальный, монотонный, скучный характеръ; рабыни, отпущенницы, красивыя греческія гетеры, русокудрыя германки увлекали мужчинъ своими физическими прелестями, свободнымъ обращеніемъ, нарядами, остроуміемъ. Римлянки начали упорную борьбу, добиваясь тѣхъ вольностей, какими пользовались эти женщины. Онѣ нѣсколько разъ, напр., агитировали противъ законовъ, ограничивавшихъ ихъ роскошь, заставляли отмѣнять эти законы, иногда даже «открыто смѣялись надъ общественнымъ мнѣніемъ и жили, не стѣсняя себя, вродѣ извѣстныхъ греческихъ женщинъ. Такова была Клодія, которая осмѣливалась останавливать по улицамъ молодыхъ людей и приглашать ихъ на свои праздники; намъ извѣстно также, что она очень любила талантливыхъ поэтовъ и сама сочиняла стихи на извѣстные случаи. Такова была Семпронія, извѣстная своимъ умомъ и хорошимъ знакомствомъ

Digitized by Google

съ греческою и латинскою словесностью, такъ-что Салюстій про нее сказалъ, «что она танцовала лучше, чѣмъ-бы слѣдовало честной женщинѣ». Впрочемъ, она весьма мало заботилась о томъ, быть-ли ей дѣйствительно честною женщиной или только казаться такою: «ничто для нея не имѣло меньше цѣны, какъ хорошая репутація и честь». Она дѣлала долги и не платила ихъ; была замѣшана въ гнусныхъ дѣлахъ, въ мошенничествѣ и даже убійствѣ, и проматывала деньги до тѣхъ поръ, пока, оставшись безъ кредита и поддержки, принуждена была, наконецъ, сдѣлаться сообщницей Катилины въ его заговорѣ» (стр. 22). При этой перемѣнѣ общественныхъ нравовъ измѣнились и взгляды на женское воспитаніе. Вотъ что, напр., говоритъ о немъ Овидій: «Нужно-ли говорить, что онѣ должны умѣть танцовать?.. Слѣдуетъ, чтобъ онѣ по окончаніи обѣда умѣли качать въ тактъ руками, если пожелаютъ того гости. Онѣ также должны быть музыкантшами, граціозно держать правой рукой смычекъ, а лѣвой кифару; въ особенности слѣдуетъ, чтобъ онѣ были пѣвицами: пѣніе—пріятная вещь. Много женщинъ, дурныхъ собою, плѣняли пріятностью своего голоса. Пусть онѣ иногда повторяютъ пѣсни, которыя поютъ въ театрахъ, и египетскія аріи». Также не безполезно, чтобы женщины умѣли хорошо писать: «Сколько разъ случалось, что сомнительная побѣда любовника оканчивалась остроумной запиской, и, что, напротивъ, дурной стиль женщины разрушалъ дѣйствіе, производимое ея красотой!» Женщины должны знать стихотворенія поэтовъ, воспѣвавшихъ любовь, въ особенности стихотворенія Каллимарха и Сафо, и тѣхъ римскихъ поэтовъ, которые имъ подражали (стр. 19). Пѣніе и танцы вошли въ общее употребленіе. Консулъ Планцій, съ привязаннымъ рыбьимъ хвостомъ, раскрашеннымъ подъ цвѣтъ морской воды, съ тростникомъ на головѣ, танцуетъ у Клеопатры на обѣдѣ, который она давала въ честь морского бога. «Въ одной одѣ, гдѣ, подъ именемъ Лицимніи, Горацій воспѣваетъ прелестную супругу Мецената, одну изъ пріятельницъ Августа, поэтъ хвалитъ ее за хорошее пѣніе и затѣмъ прибавляетъ, «что ей также слѣдовало-бы присоединяться къ танцующимъ хорамъ, принимать участіе въ веселыхъ играхъ и перевиться рука объ руку съ молодыми дѣвицами во время праздниковъ». Поэтъ Стацій, необладавшій большими средствами, разсчитывалъ выдать свою дочь замужъ исключительно при помощи ея талантовъ. «Неужели она не въ состояніи одержать побѣды надъ будущимъ супругомъ, она, которая такъ искусно качаетъ въ тактъ своими бѣлыми руками, а стихо-

Digitized by Google

творенія, написанныя ея отцомъ, поетъ съ такимъ чувствомъ, что ей позавидовали-бы и самыя музы?» Плиній пишетъ, что его жена, Кальпурнія, очень заботилась о своей литературной славѣ: она читала и перечитывала свои книги, она даже учила ихъ наизусть, перелагала стихотворенія на музыку и пѣла ихъ при акомпаниментѣ кифары. «Ни одинъ музыкантъ, говоритъ восхищенный Плиній, — не училъ ее: она ученица любви, самаго лучшаго учителя» (стр. 26). Не однимъ только эстетическимъ образованіемъ ограничивалось воспитаніе женщинъ этой эпохи. Многія изъ нихъ изучали греческую литературу, философію, акушерство и т. д. Съ тѣмъ вмѣстѣ онѣ принимали болѣе дѣятельное, чѣмъ прежде, участіе въ общественной жизни. Жены, матери, любовницы императоровъ и другихъ политическихъ дѣятелей были въ этомъ отношеніи Мэнтеноиъ своего времени. Со времени Антониновъ женамъ императоровъ начали давать титулъ «матерей лагеря и легіоновъ», который потомъ замѣнился другимъ: «мать сената и народа», и эти титулы не были одною лестью: при Северахъ, напр., женщины часто управляли государствомъ именемъ своихъ мужей и сыновей. Женская протекція пріобрѣла важное значеніе для мужчинъ. Сенека, напр., былъ обязанъ своимъ квесторствомъ теткѣ. Тацитъ разсказываетъ объ одномъ консулѣ, всѣ способности котораго ограничивались умѣньемъ нравиться женщинамъ, но, благодаря этому умѣнью, онъ сдѣлалъ отличную карьеру. Многіе, подобно сенатору Цецину Северу, жаловались, что «женщины господствуютъ въ семьяхъ, въ судахъ, въ арміяхъ». И женщины не только правили, но и грабили, такъ—что въ сенатѣ заходила даже рѣчь о томъ, не запретить-ли правителямъ провинцій держать при себѣ женъ! «Не было ни одного разбирательства о лихоимствѣ, гдѣ бы не была замѣшана жена правителя. «Всѣ интриганы провинціи обращались къ ней, она вмѣшивалась въ дѣла и рѣшала ихъ»; она занималась всѣмъ, даже военной дисциплиной и управленіемъ войскъ. Видѣли нѣкоторыхъ, что, верхомъ подлѣ мужа, присутствовали при военныхъ упражненіяхъ, начальствовали смотрами, привѣтствовали войска. Съ той поры, какъ супруга императора стала называться «матерью лагерей», жены императорскихъ легатовъ, кажется, стали домогаться расположенія легіоновъ. Онѣ часто успѣвали въ этомъ, и нерѣдко случалось,—что покажется въ настоящее время весьма страннымъ,—что воины и ихъ начальники соединялись вмѣстѣ, чтобъ воздвигнуть статую супругѣ своего полководца» (стр. 53). Женщины устраивали изъ себя разнообразныя асоціаціи, напр., «общество стыдли-

Digitized by Google

вости», «женскій сенатъ», «конвентъ матронъ», въ которомъ участвовали римлянки лучшихъ фамилій и велись ожесточенные дебаты, доходившіе даже до драки. Геліогобалъ придалъ этому собранію даже политическое значеніе, назвавъ его «малымъ сенатомъ», на обязанности котораго лежало опредѣленіе правилъ этикета. «Женщины темнаго происхожденія и неимѣвшія надежды поступить въ «малый сенатъ», образовывали также не мало обществъ, и, въ свою очередь, тоже не безъ значенія. Этимъ кружкамъ случалось даже вмѣшиваться въ общественныя дѣла и играть тамъ нѣкоторую роль. Такъ, здѣсь разсуждали о наградахъ, когда хотѣли дать ихъ какому-нибудь должностному лицу города; подавали мнѣніе о суммѣ, необходимой для постановки памятниковъ и статуй, и проч. При выборахъ женщины были устранены отъ подачи голосовъ, но имъ не запрещалось представлять предпочитаемыхъ ими кандидатовъ. Между избирательными объявленіями, которыми испещрены стѣны Помпеи, многія подписаны женщинами. Если матроны были богаты, и притомъ знатнаго происхожденія, находились замужемъ за вліятельными лицами, занимавшими видныя мѣста, то отъ благодарныхъ соотечественниковъ, которые не отдѣляли такихъ матронъ отъ ихъ супруговъ, они получали одинъ общій монументъ. Нерѣдко, впрочемъ, и сами матроны ищутъ подобной благодарности путемъ частной благотворительности, которою пользуется ихъ страна: онѣ строятъ храмы, портики, украшаютъ театръ, даютъ въ честь свою игры, и за эти благодѣянія городъ всегда отплачиваетъ общественнымъ вниманіемъ: женщины получаютъ тѣ-же почести и тѣ-же титулы, что и мужчины. Подъ ихъ покровительствомъ находятся большія общества; ихъ называютъ «матерьми и благодѣтельницами муниципальнаго города», и эта почесть давалась имъ вслѣдствіе торжественнаго рѣшенія, что еще болѣе усиливало ея цѣну» (стр. 59). Законъ давалъ мужу преимущество, которымъ такъ гордился Катонъ старшій, указывавшій на него въ одной изъ своихъ рѣчей: «если ты застанешь свою жену въ моментъ прелюбодѣянія, то законъ дозволяетъ тебѣ безъ суда убить ее; если-бы-же она поймала тебя въ томъ-же, то она не смѣетъ тронуть тебя даже пальцемъ: законъ запрещаетъ ей это». Антонинъ уничтожилъ это различіе. Въ періодъ императоровъ мы видимъ уже, что половая опека вышла изъ употребленія, власть мужа и отца была ограничена, жена имѣла свою отдѣльную собственность, которою она распоряжалась по своему произволу, могла вести собственное хозяйство, вступать въ договоры съ мужемъ, дѣлаться

Digitized by Google

его кредиторомъ и т. д. Римлянка уже не только была свободна отъ опеки, но пріобрѣла сама право опеки надъ своими дѣтьми и внуками. Словомъ, въ юридическомъ отношеніи положеніе женщины радикально измѣнилось, но Буасье не касается этой перемѣны. Вмѣсто того онъ употребляетъ всѣ усилія, чтобы доказать нравственность римлянки эпохи паденія. Онъ указываетъ на образцы женскихъ доблестей въ это время, напр., на жену Брута, которая говорила мужу: «я вышла за тебя вовсе не для того, чтобы играть роль любовницы на постели и за трапезой, но чтобы быть участницей твоей радости и горя» (стр. 55); на женъ Плинія и Сенеки (стр. 76), на многихъ другихъ женщинъ временъ цезарей, когда «онѣ представляли удивительные примѣры. Многія добровольно обрекали себя на нищету, ведя до того роскошную жизнь; другія шли за мужьями въ ссылку; нѣкоторыя съумѣли геройски умереть. Такова была юная Политта, дочь консула Антистія Вера, трогательную кончину которой разсказалъ намъ Тацитъ. Неронъ отнялъ у нея мужа, мудраго Рубелія Плавта, и она имѣла на-столько присутствія духа, что держала въ своихъ рукахъ отрубленную голову мужа; съ тѣхъ поръ она носила трауръ и проливала слезы, подвергая себя лишеніямъ и храня, какъ святыню, его окровавленную одежду; когда-же она узнала, что отцу ея также угрожаютъ смертью, Политта ринулась къ ногамъ Нерона. Она все употребила для того, чтобы растрогать его, но, найдя его ко всему нечувствительнымъ, возвратилась къ отцу, возвѣстивъ, что всякая надежда потеряна и что она умретъ вмѣстѣ съ нимъ» (стр. 77). Но это вѣдь были исключенія, и эпоха эмансипаціи римлянки не имѣла въ себѣ вообще ничего привлекательнаго въ нравственномъ отношеніи. Развратъ достигалъ до предѣловъ невозможнаго, принималъ самыя чудовищныя формы и велъ къ ужаснымъ преступленіямъ. Еще въ 326 г. до Р. Х., напр., въ Римѣ было открыто тайное общество женщинъ, имѣвшихъ цѣлью отравленіе своихъ мужей. Дѣтоубійство, плодоизгнаніе, дѣтовыбрасыванье были въ позднѣйшее время Рима обыденными явленіями. Все это вещи такія общеизвѣстныя, что даже не хочется говорить о нихъ. Но Буасье рѣшился во что-бы то ни стало оправдать римлянокъ и настрочилъ на нѣсколькихъ страницахъ такую защитительную рѣчь, которой можетъ позавидовать даже самъ г. Щелканъ, защитникъ матушки Митрофаніи. Между тѣмъ распущенность женскихъ нравовъ въ Римѣ не только не подлежитъ сомнѣнію въ виду единогласнаго свидѣтельства и языческихъ, и хри-

Digitized by Google

стіанскихъ писателей, но даже a priori она кажется неизбѣжною при тѣхъ условіяхъ, при которыхъ развивалась и выходила на свободу римлянка. Общественный строй Рима разлагался вслѣдствіе внутреннихъ противорѣчій, и женщина, вырываясь на свободу, естественно попирала то, что давило ее. Переходныя формы развитія всегда отличаются такими патологическими явленіями.

Digitized by Google

ПОЛИТИЧЕСКАЯ И ОБЩЕСТВЕННАЯ ХРОНИКА.

Родина Эдгара Кинэ. — Вліяніе мѣстной природы на характеръ произведеній Кинэ.—Его отецъ.—Воспитаніе Кинэ.—Увлеченіе нѣмецкою наукою.—Кинэ въ Германіи.—Путешествіе его въ Грецію.—Поэмы Кинэ.—Фанатическое поклоненіе Наполеону I.—Печальныя послѣдствія этого фанатизма для Франціи.—Успѣхи Кинэ на университетской кафедрѣ.—Благоъворное вліяніе на него Мишле.—Борьба Кинэ съ іезуитами и ультрамонтанствомъ.—Кинэ депутатъ.—Кинэ полковникъ.—Кинэ изгнанникъ.—Эпопея «Мерлинъ Чародѣй».—Ея достоинства.—Рыцарство.—Изнанка исторіи среднихъ вѣковъ.—Возрожденіе.—Пріемъ, сдѣланный «Мерлену».—Историческіе труды Кенэ — Возвращеніе Кинэ во Францію.

I.

Недавно умеръ Эдгаръ Кинэ, одинъ изъ замѣчательныхъ французскихъ ученыхъ и публицистовъ. Онъ былъ извѣстенъ не въ одной Франціи. Большая часть его произведеній переведена на многіе изъ европейскихъ языковъ. Полное собраніе его сочиненій издано въ двадцати томахъ. Какъ професоръ, онъ читалъ лекціи во Франціи и въ Швейцаріи. На его публичныя лекціи въ Лондонѣ стекались массы слушателей. Не говоря уже о французской литературѣ, въ англійской и нѣмецкой литературахъ существуютъ весьма обстоятельные разборы произведеній французскаго ученаго. Русская читающая публика также знакома съ именемъ Кинэ, хотя, правду сказать, у насъ имѣется очень мало переводовъ его произведеній и еще менѣе статей, посвященныхъ ихъ анализу. Если позволятъ обстоятельства, мы постараемся дать подробный разборъ сочиненій Кинэ; въ настоящей-же хроникѣ сообщаемъ краткій очеркъ его жизни и дѣятельности.

Digitized by Google

Эдгаръ Кинэ родился въ 1803 году въ Бургѣ, въ энскомъ департаментѣ, въ которомъ рядомъ съ довольно значительными возвышенностями лежатъ обширныя болотистыя пространства. Съ одной стороны тянется хребетъ Юры, съ другой идутъ топи; горныя долины смѣняются широкими равнинами, прорѣзанными значительными озерами. Въ этой мѣстности путешественникъ на каждомъ шагу встрѣчаетъ великолѣпные пейзажи, составляющіе находку для поэтовъ и живописцевъ. Въ произведеніяхъ Кинэ отражается эта величественная, разнохарактерная природа, подъ впечатлѣніемъ которой онъ выросъ. Въ своей поэмѣ „Мерленъ Чародѣй" Кинэ въ слѣдующихъ выраженіяхъ описываетъ природу своей родины:

„Вообрази себѣ непроницаемые лѣса, перерѣзанные обширными озерами, въ которыхъ отражается пурпуромъ заходящее солнце. На востокъ, черезъ лье, виднѣется гора, правда, еще не очень высокая, но чѣмъ далѣе, горы становятся все выше и выше, и, наконецъ, открывается подножіе дѣвственныхъ Альпъ съ ихъ ледянымъ покровомъ. Между горой и лѣсомъ тянется равнина, усѣянная круглыми вышлифованными голышами, которыми играетъ Мерленъ съ своими товарищами на своемъ зеленомъ лужкѣ, на мѣстномъ деревенскомъ нарѣчіи и теперь еще зовущемся „Ора". Вокругъ—миръ и тишина; все здѣсь спокойно и таинственно. Сколько разъ въ маѣ мѣсяцѣ я слышалъ въ кустахъ шиповника, дрока или дикаго желтофіоля разговоръ Мерлена и Вивіаны, ведущійся шопотомъ. Я-бы могъ указать тебѣ тысячу тропинокъ, протоптанныхъ ихъ шагами, теперь оставленныхъ, заросшихъ мелкой травой и папоротникомъ"...

Нимфы горъ, нимфы прудовъ, демоны лихорадки — вотъ феи, окружавшія колыбель новорожденнаго Эдгара Кинэ; онѣ постоянно носились въ его воображеніи, наполняли его фантазію. Сказки, слышанныя въ дѣтствѣ, и дикій пейзажъ окружающей мѣстности произвели такое сильное впечатлѣніе на умъ Кинэ, что они, какъ мы уже замѣтили, отразились въ его произведеніяхъ, и не только въ такихъ, какъ „Мерленъ", „Наполеонъ", „Агасверъ", въ созданіи которыхъ въ значительной долѣ участвовало воображеніе, но даже въ его историческихъ и философскихъ трудахъ. Всѣ лица, дѣйствующія въ его произведеніяхъ, нарисованы смѣло, широкой кистью, всѣ они одарены сильнымъ тѣлосложеніемъ, замѣчательными способностями; при всемъ томъ они какъ-бы застланы

Digitized by Google

волнующимся туманомъ, который, разсѣеваясь и принимая различные размѣры и положенія, даетъ безпрестанно измѣняющіяся формы очертаніямъ фигуръ. Сквозь этотъ туманъ блеститъ временами солнце и лучи его то ослѣпляютъ и жгутъ, то нѣжатъ и ласкаютъ. Затѣмъ туманъ снова сгущается, но чрезъ его покровъ все-таки проскальзываетъ слабый свѣтъ, то сѣроватый, то окрашенный, смотря по обстоятельствамъ даннаго момента. Каски и оружіе блестятъ серебристымъ отливомъ; оранжевые лучи отражаются въ сѣроватой поверхности пруда и т. д. Вездѣ противоположеніе скалы и тумана; величественныя массы гранита рядомъ съ грязными, тинистыми топями. Неопредѣленныя воздушныя формы носятся безпорядочно вокругъ гигантовъ, изсѣченныхъ изъ гранита; они ласкаютъ ихъ, покрываютъ собой, пока въ безсиліи не разсѣеваются. Все здѣсь запечатлѣно грандіозностью, прелестью, хотя не совсѣмъ здорово. При всемъ томъ все трогаетъ и волнуетъ сердце. Кто видѣлъ нимфу Домбъ, когда она, бѣлая и граціозная, показывается среди зеленыхъ тростниковъ, тотъ никогда не полюбитъ никакой другой нимфы. Ея поцѣлуи жгутъ кровь, но когда ихъ болѣе не ощущаешь, душа сохнетъ.

„Histoire de mes idées“, представляющая собой автобіографію Эдгара Кинэ, принадлежитъ къ числу самыхъ лучшихъ произведеній подобнаго рода, написанныхъ въ XIX столѣтіи; можно даже утвердительно сказать, что оно самое лучшее. Въ немъ уясненъ ходъ постепеннаго развитія не одного какого-нибудь человѣка, не отдѣльной личности, а цѣлаго поколѣнія. Если-бы мы вздумали цитировать лучшія мѣста изъ этого произведенія, то пришлось-бы выписать почти всю книгу. По нашему мнѣнію, „Histoire de mes idées“ самое лучшее, самое глубокое, самое искреннее изъ всѣхъ произведеній талантливаго писателя. Нѣтъ сомнѣнія, что это произведеніе Эдгара Кинэ переживетъ всѣ остальныя его сочиненія, изъ которыхъ многія, изданныя во второмъ періодѣ его дѣятельности, принадлежатъ къ числу лучшихъ произведеній французской науки и литературы.

И отецъ, и мать, каждый въ свою очередь, оказали значитель-

Digitized by Google

ное вліяніе на развитіе Эдгара Кинэ. Отъ отца онъ получилъ прямоту и непреклонность характера; отъ матери—талантъ, нѣжность, чувствительность, воображеніе, изумительную память. Очень немногіе обладали такимъ замѣчательнымъ критическимъ анализомъ, какъ Кинэ; моральныя проблемы онъ разрѣшалъ съ точностью алгебраическихъ вычисленій.

Отецъ Эдгара Кинэ былъ человѣкъ во многихъ отношеніяхъ замѣчательный. Онъ обладалъ античными добродѣтелями. Точно вылитый изъ бронзы во время отправленія своихъ общественныхъ обязанностей, онъ былъ чрезвычайно нѣженъ и деликатенъ въ своемъ семействѣ и въ своихъ сношеніяхъ съ друзьями. Онъ занималъ должность военнаго комисара и отличался безукоризненной исполнительностью и честностью. Съ своими начальниками онъ держалъ себя съ достоинствомъ, никогда не заискивалъ въ нихъ, никогда для выгоды не пожертвовалъ ни іотой своихъ убѣжденій. Блескъ и побѣды первой имперіи не ослѣпили его ни на одну минуту; онъ постоянно предсказывалъ ей недолговѣчность, основывая свое предсказаніе на отсутствіи раціональности въ бонапартовской системѣ и на ея непригодности для Франціи. Онъ не преклонялся предъ идоломъ, которому курили фиміамъ всѣ его соотечественники. Онъ жилъ вдали отъ славы, съ которой носилось большинство французовъ, и всегда говорилъ, что за ней должно послѣдовать самое грустное разочарованіе, что за побѣдами придетъ страшное пораженіе, которое послужитъ возмездіемъ за всѣ несправедливости, какія Франція совершила противъ другихъ націй. Но хотя онъ предвидѣлъ печальный исходъ, пораженіе при Ватерлоо сильно поразило его, какъ горячаго патріота. Тяжело и грустно было ему видѣть, какъ иностранцы распоряжаются въ его разоренномъ войною отечествѣ.

Юный Эдгаръ Кине, во время этой катастрофы, былъ уже въ тѣхъ лѣтахъ, что могъ понять ея значеніе. На него, какъ и на его отца, она произвела сильное впечатлѣніе. Ему, однакожь, привелось дожить еще до болѣе ужаснаго пораженія, еще до большаго униженія. Ватерлоо было сильнымъ пораженіемъ, но тогда, по крайней мѣрѣ, честь была сохранена. Седанъ-же представляетъ такое униженіе, какого не было въ исторіи ни одной другой націи. Такимъ образомъ, политическая, моральная и умственная жизнь Кинэ протекла между Ватерлоо и Седаномъ, между двумя капитуля-

Digitized by Google

ціями Парижа. Его „Исторія кампаніи 1815 года“, написанная въ зенитѣ его жизни, во время высшаго проявленія его интелектуальной силы, стоила ему несравненно болѣе труда и изысканій, чѣмъ всѣ другія его произведенія. Въ него Кинэ вложилъ всю страстность своей натуры, и эти чувства его всецѣло передаются развитому читателю, къ какой-бы партіи онъ ни принадлежалъ.

II.

Мы показали, подъ какими впечатлѣніями формировался въ Эдгарѣ Кинэ характеръ поэта, человѣка, гражданина и патріота; обратимся теперь къ его біографіи.

Эдгаръ Кинэ воспитывался въ лицеѣ въ Ліонѣ. Здѣсь онъ выказалъ такія замѣчательныя способности и такую независимость характера, что его товарищи охотно признали его первенство надъ собою, а воспитатели пророчили ему блистательную карьеру. Эдгаръ самъ сознавалъ свои высшія способности и не разъ говорилъ товарищамъ, что желаетъ добиться професуры по высшей математикѣ. Въ 18 лѣтъ отъ роду онъ былъ уже професоромъ въ „College de France“. Родители думали-было помѣстить его въ банкирскую контору. Состояніе у нихъ было небольшое, но они никогда не знали нужды, однакожь, не имѣя излишковъ, считали, что ихъ сыну не лишнее устроиться на хорошемъ жалованьи. При всемъ томъ Эдгаръ не согласился на ихъ желаніе. Родители не настаивали, зная, что при ихъ средствахъ Эдгару не можетъ грозить ни нужда, ни голодъ, хотя онъ останется и безъ мѣста. Обезпеченность въ дѣтствѣ и юности сильно повліяла на характеръ дѣятельности Эдгара Кинэ. Онъ никогда не интересовался экономическими вопросами, которые, напримѣръ, всю жизнь тревожили Прудона, испытавшаго нужду въ дѣтствѣ и юности и не разъ испытывавшаго ее въ зрѣлые годы.

Имѣя 20 лѣтъ отъ роду, Кинэ напечаталъ свой первый литературный трудъ „Les tablettes d'un Juif Errant“. Оно было принято благосклонно и публикой, и критикой, хотя, по правдѣ

Digitized by Google

сказать, оно не обладаетъ особенными достоинствами и не выходитъ изъ ряда посредственности.

Вскорѣ послѣ изданія своего перваго литературнаго труда Эдгаръ Кинэ отправился въ Германію и записался студентомъ въ Гейдельбергѣ. Это случилось въ самый разгаръ реакціи, когда Франція поняла, что она сильно отстала въ научномъ отношеніи. Въ чаду отъ побѣдъ имперіи, Франція ничему не училась, она забыла даже то, что знала. Теперь, при господствѣ реакціи, она рѣшительно отказалась отъ всего, что ей оставилъ XVIII вѣкъ, отъ философіи Кондильяка, Вольтера и Кондорсе, отъ науки энциклопедистовъ, и обратила свои взоры на Германію, ожидая получить оттуда просвѣщеніе. Любимымъ чтеніемъ въ это время были сочиненія, въ которыхъ доказывалось, что истинная наука, религія, поэзія и философія процвѣтаютъ только въ Германіи. Викторъ Кузенъ, человѣкъ умный и ловкій, понялъ, какую выгоду для себя онъ можетъ извлечь изъ этого увлеченія Германіей. Онъ перешелъ Рейнъ, чтобы заимствоваться мудростію у Шеллинга и Гегеля, чтобы нагрузить свою память „субъективнымъ и объективнымъ", „я и не я" и пр. Возвратясь оттуда, онъ сталъ преподавать французскому юношеству какую-то смѣсь спиритуализма и сенсуализма, смѣшивая Дугальда Стюарта съ св. Августиномъ, Платона съ Гегелемъ; предлагая отвѣдать блюдо, составленное изъ ананаса съ уксусомъ, амброзіей и соленой свининой, и все это разведенное овсяной похлебкой. Предлагаемое имъ ученіе получило названіе „эклектизма" и втеченія нѣсколькихъ десятилѣтій туманило головы французскихъ юношей.

Громадный успѣхъ Кузена вскружилъ голову юному професору Кинэ. Онъ также отправился въ Германію изучать свойство тезъ и антитезъ. Онъ скоро освоился съ нѣмецкою премудростью и безъ затрудненія соединилъ брачнымъ союзомъ туманы своего родного Домба съ туманами Некера, Изара и Шпре. Однакожь, онъ не погрузился съ головой въ непроходимыя дебри неудобопонятной нѣмецкой философіи. Отъ такой бѣды спасли его прирожденная

Digitized by Google

наивность и вкусъ. Въ полномъ смыслѣ этого слова добродѣтельный юноша, Эдгаръ Кинэ усердно посѣщалъ лекціи професоровъ, добросовѣстно записывалъ ихъ, но въ то-же время страстно предавался изученію дѣйствительно замѣчательныхъ нѣмецкихъ философовъ Крейцера и Гердера, въ особенности послѣдняго. Знакомство съ этими менѣе туманными учеными спасло Кинэ и дало ему извѣстность во Франціи. Возвратившись во Францію, онъ издалъ свой переводъ болѣе извѣстнаго изъ сочиненій Гердера: „Мысли по поводу философіи исторіи человѣчества". Изложенная понятнымъ языкомъ, эта книга встрѣчена была французской молодежью съ энтузіазмомъ. „Вотъ человѣкъ, какого намъ надо; онъ нахваталъ бездну премудрости въ нѣмецкихъ университетахъ и умѣетъ передавать ее понятнымъ для всѣхъ языкомъ". Едва-ли съ такимъ энтузіазмомъ принимали Данте во Флоренціи послѣ того, какъ онъ написалъ свою „Божественную комедію".

Пребываніе въ Германіи обезпечило за Кинэ славу серьезнаго ученаго, благодаря чему, имѣя только 25 лѣтъ отъ роду, онъ былъ назначенъ членомъ ученой комисіи, посланной въ Морею. Находясь въ этой комисіи, Кинэ собралъ много интересныхъ документовъ и затѣмъ, въ 1830 году, издалъ книгу подъ заглавіемъ: „De la Grece Moderne et de ses rapports avec l'antiquite". Вскорѣ послѣ изданія этого труда онъ получилъ приглашеніе участвовать въ журналѣ „Revue des deux Mondes".

Изученіе Греціи нѣсколько отразилось на характерѣ развитія Кинэ; оно имѣло послѣдствіемъ ослабленіе энтузіазма, какой онъ выказывалъ въ отношеніи германской науки. Но должно было пройти еще 12 лѣтъ, пока онѣмеченному Кинэ удалось вполнѣ освободиться отъ германскаго вліянія и внести въ свои труды національный характеръ. До тѣхъ-же поръ на всѣхъ его произведеніяхъ замѣтно отражалось вліяніе нѣмецкой философіи. Они отличались излишней изысканностью, натянутостью и высокопарностью; въ нихъ еще замѣтенъ сантиментальный новичекъ, гоняющійся болѣе за словомъ, чѣмъ за мыслью. Кинэ чрезмѣрно заботится о музыкальности стиха, о красотѣ фразы, которая поэтому у него чаще выходитъ напыщенной, чѣмъ дѣйствительно красивой. Впрочемъ, страсть къ отдѣлкѣ фразы сохранилась у него до конца жизни. И въ лучшій періодъ его дѣятельности Кинэ всегда былъ больше поэтомъ

Digitized by Google

и братором, чѣмъ мыслителемъ и ученымъ. Но при всѣхъ этихъ недостаткахъ, Кинэ всегда оставался вполнѣ искрененъ; если онъ позволялъ себѣ иногда прибѣгать къ излишествамъ, то дѣлалъ это не для того, чтобы рисоваться или изъ желанія произвести эфектъ, а только потому, что, при своей поэтической натурѣ, онъ страстно любилъ красоту формы.

Эти недостатки особенно ярко выказались въ трехъ его поэмахъ, написанныхъ въ первый періодъ его дѣятельности. Онѣ изданы: „Агасверъ" въ 1833, „Наполеонъ" въ 1836 и „Прометей" въ 1837 годахъ. Кинэ мечталъ, что эта трилогія представитъ собою обращикъ новѣйшей французской эпопеи; его огорчало, что послѣ героическихъ пѣсень XII вѣка и поэмъ, описывающихъ вѣкъ Карла Великаго, Франція не имѣла настоящей эпопеи. „Прометея" нельзя назвать неудачнымъ произведеніемъ; онъ хорошъ, но былъ-бы еще лучше, если-бъ былъ понятнѣе изложенъ. „Агасверъ" написанъ съ тою цѣлію, чтобы французы позабыли „Генріаду". Говоря искренно, мы предпочитаемъ вольтеровскую „Генріаду". Въ ней, по крайней мѣрѣ, есть начало, средина и конецъ, тогда какъ „Агасверъ" безъ хвоста и головы. Теперь греческая мифологія вышла изъ моды, но во время Вольтера безъ нея немыслимо было никакое поэтическое произведеніе. Вольтеръ слишкомъ пестритъ свою поэму обращеніемъ къ греческимъ богинямъ и богамъ. Но вѣдь и пресловутый „Агасверъ" играетъ подобную-же роль, съ тою только разницею, что онъ грубѣе. Намъ можетъ не нравиться, что Вольтеръ часто обращается къ греческой мифологіи, но мы знаемъ, что онъ относится къ ней шутливо и смотритъ на нее, какъ на необходимое формальное добавленіе. Кинэ точно также обращается къ мифологіи, но только къ мифологіи, дѣйствующей раздражительно на нервы, къ таинствамъ Вальпургіевой ночи, и относится къ нимъ серьезно. Правда, его Агасверъ посѣщаетъ не только гору Брокенъ, ведетъ бесѣду не съ однѣми вѣдьмами,—онъ съ своимъ посохомъ вѣчнаго странника появляется вездѣ, во всемъ видимомъ и невидимомъ мірѣ. Онъ посѣщаетъ землю и другія планеты; онъ ведетъ разговоръ съ людьми и съ ангелами. Кинэ видимо хотѣлъ изобразить противоположности; низменное и отвратительное онъ помѣщаетъ рядомъ съ величественнымъ. Но все у него перемѣшано до крайности; все нагромождено

Digitized by Google

безъ всякой системы, такъ что читатель, наконецъ, перестаетъ обращать вниманіе на алмазы и проходитъ мимо нихъ съ такимъ-же равнодушіемъ, какъ-бы передъ нимъ были не алмазы, а кусочки разбитаго стекла. Подъ конецъ всѣ эти несоразмѣрности утомляютъ читателя и онъ съ досадой оставляетъ книгу, такъ много обѣщавшую въ началѣ и ничего не дающую, кромѣ утомленія.

Что касается „Наполеона", то это произведеніе можно счесть величайшей ошибкой; можно было-бы даже назвать его „преступленіемъ", если-бъ мы не были твердо убѣждены въ честности и искренности Эдгара Кинэ. Въ этой поэмѣ Кинэ возноситъ Наполеона на недосягаемый пьедесталъ, онъ дѣлаетъ его неподражаемымъ героемъ; его эгоизмъ возводитъ въ величіе; называетъ своего героя мученикомъ самопожертвованія, пророкомъ новѣйшихъ временъ, Прометеемъ гуманитарной религіи, какъ тогда было принято называть Наполеона въ кружкѣ его почитателей. Въ силу поэтической вольности Кинэ поддѣлывалъ исторію. Онъ отдалъ дань фанатическому поклоненію Наполеону и шовинизму, которые были болѣзненными проявленіями тогдашняго либерализма. Онъ вступилъ въ ряды такъ-называемой тогда „юной Франціи". Между тѣмъ онъ скорѣе другихъ могъ избѣжать ошибокъ, которыя понадѣлали его талантливые друзья. Его отецъ всю свою жизнь оставался противникомъ Наполеона I и, какъ мы знаемъ, за много лѣтъ до катастрофы предсказывалъ печальный конецъ первой имперіи.

Когда Кинэ издалъ своего „Наполеона", онъ уже успѣлъ составить себѣ литературное имя и былъ очень популяренъ между молодежью. Понятно, что она съ жадностью читала поэтическое произведеніе своего любимца и вѣрила ему на слово. Его герой Бонапартъ сталъ героемъ всей молодежи. Въ одинъ тонъ съ Кинэ пѣли Викторъ Гюго, Беранже, Лоранъ де-л'Ардешъ и Тьеръ. Эти талантливые писатели, вмѣстѣ съ Кинэ, приготовили возстановленіе второй имперіи. Впослѣдствіи Кинэ созналъ свою ошибку и громко въ ней покаялся. Наполеонъ-президентъ охотно сдѣлалъ-бы его своимъ министромъ, но онъ отказался; Наполеонъ-императоръ изгналъ его изъ Франціи.

Digitized by Google

Да; великій грѣхъ совершилъ Кинэ, издавъ своего „Наполеона“! Изъ пяти миліардовъ, которые Франція заплатила нѣмцамъ, много милiоновъ легли на душу Кинэ, своимъ „Наполеономъ“ подготовившаго успѣхъ Наполеону III. Много деревень въ Эльзасѣ и Лотарингіи пошли въ уплату за изысканные александрійскіе стихи „Наполеона“, Кинэ.

Въ литературномъ отношеніи „Наполеонъ“ одно изъ слабѣйшихъ произведеній Кинэ. Теперь оно совершенно устарѣло и его почти невозможно читать. Нѣкоторые стихи просто чудовищны. Можно подумать, что Кинэ нарочно употреблялъ ихъ, имѣя въ виду обезобразить какъ лица своего произведенія, такъ и событія. Полнѣйшее отсутствіе мѣры, точно онъ показываетъ намъ своихъ героевъ черезъ посеребренный шаръ, обыкновенно помѣщаемый въ садахъ на дачахъ для украшенія. Когда вы смотрите на этотъ шаръ, подойдя къ нему близко, вы видите свое лицо сплюснутымъ, широкимъ, обезображеннымъ. Въ такомъ видѣ представляются герои поэмы Кинэ. Есть, конечно, много людей, которыхъ забавляетъ это обезображиваніе, и они хохочутъ отъ души. Но, по всей вѣроятности, и имъ подобныя карикатуры, изображенныя въ 24-хъ пѣсняхъ эпической поэмы, покажутся слишкомъ монотонными. Хуже всего то, что на каждомъ шагу приходится встрѣчать всѣмъ хорошо извѣстныя имена: Аркола, Риволи, Маренго, Аустерлицъ, Іена, Москва, Лейпцигъ, Шампоберъ, Монмиралъ, Парижъ, Ватерлоо, Фонтенебло, св. Елена... Эти имена напоминаютъ историческія событія, съ которыми, какъ думаетъ читатель, онъ давно уже знакомъ. Къ своему удивленію, читатель встрѣчаетъ въ эпопеѣ совсѣмъ не тотъ взглядъ на эти событія, къ которому онъ привыкъ, и невольно спрашиваетъ себя, не находится-ли онъ подъ вліяніемъ кошмара? Припоминается ему тогда, что существовалъ на свѣтѣ Фаустинъ I, владѣтель Гаити, который старался воспроизвести своей особой знаменитаго французскаго императора. Онъ началъ съ того, что всѣмъ своимъ генераламъ далъ имена наполеоновскихъ генераловъ: Ней, Массена и пр. Припомнивъ эти факты, читатель спрашиваетъ себя: ужь не ошибаюсь-ли я? Я полагалъ, что поэтъ Кинэ описываетъ Наполеона I французскаго, а онъ, можетъ быть, изображаетъ намъ Наполеона I сулукскаго?..

Digitized by Google

Въ 1839 году Кинэ издалъ книгу „Германія и Италія", въ которой поэтической прозой разсказываетъ о своемъ путешествіи по этимъ странамъ. Вскорѣ послѣ этого онъ былъ назначенъ професоромъ иностранной литературы въ ліонскій университетъ. Ему тогда было 36 лѣтъ отъ роду, и во Франціи изъ числа современныхъ професоровъ не было болѣе способнаго человѣка для занятія этой кафедры. Первыя свои лекціи онъ издалъ особой книгой, озаглавивъ ее: „Unité morale des Peuples Modernes". Эта книга была его торжествомъ. Студенты сдѣлали ему овацію. Съ этого времени между нимъ и студентами утвердилась тѣсная связь, взаимная любовь и уваженіе. Кинэ почувствовалъ свою силу и съ своей кафедры сталъ обращаться къ цѣлой націи. Онъ издалъ извѣстную брошюру: „Предостереженіе странѣ"; затѣмъ другую, энергическую и рѣшительную, въ смыслѣ воинственной политики Тьера: „1815 и 1840 годы". Благодаря постоянно возраставшей популярности, онъ сталъ силой, и правительство захотѣло привлечь его на свою сторону.

Въ 1842 году Гизо открылъ въ College de France въ Парижѣ собственно для Кинэ кафедру языковъ и литературы южной Европы. Кинэ встрѣтился здѣсь съ Мишле и между ними завязалась дружба. Знаменитый авторъ „Исторіи Франціи" имѣлъ чрезвычайно здоровое и благотворное вліяніе на Кинэ. До сихъ поръ Кинэ, безспорно имѣвшій самыя благія намѣренія, производилъ вещи хорошія, но въ нихъ чего-то недоставало; много было словъ, и хорошихъ словъ, но содержанія мало. Его тогдашнія произведенія походили, напримѣръ, на извѣстную „Исторію Испаніи", написанную Кастеляромъ: въ ней прекрасный слогъ, но вся она наполнена общими мѣстами либеральнаго и спиритуалистическаго характера. До знакомства съ Мишле Эдгаръ Кинэ беззаботно наигрывалъ себѣ на лирѣ и гитарѣ; знаменитый историкъ далъ ему лопату въ руки и дружески посовѣтовалъ порыться поглубже въ реальномъ историческомъ матеріялѣ. Мишле объяснилъ ему, что существуетъ французскій народъ; до тѣхъ поръ Кинэ видѣлъ только одну буржуазію. Мишле показалъ ему папство; Кинэ былъ знакомъ только съ эленизмомъ. Мишле развернулъ передъ нимъ изнанку исторіи; Кинэ обращался только съ ея казовымъ концомъ, съ политической поверхностью и съ артистической наружностью.

Digitized by Google

Сдѣлавшись товарищемъ Мишле, Кинэ въ то-же время сталъ его лучшимъ и блестящимъ ученикомъ. До счастливой для него дружбы съ Мишле Кинэ былъ новичкомъ, ученикомъ; благодаря ей, онъ самъ сталъ однимъ изъ самыхъ замѣтныхъ учителей.

Въ началѣ своего знакомства съ Мишле Кинэ издалъ „Genie des Religions", въ которой онъ великолѣпнымъ языкомъ передалъ замѣтки, сдѣланныя имъ въ то время, какъ онъ слушалъ лекціи Крейцера; эта книга наполнена философскими терминами. Вслѣдъ за ней появились: „Происхожденіе боговъ" и критика на сочиненіе Страуса „Жизнь Христа". Оба эти произведенія онъ скорѣе нарисовалъ, чѣмъ написалъ.

Совершенно иное значеніе и силу имѣютъ его произведенія, написанныя послѣ того, какъ укрѣпилась его дружба съ Мишле. Къ этой эпохѣ относятся: „Іезуиты", написанное въ сотрудничествѣ съ Мишле; „Ультрамонтанство"; „Объ инквизиціи и тайныхъ обществахъ въ Испаніи"; „Христіанство и французская революція". Кинэ понялъ и осмѣлился сказать то, что папа подтвердилъ впослѣдствіи „силлабусомъ", — что между католицизмомъ и прогресомъ, между духомъ среднихъ вѣковъ и духомъ новаго времени нѣтъ точекъ соприкосновенія, а существуетъ постоянный разладъ. Оба друга, съ патріотическимъ увлеченіемъ, старались раскрыть глаза своимъ соотечественникамъ, преимущественно управляющей буржуазіи; они указывали ей на козни іезуитовъ, на то вредное вліяніе, какое имѣютъ іезуиты на женщину и семью. Но предостереженія двухъ свѣтлыхъ умовъ казались преувеличенными беззаботной буржуазіи и она отвѣчала имъ: „Господа, вы преувеличиваете опасность, тѣмъ болѣе, что явныхъ іезуитовъ у насъ совсѣмъ нѣтъ, такъ-какъ французскіе законы запрещаютъ имъ жить во Франціи. Конечно, у насъ существуютъ дурные патеры, но есть много и очень хорошихъ..."

И, какъ-бы въ доказательство того, что ультрамонтанство и іезуитство не оказываютъ никакого вліянія, Мишле и Кинэ были уволены отъ службы приказомъ, подписаннымъ кальвинистомъ Гизо.

Парламентская опозиція протестовала противъ этого увольненія; въ латинскомъ кварталѣ была сдѣлана демонстрація, но Гизо не перемѣнилъ своего рѣшенія.

Получивъ увольненіе, Кинэ отправился путешествовать за Пи-

Digitized by Google

ренеи. Возвратившись во Францію, онъ издалъ книгу: „Mes vacances en Espagne“, которая значительно превышаетъ своими достоинствами его „Германію и Италію“. Правда, и здѣсь еще онъ не отсталъ отъ прежней слабости: прикрашивать стиль; здѣсь еще отведено много мѣста общимъ разсужденіямъ и менѣе, чѣмъ слѣдовало-бы, фактамъ. Но надо сказать, что въ то время къ подобнымъ произведеніямъ относились не такъ строго, какъ теперь, и требовали отъ нихъ гораздо меньше. Французы, вообще невѣжды въ географіи другихъ странъ, нашли въ книгѣ Кинэ много для себя новаго и прославили автора смѣлымъ и добросовѣстнымъ изслѣдователемъ Иберійскаго полуострова.

Во время отсутствія Кинэ его родному городу, Бургу, пришлось замѣстить вакансію выбывшаго депутата. Мѣстные избиратели, желая вознаградить своего знаменитаго земляка за потерю кафедры, избрали его депутатомъ въ палату. Кинэ сѣлъ на скамьи опозиціи. Въ палатѣ онъ рѣзко нападалъ на внутреннюю политику Гизо. Его талантливыя рѣчи, полныя искренности, производили сильное впечатлѣніе въ палатѣ. Первый министръ іюльской монархіи, вѣроятно, не разъ пожалѣлъ, что, лишивъ Кинэ кафедры, привелъ его въ палату.

III.

Въ февралѣ 1848 года Кинэ присталъ къ движенію и выказалъ такое мужество, что буржуазія квартала, гдѣ онъ проживалъ, избрала его полковникомъ одинадцатаго легіона національной гвардіи. Кинэ былъ очень обрадованъ этимъ вознагражденіемъ. Онъ пригласилъ сержанта линейныхъ войскъ и подъ его руководствомъ изучилъ всѣ тонкости военнаго артикула. Интересно было видѣть его въ ту минуту, какъ онъ бралъ уроки у своего учителя, какъ онъ маршировалъ отъ комода къ дивану и обратно, какъ онъ вскидывалъ ружье на плечо, дѣлалъ на-караулъ и пр. Еще любопытнѣе было смотрѣть, какъ онъ, научившись артикульной премудрости, сталъ самъ учить своихъ солдатъ. Немногіе генералы, отличившіеся въ бою, съ такой гордостью вынимали изъ ноженъ свою шпагу и, стоя впереди фронта своихъ солдатъ, яснымъ и звуч-

Digitized by Google

нымъ голосомъ произносили команду, какъ этотъ мирный гражданинъ, привыкшій блистать краснорѣчіемъ на университетской кафедрѣ, въ палатѣ и въ своихъ литературныхъ трудахъ.

Во время іюньскихъ дней Кинэ явился сторонникомъ буржуазіи; его легіонъ разрушалъ барикады, воздвигнутыя возставшими рабочими, и оставленныя ими.

Кинэ принадлежалъ къ той части республиканской партіи, которая требовала политическихъ реформъ, экономическія-же реформы совершенно игнорировала. Въ это время Кинэ сильно нападалъ на соціалистовъ, называя ихъ партіей, невидящей ничего дальше удовлетворенія матеріяльныхъ потребностей. Въ экономическихъ вопросахъ онъ признавалъ только одинъ принципъ: „laisser faire, laisser passer" и возставалъ на соціалистовъ, болѣе всего за то, что они требовали правительственнаго вмѣшательства по вопросамъ объ установленіи болѣе правильныхъ отношеній между хозяевами и рабочими, объ организаціи труда и пр.

Въ это время ближайшими совѣтниками и пріятелями Кинэ были: дипломатъ Убриль и Ней, получившій извѣстность потому, что Луи-Наполеонъ Бонапартъ написалъ ему извѣстное письмо, въ которомъ излагалъ свои убѣжденія, а также и потому, что онъ былъ братомъ знаменитой герцогини Персиньи. Оба они имѣли несомнѣнное вліяніе на Кинэ, который, получая со всѣхъ сторонъ знаки величайшаго уваженія и поклоненія, увѣровалъ въ то, что онъ великій человѣкъ. Если поразмыслить хорошенько, трудно обвинить его въ суетности и тщеславіи. Кинэ былъ дѣйствительно человѣкъ высоко-талантливый, и какъ разнообразна была его дѣятельность! Професоръ въ „College de France", гдѣ онъ снова занялъ кафедру послѣ побѣды революціи, и былъ встрѣченъ съ энтузіазмомъ своими слушателями. Законодатель и государственный человѣкъ; онъ былъ выбранъ въ конституціонное собраніе единогласно избирателями своего округа. Замѣчательный лингвистъ, талантливый литераторъ, извѣстный путешественникъ, философъ, теологъ, артистъ, археологъ, блистательный историкъ, обладающій необыкновенной эрудиціей, полковникъ національной гвардіи, достигшій этого поста своимъ мужествомъ. И всему этому онъ былъ обязанъ не проискамъ, не протекціи, а самому себѣ; всего этого онъ достигъ силой своего таланта и знаніями. Ему извинительно

Digitized by Google

было выказывать нѣкоторое тщеславіе, тѣмъ болѣе, что онъ при всякихъ обстоятельствахъ оставался вполнѣ искреннимъ, вполнѣ честнымъ человѣкомъ. Онъ не желалъ и никогда не дѣлалъ никому зла; онъ самъ никому не завидовалъ и не возбуждалъ къ себѣ зависти. Его нельзя было не любить; онъ такъ обаятельно дѣйствовалъ даже на своихъ враговъ, что они никогда не питали къ нему злобы. Если Кинэ позировалъ иногда передъ публикой въ качествѣ великаго человѣка, то и въ этомъ случаѣ онъ не рисовался; въ такой-же позѣ онъ являлся и передъ собственнымъ сознаніемъ; онъ былъ убѣжденъ въ своихъ достоинствахъ; онъ уважалъ самого себя, и это нельзя не признать достоинствомъ; онъ вѣрилъ въ себя, а это признакъ силы. Гордость убила многихъ героевъ; тщеславіе погубило многихъ великихъ людей. Кинэ спасся отъ паденія и гибели своею честностью и искренностью. Чистосердечіе было его добрымъ геніемъ.

Какъ въ конституціонномъ, такъ и въ законодательномъ собраніяхъ Кинэ, конечно, дѣлалъ ошибки, но онъ всегда дѣйствовалъ, какъ искренній другъ свободы. Если въ конституціонномъ собраніи онъ не всегда, какъ говорится, стоялъ на высотѣ событій, за то въ законодательномъ собраніи онъ выказалъ замѣчательную энергію и проницательность, когда разоблачалъ планы фузіонистовъ, интриги клерикаловъ и лицемѣріе партіи, сгруппировавшейся вокругъ принца-президента. Кинэ указывалъ странѣ на грозящія ей опасности не только въ рѣчахъ, произносимыхъ въ палатѣ, но также и въ трехъ замѣчательныхъ брошюрахъ: „Пересмотръ конституціи“, „Осадное положеніе“, „Австрійскій, неаполитанскій, испанскій и французскій походъ противъ римской республики“... Къ сожалѣнію, французская буржуазія была поражена слѣпотой; ее такъ напугали соціалисты, что она готова была броситься въ объятія всякаго честолюбца, только-бы онъ обѣщалъ ей сохранить неприкосновенными ея привилегіи. Въ послѣдней рѣчи своей въ собраніи Кинэ предсказывалъ, что скоро совершится государствен-

Digitized by Google

ный переворотъ, если не будутъ приняты дѣйствительныя мѣры противъ бонапартистской клики. На это предостереженіе тоже не было обращено никакого вниманія. „По крайней мѣрѣ, я исполнилъ свой долгъ!“ сказалъ Кинэ послѣ того, какъ его рѣчь была встрѣчена съ недовѣріемъ.

Совершители государственнаго переворота не могли, разумѣется, чувствовать къ Кинэ никакой симпатіи. Они ненавидѣли его уже потому, что раньше онъ отказался отъ лестныхъ предложеній, ему сдѣланныхъ: взять министерскій портфель въ одномъ изъ кабинетовъ, составлявшихся во время управленія принца-президента. 9 января 1852 г. былъ изданъ декретъ объ изгнаніи нѣсколькихъ человѣкъ изъ Франціи; въ числѣ ихъ былъ Кинэ.

Кинэ гордо удалился въ изгнаніе и поселился въ Швейцаріи. Вмѣстѣ съ Викторомъ Гюго онъ безпрестанно протестовалъ противъ совершившагося государственнаго переворота. Онъ не уставалъ указывать Франціи на ея заблужденія. Онъ не прощалъ ни Наполеону, ни его помощникамъ ни одного промаха и постоянно твердилъ, что нельзя безнаказанно нарушать право, что возмездіе должно послѣдовать рано или поздно и что виновникамъ насилія придется самимъ испытать горечь изгнанія. Ни Кинэ, ни Гюго не воспользовались амнистіями 1859 и 1869 годовъ. Они объявили, что до тѣхъ поръ останутся въ изгнаніи, пока власть находится въ рукахъ Наполеона III. Почти всѣ другіе изгнанники воротились во Францію, и сдѣлали хорошо. Кинэ и Гюго остались на чужбинѣ, и тоже поступили хорошо. И тѣ, и другіе были правы съ своей точки зрѣнія.

Находясь въ изгнаніи, живя въ уединеніи, Кинэ возвратился къ плану, который онъ лелѣялъ еще во времена своей юности: дать Франціи истинную эпопею. Съ этой цѣлью онъ написалъ большую поэму въ прозѣ: „Чародѣй Мерленъ“.

Написать подобное произведеніе могъ только такой человѣкъ, какъ Кинэ, соединявшій въ себѣ историческую и философскую эрудицію съ поэтическимъ и романическимъ талантомъ. „Мерленъ“

Digitized by Google

представляетъ собою сложное олицетвореніе: характера кельтической расы, французской націи и новѣйшей гуманности, опирающейся на идеяхъ справедливости и свободы. Для выраженія двойственнаго характера новаго міра, вышедшаго изъ стараго, Кинэ воспользовался народной легендой о Мерленѣ, составляющемъ нѣкоторое подобіе съ антихристомъ, какъ его представляетъ себѣ французскій народъ по испорченному преданію, полученному въ наслѣдіе отъ среднихъ вѣковъ. Мерленъ родился отъ дѣвушки, которая забеременѣла отъ сна, навѣяннаго на нее дьяволомъ. Мать хотѣла сдѣлать изъ него монаха; отецъ подготовлялъ ему какую-то практическую дѣятельность. Мерленъ не пошелъ ни по той, ни по другой дорогѣ; онъ захотѣлъ сдѣлаться чародѣемъ и отправился изучать 25,000 правилъ бѣлой магіи къ Талезину, послѣднему представителю друидской науки, т.-е. кельтической расы, которой наслѣдовали теперешніе французы.

Но всѣ рецепты, извлеченные Мерленомъ изъ волшебной книги, оказывались безсильными; всѣ тайны бѣлой магіи оставались пустой мистификаціей, пока онѣ долженствовали служить только для удовлетворенія суетной гордыни, потому что наука для одной науки безплодна. Только послѣ встрѣчи съ Вивіаной Мерленъ получилъ чародѣйскую способность. Вивіана — восхитительная дѣвушка, быстроногая охотница, нѣчто въ родѣ Діаны. Полюбивъ Вивіану, Мерленъ полюбилъ женщину, природу и красоту. Любуясь глазами Вивіаны „віолетоваго цвѣта полей", чувствуя смерть и возрожденіе, Мерленъ получилъ способность очаровывать другихъ, потому что самъ былъ очарованъ.

Очарованія юности и любви! Читатель или читательница, если вы не были любимы, закройте книгу Кинэ, она писана не для васъ. Если-же вы были любимы, вспомните часы, проведенные съ *нею* или съ *нимъ*, когда вы были одни, на свободѣ, въ огромномъ лѣсу. Одни! Нѣтъ, вы были окружены множествомъ существъ, смотрѣвшихъ на васъ съ любовію. Вамъ казалось, что вы слышите шопотъ бѣлаго или краснаго шиповника, освѣщеннаго солнечными лучами, которые играли съ нимъ и ласкали его. Вамъ казался понятнымъ языкъ цвѣтовъ, состоящій изъ игры оттѣнковъ цвѣта и запаха. Припомните, что говорили вамъ эти лѣсныя розы, наивныя и цѣломудренно-сладострастныя. Припомните разго-

Digitized by Google

воры маргаритокъ, лилій, меланхолическихъ анемоновъ, скабіозъ и другихъ...

Такой-то шопотъ, такія-то рѣчи слышали Мерленъ и Вивіана, сидя вдвоемъ въ цвѣтущемъ саду. Мерленъ, однакожъ, не отдался совершенно праздности въ саду новой Армиды. Юный чародѣй и восхитительная фея получили могучій даръ очаровывать и дѣлать чудеса не за эгоистическую любовь вдвоемъ, но за то самопожертвованіе, которое должно было побудить ихъ добиваться осуществленія высокаго идеала золотого вѣка: всемірнаго братства. Они задумали создать городъ Будущаго. Вивіана выбрала для него то мѣсто, на которомъ былъ построенъ городокъ Лютеція. Описаніе происхожденія Парижа—одно изъ самыхъ лучшихъ мѣстъ въ поэмѣ Кинэ. Мерленъ поселилъ въ Парижѣ: благороднаго Артуса, короля Справедливости, его супругу бѣлокурую Женьевру, затѣмъ златокудрую Изельту, Гоэля бретанскаго, Тристана леонскаго и всю ихъ свиту, состоящую изъ бароновъ и рыцарей.

На развалинахъ стараго міра Мерленъ основалъ рыцарство, которое представляло собою идеалъ индивидуальной свободы; рыцарь преклонялся только передъ Богомъ и дамой своего сердца; обязанъ былъ нѣкоторой подчиненностью только своему императору или королю, которые были первыми изъ рыцарей. Рыцарь защищалъ вдову и сироту, сражался съ чудовищами, совершалъ массу подвиговъ, о которыхъ мечталъ бѣдный дон-Кихотъ, явившійся слишкомъ поздно, какъ нѣкоторые являются слишкомъ рано.

Фантастическая и идеальная сторона рыцарства въ книгѣ Кинэ очерчена съ изумительнымъ мастерствомъ. Читая, чувствуешь, что авторъ влюбленъ въ свой сюжетъ. Кинэ, вмѣстѣ съ Мишле и Викторомъ Гюго, водворили во Франціи и затѣмъ въ Европѣ вкусъ къ готическому искуству, къ его фантастическимъ и подчасъ страннымъ созданіямъ, иногда трогательнымъ, но чаще грубымъ.

Чары Мерлена въ созданномъ имъ городѣ дѣйствовали не долго. Короли и сильные міра не сдержали клятвы, данной ими Мерлену, любить подчиненный имъ народъ такъ, какъ Мерленъ любитъ Вивіану. Оказалось, что романтическое время, которымъ мы восхищались и которое брали нѣкогда себѣ въ образецъ, заключало въ себѣ всѣ признаки упадка и разложенія. Оно сопровождалось кровью, убійствами, измѣною, подлостями, преступленіями, чумой, голодомъ,

Digitized by Google

безконечными войнами. Рыцарство было обольстительно только по наружности. Мужественный рыцарь часто ничѣмъ не отличался отъ разбойника, грабящаго по большимъ дорогамъ. Католицизмъ пріобрѣталъ все большее и большее значеніе; онъ обратился въ учрежденіе свѣтское; папа захотѣлъ сдѣлаться государемъ цѣлаго міра и едва не сдѣлался имъ, когда римскіе императоры приходили вымаливать на колѣняхъ прощенія у него. Папа сжигалъ на кострѣ великихъ борцовъ за свободу мысли, какъ Гуссъ и Арнольдъ бресчіанскій. Мало-по-малу водворился густой мракъ и надъ средними вѣками встала постоянная полярная ночь, освѣщаемая изрѣдка фосфорическимъ свѣтомъ сѣвернаго сіянія, проблески котораго были послѣдними вздохами греко-романскаго міра...

Между тѣмъ Мерленъ лишился пріобрѣтенной имъ силы очарованія. Почему-же онъ потерялъ ее? Въ одинъ несчастный день онъ поссорился съ своею нѣжно-любимою Вивіаною. За что? Неизвѣстно. Можетъ быть, прелестная Вивіана была слишкомъ недоступна, а Мерленъ былъ слишкомъ гордъ и несговорчивъ. Какъ-бы тамъ ни было, но пагубное слово: „разстанемся“ было произнесено и они разстались, чтобы жить въ горѣ и слезахъ.

Мерленъ переходилъ изъ одной страны въ другую, отыскивая свою исчезнувшую подругу Вивіану. Онъ доходилъ даже до таинственной страны, лежащей въ вѣчныхъ снѣгахъ, выше ледниковъ Альпъ. Въ этой странѣ, служащей какъ-бы преддверіемъ рая, гдѣ царитъ вѣчное спокойствіе, онъ видѣлъ души, которыя ожидали здѣсь той поры, когда имъ суждено вселиться во вновь народившіяся человѣческія существа. Передъ Марленомъ развертывалось будущее и онъ могъ видѣть, что суждено совершить этимъ душамъ. Наконецъ, онъ сходилъ въ адъ, гдѣ негодяй его отецъ, низкій сатана, хотѣлъ, воспользовавшись его горестью, соблазнить его и заставить совершить самые неблаговидные поступки.

Въ своемъ несчастіи Мерленъ имѣлъ одно утѣшеніе: бесѣду съ Жакомъ Бономомъ, котораго онъ случайно встрѣтилъ. Жакъ Бономъ изображаетъ собою типъ французскаго простого народа, имѣющій сходство съ подобнымъ-же типомъ другихъ націй. Жакъ наивенъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ хитеръ; зубоскалъ, вѣчно попадающійся въ просакъ; то трусъ, то удивительный храбрецъ; то разсуждающій здраво, то поражающій своей непроходимой тупостью. Та-

Digitized by Google

ковъ былъ товарищъ Мерлена, иногда вѣрный ему до самоотверженія, иногда-же низко неблагодарный, съ которымъ онъ отправился въ дальнѣйшій путь, отыскивая Вивіану. Оба они вмѣстѣ представляли собою нѣчто похожее на дон-Кихота, сопровождаемаго своимъ вѣрнымъ оруженосцемъ Санхо-Панчею.

Всякій разъ, какъ Мерленъ встрѣчалъ дѣвушку, нѣсколько похожую характеромъ или наружностью на Вивіану, онъ влюблялся въ нее, чтя въ ней память о своей обожаемой подругѣ. Въ этихъ случаяхъ прекрасная Вивіана сильно ревновала его къ своимъ соперницамъ. Въ Италіи Мерленъ встрѣтилъ Неллу, влюбился въ нее и построилъ для нея Буцентавра, церковь св. Марка, Ріальто,—однимъ словомъ, Венецію. Онъ спасъ жизнь прелестной гречанкѣ, Маринѣ. Онъ просвѣтилъ андалузянку Долоресъ и выказалъ ей много любви, что не помѣшало ей вскорѣ измѣнить своему учителю, страстно влюбившись въ дон-Жуана де-Теноріо.

Мерленъ посѣтилъ византійскую имперію, бывшую въ это время въ полномъ упадкѣ. Было очевидно, что это могущественное государство уже разлагается: софизмъ замѣнилъ истину, религіозность обратилась въ лицемѣріе; вездѣ низость, коварство, измѣна, недостойное раболѣпіе, ложь. На всемъ лежалъ отпечатокъ порчи и гнили.

Но вслѣдъ за этой картиной разложенія государственнаго организма умъ отдыхаетъ на описаніи фантастическаго монаха, Жана, обитающаго въ Абиссиніи. Этотъ наивный проповѣдникъ христіанства первыхъ вѣковъ, постоянно говорящій о Богѣ милосердомъ, прощающемъ людямъ ихъ слабости, описанъ поразительно хорошо. Мерленъ тѣмъ съ большимъ увлеченіемъ слушалъ проповѣдь кроткаго Жана, полную любви къ ближнему и вѣротерпимости, что онъ очень недавно вырвался изъ когтей римской клерикальной юстиціи, которая морила его въ тюрьмѣ, мучала пытками и намѣревалась сжечь живого, какъ еретика и злого колдуна. Въ это тяжелое для него время Мерленъ былъ покинутъ всѣми, даже Жаномъ Бономомъ, и если онъ не погибъ на кострѣ, подобно Жаннѣ д'Аркъ, Ванини, Саванаролѣ и альбигойцамъ, то этимъ обязанъ только тому, что олицетворялъ собой геній человѣчества.

Послѣ двѣнадцати-вѣкового мрака среднихъ вѣковъ взошла заря Возрожденія. Мерленъ и Вивіана, наконецъ, снова соедини-

Digitized by Google

лись. Въ этотъ счастливый день геній человѣка снова приблизился къ природѣ, отъ которой было отступился. Онъ возобновилъ свои сношенія съ греческимъ міромъ, сталъ изучать Гомера и Платона, пересталъ отворачиваться отъ изящныхъ произведеній искусства, наполнявшихъ Парфенонъ.

Возрожденіе пустило свои корни; съ нимъ рядомъ шла Реформа, выражавшая собою прогресъ Сѣвера, въ то время, какъ само оно было вдохновеніемъ Юга. Реформа, однакожь, достигла только половинныхъ результатовъ: прошедшее было разбито, рыцарство исчезло, феодализмъ потерпѣлъ жестокое пораженіе, король Артусъ былъ въ послѣдней агоніи: короля Справедливости погубили преступленія его правительства; но послѣ нѣсколькихъ лѣтъ героическихъ усилій къ полной эмансипаціи отъ преградъ, останавливавшихъ его развитіе, человѣческій умъ подпалъ подъ сдавливавшій контроль инквизиціи и снова сталъ водворяться мракъ. Тогда, изъ опасенія опять потерять своего возлюбленнаго, Вивіана заперла Мерлена въ гробницу вмѣстѣ съ погрузившимся въ летаргію Артусомъ.

Героическія усилія къ возрожденію не пропали даромъ. Хотя снова наступила зима, но корни, окрѣпшіе осенью, продолжали свою работу произрастанія подъ землей, покрытой снѣжной пеленой. Запертые въ гробницѣ Вивіана и Мерленъ продолжали любить другъ друга, подобно Ромео и Джульетѣ, Элоизѣ и Абеляру. Тамъ они произвели дитя подъ именемъ „Первая французская революція“. Дитя выходило на свѣтъ, но родители все еще остаются въ гробницѣ. Кинэ увѣряетъ насъ, что придетъ время, когда и они, веселые и радостные, выйдутъ изъ своей добровольной тюрьмы; они выйдутъ только тогда, когда человѣчество пойметъ, наконецъ, что его спасеніе заключается во всеобщемъ братствѣ людей, въ мирѣ и взаимномъ содѣйствіи другъ другу. Тогда самъ ужасный злодѣй Сатана покается... Гебрская легенда утверждаетъ, что въ концѣ вѣковъ злой Ариманъ преобразится посредствомъ огня и перейдетъ въ доброе начало.

Digitized by Google

Эта пѣснь о Мерленѣ, очень интересная для поэта, философа и психолога, не можетъ дѣйствовать обаятельно на публику, въ широкомъ значеніи этого слова. Публикѣ нѣтъ охоты возиться съ многочисленными символами, которые не легко переводить на обыкновенный языкъ; у нея нѣтъ времени отгадывать загадки, которыми наполнена вся поэма. Поэтическій языкъ, котораго придерживался Кинэ до самой своей смерти, не особенно нравится въ нашу позитивную эпоху, требующую языка точнаго и не расплывчатаго. Теперь любятъ такой стиль, какимъ, напримѣръ, пишетъ Рошфоръ: короткій, ѣдкій, саркастическій. Рошфоръ часто однимъ ловкимъ выраженіемъ забиваетъ противника. Наше тревожное время нуждается въ силѣ выраженія и ироніи; ему нечего дѣлать съ идиліями и весенними пѣснями.

Франція, пожалуй, съ благодарностію, но безъ всякаго увлеченія приняла новѣйшую эпическую поэму, которую Кинэ приподнесъ ей, какъ дорогой подарокъ.

IV.

Въ своемъ изгнаніи Кинэ также много работалъ надъ исторіей, которая была его истиннымъ призваніемъ. Славу талантливаго писателя, заслужившаго громкую извѣстность, онъ получилъ своими историческими, а не поэтическими произведеніями.

Событія 1848 — 1851 годовъ внушили Кинэ желаніе найти въ исторіи человѣчества факты, аналогичные съ ними. Онъ написалъ „Итальянскія революціи“—по мнѣнію многихъ критиковъ, лучшее изъ его произведеній. На нашъ взглядъ это дѣйствительно талантливое произведеніе Кинэ не заслуживаетъ такого предпочтенія предъ его другими историческими трудами. Въ обширномъ собраніи его сочиненій можно указать на нѣкоторыя произведенія, безспорно лучшія, чѣмъ „Итальянскія революціи“. Съ большимъ талантомъ у него очерчена борьба между патриціями и плебеями во Флоренціи, окончившаяся тѣмъ, что плебеи пожрали патриціевъ и сами умерли отъ несваренія желудка, проглотивъ такую неудобоваримую пищу. Такой именно выводъ долженъ сдѣлать читатель изъ произведенія Кинэ.

Digitized by Google

Между тѣмъ наступила Крымская война, хотя совершители государственнаго переворота во Франціи не переставали утверждать, что „имперія есть миръ". Но дѣло не въ томъ; во Франціи, подъ вліяніемъ воинственнаго настроенія, появилась куча писателей, изо всѣхъ силъ старавшихся доказать, что все совершившееся въ ихъ отечествѣ (т. е. государственный переворотъ) должно было совершиться, и потому оно законно и справедливо. Негодующій Кинэ протестовалъ противъ такого удивительнаго умозаключенія своей поэмой „Рабы", напечатанной въ Брюсселѣ, и „Письмами о французской исторіи", печатавшимися въ журналѣ „Revue des deux Mondes". Въ этихъ своихъ трудахъ онъ предлагалъ Франціи оглядѣться и не давать слѣпо свои голоса въ оправданіе дѣйствій людей, которые неминуемо приведутъ страну къ гибели и позору.

Въ это-же время онъ написалъ и издалъ книгу „Кампанія 1815 года", въ которой шагъ за шагомъ разбиваетъ наполеоновскую легенду. Онъ доказываетъ, что Наполеонъ I потерялъ сраженіе подъ Ватерлоо по своей собственной ошибкѣ, а не по ошибкѣ Нея или Груши, а тѣмъ болѣе не вслѣдствіе измѣны, какъ утверждаетъ бонапартистская легенда. Это произведеніе, написанное съ самымъ ледянымъ спокойствіемъ, чрезвычайно интересно съ психологической точки зрѣнія, такъ-какъ оно прочувствовано съ самой пылкой страстностію. Невольно припоминается намъ легенда, разсказывающая, что къ одной колдуньѣ, обладающей тайнами черной магіи, приходитъ ревнивая жена, жалующаяся на своего мужа, и колдунья даетъ ей слѣдующій совѣтъ:

„Ночью, при полнѣйшей темнотѣ въ комнатѣ, когда вашъ мужъ заснетъ, ласкайте его нѣжно рукою его умершей любовницы. Прикосновеніе холодныхъ пальцевъ зажжетъ въ его венахъ огонь, который его пожретъ, и лихорадку, отъ которой онъ лопнетъ".

Что касается извѣстнаго сочиненія Кинэ „Революція", то даже его лучшіе друзья согласны въ томъ, что знаменитый писатель лучше-бы сдѣлалъ, если-бы совсѣмъ не выпускалъ ея въ свѣтъ или, по крайней мѣрѣ, прежде сдѣлалъ въ ней многія исправленія и тогда уже отдалъ-бы ее на судъ публики. Въ этомъ произведеніи Кинэ много противорѣчій и недомолвокъ. Напримѣръ, отношеніе автора къ „террору". Назвавъ его кровавымъ и сказавъ, что онъ былъ преступленіемъ, Кинэ считалъ свою задачу окон-

Digitized by Google

ченной. Онъ какъ-будто не желалъ знать причинъ, обусловливавшихъ существованіе террора. Такое отношеніе къ важному историческому явленію непростительно со стороны талантливаго историка, обладавшаго громадной эрудиціей. Тѣмъ болѣе, что въ другихъ своихъ произведеніяхъ, напримѣръ, „Ультрамонтанство" и „Іезуиты", Кинэ отличается самымъ строгимъ анализомъ и не позволяетъ себѣ оставить необъясненнымъ ни одного болѣе или менѣе выдающагося факта.

Мы уже говорили въ началѣ статьи о лучшемъ, на нашъ взглядъ, произведеніи Кинэ: „Histoire de mes idées". Здѣсь прибавимъ только, что оно не вызвало противъ себя ни одного неблагопріятнаго критическаго отзыва. Напротивъ, всѣ рецензенты безусловно его расхваливали.

Въ концѣ своей литературной карьеры Кинэ захотѣлъ дать своимъ символамъ и своимъ космическимъ теоріямъ научное основаніе. Это ему удалось какъ нельзя лучше. Сочиненіе его „De la Creation" принадлежитъ къ числу удачнѣйшихъ его произведеній. Вскорѣ послѣ появленія его въ свѣтъ оно было переведено на нѣмецкій языкъ знаменитымъ нѣмецкимъ геологомъ Бернгардомъ Коттою.

Франція изгнала Кинэ; Молдаво-Валахія его усыновила. Избранный румынскимъ гражданиномъ, Кинэ заплатилъ долгъ признательности своимъ новымъ согражданамъ интересной книгой, посвященной румынской исторіи. Здѣсь будетъ кстати сказать, что Кинэ женился во второй разъ на румынкѣ, женщинѣ очень развитой, принадлежащей къ тѣмъ богато-одареннымъ, нѣжнымъ организаціямъ, которыя нерѣдко встрѣчаются въ смѣшанной румынской расѣ, сложившейся подъ вліяніемъ идей и востока, и запада,—расѣ, которая произошла отъ смѣшенія турокъ, славянъ, грековъ и римлянъ.

Первой женой Кинэ была сантиментальная, поэтическая красавица-нѣмка, дочь пастора, швабская Форнарина, нѣжная и меланхолическая, идеальная и лимфатическая.

Digitized by Google

Прекрасна и благородна была старость Кинэ. Къ неутомимому работнику мысли, къ герою знанія сходились массы людей за совѣтомъ. Въ скромной квартирѣ Кинэ постоянно бывали гости, преимущественно французы, приходившіе насладиться бесѣдой этого умнаго и честнаго человѣка. Въ его домикъ, стоящій на берегу озера Лемана въ Швейцаріи, входили не только люди, раздѣлявшіе его политическія убѣжденія; его посѣщали также всѣ извѣстные и замѣчательные ученые, хотя и не раздѣлявшіе его политическихъ симпатій, которымъ приходилось проѣзжать черезъ Швейцарію или путешествовать по ней.

Вторая имперія пала. Кинэ возвратился въ Парижъ. Онъ вдохновлялъ мужествомъ осажденныхъ парижанъ и самъ мужественно переносилъ страданія и лишенія. Онъ напечаталъ извѣстное воззваніе, въ которомъ, во имя братства всѣхъ народовъ, приглашалъ Германію заключить миръ съ французской республикой, несдѣлавшей ей никакого зла.

Въ ноябрѣ 1870 года Кинэ былъ возстановленъ съ своемъ званіи професора College de France".

Въ февралѣ 1871 года онъ былъ избранъ 200,000 голосовъ представителемъ департамента Сены. Онъ энергически протестовалъ противъ отдѣленія отъ Франціи Эльзаса и Лотарингіи, причемъ окончилъ свою рѣчь слѣдующими словами: „подъ маской мира намъ навязываютъ вѣчную войну".

Послѣ подписанія предварительныхъ условій мира въ Версали Кинэ не вышелъ изъ палаты, но впродолженіи долгаго времени онъ не произнесъ тамъ ни одного слова. Онъ не рискнулъ взять на себя иниціативу предложенія о примиреніи съ возставшими парижанами; онъ молчалъ и въ то время, когда началось возмездіе и восторжествовавшее правительство казнило и ссылало мятежниковъ массами. Кинэ не вымолвилъ ни слова въ защиту побѣжденныхъ и не сдѣлалъ воззванія къ милосердію все по тѣмъ-же причинамъ, по которымъ онъ не возставалъ противъ рѣзни въ іюнѣ 1848 года; онъ не любилъ соціалистовъ, а главное—боялся, что ихъ

Digitized by Google

возстаніе можетъ погубить республику, которая еще не установилась и имѣетъ массу враговъ. Вообще, какъ мы уже замѣтили раньше, Кинэ обращалъ очень мало вниманія на экономическіе вопросы и не сознавалъ ихъ важности. Какъ частный человѣкъ, Кинэ сдѣлалъ все, что было въ его силахъ. Онъ перевязалъ столько ранъ и отеръ столько слезъ, сколько могъ. Онъ не утѣшился до самаго послѣдняго своего часа; онъ постоянно грустилъ и страдалъ, припоминая, сколько крови было пролито, сколько ужасовъ было совершено въ это печальное время. Онъ имѣлъ нѣжное сердце и кроткій нравъ; какъ всѣ люди сильные, онъ любилъ дѣлать добро; какъ человѣкъ строгій къ самому себѣ, онъ былъ снисходителенъ къ другимъ.

Кинэ не былъ, можетъ быть, всѣмъ тѣмъ, чѣмъ мы желали-бы его видѣть, но онъ былъ великъ во многомъ; „онъ принадлежалъ, говоритъ о немъ Викторъ Гюго въ своемъ прощальномъ словѣ,— къ числу людей вполнѣ справедливыхъ, которые дѣлаютъ свободными цѣлые народы“.

Digitized by Google

ВО ВСѢХЪ КНИЖНЫХЪ МАГАЗИНАХЪ ПЕТЕРБУРГА И МОСКВЫ

ПОСТУПИЛИ ВЪ ПРОДАЖУ

СОЧИНЕНІЯ БАЛЬЗАКА.

Романъ первый: Кузина Бетта.

Переводъ В. В. Чуйко.

Изданіе подъ редакціей Н. И. Шульгина.

Цѣна 1 р. 80 коп., съ перес. 2 руб.

Тамъ-же продаются слѣдующія книги:

1) **Щеголи во время первой революціи,** романъ *Жюля Кларети.* Цѣна 2 р., съ пересылкой 2 р. 30 коп.

2) **На далекихъ окраинахъ,** романъ *Н. Н. Каразина.* Изданіе илюстрированное. Цѣна 2 р. 50 коп., съ пересылкой 3 р.

3) **Исторія маленькой дѣвочки** (для чтенія дѣтей старшаго возраста). Соч. *Е. А. С—вой.* Цѣна 1 р. 50 коп., съ пересылкой 1 р. 75 коп.

4) **Повѣсти и разсказы Н. Н. Каразина.** Изданіе илюстрированное. Цѣна 2 р. 50 коп., съ пересылкой 3 р.

5) **Люди третьей республики.** Цѣна 1 р. 30 коп., съ пересылкой 1 р. 50 коп.

6) **Приключенія нѣмецкой колоніи,** романъ *Ф. Герштекера.* Цѣна 1 р., съ пересылкой 1 р. 25 коп.

Гг. подписчики на журналъ „Дѣло“ пользуются уступкой 20% съ вышеозначенныхъ цѣнъ.

Digitized by Google

СОДЕРЖАНІЕ ЧЕТВЕРТОЙ КНИЖКИ.

Грачовы изъ Грачовки. Очерки и воспоминанія . . . . . *А. Михайлова.*
Рыбакъ. Стихотвореніе. (Изъ Гете.) *Я. Старостина.*
Исповѣдь старика. Романъ. (Гл. III—V.) . . . . . *Ипполита Ньево.*
Весна. Стихотвореніе. . . . . *В. И. Славянскаго.*
Приволье. Картины лѣтняго промысла. (Гл. VI—VIII.) . . . . *В. И. Немировича-Данченко.*
Элегія. Стихотвореніе. . . . . *И. Сурикова.*
Законъ и жена. Романъ. (Гл. XXXIX—XLIII.). . . . . *Уильки Колинза.*
Современные галлы. Стихотвореніе. (Съ французскаго.) . . . . *В. И. Славянскаго.*
Русская народность на Востокѣ. . . *Н. М. Ядринцева.*
Проектъ тюремной реформы во Франціи. (Окончаніе.) . . . . . *В. Ю.*
Съ сѣвера на югъ. Романъ. (Окончаніе I части, 2-й книги.). . . *Н. Н. Каразина.*
Бэкеръ-паша и его экспедиція въ центральную Африку . . . . . *В. Т.*
*** Стихотвореніе. . . . . *П. Быкова.*

СОВРЕМЕННОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

Педагогическая путаница. . . . .
Народъ учить или у народа учиться? *Все того-же.*
Безсиліе творческой мысли. . . . *Н. Языкова.*
Парижскія письма . . . . . *Анонима*
Внутреннее обозрѣніе.
Князь Бисмаркъ. Біографическій очеркъ. (Продолженіе.) . . . *Эли Триго.*
Новыя книги.
Политическая и общественная хроника.

Digitized by Google

ВО ВСѢХЪ ИЗВѢСТНЫХЪ КНИЖНЫХЪ МАГАЗИНАХЪ ПРОДАЮТСЯ СЛѢДУЮЩІЯ ИЗДАНІЯ РЕДАКЦІИ ЖУРНАЛА „ДѢЛО“:

ДЕВЯНОСТО ТРЕТІЙ ГОДЪ,

РОМАНЪ В. ГЮГО.

Въ двухъ томахъ. Перев. съ франц. Изд. Редакціи журнала „Дѣло“. Цѣна 2 р. безъ перес., съ перес. 2 р. 30 к.

Подписчикамъ на журналъ „Дѣло“ уступается за половинную цѣну, т. е. 1 р. безъ перес.; съ перес. 1 р. 30 к.

РОМАНЪ П. ЛѢТНЕВА:

ВНѢ ОБЩЕСТВЕННЫХЪ ИНТЕРЕСОВЪ,

изданный безъ предварительной цензуры. Цѣна 1 р. 50 к., съ пересылкой 2 р.

РОМАНЪ ЛУИЗЫ АЛЬКОТЪ:

АМЕРИКАНКА.

Цѣна безъ перес. 1 р. 20 к., съ перес. 1 р. 50 к.

На всѣ изданія Редакціи журнала „Дѣло“ уступается подписчикамъ на этотъ журналъ 20%.

При этой книгѣ помѣщены слѣдующія объявленія: 1) объ изданіи журнала „Дѣло“ въ 1875 году; 2) объ изданіяхъ редакціи журнала „Дѣло“.

Digitized by Google

ПОДПИСКА НА ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ ЖУРНАЛЪ

„ДѢЛО“

въ 1875 году

принимается въ С.-Петербургѣ, въ Главной конторѣ редакціи (по Надеждинской улицѣ, д. № 39) и у книгопродавцевъ:

ВЪ С.-ПЕТЕРБУРГѢ:

Въ книжномъ магазинѣ А. Ф. Базунова, на Невскомъ проспектѣ, въ домѣ г-жи Ольхиной, и въ Книжномъ Магазинѣ для Иногороднихъ, на Невскомъ, въ д. Лѣсникова.

ВЪ МОСКВѢ:

Въ книжномъ магазинѣ П. Г. Соловьева, на Страстномъ бульварѣ, въ д. Алексѣева; а также въ книжномъ магазинѣ А. А. Васильева, на Страстномъ бульварѣ, въ д. Шамардина.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА

годовому изданію журнала „ДѢЛО“:

Безъ пересылки и доставки	14 р. 50 к.
Съ пересылкою иногороднимъ	16 „
Съ доставкою въ С.-Петербургѣ. . . .	15 „ 50 к.

Подписная цѣна для заграничныхъ абонентовъ:

Пруссія и Германія — 19 р.; Бельгія, Нидерланды и Придунайскія княжества — 20 р.; Франція и Данія — 21 р.; Англія, Швеція, Испанія, Португалія, Турція и Греція — 22 р.; Швейцарія — 23 р.; Италія — 24 р.

Для служащихъ дѣлается разсрочка, но не иначе, какъ за поручительствомъ гг. казначеевъ.

Редакторъ-издатель Н. ШУЛЬГИНЪ.

Digitized by Google

Digitized by Google

Digitized by Google